Жуков Юрий Александрович
Люди сороковых годов

Люди в броне

Запомни, читатель, запомни покрепче лица людей, которые только что прошли перед тобой. Это о них пойдет речь в книге, которую ты взял сейчас в руки. О них и о многих других, таких же, как они. О людях в броне. О людях сороковых годов.

Гремящие сороковые годы… Сколько жить будет наше старшее поколение, обожженное их горячим огнем, оно не забудет того, что мы пережили с горького трагического рассвета 22 июня 1941 года до наполненного бурной радостью солнечного утра 9 мая 1945 года.

Об этой поре уже написаны горы книг. Кажется, все сказано и пересказано: и о событиях, потрясших мир, и о людях, которые вынесли на своих плечах невероятную тяжесть пережитого. И все-таки, все-таки! Молодежь, вступающая в жизнь в восьмом десятилетии нашего века, часто с трудом представляет себе: как же было возможно свершить такое? И что это были за люди?

Человеческая натура такова, что с годами былое окутывается романтической дымкой, — еще Лермонтов нарисовал облик старого ворчуна ветерана, который всерьез уверяет, что были-де в пору его юности люди иного покроя — «богатыри — не вы!». Но стоит современному ветерану вспомнить себя таким, каким он был на заре 22 июня 1941 года, чтобы это, быть может, наигранное и во всяком случае преходящее ощущение быстро рассеялось. Опыт, выносливость, умение воевать — все это пришло уже потом, в ходе трудных военных лет. Люди были как люди — обыкновенные советские люди!

И все же было у них нечто такое, что облегчило им этот страшный искус огнем: они были морально и физически подготовлены к нему поистине легендарными тридцатыми годами, о которых я рассказал в своей предыдущей книге «Люди 30-х годов». В сущности говоря, люди, о которых сейчас пойдет речь, — люди сороковых годов, — в массе своей были поколением, прошедшим первую школу жизни в то суровое и великолепное, грозное и романтическое десятилетие, которое предшествовало Отечественной войне.

Эти люди уходили на фронт с лесов новостроек и из цехов заводов, оставляли тракторы и комбайны, проникнувшись холодной решимостью пойти на все, даже на смерть, если уж так суждено на роду, — ради того, чтобы если не они, то дети их достроили, доделали то, что начато их поколением.

И такая неистребимая вера в свою правоту, в величие того дела, которому они себя посвятили, владела ими, что даже в самые горькие и трудные дни подмосковного сражения и битвы под Сталинградом эти люди не допускали и мысли о том, что они не дойдут до рейхстага, чтобы там добить фашизм.

И они дошли. Добили. И вернулись с честью домой.

Тема «Люди сороковых годов» все еще ждет своего развития, хотя литература и журналистика наша уже внесли немалый вклад в ее разработку. Надо еще очень много рассказать о тех, кто провел эти годы на переднем крае, и о тех, кто трудился в неимоверно тяжких условиях в тылу. Надо разыскать и опубликовать еще очень много поразительных документов, которые ждут своего часа в папках бесчисленных архивов или на дне семейных сундуков.

И прежде всего, по-моему, надо добиться, чтобы те, кому выпало на долю воевать, рассказали о том, что они видели своими глазами и что сохранила их память сердца. Помните, у Константина Батюшкова, замечательного поэта XIX века, есть такая строфа: «О, память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной».

«Память сердца» — так и назвал в первом варианте свою рукопись о пережитом, подготовленную им для Военного издательства, Маршал бронетанковых войск дважды

Герой Советского Союза Михаил Ефимович Катуков человек, которого по праву можно назвать родоначальником нашей танковой гвардии. (Это он, будучи еще полковником, создал и водил в бой в трудную осень 1941 года легендарную 4-го танковую бригаду, которая тогда же, в ноябре, стала 1-й гвардейской. Это он водил потом в бой многие гвардейские части и соединения, в том числе и свою замечательную 1-ю гвардейскую танковую армию, во главе которой и вступил в Берлин в апреле 1945 года.)

На долю автора этих строк выпало редкое счастье — в качестве военного корреспондента часто бывать среди танкистов-гвардейцев, которых так и называли на фронте: катуковцы. Вот почему он решается нынче внести небольшой вклад в описание тех необычных событий, героем которых неизменно становилась танковая гвардия на всем своем долгом и трудном пути от Москвы до Берлина.

Все, кому довелось пережить эти события, помнят о них, как очень точно сказал Михаил Ефимович Катуков, глубокой памятью сердца, а не только холодной памятью рассудка. Вот уже тридцать лет минуло со дня победы над гитлеровской Германией, а каждому из нас все еще явственно видятся картины военной поры.

Мы представляем себе их во всех деталях, с поистине стереоскопической резкостью, словно глядим на пережитое сквозь отличный армейский бинокль. Вот почему мне пришла на ум мысль — вслед за повествованием о том, что свершили люди тридцатых годов, обратиться к рассказу о поразительных деяниях людей сороковых годов, свидетелем которых мне довелось быть.

Я листаю ветхие странички своих фронтовых блокнотов и рабочих журналистских дневников, пролежавших в архиве три десятка лет. Эти записи были сделаны наспех, торопливой рукой — то на фронте, в каком-нибудь блиндаже или в полуразрушенной избе, то в холодном, давно не топленном кабинете редакции в долгие ночные часы, пока верстались полосы «Комсомольской правды», где мне довелось тогда работать начальником отдела фронта.

Но у журналистских дневников есть одно неоспоримое преимущество: записи ведутся по горячим следам событий, поэтому эти записи хранят аромат эпохи. Детали, запечатленные подчас на бегу, с ходу, с годами приобретают свою ценность. То, что когда-то было беглой регистрацией текущих дел и событий, сегодня воспринимается уже как дань истории.

То, о чем пойдет речь в этой книге, конечно, ни в коей мере не должно восприниматься, как какой-либо эскиз боевой истории гвардейцев-танкистов, у автора нет для этого должной квалификации, да и впечатления его сугубо субъективны: я писал в своих дневниках лишь о том, что видел своими глазами, и так, как это мне представлялось тогда. Это прежде всего рассказ о людях, какими я их увидел в бою и какими они мне запомнились на всю жизнь. Это повествование о людях сороковых годов и прежде всего — о поразительном советском Человеке в Броне.

Рассказать об этих людях, о том, что они пережили и что совершили, необходимо не только потому, что это диктует нам чувство долга перед ними и особенно перед теми, кого уже нет среди нас. Этого требует не только та память сердца, о которой писал Батюшков, — хотя память сердца нам и милей, мы обязаны отдать дань и голосу рассудка, напоминающему нам о том, что империализм остается империализмом, и, пока он существует на земле, мы не вправе ослаблять свою бдительность.

Мы законно гордимся великими успехами, достигнутыми в борьбе за осуществление исторической Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС. Ленинская идея мирного сосуществования между государствами, принадлежащими к различным социальным системам, в наше время получила широчайшее признание и положена в основу многих межгосударственных договоров и соглашений, в том числе договоров и соглашений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Это — прямой результат изменившегося нынче соотношения сил на мировой арене — изменения в пользу социалистического содружества.

Но при всем том мы должны и теперь, как и всегда, порох держать сухим. «Политика разрядки одержала немалые успехи, но мир еще далеко не спокоен, предупреждал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на Кубе 30 января 1974 года. — Продолжается накопление и совершенствование оружия, и прежде всего ядерного. Опасность такого положения очевидна. Между тем будущее человечества может быть надежно обеспечено только в том случае, если угроза ядерной войны будет полностью устранена».

Сейчас, когда я пишу эти строки, где-то на боевом посту несут свою воинскую службу танкисты соединения, которое является преемником и продолжателем боевых традиций легендарной 1-й гвардейской танковой армии. Конечно, ныне они располагают неизмеримо более совершенной военной техникой, нежели та, какой владели их отцы, прошедшие путь от Москвы до Берлина, — тридцать лет прошло с тех пор, и за это время неоднократно обновлялась и совершенствовалась материальная часть.

Но тем важнее сберегать и множить воинские гвардейские традиции, сохранять и укреплять тот ни о чем не сравнимый боевой дух, который воодушевлял людей сороковых годов, описанных в этой книге, на самые поразительные воинские свершения. И автор был бы по-настоящему счастлив, если бы все то, что сберегла память его сердца, хоть в малой мере помогло воинскому воспитанию сынов и внуков солдат танковой гвардии, получившей свое боевое знамя в лесу под Москвой и донесшей его до здания рейхстага в Берлине.

У ворот Москвы. 1941

Встреча в «пещере Лейхтвейса»

Комиссар нагнулся и осторожно тронул Катукова за плечо:

— Генерал, командирское пополнение прибыло…

Катуков привстал с матраца, брошенного на каменный пол, потер глаза, выпрямился и машинально расправил складки шинели. В тесном задымленном подвале зооветеринарного техникума в селе Ивановском, близ Волоколамска, который генерал в шутку прозвал «пещерой Лейхтвейса», было по-прежнему шумно. Входили и выходили офицеры связи. Солидный врач длинно и обстоятельно корил кого-то, виноватого в том, что в походную баню привезли мало воды. Слышался чей-то надсадный простудный кашель. Механик радиопередвижки, стараясь перекричать всех, рассказывал, как внимательно слушали немецкие солдаты организованную сегодня для них передачу, — «аж из блиндажей повыскакивали!». В уголке подполковник Кульвинский, начальник штаба бригады, отгородившись плащ-палаткой, докладывал кому-то по телефону:

— Все в порядке. Не хватает только шпор… Хозяин беспокоится насчет вилок… Консервы? Консервы готовы!..

По соседству сосредоточенно работал, готовясь к беседе с танкистами перед боем, комиссар бригады М. Ф. Бойко.

За перегородкой проводили какое-то совещание неутомимые политработники бригады — Боярский, Деревянкин, Коблов. Стучал на машинке младший политрук Ростков — готовился очередной номер боевого листка.

Генерал улыбнулся — все обстояло вполне нормально. Проснись он в мягкой постели в тихой и пустой комнате, наверняка почувствовал бы, что ему чего-то не хватает…

Заканчивались последние приготовления к новой операции: завтра утром предстояло штурмовать Лудину Гору — крепкий орешек в системе немецкой зимней обороны, созданный за Волоколамском после того, как вермахт был отогнан от Москвы. Этот укрепленный пункт господствовал над местностью в радиусе десяти-двенадцати километров. Сначала его попытались взять со стороны железнодорожной станции — не вышло, хотя ущерб нанесли гитлеровцам немалый.

Наши войска были сильно измотаны в долгих и почти непрерывных боях сначала в

обороне, а потом в наступлении от Крюкова, что лежало у самого порога Москвы, и до этой проклятой Лудиной Горы; отсюда до столицы как-никак уже сто тридцать километров. Но надо было атаковать снова и снова, чтобы до наступления оттепели отогнать гитлеровцев как можно дальше.

— Генерал, командирское пополнение прибыло, — повторил комиссар. Пора начинать…

Командиры ждали в соседнем отсеке подвала, усевшись на изломанных школьных скамьях.

— Ну, здравствуйте, товарищи, — негромко сказал генерал.

— Здрасте, — грянул ответ, и командиры вытянулись в струнку перед человеком, о котором так много слыхали: они вглядывались в спокойное, немного усталое худощавое лицо генерала, в котором сочеталась какая-то домашняя, обыденная мягкость с решимостью военного человека.

— Ну, кто здесь есть из наших ветеранов? Товарищ Зайцев? Отлично. Помню вас. А остальные? Все воевали? Отлично! Начнем знакомиться. Кстати, вот что — полушубочки придется снять. Конечно, это вещь неплохая, но мы командиров бережем. Милая это мишень для немецкого снайпера! Поедете в тыл — надевайте полушубок. Идете в бой — будьте добры: шинель и фуфаечку.

Катуков на минуту умолк, прислушался к грохоту ближних разрывов (операция, за которой он внимательно следил со вчерашнего вечера, развивалась успешно) и продолжал:

— Так вот, товарищи, вы прибыли в Первую гвардейскую танковую бригаду. Служить в этой бригаде — большая честь для каждого из нас. Думаю, что сработаемся. Сказать вам надо многое, и за один раз обо всем не упомянешь. Запомните главное — воевать надо умеючи. А поучиться есть у кого. В бригаде у нас есть самые настоящие профессора танкового боя, которые воюют с первого часа войны: Бурда уничтожил больше тридцати немецких танков, Самохин — тоже больше тридцати, такие же мастера — Рафтопулло, Заскалько, Луппов, Воробьев, Загудаев, Любушкин, им же несть числа. Иные уже по два-три ордена заработали, а кое-кто и в Герои Советского Союза вышел. Вот у них и учитесь.

Катуков на мгновение задумался, глаза его стали теплыми, блестящими: он любил вспоминать о своих «профессорах танкового боя» и охотно рассказывал об их удивительных и подчас невероятных действиях, всякий раз заново поражаясь вместе со своими слушателями, сколь велика и поистине поразительна сила человеческого духа.

— Вы знаете, — сказал он, — когда человек в совершенстве владеет техникой и уверен в себе, он может совершать удивительные, поистине невероятные вещи. Был среди нас изумительный танкист Дмитрий Лавриненко мы похоронили его недавно на подступах к Волоколамску, погиб он от шальной мины. Вы знаете, сколько вражеских танков, не считая прочей техники, он успел уничтожить? Пятьдесят два!

Катуков помолчал, подумал и продолжал:

— Как видите, не так страшен черт, как его малюют. Гитлеровцев можно бить, если делаешь это умеючи. Все решает боевой опыт. Почему так хорошо бил гитлеровцев, к примеру, Анатолий Рафтопулло? Да он у нас дольше всех воюет — еще за успехи в боях у озера Хасан орден получил, помните, когда японцы крупную провокацию у сопки Заозерной учинили. Второй орден у него за финскую кампанию. Теперь уничтожает германских фашистов. Геройски бьет их и очень к тому же умело. Сейчас он в госпитале. Командовал батальоном, но вполне мог бы справиться и с командованием полком. Я уверен, что многие из наших «профессоров» станут в будущем командирами частей и даже соединений. Очень хорошо воюют![1]

---

[1] Анатолий Анатольевич Рафтопулло искусно воевал до последнего дня войны. Теперь он — гвардии полковник в отставке, живет в Киеве, ведет большую общественную работу. Прочитав первое издание этой книги, он прислал мне большое письмо, в котором рассказал о судьбах многих своих соратников по 1-й гвардейской танковой бригаде и фотографии, часть которых публикуется в этой книге. В своем письме тов. Рафтопулло, между прочим, писал: «Вы меня расхвалили, мне было даже неудобно читать. Каким же я мог

Бывало у нас и так, что в атаку ходили, имея перед собой противника в пять-шесть раз сильнее, и все-таки бивали его. Решала хитрость! Вот иная бригада вступит в бой, и через два-три дня у нее танков уже нет. А наши профессора танкового боя воюют без смены уже четыре месяца, а потерь в технике не так уж много: сгорят две-три машины, а остальные чиним, и снова в бой. Война — дело долгое, и нам с вами очень важно как можно дольше уберечь и людей и машины. А завтра утром мы с вами начнем штурмовать Лудину Гору.

Генерал потянулся через стол и взял запыленные аптекарские весы, каким-то чудом уцелевшие в этой сутолоке, — последнее воспоминание о некогда существовавшем физическом кабинете техникума. Он задумчиво поколебал их роговые чашечки, сильным ударом погнал одну из них книзу и продолжал:

— Силенок у нас для большого наступления, конечно, пока, по правде сказать, маловато. Хотелось бы иметь побольше и танков и артиллерии, да и солдат. Со временем, конечно, все это мы получим. Ну, а пока, что ж, надо воевать и надо брать Лудину Гору — до Берлина черед дойдет потом. И при этом надо иметь в виду вот что: на войне соотношение сил не приходится взвешивать вот на этаких аптекарских весах. Наш комиссар, полковой комиссар товарищ Бойко, часто говорит так: «Не тот силен, кто сильнее, а тот силен, кто умнее». Я с ним целиком согласен.

В соседнем отсеке стало немного тише, и оттуда подходили люди. Танкисты в кожаных шлемах, штабные командиры, на минуту оторвавшиеся от карт, корреспонденты, заехавшие сюда, чтобы проследить за развертыванием интересной операции, и даже маленькая Анюта, готовившая ужин командирам штаба, — все внимательно слушали генерала.

В сутолоке фронтовых будней редко выпадает случай обратиться ко вчерашнему дню, продумать, критически осмыслить пережитое. Может быть, именно поэтому Катуков говорил с таким подъемом, и беседа с командирским пополнением как-то сама по себе превратилась в интересную лекцию о тактике современного боя. Речь шла о практических выводах из первых боев с немцами.

— Поймите основное, — продолжал генерал, — ни один род оружия, кроме танков да еще, пожалуй, авиации, не требует такой обостренной инициативы и самостоятельности. С того момента, как вы получили боевой приказ, и до момента завершения боя каждый из вас действует на свой риск и страх. Там, на поле боя, ни я, ни мой начальник штаба ничем помочь вам не сможет. А обстановка меняется с каждым часом. И если вы сами не будете новаторами, если вы ограничитесь слепым выполнением приказа — заранее могу сказать: ничего хорошего не будет. А вы действуйте вот так, как, к примеру, действует у нас капитан Бурда, — не горячись, на рожон не лезь, трезво оцени обстановку, сам прими решение. А принял решение — не отступай от него, бейся до последнего, но свой замысел выполни. Количественного перевеса противника не опасайся. Умеючи можно и одному против десятка драться. Посмотрел, выскочил из-за бугорка, трахнул — обратно за бугорок. Выскочил левее, опять трахнул, снова за бугорок. Выскочил правее, опять трахнул. Так и дерись. И обязательно следи за товарищем. Ты его прикроешь он тебя. Если надо, спрячься, устрой

быть «профессором», если я в свое время окончил лишь три класса церковноприходской школы? Я пришел в армию малограмотным, и это она меня сделала человеком — воспитала и дала образование. Начал я службу в кавалерии: отбыв положенный срок, не демобилизовался, а продолжал служить. На третьем году сверхсрочной мне дали возможность поступить в Ульяновское танковое училище. Стал офицером, был послан на Дальний Восток. Так началась моя танкистская карьера. Академии я не кончал — так уж сложилась судьба, что академией моей была армейская служба и война.

Своей судьбой я доволен и с большим желанием повторил бы ее. Есть о чем вспомнить. Мне посчастливилось служить в армии, а потом воевать с такими выдающимися людьми, как Бурда, Самохин, Заскалько и другие, о которых Вы теперь пишете. Это действительно герои. Особенно запомнился мне начальный период войны, когда мы, сражаясь с превосходящими силами противника, были вынуждены отходить, но не теряли веры в нашу победу и наносили гитлеровцам огромные потери.

Победы еще не было видно на горизонте, но мы знали, что она будет завоевана. Вот почему каждый экипаж, много раз попадая в окружение, прорываясь, переходя с рубежа на рубеж, сражался геройски. Об этом надо писать и писать…»

засаду. Подпусти противника вплотную и разгроми. Да так, чтобы он опомниться не успел. Танковый бой требует молниеносных решений, запомните это! Примостившись в уголке «пещеры Лейхтвейса», я мысленно перебирал свои летучие встречи военного корреспондента с этим интересным человеком и командиром. Было немного досадно, что до сих пор ни обстановка, ни время не позволяли как-нибудь зацепиться за одну деталь, за одну операцию и раскрыть ее во всей полноте так, чтобы показать генерала и его танкистов во весь их богатырский рост.

Как они начинали

В своем фронтовом блокноте я читаю:

Катуков о начале войны

(Необычайные и сложные обстоятельства, описанные им самим на привале, перед боем за Лудину Гору, что за Волоколамском — 9 января 1942 года.)

> Незадолго до начала войны я был назначен командиром танковой дивизии, входившей в 9-й механизированный корпус генерал-майора Рокоссовского, — до этого командовал бригадой легких танков. Базировались: Шепетовка, Славута, Изяславль. Штаб — Шепетовка.
>
> Когда познакомился со штатным расписанием — был потрясен до глубины души: ведь, если все это перенести с бумаги на поле, получится величайшая силища — 10 500 человек, вооруженных до зубов самой современной техникой.
>
> Дивизия должна была иметь 375 танков — два танковых полка, мотострелковый, и артиллерийский полки и обеспечивающие подразделения. Но… технику эту нам обещали дать в июле. А пока что люди учились, используя легкие машины — БТ-2, БТ-5, БТ-7.[2]
>
> И все же с первых же дней войны наши танковые войска проявили себя как грозная боевая сила, нанося контрудары по превосходящим силам противника. Наши танкисты сражались с величайшим героизмом и самоотверженностью.
>
> На беду, весной я серьезно заболел. Меня оперировали в Киевском военном госпитале — на Печерске. И вот представьте себе такое: рано утром просыпаюсь от грохота зениток. Решил: учение ПВО. Вдруг входят нянечки с нарезанными полосками бумаги, начинают заклеивать окна крест-накрест. «Зачем?» — «Так велели…» Тут прибегает врач, мой друг, и шепчет: «Михаил Ефимович! Киев

---

[2] Как указывается в военно-историческом очерке «Советские танковые войска, 1941–1945», подготовленном авторским коллективом под руководством доктора исторических наук, профессора, генерал-майора танковых войск И. Е. Крупченко (Воениздат, 1973), «основные мероприятия по перевооружению (танковых войск) предполагалось осуществить в 1941 году. Однако выполнить эту задачу в необходимой мере не удалось. Производство новых машин потребовало существенной перестройки и реконструкции танковых заводов. К сожалению, эта перестройка осуществлялась медленно. К началу Великой Отечественной войны заводы успели выпустить только 1861 новый танк (636 КВ и 1225 Т-34). Этого было слишком мало, чтобы перевооружить танковые войска. Подавляющую часть бронетанковой техники Красной Армии составляли танки старых образцов, оказавшиеся к тому времени сильно изношенными. На 15 июня 1941 года из танков старых типов в капитальном ремонте нуждалось 29 процентов, в среднем ремонте — 44 процента» (стр. 10).

В этой же работе подчеркивается, что только что созданные механизированные корпуса (первые 9 корпусов были сформированы летом 1940 года, а в феврале — марте 1941 года было начато формирование еще 20) не успели пройти должной боевой подготовки. «Трудные условия периода реорганизации перевооружения наложили свой отпечаток на ход боевой подготовки танковых войск. Молодое пополнение прибывало неодновременно, в течение трех-четырех месяцев, что затрудняло организацию учебных подразделений. Сказывалась и недостаточная укомплектованность частей командным составом…» (стр. 17).

И все же с первых же дней войны наши танковые войска проявили себя как грозная боевая сила, нанося контрудары по превосходящим силам противника. Наши танкисты сражались с величайшим героизмом и самоотверженностью.

бомбили». — «Кто?» — «Немцы»… У меня температура 38 градусов, слабость. Все равно к чертям лечение, немедленно в дивизию!

Оделся, поехал в штаб округа. Узнал, что корпус в соответствии с мобилизационным предписанием уже выступил вперед на Ровно, Луцк, Ковель. Помчался догонять своих…

Основные силы моей дивизии уже дрались с немцами. Помните лаконичные сообщения Совинформбюро:

«На Луцком направлении в течение дня развернулось танковое сражение, в котором участвует до 4000 танков с обеих сторон. Танковое сражение продолжается».[3]

Ну вот в этом сражении участвовала и моя 20-я дивизия с тридцатью учебными танчишками. Но дрались наши люди отчаянно: каждый наш танк, хоть и учебный, разбил от трех до девяти немецких. А потом… Потом сражались как пехотинцы: стреляли из винтовок, у кого они были, дрались лопатами, гаечными ключами, ломами. И еще была у нас артиллерия, чудесная наша артиллерия. Какой ужас она наводила на фашистов!..

Я разыскал дивизию в районе Клевань, на так называемой старой границе. Здесь продолжались тяжелые бои. Обстановка сильно осложнялась: пока наш корпус двигался к Ковелю, гитлеровские войска наступали по параллельным дорогам на восток — они шли на Новоград-Волынский, Житомир, Киев. Дальнейшее продвижение вперед было опасно и, по сути дела, бессмысленно. Поэтому Рокоссовский отдал приказ: повернуть обратно, чтобы не оказаться отрезанными. К этому моменту Новоград-Волынский уже был с ходу захвачен гитлеровцами, и нам пришлось его отвоевывать. Фашистов выбили из города, но общая обстановка становилась все более грозной.

Дивизия отходила с боями через Южное Полесье. Тяжкое сражение выпало на нашу долю восточнее Новоград-Волынского. Мы сражались там десять суток перемололи 40-ю немецкую пехотную дивизию, она потеряла до семидесяти процентов своего состава. На выручку к 40-й подошла 42-я немецкая дивизия. Мы молотили и ее — она теряла по триста — четыреста человек в день. Но были немалые потери и у нас. Обстановка все больше осложнялась. Приходилось волей-неволей отходить.

В трудное положение мы попали в районе села Яблонное. К этому времени Рокоссовский уже уехал принимать командование армией, за него остался Маслов. Силенок у нас теперь было совсем маловато. Немцы нас обошли. В довершение всех бед гитлеровцы крупными силами вышли прямо на мой КП. Что делать? У меня под рукой — лишь остатки батальона связи да комендантский взвод. Я всех положил в оборону впереди КП — и солдат, и офицеров, с винтовками и пистолетами. Сам, тряхнув стариной, стал за командира роты. И вот так буквально ни с чем несколько часов отбивали атаки немцев, пока отходили наши полки. Мы удерживали проход шириной в 150–200 метров. Ночью отошли последними. Был большой риск, но зато удалось выручить нашу технику…

Отступили на несколько километров, заняли оборону в лесу — назавтра снова бой. Немцы прорвались справа, вышли на позиции артиллеристов. Мой командный пункт снова под обстрелом — по нему немцы били из двенадцати орудий. Удалось и на этот раз провести отход организованно, а главное спасти артиллерию, нашу главную силу. Командовал артполком расторопный майор

---

[3] «Против войск Юго-Западного фронта утром 22 июня перешли в наступление полностью отмобилизованные 34 дивизии группы армий «Юг», в том числе 5 танковых и 4 моторизованных. Главный удар противник наносил силами 1-й танковой группы и 6-й полевой армии на Луцк, Житомир, Киев… С целью ликвидации этой угрозы и разгрома ударной группировки противника в соответствии с решением командующего фронтом генерала М. П. Кирпоноса в период 26–29 июня был нанесен контрудар силами 8, 9, 15 и 19-й механизированных корпусов по флангам прорвавшейся группировки немецко-фашистских войск… Первым по наступающему противнику нанес удар 9-й механизированный корпус, которым командовал генерал К. К. Рокоссовский, из района севернее Ровно» («Советские танковые войска, 1941–1945», стр. 29–30).

Юров. У него оставалось всего тридцать орудий, но они били, быстро перекочевывая с одной позиции на другую, и гитлеровцам казалось, будто у нас сотни пушек.

И самое интересное — мы ведь не только оборонялись, но и наступали. Да-да, представьте себе, наступали! Помнится, во Владовке, где мы потеряли моего заместителя полковника Черняева, буквально стерли с лица земли батальон немецких юнкеров с их батареей, захватили два орудия, трактор, мотоциклы, велосипеды, лошадей, много автоматов. Расколотили там и много немецких танков.

Был у нас лихой командир броневика Куташев, его прозвали Драгуном. Так он, знаете, что сотворил? Разбил из своего броневичка немецкий танк и несколько орудий. Но еще более удивительный подвиг совершил он у Савлуков это был последний бой нашей дивизии…

К тому времени в строю у нас осталось лишь 4500 человек из 10 500, к тому же два батальона танкистов мы по приказу свыше отправили в тыл, чтобы не ставить в пешем бою под удар ценных специалистов, — в глубоком тылу уже началось формирование новых танковых частей.

Так вот у Савлуков снова на нашу долю выпало тяжкое испытание: прямо на мой КП вышли пять тяжелых немецких танков и бьют в упор. Тут я впервые за всю свою жизнь почувствовал, что такое быть на волоске от смерти. Спасло нас только самообладание и высокое воинское умение наших бойцов. Это может показаться невероятным, но я свидетельствую как участник и очевидец: мои артиллеристы выкатили на прямую наводку две свои пушки и двумя снарядами разбили два немецких танка, а наш Драгун — Куташев с дистанции в 300 метров уничтожил выстрелами из своего броневика еще два танка. Пятый, уцелевший, зажег его броневик, но Куташев все же каким-то чудом спасся.

Немецкая атака была отбита. Но когда все уже кончилось, признаюсь вам, тут уже мои нервы не выдержали. Подходит ко мне адъютант и говорит: «Товарищ полковник, вот сводка Информбюро, опять неважная: наши оставила Николаев». И я чувствую, что не могу больше дышать. Ушел в кусты и там один полчаса проплакал, как баба. Трудно было понять, что происходит, трудно было смириться со всем этим — разве такой войны мы ждали, разве к такой готовились? Я ни в чем не мог упрекнуть ни своих людей, ни самого себя — мы честно выполняли свой долг. И все-таки мы отступали дальше и дальше на восток. До каких же пор? Мы могли, конечно, остановиться на любом рубеже и не сходить с него, пока нас не убьют. Но это было бы самоубийство, не больше. А нам надо было продолжать войну, как бы горестно она ни складывалась на первом этапе…

И мы продолжали сражаться. Теперь во взаимодействии с 145-й дивизией генерал-майора Г. И. Шерстюка удерживали более или менее стабильный фронт севернее Малина — между Овручем и Коростенем. Там и держались, пока не пришел приказ об отходе за Днепр. Ну, а 19 августа меня вызвали в Москву и направили в глубокий тыл, на Волгу, на небольшую железнодорожную станцию. Там я должен был формировать новую танковую бригаду. Ей был присвоен четвертый номер. Танковые корпуса в то время расформировались из-за недостатка техники.

Костяк новой бригады составили прошедшие не менее тяжкий боевой путь, чем мы, танкисты 15-й танковой дивизии, она стояла у самой границы — в городе Станиславе, и на ее долю пришлись такие же испытания, как и на нашу…

Катуков на минуту задумался. В печи с шипением потрескивали сырые дрова. Тянуло сладковатым запахом горелой осины. Я хорошо понимал глубокое волнение, охватившее этого человека. Кто из людей старшего поколения сможет забыть эти трудные летние дни 1941 года? Невольно вспомнились горькие строки оперативных сводок об арьергардных боях наших отходящих частей, вспомнились дымы первых пожарищ, вспомнился неумолчный вой чужих самолетов над головами, вспомнился суровый жизненный отпор воинов в боях — вот таких людей, как Катуков, которые быстро вырастали в полководцев, беря инициативу в

свои руки.

Рассказывает командир танковой роты Павел Заскалько[4]

Вам, конечно, известно, что основной костяк нашей бригады составляют танкисты, начинавшие войну в 15-й танковой дивизии в Станиславе, входившей в состав 8-го механизированного корпуса. Командовал им опытный генерал Д. И. Рябышев, а комиссаром был Н. К. Попель.[5]

Я сам из 15-й дивизии и могу вам с полной ответственностью сказать, что служба в ней была отличной школой для всех нас. Что же касается, например, меня лично, то я, если хотите знать, танкист-профессионал. Мы с Александром Бурдой еще в середине тридцатых годов пошли в танковые войска не по приказу, а по своей доброй воле. Вместе учились в Харькове, вместе служили в Станиславе, дома друзья — водой не разольешь, а по службе лютые соперники: оба командовали танковыми взводами, и оба боролись за первенство.

Люблю я танковые войска, по-моему, это самый серьезный и важный род войск. Может, кто-нибудь считает иначе, а я — так. И даже жена так считает. Свою дочку мы назвали Таней, поскольку я сам танкист, а дома ее шутя называли Танкеткой. В общем, броневое семейство. Ну, а если говорить не шутя, то я уверен, что Красная Армия рано или поздно въедет в Берлин именно на танках.

Большинство танкистов в нашей бригаде — вы это, наверное, уже знаете из бывшей 15-й дивизии. Это была хорошая дивизия — смотрите, каких героев она дала. Высок у нас был дух соревнования. И это сказывается буквально во всем, вплоть до мелочей.

---

[4] Павел Заскалько, которому довелось пережить немало драматических событий о чем будет рассказано в этой книге, успешно завершил войну в Берлине Сейчас он, как и многие другие герои этой книги, в отставке, живет в Воронеже.

[5] В первые дни войны 8-й механизированный корпус успешно участвовал в боях в районе Бродов. После почти 500-километрового марша, имея около 50 процентов боевой техники, он к утру 26 июня 1941 года вышел двумя танковыми дивизиями в исходный район севернее Бродов, его 7-я моторизованная дивизия к этому времени находилась еще на марше. Корпусу предстояло разгромить прорвавшегося противника и выйти в район Берестечко.

Действовать надо было быстро, и генерал Д. И. Рябышев, выполняя приказ командования фронта, в то же утро бросил свои танковые дивизии в наступление. К исходу дня они с ожесточенными боями продвинулись на 10–20 километров, нанеся огромный урон противнику. Однако развить наступление не удалось. Подвергшись ударам фашистской авиации и не имея связи с другими корпусами, соединения 8-го механизированного корпуса были вынуждены закрепиться на достигнутом рубеже.

На следующий день, 27 июня, был получен новый приказ: в связи с осложнением обстановки на Дубненском направлении нанести удар из района Бродов в направлении Дубно. И этот приказ был выполнен успешно. Танкисты Рябышева нанесли серьезный урон гитлеровской 16-й танковой дивизии. Продвинувшись на 30–35 километров, они вышли к Дубно и оказались в тылу у 3-го моторизованного корпуса противника, который был вынужден приостановить свое наступление и перегруппироваться.

«Действия 8-го механизированного корпуса вызвали большое беспокойство фашистского командования. 29 июня 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер писал в своем служебном дневнике: «На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало беспорядок ч нашем тылу в районе Бродов и Дубно» («Советские танковые войска, 1941–1945», стр. 32).

Успешно действовали в этом районе и другие соединения танкистов. «Несмотря на то что механизированные корпуса не выполнили задачу по окружению и уничтожению 1-й танковой группы противника, результаты контрудара имели большое значение. Удары механизированных корпусов по флангам наступавшей группировки сковали на этом направлении значительное количество немецко-фашистских войск. Соединения 1-й танковой группы противника понесли значительные потери, и их наступление было остановлено на восемь дней. Вражеские войска не смогли достичь поставленных целей окружить наши соединения в львовском выступе» (там же, стр. 33).

Но на стороне противника был огромный перевес в силах, и корпус Рябышева, как и другие соединения советских войск, был вынужден начать отход с боями на восток.

Я вам расскажу такую забавную историю — вы не слыхали, что я ухитрился в лазарет попасть за шесть часов до войны? Так вот это было так.

21 июня у нас заканчивались спортивные соревнования двух танковых полков. Вдруг прибегают ко мне ребята из нашего полка: «Выручай! Ты же любитель велосипедной езды. Если мы по велосипеду наших противников обставим — первенство наше». — «Да я же давно не ездил». — «Ничего, сила у тебя бычья». Ну, что ж, надо было выручать нашу команду. Сел на велосипед, нажал… И, представьте себе, обставил всех. А вот на финише приключилась авария; осталось подо мной седло да руль в руках, колеса разлетелись. Я так и пропахал землю физиономией. Команде первенство, а мне — лазарет. И смех и грех… А на рассвете следующего дня — война.

Как она начиналась, вы знаете. Сложная была обстановка, и неразберихи много было, наш танковый корпус все время перебрасывали с одного направления на другое, но дралась дивизия отлично. Мы, конечно, отходили, но за каждый километр фашисты платили нам дорогой ценой. Конечно, крепкие нервы и прочное сердце надо было иметь, очень много горького довелось пережить. Но уж те, кто выжил, — это неоценимый человеческий капитал: каждый такой танкист сотни гитлеровских стоит. Бурда, Рафтопулло, Лавриненко, Загудаев, Любушкин, Луппов, Молчанов, Капотов, Томилин, Тимофеев, Фролов, Полянский, Исаченко, Луговой, Афонин, Евтушенко, Ивченко, Корсун, Петров, Гаврилюк, Стороженко — это же действительно гвардия. А я вам мог бы еще сотню фамилий назвать.

Описывать сейчас весь наш боевой путь от Станислава — невозможное дело. Получилась бы большая книга, да когда-нибудь такую книгу и напишут. Я вам только кое-что из своей личной практики сообщу.

Вот вспоминается мне, например, такой случай. В начале июля, когда наша 15-я танковая дивизия находилась северо-западнее Проскурова, двигаясь к Мозырю, мне и лейтенанту Луговому был дан приказ: немедленно выехать с пятнадцатью автомашинами в район Валявы — есть такое местечко на Западной Украине — и вывезти оттуда боеприпасы. Туда уже подходили гитлеровцы…

Мчимся вперед, а навстречу нам отходящие наши колонны — пехота, артиллерия… Доехали до города Борщув. За два часа до этого там шел бой с гитлеровским десантом. Нас обстреляли с колокольни. Я выпросил броневичок у находившегося там начальника штаба одной бригады и сбил фашистов с колокольни. Помчались дальше.

Вот уже Залещики. Там мост, он уже подготовлен к взрыву. Майор, которому поручено это дело, предупреждает: «Взорвем завтра. Не вернетесь к двенадцати, пеняйте на себя, придется вам вплавь перебираться через реку». Спешим вперед. В Коцмане нас встречают пулеметным огнем, — одна очередь у меня под ногами прошла. Оказывается, и здесь фашистский десант сброшен, и наша горнострелковая бригада ведет бой на два фронта — ее атакуют и в лоб, и с тыла. Поехали через Кучермик. Ночь, идет дождь, скользко. Машины застревают в грязи, мы их с трудом вытаскиваем. Надо спешить, иначе не поспеем вернуться к переправе.

Въехали в Валяву и узнали, что часть боеприпасов наши увезли, а остальные взорвали. Подобрали мы группу бойцов, остававшихся в Валяве, посадили их на машины и — обратно к Залещикам. Подлетаем к мосту в 12 часов 15 минут. На мосту бледный майор с часами в руке и вооруженные бойцы. Все-таки рискнул, подождал нас. А в это время фашисты уже подходят к реке.

Решили дать бой на переправе, а когда гитлеровцы ворвутся на мост; взорвать его вместе с ними. У них нашлось противотанковое орудие. Поставили его и били прямой наводкой по пехоте. Впереди гитлеровцы гнали венгерскую пехоту. Она шла в бой неохотно. Но только начнет откатывать назад, — сзади ее немецкие эсэсовцы косят из пулеметов.

На мосту — гора трупов. А гитлеровцы все повторяют атаки. Когда держаться дальше было уже невозможно, впустили на мост их колонну и взорвали. Это было уже ночью. Мы двинулись к своей дивизии. У городка Мала Скела опять встречают нас обстрелом. Мы в сторону, обошли городок, добрались до того места,

где стояла наша дивизия, а ее там уже нет. Говорят, она отошла к Белой Церкви. У меня собралось на грузовиках уже 42 человека. Мы погрузили боеприпасы и оружие, какое еще оставалось, и поехали искать дивизию.

В Белой Церкви находим наш моторизованный полк. Оказывается, основные силы дивизии ведут бой под Бердичевом, но туда уже не прорвешься. Будем воевать здесь. Сделали из моей группы отряд истребителей танков — у каждого граната, две бутылки с горючим и наган. Трех лейтенантов назначили командирами отделений. К счастью, у меня были на грузовиках припасены пулеметы. Взяли их с собой — это уже большая сила.

Мы продвигаемся вперед, действуем осторожно. Вдруг из ржи, с дистанции пятнадцать-двадцать метров, — огонь из автоматов. Мы залегли. Я кричу Луговому: «Готовь гранаты! Надо выбиваться». Вскочили все на колени и разом — гранаты в рожь. Гитлеровцы отскочили, и мы стали отползать по канаве.

Фашисты бросили нам наперерез танк. Он совсем рядом. Луговой говорит: «Я танкист, меня не перехитришь». И — прыг в мертвую зону обстрела танка, там и маневрирует. Так двести метров и шел рядом с немецким танком, увертывался от него. Теперь страшно даже вспомнить об этом, а он тогда действовал удивительно хладнокровно, хотя жизнь его висела на волоске.

У немцев сокрушительное преимущество, они атакуют со всех сторон, а наши части, прикрывающие Белую Церковь, уже сильно потрепаны. Все перемешалось — наши мотострелки, пограничники, остатки одной стрелковой дивизии. А людей становится все меньше. Рядом со мной упал наш шофер Галкин — пуля попала в висок. Я закрыл ему глаза, взял его оружие. Упал еще один — его тяжело ранило в ноги. Я попытался тащить раненого, он взмолился — страшная боль — и попросил: «Дай умереть спокойно».

Тут какой-то полковой комиссар создает засаду у шоссе, я присоединился к нему. У нас восемь человек, ручной пулемет, по две гранаты на каждого, винтовки. Комиссар говорит: «Если действовать из засады, можно много их перебить». И верно: шла группа гитлеровцев кучно, мы сразу двадцать человек скосили. Стало опять тихо. А сзади нас по обходному шоссе идут два немецких средних танка. Их бы гранатами забросать, но у нас уже ни одной не осталось.

Гитлеровцы обнаглели. Открыли люки, встали во весь рост и строчат из автоматов.

Такое зло нас взяло — не передать. Пришлось опять отходить, присоединились к пограничникам. Там я снова встретился с Луговым. Город Белая Церковь уже пуст, наши силы исчерпаны, но пограничники еще удерживают лес. Повоевали мы вместе с ними, потом их командир нам говорит: «Вот что, ребята, вы танкисты, у вас важная специальность, погибать вам в пешем строю не следует, вам еще дадут танки. Уходите. А мы останемся тут до конца».

Мы не хотели уходить, но он нас пугнул так, что пришлось все-таки уйти Шли мы через город вдвоем с Луговым. Зашли по пути в клинику — воды напиться. Глядим, какое ценнейшее медицинское оборудование остается фашистам. И тут я просто осатанел — сказалось все напряжение этих бессонных дней и ночей. Выломал ножку у табуретки и стал бить стеклянные шкафы с хирургическим инструментом.

Луговой меня торопит, а я не ухожу. Слышим топот: фашисты входят в город! Луговой выскочил на улицу, а я в сад. Смотрю, рядом стоит гитлеровец, пьет из фляжки, а винтовка прислонена к стене. Я его кулаком в скулу. Он на меня, но я сильнее. Схватил его за плечи и бил затылком об стену, пока не увидел, что руки мои по плечи в его крови.

Сел и горько расплакался — такая была реакция. Тут меня нашел Луговой, и мы дворами выбрались из города. Нашли остатки нашего моторизованного полка — половина его отходила на Киев, половина на Погребище. С мотострелками мы и прорвались к своим. А потом нас всех, танкистов, собрали и отправили на формирование.

Рассказывает танкист Николай Биндас[6]

В мае я окончил Орловское бронетанковое училище имени Фрунзе. Всем присвоили звание лейтенантов. Одели и обули — все с иголочки, и в петлицах по два квадратика. Денег выдали — и подъемные и прочее. Мы могли себе позволить теперь гораздо больше, чем будучи курсантами. А самое главное для нас был отменен обязательный распорядок дня: не надо было утром и вечером становиться на поверку, по четвергам перестали кормить сухарями, селедкой да кашей из пшена.

Почти целый месяц мы ждали приказа наркома обороны о назначениях по частям и чувствовали себя вольготно. Кто отсыпался, кто в городе пропадая целыми днями и ночами — ведь многие обзавелись «зазнобами» и даже женились. Я же с товарищем-земляком целыми днями вертелся на турнике — это было наше любимейшее занятие.

Командир батальона — майор Наговицын был очень строг. Даже за самую малую провинность говорил курсанту: «Р-р-разгильдяй» и раз десять заставлял отшагать перед ним строевым шагом. Говоря между нами, и мне частенько доставалось от него за всякое озорство. Но когда он видел нас на спортивной площадке, то подходил, заставлял исполнять на турнике или брусьях упражнения, а сам снимал фуражку, вытирал платком лысину и улыбался.

Наконец был получен приказ. Мне предстояло отправляться в Киевский особый военный округ, в 10-й тяжелый танковый полк 34-й танковой дивизии, располагавшейся в Грудеке-Ягеллонском. Срок явки был умышленно отдален нам сказали, что мы можем до прибытия в полк «неофициально» съездить к родным, что и было сделано. Через день я уже шагал по улице в нашей Борисовке Белгородской области (думал ли тогда Биндас, что вскоре его родная Борисовка станет театром военных действий?). Первый вопрос, который там дома задали мне, как военному, был такой: «Чи цэ воно будэ, война, чи ни?» А я и сам не знал, но говорил, что «ни». Три дня прошли незаметно. На прощание я вручил матери десять тридцаток и укатил в свою дивизию. Помню, что в Харькове на вокзале была сплошная толчея — маршировали новобранцы. Чувствовалось, что дело пахнет порохом.

Во Львов я прибыл рано утром, 21 июня 1941 года. Все было ново, интересно: узкие улочки, своеобразные строения, разговор на украинском и польском языке, а самым странным мне показалось обращение «пан командир». Никогда я не был паном, и мне было как-то обидно слушать такое обращение. Мужчины, — очевидно, крестьяне, — расхаживали в городе в белых домотканых шароварах, босиком, но обязательно в шляпах. В этот же день я добрался до Грудека-Ягеллонского и явился к начальнику штаба полка. Меня определили пока в общежитие и рекомендовали подыскать квартиру. Но искать ее мне уже не пришлось: поздно вечером командир танкового полка собрал всех командиров и приказал всем быть в казарме. Никто этому не придал особого значения. А в 24.00 была объявлена тревога. Тут же мы заправили свои тяжелые машины горючим и вывели их на полигон.

Думали, что это — учение, а оказалось нечто совсем другое. На полигоне танки выстроились в ряд. Возле каждого танка две полуторки со снарядами и патронами. Началась погрузка боекомплектов.

День 22 июня обещал быть чудесным: взошло солнышко, чистое ясное голубое небо. Ни одной тучки. А над Львовом разразилась гроза — и на земле и в воздухе.

Неподалеку от нас находился аэродром. Над ним творилось что-то

---

[6] Н. Биндас мужественно сражался под Москвой, затем на Брянском фронте, затем на Калининском. Но в ноябре 1942 года ему не повезло: в жестоком бою в районе Нелидово он был тяжело ранен в обе ноги. Врачи хотели их ампутировать, но Биндас категорически отказался дать на это свое согласие. Лечение было очень долгим и трудным, но все же ноги танкисту удалось сохранить. Сейчас он живет в Москве.

непонятное: в небе летали истребители. Они гонялись друг за другом, стреляя. Что-то горело. Начали падать самолеты, объятые пламенем и дымом. На все наши вопросы командир полка отвечал нам одно и то же: «Маневры начались». Но вскоре и над нами появились эти «участники маневров» с черными крестами на крыльях. Они проносились над танками, стреляя из пулеметов и сбрасывая бомбы. Одна машина была разбита. Тогда все стало понятно: война!

Полку удалось уйти в соседний лес. Там мы и закончили укладку боекомплектов. Остаток дня и всю ночь совершали марш и к утру прибыли в Броды, где уже шли тяжелейшие бои. Кругом стоял сплошной грохот и полыхало зарево пожаров. В тыл непрерывным потоком шли санитарные машины с ранеными и грузовики, а навстречу двигались свежая пехота, танки и артиллерия.

Подход танков радовал пехоту. Только и слышалось: «Вот сейчас дадим! Вот сейчас попрем!» Дух был боевой. Три дня напряженных боев не принесли успеха немцам, они понесли большие потери. Но и наши потери были велики. В это время гитлеровцы прорвались на флангах и начали нас обходить.

Рядом с моей машиной все время находился броневик, и мы с его командиром начали обсуждать создавшееся положение. Вдруг появился наш небольшой самолет У-2. Он долго кружился над нами и сел прямо на шоссе. Летчик, старший лейтенант, взволнованно сказал нам, что ему приказано любой ценой уничтожить склады, находящиеся неподалеку за лесом. Но как он мог это сделать в одиночку? Летчик попросил нас помочь ему.

Поехали на броневике туда. Обошли помещения и часть территории. Там были огромные бензохранилища, прямо под открытым небом штабеля авиабомб. Не оставлять же все это немцам!

Мы отъехали на километр… Видим, что к складам уже приближаются фашисты. Три метких выстрела из пушки броневика по большим бензобакам и штабелям с бомбами… В небо взвился столб пламени и черного дыма, и все загрохотало. Летчик сделал снимок и обнял нас. Его «стрекоза» на шоссе уже запылала. Мы взяли летчика с собой и догнали нашу отходившую колонну. Утром мы встретили какую-то другую танковую часть. Нам были рады, а мы радовались вдвойне. Вместе с этой частью стояли в засадах, ходили в контратаки, но все же отступали.

Во время боя у города Рогачева мой танк был подбит и сгорел. Экипажу удалось выскочить. Сняли с центральной башни зенитную пулеметную установку, и дальше начались хождения по мукам: всего нас собралось десять танкистов с одним пулеметом! Одиннадцатый был убит. Воевали в пешем строю. Строили оборону, ловили десантников. Одним словом, отступали, обороняясь. На подступах к Бердичеву к нам подошла группа командиров и с ними генерал. Поинтересовался, почему танкисты в окопах? После того как мы доложили о себе, генерал приказал нам отправляться в Бердичев, прямо на вокзал. Там нас погрузили в эшелон с танкистами, отправлявшимися на переформирование.

Двигались медленно. Бомбежки не прекращались ни днем, ни ночью. И наконец-то — город Нежин. На окраине, в лесу, штаб нашей 34-й танковой дивизии собирал своих. Теперь — одна мечта: заполучить танк Т-34, да еще с дизельным мотором… В это время танковые дивизии уже расформировывались вместо них создавались бригады. Нас направили на завод, и мы там получили новенькие танки Т-34, но, к сожалению, с моторами, работавшими на бензине. Они в бою легко загорались при первой же пробоине бака.

Наша бригада была направлена под Москву, и мы воевали в районах Юхнова и Малоярославца. В одном из боев мой танк был подбит и запылал. Нам удалось погасить огонь, но машина вышла из строя. Ее отправили в Москву на ремонт. Я следил за ходом ремонтных работ на заводе. В дальнейшем эта машина была передана в другую часть, а я был откомандирован в резерв, а оттуда в 4-ю танковую бригаду.

В ней сейчас и воюю…

Так они начинали войну. Я счел необходимым привести здесь эти записи полностью,

хотя в то время, когда их делал, честно говоря, не думалось, что дело дойдет до их опубликования: слишком горька была неприглядная правда событий, которыми так неожиданно для всех нас ознаменовалось начало войны. Зачем же я все это записывал? Хотелось самому как-то поглубже осмыслить все, что мы переживали тогда, проникнуть в сокровенную суть умонастроений советских солдат, разобраться, как же, каким образом мы выстояли перед чудовищным железным ураганом лета 1941 года и как сумели воевать дальше.

Мои собеседники были полностью откровенны со мной, это были прямые люди, прошедшие суровый путь и много раз глядевшие смерти в глаза, и они считали, что им не пристало прикрашивать истину. Тем большую ценность приобретает сегодня, тридцать с лишним лет спустя, все сказанное ими тогда. Их откровенные и правдивые рассказы помогут, я надеюсь, читателю лучше понять, почему и как эти люди совершили те поистине удивительные и невероятные воинские дела, о которых пойдет речь в следующих главах.

Знакомство в Чисмене

Мы познакомились с Катуковым за два месяца до встречи в «пещере Лейхтвейса», когда его бригада еще не была гвардейской, а сам он еще не был генералом и носил в петлицах лишь четыре полковничьи «шпалы». Случилось это девятого ноября 1941 года в тихом подмосковном поселке с певучим именем Чисмена. Я подчеркиваю — в тихом поселке, ибо именно эта удивительная тишина поражала тогда больше всего людей, знавших, что передний край обороны проходит в семи-десяти километрах отсюда.

Поселок в густом лесу выглядел на редкость мирным. Над избами курились дымки. Ребятишки катались на лыжах. Девушки по вечерам сходились на посиделки. Но в самом воздухе было разлита какое-то гнетущее беспокойство; именно эта настороженная тишина действовала на нервы сильнее самой оглушительной канонады.

Штаб Катукова мы нашли в просторной крестьянской избе. В красном углу висели потемневшие от времени иконы. За печью стрекотала пишущая машинка. На столе была разложена большая карта. Вокруг карты — группа людей в кожаных пальто, среди них — полковник Катуков. Он и тогда был такой же, как сегодня, — спокойный, немного иронический, хорошо умеющий скрывать от посторонних то, что беспокоит его.

«По случаю прошедшего праздника» из-под охраны темнолицего Николая-угодника достается припрятанная в божнице заветная бутылка портвейна и — о, необычайная роскошь! — румяные большие яблоки — подарок из Алма-Аты.

— Рассказать чего-нибудь из божественного про волков?.. — В глазах полковника зажглись веселые искорки.

Командир бригады с любопытством разглядывал свалившихся неожиданно в Чисмену корреспондентов «Комсомольской правды»: уж больно пестро мы были одеты, — ни я, ни мой спутник, секретарь редакции Митя Черненко, не были официально аккредитованы при политуправлении и потому не получили военного обмундирования. Черненко щеголял в одеянии полярника, добытом в Главсевморпути, а я носил сапоги, благоразумно купленные у сапожника в первый день войны, выпрошенные у кого-то летние солдатские брюки и пилотку да некогда щегольскую короткую кожаную курточку, в каких когда-то возвращались добровольцы из Испании, добытую в комиссионном магазине, довольно экзотический наряд для фронта. Но Катукову, наверное, приходилось видеть на дорогах войны и не такое, и он вежливо погасил огоньки в своих глазах и сделал вид, что его ничто не удивляет.

Мы же, конфузясь и извиняясь, торопились завязать деловой разговор нам было понятно, что обстановка на фронте сложная и времени у командира бригады для бесед с журналистами мало. А потолковать хотелось о многом: 4-я танковая бригада только недавно пришла сюда с южного фланга обороны Москвы, где она в трудные октябрьские дни блестяще сражалась против танковой армии Гудериана, рвавшейся к Москве со стороны

Орла.

То было, по правде сказать, отчаянное время: события, одно тревожнее другого, угнетали нас. Вот что я записал в своем дневнике шестого октября:

«Новые трагические обстоятельства. С утра все было как обычно: я корпел над макетами очередных газетных полос, Черненко вызвали в политуправление. Знакомые моряки, приехавшие с Севера, рассказывали разные разности. И вдруг быстрым шагом вошел, как всегда, подтянутый и стройный военный корреспондент Коля Маркевич, оторвал клочок бумаги от газеты и написал два слова: «Оставлен Орел». — «Ты что?» — «Точно…» Я все же не поверил, настолько это было неожиданно. Ведь по всем данным, Орел находился в глубоком тылу. Значительно западнее наши войска вели бои, сохраняя активность в своих руках. И вдруг…

К вечеру тревога усилилась. Явились промерзшие Федоров и Фишман — с Западного фронта. Обычно говорливые, на этот раз они были немы как рыбы. Следом прикатили Любимов и Чернышев: «Испортилась машина, надо ее чинить». — «Что происходит, ребята?» — «Сейчас некогда, вызывает редактор…» И вот наконец полная горькая ясность: гитлеровцы развернули новое наступление огромной силы.

Еще раньше, чем развернулось немецкое наступление ня Западном фронте, танковые войска, входящие во 2-ю танковую армию Гудериана, прорвались на Брянском фронте, вышли к Орлу, заняли его и повернули на север. Говорят, что Брянск сегодня пал.

Конечно, дороги к Москве отнюдь не стелются скатертью перед гитлеровцами. Путь им преградят резервные армии. Но это не снижает серьезность создавшегося положения. Одно радует: Ленинград по-прежнему стоит как скала, хотя положение в городе архитрудное».

Вот в эти тревожные дни мы и узнали впервые имена будущих гвардейцев-танкистов: Катукова, Гусева, Бурды, Молчанова, Лавриненко, Любушкина и других, — они замелькали в военных сводках, поступавших с южного участка, где в это время вырисовывался самый опасный прорыв — танки Гудериана рвались к Москве, стремясь развить достигнутый успех. Сводки были нарочито расплывчатыми и туманными, о многом, естественно, нельзя было говорить вслух по соображениям военной тайны. Ясно было одно: с нашей стороны вступила в действие новая танковая часть, вооруженная мощными боевыми машинами и действующая успешно. Она не только обороняется, она контратакует на подступах к Орлу.

И лишь много лет спустя, прочитав интересные мемуары генерала армии дважды Героя Советского Союза Д. Лелюшенко, я узнал во всех деталях, как развертывались события, окутанные в то время покровом строжайшей военной тайны.

До этого Лелюшенко, назначенный заместителем начальника Главного бронетанкового управления, был занят ускоренным формированием двадцати двух новых танковых бригад — танкисты, уже прошедшие суровую боевую выучку в первые месяцы войны, получали на вооружение новые, совершенные боевые машины Т-34 и КВ.

Правда, их было еще маловато…[7]

Вдруг поздно вечером 1 октября Лелюшенко вызвали в Кремль — в Ставку Верховного Главнокомандующего.

— Вы много раз просились на фронт. Сейчас есть возможность удовлетворить вашу просьбу.

— Буду рад.

— Ну и хорошо. Срочно сдавайте управление и принимайте Первый Особый гвардейский стрелковый корпус. Правда, корпуса еще нет, но вы его сформируете в самый

---

[7] Бывший комиссар танкового полка бригады Катукова полковник запаса Я. Я. Комлов, ссылаясь на сохранившиеся у него документы, сообщил мне, что там где формировалась бригада, на вооружение полка поступило 7 тяжелых танков КВ и 22 танка Т-34. Кроме того, полк получил еще 31 легкий танк БТ-7, БТ-5 и даже устарелые БТ-2 с цилиндрической башней и одним пулеметом. Эти танки только что вышли из ремонта. В состав бригады, кроме танкового полка, входили мотострелковый батальон дивизион зенитной артиллерии и рота разведчиков.

кратчайший срок. Вам ставится задача: остановить танковую группировку противника, прорвавшую Брянский фронт и наступающую на Орел. Кажется, ее возглавляет Гудериан. Все остальное уточните у Шапошникова…

Для усиления Особого корпуса ему придавались 5-й воздушно-десантный корпус, три гвардейских минометных дивизиона, Тульское артиллерийское училище и 6-я авиационная группа. Наконец, для ведения разведки в распоряжение Лелюшенко был передан 36-й отдельный мотоциклетный полк.

Все это обнадеживало. Однако начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников дал Лелюшенко разъяснения, которые не могли не встревожить этого боевого генерала. Во-первых, стало ясно, что под Орлом складывается поистине грозная обстановка, и ему было приказано сформировать корпус в течение четырех-пяти дней. Во-вторых, выяснилось, что собрать в единый кулак передаваемые ему войска будет не так просто: две гвардейские стрелковые дивизии должны были прийти с Ленинградского фронта, 11-я танковая бригада стояла в 150 километрах от Москвы, 5-й воздушно-десантный корпус находился в 300 километрах от намеченного для него пункта сосредоточения, 41-я кавалерийская дивизия тоже была довольно далеко. Ближе всех находилась 4-я танковая бригада полковника Катукова — она уже прибыла в Кубинку под Москвой.

Ночью Лелюшенко снова вызвали в Ставку: обстановка ухудшилась еще больше, Гудериан подходил к Орлу, и генералу теперь было приказано сформировать свой корпус уже не за четыре-пять дней, а за день-два, а пока что ему надлежало немедленно самому выехать в Орел и там на месте разобраться в обстановке. Единственной реальной воинской силой, какую он мог получить в свое распоряжение немедленно, были 36-й отдельный мотоциклетный полк майора Танасчишина с одним-единственным танком Т-34, находившийся в Москве, да Тульское артиллерийское училище, располагавшее учебными 152-миллиметровыми гаубицами, 76- и 45-миллиметровыми пушками. Остальные воинские части двигались эшелонами со всех концов, но могли прибыть в распоряжение командира Особого корпуса лишь позднее.

Третьего октября Лелюшенко прибыл в Мценск и там неожиданно узнал, что танки Гудериана уже заняли Орел и немедленно двинулись дальше на север. Этот опытный и опасный полководец, создавший танковые войска гитлеровской Германии, разработавший для них стратегию и тактику и выверивший свои теоретические установки в боях на земле Польши и Франции, не зря любил повторять изречение короля Фридриха: «Чем стремительнее наступление… тем меньше жертв».

В полдень разведгруппа мотоциклетного полка, устремившаяся по шоссе к Орлу, столкнулась с разведкой Гудериана. В состав нашей разведгруппы входили танк (тот самый — один-единственный!) и двадцать мотоциклов. Разведчики дерзко атаковали гитлеровцев, подбили два танка, один транспортер и уничтожили три мотоцикла. Не ожидавшие такой встречи гитлеровцы попятились: видимо, они решили, что им навстречу брошены крупные советские силы

Однако положение оставалось крайне серьезным. В ожидании подхода основных частей корпуса тульские курсанты заняли рубеж между Орлом и Мценском. Северо-восточнее Орла развернулся 132-й пограничный полк — его буквально на ходу подчинил себе Лелюшенко, встретив командира этого полка подполковника Пияшева, который искал связи со старшим командованием. Это было существенное подкрепление мотоциклистам Танасчишина и тульским курсантам, но что они могли поделать против танковой армады Гудериана? А на дорогах, ведущих к Мценску, уже завязывались бои с авангардами 4-й немецкой танковой дивизии, входившей в состав 24-го танкового корпуса группы Гудериана.

Вот в этот-то критический момент, на станцию Мценск и подошел первый эшелон с танками 4-й бригады. Это прибыл 1-й батальон, которым командовал капитан Гусев, он-то и был полностью по штату вооружен новыми превосходными боевыми машинами КВ и Т-34,

которые Гудериан, скрепя сердце, публично признавал лучшими в мире.[8] За ним двигался к Мценску 2-й батальон капитана Рафтопулло, вооруженный легкими танками. 3-й танковый батальон старшего лейтенанта Кожанова (ныне Константин Григорьевич Кожанов генерал-лейтенант) пришлось оставить в Кубинке, так как он еще не получил боевой техники. С часу на час должны были подойти также мотострелковый батальон бригады, ее зенитный дивизион и разведрота штаба бригады.

Утром 4 октября танкистам была поставлена боевая задача: провести боевую разведку в направлении Орла двумя танковыми группами. Одну из них в составе семи танков Т-34 и КВ повел сам комбат Гусев, вторую — в составе восьми «тридцатьчетверок» — командир танковой роты Бурда. На танки были посажены десанты подоспевших в Мценск мотострелков. Катуков помчался вперед, вслед за разведкой, чтобы выбрать рубежи обороны. Оставшийся на станции Мценск его заместитель полковник Рябов принимал прибывшие один за другим эшелоны бригады и посылал танки вперед, в распоряжение командира бригады…

Так началась битва, которой было суждено сыграть немалую роль в великом сражении, развертывавшемся у ворот Москвы. В то время, повторяю, мы не знали всех сокровенных обстоятельств ввода бригады Катукова в бой. Мы лишь читали лаконичные сообщения военных сводок: — Захватив Орел, немецкая механизированная группа пыталась продвинуться дальше на север. Но уже на окраинах Орла немцы столкнулись с подоспевшими советскими танками. Это были передовые подразделения наших частей…

— Получив отпор, немцы стали действовать осторожно, но все же не отказываются от попыток продвинуться вперед. Они бросают свои танки в бой группами от 30 до 60 машин, но всюду получают чувствительные ответные удары…

— До 60 вражеских танков атаковало передовые подразделения части тов. Катукова. 34 немецкие машины остались на поле боя… Особенно отличился взвод Лавриненко. Он столкнулся с 14 фашистскими танками. Четыре из них уничтожил сам Лавриненко, три подбили экипажи сержанта Капотова и лейтенанта Полякова. Взвод потерь не имел…

— Танковая рота командира Бурды только что прибыла из-под Орла, где около 37 часов провела в засадах, совершая внезапные нападения на танки, автомашины, пехоту. Рота не понесла никаких потерь.

— 9 октября неприятель предпринял новое наступление к северу от Орла. Немцы пустили против нашей обороны танковую дивизию и большое количество пехоты… Бой длился до позднего вечера, но врагу не удалось сломить сопротивление наших бойцов.[9]

— 14–16 октября активность немецких войск в районе Орла понизилась. Непрерывные одиннадцатидневные бои, которые вели наши части с наступающими немецкими войсками, в известной мере истощили силы врага. За эти 11 дней только 3-я и 4-я немецкие танковые дивизии потеряли до 150 танков, более 2000 солдат и офицеров, около 100 орудий, более 200 автомашин и много другого оружия и снаряжения… Фашистская группировка на этом участке фронта вынуждена была замедлить темпы наступления. Наши же части, наоборот, действуют значительно активнее и продолжают наносить врагу чувствительные потери…

Но к этому времени обозначилась грозная опасность западнее Москвы. Здесь наступали 3-я и 4-я немецкие танковые группы и три полевые немецкие армии. Фашисты уже вышли в район Вязьмы, где им удалось окружить большую часть войск Западного и Резервного фронтов. В направлении Гжатск — Бородино двигалась 4-я танковая группа генерала Гёппнера. Срочно создавался новый Можайский — рубеж обороны, на который должна была

---

[8] Первая рота батальона, которой командовал Заскалько, имела 7 танков КВ, вторая под командованием Ракова — 10 танков Т-34, третья под командованием Бурды — также 10 танков Т-34. Комбат Гусев и командир танкового полка майор Еремин тоже располагали танками Т-34

[9] На этом участке вела бой 4-я танковая бригада Катукова с приданным ей полком пограничников Пияшева и стрелковым батальоном Проняева

опереться наша 5-я армия; в ее состав входили свежие войска, спешившие с востока. Командование этой армией было поручено Лелюшенко, и он срочно отбыл с Орловского направления, передав войска своему заместителю Куркину. Вскоре должна была уйти отсюда на угрожаемый участок и бригада Катукова…

Характерно, что бригада ушла своим ходом, не пользуясь железнодорожными эшелонами. Хитрый полковник Катуков решил; что так будет безопаснее: эшелоны могли стать легкой добычей немецких бомбардировщиков. Между прочим, вопрос о том, как должна быть переброшена бригада, решался самим Верховным Главнокомандующим. В трудный для обороны Москвы день 16 октября Сталин вызвал Катукова к телефону и предложил ему грузиться в эшелоны, но полковник сумел доказать, что гораздо лучше довести до Москвы танки по шоссе. Сталин дал согласие, и бригада дошла до назначенного ей пункта западнее Москвы быстро и без потерь.

И вот теперь бригада в Чисмене — на левом фланге 16-й армии Рокоссовского. Она оседлала Волоколамское шоссе — опаснейшее направление возможного немецкого удара на Москву…

Катукову не хотелось тревожить корреспондентов неприятными деталями оперативной обстановки, и только несколько дней спустя мы узнали, что именно в тот вечер, когда полковник непринужденно и весело беседовал с нами о том о сем, он ждал оглушительного удара двух немецких танковых дивизии, подтянутых на этот участок фронта.

В те дни фашисты готовили свое второе наступление на Москву. На участок фронта, прикрытый танкистами Катукова, германское командование подвело отборные части, в том числе даже подразделения танков, доставленные в подмосковные леса из далекой африканской пустыни. Гроза должна была разразиться с часу на час. Но пока что ни один выстрел не нарушал спокойствия заснеженных лесов, и только разведчики день и ночь выискивали тайные тропы, ведущие в лагерь противника.

— Самое главное — обезопасить себя от всяких неожиданных сюрпризов, говорил нам начальник штаба танкистов. — Разведка, разведка и еще раз разведка! Пока мы обороняемся, а они наступают, на их стороне всегда фактор внезапности. Но мы имеем все возможности для того, чтобы свести этот фактор к минимуму…

И мы видели в те дни собственными глазами, что значит настоящая, умно организованная разведка. Катуков, новатор по натуре, сумел организовать дело так, что буквально каждый шаг немцев находился под контролем у танкистов. В распоряжении штаба были все средства и виды разведки, вплоть до кавалерийской. Да, да, у танкистов завелась своя конница!

Конные разведчики в своих кожаных шлемах выглядели довольно экстравагантно, однако это была самая настоящая кавалерия: мотоциклисты, пересевшие на коней, прекрасно пробирались по самым глухим, заметенным метелями тропам там, где не прошел бы даже автомобиль, не говоря о мотоцикле.

Ходили в дальнюю разведку и танки. В Чисмене Катуков познакомил нас с лейтенантом Коровянским. Он не был еще знаменит и не имел даже ордена. Но то, что делал этот разведчик, было поистине изумительно. Требовалось исключительное самообладание, чтобы, оторвавшись от своей базы, уходить на десятки километров в глубокий тыл врага, воевать там, поднимать дух у советских людей, оставшихся в селах, завоеванных немцами, громить застигнутых врасплох мародеров.

Все это было невероятно интересно, но мы горели желанием разузнать подробности о битве под Орлом и довольно настойчиво напоминали об этом своим гостеприимным хозяевам. Выкраивая свободные минуты из своего крайне напряженного бюджета времени, они терпеливо отвечали на наши расспросы, и мы получили, что называется, из первых рук исчерпывающие сведения, которые вы найдете в следующей главе.

Это было под Орлом

Данные разведки говорили: Гудериан ввел в наступление две танковые и одну мотодивизию. Еще одна дивизия двигалась от Болхова. Всего у противника было свыше пятисот танков. Катуков мог противопоставить им лишь несколько десятков боевых машин.

— Это была самая трудная и ответственная из всех операций, какие я помню, — задумчиво говорил генерал, глядя на пламя керосиновой лампы. Теперь об этом можно сказать открыто: мы думали, что придется погибнуть всем до одного. Было твердо решено — биться до последнего, но не отходить. А на деле вышло лучше, чем мы думали, — и он мягко улыбнулся, — гораздо лучше, чем мы думали!

То было маневренное сражение большого масштаба, растянувшееся на несколько дней. Танкисты Катукова бесстрашно ринулись на армию Гудериана. Грудь с грудью, сталь со сталью, металл с металлом сшиблись под Орлом. Немцы не ожидали встретить такой стремительный, упорный и дерзкий отпор. Гудериан не мог предполагать, что на направлении его главного удара — вдоль шоссе, ведущего из Орла, на Мценск, так смело и энергично выступает против его армии одна-единственная танковая бригада, поддержанная полком пограничников да одним стрелковым батальоном. Это противоречило всем положениям воинских уставов. Предполагая, что советскому командованию удалось сосредоточить здесь крупные силы, немцы решили попытаться с ходу пробить новую брешь.

Здесь-то и пригодился Катукову опыт, накопленный им в первых боях летом 1941 года. Он экспериментировал смело и энергично, с большим размахом и виртуозной изобретательностью. Именно под Орлом нашли широкое применение такие новые методы танкового боя, как танковые засады, подвижные группы, танковые десанты. Однако опыт этот распространялся медленно. И только тогда, когда Воениздат опубликовал две книжки Катукова о примененных им тактических новшествах, новые тактические приемы стали достоянием всех танковых частей и училищ.

Надо было заставить Гудериана поверить, будто танки Катукова — только авангарды крупных сил и что на самом деле у нас танков во много раз больше, чем у немцев. Это можно было достигнуть только смелостью и хитростью. Катуков так и поступал. Он учил своих командиров скрытности, терпению, хитрому маневру, умению выждать благоприятный момент и потом нанести молниеносный удар, от которого противник долго не мог бы опомниться.

У одной железнодорожной станции разыгрался трудный, затяжной бой. Катукову все время не давала покоя мысль о дороге, которая шла параллельно железнодорожному полотну в тыл советским танкистам. Пока на этой дороге все было спокойно. Но, как опытный военачальник, Катуков не мог себе представить, чтобы немцы могли забыть о ней. Он рассуждал так: «Если бы я был на месте Гудериана, я обязательно использовал бы этот вариант; значит, здесь надо ждать удара». И как ни туго приходилось основным силам бригады, Катуков оторвал два танка и поставил их в засаде на этой тихой и с виду такой безобидной дороге.

Возглавлял засаду лейтенант Кукарин, молодой, способный танкист. Он умел ждать, и за это его особенно ценил полковник. Как ни досадно было танкистам сидеть без дела в тот самый час, когда их друзья изнемогали под тяжестью ударов врага, Кукарин не покидал засады. Затишье продолжалось долго, очень долго. Временами даже сам Катуков начинал колебаться — полно, не переоценил ли он значение этого участка? Но все-таки он решил не снимать засаду.

В конце концов события развернулись именно так, как подсказал Катукову его трезвый расчет: гитлеровцы, решив, что перехитрили советских танкистов, двинули по дороге мощную группу тяжелой артиллерии, группу танков и машин с боеприпасами. Успех прорыва этой группы мог бы решить исход всего сражения в пользу врага. Стойкие танкисты лейтенанта Кукарина точно выполнили приказ Катукова: превратив свои танки в хорошо замаскированные долговременные огневые точки, они подпустили колонну противника на минимальную дистанцию и расстреляли ее в упор: сначала сшибли головную машину, потом замыкающую и расстреляли всю колонну.

Надолго запомнился танкистам другой бой, который разгорелся 10 октября у Мценска, где вражеским танкистам и мотопехоте удалось прорваться в тыл к катуковцам. «Мы не признаем слова «окружение», — говорил по поводу этого боя Катуков, — но многие на нашем месте его произнесли бы».

Катуков решил пустить в ход несколько подвижных групп, чтобы и на этот раз создать видимость крупной группировки наших сил, и короткими, но энергичными ударами разбить немцев по частям. Семь танков и роту пехоты Катуков бросил в глубь населенного пункта, в который ворвались гитлеровцы, чтобы навязать им уличный бой. Шесть танков он выбросил на фланг, где двигалась огромная вражеская колонна. Именно здесь должна была решиться судьба операции: надо было разгромить фашистов, пока они шли в колонне, не дать им развернуться. Развернись они — и шесть катуковских танков были бы мгновенно уничтожены.[10]

На стороне Катукова были верные союзники: внезапность и подвижность. Шесть танков скрытно подошли к железнодорожной насыпи и внезапно открыли из-за нее ураганный огонь прямой наводкой с ближней дистанции. Колонна была уничтожена.

Вторая подвижная группа действовала столь же решительно и энергично. Результат: немцам не удалось окружить бригаду, они понесли тяжелые потери…

Мы долго беседовали в этот вечер с Катуковым и его штабными работниками. Чувствовалось, что эти люди действительно не растеряются в трудных условиях, что для них нет безвыходных положений. В конце, как водится, заговорили о риске и страхе. На фронте об этих вещах говорят и думают просто, без лишней лихости и ухарства. Здесь человек, как на ладони, он виден со всех сторон. Может быть, поэтому на фронте люди так откровенны.

— Знаете что, — сказал вдруг Катуков, — потолкуйте с рядовыми участниками этих боев. Мы все-таки как-никак начальство, а им снизу виднее. Поговорите с ними, и вы убедитесь, что проблемы риска, если хотите, жизни и смерти, такие сложные и драматические по сути своей, решаются в разгаре боя совсем не так, как это может показаться со стороны. Тут все решает одно короткое русское слово — «надо». Мы научились твердить его про себя с первого дня войны. Надо — значит, стой, как говорится, насмерть. Надо значит атакуй во много раз превосходящего противника. Надо — значит умри, а не пропусти врага. А здесь, по сути дела у ворот Москвы, это слово «надо» звучало у каждого в сердце громче, чем когда-либо. Нашему комиссару и его политработникам не требовалось произносить громких речей насчет того, что Родина зовет и так далее. Каждый понимал, зачем нас сюда послали и почему мы не имеем права уйти…

— Это верно, — негромко подтвердил полковой комиссар Бойко. — Народ не надо было агитировать, каждый танкист понимал свою ответственность. Обязательно потолкуйте с ними…

Я последовал их совету. Хотелось тогда же подробно рассказать о беседах с танкистами Катукова в газете, но вскоре нахлынули новые события, и мои фронтовые записи пролежали более четверти века. Сейчас, просматривая их, я вспоминаю обстановку, в которой мы

---

[10] Я получил пространное письмо от бывшего солдата бригады Катукова Петра Ивановича Тернова, который сейчас живет в районном центре Дергачи Саратовской области (улица Горького, дом 54) и служит в отделении Госбанка. Он воевал под Москвой в составе мотострелкового батальона, был пулеметчиком. Очень просит подчеркнуть, что танкисты и мотострелки были словно родные братья. «Танкисты и стрелки, — пишет он, — это люди огня и стали, это смелые, сильные и сплоченные люди. Танкист в бою никогда не бросит стрелка, как бы трудно ни было, а стрелок платит ему тем же».

Тов. Тернов подчеркивает, что мотострелковый батальон сыграл важную роль в описываемых здесь боях. Сам он участвовал в танковом десанте, который ворвался в Орел на боевых машинах капитана Гусева («Бой был дерзкий, короткий, но сильный. Танки в полном смысле слова рвали фашистов в клочья. Гитлеровцы были ошеломлены и разбегались»), потом оборонял подступы к Мценску. «Это были очень трудные бои, — пишет тов. Тернов, — но мы не отходили без приказа. Тогда погиб командир нашей роты лейтенант Попков. Погиб и мой односельчанин И. П. Рысков. Но у фашистов потери были гораздо больше. И хотя они были тогда втрое сильнее нас, мы их остановили».

толковали. Мы ночуем в избе у колхозника в Чисмене, на печи и по лавкам спят пятеро ребятишек мал мала меньше; до переднего края обороны — семь километров; в глазах бабушки, которая бережно ставит на стол старенькую керосиновую лампу с надтреснутым стеклом, я ловлю все тот же горький немой вопрос, который мучит сотни тысяч людей в Подмосковье: ну как же, ребятушки, хоть столицу-то не отдадите? А вокруг чисто выскобленного ножом стола теснятся бравые парни в гимнастерках с черными петлицами, молодые, крепкие, уверенные в своем умении воевать — у каждого за плечами тысяча километров боя, но до чего же мало их и как нечеловечески тяжело придется им в предстоящие дни, пока к Москве не подойдут свежие армии, формируемые и вооружаемые где-то там, в глубоком тылу…

И вот теперь передо мной в потрепанных старых блокнотах полустертые записи их рассказов и даже выписки из некоторых человеческих документов. Младший лейтенант Капотов, славный паренек из Гжатска, отлично сражавшийся под Орлом, — он был во взводе Лавриненко — показал мне свой дневник, и я назавтра кое-что оттуда переписал.

Сейчас, много лет спустя, мне трудно свести воедино все эти отрывистые записи и воссоздать по ним стройную картину многодневного боя. Но, думается, рассказы эти сами по себе, записанные по живым следам событий, имеют свою ценность — они сохранили аромат непосредственности, юношеской искренности и правдивости.

Из дневника младшего лейтенанта Николая Петровича Капотова

(На действительной военной службе — с 1939 года, служил в 15-й танковой дивизии, войну начал в Станиславе. В бою под Орлом он был еще сержантом.)

27 сентября 1941 года

Сегодня получен приказ: снова на фронт! Формирование бригады закончено. Машины получены в Сталинграде (отличные!). Первый марш — 62 километра. Скорость до 68 километров в час — выше расчетной. Наш танк пришел десятым. Сопровождали колонну главный инженер завода, техники. В Сталинграде нас потряс подъем, царивший на заводе: ведь это период нашего отступления, а люди все-таки верят в победу и куют ее. Были в цехе, видели сборку… Выехали в 2 часа дня. Уже осень, порывистый ветер. Скоро снова в бой.

28 сентября

Прохладное утро. Обильная роса. Отъезд по железной дороге. 30 сентября

Москва… Нам выпало счастье оборонять ее. Эшелон, не задерживаясь, проходит дальше на запад. Ничего, погуляем в Москве после победы.

1 октября

Разгрузка в Кубинке. Отсюда рукой подать до Гжатска. Что-то там сейчас происходит? Какое здесь все родное и близкое, так радостно быть в родном краю после двухгодичного пребывания на Украине. Даже желтые осиновые листья кажутся дорогими. Ведь я прожил в этих местах двадцать лет. Товарищи заметили, как я волнуюсь. Мой радист Алексей Сардыка спросил: «Почему ты так задумчив?» Пришлось поделиться своими переживаниями.

2 октября

Вечером опять погрузка. Нас перебрасывают к Орлу, говорят, будто немецкие танки прорываются уже туда. Если им это удастся, то обстановка усложнится. Скорее бы в бой!

3 октября

В десять утра проехали Серпухов. Вечером прибыли в Мценск. Дальше не поедем. Неужели немцы уже в Орле? Выгрузка. Облака закрыли луну. Черный мрак. Город почти пуст. В ожидании распоряжений водитель Николай Федоров и радист Алексей Сардыка дремали в машине, а мы с башенным стрелком Иваном Бедным интересовались окружающей средой и будущими задачами…

4 октября

После полуночи был получен боевой приказ. Командир взвода лейтенант

Лавриненко собрал командиров машин. Двигаемся маршем в направлении на Орел. Возможна встреча с противником: вдоль дорог просачиваются автоматчики. Приказано на пулеметах держать диски в боевой готовности, в стволе пушки иметь снаряд, спусковой механизм держать на предохранителе.

Выезд — 4.00…

Приятно воевать под командованием такого офицера, как Лавриненко. Мы все время сражаемся вместе с ним — с самого первого дня войны. Он служил командиром взвода еще в 15-й танковой дивизии в Станиславе, в роте у Заскалько, тоже боевого офицера. В мирное время, надо сказать, Лавриненко ничем особенно не выделялся. До призыва он служил учителем в деревенской школе на Кубани, ничего воинственного в нем не было. А в первые дни войны ему не повезло — его танк был неисправный, и воевать он не мог. Но уже тогда его характер вдруг проявился: в отступлении мы уничтожили свои неисправные танки, чтобы не стеснять движения войск, а тут вдруг наш тихий Лавриненко встал на дыбы: «Не отдам машину на смерть! Она после ремонта еще пригодится». И вот добился своего — как ни было тяжело, дотащил свою машину до конца нашего отступления и сдал ее в ремонт. Когда же ему в Сталинграде дали новый танк — «тридцатьчетверку», он сказал: «Ну, теперь я с Гитлером рассчитаюсь!»

Говорит Александр Бурда

Об Александре Федоровиче Бурде и о его удивительных боевых делах подробно я расскажу дальше — он будет одним из главных героев этой книги. В тот вечер его не было среди нас в деревенской избе в Чисмене — он со своей ротой стоял в засаде на Волоколамском шоссе, готовый в любую минуту встретить гитлеровцев; их новое наступление могло начаться с часу на час. Но мы с ним встречались в военные годы много раз, и все его рассказы были поистине увлекательными. Рассказал он мне, конечно, и о своем поразительном рейде в район Орла.

Беседа на эту тему состоялась много позже. Но для того чтобы не нарушать стройности общей картины событий под Орлом, я все же позволю себе привести тут же и этот рассказ Александра Бурды.

Задача была такая: выйти в район юго-восточнее Орла и действовать в направлении Веселой Слободки. У меня было восемь боевых машин Т-34 плюс полтораста автоматчиков, пулеметчиков и истребителей танков с противотанковыми гранатами — десант на броне. Левый фланг у меня был открытый, справа шел комбат Гусев.

Неподалеку от Орла есть лесок. В нем я и остановился. Навстречу нам бежало мирное население из города, спасаясь от немцев. Я перекрыл все дороги, стал расспрашивать, что в Орле. Говорят: «Въезды минируют, роют окопы — готовят позиции для своей артиллерии. Много танков, пехоты. У вокзала дома превращены в доты: туда введены пушки и танки». Опросил двадцать человек — все говорят одинаково.

Для точности все же послал обратно в город с указаниями на разведку встреченных на дороге работников обкома партии и военкомата, — документы они оставили у меня. Им город хорошо известен, разузнают все лучше, чем наши стрелки или танкисты, которые никогда в городе не были. Опять же они в штатском, к ним меньше внимания.

Результат разведки показал, что в город нам соваться не следует, тем более что Гусев уже отходил — я слышал удалявшийся звук боя. Фашисты готовятся двинуться на рассвете из Орла на северо-восток.

Лучше притаиться здесь, в лесу, и когда немецкие колонны двинутся вперед, нанести по ним внезапный удар из засад. А они наверняка пойдут мимо нас, чтобы выйти нашим войскам во фланг и ударить справа по дороге на Мценск. Строго приказал десантникам ни в коем случае не открывать себя раньше времени.

Переночевали в лесу. Утром пятого октября все произошло, как я и предполагал: в 8.00 на высоте 227,8 был замечен противник. Колонна двигалась с восточной окраины Орла курсом — высота 229,1 — Крутая Гора Домнино — через наш лес! А на подступах к лесу, надо вам сказать, крутой овраг. Смотрю, ползут вниз танки, за ними бронетранспортеры с пехотой великое множество. Ну, думаю, сейчас, когда они начнут выползать из оврага, мы им дадим дрозда. Очень удобно бить танк, когда он на подъеме днище показывает. И что же вы думаете, в этот момент не выдержали нервы у одного нашего пулеметчика — он спугнул их очередью, стали они расползаться в стороны.

В такой обстановке нельзя терять ни секунды. Бросаю в атаку взвод Кукарина — навести панику, не дать им спокойно рассредоточиться и принять боевой порядок. Взводу Ивченко приказываю атаку огнем с места. Танки Кукарина, как железные ангелы, сверху бьют фашистов, а те в ужасе — не ждали! Тем временем через гребень в овраг переваливают все новые немецкие танки — ведь их водители ничего не видят, просто идут на звук стрельбы, и мы их тут расстреливаем в упор.

А на броне у танков Кукарина — десант автоматчиков. Они крошат фашистскую пехоту, которая брызнула во все стороны из своих транспортеров. Помню, заместитель политрука Женя Богурский, лихой такой парень, держится за башню и бьет гитлеровцев направо и налево, — он тогда в упор расстрелял пятнадцать фашистов. А в довершение всего — конечно, такое дело может быть только в горячке боя — спрыгнул с танка прямо на плечи одному офицеру, набил ему морду, отнял полевую сумку с документами и обратно на танк. Представьте себе, живым из этой катавасии вернулся, даже ранен не был. Его потом наградили.[11] А всего в этой схватке мы разбили двенадцать танков, три орудия и перебили человек сто солдат и офицеров.

Гитлеровцы опомнились, двинулись в обход леса, думая нас окружить, еще пятнадцать танков с десантом на броне. Но мы и такой фокус предвидели. Ради подобного случая я заранее поставил на фланге в засаду два танка под командованием Петра Молчанова. Он их и встретил огнем в упор. Гитлеровские танки попятились, а там их взвод Ивченко начинает расстреливать. В общем, молотьба была хорошая — зажгли еще пять танков и перебили до роты пехоты.

Фашисты подтянули тягачами три батареи противотанковых орудий. Но не успели они развернуться на боевой позиции, как наши танкисты подавили и их.

Вдруг замечаю я в небе «кривую ногу» — вы же знаете, что у нас так зовут «хейнкель-126», авиационный разведчик. Мы уже хорошо знаем: появилась «кривая нога» — жди сейчас же воздушный налет. Поэтому приказываю: немедленно отойти от леса к Крутой Горе. Только мы ушли, налетели двадцать бомбардировщиков и начали перепахивать пустой лес. Полчаса его бомбили.

Бой развивается. Чтобы безопаснее было руководить им с окраины деревни, надеваю женское платье, а пистолет — под кофту. Выдвинулся в таком виде вперед, связь со взводами держу через посыльных. Договорились о срочных сигналах: сорву с головы платок — открывай огонь, подберу полы кофты — бери наступающих в клещи. Вам может показаться это смешно, даже противно воинскому уставу, но на войне всякое бывает. Любая хитрость применима, пусть самая нелепая с виду, лишь бы был результат.

Таким способом мы тут чуть было не захватили немецкий бронетранспортер, который подъехал к деревне на разведку. Подъехал он метров на двести, вылез рослый немец в шинели, бьет из пистолета по крайним домикам — провоцирует на ответ. Наши молчат. Он еще ближе, уже на пятьдесят метров. Я стою у прясла. Он мне: «Русский баба, иди сюда». Ну, думаю, сейчас возьмем его, голенького: справа изготовилась машина Загудаева, слева — Кукарина. Немец идет ко мне. И что же вы думаете? Опять не выдержали нервы у какого-то нашего десантника, выстрелил он из пистолета, да еще и промахнулся. Немец — прыг в бронетранспортер и —

---

[11] Евгений Богурский успешно провоевал от Подмосковья до Берлина. Сейчас он живет в г. Запорожье

ходу. Пришлось его зажечь. А ведь могли взять целым!

Очень я тогда разозлился. Был у меня хороший восьмикратный бинокль, я его в сердцах об землю — все линзы вылетели. Ко мне после этого десантники подходить боялись: второй раз кто-то из них подвел.

В общем, много было у нас приключений в этом рейде. Он затянулся на несколько дней. Тем временем бригада уже отошла на несколько километров, связь была потеряна.[12]

Нас уже сочли погибшими. Трудно было с довольствием: ведь со мной было полтораста стрелков, а у них — ни куска хлеба. Трое суток я делил на всех пайки своих экипажей. Немножко похудели.

Первый Воин

— Вы спрашиваете, когда было всего страшнее? — Катуков поднял брови и переглянулся со своими друзьями. — Ну что же, вопрос поставлен прямо, и он требует такого же прямого ответа… Пожалуй, под селом Первый Воин 6 октября, не так ли?[13]

Все дружно согласились.

— Чудесные, знаете ли, места, — продолжал Катуков. — Тургеневские места. Это недалеко от Бежина Луга. Мы держали там оборону. Моя мотопехота зарылась в землю. Надо было удержаться во что бы то ни стало. А гитлеровцы, конечно, считали, что им надо прорваться тоже во что бы то ни стало. Вот и нашла коса на камень. Помните, товарищи, как мы с комиссаром штаба под мины попали?..

Батальонный комиссар Мельник, молодой и веселый танкист, бывший строитель Харьковского тракторного завода, подтвердил:

— Да, денек был веселый. Я уже не чаял, что выберемся!

Вот документально точный, ничем не прикрашенный рассказ об этом страшном и прекрасном дне, который навеки войдет в историю бригады Катукова, да и не только в ее историю. Этот рассказ записан со слов самих участников изумительного сражения…

(…В сущности, уже накануне стало ясно, что вот-вот начнется решающий бой: Гудериан бросил защитникам Москвы вызов, двинув свои танковые части из Орла на север, вдоль шоссе, рассчитывая мощным ударом проломить нашу оборону. Вот как описывал этот трудный момент в письме ко мне 15 октября 1971 года непосредственный участник битвы — комиссар танкового полка бригады Катукова полковник в отставке Яков Яковлевич Комлов, живущий нынче в Краснодаре:

«Утром 5 октября наши части располагались за рекой Оптуха, притоком Оки; мост через реку оставался пока целым — ведь по ту сторону Оптухи рота Самохина искала танкистов Бурды, с которыми мы утратили связь. Кроме того, как мы предполагали, где-то впереди должны были находиться и танки Гусева,

---

[12] М. Е. Катуков рассказывал мне, что у Бурды испортилась радиостанция, а линейные машины в то время радиосвязью еще не были оборудованы. Штаб бригады находился в движении — за 7 дней бригада шесть раз меняла рубежи, хотя за все это время отошла всего на 8–10 километров. Послать танк в штаб бригады с донесением Бурда, видимо, не смог — такая напряженная была обстановка. Катуков направил для установления связи с отрядом Бурды группу легких танков лейтенанта Константина Самохина. Она с боями продвинулась довольно далеко вперед, нанесла противнику потери, но найти отряд Бурды не смогла

[13] Генерал армии Д. Д. Лелюшенко просил меня добавить, что вместе с бригадой Катукова на рубеже Нарышкино — Первый Воин в этот день участвовали в сражении и другие части: в центре, оседлав шоссе, располагалась 201-я воздушнодесантная бригада, левее пограничный полк Пияшева. Во втором эшелоне находились курсанты Тульского артиллерийского училища. В резерве оставался танковый батальон 11-й танковой бригады. Тем временем 6-я гвардейская стрелковая дивизия и основные силы 11-й танковой бригады готовили оборону по реке Зуше в районе Мценска, а мотоциклетный полк вел разведку на широком фронте.

ушедшие к Орлу. Однако, как вскоре выяснилось, Гусев уже отвел свое подразделение за Оптуху.

И вдруг на шоссе со стороны Орла появилась большая немецкая механизированная колонна — танки приближались к мосту. Видя такое положение, я послал вперед несколько легких танков БТ-1 под командованием комиссара роты политрука Михаила Ивановича Самойленко с задачей выяснить, где Гусев, и уничтожить мост. Вслед за ними выехал и я на легковой машине.

Танки Гусева мы вскоре обнаружили. Я тут же быстро выдвинул их к реке. Танкисты взорвали мост и встретили немецкую колонну огнем.

Это был трудный, неравный поединок: Гудериан бросил в атаку до пятидесяти танков, за ними во втором эшелоне двигались еще сорок. Но наши танкисты держались стойко, маневрируя и всячески стремясь выиграть время, пока наши основные силы подготовят новый боевой рубеж за рекой Лисица следующим притоком Оки…»)

К исходу дня пятого октября гитлеровцам, наступавшим от Орла, удалось восстановить взорванный нашими танкистами мост через реку Оптуха, и они подошли к рубежу реки Лисица на участке селений Ярыгино — Шараповка Каменево. Танкисты и мотострелки Катукова к этому моменту успели занять оборону по берегу Лисицы, оседлав шоссе.

На организацию обороны времени не хватило, но Катуков сделал все, что было возможно: мотострелки подготовили окопы, танки были укрыты в засадах по опушкам небольших рощ справа и слева от дороги. (Рощи эти нынче не сохранились, их вырубили в дальнейшем гитлеровцы, возводя оборонительные сооружения. Теперь на их месте стоят, как мне рассказывали, замечательные, давно плодоносящие сады.) Противотанковые орудия заняли огневые позиции в боевых порядках мотопехоты. Были оборудованы командные пункты, проведена связь. Зенитчики приготовились прикрыть оборонительный район от ударов с воздуха. Впереди, в двух километрах, был наскоро оборудован ложный район обороны: надо было сбить с толку гитлеровцев и заставить их обрушить свой удар по пустому месту.

Когда гитлеровцы приблизились к реке, наши танкисты открыли огонь из засад. Гитлеровцы остановились и расположились на ночь за гребнем высоты у деревни Шараповка. Их командование подтягивало в этот район новые силы, готовя наутро решающий удар в направлении селения Первый Воин.

Комиссар танкового полка Комлов, выяснив обстановку, доложил Катукову, что за гребнем высоты у Лисицы скопляется уйма танков, автомашин, солдат противника. «Словно ярмарка, — сказал он. — Им известно, что у нас с авиацией туго, так они действуют бесцеремонно. Рассчитывают на безнаказанность». Катуков связался с Лелюшенко и, получив ответ, сказал Комлову:

— Ну, сейчас к вам приедет дивизион нашей адской артиллерии. Наши бойцы, да и я сам еще не видели ее работы. Это новая вещь; через ваши головы в сторону врага полетит много горящих снарядов. Побыстрее пойдите в полк и предупредите людей, чтобы они знали, в чем дело, когда увидят в небе тучу раскаленных снарядов…

Это было ставшее впоследствии знаменитым новое советское оружие реактивные минометы, которые наши солдаты прозвали «катюшами». Когда машины необычного вида подкатили на позицию, развернулись справа и слева от шоссе, дали залп и быстро умчались в тыл, все были буквально потрясены эффективностью этого оружия.

— Через наши головы, — писал мне впоследствии Я. Я. Комлов, — летели, расчерчивая красными полосами вечернее небо, сотни необыкновенных снарядов, таща за собой дымчатые шлейфы. Потом в стане врага грянули взрывы. Там встали столбы огня и черного дыма. Послышались дикие вопли. Небывалым пожаром была охвачена огромная территория. Уцелевшие танки и автомашины, урча своими двигателями, начали уползать назад. Солдаты нашего мотострелкового батальона, сидевшие в окопах, закричали «ура». Их

боевой дух поднялся еще выше…[14]

Но было ясно, что это лишь вступление к битве. Сражение должно было начаться на следующий день, и оно обещало быть очень трудным.

Полковник почти не спал в ту ночь. Он великолепно отдавал себе отчет в том, что задача, которая была поставлена перед его бригадой, нечеловечески трудна: от Орла на север двигались мощные танковые колонны, силы которых во много раз превосходили то, чем располагал он. Но он не смел отойти, пока не измотает самым основательнейшим образом немецкие танковые части, рвущиеся к Москве. Только после этого можно будет позволить себе отойти на следующий промежуточный рубеж, который намечен командованием у Головлево — Шеино.

Утро шестого октября было солнечным и на редкость теплым. Пожелтевший лес выглядел празднично. Остро пахли увядающие травы. В высоком, совсем не осеннем небе мирно плыли кудрявые облака.

Даже не верилось, что весь этот прекрасный и немного печальный мир русской осени обречен, что через несколько часов снаряды скосят нарядный лес, гусеницы танков сомнут травы, и небо замутится пороховым дымом и бензиновой гарью.

Катуков в мокрых от холодной росы сапогах и кожаном пальто шел по склону холма. Он проверял расстановку противотанковых орудий, мысленно ставя себя на место немецких танкистов, которым вскоре придется, перевалив через гребень противоположной высотки, двигаться вот по этому самому склону.

Наша воздушная разведка только что доложила, что вдоль этой дороги к рубежу Первого Воина направляются около восьмидесяти немецких танков, а за ними — мотопехота и артиллерия. Тут же в небе появились десятка четыре немецких бомбардировщиков и начали забрасывать бомбами наш ложный рубеж обороны — обман удался! Около двадцати минут били они по пустым окопам. Потом к авиации присоединилась немецкая артиллерия, она тоже била по ложному рубежу. Судя по всему, вот-вот должны были появиться танки немецкое командование рассчитывало, что после такой мощной огневой подготовки они пройдут сквозь нашу оборону, как горячий нож сквозь брусок масла…

— Товарищ полковник! Фашисты!.. — закричал Катукову командир разведки.

И в ту же минуту раздался неистовый грохот. Окутавшись дымом, немецкие танки открыли огонь, и сотни снарядов взрыли землю.

— Вижу, — коротко сказал полковник, — немедленно в лес!..

Теперь уже все было ясно. Катуков поспешил на опушку леса. Он шел быстрым широким шагом под дымными струями трассирующих снарядов, под градом осколков и пуль.

Бой развивался так, как и предвидел Катуков. Немецкие танки с грохотом и рычанием развертывались в боевые порядки, расползались по широкому фронту, стремясь охватить позицию танкистов. Противотанковые орудия и танки Катукова, подпустив врага на прицельную дистанцию, вели из засад расчетливый, меткий огонь. Уже остановились и замерли несколько темно-зеленых машин со свороченными набок башнями, меченными черными крестами, уже взвились языки пламени над подожженными танками, уже заволоклось пеленой дыма поле и стало темнее, словно тучи набежали на небо, а немецкие бронированные чудовища все ползли и ползли.

Страшнее всего было именно это неотвратимое движение их вперед и вперед. И хотя все видели, что количество гитлеровских танков уменьшается, у каждого невольно рождалось опасение, что какая-то часть их все-таки доползет до окопов мотопехоты, и тогда… Но зачем говорить и думать о том, что произойдет тогда? Ведь каждому ясно, что отступать, уйти нельзя. Значит, остается драться, драться и драться. Драться даже тогда,

---

[14] Маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков в своей книге «На острие главного удара» пишет, что этот эпизод произошел на сутки позже — в ночь с 6 на 7 октября (стр. 41–42).

когда танки подойдут вплотную — ведь у каждого есть и гранаты, и бутылки с горючей жидкостью…

В лесу у Катукова был небольшой танковый резерв. Эти боевые машины стояли молча, ничем не выдавая себя, — их берегли на самый крайний случай. А артиллеристы выделенных для участил в бою противотанковых орудий и экипажи танков, которым было приказано вести бой из засад, работали в необычайно быстром темпе, не щадя своих сил.

Напряжение боя усилилось еще больше, когда гитлеровцы снова ввели в действие свою артиллерию и минометы. Снаряды и мины посыпались градом. Катуков, находившийся со своей оперативной группой на опушке леса, опустил бинокль и скомандовал:

— Всем на командный пункт! В блиндаж. Связные остаются со мной.

Комиссар штаба нетерпеливо взял комбрига за рукав:

— Товарищ полковник…

Катуков молча поднял бинокль к глазам. Комиссар штаба вопросительно посмотрел на комиссара бригады. Бойко вполголоса сказал:

— Тяни его с собой.

И громко заявил командиру:

— Товарищ полковник, вам придется тоже уйти…

Катуков шел к блиндажу рядом с комиссаром штаба. Он знал, что Мельник впервые в таком жарком бою. И как он ни был занят, ему не хотелось упускать ни малейшей возможности, чтобы первое настоящее боевое крещение для молодого способного политработника прошло с максимальной пользой. Вокруг них градом падали немецкие бронебойные снаряды — немцы упорно пытались нащупать неуловимые советские танки, которые так метко били из засад. Не встречая брони, снаряды с шипением зарывались в мягкую землю и не разрывались. Катуков на мгновение остановился, нагнулся над еще теплым бронебойным снарядом и сказал улыбаясь:

— Смотри, какой тупорылый! Возьми его на память, а?..

Мельник рассмеялся. На душе стало почему-то легче.

Вскоре Катуков и Мельник услышали знакомый вой: немцы ввели в действие минометы. С надрывным плачем мины шмякались оземь и рвались где-то совсем неподалеку. Комиссар штаба предложил идти быстрее. Катуков качнул головой:

— Погоди минутку.

Снова взвизгнула мина. На этот раз она легла ближе.

— Ложись, — скомандовал полковник, — сейчас упадет рядом!

И действительно, третья мина рванула совсем близко, осыпав полковника и батальонного комиссара комьями земли. Полковник тотчас поднялся и сказал:

— Вот теперь можно идти спокойно. Забирай только чуть-чуть вправо теперь мины будут рваться левее. И впредь имей в виду: попадешь под минометный обстрел — прежде всего обрати внимание, как ложатся мины. Главное — уловить направление. Тогда всегда сумеешь уйти невредимым. А побежишь, не разобравшись, сам свою голову подставишь.

В блиндаже командного пункта началась обычная напряженная работа. Теперь полковник, побывав на переднем крае в самый разгар операции, отлично представлял себе все детали боя, и ему стало легче планировать действия бригады и оперативно руководить ими. Трудно было со связью: вот уже два часа над рощей висели немецкие бомбардировщики, методически и жестоко перепахивая бомбами землю. Блиндаж завалило обломками деревьев. Провода рвались то и дело. И все-таки связисты ухитрялись снова и снова тянуть нити проводов сквозь изломанный, обгорелый лес, сквозь дым и огонь, под градом раскаленных осколков.

И в самые страшные минуты, когда казалось, что земля вот-вот разверзнется и поглотит остатки рощи со всем, что в ней находится, когда рев танков, артиллерийская канонада, вой мин, свист пуль и рокот десятков авиамоторов достигли предельного напряжения, телефонист штаба все тем же спокойным, немного усталым голосом повторял:

— Я — Незабудка… Я — Незабудка… Сосна, я тебя слышу. Сейчас даю Тормоз…

Катуков брал трубку и с картой в руках слушал условный код. Немецкие танки уже прорвались через передний край и злобно вертелись волчком над окопами мотопехоты и авиадесантников, силясь размолоть их вместе с людьми, которые там укрывались. Под гусеницы летели связки гранат. Гибли одновременно и те, кто атаковал, и те, кого атаковали. Ни один боец не отступал. Катуков знал, что именно так все и должно было произойти, и все же ему было больно и горько: он успел полюбить людей своей бригады, такой дружной и сплоченной.

Бой медленно перемещался от реки Лисицы, которую Гудериану удалось все же форсировать, через высоту 217,8 к деревне Первый Воин. Штаб Катукова из дубовой рощи перешел в большой подвал какого-то дома в овраге на юго-восточной окраине этого селения.

Гитлеровцы продолжали свои атаки вдоль шоссе. Одновременно они пытались обойти позицию 4-й танковой бригады справа и слева.

В эти труднейшие часы танкисты сделали все, что посильно человеку, и даже больше того: Катуков знал, что на поле боя уже сгорело несколько десятков немецких танков, быть может, больше того, чем располагал он сам; он знал, что наступательный порыв немцев постепенно ослабевает. И все-таки положение оставалось крайне опасным — уж больно велико было неравенство сил!

Комбриг воевал чрезвычайно расчетливо, экономя свои ресурсы. И только в самую критическую минуту, когда казалось, что немцы вот-вот прорвутся и все полетит к черту, он приказал своему резерву контратаковать…

В бою отличились многие, но прежде всего следует сказать о том, что сделал Иван Любушкин, проявивший себя как подлинный мастер танкового боя. Преградив путь немецким танкистам, пытавшимся обойти бригаду Катукова через деревню Каменево и высоту 231,8, он совершил настоящее чудо — уничтожил девять танков Гудериана! Вот как рассказывал мне потом об этом сам Любушкин — я привожу запись беседы с ним без всяких изменений: она отлично передает не только драматизм ситуации, но и удивительный характер этого человека, поистине танкистский характер…

Из фронтового блокнота

Рассказывает Любушкин

Я тогда под Первым Воином получил приказ выйти на левый фланг и занять место для танковой дуэли. Только доехали до назначенной точки — один снаряд попал в мою машину, но броню не пробил.[15] Я сам сидел у пушки, скомандовал экипажу: «Даешь бронебойные! Посмотрим, чья сталь крепче». И начал бить.

Снаряды все время стучали по нашей броне, но я продолжал огонь. Зажег один немецкий танк, тут же второй, за ним третий. Снаряды мне подавали все члены экипажа. Ударил в четвертый танк — он не горит, но вижу, что из него выскакивают фашисты. Послал осколочный снаряд — добил. Потом разбил еще несколько танков.

В это время все-таки какой-то гитлеровец ухитрился, ударил мою машину в бок. Этот снаряд пробил броню и разорвался внутри танка. Экипаж ослепило. Чад. Радист Дуванов и водитель Федоров застонали. Находившийся в моем танке командир взвода лейтенант Кукарин — он только что вернулся из рейда, ходил с Бурдой, — полез к водителю, видит — он оглушен. Кукарин помогает Федорову. Я продолжаю вести огонь, но тут слышу, как Дуванов говорит: «У меня нога оторвана». Кричу Федорову, — он в это время уже малость отдышался: «Заводи мотор!»

---

[15] Я. Я. Комлов просил меня уточнить, что на этом участке, держа курс на юго-восточную окраину деревни Первый Воин, в атаку шли 80 немецких танков, ведя за собой мотопехоту.

Федоров нащупал кнопку стартера, нажал… Мотор завелся, но скорости, кроме задней, не включались. Кое-как отползли задним ходом, укрылись за нашим тяжелым танком КВ, там перевязали радисту ногу, убрали расстрелянные гильзы.

Надо было бы выйти из боя и произвести ремонт, но тут я увидел в кустах укрытые немецкие танки, которые вели огонь. Уж очень хорошо они были мне видны, жаль их было оставить.

У меня основной прицел разбит, но остается вспомогательный. Я говорю ребятам: «Даешь снаряды! Еще разок постукаемся». И начал бить гадов.

Фашисты видят, что наш танк еще стреляет, — опять начинают нас бить. Один снаряд ударил по башне, не пробил, но внутри от удара отлетел кусок брони и ударил меня по правой ноге, которая была на спусковом приспособлении. Нога стала без чувств. Я подумал было, что ее уже вообще нет: теперь все, отстрелялся навсегда, как Дуванов. Но пощупал — крови нет, цела. Отставил ее руками в сторону, стал стрелять левой ногой. Неудобно. Тогда стал сгибаться и нажимать на спуск правой рукой. Так лучше, но тоже не очень удобно.

Кончая этот бой в кустах, я все-таки зажег еще один танк. Другие наши машины рванулись вперед, а у меня только задний ход. Я и вышел из боя. Сдал раненого санитарам, а моя нога сама пришла в чувство, и машину за два часа отремонтировали. И я еще раз ушел в этот день повоевать…[16]

Сражение длилось до глубокой ночи. В конце концов Гудериан был вынужден приостановить свое наступление и отойти в исходное положение. Наблюдатели, следившие в бинокль за полем боя, насчитали на почерневшем лугу десятки сгоревших и подбитых немецких танков. Остальные, как раненые звери, бессильно отползли в лощину и замерли там до утра.

Бой у Первого Воина явился одним из решающих на том направлении: встретив сильнейшее и неожиданное сопротивление, потеряв до полусотни танков, тридцать пять орудий и много солдат и офицеров, танковая группа Гудериана ослабила свой наступательный порыв. Опытнейший полководец Гудериан был явно сбит с толку, он не понимал, что происходит. Ему казалось, что здесь он наткнулся на сопротивление чрезвычайно мощной советской танковой группировки, хотя в действительности в его распоряжении было в двадцать раз больше танков.

Даже много лет спустя, уже после войны, Гудериан отказывался признать, что советские танкисты победили его у Первого Воина не числом, а исключительно умением. В своих воспоминаниях он писал:

«Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый (!) момент. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить».

Танковая армада Гудериана все еще продолжала потихоньку продвигаться на север, но ее наступательный дух был сломлен. Он быстро продолжал падать и через несколько дней застыл на нуле.

Спустя много лет, 3 июня 1970 года, бывший начальник штаба 4-й танковой бригады П. В. Кульвинский, который успешно провоевал всю войну и жил теперь в Москве, писал в письме ко мне:

«Размышляя о боевых действиях 4-й танковой бригады под Орлом в октябре 1941 года, невольно спрашиваешь себя снова и снова: как же бригада, действуя в течение семи дней и семи ночей, сумела сдержать численно превосходящие

---

[16] За свои поистине поразительные и кажущиеся просто невероятными подвиги, совершенные в день 6 октября у Первого Воина, Любушкин получил звание Героя Советского Союза. Его стрелок-радист Дуванов, лишившийся в тот день ноги, был награжден орденом Красного Знамени.

наступающие силы противника, нанести им большие потери и тем самым выполнить поставленную ей невероятно трудную задачу?

Я, как бывший участник этих боев, считаю, что действия бригады были успешными потому, что количественному превосходству противника мы противопоставили прежде всего высокую моральную стойкость всего личного состава бригады. Бригада была партийно-комсомольской — 92 процента ее состава составляли члены и кандидаты партии и комсомольцы.

Надо добавить, что это были обстрелянные в боях воины: большинство танковых экипажей уже участвовало в сражениях в первые месяцы войны. Каждый боец знал свою задачу и способы действия в бою.

Наконец, командование подразделениями осуществлялось умело, со знанием дела. Непрерывно велась разведка. Танки применялись для маневренных действий из засад, ведением огня с места с короткими остановками. Обращалось серьезное внимание на сохранение боеспособности танкового парка путем быстрого ремонта боевых машин.

Все это и обеспечило нам успех операции, в итоге которой 4-я танковая бригада была переименована в 1-ю гвардейскую, многие ее бойцы и командиры были награждены орденами и медалями, а старший сержант И. Любушкин получил звание Героя Советского Союза».

Но к этому времени, как я уже писал, обстановка ухудшилась на западном направлении, и 4-я танковая бригада была передана в распоряжение командующего 16-й армией Рокоссовского, прикрывавшей шоссе Волоколамск Москва. Она встала здесь на этом шоссе рядом с пока еще безвестной 316-й стрелковой дивизией, которой командовал генерал И. В. Панфилов, — вскоре она прославилась на весь мир своей стойкостью в обороне Москвы; ей было присвоено гвардейское звание и имя ее командира, погибшего смертью храбрых в бою. Подвиг 28 панфиловцев, защитивших ценой своей жизни позицию у разъезда Дубосеково, теперь известен каждому школьнику. Мало кто знает, однако, что плечом к плечу с панфиловцами геройски сражались танкисты Катукова. Неподалеку отсюда, тоже рядом с катуковцами, заняли позиции отважные кавалеристы из корпуса генерал-майора Л. М. Доватора.

От Чисмены, где мы встретились с катуковцами, рукой подать до Дубосекова, но тогда никому из нас еще не был известен этот пока еще ничем не примечательный разъезд…

Однако уже тогда, в Чисмене, танкисты нам рассказывали о своих первых совместных действиях с дивизией Панфилова. Надо вам сказать, что катуковцы прикатили сюда на своих боевых машинах из-под Мценска как нельзя более вовремя: в те дни дивизия Панфилова под натиском превосходящих сил гитлеровцев была вынуждена оставить Волоколамск и занять оборону по линии Строково — Ефремово — Авдотьево — Ченцы — два километра западнее Ядрово Бол. Никольское.

Дорого, очень дорого обошелся гитлеровцам этот успех, они потеряли много сил и вынуждены были прекратить дальнейшее наступление, пока подойдут резервы. Наше командование решило воспользоваться этим, чтобы нанести по фашистам упреждающий удар. И буквально на завтра, после того как 4-я танковая бригада прибыла в Чисмену, Катуков приказал Я. Я. Комлову, замещавшему тогда командира танкового полка бригады, поднять танкистов по тревоге и перебросить их в деревню Рождествено, где находился штаб панфиловской дивизии. Вот как описывал в письме ко мне Яков Яковлевич дальнейшие события:

«Шел мелкий осенний дождь. Стоял гололед. Вечер был чернее темной ночи. Вот в такую погоду и привел я танковый полк в Рождествено. Подробностей не описываю.

Доложил Панфилову о прибытии. Он познакомил меня с обстановкой: гитлеровцы собирают силы для нового удара на Москву; разведка установила скопление немецкой пехоты и обозов в Калистово, недалеко за линией фронта;

надо его разгромить. Было решено совершить туда дерзкий танковый рейд — по приказу Катукова я послал туда четыре танка Т-34 под командованием комбата-2 Петра Петровича Воробьева. В этой операции принял участие и комиссар 1-го танкового батальона старший политрук Загудаев.

Внезапно ворвавшись в Калистово, наши танкисты уничтожили до батальона вражеской пехоты, много лошадей, повозок с грузами, разбили несколько танков и противотанковых орудий. Благополучно вернулись три наших танка, но комбату Воробьеву не повезло: машина его, получив повреждение, застряла в трясине. Попытки вытащить ее не увенчались успехом.

Экипаж, оставшийся в окружении, сражался геройски, он уничтожил более пятидесяти гитлеровцев. Когда кончились боеприпасы, танкисты начали отход. Двоим удалось прорваться к своим, а Воробьев и еще один танкист, — никак не удается установить его фамилию! — погибли».

Петра Воробьева на посту командира танкового батальона заменил Александр Бурда. Бригада продолжала вместе с дивизией Панфилова сдерживать натиск гитлеровцев.

«СПРАВКА

Как было сказано в приказе народного комиссара обороны «О переименовании 4-й танковой бригады в 1-ю гвардейскую танковую бригаду», эта танковая часть «отважными и умелыми боевыми действиями с 4.10 по 11.10, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери войск. Две фашистские танковые дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4-й танковой бригады».

Десятки танкистов 4-й бригады были награждены орденами. Командир бригады полковник М. Е. Катуков получил орден Ленина и звание генерал-майора. Комиссар бригады — полковой комиссар М. Ф. Бойко получил орден Ленина.

О том, как шахтер Александр Бурда стал мастером танкового боя

Если случится вам, читатель, побывать когда-нибудь в небольшом украинском городке Ружин, обязательно разыщите там на кладбище скромную могилку с небольшой пирамидкой, на которой написано: «Здесь похоронен А. Ф. Бурда. 1911–1944», и низко-низко поклонитесь ей.

Только немногие, увы, помнят нынче, что это был за человек, носивший такую простую, даже неказистую с виду фамилию, и чем обязаны ему мы с вами. А жизнь у него была поистине необычайная, и заслуживает он того, чтобы о нем и песню сочинили, и кинофильм сняли, и не одну книгу написали. Не настигни его фашистский снаряд в страшном январском бою сорок четвертого года, когда он со своими танками преграждал путь гитлеровцам, бросавшимся в контратаки, быть бы ему сегодня большим военачальником.

Гвардии подполковник Герой Советского Союза Александр Федорович Бурда кончил свой жизненный путь командиром 64-й гвардейской танковой бригады, которая была одной из лучших в армии Катукова, а начинал он войну никому не известным командиром танковой роты; боевое крещение принял у самой границы, а в бою под Орлом уже стал знаменитостью — я об этом рассказал в предыдущих главах. Быстро росли люди в те времена, но этот Человек в Броне выделялся среди многих, и не зря так любил и ценил его Катуков, не упускавший ни единого случая, чтобы поставить Александра Бурду всем в пример.

Я познакомился с ним ранним ноябрьским утром 1941 года все там же, близ селения Чисмена, где впервые узнал танкистов-гвардейцев, чей боевой путь в дальнейшем мне посчастливилось наблюдать на всем протяжении войны, мы выехали тогда на передний край,

чтобы поглядеть, как организовали свои засады катуковцы, прикрывавшие Волоколамское шоссе. Там было много такого, что до той поры отнюдь не было типично для танковых частей. Мы встретили танкистов, занятых саперными работами, танкистов-землекопов, танкистов-минеров, танкистов-строителей.

— Знакомьтесь, — сказал комиссар штаба Мельник, подводя меня к коренастому танкисту в теплом комбинезоне, скрывавшем знаки различия, старший лейтенант Александр Бурда. Это наш герой, один из победителей Гудериана, а впереди у него еще более блестящая военная карьера, ручаюсь. Посмотрите, как он здесь устроился…

Я крепко сжал протянутую мне жесткую, мозолистую руку и с волнением взглянул в мужественное лицо человека, о котором слышал столько невероятных историй. Из-под черного танкистского шлема выбилась прядь русых волос. В ясных серых глазах прятались хитроватые искорки. Был этот человек среднего, по правде сказать, даже невысокого роста, его жестам были присущи та легкость и ловкость, какие вырабатывает привычка к физическому труду. По синим отметинам на коже, которые оставляют навечно проникшие под кожу острые частички угля, можно было безошибочно догадаться, что перед нами бывший шахтер. Природа одарила его крепким здоровьем и смекалистой головой, он, что называется, никогда не лез в карман за словом, был человеком веселого склада, но привлекать к себе внимание не любил, тем более ненавидел хвастать, а когда его хвалили, чувствовал себя неловко.

— Вперед трудно загадывать, но постараемся быть не хуже других, ответил на комплимент комиссара Александр Бурда, и я сразу узнал по характерному акценту земляка.

— Из Донбасса?

— Так точно, с Луганщины. А позицию мы подготовили так, как приказал нам командир бригады. Вот, поглядите…

Позиция и впрямь была подготовлена отлично. Свои танки, кстати сказать, густо покрытые мелом, — зимняя маскировка! — он разместил на скате высокого холма в глубоких земляных укрытиях и так замаскировал сеном и снегом, что разглядеть их можно было только вблизи. Каждое укрытие с тыла имело хорошо замаскированный путь отхода, — в любую минуту танк мог дать задний ход, выскочить из укрытия и ринуться на врага.

Это и была танковая засада, замечательное изобретение советских танкистов, сыгравшее большую роль в памятных боях Орла.

Александр Бурда сообщил мне, что он с шахты имени Ленина Луганской области; родной его городок — Ровеньки, где в двадцатых годах не раз доводилось бывать и мне, когда я работал в «Луганской правде». Мы дружно вспоминали Луганщину, наши комсомольские съезды, пуск первого мартена на заводе имени Октябрьской революции в 1927 году, тихие Ровеньки.

Бурда в те годы был механиком горной механизации. В 1933 году его призвали в армию и послали в Харьков, где была создана одна из первых советских танковых частей. Там его зачислили в полковую школу.

В 1934 году, когда формировалась первая в СССР тяжелая танковая бригада, Бурду зачислили в экипаж старшины Вербицкого пулеметчиком третьей башни. Так и началась его карьера танкиста.

Стрелял он отлично, получал за это поощрения по службе, был назначен командиром центральной башни. Прошел специальные курсы, которыми руководили инженеры с завода, где строился танк Т-35. Стал младшим командиром. Кончился срок службы — предложили сверхсрочную. Написал письмо матери — она работала на шахте откатчицей вагонеток, — попросил у нее совета. Она ответила: «Смотри сам, но я лично желала бы, чтобы ты был военным». Так и порешил навсегда связать свою судьбу с армией.

В 1936 году сверхсрочника Александра Бурду послали на созданные при бригаде курсы младших лейтенантов.

Окончил курсы — стал командиром взвода и служил в учебной танковой роте

Шалимова.[17] В 1940 году лейтенанта посылали на курсы усовершенствования командного состава бронетанковых войск в Саратов. Закончил он эти курсы с оценкой «отлично» по всем предметам. Ему было присвоено звание старшего лейтенанта.

Вернулся Александр Бурда в свою родную бригаду, которая теперь носила номер 14; но к этому времени она стояла уже не в Харькове, а в Станиславе неподалеку от границы. Там его назначили командиром роты, вооруженной средними танками Т-28. А вскоре на основе 14-й бригады была создана 15-я танковая дивизия. В ее рядах и служил он вместе со своим другом и соперником веселым ростовчанином Заскалько и многими другими танкистами, которые потом воевали в рядах бригады Катукова.

Первые выстрелы старший лейтенант Бурда, как я уже говорил, услышал на рассвете 22 июня 1941 года в городе Станиславе. Оттуда он и начал свой долгий военный путь. О том, как невероятно тяжелы были эти первые дни и недели войны для танкистов 15-й танковой дивизии, — да и для кого из советских людей они не были тяжелы! — дает представление уже приведенный мною рассказ Заскалько.

Отлично воевал в те дни и Александр Бурда. Один из наиболее трудных и сложных боев в своей жизни он провел со своей танковой ротой 14 июля 1941 года под Белиловкой — на украинской земле. Танкисты атаковали и разгромили колонну гитлеровцев, которая прорывалась к Белой Церкви в сопровождении пятнадцати танков. Наши танкисты при этом никаких потерь не понесли.

— Не зря мы так много внимания уделяли до войны стрельбам на полигоне, — говорил мне впоследствии Александр Бурда, вспоминая об этом бое, — Теперь учеба дала свой результат. Не только мы, командиры машин, добились точных попаданий, но и наши башенные стрелки. Тогда, под Белиловкой, мы с моим стрелком Васей Стороженко[18] шестнадцатью снарядами уничтожили немецкий танк, четыре машины с боеприпасами и тягач с пушкой. Для начала вроде неплохо…

Обстановка обострялась с каждым часом, — сказал он. — Гитлеровцы уже хорошо знали, что мы рыщем здесь, и на рубежах нашего вероятного появления выставляли танковые и артиллерийские заслоны — захватить их врасплох уже не удавалось.

И вот в этой обстановке мы все же наносим им фланговый удар. Все делалось в спешке: времени для обстоятельной разведки не хватало. Видим, бьет противотанковая артиллерия. Старший лейтенант Соколов с тремя танками бросился подавить ее, и на глазах у нас все три танка сгорели. Большое это горе было для всех, а для меня особенно — ведь Николай был мне настоящим другом.

А положение все обостряется. Налетела немецкая авиация, потом пошли на нас шестьдесят танков, а в нашем полку оставалось всего двенадцать исправных боевых машин. За немецкими танками мчатся мотоциклисты-автоматчики…

---

[17] Тов. Б. А. Шалимов, ныне гвардии полковник запаса, пишет мне: «Как командир взвода Бурда показал себя прекрасным организатором и воспитателем. Для него не существовало таких понятий, как «не знаю» или «не могу». Если он и не знал чего-либо, то добивался того, чтобы узнать, и никогда не стеснялся спрашивать. Своим подчиненным он уделял много личного времени, вникая во все стороны их быта. Это был требовательный, но справедливый командир.

[18] Воспитанник А. Ф. Бурды Василий Яковлевич Стороженко, бывший тракторист из Воронежской области, закончил войну майором, кавалером тринадцати боевых наград — о его боевых делах речь пойдет в следующих главах этой книги. Сейчас он живет в поселке Ивня Курской области, на подступах к которому ему довелось в июле 1943 года провести одну из самых трудных битв в своей жизни. Он занят там самым мирным делом: заведует районным отделом социального обеспечения.

В сентябре 1967 года я попросил Василия Яковлевича прислать мне свою фотографию военных лет. Он смущенно ответил: «К сожалению, у меня такого снимка нет. И это лишь потому, что я с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 не вылезал из танка и шесть раз горел в нем, и все то, что у меня имелось перед боем, всегда сгорало в машине. Поэтому я посылаю Вам карточку самого конца военного времени».

Вот какой это человек!

С великой злобой начали мы этот бой. И сразу же вам скажу: как это ни удивительно, мы его выиграли, хотя соотношение сил, как видите, было для нас ужасно невыгодным. Чем мы взяли верх? Опять же хитростью и умением. Шел бой вроде игры в прятки. Они за садом — мы в саду, они в саду — мы на восточном берегу реки. А в решающие минуты смело шли на сближение. В саду и на поле, среди высоких хлебов, чуть не таранили друг друга.

Наши пушки разбивали немецкие танки один за другим. Доставалось и нам, но все же мы ни одной машины не потеряли, все потом ушли своим ходом. У одной нашей машины мы потом насчитали несколько пробоин, но она так и не загорелась; ни мотор, ни ходовая часть ее не были повреждены.

Все в этом бою перепуталось. Помню, стоим мы в саду, заправляемся, вдруг подъезжают на мотоциклах гитлеровцы. Стоят и смотрят, наверное приняли за своих. Потом как крутанут мотоциклы, помчались во весь дух прочь. Мы их перестреляли, забрали девять мотоциклов.

В это время нас стали обходить еще более крупные силы. Нам дали приказ отступать. Мне с группой из шести танков было поручено прикрыть отход дивизии: она должна была сосредоточиться в новом районе. Мы вели бой из засад…

Выполнили мы боевую задачу, тут началось самое трудное: боеприпасы и горючее на исходе, а приказа о смене позиций все нет. Отходить без приказа нельзя и воевать уже нечем. К тому же состояние боевой техники отвратительное: моторы уже отработали то, что им положено. У одного танка вышел из строя стартер — у него мотор заводится только от движения, когда машину на буксире потянешь. А если он заглохнет под обстрелом, что тогда?

Укрылись мы в леске, как было условлено, хорошо замаскировались, ждем связного от командования. А тут, как на беду, гитлеровцы. Их много. И разбивают бивуак метрах в тридцати от наших танков. У нас такой случай был предусмотрен: если появятся гитлеровцы — ждать, не выдавая себя, приказа о смене позиции, а как только связной проберется — удар гранатой — это сигнал немедленно заводить все моторы, и на полной скорости, ведя огонь последними снарядами и патронами, прорываться к своим.

Вот мы ждем, присматриваемся, прислушиваемся. Гитлеровцы разожгли костры, сели поужинать, потом улеглись спать, оставив часовых. Уже полночь… Час ночи… Связного все нет. Стало жутковато. Вдруг слышу, что-то шуршит. Пригляделся — ползет человек без пилотки. Шепчу:

— Кто такой?

— Я… лейтенант Перджанян, с приказом.

У него в одной руке винтовка, весь обвешан гранатами. Я его хорошо знал.

— Приказано отходить. Вот маршрут…

Ну, все сделали, как условились. Удар гранатой — в сторону фашистов, все моторы взревели, неисправную машину дернули, она с ходу завелась. Даем бешеный огонь по кучам спящих гитлеровцев, по их пушкам, грузовикам. У них паника, мечутся у костров. Много мы там их положили. Прорвались…

Остановился, пересчитал машины — одной нет. Что такое? Неужели погибла? Взял винтовку, побежал по дороге с Перджаыяном поглядеть, что случилось. Смотрим, чернеет наш Т-28.

— Свои?

— Свои, — узнаю по голосу механика-водителя Черничко.

— В чем дело?

— Машина подработалась, фрикцион не берет. А тут еще камень попал между ведущим катком и плетью гусеницы, ее сбросило внутрь. Теперь гусеницу не надеть…

Что делать? Противник в километре, вот-вот гитлеровцы бросятся нас догонять. Юзом машину не утянуть. Скрепя сердце, принимаю решение взорвать танк. Огляделся — мы на окраине деревни. Разбудили крестьян из ближайших хат:

— Уйдите из домов, сейчас будем взрывать танк, как бы вас не задело осколками…

Командиром на танке был Капотов — замечательный храбрый танкист, он и сейчас с нами, вы, наверное, с ним познакомились. Приказываю ему:

— Возьми бинты, намочи бензином, зажги и брось в бак с горючим…

Хоть и жалко ему было машину, он приказ выполнил немедленно, но вот беда: бинты погасли — взрыва нет. Принимаю новое решение:

— Забросай баки гранатами, а мы тебя прикроем!

Капотов без колебаний выполнил и этот приказ. Раздались взрывы, машина запылала. Мы бросились к танкам и поехали дальше. Ночь, дороги незнакомые… Шли мы по еще свежему следу наших танков, отход которых днем прикрывала моя рота: время от времени я останавливался, выходил из танка, щупал теплую грунтовую дорогу и проверял, есть ли след траков гусеницы, не сбились ли с дороги.

Все было в порядке. Нашли своих, они уже не думали встретить нас живыми. Доложили о выполнении боевого задания командованию, получили благодарность. Оттуда до Погребища дошли без боев. Это было уже 18 июля. Там сдали свои машины и отправились на формирование в далекий тыл. Ехали на грузовиках через Яготин — Пирятин — Бахмач до Харькова, а оттуда поездом.

Ну, а что было дальше, вы уже знаете, — заключил Александр Бурда.

* * *

Я нарочно привел во всех деталях, вплоть до технических мелочей, этот долгий рассказ моего друга, чтобы показать, как постепенно формировался его воинский характер, как этот человек закалялся и становился тем Человеком в Броне, каким показал себя уже под Орлом, а затем и во многих других битвах, о которых пойдет речь впереди.

Обратите внимание, с какой откровенностью повествует он не только о своих успехах, но и о неудачах, больше того, о грубых промахах и ошибках, которые бывают неизбежны на первых порах.

Слушая этого человека, я всегда поражался тому, какая бездна хитрости в его смекалистом уме. Ведь любая его операция, пусть небольшого масштаба, — это сложное хитросплетение самых разных маневров, придумок, необычайных и, как правило, смелых решений. За это его так и любил Катуков, сам получивший от своих солдат кличку «генерал Хитрость».

Александр Бурда поистине был отлично подготовлен к войне да к тому же обладал большим природным талантом. И не случайно столь быстрым и успешным было продвижение его по многотрудной военно-служебной лестнице — за два года боев от командира роты до командира бригады.

Но я забегаю вперед. Нам пора возвращаться в Чисмену…

* * *

Вечером 10 ноября мы снова сидели в штабе у полковника Катукова. Он, по обыкновению, был радушен и гостеприимен, угощал гостей яблоками, рассказывал новые интересные истории о приключениях своих лихих разведчиков — видимо, он ими искрение гордился. Но в то же время было видно, что мысли полковника витают где-то далеко.

Кто-то из журналистов спросил полковника:

— Ну, а каковы все-таки ваши ближайшие перспективы?

Катуков, как всегда, вежливо улыбнулся:

— Ближайшая перспектива — строго соблюдать военную тайну. А если вы хотите узнать о перспективах дальнейших, не теряйте с нами связи.

Скирманово

Полковник Катуков, умевший, как никто, оберегать военную тайну и строго учивший этому подчиненных, отлично знал, что делает, когда он как бы мимоходом заметил, прощаясь с нами в Чисмене: «Загляните к нам через недельку. Я думаю, что к этому сроку германское командование что-нибудь придумает… А может быть, кое-что придумаем и мы»…

Дело в том, что «кое-что» уже было придумано и должно было произойти не через недельку, а буквально послезавтра — 12 ноября. Мы и не подозревали, что в то время, когда свободные от боя танкисты предавались воспоминаниям об Орле, штаб бригады напряженно работал, готовя новую важную операцию, которая должна была развернуться на подступах к неприметному селу Скирманово, что левее Волоколамского шоссе. И трудно было себе представить, что такой спокойный и с виду свободный от всяких срочных дел командир бригады на самом деле с нетерпением ждал отъезда гостей, чтобы немедленно отправиться на рекогносцировку поля предстоящего боя.

Тем временем наш газетный мир приятно радовали одна за другой интересные вести, связанные все с этой же танковой бригадой. Едва мы с Черненко ввалились в озаренный тусклыми маскировочными лампочками, промерзший редакционный коридор «Комсомольской правды», рассчитывая поразить друзей интереснейшими новостями, как нам навстречу уже закричали:

— Слыхали? Бригада Катукова уже гвардейская, а он сам генерал-майор…

Наш редактор Борис Бурков протянул мне несколько листков, снятых с телетайпа, передававшего последние известия ТАСС:

— Это за их участие в битве под Орлом… Готовьте полосу о танковой гвардии.

Ну что ж, выходит, мы съездили удачно: у нас сведения, добытые из первых рук. Но не успели мы закончить подготовку полосы, как из штаба 16-й армии наш корреспондент Башкиров таинственно сообщил, что на Волоколамском шоссе что-то затевается: что именно, он не знает, но говорят, что будет интересно. К тому же там будет участвовать 4-я танковая, то бишь 1-я гвардейская танковая бригада. Надо срочно ехать туда…

Короче говоря, рано утром 13 ноября мы снова были в пути. Наш неутомимый молодой шофер веселый белорус Миша Сидорчук гнал по уже знакомому шоссе свой выбеленный мелом старенький пикап с максимальной скоростью.

Операция у села Скирманово, конечно, не была каким-либо решающим сражением, но она имела свое важное значение. На войне случалось не раз, что битва за какую-нибудь деревушку, которой и на карте-то не сыщешь, а то и просто за безымянную высоту проходила с большим ожесточением, чем иной бой у ворот города. Значение этой операции подчеркнул в своих военных мемуарах, опубликованных в 1962 году, известный советский военачальник маршал артиллерии Герой Советского Союза Василий Иванович Казаков — тогда он был начальником артиллерии 16-й армии, дравшейся на Волоколамском шоссе.

> «До Москвы оставались считанные километры, — писал он. — Враг подступил уже к районному центру Ново-Петровское (где находился, кстати сказать, штаб 16-й армии. — Ю. Ж.) и занял Скирманово. Командующий армией принял решение организовать сильную контратаку и выбить немцев из этого населенного пункта».

Ради восстановления всей полноты картины этого интересного боя я приведу здесь свои записи, сделанные на месте в тот памятный День.

Из фронтового блокнота

13 ноября 1941 года. Едем снова к танкистам Катукова, которые стали гвардейцами (первая гвардейская танковая бригада!). В Чисмене мы их уже не застали. Бригада дерется за Скирманово — село, где гитлеровцы создали плацдарм для удара на Ново-Петровское — во фланг нашим. Возвращаемся в Ново-Петровское — в штабарм 16. Нам повезло: в

Скирманово едут начальник артиллерии армии генерал Казаков и член Военного совета армии бригадный комиссар Лобачев. В хвост за их «эмкой» пристраиваются наш пикап (я еду с нашим фоторепортером Фишманом) и «эмка» военных корреспондентов «Известий».

От Ново-Петровского влево — через Андрейкино, Рождествено и Ново-Рождествено… Ново-Рождествено сильно пострадало от артиллерийского огня: пробитые крыши, изуродованная церковь, сорванные провода. На обочине шоссе догорает мощный тягач, подорвавшийся на мине. Навстречу нам «Ворошиловец» тащит огромную немецкую пушку. На стволе ее желтый знак: силуэт танка КВ и две черточки. Останавливаемся для осмотра.

Генерал Казаков доволен: танкисты Катукова захватили ценный трофей. Эта пушка используется гитлеровцами специально для борьбы с нашими тяжелыми танками, броню которых не пробивают обычные противотанковые орудия. Слышен грохот канонады. Казаков отгоняет машины за бугор. Он направляется к своим артиллеристам, Лобачев толкует с политработниками, а мы спешим к Катукову.

Штаб первой гвардейской находим, как всегда, в самом необычном месте: в какой-то землянке у леса. Тянутся хорошо замаскированные провода: «мессершмитт» рыщет на бреющем полете, ищет штаб, но не находит. Тем временем штаб спокойно руководит боем. В землянке спокойно, идет негромкий деловой разговор.

К нам на минутку выходит Катуков. Он все такой же, спокойный, уравновешенный. Только под глазами легли резкие черные тени: двое суток без сна. На нем простая красноармейская шинель, на петлицах которой наскоро нарисованы химическим карандашом две звездочки. Катуков никогда не гонится за внешним эффектом, сейчас война, а не парад.

За лесом ревет артиллерия. Со свистом и шипением взвиваются одновременно десятки мин. Черная копоть оседает на одетые снегом ели. Без умолку звонят полевые телефоны. Начальник штаба Кульвинский чертит торопливо новую схему удара.

— Поздравляем вас, генерал…

— Спасибо. Но давайте условимся: сегодня наш разговор будет коротким. Пройдемте вот под ту елку, не будем мешать начальнику штаба… Канонада еще больше усиливается. Генерал смотрит на часы:

— Сейчас наши мотострелки пойдут в атаку на Козлово… Обстановка такова. Данные разведки показали, что немцы готовят новое крупное наступление на Москву. Одним из многих опорных пунктов они избрали село Скирманово, вон там, за лесом. Командование армии поставило задачу: упредить противника, нанести ему удар первым, спутать тем самым его наступательные планы на этом участке. Сегодня ночью, действуя во взаимодействии с другими частями, мы выбили немцев из Скирманова. Они оставили десятки подбитых танков, несколько орудий, тягачи, большое количество вооружения и боеприпасов. Сейчас идет бой за Козлово. Наши части действуют успешно.

Катукова зовут к аппарату. Он просит извинения и прощается:

— Загляните в Скирманово. Там вы найдете кое-что любопытное.

Идем в село. На поле — горелые танки, немецкие и наши, разбитые автомобили, мотоциклы: вчера здесь был жестокий бой. За пригорком — остатки Скирманова. В нем — страшные картины. Здесь уже десятки развороченных снарядами танков, сбитые башни, проломанные корпуса. Трупы, много трупов. Один подгоревший, рука поднята. Несколько убитых в зеленых комбинезонах, в касках и без них. Свежие розовые лица — мороз их законсервировал. Лужа замерзшей алой крови на снегу. Мозги, пристывшие к медным стаканам снарядов. Кровь на гусеницах танков.

Курятся догорающие избы. Бродит одинокая корова — единственное живое существо в селе. В уцелевшей избе все вверх дном. Изломанный комод. Новенькая швейная машина, вмерзшая в грязь на полу. Окровавленные немецкие сапоги. Разорванная «Азбука ленинизма» Керженцева, чьи-то конспекты по тактике, составленные в 1935 году, брошюры. На полке остатки битой посуды. На все это разорение равнодушно глядят из красного угла святые лики икон. На стенах фотографии тех, кто когда-то здесь жил: традиционные застывшие позы перед объективом; старик колхозник, младший командир Красной Армии,

девушка с комсомольским значком, дети…

Из Скирманова открывается широкий вид. В низине столбы голубого дыма это горит Козлово, которое сейчас штурмуют мотострелки Катукова. Левее у леса — Агафидово.

Вокруг трофейного вооружения уже хлопочут наши бойцы. Богатая добыча: десятки танков, орудий, минометов, боеприпасы к ним. Под некоторыми неисправными танками были вырыты окопы, — оттуда, как из дотов, немецкие пушки вели огонь по нашим танкам. Доты были сооружены и под домами. Сильный укрепленный узел был создан на деревенском кладбище. Штурм его дорого обошелся нашим танкистам.

Заметив движение в селе, гитлеровцы берут Скирманово под артиллерийский обстрел. Снаряды падают близко. Приходится ложиться. Комья мерзлого снега больно бьют по плечам. Нашему шоферу осколком порвало шинель у пояса и поцарапало кобуру револьвера. Но потом все успокаивается…

Приезжает сам командарм 16 — Константин Рокоссовский. Высокий, стройный, в парадной генеральской шинели, в начищенных до блеска сапогах. В этот момент сзади зарычали наши реактивные минометы, они начали жечь гитлеровцев, разбегающихся из Козлова, об этом отрапортовал подбежавший командир полка — моложавый капитан в каске, надетой поверх меховой шапки.

Подошел быстрым шагом Катуков. Взяв руку под козырек, доложил, что бригада выполнила приказ — захватила Скирманово и сейчас ведет бой за Козлово…

Так обстояло дело на этом участке фронта в тот памятный морозный и солнечный ноябрьский день. Мы проводили армейское начальство, спешившее по своим делам, и продолжали осмотр Скирманова, разыскивая знакомых танкистов: не терпелось узнать подробности штурма этого плацдарма гитлеровцев.

У одного из сооруженных фашистами блиндажей мы остановились. Фоторепортеров соблазнил оригинальный натюрморт: у входа в грязную нору валялись обглоданные свиные ноги, неведомо зачем притащенная из избы какого-то колхозника икона, украшенная наивными бумажными розами, немецкая каска, обшитая краденым старушечьим платком, и несколько пулеметных лент. Я заглянул внутрь этого логова, заваленного сеном, в котором еще вчера отогревались его недавние обитатели.

— Осторожнее, не наберитесь вшей…

Спокойный голос показался знакомым. Оборачиваюсь. Да ведь это же Бурда! Вот и знакомые силуэты его грозных боевых машин, которые мы видели в засаде у Чисмены. Сейчас они притаились в укрытиях, повернув свои длинные шеи в сторону раскинувшейся в лощине деревни Козлово, над которой рвутся одновременно десятки снарядов, — там продолжается ожесточенный бой.

Некоторых гвардейцев нет. Ранен смелый разведчик Коровянский. Обгорел и отправлен в госпиталь друг и соперник Бурды Заскалько. Погиб смертью храбрых танкист-орденоносец старший сержант Миша Матросов.[19] Погибли и другие гвардейцы.

---

[19] Это был всем известный в бригаде танк братьев Матросовых Александра и Михаила. Они воевали в составе 1-го батальона бригады с самого начала ее боевого пути. Когда катуковцы уходили на фронт из Сталинграда, братьев Матросовых провожал их отец, пожилой колхозник Федор Матросов, сам бывший солдат, хорошо знавший, что такое война. А. Ростков вспоминает, что он сказал, выступая на митинге: «Сыны мои! Смотрю я на эти вот диковинные сильные машины, на вас, орлов наших, и сердце мое наполняется гордостью и верой. Вот какие машины умеем мы делать. Маловато пока их, а придет срок будет больше, будет! Бейте же захватчиков, берегите танки, не посрамите чести нашей». И братья честно выполняли отцовский наказ. Мне так рассказали историю гибели Михаила: танк участвовал в боях за Козлово, когда бригада, развивая успех, после взятия Скирманова устремилась дальше. Уничтожив на подступах к селу фашистский танк и сокрушив два дзота, он ворвался в Козлово, но тут его встретил сильный огонь противотанковых орудий, которые вели огонь прямой наводкой. Немецкий снаряд пробил броню и взорвался внутри машины. Осколок металла вонзился в грудь Михаилу Матросову. Александр Матросов был тяжело ранен, но у него хватило силы развернуть тяжелый танк и отвести его назад метров на сто, после чего он потерял сознание. Подоспевший тягач вытащил подбитую машину с поля боя. Михаил Матросов был похоронен в деревне Ново-Рождествено.

Недешево далась победа! И все-таки в сравнении с потерями немцев наши потери невелики.

Усевшись на завалинку чудом уцелевшей в этой переделке избы, мы беседуем с танкистами о событиях минувшей ночи. Беседа отрывочна, немного сбивчива — люди еще целиком во власти пережитого. Но впечатления эти ценны своей непосредственностью и искренностью.

— А помнишь, как они, сволочи, за кладбище уцепились?.. А Евтушенко-то, Евтушенко — вот комик! Фашист капрал бежит, а он — прыг из танка, за манишку гада и — будь здоров — в плен!.. Ну, а как Заскалько им жару дал! Двенадцать орудий по его КВ в упор, а он — ноль внимания, фунт презрения: будьте добреньки, под гусеницы! Ему что эти снаряды — горох! Черта с два броню пробьет!.. А Самохин? Что ты молчишь, Костя? Скажи, как ты их гранатами из люка лупанул!..

Константин Самохин по-прежнему командует ротой.

— Это незаурядная личность, — говорил мне о Самохине Катуков три дня назад в Чисмене, — он себя еще покажет. Воюет с первого дня войны. Говорят, что он родом из-под Сталинграда — лихой казак. Завзятый танцор, организатор самодеятельности, в мирное время был футболистом, играл за центр нападения. Ну, а теперь забивает голы фашистам бронебойными болванками. Боевое крещение принял еще в войне с белофиннами и был награжден за храбрость медалью. В июльские дни на Украине его танковая рота истребила более сорока фашистских танков. На формирование бригады в район Сталинграда он прибыл уже опытным командиром — на гимнастерке у него уже был орден Красной Звезды, а теперь добавился орден Ленина. Отлично воевал под Орлом!..

В Чисмене нам не довелось встретиться с Самохиным, и теперь я с любопытством разглядываю этого молодого, смуглого, плотного и в то же время легкого и очень поворотливого офицера в комбинезоне. Он сконфуженно улыбается:

— Ну, так то же не по уставу. Что я буду делать, если снарядов не осталось, а фашисты тут, рядышком, тепленькие, в блиндаже? Вот я, нарушив устав, и высунулся из люка и начал их гранатами забрасывать…

Бурда добавляет, что в этом бою Самохин израсходовал четыре боекомплекта, — так часто приходилось ему ходить в атаку и вести огонь по боевым позициям гитлеровцев.

Беседа на завалинке продолжается. Разговор идет пока вразброд, после боя прежде всего вспоминают моменты, которые были очень сложными, подчас трагическими, а теперь почему-то кажутся забавными, смешными. Память в минуту наивысшего нервного напряжения в бою фиксирует малейшие детали, словно фотографическая пластинка, и во время передышки люди испытывают потребность выговориться и притом вдоволь посмеяться — это необходимая разрядка.

И, как всегда, из таких отрывочных замечаний постепенно складывается картина боя — стройная, четкая картина. Мне невольно приходит на ум любимая фраза Катукова: «Надо крепкое сердце иметь». Именно это крепкое сердце решило успех операции минувшей ночью.

Гитлеровцы хорошо укрепились в Скирманове. Село было превращено ими в крепкий узел обороны с прекрасно организованной огневой защитой. Само расположение села благоприятствовало обороне: справа бугор, слева овраги, а прямо открытая местность, отлично пристрелянная.

Катуковцам была поставлена задача: во взаимодействии с 18-й стрелковой дивизией, которая наступала левее, уничтожить противника в Скирманове, а затем наступать вдоль шоссе и овладеть селом Козлово. Атаку поддерживали четыре дивизиона артиллерии, фланги прикрывали 27-я и 28-я танковые бригады.

Атака началась с утра 12 ноября после мощной артиллерийской подготовки. Катуков применил строй клина. Бригада наносила лобовой удар другой возможности не было. Танки гвардейцев построились в три эшелона пока первый эшелон продвигался вперед, второй поддерживал его огнем. Третий эшелон оставался в резерве, в критический момент вступил в бой и он.

В пять часов утра 12 ноября перед боем у Скирманова комиссар 1-го танкового батальона А. С. Загудаев созвал экипажи танков на короткое собрание. Он прочел танкистам приказ о переименовании бригады в 1-ю гвардейскую танковую. Напомнил товарищам о погибших боевых друзьях. Призвал сражаться так же самоотверженно, как сражались под Орлом Рафтопулло, Дуванов, Рындин, Любушкин…

Сокрушая все на своем пути, бронированный клин гвардейцев врезался в село. И все же одним ударом проломить оборону противника не удалось — уж очень сильна была артиллерийская и минометная оборона гитлеровцев. По каждому нашему танку били 10–12 орудий и минометов. Тут-то и потребовалось то самое крепкое сердце, о котором любит говорить Катуков, — надо было на ходу быстро и четко перестроиться, применить новую тактику. И генерал сумел это сделать. Не давая врагу ни минуты передышки, он начал планомерно и методически выбрасывать вперед небольшие группы танков, изматывая до предела нервы врага. Надо было создать видимость бесконечного наращивания сил.

Танки двигались вперед короткими скачками, нанося молниеносные удары с разных направлений. Снова отличился Бурда, а с ним и старший сержант Евтушенко. Продвижению пехоты сильно мешала гитлеровская минометная батарея, расположившаяся на кладбище. Кроме того, там были сооружены долговременные огневые точки; оттуда гитлеровцы пулеметным огнем преграждали путь пехоте.

Бурда и Евтушенко стремительно помчались на врага. Тогда гитлеровцы бросили в контратаку припрятанные в резерве шесть танков. Два гвардейских экипажа, не дрогнув, приняли неравный бой. Бурда уничтожил три тяжелых немецких танка, похоронил под гусеницами своей машины шесть блиндажей со всей их начинкой, живой и мертвой, — очень ловко тут поработал водитель танка Боровик, — и расстрелял два взвода пехоты. Евтушенко раздавил две долговременные огневые точки, уничтожил около тридцати пехотинцев и захватил одного капрала в плен, о чем так весело рассказывал нам Бурда, уж больно необычайный был случай. Когда же понадобилось вклиниться в глубину села, Бурда, не задумываясь, влетел туда, давил, мял, крушил врага, как только позволяла техника. Но тут он снова встретил сильный артиллерийский огонь. Снаряд попал в его танк, разбил оптические приборы. Пришлось отойти.

Мужественно сражался и экипаж комиссара 1-го батальона Загудаева. Сам Загудаев командовал танком, механиком-водителем у него был Дыбин, стрелком-радистом Наймушин, заряжающим Лескин. Выполняя боевой приказ, Загудаев прикрывал левый фланг наступления бригады. Он принял бой с контратакующей группой немецких танков, расстреливая их в упор.

Экипаж Загудаева уничтожил пять вражеских танков, но и сам понес потери: снаряд поразил в голову заряжающего Лескина. Остальных спасла казенная часть пушки, принявшая на себя этот страшный удар.

Искусный механик Дыбин, ловко маневрируя, сумел все же вывести искалеченную машину из-под убийственного огня. Лескин был похоронен на окраине села Ново-Рождествено. Загудаев за мужество, проявленное в бою у Скирманова, был награжден орденом Ленина. Ему была посвящена передовая статья в газете «Красная звезда».[20]

Мужественно сражались танковые экипажи Павла Заскалько и Ильи Полянского, которые шли в бой на тяжелых танках КВ. Завидев мощную машину Заскалько, гитлеровцы сосредоточили на ней огонь двенадцати орудий, били и артиллеристы, и танкисты. Но Заскалько продолжал идти вперед. Одним ударом он расколол немецкий танк, потом разбил тяжелую самоходную пушку, перестрелял до взвода пехоты. Вот уже и деревня… Наши танкисты ворвались в глубину обороны гитлеровцев и начали ее крушить.

В этот момент Заскалько почувствовал сильнейший удар — это пробил башню снаряд

---

[20] Тов. Загудаев мужественно прошел весь боевой путь войны. Он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. Сейчас он — полковник в отставке, живет в Москве.

мощной немецкой пушки, приспособленной специально для стрельбы по танкам КВ (нам потом показывал ее на шоссе генерал Казаков — танкисты захватили ее в конце концов).

Снаряд разорвался в танке. Несколько членов экипажа были ранены. Чудом остались невредимы лишь Заскалько и водитель Потапенко. Водитель пытался вывести танк с поля боя, но в машине вспыхнул пожар.

Когда мы встретились почти два месяца спустя в селе Ивановском, — в той самой «пещере Лейхтвейса», с описания которой началось наше повествование, Заскалько только что вернулся из госпиталя и так рассказывал мне о том, что произошло в эти критические минуты:

— Нас было пятеро в танке — я, водитель Потапенко, командир орудия Макаров, парторг нашей роты тяжелых танков радист Семенчук и механик Кожин. У Макарова перебита рука и разворочан бок, он уже не дышит, у Кожина на ниточке висит выбитый глаз, Семенчук тоже ранен. Мы с Потапенко пытаемся погасить пламя, но ничего не выходит. Дышать уже нечем, а открыть люки никак не удается: их заклинило. Неужели это смерть? В голове вдруг все промелькнуло, что было в жизни, с самого детства. Не знал я, что так страшно умирать… Рванулся из последних сил, а я ведь, как вы знаете, физкультурник, первенство брал в Станиславе, вышиб нижний люк. Стал спускать раненых. А там пули вихрем. Но другого пути у нас нет. Сначала вытащил Семенчука. Потом Кожина — это у него болтался глаз на щеке, страшно вспомнить. Спускаю его, а он стонет: «Товарищ старший лейтенант… Павел Андреевич! Паша!.. Скажи правду, нет у меня глаз? Если нет — пристрели!» Я ему: «Есть, есть у тебя глаза. Просто тебе их кровью залило, ты и не видишь». Вытащили мы Макарова. И тут я вдруг вспомнил про свой дневник, он в танке остался. Больно жалко стало: много интересного там было записано. И ринулся я в горячке в танк. Стал ощупью шарить, а кругом огонь. Планшет так и не нашел, а весь обгорел. Едва выбрался — прыгнул в снег рыбкой… Поползли мы к своим. Потапенко тащил Семенчука, а я — Кожина. Кругом стрельба — нет спасения. Тут очередью из автомата и добило беднягу Семенчука — его перерезало пополам, а у Потапенко в кармане отсекло угол комсомольского билета. В общем, все же добрались мы до своих втроем — я, Потапенко и Кожин. Говорят, на меня было страшно смотреть: так обгорел. Как ни отбивался, меня сразу в госпиталь отвезли. Ну, как видите, все быстро зажило, теперь опять буду воевать…

*** * ***

Уже погас день, спустились сумерки, зажглись в дыму пожарищ тусклые звезды, а на подступах к Скирманову все еще гремело, клокотало, шумело. Гитлеровцы предприняли контратаку, но наши танкисты, увлекая за собой пехоту, отбросили их и начали штурм высоты, на которой располагалось кладбище, превращенное гитлеровцами в сильный оборонительный узел. Это был тяжелый бой. Танки капитана Гусева, — у которого на этот раз башенным стрелком был Герой Советского Союза Любушкин, — Бурды, Евтушенко, Корсуна, Столярчука расстреливали и давили гитлеровские дзоты. Политработники бригады Комлов и Столярчук шли в рядах пехоты, подбадривая и воодушевляя солдат. С мотострелками в атаку шел начальник разведки штаба бригады капитан Лушпа.

Тяжкая задача выпала на долю мотострелкового батальона, который уже успешно прошел через жаркие бои под Орлом. Вот как описывает свои переживания в бою за Скирманово ветеран батальона, бывший пулеметчик Петр Иванович Тернов в письме ко мне, присланном в декабре 1971 года:

> «В ночь на 12 ноября нас посадили на танки, и мы двинулись к Скирманово. Был сильный мороз, и броня была ледяная — прикосновение к ней обжигало руки. Только выхлопные трубы от мотора давали чуточку тепла. К исходному рубежу мы подошли к рассвету. Немцы молчали. До нас в этом районе находились пехотные

части, и гитлеровцы, видимо, не ожидали, что на их оборону навалится такая страшная лавина — танки КВ и Т-34.

Бой начался дружно. Танки пошли в три эшелона. С последним эшелоном шли мы, десантники. Нам предстояло атаковать в лоб немецкие позиции в районе кладбища. И когда танки обработали огнем гитлеровскую оборону, мы схватились с вражеской пехотой.

Мой пулеметный взвод вел огонь по окопам и блиндажам противника, а приданный нам танк поддерживал нас. Пули и снаряды летели со всех сторон, снег почернел от пороха, казалось — нет нигде живого места. Особенно досаждал нам один немецкий пулемет. Танкист приоткрыл верхний люк и спросил меня: «Откуда бьет эта сволочь?» Я дал ему ориентир. Танкист выстрелил из пушки. Немецкий пулеметчик на мгновение замолчал, но потом опять дал очередь — наш снаряд разорвался с перелетом. Я уточнил ориентир. Танкист снова выстрелил, и на этот раз удачно: пулемет разлетелся вдребезги, пулеметчик был убит.

Через минуту из немецкого окопа вылез какой-то детина в каске и поднял руки. Это был немецкий унтер-офицер. Мы его быстро схватили и упрятали за танк. Бой разгорался все сильнее — немцы обрушили на нас сильный огонь. Но танк своим беглым огнем нанес им сильный ущерб. Хорошо поработали и два наших «максима».

Мы отправили пленного в тыл, а сами стали продвигаться вперед. Подошли вплотную к немецким окопам, и начался бой гранатами. От немецких ручных гранат мы ущерба не понесли, а вот наши «лимонки» и бутылки с горючей жидкостью дали отличный эффект.

Всех поражал своей энергией пулеметчик Петр Игнатьевич Борисов, коммунист из города Хвалынска, опытный воин и очень сильный человек, 1907 года рождения. Если кто его не видел, то просто не поверит тому, что я скажу: он хватал пулемет «максим» в охапку и один переносил его на новую позицию. Ему едва успевали подносить ленты с патронами. Стрелял он очень метко — его кинжальный огонь буквально косил гитлеровцев. Самому Борисову везло: он воевал и под Орлом, и здесь, но не получил ни одной царапины. Только шинель была кое-где порвана осколками да оторвана часть полы.

Вдруг меня сильно ударило в бедро комом мерзлой земли — неподалёку разорвался снаряд. Я был отброшен к танку и ударился об него головой. К счастью, я был в каске, и голова уцелела, но правая нога онемела, и мне пришлось полежать минут тридцать за танком, пока она начала снова действовать; остался только большой синяк. Потом Борисов шутил: «Что же это ты? Танк головой бить нельзя — это не футбол…»

Вот так мы и продвигались с боем к Скирманово. Вели нас в атаку наш комбат И. М. Передерни и комиссар батальона К. С. Большаков. Помню, как перед боем Большаков собрал нас в деревне Гряды и провел политическую беседу. И еще запомнилось, как он пошутил: «Я сам маленький, а фамилия у меня большая — Большаков».

К глубокому сожалению, в этом бою наш комиссар погиб. Погибли и другие наши соратники — смелые автоматчики Саша Зеленов, работавший до войны трактористом в Хвалынском районе Саратовской области, тихий, скромный красивый парень, и Завьялов, родом из того же района. Были тяжело ранены Дмитрий Хохлов, наш веселый гармонист, — и он из Хвалынска! — а также пулеметчик Иван Москаленко, совсем молодой, 1918 года рождения, но опытный воин — он участвовал еще в боях на Халхин-Голе. В бою у кладбища у его пулемета осколком отбило надульник и пробило кожух. Тогда он бросил пришедшее в негодность оружие и начал забрасывать фашистов гранатами.

Москаленко был ранен в шею и в грудь. Он подполз ко мне. Ему было трудно говорить — изо рта у него шла кровь. Мы тут же отправили его в медсанбат. О дальнейшей судьбе его я ничего не знаю…

Вот так в жарком бою мы и заняли Скирманово. Этот бой шел весь день до глубокой ночи. Мы сжали гитлеровцев с трех сторон, и в конце концов они не выдержали и побежали,

прыгая, как сайгаки, что называется, сломя голову».

****

Так пал этот важный укрепленный узел гитлеровцев, и бригада начала наступление на Козлово.

Разгромив гитлеровские войска на плацдарме, с которого они намеревались нанести удар во фланг 16-й армии, наши части облегчили себе невероятно трудную задачу, которую им пришлось решать в последующие дни, когда Гитлер отдал приказ о генеральном наступлении на Москву.

Я уже не говорю о том, что гитлеровцы понесли в этом бою весьма существенные потери, — 10-я танковая дивизия была, по сути дела, обескровлена. Дивизия СС «Империя», тщетно пытавшаяся прорваться к Скирманову из Рузы, тоже понесла немалые потери. Гвардейцы же вышли из боя с минимальным ущербом и в полной готовности к новым боям.

Так еще раз была подтверждена старая суворовская истина, которую любил повторять Катуков: побеждают не числом, а умением.

У порога нашего дома

Теперь мне предстоит рассказать о самых трудных и самых драматических событиях, пережитых в битве под Москвой гвардейской танковой бригадой. Речь пойдет о ее боях на этом направлении, у порога Москвы, в дни того самого генерального наступления немцев, которое Гитлер заранее разрекламировал как решающую битву на востоке.

Москвичи хорошо запомнили воздушные тревоги в конце ноября тысяча девятьсот сорок первого года. Им памятны и свист немецких авиабомб, и отчетливо различимый рокот дальнобойных батарей, и грозный рев посылаемых ими снарядов, уходивших к фронту, и наглые немецкие листовки, обещавшие скорый конец советской столице. Фашистские генералы спешили донести Гитлеру, что они уже видят в бинокли «внутреннюю часть города».

В те дни пульс фронта бился особенно напряженно. Синие стрелы на штабных картах вонзались уже в близкие дачные поселки, так хорошо знакомые нам всем, — в те самые поселки, где еще в мае гуляли по выходным дням москвичи. Какую выдержку, какую силу воли должны были проявить в ту пору защитники Москвы, сражавшиеся у самого порога нашего дома!

Штурмуя Скирманово и Козлово, генерал Катуков неотступно думал о Чисмене. В сущности, это был очень рискованный, хотя и жизненно необходимый маневр: снять бригаду с Волоколамского шоссе и перебросить ее сюда. Это было похоже на то, как если бы прочный замок сняли с одной двери дома, притом весьма заманчивой для непрошеных гостей, и заперли им другую дверь, скажем выходящую во двор.

Учитывая, что гитлеровцы уже заканчивали подготовку к новому большому наступлению и оно могло начаться буквально со дня на день, Катуков испытывал большую тревогу. Он с облегчением вздохнул, когда сразу же после того, как его мотострелковый батальон выбил гитлеровцев из Козлова, поступил приказ о возвращении в Чисмену.

Этот маневр был выполнен так же молниеносно, как предшествующий: Козлово было освобождено вечером 14 ноября, ночью танкистов сменила пехота, а 15 ноября 1-я гвардейская танковая бригада уже стояла на своих прежних рубежах в районе Чисмены.

Не прошло и двадцати четырех часов, как по всему фронту заговорила своим простудным басом гитлеровская артиллерия, и окоченевшая от долгого лежания в русском снегу серо-зеленая солдатня Гитлера ринулась в атаку. Перед началом наступления ей прочли приказ фюрера:

> «Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое

материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей Москвой».

Ветеран бригады П. И. Тернов вспоминает в письме ко мне:

«После того как мы разделались с гитлеровцами в Скирманово, нас вернули на Волоколамское шоссе. Мой участок обороны, понятно, был очень мал, но не маловажен: наши хорошо оборудованные дзоты (деревянно-земляные оборонительные точки) в четыре наката из бревен с амбразурами для станковых пулеметов находились на краю оврага у шоссе против деревни Гряды. Перед нами было широкое поле обстрела.

На другой день вечером, когда уже стало темнеть, к нашей позиции вдруг подъехал броневик, из него вышли двое в кожаных пальто. Я вышел к ним навстречу и сразу узнал; это были наш генерал Катуков и комиссар Бойко. «А это наш старый гвардеец, — с улыбкой сказал генерал и добавил: Докладывать не нужно». Спросил: «Обстановка всем известна?» — «Известна, товарищ генерал. Но почему мы стоим лицом к Москве, а позади у нас Волоколамск?» Михаил Ефимович объяснил, что ожидается удар гитлеровцев нам во фланг, они будут пытаться пересечь шоссе и отрезать наши части, а мы, чтобы их перехитрить, подготовили им здесь сюрприз…

Правее нас, на опушке леса в засаде стоял один наш танк. Танк прикрывал нас, а мы своим пулеметным огнем должны были прикрывать правый фланг мотострелковой роты. «Стоять будем насмерть», — предупредил генерал и тепло попрощался с нами.

Этой ночью никто из нас не спал, хотя в дзоте было тепло — топилась печь, сделанная из железной бочки. Утро было солнечное, с сильным морозцем. В восемь часов утра открыла огонь фашистская артиллерия, и после огневой подготовки в атаку пошли немецкие танки с пехотой. Начался очень тяжелый бой.

Мы, как и приказал генерал, стояли насмерть. Пропустив танки, которым давали бой наши танкисты и артиллеристы, мы застрочили из пулеметов по немецкой пехоте. Нам было отчетливо видно, как падают гитлеровцы, как их раненых тащат назад. Наш пулеметный огонь был плотный, патронов у нас было много. Накануне вечером старшина Николай Вдовенко привез на санях целую гору цинковых коробок с боеприпасами.

Из одного пулемета вел огонь я, из другого — наш неуязвимый герой и силач Петр Борисов. Немцы несли большие потери, и их наступление замедлялось, притуплялось. Бой длился дотемна. Но вот прямо на наш дзот двинулся немецкий танк и стал в упор расстреливать нас из пушки.

Снаряды ложились рядом. Вот уже у нас снесло два наката бревен. Еще выстрел, и нас засыпало землей — дзот развалился. И все же мы без приказа не отходили. Только тогда, когда нам дали указание сменить позицию, мы отошли в овраг, а затем переползли под огнем шоссе и залегли в кювете.

Шоссе в буквальном смысле слова пылало огнем. Казалось, будто снаряды проходят по твоей спине. Но нам везло: только один из наших пулеметчиков был ранен. По кювету мы проползли пятьсот — семьсот метров и заняли запасной рубеж обороны. Глубокой ночью бой стих, и перед рассветом наша бригада организованно сменила позиции. Битва продолжалась».

События развивались грозно и стремительно. Нужно было обладать крепкими нервами для того, чтобы сохранить душевное равновесие в те дни. По данным, приведенным в книге «Разгром немцев под Москвой», составленной Маршалом Советского Союза В. Д. Соколовским и группой работников Генерального штаба, на Москву наступали в те дни 75 немецких дивизий, в том числе 14 танковых и 9 мотострелковых. Наши войска сопротивлялись с невиданным мужеством, но все же вынуждены были шаг за шагом отступать, теряя пространство, но выигрывая время, необходимое для сосредоточения новых ударных армий, призванных остановить и обратить вспять врага.

Как сообщил в своем «Кратком обзоре боевых действий танковых частей 16-й армии за период с 16 ноября 1941 г. по 1 января 1942 г.», направленном начальнику управления боевой подготовки Главного автобронетанкового управления, начальник АБТВ этой армии подполковник Орел, только на ее участке гитлеровцы сосредоточили 4 танковые дивизии, дивизию СС «Империя» и 3 пехотные дивизии; у них было примерно 600 танков. 16-я армия располагала тогда всего лишь 140 танками.

Непосредственный участник этих драматических событий, уже хорошо знакомый читателю Я. Я. Комлов, так описывал в письме ко мне 15 октября 1971 года сражение на том участке, где находились танкисты Катукова:

> «16 ноября 1941 года, в первый день своего нового наступления на Москву от Волоколамска, гитлеровцы наносили главный удар слева и справа от шоссе двумя охватывающими направлениями — по флангам панфиловской дивизии. Их целью было — окружить эту дивизию, а с нею и нашу бригаду и часть сил кавалерийского корпуса Доватора. На самом же шоссе они, по сути дела, лишь сковывали нас.
>
> Три дня — 16, 17 и 18 ноября советские воины геройски сдерживали натиск фашистов в этом районе. Именно в эти дни совершили свои легендарные подвиги 28 героев-панфиловцев у Дубосеково, 10 саперов у Строково и танкисты Бурды у Матренино. Лишь к вечеру восемнадцатого ноября немцам удалось прорвать оборону панфиловцев на ее правом фланге в районе Лысцово, Шишкино, Гусенево, и на левом — у Дубосеково и Ширяево.
>
> Гитлеровцы двинулись в обход Чисмены и вышли на Волоколамское шоссе в тылу у нас — в районе деревни Гряды. Но окружить наши части гитлеровцам не удалось — 19 ноября штаб Катукова был уже в Колпаках, а затем в Надеждино. Наша бригада вместе с панфиловской дивизией и кавалерийским корпусом Доватора продолжала вести тяжелые бои, проявляя поистине невиданную смелость и упорство.
>
> Да, катуковцы снова и снова совершали удивительные подвиги, и опять отличался Лавриненко. В горький ноябрьский день, когда разрывом вражеской мины был убит генерал Панфилов, Лавриненко оказался свидетелем этого трагического события: ему было поручено прикрывать его командный пункт.
>
> Обстановка была неимоверно трудной: прорвавшиеся фашистские танки уже подходили к деревне, где находился этот командный пункт. Лавриненко насчитал восемь вражеских машин. «Заводи мотор!» — скомандовал он своему механику, Бедному, и танк помчался навстречу гитлеровцам.
>
> Лавриненко сам сел за пушку и семью снарядами зажег семь немецких танков — такой это был мастер огня. Но в это время в деревню ворвались еще несколько вражеских машин. Один снаряд пробил броню «тридцатьчетверки». Раздался взрыв. Лавриненко и Федоров вытащили умирающего радиста Шарова, а Бедный погиб за рычагами горящего танка. Атака фашистов была отбита. Но обстановка оставалась крайне напряженной…
>
> Вот так мы и воевали в эти трудные ноябрьские дни 1941 года. В этих боях отличились многие, в том числе Лехман, Якимчук, Бурда, Биндас, Попов, Самохин, Бороднин, Михайлов, Афонин, Яковенко и другие — всех не перечислишь!»

Мы, сотрудники отдела фронта «Комсомольской правды», в эти дни с особым напряжением следили за тем, что происходило на Волоколамском шоссе, — всем было ясно, что от исхода событий на этом участке зависит многое, очень многое. А военные корреспонденты, выезжавшие на передний край с раннего утра, возвращались в редакцию все быстрее — расстояние до линии фронта, хотя и медленно, сокращалось.

В холодный день 26 ноября в редакцию ввалился наш шумливый фронтовой фоторепортер Фишман, обвешанный с ног до головы трофейным оружием и фотоаппаратами. Сбивая снег с воротника полушубка, он таинственно объявил:

— Из Истры… Гитлеровцы форсировали реку, заняли монастырь… — И добавил,

вытаскивая из-за пазухи новенький парабеллум: — Тысяча и одна ночь! Это от Лавриненко…

Ошеломленные известием о том, что фашисты уже в Истре, мы начали требовать подробностей, но Фишман только вздохнул и отправился проявлять пленку. На снимке, который он показал нам через час, было снято горящее селение. Посреди площади в дыму и гари стоял танк Т-34, а возле него наш старый друг старший лейтенант Дмитрий Лавриненко.

К этому времени половина Истры уже была занята немцами, а вторую половину удерживали наши войска. Лавриненко со своим танком прикрывал одно из важных направлений, находясь в районе деревни Соколово. Буквально в две минуты он рассказал фоторепортеру, что произошло, постоял тридцать секунд перед объективом, дал Фишману прикурить, а потом сердито сунул ему трофейный пистолет и сказал:

— Возьми на память, пригодится. Еще тепленький… И тут же крикнул:

— Что же ты стоишь, дурак? Не видишь — мне воевать надо! Лавриненко влез в танк, захлопнул люк, и машина, громко трубя, умчалась в бой.

— Ну я и ушел, — немного обиженно закончил свой рассказ наш фоторепортер. — И хорошо сделал, что ушел: там мины падать начали.

Фишман бежал полкилометра к оставленной им машине. Кругом все пылало и взрывалось. Сзади вставали высокие стены дыма: это горело нефтехранилище.

Через день линия фронта еще ближе придвинулась к Москве, и мы встретились со старыми знакомыми неподалеку от городской заставы — в то время грохот канонады явственно доносился до холодных прокуренных кабинетов редакции нашей газеты на улице «Правды». Танкисты по-прежнему не падали духом, хотя смертельная усталость лежала на их лицах: они не выходили из боя уже много дней. И что за бои это были!..

— Когда-нибудь про эту войну будут писать книги, — задумчиво сказал мне комиссар Бойко, — и какие книги! Вот тогда и напишут про то, как мы уходили из Чисмены. Мы держались там до последней возможности, чуть не попали в окружение. С правого фланга доносят: «Немцы зашли на три километра в тыл!» Катуков отвечает: «Стоять насмерть». С левого фланга сообщают: «Нас обходят!» — «Не пускайте фашистов». Звонит командир танкового полка Еремин: «Гитлеровцы включились в мой телефонный провод». — «Держись». Так и стояли, пока прибыла шифровка из штаба армии с приказом отходить.

Мне вспомнилась тихая деревушка, в которой нас принимали гостеприимные танкисты две недели тому назад, кудрявые дымки над трубами, ребятишки на салазках, и тишина, странная, удивительная фронтовая тишина. На фронте мы ко многому привыкли и теперь отлично знали, во что превращаются такие деревушки после того, как через них перехлестывает вал войны.

В этот раз я только мельком видел генерала — он еще больше похудел и осунулся: приступ застарелой болезни скрутил его, и только чудовищное напряжение воли давало ему возможность сохранять все тот же невозмутимый и немного ироничный тон.

— Теперь мы с вами соседи, — сказал он с печальной улыбкой, — но, честное слово, мы не будем слишком назойливы. Придет время, и вам опять придется гоняться за нами!

На память об этой встрече я сохранил измятый клочок бумаги, исписанный карандашом. Это черновик донесения, который мне сунул начальник политотдела: описание ухода танкистов из Чисмены. Теперь уже можно предать его гласности как памятник времени:

> «18 ноября 5, 6, 11 и 35-я немецкие дивизии перешли в решительное наступление по всему участку фронта. 1-й гвардейской танковой бригаде было поручено прикрыть узел Покровское Язвите — Гряды — Чисмена, оказывая поддержку пехотной и кавалерийской частям. Наступление немцев было предпринято с четырех направлений — с юга, юго-востока, с запада и с севера. Многократное численное превосходство и географические выгоды обусловили успех немецких атак. Невзирая на героическое сопротивление наших частей, немцам удалось вклиниться в наше расположение. Гвардейцы вели себя достойно

> своего высокого звания: они умирали, но не отступали. Шесть гвардейских танковых экипажей погибли смертью храбрых, прикрывая перегруппировку пехоты. Гвардейский зенитный дивизион, отвечая на удары немцев с воздуха и с земли, прикрывал сплошной огневой завесой поселок Чисмену. Одновременно два средних и три малых танка смелыми контратаками сдерживали натиск превосходящих сил противника. Все атаки с запада и с севера были отбиты. Но в это время немцам удалось выйти на южные подступы к Чисмене, ударив с тыла. Для отхода бригады оставался один путь — лесными тропами на северо-восток и на восток».

Да, предосторожность генерала, который в дни затишья так много внимания уделил разведке местности, оказалась далеко не лишней. Любая часть, оказавшаяся перед лицом четырех вражеских дивизий, отрезанная от дорог, была бы поставлена под смертельную угрозу, не изучи командование заранее в деталях все тропы и проселки!

Гитлеровцы собирались одним ударом покончить с гвардейской бригадой, причинившей им столько неприятностей. Им казалось, что пробил последний час Катукова: непрерывные воздушные бомбардировки, комбинированные удары с различных направлений, баснословный численный перевес — что еще требуется для разгрома одной-единственной танковой бригады?

И все-таки сломить танкистов не удавалось. Они цепко держались за каждый клочок земли, за каждую позицию, заранее подготовленную для круговой обороны. И только тогда, когда отходящие части закончили перегруппировку, командование 16-й армии приказало танкистам организованно отступить. Сначала отошла пехота, а последними уходили танкисты.

В донесении об этом было сказано коротко:

> «Отход на дер. Колпаки был совершен организованно, небольшими группами по различным лесным тропам».

Батальонный комиссар Мельник подробно рассказал мне, что кроется за этой лаконичной фразой. Я живо представил себе знакомый мачтовый лес, узкие тропы, занесенные сугробами, и усталых людей в синих комбинезонах, идущих вслед за немногими сердито рычащими машинами. Танки буксовали в рыхлом и мокром снегу. Под снежной пеленой скрывались зыбкие топи, и бурые пятна, страшные вестники трясины, преграждали путь. Надо было искать обходы, надо было вытаскивать на буксире застревающие машины, надо было отстреливаться от вражеских автоматчиков, надо было идти и идти, чтобы вовремя поспеть туда, где пехота уже ждала поддержки танков. И нельзя было оставить в этом мертвом, гнилом царстве ни одного танка, ни одного тягача, ни одного автомобиля, ибо каждый из них в те трудные дни решал исход боев.

С одной из групп шел генерал Катуков. Он шел пешком, худой и бледный, но, как обычно, подтянутый и стройный. Генерал мог бы уехать вперед, мог бы сесть в танк, в автомобиль, но он предпочитал идти пешком, потому что знал — никакой приказ в трудную минуту не окажет такого сильного действия на бойца, как личный пример командира. Танкисты видели, что генерал идет с ними, и им становилось легче на душе.

Люди рубили вековые ели и клали их поперек незамерзших лесных бочажков, протаптывали дороги для автомобилей и помогали тягачам тащить пушки. Каждый шаг давался им с трудом. Но к сборному пункту все подразделения вышли вовремя, и ни один снаряд, ни один ящик с продовольствием не был оставлен в пути.

Передышки не было. Танки генерала Катукова немедленно развернулись и заняли новый рубеж, готовые оборонять его любой ценой…

То были самые трудные и самые опасные дни, когда гитлеровцы упорно и методично, не считаясь пи с какими потерями, загоняли два стальных клина в нашу оборону — один южнее, другой севернее Москвы. На юге они уже прорывались к Кашире, на севере — к

Яхроме и Дмитрову, стремясь форсировать канал Москва — Волга.

В один из этих тяжких дней в бригаду Катукова прибыл с пополнением молодой, худощавый и ловкий танкист Леонид Лехман с щеголеватыми испанскими бачками. В петлицах у него было уже два лейтенантских «кубика» — к своим двадцати годам он накопил кое-какой жизненный опыт.

Родился Лехман в семье рабочего в поселке Черниговка Запорожской области; отец его умер, когда ему исполнилось всего два года, и матери, малограмотной женщине, едва окончившей два класса церковноприходской школы, было нелегко воспитывать двоих детей — Леонида и его сестру.

Но Леонид был способным мальчиком. К 1938 году он успел закончить девятилетнюю школу и поступить в музыкальное училище. Однако в воздухе уже пахло войной, и Лехман понял, что лучше будет профессию сменить и стать военным человеком. И не прогадал: буквально за неделю до начала войны, 15 июня 1941 года, он окончил Орловское бронетанковое училище.

В первый же день войны Лехман получил назначение в 202-ю танковую дивизию. В ее рядах в июле он сражался под Ельней. Потеряв в бою свой танк, попал в резерв Западного фронта и вот теперь получил назначение в 1-ю гвардейскую танковую бригаду…

Много лет спустя Лехман так описал свое первое знакомство с катуковцами в письме ко мне:

> «В бригаду я прибыл тогда, когда она отходила. Это было вечером. Обстановка для меня сложилась неблагоприятно, я даже не успел доложить о своем прибытии комбригу. Незнакомые ребята подхватили меня в машину, и так я стал солдатом бригады».

Назавтра все прояснилось. Лехман был назначен в танковую роту, которой теперь командовал Дмитрий Лавриненко. Командир роты тут же испытал молодого лейтенанта в бою и остался доволен им. «Воевать можешь», — одобрительно сказал он ему. Лехман увидел, что его окружают подлинные мастера танкового боя, и был рад тому, что ему так повезло с назначением. Впереди ему предстоял долгий и счастливый путь до самого Берлина, и читатель еще не раз встретится с ним на страницах этой книги…

* * *

Только к концу ноября частям 30-й армии под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко, поддержанным войсками 1-й Ударной армии, которой командовал генерал Кузнецов, удалось задержать и отбросить обратно за канал фашистов.

Танкисты 1-й гвардейской бригады дрались все там же, на территории Истринского района. Они буквально изнемогали в неравных сражениях, но каждый понимал, что дальше отступать некуда: рядом — Тушино, а это, по сути дела, уже московский пригород.

«Ни шагу назад, позади Москва», — было сказано в приказе по [войскам Западного фронта, который прочли в частях еще 22 ноября.[21] И танкисты Катукова, как и пехотинцы-панфиловцы, и кавалеристы Доватора, которые все время дрались бок о бок с ними, сражались поистине отчаянно.

---

[21] «В этот день, — вспоминает М. Е. Катуков, — 30 танков и до полка пехоты врага заняли селение Чаново, вытеснив оттуда кавалерийский полк. Нужно было восстановить положение. Я возложил эту задачу на старшего лейтенанта А. Ф. Бурду. Сил было мало, но мы рассчитывали на внезапность. Нашли сельских ребятишек, которые знали лесные дороги к Чанову. Один из них сказал: «Я поведу. Я там все дороги знаю, всегда грибы собирал в этих местах». На рассвете 23 ноября мальчик вывел пять танков Бурды, взвод автоматчиков и кавалерийский полк к окраинам Чанова. Их удар был неожиданным. Помогла и соседняя танковая бригада. Задача была выполнена. Но враг снова и снова переходил в атаки и, хотя и медленно, все еще продвигался к Москве».

Стояли морозные дни, сталь буквально обжигала при каждом прикосновении, но люди не выходили из боевых машин. Контратаки следовали одна за другой. Некоторые селения по нескольку раз переходили из рук в руки…

Старый солдат Катуков прекрасно понимал, что уж если советским людям в военных шинелях в эту суровую пору приходится невтерпеж, то гитлеровцам в десять раз тяжелее. «Мы воюем у ворот своей столицы, — говорил он работникам штаба, — нам здесь и стены помогают, а их черт занес за тысячи километров от дома. Чужая, смертельно враждебная страна, ожесточенные контрудары, усталость от долгих боев, плохое снабжение из-за растянутых коммуникаций, партизаны в тылу, наконец, эти неожиданные морозы, к которым они совершенно не были готовы… Нет, что ни говорите, а хваленая выдержка их скоро надломится».

К тому же генерал знал то, о чем другие могли лишь смутно догадываться: проявляя выдержку, советское командование в сложнейшей обстановке немецкого наступления скрытно и умело сосредоточивало под Москвой новые армии, которые вот-вот должны были все перевернуть вверх дном и положить начало разгрому фашистских армий, уже истекавших кровью на подступах к Москве.

Может быть, именно поэтому генерал, невзирая на смертельную усталость, выглядел в эти дни бодро. Именно поэтому он так жадно читал каждое донесение из батальонов, которое могло дать хоть какое-нибудь представление о том, как настроен сейчас немецкий солдат.

— У нас было совсем немного сил, — рассказывал мне впоследствии Катуков. — Две недели непрерывных оборонительных боев сделали свое дело. Но я чувствовал, — понимаете, как-то физически ощущал, — что у гитлеровцев дела обстоят немногим лучше. Знаете, как говорят теперь наши бойцы: «Не тот фашист пошел. Скучный фашист, вялый». Правда, они еще наступали, а мы отступали.

Но уже чувствовалось, что назревают какие-то новости. Надо вам сказать, что в нашем деле, как и в любом другом, великую роль играет психология. Ее надо обязательно учитывать в военных замыслах. Ну, и вот мы с комиссаром подметили нечто весьма любопытное. Было это, по-моему, у Надовражино…

И генерал начал подробно рассказывать об этой операции, которая принадлежала к числу особенно любимых им.

* * *

За несколько дней до начала наступления частей Красной Армии, в самом начале декабря, генералу донесли об удивительном происшествии: в районе станции Бакеево три гвардейских танка неожиданно обнаружили существенное ослабление боеспособности противника.

Дело было так. Бригада Катукова оборонялась на рубеже Жилино Горетовка — Брехово близ Пятницкого шоссе. Левее по линии Бакеево Надовражино — Шеметково — Нефедьево держала оборону наша 18-я стрелковая дивизия. Гитлеровцы нанесли удар по правому флангу полка, оборонявшего Бакеево, и он отошел на опушку леса в километре восточнее этой станции.

Как раз в это время гвардейцы получили из ремонта несколько танков Т-34, и Катуков послал три машины под командованием лейтенанта Михаила Попова на выручку пехоте. Они подоспели в критический момент: колонна гитлеровских танков и автомашин уже вышла из Бакеева по дороге, ведущей к Пятницкому шоссе. Фашисты теперь не ожидали встретить существенного сопротивления и двигались беспечно.

Уже стемнело. Попов подпустил немецкие танки на близкую дистанцию, и все три «тридцатьчетверки» открыли по противнику ураганный огонь. Четыре вражеских танка и несколько автомашин с пехотой были уничтожены, остальные круто развернулись и ушли без боя в Бакеево. Не давая врагу передышки, наши танкисты вместе с пехотой на рассвете

атаковали станцию. Гитлеровцы опять были застигнуты врасплох. Они в панике бежали в сторону села Еремеево, бросив немало вооружения и имущества. На поле боя осталось много убитых и раненых гитлеровцев. В этом бою лейтенант Попов и его товарищи уничтожили еще пять танков, не понеся при этом никаких потерь.

Генерал потом рассказывал мне:

— Нас этот странный, необычный случай очень заинтересовал. Помню, мы с комиссаром голову ломали: что бы это могло означать? Сначала подумали, что на этом участке оказался какой-то трусливый сброд, только что прибывший на фронт, — с резервами у гитлеровцев было уже туговато, и они бросали маршевые батальоны в бой, словно солому в печь. Проверили, оказалось, что перед нами те же части, которые до этого с такой силой атаковали нас. Стало быть, здесь могло быть одно из двух: либо провокация, преднамеренная демонстрация мнимой слабости для того, чтобы заманить танкистов, либо действительно моральный надлом войск, истощенных долгой кровавой борьбой.

Но о провокации не могло быть и речи: ведь гитлеровцы в этой схватке понесли большие потери и не получили никаких тактических выгод. Значит, действительно на психике немецкого солдата начали сказываться переутомление и истощение всех физических и моральных сил. Отсюда следовало, что время для активных наступательных операций наступило.

Катуков все же решил еще раз себя проверить. Для этого требовалось как следует тряхнуть какую-нибудь гитлеровскую часть и посмотреть, что из этого выйдет.

Танкисты в те дни обороняли отдельными засадами восемнадцатикилометровый участок фронта, прикрывая фланг армии. Тем не менее Катуков, когда его попросил о помощи командир 371-й стрелковой дивизии генерал-майор Ф. В. Чернышев, решил пойти на риск: первого декабря он снял с фронта семь машин, свел их в единый бронированный кулак и сосредоточил для удара по немецкому тылу в районе села Надовражино. Операция была поручена лихому лейтенанту К. Самохину, тому самому, который когда-то в Скирманове забрасывал ручными гранатами из люка танка немецкие блиндажи.

Операция была тщательно подготовлена. Разведчики нашли тайные лесные тропы. Техники идеально подготовили материальную часть. Сами танкисты внимательно изучили по карте местность, на которой им предстояло действовать, и продумали свой маневр. Генерал и начальник штаба обстоятельно проинструктировали их. И вот глухой зимней ночью семь танков Самохина углубились в лес и начали пробираться к селу Надовражино, превращенному гитлеровцами в опорный пункт. Оказалось, что как раз в этот час здесь остановилась немецкая колонна — 10 танков, 40 автомобилей, много пехоты, отряд мотоциклистов.

На полном газу танки Самохина ворвались в село, стреляя из всех орудий и пулеметов. Что произошло дальше, описать трудно. «Пожар в кабаке с музыкой и танцами», — сказал мне Самохин, описывая операцию, когда мы впоследствии встретились с ним в «пещере Лейхтвейса» — в селе Ивановское за Волоколамском. Его молодцы дважды промчались по улицам, оставляя за собой какое-то месиво: достаточно прикосновений гусеницы тяжелого танка, чтобы любой автомобиль, не говоря уже о его содержимом, превратился в гладкий металлический блин.

Расстреляв три немецких танка, уничтожив сорок автомобилей, пятьдесят мотоциклов и около роты пехоты, танкисты Самохина так же стремительно вылетели из деревни, как и влетели в нее. На этом можно было бы считать инцидент исчерпанным, если бы Самохин не заметил, что из лесу выходят две немецкие танковые колонны, спешащие на выстрелы. Одна колонна подходила к селу с одного конца, вторая — с другого. Их водители плохо отдавали себе отчет в том, что произошло в селе.

— Вот тут-то мой Самохин и показал им, что такое военная хитрость, часто повторял, мягко улыбаясь, генерал Катуков, — артистический маневр!..

Об этом маневре он не уставал рассказывать снова и снова, ему доставляло удовольствие сознание, что его воспитанники овладели не только боевой техникой, но и

тактическим искусством. А Самохин действительно сманеврировал артистически. Скрытно передвигаясь за деревьями, он обстреливал то одну, то другую гитлеровскую колонну. Окончательно сбив с толку фашистских водителей, он заставил их в конце концов сцепиться друг с другом — каждая из этих двух колонн приняла другую за советскую…

— Они лупят друг друга, а Самохин добавляет, а Самохин — добавляет то одному, то другому!..

Все семь танков вернулись на свой сборный пункт.[22]

Генерал был удовлетворен боевыми результатами операции. Он окончательно убедился, что наступательный порыв гитлеровцев выдыхается. Во-первых, они не сумели организовать оборону и действовали вяло, в то время как раньше на такие дерзкие налеты отвечали энергичными контрударами; во-вторых, они явно растерялись, чего с ними прежде не случалось; в-третьих, командиры двух гитлеровских танковых колонн не смогли даже разобраться в создавшейся оперативной обстановке, не нашли противника и начали бить друг друга — значит, смертельно измотались.

Всеобщая радость была омрачена лишь одним печальным известием: 1 декабря в бою был тяжело ранен один из лучших политработников бригады комиссар 1-го танкового батальона А. С. Загудаев, мужественно сражавшийся в строю. Его заменил Н. И. Ищенко, занимавший до этого пост комиссара 2-й роты этого же батальона.

Теперь Катуков совершенно уверенно и спокойно ждал приказа о наступлении. Он знал, что успех обеспечен.

— Отныне мы будем действовать дерзко, запомните это, — говорил генерал танкистам. — Дерзость, стремительность и, если хотите, нахальство — вот что нам требуется сегодня!

Приказ о переходе в наступление не заставил себя ждать…

СПРАВКА

За 14 дней ноябрьского наступления гитлеровских войск в районе Волоколамского шоссе 1-я гвардейская танковая бригада под командованием гвардии генерал-майора М. Е. Катукова уничтожила 106 немецких танков, десятки орудий, много минометов, пулеметов и другой военной техники, истребила до 2 полков пехоты. Бригада потеряла 7 танков — они сгорели в боях. Подбито 26 боевых машин — эти машины были вытащены с поля боя, восстановлены и возвращены в строй.

Теперь вперед, и только вперед!

Помню, еще в первых числах декабря тысяча девятьсот сорок первого года редакции наших газет получили самое строжайшее указание — ни слова о наступательных операциях. Когда же находившиеся в Москве иностранные корреспонденты на очередной пресс-конференции 1 декабря атаковали начальника Советского информбюро товарища С. А. Лозовского вопросами о положении под Москвой, он лаконично ответил: «Вот уже пятнадцатый день идет второе наступление немецких войск на Москву. Но немцы могут пока зарегистрировать лишь огромные потери на всех решительно направлениях».

Тем большее волнение и торжество вызвали опубликованные с преднамеренным опозданием сообщения о переходе наших войск в решительное наступление и об их крупных победах. До этого мы знали лишь о блестящем успехе войск Южного фронта, освободивших Ростов 29 ноября, и о наступательных боях в районах Тихвин и Елец. Надеялись, верили, были убеждены, что вот-вот гром грянет и под Москвой. И он грянул. Да еще какой!..

---

[22] Я. Я. Комлов просил меня уточнить, что в этом необычайном бою лишь один Самохин уничтожил 5 вражеских танков, 6 самоходных орудий, 50 мотоциклов и до 100 гитлеровцев.

1-й гвардейской танковой бригаде довелось вместе с панфиловцами первой перейти в контрнаступление в районе Крюкова, том самом, где теперь находится город-спутник столицы Зеленоград. Это совсем близко от Москвы, немногим дальше, чем Красная Поляна, из которой гитлеровцы чуть было не начали артиллерийский обстрел центра столицы.

Отход частей 16-й армии на рубеж Крюково — Ленино (селение восточнее Истры, на Волоколамском шоссе) был последним. Дальше на восток армия не сделала ни шагу. Наоборот, отсюда она двинулась на запад, активно участвуя в наступлении вместе с новыми, только что прибывшими на фронт 1-й Ударной и 20-й армиями.

Приказ о переходе армии в общее наступление генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский отдал шестого декабря. Но фактически ожесточенные бои в районе Крюкова и прилегавшей к нему Каменки начались тремя днями раньше — третьего декабря. Гитлеровцы стремились любой ценой захватить эти населенные пункты, расположенные столь близко от Москвы. Здесь действовали 5-я танковая и 35-я пехотная дивизии гитлеровцев. Их сдерживали части 8-й гвардейской Панфиловской дивизии, которой теперь командовал генерал В. А. Ревякин, — мы его все хорошо знали до этого как коменданта Москвы, — 1-я гвардейская танковая бригада и кавалеристы.

Борьба носила ожесточенный характер. Дрались за каждую улицу, за каждый дом.

> «Помню, привокзальная площадь переходила из рук в руки несколько раз, — писал мне впоследствии бывший комиссар танкового полка бригады Я. Я. Комлов. — Иногда начинало казаться, что численно превосходившие нас гитлеровцы вот-вот сомнут нас. Но всякий раз гвардейцы, хотя они и несли большие потери, стойко удерживали рубежи. Злость у них против врага была беспредельная».

Когда наконец наши войска перешли в контрнаступление, гитлеровцы оказали яростное сопротивление, они придавали этой позиции особо важное значение и, как говорится, держались за нее зубами, тем более что местность благоприятствовала обороне — это была прекрасно укрепленная, недоступная для танков позиция: с северо-запада и с юга ее защищали глубокие овраги и долины речек, остальные участки гитлеровцы прикрыли хорошо организованной системой огня.

Бои под Крюковом, где оборонялись 5-я танковая и 35-я пехотные дивизии гитлеровцев, шли несколько дней, но прорвать оборону врага не удавалось. 1-я танковая бригада уже потеряла девять танков; правда, семь из них удалось вытащить с поля боя и отремонтировать. Тогда нашли новое решение боевой задачи: обойти Крюково и Каменку и нанести одновременно два решительных фланговых удара.

Силы были неравны: у Катукова оставалось 17 танков, гитлеровцы же в районе Крюкова сосредоточили до 60 боевых машин, а все каменные строения они превратили в долговременные огневые точки, танки были зарыты в землю, подступы к поселку заминированы, повсюду — противотанковые орудия. В таких условиях одолеть врага можно было только хитростью и внезапными действиями.

Генерал Катуков перебрался вместе с комиссаром в железнодорожную путевую будку (здесь расположил свой командный пункт и командир панфиловцев Ревякин) и оттуда начал руководить действиями танкистов. Было решено взять район Крюкова и Каменки в клещи.

Утром 7 декабря заговорили орудия. Гитлеровцы решили, что начинается очередная атака на их передний край, и приготовились к ее отражению. Ио в это время наши танкисты начали свой ловкий маневр. Ударная танковая группа, в которую вошли Бурда и Лавриненко, наносила удар слева во взаимодействии с пехотой и конницей. За танками Бурды шел кавалерийский полк, за танками Лавриненко — стрелковый полк. Левее их — танковый батальон Герасименко и мотострелковый батальон Голубева.

Группа, действовавшая против Крюкова, пересекла железнодорожную линию, вышла в район кирпичного завода и на предельной скорости ворвалась в расположение немцев с востока. Другая группа обошла Каменку с севера и ударила в тыл противнику.

Танки мчались молча, грозные и стремительные. Гитлеровцы, не разобравшись, приняли их за свои машины. И только подойдя вплотную, гвардейцы открыли ураганный огонь из всех орудий и пулеметов — по штабу, по автобусам, по автоколоннам противника. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Невероятно тесная близость противника умножала ожесточение боя. Два танка, наш и немецкий, одновременно в упор выстрелили друг в друга, и оба загорелись. Неимоверный грохот стали, стоны раненых, рев моторов смешались в один свирепый гул. В уличном бою был подбит и сгорел танк Любушкина. Любушкин все же успел вытащить из огня раненых членов своего экипажа и спас их.

Пехота противника, сосредоточенная на переднем крае оборонительной полосы, повернула вспять и начала втягиваться в поселок, предполагая, что советские части обошли Крюково и ведут бой в тылу у них. Наши пехотинцы, только и ждавшие этого, устремились в лобовую атаку. Все смешалось. Зажатые между танками и нашей пехотой, солдаты противника заметались и начали отходить.

Но и здесь им пришлось получить сюрприз, заранее приготовленный предусмотрительным генералом: мотострелки, установив на флангах станковые пулеметы, лавиной кинжального огня отрезали путь отступления противнику.

Это был удар, от которого гитлеровцам было трудно, почти невозможно опомниться. И они побежали. Восьмого декабря Крюково и Каменка были полностью освобождены. В этом бою, как свидетельствует в своих воспоминаниях маршал артиллерии Казаков, фашисты потеряли много пехоты, 54 танка, 77 автомашин, 7 броневиков и 9 орудий.

Вместе с другими частями быстро продвигалась вперед и танковая бригада. Генерал Катуков теперь командовал подвижной группой войск, в которую, кроме 1-й гвардейской танковой бригады, входили еще 17-я танковая бригада, 40-я отдельная стрелковая бригада и 89-й отдельный танковый батальон. Другой подвижной группой войск в составе 145-й танковой бригады, 44-й кавалерийской дивизии и 17-й стрелковой бригады командовал генерал Ф. Г. Ремизов. Эти группы в короткий срок обошли оборонительный рубеж противника и вышли ему в тыл. Используя их успех, главные силы 16-й армии, наступавшие с фронта, 14 декабря форсировали на ряде участков Истринское водохранилище и начали теснить гитлеровцев.[23]

В наших войсках царил высокий наступательный дух. Люди шли по знакомым дорогам, делая большие переходы. Уставали, но никто не жаловался, всех радовало, что теперь танки движутся не на восток, а на запад.

Снова и снова отличался в бою Дмитрий Лавриненко. Теперь он возглавлял группу танков, действовавших в передовом отряде бригады. Ему присвоили звание старшего лейтенанта, и он был неоднократно награжден. Еще бы, Лавриненко уничтожил десятки гитлеровских танков! Перед ним открывалось блестящее воинское будущее.

И вдруг к нам в редакцию пришла с фронта буквально ошеломившая нас телеграмма: «В бою на волоколамском направлении убит гвардии старший лейтенант Дмитрий Лавриненко». В этом последнем бою — в бою за селение Покровское — Лавриненко уничтожил пятьдесят второй по счету гитлеровский танк. Если не ошибаюсь, такого боевого итога не было ни у кого другого за всю войну.

Похоронен Дмитрий Лавриненко был там же, около дороги, неподалеку от деревни Горюны. На столбике у могилы написали: «Здесь похоронен танкист старший лейтенант Лавриненко Дмитрий Федорович, погибший в бою с немецкими захватчиками. 10. IX. 1914 г. — 18. XII. 1941 г.»

Вот как описал в письме ко мне смерть своего командира лейтенант Леонид Лехман, находившийся в тот роковой день рядом с ним:

«Мы развивали наступление на Волоколамском направлении. Шли вперед с

---

[23] «Советские танковые войска, 1941–1945», стр. 49.

тяжелыми боями. Ворвавшись в селение Покровское, наша рота огнем и гусеницами уничтожала гитлеровцев. Но мы оторвались от главных сил бригады, и фашисты сосредоточили на нашей роте всю артиллерийскую и танковую мощь, какая у них была в этом районе.

Маневрируя, Лавриненко повел нас в атаку на соседнюю деревню Горюны, куда устремились немецкие танки и машины. В это время сюда стали подходить основные силы бригады. Гитлеровцы, зажатые с двух сторон, были разбиты и бежали. Но Горюны оставались под артиллерийским и минометным обстрелом.

В это время командир приданной Катукову танковой бригады вызвал через посыльного нашего командира роты. Не обращая внимания на минометный и артиллерийский огонь, Лавриненко открыл люк башни, выскочил из танка и направился к комбригу. И вдруг взрыв…

Дмитрий упал. Я выскочил из машины и подбежал к нему. Тут же подбежал Соломянников. Трудно было поверить, что Лавриненко уже нет в живых, — крови не было. Мы расстегнули его полушубок, прослушали сердце — оно не билось. И только тщательно осмотрев Дмитрия, мы вдруг увидели у него на виске небольшую красную черточку. Это крохотный осколок мины поразил насмерть нашего лучшего друга и командира…

После смерти Дмитрия Лавриненко командование ротой было поручено мне. Теперь рота состояла из четырех танков: моего, Жукова, Капотова и Тимофеева. Комбат Бурда приказал нам атаковать деревню Давыдовское. В 8 часов утра мы ворвались туда, но немцев уже там не было. Тогда я решил атаковать деревню Крючкова, но немцы бежали и оттуда. Мы направились еще дальше — в деревню Котово. И там фашистов уже не было.

Тогда комбат Бурда приказал нам совершить новый рывок вперед, атаковать деревню Ябедино и перерезать дорогу на Волоколамск., что и было сделано. Гитлеровцам пришлось отступать по бездорожью, по болотам. Многие были уничтожены, многие взяты в плен. Помню, в одном бою мы захватили богатые трофеи: до ста подвод с новогодними подарками и ящик с подготовленными к вручению наградами — Железными крестами. Их мы сдали в политуправление, а фашисты вместо Железных крестов фюрера получили кресты из русской березы. Такова была наша месть за Дмитрия»…

Да, за смерть Дмитрия Лавриненко танковая гвардия сторицею отомстила гитлеровцам. Буквально через день, 20 декабря 1941 года, подвижная группа Катукова вместе с подвижной группой Ремизова стремительным и точным ударом освободила Волоколамск. Существенную роль в этом бою сыграли 1-я гвардейская и 17-я танковые бригады. Это была последняя операция, которую катуковцы провели в составе 16-й армии генерал-лейтенанта Рокоссовского, с ней они делили и тяжкую горечь отступления от Чисмены до Крюкова, длившегося около месяца, и радость победоносного наступления на обратном пути, занявшем всего одиннадцать дней.

Между тем обстановка на фронте усложнилась. Наши войска вплотную подошли к созданной гитлеровцами мощной оборонительной системе вдоль рек Лама и Руза. Зарывшись в землю, соорудив множество долговременных огневых точек, превратив каждую деревню в опорный пункт, фашисты намеревались здесь зазимовать. Главным узлом этой обороны и была та самая Лудина Гора, у подступов к которой читатель встретился с танкистами-гвардейцами в начале нашего повествования.

Теперь подвижная группа Катукова входила в состав 20-й армии. Она продолжала наступление, но характер его резко изменился: приходилось «прогрызать» оборону гитлеровцев, и продвижение вперед измерялось уже не километрами, а сотнями или даже десятками метров. В состав группы Катукова на этом этапе наступления вошла еще одна бригада — 64-я бригада морской пехоты под командованием полковника И. М. Чистякова, проявившая себя в бою с наилучшей стороны.

В канун Нового года танкисты-гвардейцы вместе с приданной им пехотой получили нелегкую задачу: надо было взять штурмом сильно укрепленную гитлеровцами деревню

Тимково, которая мешала расширить клин, вбитый в фашистскую оборонительную полосу. Под каждой избой здесь была оборудована долговременная огневая точка. Гитлеровцы создали кольцевую систему окопов с блиндажами.

Из Тимкова по нашим наступающим войскам били два тяжелых орудия, шесть противотанковых пушек, тринадцать крупнокалиберных пулеметов и множество минометов. Деревню защищали два батальона. В довершение ко всему подступы к Тимкову держала под огнем гитлеровская артиллерия, сосредоточенная в главном опорном пункте укрепленной полосы — в Лудиной Горе.

Пехота несколько раз бросалась на штурм Тимкова и откатывалась. Теперь было решено атаковать село силами стрелкового полка при поддержке двух танков КВ и трех Т-34. Катуков организовал ночное наступление. Танки повел Александр Бурда. За ними ринулась в атаку пехота. Бой был жестокий приходилось разбивать в упор одну долговременную огневую точку за другой.

Особенно трудным был штурм большого каменного здания. Тут выручила смекалка: гвардейцы захватили немецкие автоматические пушки, которые били, словно пулеметы, быстро разобрались в их устройстве и «дали духа» фашистам из их же оружия.

Около пятисот трупов гитлеровцев было подобрано после боя на улицах Тимкова. Полторы сотни уцелевших фашистов пытались укрепиться в старых окопах за деревней, туда послали роту нашей пехоты с двумя танками Молчанова и Афонина, и они добили немецкий гарнизон. Из соседнего села Хворостинина гитлеровцы бросились в контратаку, но наши бойцы сумели их достойно встретить: на снегу осталось лежать еще четыреста трупов.

Гвардейцы радовались этой победе, завоеванной в жестоком бою. Но к радости снова примешивалось чувство большой горечи: в бою за Тимково погиб еще один ветеран бригады — выдающийся мастер танкового боя сержант Петр Молчанов, на боевом счету которого было одиннадцать вражеских танков, большое количество разбитых им пушек и прочей боевой техники. В кармане его гимнастерки в комсомольском билете лежало заявление в партийную организацию второй роты первого батальона: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической Партии Большевиков. Если погибну в бою, считайте меня коммунистом, честным, преданным сыном нашей Советской Родины».

Так развивалось наступление против немецкой оборонительной полосы по реке Лама, которую гитлеровцы рекламировали как неприступную. Удар следовал за ударом. Биркино… Ананьино… Посадники… Тимонино… Здесь каждый километр был окроплен солдатской кровью. Продвижение вперед давалось нелегко, но гвардейцы не ослабляли натиска.

Позади Москва, впереди Берлин

И вот мы уже возвращаемся к исходному моменту нашего рассказа: близится штурм Лудиной Горы; мы беседуем с гвардейцами в «пещере Лейхтвейса» — в подвале разбитого артиллерией здания ветеринарного техникума села Ивановское; вот-вот начнется новый жестокий бой. Это — 10 января 1942 года.

Пока генерал разговаривает с командирами из пополнения, я мысленно перебираю снова и снова наши встречи с гвардейцами-танкистами, начиная с того памятного дня, когда мы познакомились с ними в Чисмене. Немало событий произошло за эти месяцы. Немало дорог пройдено.

Многих из тех, с кем я успел подружиться, уже нет в живых. Сурова и трудна боевая служба танкиста на войне, он всегда первый под огнем, и как ни крепка его броня, она никогда не может стать неуязвимой. Нет уже среди нас Лавриненко, Матросова, нет Молчанова. Мы потеряем еще многих — на войне никогда не знаешь, когда и кого найдет снаряд или пуля.

Мигает закоптелая керосиновая лампа, колеблются тени на стенах. Генерал заканчивает затянувшуюся беседу с пополнением.

— Остается сказать о себе… Должны же вы знать, кто вами будет командовать. Сам я

из крестьян Московской области Коломенского уезда — это километров сто от Москвы. В детстве работал в Петербурге мальчиком в молочной торговой фирме. Потом революция, гражданская война. С 1919 года в Красной Армии. Начинал бойцом. Был под Царицыном, под Воронежем, под Варшавой. Дрался с бандитами на Гомельщине. Потом учился на курсах комсостава. Был помкомроты, комроты, комбатом, ну, и так далее — до командира дивизии. Кончил школу «Выстрел». Учился в Академии механизации и моторизации. С 1932 года в партии. Воюю с 22 июня. Всяко приходилось, бывало и трудновато. Но ведь война вообще специальность нелегкая. Думаю, что привыкнете и вы…

Откинув плащ-палатку, заменяющую дверь, в отсек подвала вошел человек в полушубке.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал. По срочному делу — от командарма…

Катуков кивнул офицеру связи, поднялся и сказал:

— Закончим на этом. Начальник штаба вручит каждому из вас назначение, и — в полк, в полк! Вас там ждут. Всего наилучшего, товарищи командиры!..

Распечатав пакет, генерал углубился в чтение полученного приказа. Вместе с командирами мы поднялись по обледеневшим ступеням и вышли во двор. Грохот канонады стал явственнее. В небе полыхали багровые зарницы. Высоко взлетали голубоватые осветительные ракеты. Трассирующие пули, как мотыльки, трепеща, уносились куда-то вдаль.

По дороге мимо штаба шли и шли колонны сверхмощной артиллерии, бежали лыжники в белых халатах, проходили полки пехоты в теплых шапках, в ладных валяных сапогах; неслись конники. Лудина Гора должна была быть освобождена в самое ближайшее время, а дальше — новые бои на западном направлении.

Эти новые бои были особенно трудными. Наши войска, теснившие гитлеровцев, были измотаны многодневными кровопролитными боями. Они нанесли противнику огромный ущерб, но и сами понесли потери. Чем дальше, тем тяжелее было продвигаться.

Вот что написал мне об этих трудных днях Герой Советского Союза А, Рафтопулло:

> «Наша гвардейская бригада с боями вышла на землю Кармановского района Смоленской области 19 февраля 1942 года. Первой деревней, за которую мы здесь сражались, была деревня Петушки из 80 дворов. Фашисты сопротивлялись яростно, и уже на этом рубеже едва не погиб наш любимец Костя Самохин — в его танк попал снаряд большого калибра; комбат уцелел чудом. Он был контужен, плохо слышал, но уйти в санитарную часть отказался.
>
> Бои за Петушки продолжались — деревня трижды переходила из рук в руки. Все же через несколько дней мы фашистов отбросили и двинулись дальше. Батальоны капитана Бурды и старшего лейтенанта Самохина стояли недалеко от селений Ветрово и Аржаники.
>
> 22 февраля Самохина вызвал к себе генерал Катуков. Он поздравил его с присвоением звания капитана. В батальоне горячо приветствовали Костю декламировали шуточные приветствия собственного сочинения. Даже ухитрились достать где-то и подарить Косте какой-то домашний цветок. Потом все сфотографировались. Самохин взял свой баян, танкисты спели «Из-за острова на стрежень»…

Ночью батальон вышел на исходный рубеж для штурма деревни Аржаники. Это был очень яростный бой. Деревня была освобождена, но молодой комбат Самохин, только что ставший капитаном, погиб. Память о нем жители Смоленщины берегут свято. Одна из улиц поселка Карманово, лучшая школа и лучшая пионерская дружина района носят имя Самохина. У памятника бойцам-освободителям, который стоит в центре поселка, по праздникам возлагаются венки.

ЦК ВЛКСМ, Смоленский, Орловский и Волгоградский обкомы комсомола посмертно занесли имя Самохина в свои книги почета…»

А вот что написал мне другой ветеран-катуковец Николай Биндас:

«Я внимательно читаю все, что написано о нашей танковой бригаде. Прочел много интересного. Но вот что обидно: очень мало рассказано о замечательном танкисте Володе Жукове, который пришел к нам в дни боев в Подмосковье и дошел почти до самого Берлина — он погиб уже весной 1945 года.

В 1941 году мы воевали вместе, буквально бок о бок. И вот мне хочется рассказать об одном из труднейших боев той поры — о бое на Гжатском направлении, когда мы упорно пытались прорвать рубеж обороны гитлеровцев у одной рощи, которой тогда дали странное название «Аппендицит». К этому времени войска противника и наши значительно поредели. В подкрепление нам были подброшены стрелковые части из сибиряков. Из них создавались большие группы лыжников, которые совершали рейды в тыл врага и охотились за языками. Посылать в разведку танки по снегу толщиной в полметра было просто бессмысленно, да их в бригаде и осталось не так уж густо.

В 1-м батальоне А. Ф. Бурды оставалось в наличии пять-шесть тяжелых машин КВ, и все они укрывались в снегу. Почти невидимые, они стояли, как крепости, в засадах и держали оборону. Во 2-м батальоне И. Н. Бойко было лишь три «тридцатьчетверки» с дизельными моторами.

Путь нашим войскам преграждала неширокая, но довольно длинная полоса леса, очень выгодная для обороны. Эта полоса была буквально напичкана немецкой артиллерией, минометами и охранялась авиацией. Опираясь на эту позицию, немцы причиняли большой урон нашим частям, пытавшимся наступать на г. Гжатск.

Холод все еще держался неимоверный. Дежурили в башнях поочередно, а спать хотелось зверски. Но разве можно уснуть, когда коченело все, несмотря на то, что были одеты очень тепло? Только после прогрева моторов мы немного согрелись. Но при реве моторов и немцы шевелились. Они опасались, что начинается танковое наступление или же подходят резервы, и сразу же открывали огонь.

Надо было пробиваться дальше на запад. И вот на рассвете на переднем крае появился сам Катуков, а с нам еще какой-то генерал. Они захватили с собой обоих комбатов, оделись в белые маскировочные халаты и отправились на рекогносцировку, продвигаясь по глубоким снежным траншеям.

В стороне парило торфяное болото. Слышались хлопки осветительных ракет, которые немцы запускали от вечерних сумерек до полного рассвета. Болото было небольшим, но показалось подозрительным — слишком парило; стало быть, недостаточно промерзло и могло в несколько минут проглотить наши машины, если бы они попытались тут пройти.

Командование приняло решение — предпринять атаку против «Аппендицита», обходя болото по опушке ельника.

Предприняли атаку. Храбрый и решительный командир нашего взвода Попов все же в последнюю минуту, на свой риск и страх, попытался проскочить через торфяное болото. Что же оказалось? Гитлеровцы, что называется, на всякий случай заложили здесь фугас, хотя и было маловероятно, что мы сунемся через болото. Танк подорвался, Попов был тяжело ранен. Его перевязали, и я потащил подбитую машину и ее раненого командира к штабу, где были врачи.

Теперь я стал командовать взводом или, вернее, тем, что от него осталось, — мы остались вдвоем с Володей Жуковым. А назавтра нас ждала новая потеря: мы сидели после обеда с нашим механиком Яшей, к сожалению, его фамилию я запамятовал, и обсуждали создавшееся положение, как вдруг мой собеседник замолчал навсегда: шальная или снайперская пуля попала ему прямо в сердце. Мы долго еще вспоминали с горечью о гибели Попова и Яши. Но война есть война…

Суток двое-трое еще мы постояли в засаде, и тем временем командование снова обсуждало план решения задачи. Танки КВ А. Ф. Бурды, стоя в засадах, на окраине леса, время от времени грохотали моторами. Наши две «тридцатьчетверки» укрывались под небольшими разлапистыми елочками.

Наконец решение было принято. Оба наши Т-34 под командованием Бойко в

сопровождении пехоты двинулись на штурм «Аппендицита» по обочине лесной тропы. По самой тропе ехать было нельзя — надо было остерегаться заложенных фугасов, смертельно опасных для танков, да и для нашей малочисленной пехоты.

Неожиданно мы выскочили на огромную поляну. Оказалось, что она-то и причиняла нашей пехоте большое зло: поляна была буквально напичкана минометами всевозможных калибров. Вот здесь-то и начал мстить за товарищей Володя Жуков. Его невозможно было остановить, а ведь обычно он был скромным и даже застенчивым пареньком.

После разгрома этого минометного гнезда мы двинулись дальше. Вышли на окраину леса — стволы орудий вперед. Долго осматривались, прислушивались, но… мертвая тишина. Мы почуяли что-то недоброе. Продвинулись еще метров на пятьдесят, и что же? Сразу по нашим машинам был открыт мощный огонь. Мы быстро отошли в рощу. Опять раздумья и всякие размышления, а танков-то у нас только два! Несколько дней простояли в засаде.

В эти дни мне было приказано вновь разведать путь в тыл к немцам. Двигались мы медленно и осторожно. По пути остановились неподалеку от танков А. Ф. Бурды, я вышел, поговорил с ребятами, а затем помчался прямо по тропинке к своим машинам. Вдруг у самой машины меня сшиб с ног Володя Жуков: ложись! И тут же грянула вражеская пулеметная очередь. Она могла бы меня перерезать, если бы Володя меня не свалил.

В поисках выхода в тыл к гитлеровцам мы обнаруживали много дзотов на окраинах леса и даже в глубине. В этих случаях слово представлялось Володе. Он подводил машину с тыльной стороны укрепленной немецкой позиции и запускал пару шрапнельных снарядов, несколько пулеметных очередей…

Долго мы искали проход в тыл «Аппендицита». И вот однажды за рощей мы увидели траншеи. Жуков заметил, откуда ведется орудийный огонь. Это было единственное место, где можно было взломать оборону противника: враги не ждали нас, а мы нагрянули. Забросали траншеи гранатами, обошли с тыла батареи орудий и минометов и начали их давить. Володя тут снова отличился: от орудий только колеса вверх летели, а от минометов не оставалось ничего.

Уже вечерело. У нас осталось только по одному осколочному снаряду. Надо было возвращаться «домой», а «дом» наш был в лесу, куда подвозили снаряды и горючее, то есть топливо. Тут же мы заправились горючим и снарядами до отказа и еще затемно отправились в обратный путь.

Немцы не успели восстановить оборону, и мы, ведя за собой пехоту, возобновили наступление.

К полудню Володя вырвался далеко вперед, и пришлось поспешить ему на помощь, но дела шли хорошо. То и дело слышались слова «Гитлер капут!» — это сдавались в плен немцы. Кажется, само небо радовалось нашему успеху, даже облачной пушинки не появлялось, а предапрельское солнце светило на славу…

Через несколько дней после этого боя в лесной полосе мы сдали оставшиеся машины в другую бригаду, а личный состав 1-й гвардейской отправился в Москву, где начал формироваться 1-й танковый корпус».

Я нарочно полностью привел эти два рассказа ветеранов-катуковцев, хотя, в сущности, в них нет каких-либо эффектных картин сражений. Но они точно воспроизводят пережитое — нелегкий и часто драматический будничный ратный труд солдата, когда бой приходится вести за каждый окоп, за каждую воронку, за каждый пень в лесу, перенося огромные физические и нравственные испытания.

Так завершила нелегкие бои на Западном фронте 1-я гвардейская танковая бригада, выполнив до конца свой воинский долг в великом подмосковном сражении.

СПРАВКА

В наказание за провал наступления на Москву Гитлер отстранил от командования группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, снял с поста главнокомандующего сухопутными войсками вермахта фельдмаршала фон

Браухича, командующего 2-й танковой армией генерала Гудериана и многих других военачальников. Генерал Блюментрит так написал в своих мемуарах о том, что произошло под Москвой: «Это был поворотный пункт нашей восточной кампании надежды вывести Россию из войны в 1941 году провалились…»

Западнее Воронежа. 1942

Время тревожных ожиданий

Шло второе военное лето. Оно начиналось для нас тревожно. В воздухе было разлито ожидание драматических событий: долгая оперативная пауза, наступившая после блистательного разгрома гитлеровцев под Москвой и после ряда других наступательных операций Красной Армии, была использована и нами, и нашими врагами для подготовки к новым битвам, и теперь все чаще с переднего края фронта, прорезавшего нашу страну от Арктики до Черного моря, доносился зловещий гул канонады. Вот как характеризуется соотношение сил на этом фронте, по данным на 1 мая 1942 года, в кратком научно-популярном очерке «Великая Отечественная война»:

> «Внутреннее положение Советского Союза и состояние его Вооруженных Сил к весне 1942 г. заметно укрепились… Мужали, крепли и сами Вооруженные Силы… Численность действующей армии на 1 мая 1942 г. составляла более 5,5 млн. человек. На вооружении армии было свыше 4 тыс. танков, почти 43 тыс. орудий и минометов, более 1200 установок реактивной артиллерии и более 3 тыс. боевых самолетов. Однако было еще очень много легких танков и самолетов устаревших конструкций. В целом же Советская Армия еще не достигла технического превосходства над врагом и по-прежнему уступала немецкой армии в подвижности.
>
> Немецко-фашистская армия вследствие потерь, понесенных ею в зимней кампании 1941/42 г., стала несколько слабее… Однако проведением ряда мероприятий гитлеровскому руководству удалось к весне 1942 г. не только восполнить потери войск на Восточном фронте, но и увеличить общую численность своих вооруженных сил по сравнению с началом 1942 г. более чем на 700 тыс. человек. За период с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. на Восточный фронт было переброшено более 40 дивизий… На 1 мая 1942 г. в составе вооруженных сил фашистского блока, действовавших на советско-германском фронте, в общей сложности имелось 6,2 млн. солдат и офицеров, 43 тыс. орудий и минометов, более 3200 танков и штурмовых орудий, 3400 боевых самолетов, около 300 надводных кораблей различного класса, 44 подводные лодки».[24]

Вот-вот эти две многомиллионные армии должны были снова схватиться в кровопролитнейшей схватке, от исхода которой зависело очень многое, если не все.

Мы помнили и часто повторяли слова, сказанные Сталиным в памятный день необычайного парада 7 ноября 1941 года на Красной площади, поразившие весь мир: «Еще полгода, может быть, годик, и гитлеровская армия рухнет под тяжестью совершенных ею преступлений». Эти слова, произнесенные тогда, когда войска Гитлера стояли в одном переходе от Москвы, казались поистине дерзкими. Но всем нам страстно хотелось верить, что будет так, как сказал Сталин, и мы верили и считали дни — сколько еще осталось терпеть и страдать, воевать и умирать, стараясь не думать о том, мыслимое ли это дело — уже в 1942 году разгромить и повергнуть в прах гитлеровский рейх.

---

24 «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М Политиздат, 1970, стр. 134–135.

Поначалу все шло хорошо, и неожиданные для многих мощные удары Красной Армии укрепляли веру в этот спасительный сталинский «годик». Перейдя в контрнаступление, советские войска освободили более одиннадцати тысяч населенных пунктов, в том числе свыше шестидесяти городов.

Как ни трудно приходилось на фронте и в тылу, как ни тяжелы были жертвы, весной 1942 года повсюду царило спокойное и уверенное, и, я бы сказал, рабочее настроение. В небывало короткие сроки где-то далеко на востоке были заново смонтированы перевезенные из захваченных фашистами краев военные заводы, и оттуда на фронт уже мчались эшелоны с новенькими танками, самолетами, пушками.

В прифронтовой полосе вдруг появлялись новые соединения, предназначенные для выполнения особых заданий либо ожидавшие до поры до времени приказа, находясь в резерве. Никто, даже их командиры, не знали, какая судьба им предназначена: то ли они будут брошены в наступление, то ли им придется преграждать путь гитлеровцам. Но многим думалось: теперь не 1941 год, теперь инициатива будет в наших руках.

Лишь много лет спустя после войны, когда были опубликованы данные секретных военных архивов, стало известно, что Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб ставили перед действующей армией на лето 1942 года ограниченные цели, поскольку мы пока еще не имели достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. В качестве основной задачи выдвигалось создание мощных обученных резервов, накопление запасов оружия, боеприпасов, танков, самолетов и другой боевой техники, а также всех необходимых материальных ресурсов.

В то же время окончательный план летней кампании, утвержденный в конце марта 1942 года на совещании в Ставке Верховного Главнокомандования, предусматривал, что действующая армия должна будет одновременно с переходом к стратегической обороне провести на некоторых направлениях частные наступательные операции, чтобы улучшить оперативное положение и упредить противника, готовившегося перейти в наступление. Имелись в виду, в частности, наступательные действия под Ленинградом, в районе Демянска, на Смоленском, Льговском, Курском направлениях, в районе Харькова, в Крыму.

Как же сложились события в действительности?

Люди старшего поколения хорошо помнят, что вторая летняя кампания началась для нас новыми испытаниями, которых, что называется, по гроб жизни не забудет каждый, кому довелось пережить ту страшную пору: это были наши военные неудачи в Крыму и под Харьковом, за которыми последовало широкое наступление гитлеровских войск на Юге. Как свидетельствует Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни», положение осложнилось тем, что Ставка и Генштаб, зная о том, что наиболее крупная группировка немецких войск (более 70 дивизий) находилась на Московском направлении, полагали, что решительного удара противника следует ждать именно на этом направлении. Такое мнение разделяло командование большинства фронтов.

> «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены, — пишет А. М. Василевский. — На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное. Стратегические резервы соответственно сосредоточивались в основном возле Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова».[25]

И далее А. М. Василевский уточняет:

> «В некоторых отечественных работах высказывается мнение, будто основной причиной поражения войск Брянского фронта в июле 1942 года является недооценка Ставкой и Генеральным штабом Курско-Воронежского направления. С

---

[25] А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, стр. 186

таким мнением согласиться нельзя. Неверно и то, что Ставка и Генеральный штаб не ожидали здесь удара. Ошибка, как уже говорилось, состояла в том, что мы предполагали главный удар фашистов не на юге, а на центральном участке советско-германского фронта. Поэтому Ставка всемерно, в ущерб югу, укрепляла именно центральный участок, особенно его фланговые направления. Наиболее вероятным, опасным для Москвы мы считали Орловско-Тульское направление, но не исключали и Курско-Воронежского, с последующим развитием наступления врага в глубокий обход Москвы с юго-востока. Уделяя основное внимание защите столицы, Ставка значительно усиливала и войска Брянского фронта, прикрывавшие Орловско-Тульское и Курско-Воронежское направления. Еще в апреле и первой половине мая Брянский фронт дополнительно получил четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать стрелковых и четыре отдельные бригады, а также значительное количество артиллерийских средств усиления. Все эти соединения, поступавшие из резерва Ставки, были неплохо укомплектованы личным составом и материальной частью».[26]

И когда в июне 1942 года я стал разыскивать своих старых друзей гвардейцев Катукова, то их след отыскался опять-таки на центральном участке — на Брянском фронте. Теперь Катуков командовал уже танковым корпусом.[27]

Конечно, в то время мы, военные корреспонденты, не были допущены к тайнам штабов и не знали, что кроется за внезапными перебросками дивизий, корпусов и армий с одного фронта на другой. Но мы рассуждали так: если на Брянский фронт перебрасывают отборные части, — катуковцев считали одним из поистине отборных соединений! — значит, здесь ожидается что-то важное и серьезное. И эти, может быть, несколько наивные корреспондентские рассуждения оказались близкими к истине: много лет спустя, когда военные архивы перестали быть секретными, мы узнали, что к лету 1942 года на Брянском фронте были сосредоточены весьма крупные по тем временам силы. На участке длиною около 460 километров стояли в ожидании больших событий несколько пехотных армий, группа танковых корпусов, в том числе и танковый корпус Катукова — каждый из них насчитывал свыше ста тяжелых и средних, около семидесяти легких танков, — два кавалерийских корпуса, несколько отдельных танковых бригад и стрелковых дивизий. Вдобавок ко всему этому здесь же находилась только что созданная 5-я танковая армия, входившая в резерв Ставки Верховного Главнокомандования — командовал ею генерал, прославившийся своею храбростью и стойкостью в первые месяцы войны, Александр Ильич Лизюков, получивший одним из первых в этой войне — 5 августа 1941 года — звание Героя Советского Союза.

Перед лицом войск Брянского фронта стояла также сильная группировка гитлеровских войск — до 20 дивизий, стрелковых и танковых, 2-я танковая и 2-я полевая армии. Южнее располагались 4-я танковая и 6-я полевая армии Гитлера, которым было суждено, полгода спустя, обрести свой позорный и страшный конец у стен Сталинграда, и много других немецких войск.

В совершенно секретной директиве № 41 Гитлер предписывал своим генералам

---

26 А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, стр. 195–196

27 «Начиная с января 1942 г., наша танковая промышленность с каждым месяцем наращивала темпы выпуска боевых машин. Производство танков всех типов в 1942 г. возросло по сравнению с 1941 г. в 3,7 раза. В этом году было выпущено 24 668 танков различных типов, в то время как фашистская Германия произвела лишь 9300 танков… Весной 1942 г. началось формирование танковых корпусов. В соответствии со штатом корпус должен был иметь три танковые и мотострелковую бригады, разведывательный батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, дивизион реактивных минометов, а также подразделения материально-технического обеспечения. В апреле и мае 11 корпусов формировались на фронтах и 14 — в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. Новым в организационном строительстве танковых войск явилось создание танковых армий» («Советские танковые войска. 1941–1945», стр. 54–55).

> «сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее реки Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет».

Но тогда, повторяю, не только мы, военные корреспонденты, но и генералы, силившиеся проникнуть в замыслы врага, многого не знали и о многом могли лишь строить предположения. На ум невольно приходило, что здесь, в центре гигантского фронта, можно было ждать ударов вермахта в двух направлениях — на Москву и на Воронеж. И полторы с лишним тысячи танков, предоставленные в распоряжение Брянского фронта к июню 1942 года, должны были явиться бронированным кулаком, который (будь проявлены должная оперативность и маневренность!) должен был бы сокрушить гитлеровские войска, сунься только они вперед.

В гитлеровском генеральном штабе после поражения, которое потерпел вермахт под Москвой, поняли, какой грозной силой является Красная Армия. Вот почему, готовя в обстановке полнейшей секретности новую военную кампанию, немецкое командование стягивало для нанесения удара все силы, какие только оно могло собрать в Западной и Центральной Европе, включая войска своих сателлитов. В состав мощной армейской группы «Вейхс», нацеленной от Курска на Воронеж, была включена, например, наряду со 2-й полевой и 4-й танковой немецкими армиями, 2-я венгерская армия…

Так выглядела расстановка сил на Брянском фронте, куда я направился 15 июня в поисках старых друзей-гвардейцев. Мы выехали поздним вечером целой компанией на прикрытом пыльным брезентовым шатром тряском грузовике, который был предоставлен в распоряжение военного корреспондента «Красной звезды», старого комсомольского работника Васи Коротеева. По тем временам обладание такой машиной считалось среди военных корреспондентов величайшим счастьем, и Вася с гордостью именовал ее своей «передвижной штаб-квартирой» — под полотняным шатром стояла изломанная кровать с ржавой продавленной сеткой, лежала груда соломы, на которой с комфортом разместились фронтовые поэты Луконин и Хелемский, а под ногами хрустели рассыпанные почему-то патроны из коротеевского автомата.

Ехали мы весело, хотя ночная езда по разбитому военному шоссе отнюдь не была комфортабельной. Молодые поэты спели все песни из репертуара Литературного института, в котором оба учились перед войной, военкоры делились воспоминаниями о веселых и страшных фронтовых историях. Промелькнула тихая ночная Тула, вся в баррикадах, с силуэтами полуразбитых домов. Где-то в маленьком городке остановились поспать на два часа запомнилась мертвая улица со звонкими соловьями в заброшенных садах и зеленой травой в щелях между булыжниками, по которым давно никто не ездил. И еще: из репродуктора голос диктора, читавшего военную сводку Информбюро, в пустом полуразрушенном доме.

И снова тряска в грузовике, ныряющем по ухабам военной дороги. Мы проехали многие-многие километры по освобожденной минувшей зимой, изувеченной, изуродованной снарядами и бомбами земле, пока добрались до Ельца — города, чудом уцелевшего в этой военной кутерьме, с его кинотеатрами, киосками, торгующими газированной водой и мороженым, с монастырем и тюрьмой, у стен которой зимой кипел жестокий бой.

Командный пункт фронта мы нашли, конечно, не в городе, а в маленькой деревушке среди лесов и садов. Здесь жили нервной, настороженной жизнью в ожидании каких-то уже близких, грозных событий. Но корреспондентам пока делать было нечего, и они коротали свое время, расхаживая от хаты оперативного отдела штаба, где им отпускали скудный паек новостей о боях местного значения за населенный пункт Н. или за безымянную высоту, до хаты военного телеграфа, а отсюда до столовой военторга.

В поисках своих друзей-танкистов я то и дело увязывался за офицерами с изображением маленького танка в петличках, но всякий раз терпел неудачу все разводили

руками и вежливо улыбались, делая вид, что им ничего неизвестно. Можно было подумать, что танковых частей вообще на фронте нет и в помине. И вдруг совершенно случайно в Ельце я напал на след большого танкистского штаба. Это были не катуковцы, нет, здесь пахло чем-то еще большим, чем танковый корпус. Да, черт побери, это была танковая армия! 5-я танковая армия генерала Лизюкова. Но штаб ее быстро свертывался и куда-то переезжал: интенданты при мне вели разговор о горючем и сухом пайке. К тому же ночью мы слышали, как танки проходили по городу.

Ловлю на ходу генерала. Короткий, вежливый, но откровенно нетерпеливый разговор. Лизюков явно недоволен тем, что его нашли корреспонденты.

— Статью «Искусство побеждать»? Для «Комсомольской правды»? Но об этом должны писать полководцы.

— Вероятно, именно поэтому меня направили к вам…

— Сожалею, но сейчас очень занят.

— Будете ли вы здесь ночью?..

— Нет.

— Не скажете ли вы, где Катуков?..

— Нет.

— Давно ли вы его видели?..

— Вчера.

— Где же мне узнать, где Катуков?..

— У компетентных лиц.

Несколько вежливых фраз в утешение корреспонденту, который так ничего и не добился, и генерал садится в автомашину.

В тот вечер в штабе мне рассказали по секрету, что армию Лизюкова, основную ударную силу которой составляли 2-й и 11-й танковые корпуса, Ставка бережет для каких-то больших дел. «Идет большая игра нервов, сказал мне знакомый офицер. — Тысячи танков с обеих сторон бродят вдоль фронта, концентрируясь то здесь, то там. Кто кого перехитрит и застанет врасплох? Это как в шахматах. Только исход игры совсем другой: гораздо значимее и, если хотите, зловещее…»

Наконец, мне повезло: 19 июня к танкистам Катукова отправлялась, получив разрешение на съемки, группа фронтовых операторов под руководством кинорежиссера Гикова, и я увязался с ними.

Выезжаем на рассвете. Чудесные российские пейзажи: рощи, медлительные реки, яблоневые сады, высокая рожь, стада коров и овец. Мирные, мирные места, даже не верится, что зимой здесь гремели жестокие бои. Только пепелища сожженных деревень напоминают об этом. Долго петляем по черноземным проселкам, на которых до сих пор сохранились дорожные указатели, расставленные дотошными немецкими регулировщиками. Наконец в большом селе, утопающем в садах, настигаем отлично замаскировавшийся штаб только что прибывшего неуловимого Катукова.

В школе — пункт сбора донесений. Раздается богатырский храп: офицеры связи ночью ездили по частям, все были на марше. Сосредоточение 1-го танкового корпуса на новом месте едва закончилось. И Катуков, и Бойко, и даже бессонный адъютант Ястреб спят непробудным каменным сном. Потом генерала все же будят: его срочно вызывают на совещание в штаб фронта. Мы с ним встречаемся на ходу. Короткий, но теплый разговор. Корреспонденту «Комсомольской правды», как всегда, будет обеспечен радушный прием. Рассказать молодым читателям есть о чем…

Поздно вечером генерал возвращается с совещания. Мы сидим далеко за полночь в его избе, идет разговор о пути, пройденном танковой гвардией за эти полгода, об уроках, извлеченных ею из трудных наступательных боев, о перспективах летней кампании.

Теперь, когда мы накопили уже немало танков, можно позволить себе то, что делало немецкое командование прошлым летом: массированный удар, глубокий прорыв и уход в

расположение противника без оглядки на фланги.

К сожалению, мы пока еще не накопили опыта в таком использовании бронетанковых сил. Все еще робко применяем танки, зачастую распыленно, с оглядкой на свою пехоту. Это сказалось отрицательно в недавних боях на Харьковском направлении — начальник главного управления бронетанковых войск Федоренко издал специальный приказ с критическим разбором операции.

Как покажут себя танки в ближайшие дни здесь, на Брянском фронте? Катуков уверен, что гвардейцы, закалившиеся в боях под Москвой, не подведут. Но есть и другие — те, что еще ни разу не нюхали пороху… С ними будет труднее. Во всяком случае, 1-й танковый корпус лицом в грязь не ударит.

1-й танковый корпус, как и другие, в сущности, еще очень молод: решение о его формировании было принято еще тогда, когда Катуков со своей гвардейской бригадой воевал восточнее Гжатска в составе 5-й армии Говорова. Там Катукову вручили приказ наркома обороны: он был назначен командиром вновь формируемого 1-го танкового корпуса, а Бойко его комиссаром.

В состав корпуса включилась 1-я гвардейская танковая бригада, она должна была стать его костяком и ударной силой. Ее командиром вместо Катукова стал полковник Чухин, опытный танковый начальник; генерал его хорошо знал: Чухин до войны был начальником штаба 20-й танковой дивизии. (Вскоре Чухин, однако, заболел, и его заменил не менее опытный танкист Горелов, который провел бригаду через многие бои, пока не погиб в бою уже на польской земле.) Кроме того, в подчинение Катукова передавались бригада тяжелых танков КВ под командованием Юрова, 49-я танковая бригада Черниенко и мотострелковая бригада Мельникова. Всего по штатному расписанию в корпусе должно было быть 5600 человек, 168 танков, 32 орудия, 20 зенитных орудий, 44 миномета, 8 установок реактивных минометов. По тем временам это была немалая сила.

Впервые с Михаилом Ефимовичем Катуковым после назначения его на новую должность я и наш фронтовой корреспондент Слава Чернышев встретились совершенно неожиданно в первой половине апреля в Хорошевских казармах в Москве: поехали туда, чтобы написать, как проходит в воинских частях подписка на новый военный заем, и вдруг встретили Михаила Ефимовича, — он впервые в жизни надел только что сшитую для него генеральскую шинель и папаху (всю зиму он так и провоевал в своей потрепанной солдатской шинельке, в которой мы видели его у Скирманова).

Катуков был в великолепном настроении и полон новых планов: гвардейцы двигались в Липецк, где к ним должны были присоединиться остальные бригады. Там же, в Хорошевских казармах, мы увиделись и с комиссаром Бойко, и с только что назначенным на пост начальника штаба корпуса майором Никитиным, — до этого он, сменив подполковника Кульвинского, командовал штабом 1-й гвардейской, — отличным оперативником и редким по самообладанию и находчивости командиром, и с Бурдой, и со многими другими знакомыми нам танкистами, которые по праву считались ветеранами, хотя война не продлилась и года.

(В письме ко мне в 1972 году ветеран 1-й гвардейской танковой бригады капитан в отставке Н. Н. Биндас писал:

> «В апреле 1942 года формировался 1-й танковый корпус, в который вошла и наша бригада. Личный состав подбирался очень строго. Даже некоторые участники битвы за Москву были отчислены. Прибыли отборные маршевые роты, полностью укомплектованные и снабженные техникой. Но и их личный состав подвергался строгому отбору. Я был назначен заместителем командира роты, и это была для меня большая честь — были учтены мои скромные заслуги в боях под Москвой. Работы было много — надо было воспитать пополнение в духе боевых традиций 1-й гвардейской танковой бригады и проверить, на что каждый способен…»)

24 апреля к нам в редакцию «Комсомольской правды» приехал из Липецка работавший

в политотделе 1-й гвардейской танковой бригады наш старый приятель Ростков и рассказал, что корпус уже укомплектован и занят боевой учебой. Между прочим, по пути в Липецк Катуков останавливался в Ельце и даже успел там посетить Дом-музей, где жил когда-то Плеханов. Генерал и не предполагал тогда, что ему доведется вернуться сюда со всем своим корпусом, чтобы защищать подступы к этому городу.

Учебой долго заниматься не пришлось. Корпус был передан из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в распоряжение штаба Брянского фронта. И вот он здесь, тщательно рассредоточенный по деревням севернее города Ливны и старательно замаскированный, готовый к бою в любой час…

Двадцатое июня… Осталось всего два дня до годовщины нападения Гитлера на СССР. Не приурочит ли фюрер, столь падкий на эффектные жесты, именно к этой дате свое новое наступление? В частях соблюдается повышенная боевая готовность. Но пока еще вое тихо.

Мокрое сырое утро. Я просыпаюсь в крохотной избушке с земляным полом, куда меня определил на постой комендант штаба, меня будит наседка, хлопотливо кормящая рядом, тут же в избе, свой выводок. В другом углу на соломе лежит теленок, родившийся позавчера. Тикают ходики. В углу чернеют лики древних икон. Старушка хозяйка уже хлопочет у русской печи с ухватом.

Разговариваем о гитлеровцах, которые занимали этот край прошлой осенью. Деревне повезло: она в стороне от большой дороги, поэтому фашисты наезжали сюда лишь изредка пограбить, да и то лазили только по окраине, побаиваясь партизан. Колхозники рады, что в деревню пришли советские танкисты: ведь фронт близко.

Теперь веселее. А то, как солдаты ушли, боялись — неужто опять немца пустят?..

Всю ночь в деревне шло гулянье; слышались звонкие частушки, пела гармонь. Бойцов крестьянские девушки встречали приветливо. «Они — люди культурные, — назидательно пояснила мне хозяйка, — и ничего такого не сделают».

Я прощаюсь с хозяевами: переезжаю в танковый батальон Александра Бурды.

Тихое зеленое село Лютое. Танков здесь будто и нет вовсе — так хорошо они упрятаны. Александра Федоровича я нахожу в просторной избе, которую он делит со своим заместителем, тоже нашим старым знакомым Заскалько. Здесь же, на второй половине, у русской печи — хозяева — старик со старухой и их дочка.

Александр Федорович Бурда — теперь уже майор — встречает меня, как всегда, приветливо, хотя ему сейчас не до гостей. Он сидит у стола, одетый в серую офицерскую шинель, а под нею еще и теплая безрукавка на лисьем меху: замучил ревматизм, разыгравшийся так некстати в эту проклятую, не по-июньски холодную погоду. Под мышкой у него градусник. В избе топчется врач — генерал приказал вылечить комбата незамедлительно.

Остаюсь в батальоне на три дня; пока на фронте ничего существенного не происходит, танкисты, стоящие в резерве, располагают свободным временем, и военный корреспондент «Комсомольской правды» может наговориться с ними вволю. В избе с утра до вечера полно людей: я спешу восполнить пробелы в своих зимних записях, когда танкистам было не до журналистов.

Всматриваюсь в знакомые лица — вот серьезный, волевой Любушкин, на гимнастерке которого красуется Золотая Звезда, вот совсем юный Капотов, скромный и застенчивый, — он сейчас несет нагрузку секретаря комсомольской организации; лихой, остроглазый танкист Лехман, романтически настроенный, увлекающийся музыкой паренек с Украины; веселый краснощекий Заскалько — до чего же это дружная и спаянная семья! Многих она уже потеряла, многих придется еще потерять, — может быть, в самые ближайшие дни, — но те, что выживут до конца, наверняка будут вспоминать годы, проведенные вместе в самых жестоких, поистине нечеловеческих условиях, как самую дорогую пору своей жизни. Под пулями и снарядами всегда обнажается подлинное естество человека, тут не увильнешь, не схитришь, не спрячешь своих мыслишек, тут ты весь как на ладони перед своими однополчанами.

Мои фронтовые блокноты быстро распухают: мы беседуем многие часы подряд. К нам часто подсаживается хозяин — старый дед, который понимает толк в военном деле, — он участвовал в русско-японской войне, оборонял Порт-Артур. Очень любит и сам со вкусом рассказывать, танкисты слушают его с интересом — про «свою» войну, про службу в царской армии, про Порт-Артур, про ранение, про изменника Стесселя, про героя-генерала Кондратенко, про минное поле, на котором он «одним поворотом своей хитрой машинки взорвал семьдесят тыщ японцев»; «про то тайное поле, — важно и наставительно пояснял дед, — никто не знал, потому что минировали его по ночам, а поле было не простое: хочешь, гони скот, хочешь, сам иди — нипочем не взорвется, а крутанешь машинку — и все в воздух», про Золотую Гору, где стояла батарея крепостной артиллерии, — «как дали залп, все люстры в соборе осыпались…».

А вот жена у деда — принципиальный противник всех войн. Ахает, когда Бурда рассказывает, как его танк иной раз приходит из боя весь красный от крови, а один раз даже немецкую руку в гусенице привез. «Вы не смотрите, что я темная, — говорит танкистам бабка. — Я про Кутузова и про Суворова в книжках читала, они хорошие были люди, вроде вас, но профессия ваша зловредная, надо, чтоб никаких войн и никакого оружия не было вовсе».

Александр Бурда долго и серьезно разъясняет старухе происхождение войн, классовое устройство общества, говорит, что при коммунизме никаких войн не будет, но, пока есть империализм и фашисты, воевать приходится, и отказываться от оружия никак невозможно. Старуха вздыхает, машет рукой, идет к печке, достает чугун с топленым молоком — угощает танкистов… «Для вас нам ничего не жалко, — говорит она, когда Капотов стесненно отнекивается. — Зимой мы со стариком последнюю пару сапог бойцам отдали тем, что гнали отсюда немца. Но все ж таки, когда вы отступали, мы обижались на Красную Армию: зачем этого змея сюда допустили?»…

Бурда громко хохочет: «Вот видишь, мать, выходит, оружие наше понадобилось — ведь без него гитлеровского змея не прогнали бы?» — «Да, выходит так», — нехотя соглашается хозяйка.

Разговор переходит на мирные темы. Старик вдруг рассказывает про свой грех перед господом богом: снял в 1932 году с иконы серебряную ризу и отнес ее в торгсин — так назывались тогда магазины, где все продавалось только на золото и серебро, — дали за ту ризу два пуда муки, девять пудов отрубей и шкалик водки. «А латунную ризу не взяли», — вдруг сокрушенно добавляет он.

Вечером — опять «улица»: деревня гуляет с танкистами.

Холодная, лунная ночь. Где-то бьют пушки. Тарахтит связной самолет. Черные тени изб с погашенными окнами и резные силуэты тополей. Идут стенкой девчата с озорной песней, им подыгрывает шестнадцатилетний гармонист:

Ты военный, ты военный,
Ты военный не простой!
Ты на западе женатый,
А на юге холостой…

Танкисты улыбаются: «Прошлый год, когда отходили, в деревнях «улицы» не было. А теперь — вот…» На косогоре, под полуразрушившейся старой стеной — толпа. В лунном свете белеют девичьи платочки, среди них несколько мальчишечьих картузов. Рядом — гурьбой солдаты. Две девушки долго-долго отбивают дробь каблучками, одна против другой. Потом в круг входит танкист. И сразу же вихрем влетает первая красавица деревни — она как бы парит в воздухе, не касаясь земли. Танкист тоже старается не ударить в грязь лицом. Обоим аплодируют. И долго еще идет эта пляска, и частушки несутся по деревне. А частушки не только озорные и веселые, много и грустных:

Распроклятая Германия
Затеяла войну,
Сильно голову поранили
Залетке моему…

Официально после десяти по деревне ходить не разрешается. Военком танкового батальона Самойленко строго говорит патрульным в черных шлемах: «Так смотрите же, чтобы в десять никого здесь не было!» И те подтверждают, что приказание будет выполнено, хотя им, как и военкому, хорошо известно, что время уже за полночь. А дежурный по колхозу, бородатый дед, простодушно говорит бойцам: «Это только ради вас терплю, в кои-то веки вам еще погулять счастье выпадет. А так давно инструкцию исполнил бы…»

Что ждет эту деревню завтра? Как сложится военная обстановка нынешним летом? Кто знает… Но как сильно хочется — до боли в сердце, — чтобы война на сей раз прошла мимо этих славных людей, которые уже столь много выстрадали и которые, забыв о своей обиде на Красную Армию за то, что она «так далеко допустила гитлеровского змея», готовы и сейчас делиться с нею последним, видя в солдатах своих родных сыновей…

События начались так…

Случилось так, что памятную ночь двадцать восьмого июня тысяча девятьсот сорок второго года, когда вермахт начал свое большое наступление, я встретил в боевом охранении 4-го гвардейского полка (ранее 401-го стрелкового) 6-й гвардейской дивизии, входившей в 13-ю армию. Хотелось написать очерк о комсомольцах, несущих свою вахту на самом переднем крае. Я познакомился там с замечательными ребятами, узнал многое об их фронтовой жизни, но очерк этот так и остался ненаписанным: грянул гром большой битвы, в которой важную роль должны были сыграть танкисты, и мне надо было вернуться к Катукову.

Разыскивая след 1-го танкового корпуса, я заехал в Елец, близ которого расположился штаб фронта. Запыленный фронтовой автомобиль с ходу влетает в этот тихий зеленый прифронтовой город. Елец как будто выглядит очень мирно. Но это обстрелянный город, город-фронтовик.

В Ельце знают цену бою. Может быть, поэтому сейчас здесь так спокойно? Сегодня город трижды подвергался воздушным налетам: в четыре часа утра прилетали немецкие разведчики, в пять часов и в полдень — бомбардировщики. Били по вокзалу. Тревога за день объявлялась шесть раз, гитлеровцев отгоняла наша авиация. И все-таки, укрывшись за широкими линиями заграждений, за противотанковыми рвами и минными полями, за проволокой в несколько рядов кольев, ощетинившись зенитками, город продолжает жить и работать. Все так же дымят трубы на предприятиях. На углу площади продают розы, по радио транслируют вальсы Штрауса. Девушки идут в городской сад посмотреть кинокартину «Трактористы». У одной из них — свежая повязка на голове, вероятно след бомбежки. А на окраине сада стоят военные патрули, зорко всматривающиеся в голубое небо. Оно не предвещает ничего хорошего. В газетном киоске я покупаю свежий номер «Красной звезды», развертываю его и замираю как вкопанный: передо мной страшный снимок горящего Севастополя до боли знакомая площадь у Графской пристани и в центре — окруженный пожарищами незыблемый памятник Ленину. Да, судя по всему, нас ждет еще одно горькое лето…

Сворачиваю в соседнюю улицу и вдруг вижу на скамеечке своих друзей из фронтовой газеты «На разгром врага» Хелемского и Викторова; оказывается, редакция переезжает из города в деревню: в городе стало слишком беспокойно. Узнаю у них, что на фронт приехал фоторепортер «Комсомольской правды» Борис Фишман на своем знаменитом, видавшем виды под Москвой пикапе. Стало быть, кончаются мои мытарства, перестану охотиться за попутными машинами, будем ездить вместе с Борисом.

* * *

В штаб фронта добрались только к вечеру. Здесь выяснили, что командование фронта уже ввело в бой свои танковые соединения. На левый фланг 13-й армии брошен 1-й танковый корпус Катукова, занявший рубежи вдоль левого берега реки Кшень, южнее города Ливны, к стыку 13-й и 40-й армий 16-й танковый корпус Павелкина. Кроме того, 40-ю армию подкрепили двумя танковыми бригадами — 115-й и 116-й.

Положение на Брянском фронте становилось тревожным, и Ставка Верховного Главнокомандования перебрасывала сюда новые и новые танковые части: с Юго-Западного фронта к Старому Осколу выдвигались 4-й корпус Мишулина и 24-й Баданова, из Воронежа — 17-й корпус Фекленко. Кроме того, в полной боевой готовности находилась 5-я танковая армия Лизюкова, ударную силу которой составляли 2-й и 11-й корпуса.

Повторяю, многое нам было еще неясно, многое было непонятно, но в одном мы были уверены: солдаты и офицеры, с которыми мы так близко сошлись и подружились за год войны, сделают все возможное и даже невозможное, чтобы остановить и отбросить новую волну гитлеровского наступления. И теперь, три с лишним десятилетия спустя, когда я перелистываю свои записи, относящиеся к той поре, как-то становится теплее на душе при мысли о том, что в июне июле 1942 года на мою долю выпало редкое счастье — еще раз стать очевидцем поистине поразительных боевых дел людей в броне.

В течение нескольких дней нам не удавалось выехать в части, которые вели отчаянно трудные бои. Корреспондентов центральных газет пока туда не пускали, и нам приходилось довольствоваться каплями информации, которые скудно отцеживали нам, руководствуясь строгими правилами военного времени, представители штаба фронта. Мы горевали, но не жаловались: обстановка была серьезна, и, просочись в печать малейшая деталь, по которой можно было догадаться о передвижениях быстро маневрировавших танковых частей, гитлеровская разведка немедленно ухватилась бы за нее.

По отдельным сообщениям мы догадывались, что предпринимаются какие-то чрезвычайные меры. Из Москвы в Касторное вдруг прибыл командующий бронетанковыми войсками Федоренко.[28] Связисты говорили, что то и дело в штаб звонят из Ставки; часто к телефону подходит сам Сталин.

Мы не могли претендовать на то, чтобы нас посвящали в военные тайны; единственно, к чему мы стремились, — было посещение сражающихся частей. К Катукову пока попасть было невозможно, но 2 июля нам с Фишманом удалось пробраться в танковую бригаду Аникушкина, о первых успехах которой упомянули в штабе еще 29 июня, информируя военных корреспондентов о ходе боев.

Степь, привольная орловская степь уходила далеко, к самому горизонту. Лишь кое-где возвышались холмы, поросшие дубравами. Но в этот чудесный тургеневский пейзаж война внесла свои поправки. Холм теперь не холм, а высота Н. Густая нива, изрытая воронками, теперь не нива, а передний край. Тихая серебряная река — не река, а водный рубеж. И самое небо, которым любовался Тургенев, теперь стало военным небом, и плохо тому, кто вовремя не заметит в нем длинный черный силуэт «мессершмитта». Вот и сейчас немного поодаль взлетели вверх фонтаны чернозема и послышалась дробь пулеметов.

Мы едем к танкистам, о которых сейчас говорит весь фронт. То, что они сделали, эти люди, не укладывается ни в какие законы тактики и стратегии. Гитлеровцы прорвали фронт на стыке с участком, который занимала эта бригада. Фланг у них оказался открытым, но танкисты не отошли. Маневрируя с большим искусством, действуя из засад, они, так же как

---

[28] Генералу Я. Н. Федоренко Ставкой было поручено возглавить оперативную группу в составе 4, 24 и 17-го танковых корпусов, которые предназначались для разгрома группировки противника, прорвавшейся в район Горшечное. 4-й и 24-й танковые корпуса должны были нанести удар из района Старого Оскола на север, а 17-й — из района Касторное на юг (см.: «Советские танковые войска. 1941–1945», стр. 62).

это сделал в прошлом году Катуков под Орлом, сбили противника с толку, заставили его поверить, будто перед ним свежая танковая армия, и удержали рубеж.

Сейчас обстановка все еще напряженная. Свыше тысячи немецких солдат, располагающих мощной поддержкой артиллерии и танков, пытаются, как сообщили нам в штабе фронта, прорваться на правом фланге танкистов. Но те крепко стоят и, как говорится, зубами держатся за свой рубеж. Раскаты артиллерийской канонады все ближе. Изредка слышна даже трель крупнокалиберных пулеметов. Вот и командный пункт танкистов: невзрачная, полуразбитая хатенка, в углу на корточках, понурив голову, сидит старик, рядом с ним девочка. Кругом идет бой, куда их денешь? И танкисты оставили старика с девочкой при себе. Под яблоней — замаскированная походная кухня. Бойцы с гранатами у пояса несут в свои взводы ведра с жирным супом. К хатенке только что подкатил на танкетке лихой танкист, он приволок мотоцикл, отнятый у гитлеровца, который разматывал на ходу телефонный провод, и теперь, смеясь, докладывает: «Связь с фашистами установлена». Из вырытого во дворе блиндажа доносится властный голос: «Именем Родины, ни шагу назад! Сделайте все, что можете, и в десять раз больше того. Не отходить!» — это командует по телефону командир бригады полковник Аникушкин.

Нас встречает комиссар бригады — высокий человек с Золотой Звездой на груди, полковой комиссар Котцов. Он внешне спокоен. Но за этим спокойствием кроется большое напряжение. Чувствуется, что обстановка и на этом участке фронта весьма серьезная. И все же комиссар находит время, чтобы ввести корреспондентов в курс дела. Бригада отражает наступление гитлеровцев с 28 июня, начиная с рубежа город Тим — Бор — станция Студеная. В тот день 15-я стрелковая дивизия отступила под натиском превосходящих сил противника. Бригада получила приказ контратаковать. Завязались ожесточенные танковые бои в районе поселок Красный — деревня Зиброво. 29 июня сражались у села Кривцова Плота. Два дня обороняли станцию Студеная. Держались полукольцом, без соседей, с открытыми флангами. Вели уличные бои в Баранчике. Сейчас бригада держит оборону по высотам у реки Кшень. С флангами по-прежнему дело обстоит неважно: слева — пусто; только за рекой окапывается стрелковый полк, фронт которого растянут на целые десять километров; справа воюет мотострелковый батальон одной из бригад Катукова…

— Катукова? — я чуть не подпрыгнул: значит, наши друзья здесь, рядом, и скоро мы с ними встретимся!

— Да, Катукова, — продолжает полковой комиссар. — Они воюют неплохо, но неравенство сил очень большое: сегодня с утра наш правый фланг атаковали тысячи полторы гитлеровцев, с ними танки, артиллерия. Наши танки контратакуют, стремимся не допустить разрыва с катуковцами. Всего за эти дни мы уничтожили двадцать пять немецких танков, пятнадцать орудий и полторы тысячи гитлеровских солдат и офицеров. А сейчас рекомендую вам побывать в батальонах. Особенно в первом танковом батальоне, если удастся туда пробраться. Там капитан Козлов. Вы слыхали о Козлове? Замечательный человек!..

Конечно, о Козлове все слыхали. Дважды орденоносец, герой нескольких войн, капитан Козлов дерется уже пятый день. В первом же бою он разбил немецкий танк, раздавил четыре противотанковых орудия и три противотанковых ружья, расстрелял пятьдесят немецких автоматчиков. На другой день он же с тремя танками обратил в бегство пятнадцать немецких танков, один из пих уничтожил, рассеял эскадрон кавалерии и раздавил девять орудий. Еще через день он опять разбил немецкий танк, две противотанковые пушки и бронетранспортер. Немцы уже знают Козлова и в страхе бегут от его неуязвимой машины.

Итак, вперед, к Козлову…

Мы подъезжаем к реке с отлогими илистыми беретами. Наскоро наведена переправа. Рядом с нею ревут и фыркают восемь мощных тягачей, они вытягивают наш танк, застрявший в иле при попытке форсировать реку. Неподалеку отсюда под соломенным навесом установлен полевой телефон. Замаскирована соломой машина с походной радиостанцией. Вероятно, это и есть командный пункт батальона.

— Штаб капитана Козлова?

— Нет, здесь второй батальон старшего лейтенанта Буланова. Козлов со своим батальоном ушел в атаку. Только что. Придется подождать…

Мы достаем блокноты и просим начальника штаба 2-го танкового батальона старшего лейтенанта Латышева, молодого танкиста с обгоревшими волосами, рассказать, как воюют его люди. Сначала он отнекивается, ссылаясь на то, что капитан Козлов расскажет гораздо более интересные вещи, потом все же соглашается и короткими, отчеканенными военными фразами излагает события этих пяти дней, изредка отрываясь, чтобы поговорить с кем-то по полевому телефону. Вот что я записал тогда в своем фронтовом блокноте:

— Первый бой с танками противника приняли в 10 часов утра 28 июня. Гитлеровцы прорвались со стороны хутора. Моя рота — я тогда командовал ротой — развернулась в боевой порядок. Командир танка Бордюков сразу сжег немецкую машину, но тут же получил удар. Я, видя это, атаковал второй немецкий танк, ударивший по Бордюкову, и сжег его двумя снарядами. Справа в меня стреляет немецкая пушка. Я ее давлю гусеницами. В это время третий немецкий танк бьет по машине старшего лейтенанта Соловьева, а Соловьев бьет по нему. Немец промахнулся, а Соловьев ударил точно и остановил его на месте. Справа подходят еще два немецких танка. Один из них я подбил. Раздавил еще одну пушку. В этот момент в мою машину попадают сразу три снаряда. Танк горит, видите, как у меня обгорели брови и волосы? Как быть? Я подаю команду: на горящем танке отойти в лощину и погасить огонь. Механик-водитель выполнил приказ. Радист и командир орудия, как и я, обгорели, но машина зато была спасена. Загорелся и танк Бордюкова. Он тоже погасил пожар, а машину его вытащил на буксире наш КВ. Один наш танк в этом бою был потерян — это был танк комиссара роты Зарицкого…

Латышев извинился, позвонил куда-то по телефону, что-то проверил, потом продолжал:

— Второй наш бой — двадцать девятого. Наша танковая рота стояла в обороне. Я в это время был в санчасти — вытаскивали у меня из глаза крошки триплекса. Из моего танка командир орудия Титовский уничтожил еще один немецкий танк. Кроме того, рота отражала из засады атаки пехоты. Истребили до двухсот гитлеровцев… Третий бой — тридцатого июня. Два раза ходили ротой в контратаки. Из этого боя не вернулся мой заместитель лейтенант Нестеров, он подбил два немецких танка, раздавил три орудия и уничтожил до роты пехоты. Тем временем младший лейтенант Лысенко уничтожил своим КВ еще до роты пехоты, два орудия и несколько пулеметных гнезд. За день он израсходовал три комплекта боеприпасов. Командир танка Попович и механик-водитель Серегин подбили три танка. Четвертый бой — первого июля: мы опять занимали оборону, сдерживая наступление гитлеровцев. Сейчас я начальник штаба батальона. В строю у нас осталось два КВ, три «тридцатьчетверки», три легких танка. Наша боевая задача — сдерживать гитлеровские танки и пехоту, наступающие по лощине с фланга, и не дать им замкнуть кольцо. Сейчас бой идет рядом с нами. Нам приходится трудновато, но я уверен, что выстоим и на этот раз…

Бой гремит за высотой, широкий гребень которой уходит к реке. Оттуда доносятся рев моторов и лязг стали: наши танки идут на врага. Бешеным лаем заливаются пулеметы. Бухают пушки. Слышатся разрывы мин. Но вот в этот грохот врезаются сухие чеканные удары.

— Это танки Козлова начали бить, — говорит Латышев, потирая свои обгоревшие белые брови. — Здорово! Каждому бы так…

Начальника штаба опять зовут к телефону. Треск пулеметов становится все явственнее, теперь уже слышны дробные очереди немецких автоматов. Пришло время бросить в бой все, что есть на этом участке. Начальник штаба отдает приказание. Потом подходит к нам:

— Козлову придется задержаться. Может быть, вы пойдете поближе, вот там, за высоткой, есть небольшая лощина. Там наши исходные позиции. Время от времени танки возвращаются туда. Возможно, вы встретите там и Козлова.

На машине дальше ехать нельзя. Надо идти пешком. Неширокая дорога пролегает

между двумя стенами высокой, в рост человека, ржи. Недавно немцы бомбили эту рожь: поле в черных заплатах; круглые черные воронки пестрят на склоне. По краям их рожь скошена, словно комбайном. Посеченные колосья вянут на сырой земле.

Вот и лощина. У стога сена наспех вырытый окопчик — это временный командный пункт 1-го батальона. Рядом, подминая рожь, маневрируют несколько наших могучих машин, поддерживающих своим огнем действия танков, ушедших в атаку. Меняя позиции, они бьют из своих длинных крупнокалиберных орудий. Сноп пламени, резкий удар, упругий свист и снова удар. Снаряды уходят через гребень — туда, где стоят немецкие батареи противотанковых орудий, препятствующие продвижению наших танков. Борис Фишман, немного нервничая, фотографирует танки, ведущие огонь. По правде говоря, мы еще ни разу до этого не бывали в такой переделке непосредственно на поле боя.

Капитана Козлова все еще нет. Бой в самом разгаре.

Снова гремят орудия танков. Из могучего КВ выходит юный командир. Силясь перекричать грохот канонады, он обращается к представителю штаба бригады, пришедшему с нами:

— Снаряды! Срочно шлите снаряды! Мы отобьемся, но дайте больше снарядов.

— Говорю вам, будут снаряды. И снаряды и обед. Приказано обед!

Где-то там, за гребнем, случилась беда: высоко к небу поднялся черный столб дыма. Очевидно, немцы зажгли наш танк. Чья машина? Это выяснится позже, когда машины вернутся из боя.

А капитана Козлова все нет и нет… Видимо, нам так и не удастся с ним повидаться. Танкисты, перегруппировав свои машины, снова уходят вперед. И снова в нарастающем темпе за гребнем шумит бой, звуками напоминая ритм какого-то чудовищного завода. Завода, вырабатывающего смерть.

Поздно вечером в штабе бригады подводят итоги этого боя. Немецкая колонна рассеяна ценой больших усилий. Танкисты не только задержали ее, но и опрокинули. У нас тоже немалые потери. Сейчас они подсчитываются.

Нам хочется встретиться, наконец, с Козловым. Но комиссар Котцов мрачнеет, когда мы спрашиваем его о капитане. Нахмурившись, он коротко говорит:

— Танк Козлова сгорел.

Так вот чей столб дыма и пламени мы видели за гребнем! Тоскливо. Мы не успели познакомиться с капитаном Козловым и его экипажем. И все же каждому из нас кажется, что мы потеряли близких, родных людей.

Но война есть война. Нельзя давать волю чувствам. В штабе продолжается все та же напряженная работа. Сегодняшний маневр немцев бит. Значит, сейчас начнется новый маневр. Сил у нас на этом участке стало меньше. У гитлеровцев их все еще очень много. Значит, надо будет опять удвоить упорство.

Люди устали, смертельно устали. Но они понимают, что отступать некуда. Недаром сейчас в армии рубеж, который держат танкисты Аникушкина, называют бронированным рубежом. На него возлагают большие надежды. Танкисты устоят, пока подойдут наши резервы.

Им все еще приходится сражаться почти без пехоты, танки вынуждены одни принимать бой. И они будут стоять до последнего танка, до последнего человека…

В штаб фронта мы возвращаемся ночью. Машины идут с потушенными фарами по пыльной проселочной дороге. Темно.

Останавливаемся в небольшой деревеньке. Черные силуэты изб под соломенными крышами. Призрачные тени высоких тополей. Невзирая на поздний час, в деревне никто не спит. Хлопают калитки, белеют в темноте платья колхозниц. Но что это?.. Слышится знакомый храп танковых моторов — значит, здесь, под покровом ночи, размещается еще одна наша танковая часть. И вдруг из сада доносится чей-то озабоченный голос:

— Тише ты, черт! Куда прешь, тут же грядки…

Голос как будто знакомый. Кто это может быть?

Майор Бурда? Ну конечно, он! Входим в избу. Короткий разговор. Майор тоже рад видеть старых знакомых. Но ему, право, сейчас не до бесед. Его танки быстрым маршем идут вперед. Здесь только короткая остановка. Им уже пришлось драться на этом участке, немного севернее. Но сейчас положение осложнилось на юге, и вся часть спешит туда.

— Помните, как у Суворова: «Где тревога, туда и дорога». Вот так и мы. Михаил Ефимович Катуков часто повторяет эту фразу.

Танки провожают всем селом. Какая-то старуха крестит танки, семенит за ними и кричит вслед:

— Бог вам в помощь, сыночки! Чтоб вам змея раздавить и вернуться живыми…

Танки Александра Бурды уходят вперед. Танков много в этих боях. Много на всех участках, это не прошлый год. Танки решают исход боев. И какие это прекрасные машины! Рубежи, которые они защищают, действительно можно назвать бронированными рубежами.

В разгаре битвы

События развертывались стремительно. Третьего июля нам под большим секретом сообщили, что на участке 40-й армии произошли тяжкие события: мощные танковые соединения гитлеровцев, проломив фронт этой армии, продолжали свое продвижение.

Контрнаступление оперативной группы генерала Я. Н. Федоренко не дало тех результатов, какие ожидались. Входившие в состав этой группы танковые соединения начали крупное сражение с 48-м танковым корпусом гитлеровцев уже во второй половине дня 30 июня и вначале добились некоторых успехов. 4-й танковый корпус Мишулина, наступавший из района Старого Оскола, к исходу дня достиг Горшечное, разгромив здесь передовые части противника. На Горшечное двигался и 17-й танковый корпус Фекленко, но он наносил удар лишь силами одной бригады. Что же касается 24-го танкового корпуса Баданова, то он вообще не участвовал в наступлении — ему было приказано оборонять Старый Оскол и не допустить прорыва гитлеровцев на юг. Таким образом, мощного концентрированного наступления не получилось.

К тому же контрудар танкистов Мишулина и Фекленко пришелся не по флангам и тылу 48-го танкового корпуса противника, а по его разведывательным и передовым частям. В результате наши соединения, которые вошли в район Горшечное, сами оказались под угрозой: уже 1 июля противник, обойдя этот район слева и справа, замкнул в кольцо главные силы 17-го и одну бригаду 4-го танкового корпуса. Разгорелись ожесточенные бои. Гитлеровцы в боях за Горшечное потеряли 90 танков и до двух полков мотопехоты. Но и наши танковые соединения, вырвавшиеся из окружения в ночь на 3 июля, понесли большие потери.

К исходу 3 июля гитлеровцы заняли Старый Оскол и Волоконовку. Перед танками вермахта открывался путь на Воронеж. Туда срочно направился с группой штабных работников командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Голиков — руководить боями на Воронежском фронте в новой обстановке с командного пункта фронта, расположенного близ Ельца, было бы очень трудно, если не невозможно.[29] Здесь остался командовать войсками только что прибывший сюда генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов. Корреспонденты гадали — не создадут ли в этой обстановке под Воронежем новый фронт? По существу, дело склонялось к тому…

В обстановке этой суматохи для нас стало еще труднее следить за развитием событий: в штабе было явно не до нас. Да и трудно было ожидать, что в сложившихся условиях представителям печати дадут возможность рассказать о боях больше того, чем говорилось в

---

[29] Ставка передала в распоряжение генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова из своею резерва две армии с тем, чтобы он развернул их на правом берегу Дона. Ему было приказано возглавить руководство боевыми действиями в этом районе.

крайне скупых на слова сводках Информбюро. И я, узнав от Александра Бурды направление, в котором двигался неуловимый Катуков, поспешил снова к нему, чтобы из первых рук узнать, как воюют наши старые друзья. Наверняка на их участке происходит много интересных событий. Бурда на ходу успел мне сказать, что танкисты отбили у гитлеровцев несколько деревень…

Итак, вечер третьего июля. Наш фронтовой автомобиль снова в пути, мы долго колесим по размытым дождями полевым дорогам. Опускается черная мокрая ночь. Передний край совсем близко: в агатовом небе виснут гирлянды зеленоватых осветительных ракет. Сырой ветер доносит грохот артиллерийских залпов, тявканье пулеметов, сухой треск автоматов. Стреляют впереди, стреляют сбоку, стреляют где-то в стороне, почти что сзади. В довершение ко всему мы застреваем в грязи у моста, и усталый до смерти шофер Миша Сидорчук при нашей активной помощи еле-еле вытаскивает машину из залитых водой ухабов. На Бориса Фишмана жалко глядеть: он промок до нитки.

Но вот, наконец, и командный пункт, — как всегда, танкисты виртуозно маскируются, и найти их нам помог только случай: наш водитель Сидорчук увидел знакомого шофера… Одинокий домик в лесу кажется заброшенным — ни огонька, ни дымка, телефонные провода змеятся в траве, они надежно укрыты. В кустах упрятан фургон походной радиостанции. Хождение вокруг дома без крайней нужды строжайше запрещено. А внутри при свете керосиновой лампы за некрашеным сосновым столом, склонившись над картой, слаженно работает группа офицеров во главе с Катуковым.

Генерал, как обычно, внешне спокоен, может даже показаться, что он невозмутим, хотя я готов побиться об заклад, что на душе у него скребут кошки: обстановка на фронте складывается совсем не так, как думалось две недели назад, когда мы толковали с ним о перспективах этого лета.

Однако сейчас Катуков не хочет ни говорить, ни думать об этом. Он весь в работе, да, именно в работе: как всегда, работает на войне, не давая эмоциям взять верх над рассудком. Сейчас ему нужно быстро распутать довольно сложный тактический узел: гитлеровцы только что форсировали реку, стремительным броском заняли деревню на фланге и пытаются распространиться дальше, зайти в тыл, окружить танкистов.

— Ничего, — говорит генерал, — сейчас мы их успокоим. А вот насчет этого пункта надо подумать обстоятельно…

И он вдруг карандашом отмечает деревню, лежащую в стороне от участка, к которому сейчас приковано всеобщее внимание.

Армады бронированных подвижных крепостей стремительно маневрируют в эти дни на широком фронте, появляясь неожиданно на пути фашистов, опрокидывая их и уничтожая образцово организованным огнем. Недаром танкисты несколько месяцев продолжали учебу, готовясь к решающим летним боям.

Приказ выступать 1-й танковый корпус получил в ночь на 29 июня. Задача была такая: нанести контрудар по немецким войскам. Как ни мало было времени на сборы, командование успело придать вступлению корпуса в бой торжественный характер. Танкистов построили на зеленом лугу, вынесли славное знамя гвардейцев, окуренное пороховым дымом в зимних боях. Генерал сам прочел клятву танкистов — не опозорить в бою честь знамени, умножить ее многими подвигами. Потом опустился на колено и бережно поцеловал священное полотнище. Танкисты повторили клятву слово за словом.

Наутро танки пошли в бой. Прямо с марша они двинулись на участок, где создалось напряженное положение: две немецкие дивизии, поддержанные шестьюдесятью танками и артиллерией, вклинились в нашу оборону и рвались к крупному населенному пункту. Воздух дрожал от разрыва авиабомб и артиллерийских снарядов. Танкистам надлежало пройти сквозь эту огневую завесу, остановить врага, отбросить его.

Среди зеленых тополей у живописных деревушек закипела жестокая битва. Внезапный танковый удар был успешным: гитлеровцы, не ожидавшие встречи с советскими танками, дрогнули и стали откатываться. Но тут же они бросили против танкистов мощные силы

своей авиации. По танкам, которые упрямо двигались вперед и вперед, били 75 «юнкерсов» и «хейнкелей». Откуда-то прилетели даже итальянские «капрони». У нас же все еще не хватало истребительной авиации, да и зенитной артиллерии было маловато. Поэтому танковые части несли потери.

И все же корпус продолжал наступление. Особенно дружно и активно, как всегда, дралась 1-я гвардейская танковая бригада. В моем фронтовом блокноте сохранились беглые пометки об успехах старых друзей, достигнутых в те дни:

БОЕВОЙ СЧЕТ

Капотов: 1 танк, 3 авто, 1 миномет, 15–20 чел. пехоты.

Борисов: 3 полевые пушки, 1 противотанковое орудие, 50–60 чел. пехоты.

Кузьмин: 1 пушка, 2 минометных батареи, 15 чел. пехоты.

Чучко (командир роты легких танков): 2 пулемета, 70 гитлеровцев врезался в скопление фашистов, бил их из пулемета, давил гусеницами.

Жестокий и трудный бой провели гвардейцы 30 июня в районе Опытного поля — то был внезапный встречный бой. Его принял батальон Александра Бурды. Развертываться из походной колонны в боевой порядок пришлось под огнем. Сверху гвардейцев атаковала авиация, в лоб шли танки, сбоку, из-за железной дороги, вдоль которой продвигался батальон, били немецкие пушки.

В этом столкновении погиб один из лучших танкистов, Герой Советского Союза Любушкин: только он расправился с пушкой гитлеровцев, как вдруг прямым попаданием бомбы была разбита башня его «тридцатьчетверки». Любушкин и его башенный стрелок Литвиненко убиты наповал, стрелок-радист Егоров тяжело ранен и только механик-водитель Сафонов остался невредим. Он успел выскочить из охваченной пламенем машины. Танк Любушкина горел на глазах у его товарищей до захода солнца, и то, что пережили они, глядя на него, невозможно описать…

В боях за Опытное поле батальон Бурды уничтожил 30 июня два фашистских танка и несколько орудий, а 1 июля еще 3 танка, 18 орудий, 10 автомобилей с грузом и около 250 человек пехоты. Гитлеровцы были отброшены.

Продвинулись наши танкисты и на других направлениях. Но это продвижение давалось дорогой ценой, и корпусу Катукова было приказано перейти к обороне. Ведь наступление гитлеровцев на этом участке было уже остановлено. Враг на север не прошел, но его ударные соединения, действовавшие южнее, продолжали двигаться на восток. Корпус получил новый приказ: сдать свой участок пехоте, совершить маневр на восток, по направлению к населенному пункту Волово и удерживать рубежи между реками Кшень и Алым, не давая гитлеровцам расширять прорыв.

Обстановка все время осложнялась. Надо было действовать стремительно и скрытно. Оставив в заслоне свою мотострелковую бригаду и мотострелковый батальон 1-й гвардейской танковой бригады и прикрываясь танковым арьергардом, корпус незаметно оторвался от противника. Гитлеровская авиация не знала об этом маневре, и поэтому он был выполнен без потерь. Танкисты Катукова, выполняя боевой приказ командования, беспрепятственно промчались по проселочным дорогам к новым пунктам сосредоточения и в 6 часов утра 2 июля с ходу вступили в бой.

Гитлеровцы никак не ждали здесь русских танкистов. Немецкие танки и пехота без особых предосторожностей свободно переправлялись через реку, когда внезапно появились наши могучие машины. Они ринулись вперед, уничтожая немецкую технику и солдат. На улицах деревни Калиновка остались горы трупов, десятки сожженных и подбитых машин. Развернулся бой за Мишино — важный в военном отношении пункт, прикрывающий транспортную артерию, уходящую к нам в тыл. Одна из танковых бригад разгромила здесь полк немецкой пехоты и два дивизиона тяжелой артиллерии. Еще не отшумело эхо этой битвы, как пришла весть о новом маневре немцев: в обход танкистам шла свежая, только прибывшая гитлеровская дивизия. Севернее Калиновки фашисты форсировали реку и

овладели деревней Огрызово.

В ночь на 3 июля одна из частей корпуса Катукова, передвинувшись на десять километров, контратаковала фашистов и к двум часам утра овладела тремя населенными пунктами. Весь день продолжались упорные, напряженные бои. И вот опять ночь. В избе бодрствует штаб. Генерал складывает карту. Теперь ему все ясно: через шесть часов в немецком штабе вычеркнут еще одну дивизию из списков. Конечно, и у нас будут потери. Тяжело, планируя бой, думать об этом. Но это война…

Генерал видит: люди измотались, устали. Он сам дорого дал бы за то, чтобы хоть часа два соснуть. Но спать сейчас нельзя. Каждая минута может принести что-нибудь новое — ведь в немецком штабе тоже не спят. Телеграфный аппарат молчит. Передышка. Людей охватывает дремота. И Катуков, свертывая цигарку из махорки, вдруг говорит:

— Сказку рассказать вам, что ли?

Люди оживают. Они очень любят своего генерала — это простой и веселый человек, никогда не теряющий присутствия духа и бодрости. С самым серьезным видом он начинает рассказывать:

— Однажды по Сахаре шел караван. День, два… На третий день к вечеру караван сделал привал. Хозяевами каравана были три купца. Один из них заметил в песке белые кости и стал откапывать их длинным посохом. Кости оказались верблюжьими. Купец копнул глубже, наткнулся на человеческие кости. Еще глубже — обнаружил шкатулку. Купец подозвал друзей, раскрыли шкатулку. В ней были бриллианты. Решили довезти шкатулку до города, найти ювелира и попросить его разделить находку между ними поровну по стоимости, исходя из ценности каждого камня…

Это была очень долгая история, генерал во всех подробностях рассказывал о том, как в дороге кто-то похитил бриллианты, как все купцы подозревали друг друга, как они пришли к царю Соломону и попросили его рассудить их и как мудрый Соломон с помощью тонкого психологического маневра безошибочно определил виновного, и тот со стыдом извлек из своего полого посоха краденные драгоценные камни…

Генерал говорил неторопливо, тихо, спокойно, будто находился не у самого фронта, в момент, когда решалась судьба этого участка, а где-нибудь в доме отдыха в мирное время. Его спокойствие передавалось людям. Цель была достигнута: разрядилось напряжение, люди отвлеклись, забыли о сне.

На дворе посветлело. Тяжелые, налитые дождем тучи ползли по свинцовому небу. Близился час, когда танки снова должны были ринуться в бой. Послышался шум мотора, на юрком вездеходе примчался командир разведчиков, наш старый знакомый майор Гусев. Он всю ночь колесил по бездорожью, объезжая участок, занятый танкистами. Рядом с ним на сиденье — скорчившийся от страха, грязный, мертвецки пьяный немецкий ефрейтор. Покачиваясь, он бормотал что-то невразумительное.

— Гусев, откуда ты это чучело выкопал?

— Майор Давиденко поймал. Он за пулеметом сидел. Майор выскочил из танка, схватил его за шиворот, бросил на броню и привез…

Гусев уходит для доклада к генералу. Пленного ведут на допрос. Он до сих пор не может прийти в себя от изумления. Русские танкисты — это черти в представлении немецкого ефрейтора. Разве полагается танкистам прыгать из танка и брать людей в плен? Ведь ни в каком уставе этого нет.

Из кармана ефрейтора извлекают документы. Тут же аккуратна напечатанные на машинке похабные стишки «Модная женщина», визитные карточки, засушенный ландыш и фотография невесты. Начинается допрос.

Ефрейтор сообщает, что он — командир отделения. В прошлом — художник из Дортмунда. Ему 27 лет. В армию был призван три с половиной года назад. В Россию попал в апреле 1942 года. Высадились в Полоцке, оттуда пешком до линии фронта через Рославль, Орел. В наступление перешли у города Тим.

— Почему вы воюете против нас?

— Немец обязан выполнять свой долг…
— Вы считаете свою войну справедливой?
— Не знаю.
— За что же вы воюете?
Ефрейтор пожимает плечами:
— У нас служба — обязанность.
От пленного разит спиртным перегаром. Глаза у него сонные, тупые, без проблеска мысли. Да, чудесно воспитала этого художника из Дортмунда гитлеровская Германия…

* * *

На левом фланге слышны удары орудий. Начинается новая операция, к которой штаб генерала готовился ночью. Сейчас наши танки пойдут в атаку.
Утро 4 июля. Дождь, холод, грязь. Бой за деревню Огрызово длится уже несколько часов. Утром нас разбудил грозный грохот гвардейских реактивных минометов. Идет борьба за каждую пядь земли. Фашисты, форсировавшие на этом участке реку и занявшие несколько деревень, прекрасно оценивают важность захваченного ими плацдарма и хотят во что бы то ни стало его удержать. Наши танкисты получили приказ во что бы то ни стало выбить их отсюда. Естественно, обе стороны дерутся с невероятным напряжением.
Генерал снова сидит за картой. Телефон, телеграф, радио непрерывно связывают его со всеми подразделениями. Из 1-й гвардейской танковой бригады вдруг доносят: «Противник ведет наступление из Пожидаевки». Катуков спокойно отдает распоряжение и продолжает говорить то по одному, то по другому телефону. Только что он дал указания помощнику по технической части Дынеру:
— Ускорить всемерно ремонт и ввод в строй подбитых танков.
— Держать 75 процентов боевых машин в полной боевой готовности, остальные 25 процентов — в получасовой.
— Особое внимание обратить на подвоз боеприпасов и горючего.
Начальнику штаба Катуков приказывает учесть опыт боевых дней, указать командирам частей их недостатки, выявившиеся в процессе боя.
На своей карте командир танкового корпуса явственно видит перед собой широкое поле боя, раскинувшееся на десятки километров. Вот здесь только что наши части ворвались в деревню. Идет горячий бой на улице. Рядом освобождена еще одна деревня. Наши танки погнали немцев к реке. Но вот фашисты пошли в контратаку. Они опять выбили нас из деревни. Генерал бросает новые силы на этот участок, фашистов прогоняют вторично.
Мощная бронированная военная машина, управляемая генералом, действует безотказно. Здесь, на узком плацдарме, изрезанном оврагами, работает механизм, в котором перемалываются один за другим немецкие полки. Гитлеровцы держатся час, держатся второй, держатся третий, но в конце концов нервы у них сдают, и они начинают отходить.
Днем мы отправляемся, наконец, в Огрызово — наши войска полностью овладели этой деревней. Но пробираться к ней надо очень осторожно — по оврагам: все подступы к деревне просматриваются гитлеровцами, и их артиллерия, расположенная за рекой, яростно бьет по каждой движущейся точке.
На краю села еще трещат автоматы. Наши автоматчики выбивают фашистов, спрятавшихся во ржи. Танки дерутся слева и справа. Они утюжат рожь, давят блиндажи, наспех возведенные гитлеровской 88-й пехотной дивизией, прорываются вперед и вперед. Мы проходим мимо нашего минометного взвода, минометчики бьют по врагу из оврага. Совсем неподалеку от нас, за селом, идет в атаку наш танк. Рядом с ним разрывается снаряд. Подбило? Нет. Танк пятится назад — механик, видно, проверяет действие рычагов, — потом снова идет вперед. На бугре видны перебегающие фигурки немецких солдат. Там рвутся наши мины.
В деревне догорают избы, зажженные фашистами. Но большая часть изб цела. На

соломенной кровле, за трубой избы — наш наблюдательный пункт. Слишком жарко пришлось гитлеровцам, и они не успели сжечь деревню, как это делали обычно.

У одной из изб останавливаемся. Жуткая картина. Здесь сидело трое наших бойцов. Немецкий зажигательный снаряд ударил прямо в них, убил и зажег. Пахнет горелым мясом, обугленные тела еще дымятся. В пыли скрученные взрывом винтовки, помятый котелок и совершенно нетронутая взрывом столовая ложка. Бойцы до последнего мгновения сжимали в руках оружие. Они так и лежат лицом к врагу, штыками на запад. Перебегая вперед и вперед, бойцы нашей мотопехоты оглядываются на погибших товарищей. Лица бойцов строги, в глазах решимость. Сейчас они сочтутся с врагом и за это…

Треск автоматов и пулеметов на окраине села усиливается: враг огрызается. В деревне опять ложатся мины и снаряды. Но это лишь слабый отзвук ожесточенного боя, который отшумел здесь. Немецкая дивизия уже полностью обескровлена, и ей не удастся вернуть село. Наши танки теснят ее остатки дальше и дальше за реку. Мотострелки, освободившие деревню, щеголяют трофейным оружием. Группа бойцов с любопытством заглядывает в изрешеченный осколками наших снарядов немецкий бронетранспортер. Деловитый старшина выгружает из него награбленное фашистами добро: мешки с продовольствием, краденые брюки, галоши, советские книги. Я спешу на бегу сделать кое-какие записи.

Из погребов выходят бледные от волнения колхозники. Плачет женщина осколок мины ранил ее корову. Наш автоматчик на мгновение задерживается. Он тут же по-хозяйски дает совет, как вылечить корову, — надо отварить древесную кору и ставить примочки. Видно, до войны сам работал на животноводческой ферме. Женщина благодарит и немного успокаивается. Другая колхозница, подставив алюминиевое ведро, начинает доить свою буренку. Корова шевелит ушами, слушая разрывы мин, но стоит спокойно.

Трудно, очень трудно нарушить устойчивый деревенский быт. Вот только что отшумел страшный кровопролитный бой, а жизнь уже восстанавливается. Озираясь по сторонам и пригибаясь при свисте пуль, ходит по огороду старушка, сзывая разбежавшихся ягнят. Бородатый старик, опасливо выглядывая из двери, зазывает в хату голодных цыплят и сыплет им пшено. Колхозницы выносят из погреба кувшины с холодным, со льда, молоком и приветливо угощают запыленных усталых бойцов. Молодая девушка, озлобленно косясь на трупы в серо-зеленых мундирах, говорит нашему командиру:

— Не пришлось иродам здесь похозяйничать…

* * *

Вернувшись на командный пункт генерала, узнаем подробности операции в целом. Нашими частями очищено от врага несколько населенных пунктов. Прорыв гитлеровцев на этом участке ликвидирован. Угроза их выхода в тыл нашим танкистам миновала, фашисты с огромными потерями отброшены за реку.

Командующий благодарил Катукова по телефону за успешное развитие операции. Поставлена задача: активная оборона, перемалывание гитлеровских резервов. Надежно обезопасив свой правый фланг, наши танкисты приступают к осуществлению новых боевых задач. Установлена связь с соседями: справа 15-я стрелковая дивизия Д. П. Слышкина, старого друга и соратника Катукова, слева — гвардейцы И. Н. Руссиянова. С Руссияновым генерал тоже когда-то служил в одном полку: в те далекие времена он был помощником командира роты, а Руссиянов — командиром взвода…

* * *

В этот вечер мы с Борисом Фишманом пребывали в том замечательном, приподнятом настроении, которое возникает всегда, когда собственными глазами видишь успех, достигнутый нашими войсками. Мы даже позволили себе роскошь отлично выспаться на ворохе сухого сена — такой возможности давно уже не было. Но если бы мы толком знали

все, что происходило в эти часы на фронте, нам вряд, ли удалось бы смежить глаза: несмотря на частичные успехи, достигнутые нашими войсками, остановить гитлеровцев, продвигавшихся на восток и юго-восток, не удавалось. Катуков, конечно, знал об этом, но, по понятным причинам, не мог и не хотел говорить нам.

Раздумывая теперь, три с лишним десятилетия спустя, о тех днях, я могу лишь поражаться изумительной выдержке и стойкости этого человека, который в крайне тяжелых условиях оставался невозмутимым и спокойным, словно корпус его стоял не на переднем крае, а где-нибудь в резерве и словно на фронте ничего существенного не происходило.

В действительности происходило вот что. На фронте все шире развертывалась генеральная битва 1942 года. Вермахт начал свое большое наступление.

Если еще недавно многие военные специалисты думали, что удар на стыке 13-й и 40-й армий был лишь отвлекающей операцией, а главный удар, как и в прошлом году, будет нанесен в направлении Москвы, то теперь им все яснее становилось, что Гитлер по крайней мере на время отказался от этого честолюбивого замысла и сосредоточил все свои силы на южном крыле фронта. Его генералы рассчитывали мощным ударом прорвать нашу оборону — окружить и уничтожить не только отдельные армии, но и целые фронты. Для этой цели они подтянули на участок своего главного удара большие силы, отлично вооруженные и экипированные. И сейчас там все сильнее разгорались самые ожесточенные сражения, от исхода которых зависело очень многое.

В тот самый день, четвертого июля, когда мы в отличном настроении бродили по улицам только что освобожденной на северном фланге Брянского фронта деревушки, центр событий стремительно переместился к Воронежу: передовые части 48-го гитлеровского танкового корпуса вырвались к Дону и форсировали его. Остановить их было некому — как ни спешили к линии фронта резервные армии, развернуться на подступах к Воронежу они не успевали. На широком пространстве к югу отсюда так же быстро распространялись маневрировавшие фашистские бронированные полчища. Некоторые части нашей 40-й армии оказались за быстро перемещавшейся к востоку линией фронта и спешили вырваться оттуда на соединение со своими главными силами.

На рассвете этого тревожного дня четвертого июля на Брянский фронт внезапно прилетел начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский. Ставкой ему было поручено ускорить ввод в бой 5-й танковой армии Лизюкова, которая за три дня до этого была передана командованию фронта для того, чтобы нанести сокрушительный удар по левому флангу гитлеровской группы армий «Вейхс», устремившейся на восток и юго-восток. В состав 5-й танковой армии входили 2-й танковый корпус Лазарева, 11-й танковый корпус Попова, 340-я стрелковая дивизия, 19-я ударная танковая бригада. 5 июля в состав армии был включен еще 7-й танковый корпус Ротмистрова, прибывший из Калинина.

Выяснив, какие силы можно было бы дополнительно привлечь из фронтовых войск к участию в контрударе, начальник Генерального штаба А. М. Василевский вместе с начальником штаба Брянского фронта генерал-майором М. И. Казаковым направился на КП командующего 5-й танковой армией генерал-майора А. И. Лизюкова. Там, произведя вместе с командиром и начальником штаба фронта рекогносцировку, он уточнил задачу 5-й танковой армии: одновременным ударом всех ее сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки врага, прорвавшейся к Дону, и сорвать ее переправу через реку. С выходом в район Землянск — Хохол 5-я армия должна была помочь войскам левого фланга 40-й армии отойти на Воронеж через Горшечное, Старый Оскол.

Но события развивались все более стремительно. Стало известно о новом осложнении обстановки — на этот раз на правом крыле Юго-Западного фронта. Теперь серьезная угроза нависла над всем югом страны. А. М. Василевскому немедленно позвонили из Ставки, и он был отозван в Москву. Ответственность за осуществление задания Василевский возложил на командарма Лизюкова и на штаб фронта.

В этой обстановке изменилась и боевая задача Катукова. Он должен был со своим корпусом передвинуться на восток, чтобы встать рядом с танкистами Лизюкова и вместе с

ними начать бить фашистов фронтом на юг. Его прежний участок передавался частям Павелкина и Слышкина.

1-й танковый корпус теперь размещался по фронту от села Сухая Верейка до правого берега Дона. В подчинение Катукову передавалась 4-я отдельная стрелковая бригада Гаранина. Правее располагались части 13-й общевойсковой армии.

Трудный день в Юдине

Всего этого, повторяю, мы не знали и знать не могли. Когда утром 5 июля мы проснулись и в отличном настроении духа направились в штаб, мы нашли там весьма озабоченных людей. В новые планы, разрабатывавшиеся ночью в штабе, нас, разумеется, не посвятили, но быстро, в нескольких словах, нам сообщили о том, что происходит на участке фронта, где сражался корпус: около полка гитлеровцев выдвигается в направлении Мишино; противник возобновляет наступление на Огрызово. Я добивался разрешения посетить танковый батальон первой гвардейской бригады, которым командовал наш старый друг Александр Бурда. Разрешение было дана крайне неохотно: обстановка там оставалась очень напряженной.

В политотделе у товарища Деревянкина настроение было подавленное: только что на участке Бурды погиб ветеран 1-й гвардейской танковой бригады мужественный офицер Новиков. Он ходил в бой в танке. Его машина и несколько других были подбиты немецкой противотанковой артиллерией и остались во ржи, в ста пятидесяти метрах от огневых позиций гитлеровских артиллеристов. Мне довелось отправиться на командный пункт Александра Бурды на машине покойного Новикова в сопровождении его бывшего ординарца. Всю дорогу он говорил о своем командире, рассказывал о нем, как о живом человеке, — было трудно представить, что теперь всегда придется говорить о Новикове в прошедшем времени: «Он был»…

— Он такой храбрый, смелый, — без конца повторял ординарец. — В бою никогда не ляжет, всегда — в рост. Вот два дня назад мы с ним на передовую ездили, так я страху набрался — трудна очень было, а он — хоть бы что. Мне сапог осколком порвало, а его ни разу не царапнуло… А вот сегодня оставил его одного, и смотрите, что получилось, — горестно заключил ординарец, словно это он был виноват, что Новиков теперь никогда уже не сможет пойти в атаку.

Но вот мы и у цели: лощина, речка, яблоневые сады. Здесь когда-то была деревня Юдино. От нее не осталось даже печных труб, но в сводках эта лощина все еще фигурирует как населенный пункт: «танковый батальон майора Бурды обороняет деревню Юдино». Среди развесистых яблонь — группа отлично замаскированных танков и небольшой штабной автобус.

Передний край пока проходит за отлогой высотой, встающей на юге лощины. Оттуда доносится несмолкающий гул. Укрывшись под раскинутой плащ-палаткой — с утра опять моросит надоедливый, холодный не по сезону дождь, — телефонист поддерживает непрерывную связь с соседями. Рядом на грузовике — походная радиостанция. Молодой радист слушает эфир, ловит голоса боя.

Майор Бурда только что кончил бриться. Он аккуратно расправляет складки своей гимнастерки. На груди поблескивают два ордена — майор надел их на случай трудного боя. Лицо его совершенно невозмутимо, словно он на обычном учении. Между тем обстановка весьма серьезная, последнее сообщение из соседнего танкового батальона, которым командует Бойко, гласит: Противник вводит в действие все больше артиллерии. Усиливается нажим пехоты. Из Алексеевпи движутся двенадцать немецких танков. Мы отошли в Бол. Ивановку.

А вот опять примчался с переднего края, от пехотинцев, разведчик с новым донесением: гитлеровцы атакуют высоту. Их силы во много раз превосходят наши. Нужна немедленная помощь. Бурда отдает короткий приказ, и шесть грозных танков, вихрем

вырываясь из засад, устремляются вперед. Это пошла в бой танковая рота старшего лейтенанта Педченко: четыре Т-34, два Т-60. На одной из «тридцатьчетверок» мой старый друг Капотов, а я так хотел с ним потолковать. Придется ждать, пока он вернется. Засекаю время: 9 часов 40 минут утра. Все ли машины выйдут из боя невредимыми? И когда? К сожалению, на этих танках нет радиопередатчиков. Поэтому мы ничего не узнаем об их судьбе, пока они не вернутся… Вот они нырнули в ручей, и столбы радужных брызг поднялись к небу. Вот они вошли в рожь и устремились вперед, как броненосцы, плывущие по широкому морю. Вскоре танки скрываются из вида.

Из-за высоты доносятся сухие и злые удары танковых пушек. Танки вступили в бой.

На командном пункте тишина. Ждут новых сводок. От Бойко передают: «На высоте 230,3 обнаружено девять немецких противотанковых орудий». Майор негромко говорит:

— Ни разу не видел у немцев столько артиллерии, сколько они сейчас вводят в бой. Научились, значит, ценить наши танки. Ничего! Мы еще больше набьем себе цену…

Дождь усиливается. Бой немного утих. Усталый майор начинает дремать. Заскалько, заместитель Бурды, вполголоса рассказывает мне, как долго и безуспешно искали тело Любушкина после боя на Опытном поле. Его обгорелый танк стоял в восьмидесяти метрах от насыпи железной дороги, занятой фашистами. Туда поползли вызвавшиеся добровольцами посыльный Абдурахманов и повар, его фамилии Заскалько не помнит. Они с величайшими предосторожностями, скрытно подобрались к танку и влезли в него. Но внутри все сгорело дотла. Под машиной нашли спекшиеся свинец и олово — все расплавилось, такой был сильный жар. От людей остался только пепел. Подобрали обгорелый наган Любушкина, он пережил своего хозяина, но теперь, конечно, стрелять из него уже невозможно…

Вспоминаем подмосковные бои, вспоминаем Скирманово, где и Заскалько горел, — у него на лице до сих пор следы ожогов. Многих недосчитывает бригада с той поры. Но боевые традиции ее живы, и молодежь дерется не хуже прославленных «стариков», которых уже нет в строю: Лавриненко, Любушкина и других.

Время около трех часов пополудни… Бой приближается. Явственно слышны длинные истерические очереди пулеметов, без передышки бьют автоматы. Особенно сильно нарастает огонь слева на участке 2-го танкового батальона. Приходит донесение: западнее деревни гитлеровцы выбросили семнадцать танков и полк пехоты, рассчитывая нанести удар по флангу. Командир 2-го батальона Бойко бьет их короткими жесткими ударами. Он сообщает Бурде по телефону: гитлеровцы откатываются. Но сразу же огонь усиливается на самом гребне высоты, что перед нами — мы отлично видим, как немецкие снаряды и мины рвутся в километре отсюда.

Майор подзывает молодого щеголеватого танкиста с испанскими бачками. Это Леонид Лехман,[30] лихой лейтенант, о котором говорят, что его можно послать на разведку хоть в пекло, — он вернется невредимым да еще прихватит «языка» из армии Вельзевула.

— Поезжайте к высоте… Нужно знать, что делают сейчас наши шесть танков. Разведайте и немедленно возвращайтесь.

Лехман повторяет приказание, отдает честь, поворачивается. Через минуту он в машине.

К майору подходит повар, плечистый сибиряк Пинегин.

— Нельзя же так, товарищ майор! Генерал приказал кушать, — говорит повар, по-видимому, уже не в первый раз. Майор раздраженно машет рукой:

— Ну ладно, тащи.

Обрадованный повар несет кастрюлю с макаронами, согретыми на костре, банки с консервами, хлеб. Здесь же, под яблоней, командиры наскоро закусывают, не отводя глаз от

---

[30] Леонид Лехман отлично прошел весь долгий трудный путь войны. Бывал он во многих трудных переделках, но военное счастье неизменно улыбалось ему. Войну он закончил в Берлине. Живет и здравствует поныне в Киеве. О боевых делах Лехмана увлекательно рассказал в своей книге «Люди в броне» его однополчанин Аркадий Ростков.

гребня вершины. Но Бурда ни к чему не притрагивается, он ждет результатов разведки. И вот уже слышен знакомый рев танка. Майор выскакивает и бежит навстречу машине Лехмана. Вот она останавливается. На башне видны свежие следы осколков, но танк невредим. Открывается люк, выскакивает Лехман. Он мрачно докладывает:

— Товарищ майор, танк Капотова подбит. Я видел, как возле него копошились немцы. Мы хотели подойти, артиллерия не подпустила. Во ржи противотанковые пушки. Мы их помяли малость, но танк Капотова увести не удалось. Остальные машины ведут бой…

Танк Капотова подбит!.. Тяжелая весть. Даже эти бывалые воины потрясены. Майор отказывается поверить, тихо повторяет:

— Капотов? Капотов? Да не может быть…

Но бой есть бой. Подавляя свое волнение, он произносит официально:

— Продолжайте доклад.

Сведения, привезенные Лехманом, говорят о новом продвижении немцев. Танкистам трудно держаться: не хватает пехоты. Как дорого дали бы гвардейцы за то, чтобы их мотопехота, оставшаяся на соседнем участке, теперь оказалась здесь! Пехотинцы стрелковой части, измотанные многодневными боями, не в силах противостоять напору гитлеровцев.

Закончив доклад, Лехман с силой швыряет наземь свой черный шлем и с горечью восклицает, обращаясь ко мне:

— Видите вон тот холм? Я насчитал там только семь человек… Вы понимаете, этот холм держат семь пехотинцев! Если гитлеровцы сунутся туда, они пройдут, обязательно пройдут…

И как бы в подтверждение этих слов над холмом появляются и тают облачка разрывов. Фашисты начинают новую атаку. Майор не может бросить вперед свой последний резерв. Он должен беречь его до конца. Я продолжаю вести записи в своем блокноте, вот эти прыгающие, неразборчивые строки; воспроизвожу здесь этот хронометраж боя без изменений:

* * *

17 часов 45 минут. Сильная пулеметная стрельба. Вой снарядов, мин. На скате высоты — перебежка нашей пехоты. Она явно отходит. Уже видны разрывы наших снарядов, артиллерия ставит заградительный огонь на пути гитлеровцев. Минометчикам, сидящим неподалеку от нас в лощине, передано указание открыть огонь по наступающим фашистам. Слышен треск автоматов. Бурда спокойно читает в газете сообщение Информбюро о боях у Волхова.

18 часов 00 минут. Получена радиограмма из 2-го танкового батальона: на высоте 211 пробираются фашистские автоматчики, отрезают танки. Обстрел усиливается еще больше. Наша артиллерия непрерывно палит, но фашисты все продвигаются вперед. Вот на гребне показались черные точки. Сейчас даже невооруженным глазом можно разглядеть перебегающие по склону фигурки в немецких касках. Их много, очень много. Лехман показывает мне немецкую кавалерию — она подгоняет свою пехоту.

Видно, как отходит наша пехота. Бойцы цепляются за каждый бугорок, строчат из пулеметов, стреляют из винтовок, вступают в рукопашные схватки. Но немцев в несколько раз больше, и они наступают. Теперь уже ясен их замысел… Психическая атака. Шагая во весь рост, они идут напролом. Впереди них катится вал огня. Разрывы приближаются к нашему саду. Теперь мины ложатся совсем близко. Отдана команда: «По щелям». Осколки с царапающим шуршанием сбивают листву с яблонь. Один из них тяжело падает рядом с нами. Заскалько пригибает голову; к этому трудно привыкнуть даже самому закаленному солдату.

Круглолицый сержант подбирает с земли серенькую, еще теплую птичку и говорит, разглядывая ее:

— Во как воробья навернуло!

Бурда оглядывается и мрачнеет. Он с досадой говорит:

— Глупый ты… Какую птицу убило! Кончится бой — похороним… Это соловей. Говорят, смелая была птица: не боялась мин, не хотела покидать свой сад.

18 часов 30 минут. Гитлеровцы бросили в атаку три полка. Они наступают одновременно в нескольких направлениях. Нам видно, как впереди немцы катят руками противотанковые пушки. Сзади движутся батареи на конной тяге — при каждом орудии восемь коней. В их боевых порядках рвутся наши снаряды. Солдаты падают, их пушки разлетаются. Но гитлеровцы снова идут вперед.

— Точь-в-точь, как в фильме «Чапаев», — хрипло говорит Бурда. — Ну, сейчас им дадут дрозда! Оглянитесь назад!

На скат горы стремительно взлетают машины с нашими реактивными минометами, ласково прозванными на фронте «катюшами». Словно на параде, развертываются они на открытой позиции. Реактивные минометы бьют в упор массированными залпами на предельно короткой дистанции. Сотни мин с воем, в дыму и пламени проносятся над нашими головами, и сразу же на противоположном скате, где только что маршировали гитлеровцы, встают клубы дыма и языки зловещего пламени. Все горит. Сотни фашистов остаются навеки на почерневшей земле. Среди уцелевших — замешательство. Тщетно пытается восстановить порядок выскочивший из-за бугра эскадрон кавалерии. Немецкие солдаты не хотят идти на верную смерть.

Вражеский штаб просчитался. Полагая, что наши бойцы психологически надломлены, они бросили в бой все свои силы. А наше командование, как ни тяжело нам пришлось, сберегло резерв. И сейчас, пользуясь минутным замешательством в рядах противника, свежие подразделения наших танков вылетают из укрытий и бросаются вперед. Это и есть переломный момент боя.

Уже сгущаются над полем боя сумерки, а бой все не утихает. До самого неба встают над пылающими деревнями зловещие столбы дыма. Надрывно воют бомбы. Далеко по степи разносятся лязгание стали и рев танковых моторов. В воздухе пахнет порохом, гарью, отработанным бензином. И как-то странно ощущать в эти минуты запах жасмина: цветут сады.

Но сейчас предаваться лирическим ощущениям некогда — наступают критические минуты боя.

Наконец, германское командование убеждается в том, что этот бой им проигран. Поредевшие цепи немцев отходят за гребень. Разведчики доносят: «Немец окапывается и тянет проволоку». Артиллерийский и минометный огонь утихает. Усталые бойцы начинают готовиться к ночлегу в наскоро отрытых окопах. По ухабам проселков ныряют походные кухни с запоздалым ужином.

Мы возвращаемся в штаб генерала Катукова. Здесь все уже поглощены новыми тактическим замыслами. Операция кончена, надо готовиться к новой, корпус передвигается на новый боевой участок, чтобы действовать рядом с танкистами Лизюкова.

— Сейчас уже ясно, — немцы поняли, что здесь им не пройти, — говорит Катуков. — Наступление противника на нашем участке можно считать законченным.

* * *

Да, танкисты и здесь остановили продвижение гитлеровцев. И все же я чувствовал, что и генерал, и его ближайшие соратники испытывали какую-то внутреннюю неудовлетворенность. Ведь каких-нибудь десять дней тому назад, когда на Брянский фронт отовсюду стекались мощные танковые соединения, думалось не об обороне, нет — о наступлении, об активных действиях, о контрударах. Но на войне нередко случается непредвиденное. Видимо, нам еще не хватало мастерства в массированном использовании танков. Одно дело — бои под Москвой, где наши танкисты превосходно овладели в бою тактикой использования небольших подразделений, и совсем другое — летние операции

1942 года, когда речь пошла о вводе в бой танковых корпусов и даже танковой армии. Теперь танкисты проходили второй курс своих фронтовых университетов. У них было много новых находок, открытий и блестящих удач, но были и трагические неудачи и даже провалы, за которые приходилось дорого расплачиваться.

Мы знали, чувствовали: эта школа принесет свои плоды, так же как принесла их московская школа 1941 года. Но теперь уже было совершенно ясно, что «годика», о котором говорил Сталин на параде 7 ноября, для окончания войны, конечно, не хватит. Впереди еще очень много сражений, много тяжких жертв, пока танкисты Катукова дойдут до Берлина. Все твердо верили, что война будет закончена именно там. И тем суровее и непримиримее относились к каждой своей операции, тем строже судили свою малейшую неудачу, когда было сделано хоть чуточку меньше того, что можно было сделать.

В своем дневнике за 5 июля 1942 года я читаю такую вот запись:

> «5 июля. 8 часов 45 минут вечера. Только что вернулся с колокольни, откуда открывается широкий вид на Юдино, где сегодня дрались танкисты Бурды. Сейчас там все тихо — гвардейские минометы отбили у гитлеровцев охоту лезть вперед.
>
> Тихий вечер. Облака. Красивый закат. Тишь над огородами, садами, ручьями, текущими в глубоких оврагах. На дорогах трубят отходящие с поля боя израненные танки. У самого горизонта дымы: только что отбомбилась наша авиация. Немецкое наступление на нашем участке фронта остановлено.
>
> Все-таки в штабе у Катукова невесело. Генерал бродит по хате с каменным лицом, пока офицеры торопливо укладывают документы в ящики: сегодня ночью переезжаем на новый участок. Я понимаю, что у него горько на душе: тяжело видеть, как прекрасно сколоченные для массированного контрудара соединения расходуются в боях, что называется, в розницу.[31]
>
> Вначале корпус ввели в бой южнее Ливен — на Опытном поле. Понесли большие потери под ударами авиации — прикрыть танки с воздуха было нечем, а приказ был — драться во что бы то ни стало. Гитлеровцев на этом участке остановили, но тут же, южнее, образовалась новая, еще большая дыра, и они ринулись на восток.
>
> Потом задумали эффективные клещи вместе с корпусом Павелкина. Опоздали на день… Тем временем Павелкина окружили, и он отскочил за реку Олым. С ним некоторое время не было связи, начали даже думать, что он погиб вместе со своим штабом. Но Павелкин нашелся. Ему дали задачу: наступать, опираясь на правый фланг Катукова. Тем временем 1-й танковый корпус должен был обеспечить железную оборону. Однако его мотострелки остались на старом рубеже — там не оказалось пехоты, здесь же танкисты могли рассчитывать лишь на сильно обескровленную 15-ю стрелковую дивизию Слышкина, которая уже трижды побывала в страшных переделках и теперь не была в состоянии обеспечить танкистам надежную поддержку.
>
> Сегодня с утра 88-я и 385-я немецкие пехотные дивизии перешли в наступление почти без танков, но с огромным количеством артиллерии в своих боевых порядках. Вначале в штабе на это известие реагировали спокойно, и Катуков сказал мне, когда я уезжал к Бурде:
>
> — Корячатся две немецкие дивизии. Но мы их положим на землю.
>
> К вечеру гитлеровцев действительно остановили. Но какой дорогой ценой! Танковая гвардия потеряла лучших из лучших своих людей, не говоря уже о потерях в технике. К вечеру, чтобы решить судьбу сражения, пришлось ввести в

---

31 Двадцать лет спустя М. В. Катуков говорил мне:

— Танковые корпуса бросались в бой на разных направлениях, без необходимой связи с общевойсковыми армиями, без должного прикрытия пехотными и авиационными средствами. Не была обеспечена поддержка артиллерией и минометами. Не было штурмовой авиации. Враг бомбил боевые порядки танковых корпусов беспрерывно — его бомбардировщики налетали волна за волной, по 75–80 самолетов. Наши танковые части буквально горели в огне.

бой последний резерв генерала и реактивные минометы….

Это поездка дает мне очень многое. Я начинаю еще лучше, чем в прошлом году, понимать цену, какую мы вынуждены платить за каждую деревню, за каждый ручей, за каждую высоту. Ведь вокруг меня не какие-то отвлеченные тактические единицы, а живые, ставшие мне близкими, почти родными, люди. Вот сейчас пишу и вижу перед собой тронутое застенчивой улыбкой открытое лицо юного романтика из Подмосковья Капотова, с которым мы так подружились. Он не вернулся в Юдино, и мы, наверное, уже никогда его не увидим. А Новиков? А Любушкин? А десятки других ветеранов 1-й гвардейской?..

Танковые корпуса бросались в бой на разных направлениях, без необходимой связи с общевойсковыми армиями, без должного прикрытия пехотными и авиационными средствами. Не была обеспечена поддержка артиллерией и минометами. Не было штурмовой авиации. Враг бомбил боевые порядки танковых корпусов беспрерывно — его бомбардировщики налетали волна за волной, по 75–80 самолетов. Наши танковые части буквально горели в огне.

И еще: больно, невыносимо больно отступать хоть на шаг во второй раз. И видеть искаженные болью лица колхозников, которых мы вторично покидаем, снова отходя на восток.

Да, поистине тяжка школа войны, которую мы проходим в эти дни. Сомнений нет: советские солдаты, офицеры и генералы — способные ученики, и не за горами то время, когда гитлеровцы почувствуют в полной мере силу ударов нашего Человека в Броне. Впрочем, и сейчас наши удары весьма чувствительны: 385-я немецкая пехотная дивизия за эти дни потеряла уже 60 процентов своего состава…»

Много лет спустя в замечательной книге Маршала Советского Союза А. М. Василевского «Дело всей жизни» я прочел такие мужественные и правдивые строки, посвященные анализу трудностей, возникших в июле 1942 года на Брянском фронте:

«Тех сил и средств, которыми он (т. е. Брянский фронт. Ю. Ж.) располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на Курско-Воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогали. Действительно, как показали события, танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в дело по частям, причем не столько для решения активных задач по уничтожению прорвавшегося врага, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне наших общевойсковых армий. Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М. Е. Катуков, Н. В. Фекленко, М. И. Павелкин, В. А. Мишулин, В. М. Баданов) еще не имели достаточного опыта, а мы им мало помогали своими указаниями и советами. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей».[32]

Да, танкистам предстояло еще многому научиться. Боевой опыт давался дорогой ценой. Но сулил он советским танковым войскам поистине блестящее будущее…

Два немца

К утру шестого июля мы завершили трудный ночной переезд по невероятно вязким

[32] А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, стр. 196–197

черноземным проселкам, раскисшим от дождей, к месту нового расположения штаба 1-го танкового корпуса. В дороге потеряли цепь, которая помогала нашему многострадальному пикапу бороться с грязью, и теперь не столько ехали, сколько тащили на себе машину, невероятно мокрые и грязные. А вокруг бессильно жужжали, словно мухи, влипшие в клейкую бумагу, сотни других автомобилей. Окончательно обессилев, мы приткнулись к какой-то избе и часок поспали в кузове пикапа.

Нас разбудило яркое солнце, наконец-то июль напомнил о себе. Я поспешил узнать, чем закончился бой у Юдина. Оказывается, в 4 часа утра, пока мы ползли на своем пикапе по шоссе, гитлеровцы захватили эту деревню, или, вернее, то место, на котором она когда-то стояла. Однако танкисты Бурды тотчас же выбили их оттуда. Сейчас все утихло. Разведчики намекнули нам, что теперь надо ждать больших событий на новом участке, где сосредоточиваются наши танковые соединения для контрудара по левому флангу гитлеровцев, прорвавшихся к Воронежу.

В еще не тронутой войной деревне, куда перебрался штаб корпуса, царило идиллическое спокойствие. Цвел жасмин, пели птицы, мычали коровы. Люди были заняты своими извечными крестьянскими делами, хотя и чувствовалось, что их тревожило прибытие с запада такого большого числа военных: уж не новое ли это отступление?

Нет, на этом участке не могло быть и речи об отступлении, он был надежно прикрыт броневым щитом. Но южнее и юго-западнее обстановка продолжала осложняться.

Гитлеровцы бросили в наступление не только собственные войска, но и армии своих сателлитов. В дело был пущен и неприкосновенный фонд германского командования — резервные кадровые дивизии, которые до этого тщательно сберегались в глубоком немецком тылу на крайний случай.

Германские генералы никогда не отличались излишним человеколюбием по отношению к своим солдатам. Сейчас же они действовали с предельной жестокостью: построив дивизии в затылок друг другу, гнали их вперед. Дивизии таяли в течение немногих часов. Но на смену им появлялись новые и новые. Решив любой ценой прорвать фронт, германский штаб не жалел для этого ни людей, ни техники. Ведь второго фронта все еще не было!

Естественно, нас, военных журналистов, в эти дни особенно интересовали пленные немцы. Хотелось узнать, что думают эти люди, как отразилось пережитое на их психологии, что кроется под твердой скорлупой знаменитой немецкой дисциплины.

О некоторых встречах такого рода я уже рассказывал. Не все они были интересны: одни немцы были настолько запуганы россказнями Геббельса о «русских зверствах», что в плену теряли всякий человеческий облик и были не в состоянии связно отвечать на вопросы. Другие, дрожа за свою шкуру, угодничали и старались сказать только то, что, по их мнению, было бы приятно услышать «господину советскому офицеру».

Но встречались и такие пленные, чьи рассказы были весьма интересны: они помогали понять, что творится во враждебном нам мире, находящемся под контролем национал-социализма, как там живут люди, как устроена их психика, что думают те из них, которые еще не разучились мыслить.

Утром шестого июля в штаб 1-го танкового корпуса привезли двух пленных. И до чего же разными людьми они оказались. Это были член гитлерюгенда Гайнц Г. из Саксонии и шахтер Людвиг Г. из Рура. Гайнца Г. поймали у ручья, куда он с тремя приятелями ходил на водопой, — троих наши бойцы застрелили, а этого схватили за шиворот и притащили. А Людвига Г. никто не ловил; он пришел к нам сам, предъявив в качестве пропуска советскую листовку, сброшенную с самолета.

Так вот сначала о питомце гитлерюгенда. Узнав о поимке этой птицы, я очень обрадовался: давно хотелось откровенно потолковать с воспитанником нацистов, посмотреть, что представляет собой идейный противник наших комсомольцев. Но радость моя была преждевременной: откровенного разговора не получалось, да Гайнца, видимо, и не учили в гитлерюгенде рассуждать на политические темы и спорить, скорее, напротив, его

отучили мыслить.

Передо мной сидел под кустиком, сжавшись, словно затравленный волчонок, белобрысый сморчок, маленький, плюгавенький человечишко 21 года от роду. Офицеру, который его допрашивал, он деловито сообщил, что в его роте в первый же день наступления убито 38 человек, еще 38 ранено. В строю осталось 18. Четверо ушли за водой, из них трое убиты, он, четвертый, в плену. Стало быть, теперь в роте 14 солдат.

Потом я попросил Гайнца рассказать о себе, о своей жизни, о том, как и почему он вступил в гитлерюгенд, чему его там учили и что он вынес из этой учебы. Он глянул на меня диковатым взором, видимо, ему никогда таких вопросов не задавали, и сам он над ними не задумывался. Но в плену, по его мнению, нельзя отказываться отвечать на вопросы, ему, наверно, будет плохо, если он не станет говорить. И Гайнц заговорил монотонным голосом. Он попросту рассказывал свою биографию, так ему было легче.

Да, он воспитанник гитлерюгенда. Почему он стал членом этой организации? Но ведь это очень просто! Когда мальчику исполняется четырнадцать лет, его принимают в союз. Как эта организация функционирует? Тоже очень просто: по месту жительства. Сначала в отряде, в который приняли школьника Гяйнца, состояло 100 — 120 человек — это было сразу после того, как фюрер стал рейхсканцлером. Потом в нем стало 400 человек, сами родители следили за тем, чтобы их дети не остались вне союза.

Чем занимались в союзе? Учились маршировать, стрелять, вести огонь по самолетам, водить мотоцикл, автомобиль, с 1934 года изучали планер. Еще работали в трудовых лагерях — строили дороги, аэродромы. Это когда уже исполняется семнадцать лет. Работа с семи часов утра до полудня, потом с часу дня до семи вечера. Возили песок, камни.

Еще что делали? Учились петь песни. Вы хотите послушать? Пожалуйста. Гайнц поет механическим, бездушным голосом, без всякого выражения, словно заводная кукла:

Вы слышите сигнал к бою?
Друзья, мы будем сражаться все вместе.
Мы не позволим себя обижать.
Мы боремся за свои идеи.
К борьбе мы готовы — все вместе.

— Гайнц, Гайнц! А что же собой представляют ваши идеи, за которые вы хотели сражаться? И кто вас обижал?

Гайнц глядит на меня своими пустыми глазами. В них медленно прорезается удивление: до сих пор он не думал над этими вопросами, и у него нет готового ответа. Он мучительно долго размышляет, стараясь припомнить, что говорили ему — сначала местный фюрер гитлерюгенда, двадцатилетний служащий банка Штенцель, — о, этот был важной птицей, он объединял под своей высокой властью девять территориальных организаций города Бауцен, где жил Гайнц, — потом господин офицер. Он что-то вспоминает наконец. Его глаза радостно вспыхивают, и он чеканит ровным голосом:

— Нас учили бороться против большевистской России, существование которой опасно для нашего тысячелетнего рейха. Когда мы разгромим Россию, всем немцам будет хорошо. Будет что купить, будет возможность всем хорошо жить и одеваться, и всем будет хорошо. Россия — большое государство, богатая и опасная страна, она больше Германии во много раз, и она может нас обидеть. Но мы сильнее, потому что в мире нет более сильного солдата, чем немецкий. Мы победим, потому что этого хочет сам Гитлер, а то, чего хочет великий фюрер, всегда сбывается.

Выпалив единым духом эту тираду, словно механически заученный урок, Гайнц Г. вдруг сникает. Он испугался: одно дело говорить такие вещи в своем отряде гитлерюгенда или в винной лавке, где он служил продавцом, пока его не призвали в армию, и совсем другое дело отвечать на вопросы большевистского офицера, когда ты попадешь к нему в плен.

Гайнц озирается по сторонам, пытаясь прочесть на лицах офицеров, прислушивающихся к беседе, какая судьба его ожидает, — казнят ли его немедленно или же немного погодя. Но большевики не спешат хвататься за пистолеты. Они лишь брезгливо усмехаются:

— Каков щенок?.. Вымуштровали… Ничего, поработает в лагере военнопленных, придет в себя.

Судят не Гайнца Г. - судят Гитлера и его бесчеловечную партию, которая выпотрошила души своей молодежи и превратила ее в пушечное мясо…

А вот второй разговор с пленным немцем. Это совсем другой человек.

Людвигу Г. двадцать восемь лет. Он сын рабочего и сам рабочий. Работал слесарем в шахте Ботторо Рурской области. Его призвали в армию лишь 12 января 1942 года — Гитлеру нужен был уголь для военной промышленности, и он начал посылать шахтеров на фронт только тогда, когда прочие резервы уже истощились. Но Людвиг отлично понимал, что эта война ему не нужна, и, когда его дивизия прибыла на фронт, сразу же начал искать случая сдаться в плен. Это ему удалось 5 июля, когда гитлеровцы штурмовали высоту 224,4.

— Почему вы сдались в плен?

— Потому что знаю: если Гитлер победит, германскому рабочему от этого легче не станет. А погибать зря я не хочу. К тому же русские нам ничего плохого не сделали… Конечно, у нас в роте есть солдаты, которые кричат о войне до победы. Но другие, когда встречаешься с ними наедине, говорят: пусть офицеры воюют сами, если им так хочется. И на шахте у нас многие против войны. Но говорить об этом вслух, публично невозможно. Гестапо создало такую изощренную систему шпионажа, что никогда не знаешь, с кем ты говоришь — то ли с честным рабочим, то ли с овчаркой Гиммлера…

Меня живо интересует жизнь немецких шахтеров, настроения товарищей Людвига. Что происходит сейчас там, в Руре? О чем думают, что говорят, встречаясь друг с другом, немецкие шахтеры? В какой мере и там распространилась фашистская отрава, иссушившая мозги таких людей, как этот несчастный питомец гитлерюгенда Гайнц Г.? Я рассказываю Людвигу о своих впечатлениях от встречи с Гайнцем. Он крутит головой:

— Нет, далеко не все такие. Поначалу многие, конечно, поверили Гитлеру. Он говорил, что национал-социалистическая партия — за рабочих, что он сам хочет построить свой, национальный, социализм, а ради этого надо, дескать, разгромить английских плутократов и русских большевиков. Насчет плутократов рабочие согласны, что с ними надо бороться, хотя и непонятно, почему надо начинать с английских? Хватает своих в Руре, с них бы и начать… Но что касается русских, то ведь они ничего плохого немцам не сделали…

Людвиг Г. - беспартийный. Но до 1933 года он читал коммунистическую газету «Рур эхо» и из нее многое понял. В подпольной борьбе против Гитлера не участвовал — это очень опасно, — но разбирался что к чему. Поэтому, когда его спрашивают, во имя чего воюет вермахт, он убежденно отвечает:

— Фашизм борется против коммунизма, суть в этом. Конечно, офицеры нам говорят, что мы были вынуждены объявить вам войну, потому что Россия хочет нас завоевать, но это неправда. Правда в том, что Адольф Гитлер хочет завладеть всем миром, а вы у него на пути.

Повестку о мобилизации Людвигу вручили 1 января — «новогодний подарок», — с горечью иронизирует он. Одновременно повестки получили и многие его товарищи. Вместо них в шахту загнали французов, бельгийцев и поляков. Их поселили в лагере. Там над ними нещадно издеваются. Хуже всего приходится полякам…

Семья у Людвига большая: родители, пятеро братьев, сестра. Все работают на шахте. До войны хотя было и трудновато, но концы с концами сводили. Сейчас стало совсем плохо. Утром — ломтик хлеба и кружка эрзац-кофе, в обед — тарелка супа, на ужин — остатки супа и еще ломтик хлеба. Прикупить нечего — без карточек только соль. На ребенка дают пол-литра молока. Многие солдаты присылают с фронта посылки с разным барахлом, отнятым у русских, но Людвиг чурался такой добычи.

Шахта, где работал Людвиг, — в десяти километрах от Эссена, но он крайне редко

ездил в этот город, последний раз был там за две недели до войны. Слыхал, что англичане часто бомбили Эссен. Недавно отец сообщил ему намеками, что город сильно разрушен, и убитых не успевают хоронить.

Когда Людвиг уходил на войну, родители плакали. Мать говорила, что он ни за что не вернется. Людвиг не осмелился рассказать родным о своих планах, но сам был спокоен: он будет, обязательно будет жить, потому что откажется участвовать в этой войне. Сдастся русским и дождется в плену мира. Когда это будет? Он не знает. Но теперь ему все равно. Война и так сломала ему жизнь. До войны он собирался жениться; овладел квалификацией слесаря, рассчитывал, что будет хорошо зарабатывать. И все пошло прахом. Так уж лучше сидеть в лагере для военнопленных, чем рисковать жизнью ради тысячелетнего рейха. Да и проживет ли рейх тысячу лет? Людвиг в этом сильно сомневался. Он считает безумием воевать против всего мира, как этого хочет Гитлер…

В палатку, где идет затянувшийся допрос пленного, входит девушка в военной форме — полевой почтальон. Она раздает письма офицерам. Людвиг понял, что происходит. Он печально улыбается, и мне понятно, о чем он думает: вероятно, пройдет не один год, прежде чем он получит весточку из дому. Но что поделаешь? Такова уж участь военнопленного…

Я не знаю, как сложилась дальнейшая судьба этих двух, столь разных немцев, с которыми свела меня судьба в рядовой, будничный день войны 6 июля 1942 года. Живы ли они? Как живут сейчас, что делают, о чем размышляют?

Хотелось бы думать, однако, что суровый урок, преподанный им жизнью на изрытых бомбами и снарядами черноземных полях Орловщины, где замертво легли многие десятки тысяч их сверстников, научил их мыслить и заставил сделать для себя должные выводы…

И последнее, о чем хотелось бы сейчас сказать: если живы они, пусть вспомнят о русских солдатах, которые даже в трудную, нечеловечески тяжелую для нас пору, превозмогая в сердце своем горькое чувство ненависти к тем, кто вторгался в наш дом, терпеливо убеждали их сбросить с себя упряжь Гитлера, стать людьми и спасти свои души.

Упорство

В один из этих июльских дней нам посоветовали побывать у артиллеристов.

Это были артиллеристы 15-й Сивашской стрелковой дивизии, которая приняла на себя один из основных немецких ударов в памятное утро двадцать восьмого июня близ города Тим. Рассуждая теоретически, дивизия, выдержавшая такой удар, должна была бы перестать существовать. Аккуратные немецкие генералы свои расчеты строили так, чтобы в течение нескольких часов умертвить все живое в том квадрате, где стояла дивизия. Были рассчитаны должные нормы взрывчатых веществ, стали, алюминия, необходимое количество самолето-вылетов, танков, артиллерии, пехоты. И, как всегда, был допущен только один просчет: недооценена стойкость советского человека.

Дивизии пришлось отойти, оставить рубеж, укреплению которого было уделено так много сил и энергии. Но она отошла организованно, не оставив ни одного орудия, ни одной машины. И теперь дивизия продолжала сражаться, удерживая новый рубеж, хотя потери ее в людях велики.

На этом участке фронта возникла небольшая передышка. Немцы, получив свое, вынуждены были перегруппировываться, подтягивать резервы. Наши пушки молчали. Артиллеристы дивизии писали письма домой, брились, приводили в порядок свое обмундирование — это был первый отдых за неделю страшных, поистине небывалых боев.

Люди были полны впечатлений от пережитого. Им хотелось как-то осмыслить, продумать пережитое за эти десять дней. Поэтому, бойцы были весьма словоохотливы. Собравшись в тесный кружок, они наперебой рассказывали:

— Начал он с рассвета. Как стали бить из пушек — земля закипела…

— Да что из пушек! Самолеты — вот что было страшно. Сразу десятки. И без перерыва. Через каждые три-четыре минуты — штук по тридцать самолетов… И снова, и

снова…

— А огнеметы! Как зажарили по нашему лесу — все горит, нет спасения…

Картина боя стоит перед глазами у людей. Памятны все подробности, до самых мельчайших.

Передовые рубежи дивизии располагались вдоль берега мелкой речки. Левее стоял 47-й стрелковый полк, правее — 321-й. Огневые позиции поддерживавшего их 203-го артиллерийского полка находились немного подальше — в Урыновском лесу: в восьмистах метрах от берета наблюдательный пункт артиллеристов, за ним в ельнике — огневые позиции.

Пехота неплохо укрепилась, но удар был нанесен столь сильный, что удержаться на этом рубеже оказалось физически невозможным. Вначале гитлеровцы предприняли очень мощный артиллерийский обстрел — это было в 3 часа 30 минут утра. Лес горел, люди задыхались в дыму, но не отходили. Потом через реку бросилась вброд в атаку немецкая пехота. Наша артиллерия, поддерживая свои стрелковые полки, вела убийственный огонь из тяжелых гаубиц. Гитлеровцы несли большие потери, но продолжали атаку, наращивая силу ударов. С неба по еловой роще, где расположились наши артиллеристы, била немецкая авиация, вслед за гитлеровской пехотой шли танки.

Дивизия удерживала свой рубеж до полудня, но дольше устоять не смогла: слишком велики были потери. И наши полки начали медленно пятиться назад, отходя на запасные позиции под защитой артиллерийского огня. Артиллеристы сопротивлялись до последнего, и приказ об отходе был дан только тогда, когда впереди никого из наших уже не оставалось, а гитлеровские автоматчики просачивались с флангов. Надо было отходить к реке Кшень, в направлении на село Ольшаны.

Отход артиллерии осталась прикрывать горсточка храбрецов: меткий артиллерист Медведев, который за эти дни сжег снарядами уже четыре фашистских танка да еще один подорвал противотанковой гранатой, разведчик Ерохин, связист Загрядский, замковый Власов, писарь Бордуков, повар Фатеев и еще несколько человек. Они получили приказ — держаться, пока пушки отойдут к Ольшанам, а потом пробиваться к своим. Так они и сделали…

— Медведев! Где же Медведев? — зовут артиллеристы. — Расскажи же, как ты дрался!..

Светлоглазый юноша в тяжелой железной каске подходит и присаживается на корточки. Сорвав ромашку, он вертит ее в руках, прикидывая, с чего начать разговор. Ему, как и многим, кажется, что, в сущности, долго тут рассказывать не о чем: подбил один танк гранатой, потом еще четыре подбил всем расчетом, когда стреляли прямой наводкой, — это было, когда уже вышли к своим, — и все тут.

— Нет, Медведев, — подсказывает ему отсекр полкового бюро комсомола К. М. Райхельсон. — Ты скажи, почему ты так зло дрался. Про свое село расскажи.

— Ну, что ж про село? Сожгли село, гады. Сожгли, — повторяет он и вытирает со лба густо выступивший пот. В его светлых голубых глазах мелькает недобрый огонек. — Сожгли, — снова повторяет он. — Это было еще зимой, когда немцы отступали. Мое село называется Рытва, Орловской области. Это здесь, совсем неподалеку. Село, конечно, небольшое. Но кому свое село не мило? Вот мы пришли на позиции и стали… А я знаю, что мое село в трех километрах отсюда. Да… Ну, я и попросился у командира — разрешите проведать…

Он говорит медленно, подыскивая слова. Трудно говорить о таких вещах. Не найти слов, которыми можно было бы выразить то, что переживают сейчас миллионы людей!

— Попросился у командира… Он разрешил. Иду… Вижу, осталось у нас три дома из пятидесяти… А там, где наш дом стоял, одна труба торчит… Ну, все ж таки я мать нашел… Еще нашел сестру, братика, маминого отца… А второго моего деда немцы пристрелили… Он корову хотел вывести из сарая… Сарай горит, а в нем корова… Он говорит немцу: за что животная пропадает? А немец из автомата… Тут его и кончил… Это в феврале было…

Посчитаемся, подумал я, только бы встретиться. Вот теперь и рассчитался…

О том, как он рассчитался с немцами, Медведев так и не сказал. Но товарищи, с которыми он был в бою, помогли восстановить картину этой схватки.

Когда группа артиллеристов прикрывала отход своей части, прямо на них вышла группа неприятельских танков — они двигались к реке Кшень, рассчитывая захватить переправу. У Медведева были две противотанковые гранаты. Осторожно приближались темно-зеленые немецкие машины, прощупывая путь: они опасались засады. Медведев притаился за кустом — он ловко метал гранаты и теперь был почти уверен в себе, но все-таки немного боялся. Медведев решил выждать, пока танк подойдет совсем близко, чтобы ударить наверняка. Железная громада была уже метрах в десяти, когда молодой артиллерист размахнулся и швырнул гранату под гусеницу, а сам нырнул в канаву.

Комья земли больно ударили по спине. Лотом послышались крики немцев. Медведев выглянул из канавы: танк стоял на месте с оборванной гусеницей. Люк приоткрылся, Медведев швырнул вторую гранату. И все затихло. Артиллерист подождал еще немного, потом осторожно отполз к своим, и они скрытно пробрались высокой рожью на высоту и стали наблюдать. К подбитому немецкому танку подошел тягач и утянул его в тыл. Остальные танки замедлили продвижение: гитлеровцы опасались засад во ржи. Но у артиллеристов гранат больше не было, и они, дождавшись темноты, переплыли реку Кшень, держа свои винтовки над головой.

Там, за рекой, стояли батареи резервного противотанкового дивизиона, срочно выброшенного навстречу немцам. На ходу, выжимая воду из гимнастерки, Медведев подошел к артиллеристам и деловито спросил:

— Что, вам люди не требуются?

— А ты кто такой будешь? — недоверчиво спросил сержант.

Медведев предъявил красноармейскую книжку. У артиллеристов не хватало заряжающего, и его тут же поставили на боевой пост.

Ждать пришлось недолго. Осмелев, фашистские танкисты попытались с ходу форсировать Кшень. Наши противотанковые орудия заговорили в полный голос. Они сделали свое дело: эту реку немцам пришлось форсировать с таким же напряжением, как и ту, что в Урыновском лесу, хотя они рассчитывали на сей раз пройти вперед без труда.

— Ну, мы их отбили, а потом меня отпустили, и я нашел свою батарею, словно нехотя сказал Медведев. — Вот и все. Разрешите идти?

И он встал.

— Ну, а что сталось с вашей семьей?

— Ушли. Ребята видели, как они отходили. Сейчас, конечно, мне неизвестно, где они. Но я спокоен, немцу их не достать. Не допустим!

Артиллеристы с того памятного дня провели много боев — у Юрских дворов, у совхоза «Новая жизнь», у села Мишино. И всюду, где открывали огонь их смертоносные пушки, гитлеровцам приходилось туго. Вражеское наступление на этом участке постепенно замедлилось, а потом и вовсе захлебнулось. Это результат общих усилий — и пехоты, и танковых частей, и авиации, и артиллерии. Но частицу успеха с полным правом могут отнести на свой счет и наши новые знакомые — артиллеристы. И они законно горды этим…

Мы помолчали, прислушиваясь к тишине.

Отсекр полкового бюро вдруг сказал:

— Часто бывает скучно читать рассказы про войну. Тут что важно? Важно душу человека понять, почему он действует так, а не иначе. Вот разобраться бы писателям в этом, получились бы такие произведения — читал бы, не оторвался! Возьмите вы этого человека, — кивнул он на лесок, куда ушел Медведев. — Конечно, он воюет во имя Родины с большой буквы, как у нас иногда пишут. Правильно это. Но у него свое, предметное понятие. Когда он дрался с танком один на один, он за свою хату дрался, за деда, за корову. Вот так просто, по-крестьянски. Помните, как он сказал — «рассчитался»? Это не случайно слово бросил. Вы знаете, у нас много бойцов ведут такой расчет. Основная ошибка

гитлеровцев, по-моему, та, что они не понимают наших людей. Они думали: самое сильное чувство — страх. И били на это чувство. А вышло все совсем по-другому. По-медведевски вышло.

Комары жужжали все надоедливее. Мы сбились в тесный кружок. Уже смеркалось, и только огоньки папирос озаряли молодые загорелые лица.

— Жаль, что вам не удалось побывать на нашей шестой батарее, продолжал Райхельсон. — Это довольно далеко отсюда. Там на днях разыгралась такая история… Вы знаете, что такое сорок минут для тяжелой артиллерийской батареи, когда она ведет шквальный огонь?.. — Отсекр помолчал, закурил и снова заговорил: — Наша батарея — 122-миллиметровые пушки — стояла уже в селе Мишино. Оно, знаете ли, расположено в очень красивой лощине и на трех буграх вокруг нее — треугольником. Ну, конечно, яблоневые сады, ракиты, посредине села — речка. В этих местах все деревни так строятся. А батарея на восточном берегу. Так все кругом чудесно, просто загляденье. И вдруг этот рай в момент превращается в ад. Фашисты, как звери, наседают на село — они все-таки форсировали реку Кшень и от деревни Калиновки двинули на Мишино. Их надо было во что бы то ни стало задержать по соседству находился штаб дивизии, и мы должны были прикрыть его отход. И вот комиссар артиллерийского полка посылает меня на шестую батарею с приказом: поставить заградительный огонь, любой ценой остановить немцев. А у нас там был замечательный комсомольский расчет. Какие люди!

Райхельсон затянулся, и в отблеске огонька я видел, какой тоской полны его глаза.

— Золото. Бесценный народ. Вели огонь исключительно дисциплинированно. Гитлеровцы их быстро нащупали: они наблюдали с подвесного аэростата. Уже через несколько минут немецкие снаряды стали падать на наши огневые позиции. А нам позиции некогда менять: надо все время держать огневую завесу, иначе фашисты ворвутся в село. И вот в десяти метрах от комсомольского расчета рвется снаряд. Прямое попадание в орудие. Наводчик Анохин убит. Его заменяет второй номер — Загрядский. Командир орудия Гаврилов ранен. Он упал, но собрал силы, зажал рану рукой и командует: «Прицел тот же, огонь!» Ребята стреляют, а наводчик мертвый лежит тут же, и от этого наши ребята еще злее. Снова падает снаряд. Убит еще один комсомолец-артиллерист Левицкий. Погибает и Загрядский. Орудие выведено из строя. Оставшиеся в живых двое комсомольцев — заряжающий и ящичный переходят к другим пушкам… — Отсекр вздохнул: — Вот так и дрались сорок минут. Выпустили шестьдесят снарядов. Мы потеряли два орудия, четверо убитых, одиннадцать были ранены. Все в пороховом дыму, кругом мертвые лежат, раненые стонут, а командир батареи Киров командует: «По врагам революции — огонь!» Вой вели на ближайшей дистанции. На огневых позициях не только снаряды рвутся — пули свищут. Гитлеровцы прямо взбесились, стоит перед ними одна батарея, а продвинуться не могут. Если бы у нас больше снарядов было, мы бы там еще долго держались. Но пришлось все-таки отходить.

К этому времени штаб дивизии, конечно, уже находился в безопасном месте и оттуда управлял своими частями. А отходили мы опять же не просто под бешеным огнем… Помню, тракторист подвел трактор — тут же разбило радиатор. Один боец схватил ведро с водой и всю дорогу лил воду на мотор, а водитель вел машину. Ничего, спасли пушку. И теперь она опять готова к бою…

Мы распрощались поздней ночью.[33] Отсекр несколько раз просил написать в газету о

---

[33] Об этой встрече с артиллеристами я рассказал в 1967 году в журнале «Знамя». И что же вы думаете, — вдруг получаю письмо из города Мозырь от К. М. Райхельсона, того самого, что четверть века назад был отсекром 203-го артполка 15-й Сивашской стрелковой дивизии. Он пишет лаконично, по-военному: «После описанных вами событий моя судьба сложилась следующим образом: воевал в различных частях, войну закончил в Берлине. В 1960 году в звании подполковника был за выслугой лет уволен в запас. Теперь работаю научным сотрудником архива в Мозыре».

Сообщаю к сведению однополчан тов. Райхельсона его адрес: БССР, город Мозырь, улица Ленина, 28, кв. 11.

подвиге комсомольского расчета. Он снова и снова возвращался к упорству и стойкости этих людей:

— Вот за границей много говорят о русском фатализме. И гитлеровцы об этом писали. Проще всего представить противника этаким дикарем, который верит в фетиши и которому собственная жизнь нисколько не дорога, потому что он ей цены не знает. Фатализм — это чепуха, выдумка. Вы думаете, этим комсомольцам не страшно было умирать? Вы думаете, они не любили жизнь? Да ведь я знаю этих ребят, как себя.

Он осекся:

— Вернее оказать, знал… Как себя знал! Они мечтали дожить до конца войны и страшно боялись, что не доживут. Боялись — да, но не трусили! Это разные вещи.

Когда мы отъезжали от батареи, позади загремели выстрелы. Передышка кончилась. Батарея снова вступила в бой.

Контрудар

Пока мы ездили в Ливны и Елец, на фронте произошли крупные организационные изменения в командовании. Приехав на командный пункт, мы узнали, что войска левого крыла Брянского фронта выделены в состав нового фронтового объединения, задача которого состоит в том, чтобы удержать гитлеровцев на подступах к Воренежу и создать оборону по реке Дон. Новому фронту присваивалось наименование Воронежского. Воронежский фронт пока формировал генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, на Брянском оставался его бывший заместитель генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов.[34]

Отныне задача Брянского фронта сводилась главным образом к осуществлению той операции, которую планировал прилетевший сюда начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский: танковые войска фронта — 5-я танковая армия Лизюкова, корпуса которой в ночь на 3 июля заканчивали сосредоточение к югу от Ельца, 1-й танковый корпус Катукова и другие танковые соединения должны были нанести сокрушительный контрудар по растянутому левому флангу фашистской группировки, прорвавшейся на восток. Поскольку на данном участке мы располагали значительным превосходством в танках, ожидалось, что эта операция окажет весьма существенное влияние на весь ход событий.

Естественно, что все мы, военные корреспонденты, с величайшим энтузиазмом устремились из района Ельца к рубежу реки Суховерейки, куда прорвались наши танковые соединения. Вопреки своему названию эта река изобиловала мокрыми, болотистыми поймами, труднодоступными для танков, но мы тогда этого не знали и были уверены, что танки с ходу форсируют ее и устремятся на юг, ломая сопротивление гитлеровцев и дезорганизуя их тылы.

Поначалу контрудар развивался как будто бы нормально, хотя генералы, командовавшие танковыми соединениями, были серьезно озабочены отсутствием должной артиллерийской, авиационной и пехотной поддержки. При обычном развитии операции пехота, артиллерия, авиация должны были бы расчистить дорогу танкам, тогда мощные танковые соединения вошли бы в прорыв и помчались вперед, громя гитлеровцев, как это и происходило много раз в последующие годы. Теперь же танкам приходилось воевать самим, подменяя собой и артиллерию, и пехоту и подставляя свои башни атакам гитлеровской авиации, которая действовала почти беспрепятственно. Это, естественно, вело к большим потерям среди танкистов.

Однако приказ есть приказ, и руководители танковых соединений дисциплинированно

---

[34] 14 июля командование Воронежским фронтом было передано работавшему до этого заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину, а командующим войсками Брянского фронта вместо генерала Ф. Н. Голикова был назначен генерал К. К. Рокоссовский.

и творчески его осуществляли, стремясь выжать максимум возможного из своих собственных сил.

1-й танковый корпус Катукова перешел в наступление точно в назначенный час после огневого налета одного лишь артиллерийского полка — это было все, чем располагала приданная танкистам стрелковая дивизия. Пошли в атаку и другие танковые корпуса. Они столкнулись грудь с грудью с немецкой танковой группировкой, прикрывавшей непомерно растянутый левый фланг наступавших гитлеровцев.

Первая схватка танкистов с немецкими мотомеханизированными частями длилась около суток. Расставив противотанковые орудия в глубине деревенских улиц, сараях и домах, гитлеровцы пытались задержать советские танки. Но тщетно. Гитлеровцам пришлось оставить одну деревню, за ней другую, потом третью.

А на следующий день начался бой за тот самый лес, в котором несколько дней спустя мы нашли командный пункт наших танкистов. Атаку наши танкисты предприняли сразу, без всякой передышки, чтобы не дать гитлеровцам оправиться от первого удара, не дать им организовать прочную оборону. Быстро пополнив боеприпасы и залив баки горючим, даже не смахнув с лиц пороховой копоти, танкисты снова бросались в бой.

Сражение за лес продолжалось целый день, У гитлеровцев было много хлопот, они едва успевали закапывать убитых. Мертвецов, словно по конвейеру, оттаскивали за реку, в деревню, и там укладывали в могилы. Когда гитлеровцев выбили из деревни, обнаружили тысячу свежих, только что поставленных деревянных крестов. И как ни удобна была для обороны эта дубрава, иссеченная овражками, раскинутая на скатах высот, гитлеровцы и суток не удержались в ней.

Они отошли за реку, заняли командные высоты, на которых стояли высокие неубранные хлеба, служившие им прекрасным укрытием. Там, среди хлебов, они зарыли свои танки, превратив их в долговременные огневые точки, расставили противотанковые артиллерийские батареи, сосредоточили команды истребителей танков. И в довершение ко всему стянули отовсюду на этот участок свою бомбардировочную авиацию, которая набросилась на наши танковые корпуса, фактически лишенные воздушною прикрытия.

Продвижение резко замедлилось. Танки горели, словно гигантские факелы. Лишь левый фланг корпуса, находившийся у самого берега Дона, смог отбросить фашистов на четыре километра. Доблестно дрались здесь вместе с танкистами и пехотинцы 4-й отдельной стрелковой бригады полковника К. В. Гаранина.

Поистине тяжело складывалось положение у соседа Катукова: бывший командующий только что расформированной 5-й танковой армии, ныне командир 2-го отдельного танкового корпуса Лизюков, герой обороны Москвы и человек беззаветной личной храбрости, не смог выполнить поставленной перед ним задачи.

Анализируя уроки этих драматических событий, Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» написал:

> …5-я танковая армия задания не выполнила. Ее командование, не имея опыта в вождении таких танковых объединений, на первых порах действовало не совсем уверенно, штаб фронта ему не помогал и фактически его работу не направлял; не было поддержки со стороны фронтовых средств усиления — артиллерии и авиации. Поэтому одновременно мощного удара танков по флангу и тылу ударной группировки врага достичь не удалось. Правда, 5-я танковая армия отвлекла на себя значительные силы врага и тем самым позволила другим войскам Брянского фронта выиграть несколько дней, необходимых для организации обороны Воронежа.
>
> Говоря здесь о 5-й танковой армии, я не могу не сказать несколько теплых слов об ее доблестном командарме генерал-майоре А. И. Лизюкове. Моя личная встреча с ним 4 июля 1942 года была первой, но он был хорошо известен руководству Вооруженными Силами как энергичный, волевой, быстро растущий военачальник. Это и позволило Ставке уже в июне 1942 года поставить его во главе одной из первых формируемых танковых армий, возложив к тому же на него

выполнение ответственнейшего задания.

А. И. Лизюков — один из первых Героев Советского Союза, получивших это звание в начальный период войны. К великому сожалению, описываемые сражения на воронежской земле были последними в его славной полководческой деятельности. С 6 июля 1942 года он находился в непрерывных боях, в передовых порядках танковых бригад. 24 июля Александр Ильич героически погиб.[35]

О том, что произошло с армией Лизюкова, очень ярко и убедительно рассказал военный писатель Александр Кривицкий в своей взволнованной и искренней книге «Не забуду вовек» — его связывала с этим выдающимся полководцем личная дружба, и ему довелось быть рядом с ним в трагические часы, когда корпуса, входившие в состав 5-й танковой армии, тщетно пытались в крайне неблагоприятной обстановке продолжать наступление, выполняя приказ Ставки Верховного Главнокомандования. Помнится, мы встретились с Кривицким в частях Лизюкова. Пока не разобрались в обстановке, нас радовало то, что мы видели, — танки наступали. В своем дневнике я спешил записать:

«Недавно в этой дубраве были немцы. На сочной примятой траве — обрывки берлинских газет. Бумажные пачки эрзац-сигарет. Рассыпаны узкогорлые немецкие патроны. Обглоданные гусеницами танков, деревья плачут последними соками, распространяя густой терпкий аромат.

Фашистов выбивали отсюда упрямо, настойчиво. Жаль было дубраву, такую тенистую, пригожую, живописную. Но за каждым дубом был гитлеровец, а в каждом логу — противотанковая пушка или крупнокалиберный пулемет. Надо было бить. И били. Так били, что сейчас приходится идти зигзагами, лавируя между воронками, по сплошному ковру сбитых осколками ветвей.

Гитлеровцы — за бугром. Вот здесь, внизу, речка, на ее берегу деревня. Дальше ржаное поле, на котором еще копошатся фашистские автоматчики. Только что туда понеслись наши легкие танки, — сейчас они прочешут рожь, и дорога пехоте будет открыта. А наши тяжелые танки уже ушли вперед. Вот они, их видишь невооруженным глазом. Они ползут и ползут вперед, стреляя на ходу. Вокруг них вздымаются черные столбы земли — это бьет тяжелая немецкая артиллерия.

Под высоким тенистым дубом — свежий блиндаж. Полковник в каске с автоматом через плечо, с биноклем на шее только что передал через радиста приказ командиру тяжелого танкового батальона, который в эти минуты ведет в бой те самые танки, которые видны на гребне высоты. Жестокая схватка в самом разгаре. Поэтому полковник предельно скуп на слова. Да, удар развивается в заданном направлении. Да, с момента начала боя заняты четыре населенных пункта, форсированы две речки с исключительно топкими берегами. Сейчас танки выдвигаются дальше на юг.

Бои на этом участке фронта отличаются большим напряжением. Гитлеровцы, прорываясь к Воронежу, все время опасливо оглядывались на свой непомерно растянутый фланг. Стремясь его обезопасить, они бросили сюда мощную мотомеханизированную группу, в состав которой входило свыше двухсот танков. Эта группа рвалась на север. И вдруг совершенно неожиданно для гитлеровцев она напоролась неподалеку отсюда, за тихой степной заболоченной речкой, на советские танки. Так началась большая и упорная танковая битва…»

Да, все это было так. Наши механизированные войска продолжали свои атаки. К переднему краю шли и шли танки, много танков. Правда, они были разнокалиберны и неравноценны. Среди них было много английских машин типа «матильда» — какие-то приземистые, тщедушные, они и внешним видом своим не внушали большого доверия, и

---

[35] А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, стр. 198–199.

танкисты их не любили. Много «матильд» увязло в топких, заболоченных поймах злосчастной Суховерейки. Те же, которым удалось переправиться, вспыхивали под ударами противотанковых снарядов, словно солома.

Штабные офицеры были сумрачны и избегали разговоров с военными корреспондентами — верный признак того, что обстановка складывается неважно. Лизюков снова, как и при первой встрече в Ельце, отказался разговаривать с корреспондентом «Комсомольской правды». Но Кривицкому повезло больше — Лизюков взял его с собой и уехал в войска. Там Кривицкому и довелось быть свидетелем драматических событий, которые он описал в своей книге без малого четверть века спустя. Генерал Чибисов публично обвинил командарма в трусости, и 5-я танковая армия по решению Сталина была расформирована, а Лизюков был смещен и назначен командующим 2-го танкового корпуса.[36]

Глубоко переживая военную неудачу своей армии и незаслуженную обиду, Лизюков в эти трудные дни и часы буквально не находил себе места. Доконал его трагический случай. Одна из его бригад вела бой в окружении, и вдруг тот же Чибисов отдал приказ: сесть в танк и прорваться к бригаде. Нецелесообразность этой идеи была очевидна, — отправляясь в танке на помощь бригаде, Лизюков лишался возможности командовать корпусом. Но генерал подчинился приказу. Он сел в танк и умчался в бой, из которого уже не вернулся: его танк был разбит.

Этот человек мужественно воевал и мужественно погиб, как и многие его солдаты и офицеры, чьи могилы остались близ Суховерейки. Я никогда еще не видел более трагических и вместе с тем более величественных картин, рисующих верность советского человека своему воинскому долгу, нежели в те достопамятные дни на Землянском направлении. Вот что записал я в своем фронтовом блокноте 10 июля, в тот самый день, когда мы случайно столкнулись с Кривицким:

> Мы у танкистов Лизюкова. Дорога была ночная, трудная, через реки и овраги. Много немецкой авиации. Обстановка в частях беспокойная. Эффект неожиданности уже исчез. Гитлеровцы знают, кто перед ними, и они хорошо организовали противотанковую оборону — артиллерия, плюс авиация, плюс танки.
>
> Наш главный недостаток: воюем, как говорит Катуков, растопыренными пальцами. Первым перешел в наступление 7-й танковый корпус Ротмистрова. Это было утром 6 июля. В районе Красной Поляны он вступил во встречный бой с частями 11-й танковой дивизии гитлеровцев. Противник был остановлен и отброшен за реку Кобылья Сила. На другой день вступил в бой 11-й танковый корпус Попова. В жестоких боях, длившихся четверо суток, соединения Ротмистрова и Попова потеснили гитлеровцев еще на 4–5 километров и вышли к исходу 10 июля к реке Сухая Верейка. В этот день в наступление перешел 2-й танковый корпус Лазарева.
>
> В ходе этих боев танковые корпуса понесли потери, которые, конечно, были бы не столь велики, если бы удар был концентрированным и если бы танки получили должное авиационное прикрытие.
>
> История разберется, кто прав и кто виноват. Сейчас надо продолжать бой. И танкисты сражаются с потрясающей самоотверженностью, я бы сказал — с жертвенностью. Вот что я только что видел своими глазами на поле боя по ту сторону реки…

---

[36] Свидетель этих событий А. Кривицкий рассказывал мне: Лизюков действовал смело и самоотверженно. Единственное, чего он требовал от командования фронта, — это авиационного прикрытия: «Прикройте нас с воздуха, и мы сделаем все, что необходимо. Вы не дали мне нанести удар железным кулаком, заставили вводить армию в бой по частям, так хоть теперь сделайте по-моему — дайте авиацию, иначе все погибнет», — говорил он Чибисову. В ответ на это Чибисов и назвал его, без всяких к тому оснований, трусом. А. Кривицкий снова подчеркнул: «Главной идеей Лизюкова было выступление. Он постоянно помнил и всех убеждал в том, что танковые армии создаются не для обороны, а для стремительного наступления».

Там над пшеничным полем вдруг встали высокой ватной стеной клубы дыма. Лучи заката сразу же окрасили их в малиновый цвет.

— Дымовая завеса, — сказал стоявший рядом со мной полковник, опуская бинокль. — Сейчас что-то произойдет…

— Танки! Танки! — раздались возгласы рядом.

Да, на склоне высоты теперь можно было отчетливо разглядеть немецкие танки, которые только что вели бой с нашими в лощине. Теперь они, низкие, длинные, похожие издали на черных крыс, воровато, гуськом шмыгали за дымовую завесу. Наши танки ускорили бег вперед.

— Преследовать! Преследовать! — приказал полковник, и радио передало этот приказ в эфир.

Немецкая артиллерия усилила огонь, прикрывая отход своих танков. Работники штаба с волнением наблюдали за полем боя. Немецкие снаряды рвались все ближе к нашим танкам. Чувствовалось, что там, в пшенице, множество немецких противотанковых орудий. Подавить их было нечем, наши танкисты могли рассчитывать только на самих себя. И они шли напролом, навстречу смертоносному огню, который становился тем эффективнее, чем ближе подходили наши танки. В нормальных условиях полагалось бы предварительно обработать позиции гитлеровцев бомбардировочной авиацией и артиллерией. Но такой возможности у нас сейчас нет, а сверху повторяют: «Вперед, и только вперед».

Наши танкисты виртуозно маневрировали, увертываясь из-под разрывов. Но чудес на свете не бывает, и вскоре я насчитал уже с десяток высоких черных дымов — то горели наши танки.

Особое волнение вызвал на нашем наблюдательном пункте такой эпизод. Еще несколько мгновений, и вверх вырвался столб пламени, озарив лощину, в которой уже начали сгущаться сумерки. Но тут же донесся отдаленный звук выстрела: упрямая пушка горящего танка выплюнула снаряд. Еще один… Еще…

— По-нашему, по-танкистски, — едва слышно сказал полковник и снял каску.

Танкисты молча, с сухими горящими глазами наблюдали за последним боем товарищей. Кто был там, в этом пылающем танке? На вид все танки одинаковы. Имена героев узнают позже, когда экипажи вернутся с поля боя. Кто бы они ни были — они советские танкисты и умирают героями.

Минута… две… Долгие, тягостные. Может быть, откроется люк и покажутся люди? Нет, видимо, сейчас там идет особенно горячая схватка. И в танке знают, что для исхода боя важен каждый снаряд, который еще успеет выпустить их пушка.

Последний выстрел. Столб оранжевого пламени стал еще выше. Словно знамя, стелется он по темно-синему небу. Сквозь грохот и вой боя слышны глухие и частые разрывы. Это рвутся неизрасходованные боеприпасы. Там, в танке, все уже кончилось.

Вот так же, вероятно, погиб и сам Лизюков. Факт смерти Лизюкова был документально установлен: его подбитый танк нашли, и тело генерала было предано земле.

Работая над книгой, я подробно расспрашивал Михаила Ефимовича Катукова, ныне маршала бронетанковых войск, об обстоятельствах этих трагических событий — в тот день 1-й танковый корпус дрался рядом со 2-м танковым, которым в последние часы своей жизни командовал Лизюков, сменивший Лазарева, который принял командование 11-м корпусом.

— Мы наступали вместе, — сказал мне Катуков, — атаку корпуса Лизюкова поддерживало наше правое крыло, — тяжелая танковая бригада Юрова и 1-я гвардейская танковая. Честно говоря, атака эта была неудачна, она была проведена без должной подготовки и без необходимого прикрытия. Наши танки вспыхивали один за другим — больно было глядеть на поле боя. Погибали лучшие люди, а успеха мы не имели. В разгаре боя мне сообщили: «Танк Лизюкова подбит. Он остался на территории, занятой врагом». Ближе всего к этому участку находились наши гвардейцы. Я немедленно приказал им любой ценой прорваться туда и эвакуировать танк Лизюкова. С этой целью гвардейцы поставили

заградительный огонь, чтобы не подпустить гитлеровцев к подбитому танку, предприняли атаку и, взяв машину Лизюкова на буксир, вытащили ее с поля боя. Можно сказать, выхватили ее из самого пекла. В танке все были мертвы, в том числе и Лизюков.

Михаил Ефимович Катуков рассказал, что Лизюков и его товарищи были похоронены у села Верейка. Так, здесь, на исконной русской земле, неожиданно оборвался ратный путь одного из выдающихся ее сыновей, которому судьба наверняка готовила большую и славную военную карьеру.

Первой же акцией нового командующего Брянским фронтом К. К. Рокоссовского был приказ о прекращении наступления танковых частей на Землянском направлении и о переходе к обороне.

Войска Брянского фронта, в том числе и 1-й танковый корпус Катукова, прочно удерживали свои рубежи. Гитлеровцы на этом фронте не продвинулись больше ни на шаг.

Что же дальше?

С тех пор как отгремели бои западнее Воронежа, прошло много лет. История разобралась в действиях наших танковых сил на Брянском фронте, с присущей ей объективностью и прямотой сказала свое нелицеприятное слово о тех существенных недостатках, которые выявились в ходе этих боев, и о том новом, что внесли наши люди в броне в науку современной танковой войны.

В этих боях советские танкисты проходили суровую школу войны, отрабатывая в бою тактику и стратегию, накапливая боевой опыт и совершенствуя свое мастерство. Мастерство завоевывалось дорогой, порою очень дорогой ценой. Но зато каждый новый бой давал нашим танкистам больше, чем годы учебы в мирных условиях, и к концу танкового сражения, развернувшегося западнее Воронежа, генерал Катуков и его соратники были уже опытными мастерами своего дела, готовыми к массированным ударам по врагу, именно такие удары отныне становились главным направлением в их военной деятельности.

В Генеральном штабе и в Ставке Верховного Главнокомандующего внимательно следили за тем, как осваивают свою воинскую науку танковые корпуса.

Главнокомандующий сам не раз связывался со штабом фронта по прямому проводу, интересуясь тем, как действуют эти корпуса, и давая указания об их использовании.

Генерал армии М. И. Казаков в своей работе «На Воронежском направлении летом 1942 года» цитировал любопытные документы на сей счет. Уже в ночь на 30 июня Сталин диктовал по прямому проводу:

> «Нас беспокоят две вещи. Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-восточнее Тим. Мы считаемся с этой опасностью потому, что противник может при случае ударить по тылам 40-й армии и окружить наши части. Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам 13-й армии. В этом районе у вас будет действовать Катуков, но во втором эшелоне у Катукова нет сколько-нибудь серьезных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными и как вы думаете рассчитаться с ними?[37]»

Тогда же Сталин строго сказал:

> «Самое плохое и непозволительное в вашей работе состоит в отсутствии связи с армией Парсегова (40-я армия) и танковыми корпусами Мишулина и Баданова. Пока вы будете пренебрегать радиосвязью, у вас не будет никакой связи, и весь ваш фронт будет представлять неорганизованный сброд. Почему вы не

---

[37] «Военно-исторический журнал» № 10, 1964, стр. 34–35

связались с этими танковыми корпусами через Федоренко? Есть ли у вас связь с Федоренко?[38]»

1 июля начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский по поручению Сталина передавал командующему Брянским фронтом, что Ставка недовольна тем, что

«некоторые танковые корпуса перестали быть танковыми и перешли на методы боевых действий пехоты — примеры: Катуков вместо быстрого уничтожения пехоты противника в течение суток занимался окружением двух полков, и вы, по-видимому, это поощряете; второй пример с корпусом Павелкина — отход 119-й отдельной стрелковой бригады заставляет кричать командира танкового корпуса об обнажении его фланга. А где же танки? Разве так должны действовать танковые соединения?..[39]»

И так — изо дня в день…

Такое прямое вмешательство сверху, конечно, не всегда было эффективным; иной раз оно нарушало нормальное развитие военных действий, за которое нес ответственность штаб фронта. И все же подчеркнутый интерес Центра к использованию танковых соединений свидетельствовал о том, что в Москве с ними связывают далеко идущие расчеты. Именно танковые войска были призваны стать главной ударной силой Советской Армии, которая должна была в значительной мере решить исход войны.

Чем дальше, тем быстрее развертывалось производство танков, формировались новые и новые танковые соединения. Они становились все более мощными, и число их возрастало. И хотя после описанных мною трудных боев под Землянском в Москве приняли решение расформировать 5-ю танковую армию, как «слишком громоздкое объединение», сама жизнь всем ходом событий подсказывала, что именно танковым армиям принадлежит будущее.

В это твердо верил и Михаил Ефимович Катуков. Когда ранним июльским утром 1942 года мы расставались с ним — я должен был возвращаться в Москву, — он сказал мне, как-то сердито глядя в сторону, словно там сидел некий невидимый оппонент, с которым он полемизировал:

— Запомните хорошенько и зарубите на носу: Берлин возьмут штурмом танковые армии. Да-да, танковые армии. Конечно, они будут действовать не одни. Самый тяжелый труд выпадает на долю нашей великомученицы матушки-пехоты, она откроет нам путь.

Многое сделает и артиллерия. Еще больше — авиация. Но решающей силой будут танки. И они должны будут наносить массированные — именно массированные! — удары. Они пойдут целыми полчищами — по нескольку сот, может быть, по тысяче машин. Только так можно будет завоевать победу в этой проклятой войне. Такой вывод сделал из нынешних боев каждый здравомыслящий танкист, и я думаю, что с нами согласятся и в Ставке.

Помедлив, он добавил:

— Я надеюсь, когда мы встретимся с вами в следующий раз, у нас будет о чем поговорить на сей счет…

В середине августа 1942 года 1-й танковый корпус после боев западнее Воронежа, послуживших хорошей воинской школой для катуковцев, был выведен в резерв. К этому времени было ясно, что планы германского генерального штаба, связанные с этим районом театра военных действий, потерпели провал. После войны об этом достаточно откровенно заявил западногерманский военный историк, бывший командующий армией генерал Типпельскирх:

---

38 «Военно-исторический журнал» № 10, 1964, стр. 35

39 Там же, стр. 36–37

> «5 июля вторая армия подошла к Воронежу и двумя днями позже после ожесточенных боев захватила плацдарм на противоположном берегу Дона. Затем ей пришлось выдержать сильные контратаки русских с фронта и с северного фланга. Левое крыло наступающих немецких войск было уже остановлено ожесточенным наступлением русских, которые всеми силами стремились помешать продвижению немцев за Дон».

И хотя германское военное командование поспешило возвестить о победе, пишет Типпельскирх,

> «в действительности, в районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось».

Далее, в своей «Истории второй мировой войны» он снова подчеркивает:

> «Дальнейшее развертывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначальному плану должно было продвинуться через Воронеж на Саратов, застряло у Дона».

Что касается советской оценки этих военных событий, то вот она — я цитирую «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза»:

> «Хотя противнику и удалось добиться некоторого территориального успеха, осуществить план окружения и разгрома советских войск на Воронежском направлении он все-таки не смог. Войска Брянского фронта во взаимодействии с подошедшими стратегическими резервами остановили дальнейшее продвижение врага, своими контрударами втянули в затяжные бои значительные силы противника и лишили их возможности принять участие в развитии наступления вдоль Дона на юг».

В решение этой большой и важной задачи внес свой вклад вместе со всеми танковыми войсками Брянского фронта и 1-й танковый корпус, которым командовал генерал Катуков. И действия его не остались незамеченными в Ставке Верховного Главнокомандования. Вскоре после вывода 1-го танкового корпуса в резерв его командира вызвали в Москву к Верховному Главнокомандующему.

Сталин давно следил за действиями катуковцев, начиная с подмосковных боев. Он даже связывался с Катуковым по телефону. В дни боев западнее Воронежа в своих разговорах по прямому проводу с командованием Брянского фронта Сталин не раз интересовался судьбой 1-го танкового корпуса и делал замечания в его адрес, подчас одобрительные, подчас критические, но всегда проникнутые доброжелательностью. Он поверил в этого командира с той трудной поры, когда бригада Катукова, взаимодействуя с другими частями, остановила танки Гудериана на подступах к Москве и заставила немецкое командование уважать советских танкистов и бояться их.

Теперь Сталин хотел поближе познакомиться с Катуковым и узнать его мнение о том, как лучше использовать танки в предстоящих боях. Он принял командира 1-го танкового корпуса на своей подмосковной даче, которую называли «ближней»: она находилась в небольшом лесочке по Можайскому шоссе, не доезжая Кунцева. Попросил Катукова рассказать, как он воюет, как идут дела в войсках, как показывают себя в бою наши танки.

Катуков говорил откровенно и прямо: танки Т-34 очень хороши. С ними можно дойти до Берлина, а вот КВ и легкие танки Т-60 и Т-70 танкисты недолюбливают. КВ, хотя и обладает отличной броней, в бою уязвим: тяжел, медлителен, неповоротлив, препятствия одолевает с трудом. А пушка у него такая же, как и у «тридцатьчетверки», значит, ущерба врагу КВ принесет не больше, чем маневренный и быстроходный Т-34. Что касается легких

танков, то они не способны наносить существенного ущерба вражеским танкам — слишком слаба их пушка. Калибр этой пушки всего 45 миллиметров. К тому же и проходимость у этих танков слаба — они то и дело застревают и в грязи, и в снегу. Одна беда с ними.

Сталин слушал Катукова заинтересованно, хотя то, что говорил генерал, ему явно не нравилось. Сам он считал КВ наилучшим, наиболее надежным танком, по душе ему пришлись и быстрые, верткие Т-60 и Т-70. Но ведь он не видел их на поле боя, а показатели, которые машина дает на полигоне, не те, конечно, какие она может дать в сражении…

Катуков чувствовал себя неловко. Он, как и все мы, был воспитан в духе абсолютной веры в непогрешимость Сталина — вождь ошибаться не может. И все же, когда Верховный Главнокомандующий, вновь и вновь возвращаясь к КВ и легким танкам, начинал расхваливать их, Катуков упрямо повторял свое:

— Нет, Иосиф Виссарионович, в бою они показали себя неважно. Спросите любого танкиста — каждый предпочитает «тридцатьчетверку».

Сталин недовольно, но с интересом поглядывал на упорного генерала: возражать ему осмеливались немногие. Может быть, именно это упорство и привлекло его. Оставив в стороне тему о КВ и легких танках, он начал расспрашивать Катукова о том, что, по его мнению, мешает танкистам воевать лучше, чем они воевали до сих пор. Генерал сказал, что пора всерьез подумать о радиосвязи между танками на поле боя. Пока что походными радиостанциями снабжены лишь танки командиров, да и то далеко не все. В результате рядовой командир танка в бою остается предоставленным самому себе. Снижается способность танковых частей к маневру, возникает разнобой в действиях. Да что там радиостанции, даже с простой телефонной связью на фронте подчас неважно, провода — и того не хватает.

Главнокомандующему, видимо, уже жаловались на это, и он сказал, что дело со связью будет поправлено. Потом Сталин вдруг спросил, как проходит награждение отличившихся в бою. И опять Катукову пришлось сказать неприятную для начальства правду: очень сложна процедура награждения. Пока все документы дойдут до Москвы, пока будет принят Указ Верховного Совета о награждении да пока пришлют на фронт ордена, пройдет много времени. А там, глядишь, и вручать-то эти ордена некому: один герой погиб, другой ранен и вывезен в госпиталь, третий выбыл в другую часть. Вот если бы право награждения было предоставлено командирам воинских объединений, отличившийся в бою сразу получал бы высокое поощрение, и это поднимало бы дух у бойцов.

Сталин задумался и помрачнел. Катуков почувствовал себя неловко: уж не подумал ли Главнокомандующий, что генерал проявляет нескромность, хочет присвоить право раздавать награды, которое принадлежит Президиуму Верховного Совета? От сердца отлегло у него лишь впоследствии, когда было опубликовано решение, которым награждение солдат и офицеров, отличавшихся на поле боя, поручалось Военным советам фронтов и командирам воинских соединений…

Верховный Главнокомандующий беседовал с Катуковым долго. Речь шла о многих военно-технических и военно-политических вопросах. Сталин исподволь прощупывал своего собеседника, присматриваясь к нему и взвешивая, чего он стоит. Катуков плохо представлял себе, куда клонит Главнокомандующий и зачем, собственно, он его пригласил. И вдруг Сталин спокойно сказал:

— Так вот, Катуков, ты будешь теперь командовать третьим механизированным корпусом. Это будет хозяйство посильнее твоего Первого танкового. А воевать придется в Калининской области.

У Катукова екнуло сердце. Значит, его работа оценена неплохо. Но как расстаться со своим корпусом, с боевыми товарищами? И он буквально взмолился: нельзя ли взять с собою хотя бы некоторые свои части и уж во всяком случае хотя бы родную 1-ю гвардейскую бригаду…

Сталин усмехнулся и попросил Катукова написать на бумажке номера бригад его корпуса. Он перечислил все части, кроме тяжелой танковой бригады, в которую входили

танки КВ. Сталин еще раз настороженно спросил: «Значит, не любишь КВ?» — «Им будет трудно маневрировать в Калининской области, — нашелся Катуков. — Там болота». Сталин пожал плечами и позвонил по телефону начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому — предложил ему перебросить в район, где формировался 3-й механизированный корпус, бригады, номера которых записал Катуков, а 1-му танковому передать другие… Командование 1-м танковым корпусом принял генерал-лейтенант В. В. Бутков.

* * *

3-й механизированный корпус спешно создавался в районе Калинина. Одновременно формировались еще два таких же корпуса — 1-й и 2-й. Все они предназначались для действий на Калининском фронте. Это были мощные «хозяйства», как тогда выражались на фронте. Кроме 1-й гвардейской и 49-й танковых бригад (ими командовали полковник, будущий Герой Советского Союза, Горелов и полковник Черниенко) и 1-й механизированной бригады полковника, будущего Героя Советского Союза, Липатенкова, взятых из 1-го танкового корпуса, Катуков получил в свое распоряжение еще две механизированные бригады — 3-ю и 10-ю. Третьей механизированной бригадой командовал подполковник Бабаджанян, молодой, темпераментный танкист, который впоследствии стал командиром танкового корпуса, заслужил звание Героя Советского Союза и под руководством Катукова проделал весь путь до Берлина,[40]10-й механизированной бригадой командовал полковник Яковлев. Военным комиссаром корпуса был назначен опытный политработник II. К. Попель, живой, энергичный, краснощекий украинец, начинавший войну неподалеку от Катукова; он был тогда комиссаром 8-го танкового корпуса, в состав которого входила та самая 15-я дивизия, что начала бои в районе Станислава, ее танкисты вошли в состав сначала 4-й танковой, а потом 1-й гвардейской бригады.

Попель часто бывал в ту пору в 15-й танковой дивизии и хорошо знал ее людей. Теперь он вновь встретился со своими старыми знакомыми Александром Бурдой, Павлом Заскалько и другими.

Новые, отлично вооруженные механизированные корпуса приняли свое боевое крещение в ноябре — декабре 1942 года. Корпус Катукова вел то наступательные, то оборонительные бои в составе 22-й армии, которой командовал генерал-лейтенант В. Р. Юшкевич, в районе между городами Белый и Нелидово.

На беду, зима в этом районе фронта долго не могла собраться с силами. Снег таял, танки вязли в липкой, холодной грязи. Танковые войска утрачивали главное преимущество — подвижность. И все же эти бои имели важное значение: они отвлекали на себя крупные силы гитлеровцев, осложняя тем самым положение вермахта, который терпел поражения на Волге и на Кавказе.

В те дни Катуков познакомился с одним из интереснейших военных деятелей фронта — умным и трудолюбивым генерал-майором Михаилом Алексеевичем Шалиным. Этот блестяще образованный генерал работал в свое время военным атташе в Токио. Теперь он был начальником штаба 22-й армии. Никто не знал, когда он спит, — в любое время дня и ночи Михаила Алексеевича можно было увидеть либо за оперативной картой, либо где-нибудь в войсках, на рекогносцировке, либо на каком-нибудь совещании. Потирая ладонью свою гладко выбритую голову, он как бы пытался прогнать усталость и мягко возражал командующему, когда тот увещевал его отдохнуть хотя бы часок:

— Позвольте мне сначала закончить некоторые дела…

Шалин был, как говорилось в старину, генералом от инфантерии — он водил пехотные войска. Но, будучи человеком дальновидным и глядя на вещи по-современному, Михаил Алексеевич глубоко вникал во все детали сложной армейской машины, и особенно его

---

40 В октябре 1967 года тов. А. Х. Бабаджаняну было присвоено звание Маршала бронетанковых войск.

интересовали танковые войска. На этой почве Катуков сблизился с ним.

И когда несколько месяцев спустя Сталин вновь вызвал Катукова и предложил ему возглавить 1-ю танковую армию, в которую должен был войти и его 3-й механизированный корпус, а с ним и его неразлучные 1-я гвардейская и 49-я танковая бригады, он упросил назначить начальником штаба этой армии именно Михаила Алексеевича Шалина.

Так они и провоевали всю войну втроем: командарм Катуков, член Военного совета Попель и начальник штаба армии Шалин.

Но история о том, как создавалась эта поистине замечательная армия и как она воевала, заслуживает особого разговора, и мы к ней вернемся в следующем разделе этой книги.

На Курской дуге. 1943

Перед битвой

Однажды, копаясь в своем фронтовом архиве, я вдруг обнаружил груду документов не совсем обычного характера: это старые телеграфные ленты, на которых были записаны мои корреспонденции, продиктованные армейским связисткам, что называется, с пылу с жару в дни ожесточеннейших битв на Курской дуге летом 1943 года. Я снова был тогда среди танкистов Катукова, но теперь это была уже не бригада и не корпус — армия. Мощная, современная, вооруженная наилучшей техникой и укомплектованная опытными, прошедшими большую школу воинского мастерства людьми.

Согласно данным, приведенным в коллективном научном труде «Советские танковые войска. 1941–1945», к июлю 1943 года в нашей действующей армии насчитывалось 9580 танков и самоходно-артиллерийских установок, имевших на вооружении орудия 76-, 122- и 152-миллиметрового калибра. Организационно они были сведены в танковые армии, танковые и механизированные корпуса, танковые бригады, танковые и самоходно-артиллерийские полки. К началу Курской битвы Красная Армия имела уже пять танковых армий. Наряду с количественным ростом улучшилось и качество нашей бронетанковой техники.

По всему чувствовалось, что танкистам предстоит сыграть немаловажную роль в предстоящих боях, — в воздухе было разлито ожидание новых, больших и грозных событий. Вот почему, когда в один из июньских дней 1943 года мне доставили маленький конвертик, в котором лежало набросанное острым характерным почерком генерала приглашение «наведаться в гости», я оставил все дела в редакции и умчался туда, где стояли катуковцы.

Мне было известно, что 1-я танковая армия М. Е. Катукова — теперь он уже был генерал-лейтенантом — создана по постановлению Государственного Комитета Обороны еще в январе 1943 года, — его тогда снова Сталин вызывал в Кремль. Сформировалась она быстро. В состав армии вошли 3-й механизированный корпус, которым Катуков командовал на Калининском фронте, — теперь его принял генерал-майор С. М. Кривошеин, 6-й танковый корпус генерал-майора А. Л. Гетмана, отдельная танковая бригада, четыре отдельных танковых полка, две воздушно-десантные дивизии, шесть лыжнострелковых бригад, артиллерийские, инженерные части, полк связи и т. д.

Вначале имелось в виду использовать это мощное соединение на Северо-Западном фронте — вместе с армией генерал-лейтенанта Ф. И. Толбухина оно должно было в составе особой группы войск генерала М. С. Хозина участвовать в задуманной Ставкой грандиозной операции: наши армии готовились отрезать и окружить мощную группировку гитлеровских войск, стоявших у стен Ленинграда. Однако в 1943 году наступила необычно ранняя весна, использовать танки в болотистой местности северо-запада было немыслимо, и операцию отменили.

В конце февраля 1-я танковая армия была снята с Северо-Западного фронта и переброшена на юг, в район Обояни. Теперь ее структура была существенно видоизменена.

Воздушно-десантные дивизии и лыжнострелковые бригады ушли. В конце мая началось формирование еще одного танкового корпуса в составе армии Катукова — 31-го. В его состав вошли три танковых бригады, причем две из них по инициативе Катукова были созданы на базе отдельных танковых полков, которые влились в армию у Осташкова. Этот новый корпус возглавил командовавший ранее 49-й танковой бригадой Черниенко, а его сменил на посту командира бригады Александр Федорович Бурда — теперь он уже имел звание подполковника.

Согласно данным, опубликованным в книге А. Х. Бабаджаняна, И. К. Попеля, М. А. Шалина, И. М. Кравченко «Люки открыли в Берлине», в армии насчитывалось в то время 646 танков, 430 орудий и минометов, 56 реактивных установок БМ-8 и БМ-13 и несколько тысяч автомашин. Эта боевая техника находилась в руках опытных, хорошо обученных солдат и офицеров. К началу Курской битвы в армии были 8451 член и кандидат партии, 9821 комсомолец.

Судя по всему, такое мощное соединение, каким являлась 1-я танковая армия, перебросили в район Обояни неспроста — здесь надо было ждать крупных событий. И вот мы вдвоем с фотокорреспондентом Борисом Фишманом снова катим на юг по старой елецкой дороге, так хорошо памятной по минувшему году.

Прошлогодняя линия фронта: полуразвалившиеся линии земляных сооружений, колья, проволока… То, что в бою казалось таким неприступным и таинственным, выглядит сейчас совсем непрезентабельно. А сколько крови тут было пролито!.. Еще несколько десятков километров. Наконец-то целые, нетронутые деревни, отсюда гитлеровцы бежали опрометью, не успев ничего ни взорвать, ни сжечь. Следы нашествия: мальчишка-пастух в пиджаке, перешитом из офицерского зеленого мундира с бархатным воротником; пивные кружки в колхозной столовой с надписью по-немецки «Bavaria, 1942»; зарядные ящики в канаве. На окраине деревни — девчата, проходящие всевобуч; хромой лейтенант из райвоенкомата показывает им ружейные приемы.

Чем ближе к переднему краю, тем ощутимее жаркое, учащенное дыхание войны, хотя на фронте все еще длится затишье. Деревни и лесочки вокруг забиты солдатами и машинами. Ощущение такое, словно ты склоняешься над шахматной доской — только что была сыграна долгая и трудная партия, смешаны фигуры, и сейчас начнется новая игра на тех же самых клетках. Но какая это трудная и жестокая игра!

К катуковцам мы добрались в первых числах июля. Стояли пасмурные дни с дождинкой; дороги то раскисали, то подсыхали. Танкисты спрятались южнее Обояни, в густых рощах, живописно разбросанных вокруг маленького поселка Ивня, некогда составлявшего собственность царского министра, немца Клейнмихеля.

Своих старых друзей-гвардейцев я разыскал в тенистом лесу. Грозные боевые машины были тщательно вкопаны в землю. Рядом с ними чернели солидные блиндажи, в которых жили танкисты. Дорожки были посыпаны песком, повсюду были разбиты клумбы с цветами. На полянке взлетал к небу волейбольный мяч, сшитый и склеенный из старых противогазов. Волейбольную сетку заменяла маскировочная сеть. Игра шла в большом темпе, «Черные буйволы» — танкисты вели матч против «Голубой ленты» — команды мотострелков. В читальне танкисты мирно шелестели газетами. Из офицерского клуба доносились звуки рояля.

Неподалеку от этих мест расположились войска входящего в армию Катукова 6-го танкового корпуса, которым командовал генерал А. Л. Гетман, опытный водитель бронетанковых войск, служивший до войны на Дальнем Востоке. Между прочим, осенью 1941 года под Москвой Гетман и Катуков воевали почти что рядом, хотя и не были тогда знакомы — Михаил Ефимович сражался под Орлом, а Андрей Лаврентьевич — западнее Серпухова.

В ту пору А. Л. Гетман командовал 112-й танковой дивизией, сформированной в начале войны; ядро ее составляли части 2-й отдельной механизированной бригады, отличившейся еще в боях с японскими захватчиками в районе озера Хасан; ранее Андрей Лаврентьевич

служил заместителем командира этой бригады. В состав вновь сформированной дивизии вошли две танковых, один мотострелковый и один артиллерийский полк с тремя подразделениями.

112-я танковая дивизия прошла боевое крещение под Москвой в самый тяжкий период войны. Воевать было трудно — на ее вооружении были главным образом легкие танки — около сотни Т-26 и один-единственный батальон тяжелых машин КВ. Знаменитые «тридцатьчетверки» стали прибывать лишь позднее. Тем не менее танкисты Гетмана сражались доблестно — и в оборонительных, и в наступательных боях под Москвой. Между прочим, они активно участвовали в боях за освобождение Косой Горы, Щекино, Ясной Поляны, а затем и Калуги. Дивизия была награждена за эти боевые успехи орденом Красного Знамени.

22 апреля 1942 года был подписан приказ о формировании 6-го танкового корпуса, командовать которым было поручено А. Л. Гетману. В него вошли три танковых и одна мотострелковая бригада. Шефство над корпусом принял Московский комсомол.

Летом, осенью и зимой 1942 года корпус А. Л. Гетмана активно участвовал в боях на Западном фронте, в частности под Ржевом и Сычевкой, а в феврале 1943 года он был доукомплектован личным составом и материальной частью и вскоре его включили в состав только что созданной 1-й танковой армии Катукова.

Теперь 6-й танковый корпус был грозной силой. Его солдаты и офицеры приобрели большой боевой опыт. Четыре пятых танков составляли прекрасно показавшие себя на фронте «тридцатьчетверки». Бригады возглавляли опытные командиры.

Во главе 112-й танковой бригады, которая была создана в январе 1942 года на основе частей, входивших в состав 112-й танковой дивизии, стоял теперь полковник М. И. Леонов, старый соратник Гетмана: они служили вместе на Дальнем Востоке, а затем Леонов был у Гетмана начальником штаба в дни битв в Подмосковье. Теперь эта бригада именовалась «Революционная Монголия». В январе 1943 года в ней побывала делегация Монгольской Народной Республики во главе с премьер-министром маршалом Чойбалсаном. Монгольская Народная Республика шефствовала над бригадой Леонова, и маршал Чойбалсан передал ей танки, приобретенные на средства, собранные монгольскими трудящимися.

Комсомольские работники 6-го танкового корпуса рассказали мне, что Московская комсомольская организация поддерживает активную повседневную связь с ними. В политотделе бережно сохранялось переходящее знамя МК и МГК ВЛКСМ с надписью: «Смерть немецким захватчикам! За боевые успехи в борьбе с немецкими захватчиками». А танковые экипажи соревновались за получение учрежденного Центральным Комитетом комсомола переходящего вымпела.

Настроение в корпусе Гетмана было такое же боевое, как и в других частях армии…

Генерала Катукова я нашел в соседней деревне в районе Ивни. Поведение его могло показаться странным. Он сидел, свесив ноги, на краю заросшего сочной травой оврага, окруженный двумя десятками вихрастых веснушчатых мальчуганов, глядевших во все глаза на его ордена, среди которых сверкали бриллианты английского креста, и серьезно разъяснял своим собеседникам, что у детей, которые ленятся мыть ноги, вырастают на ногах перья. Один из его юных друзей опасливо и сокрушенно ощупывал свои лодыжки. На траве лежали огромные букеты — генерал с ребятами только что вернулся с прогулки в поле.

— Вот за этим вы и пригласили меня сюда? — спросил я, показывая на букеты, которые поволок с собой генерал, когда мы направились в занятую им избу.

— О, не только это! Здесь прекрасная рыбная ловля. Чудесно можно отдохнуть. — В серых глазах генерала вспыхнули лукавые искорки. Сняв фуражку и проведя рукой по коротко стриженным волосам, в которых уже поблескивала седина, Катуков добавил: — Ведь вам, горожанам, полезен свежий воздух…

— Но ведь должна же, черт возьми, когда-нибудь возобновиться большая битва! Неужели вы думаете, что вашим молодцам придется век прожить в этих дачных поселках?

— Поживем — увидим, — сказал генерал, — А впрочем, надо полагать, воевать все же

начнем.

— Когда? — сорвалось у меня.

— Может быть, завтра, — ответил генерал, и в глазах его снова блеснуло лукавство.

По опыту я знал, что расспрашивать его о военных планах; бесполезно, и мы перевели разговор на нейтральные темы. После обеда 15 июля он пригласил меня в свой походный кинотеатр. Крутили старую, но вечно волнующую ленту «Выборгская сторона» — о том, как один из наших любимых киногероев Максим участвует в битве за Октябрь. В маленькой избе было тесно и немного душно. Окна были завешаны домоткаными холстами, в темноте алели огоньки папирос генералов из штаба Катукова.

Фильм подходил к концу. На экране был Максим. Он держал речь к своим солдатам: «Революция в опасности, товарищи! Сегодня немцы перешли в наступление!»

И тут произошло нечто такое, что случается только в романах. В избу воспел начальник разведывательного отдела подполковник А. М. Соболев. В задних рядах произошло движение. Аппарат внезапно умолк, и вспыхнул яркий электрический свет. Офицер подошел к Катукову, нагнулся к нему и что-то прошептал. Воцарилась напряженная тишина, и я вдруг услышал отдаленный ровный рокот, похожий на шум работающего гигантского завода. Этот рокот был отлично знаком мне по 1941–1942 годам — где-то там, в нескольких десятках километров от штаба генерала, разгорался бой.

Прерванный сеанс не возобновился. Катуков встал и вышел. Его смуглое лицо было, как всегда, спокойно. Прощаясь, он сказал:

— Как видите, я вас не обманул. Завтра или послезавтра вы сможете передать в Москву очень интересную корреспонденцию.

Через полчаса несколько автомобилей с погашенными фарами ушли из деревни по глухому проселку на юг. Как выяснилось впоследствии, Катуков с группой офицеров штаба выехал на командный пункт 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова.

Что же произошло? Оказывается, еще накануне вечером передовые отряды гитлеровских войск, готовя наступление, предприняли попытку сбить боевое охранение нашей пехоты и выйти к переднему краю главной полосы нашей обороны. Им это не удалось. В 22 часа 30 минут наша артиллерия провела мощную контрподготовку. Утром к этому прибавилось наше авиационное наступление — в бой вступила воздушная армия Красовского. Этот упреждающий удар нанес противнику немалый ущерб, но приказ Гитлера о переходе в наступление уже вступил в силу, и утром 5 июля мощные вражеские группировки ринулись в атаки, нанося удары с севера и юга, — началась величайшая в истории битва. И вот теперь командующий фронтом генерал И. Ф. Ватутин приказал Катукову, вызвав его к телефонному аппарату: «Действуйте по варианту номер три».

В соответствии с этим вариантом, Катуков должен был к 24 часам 5 июля 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса выдвинуть на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии и прочно занять оборону на рубеже Меловое — Раково — Шепелевка — Алексеевка — Яковлево, а 31-й танковый корпус расположить во втором эшелоне.

Гитлер связывал с наступлением вермахта на Курской дуге, которое готовилось долго и тщательно, далеко идущие расчеты. Эта операция, получившая наименование «Цитадель», планировалась германским генеральным штабом как «концентрическое наступление» с целью окружить войска Центрального и Воронежского фронтов на пятый день боев. Далее предполагалось развернуть наступление в тыл нашему Юго-Западному фронту, находившемуся в Донбассе, и провести новую операцию под названием «Пантера».

Не исключалась возможность и дальнейшего удара на северо-восток с выходом в глубокий тыл центральной группировки наших войск и созданием угрозы Москве.

> «Этому наступлению придается решающее значение, — говорилось в секретном приказе № 6 Гитлера, подписанном еще 15 апреля 1943 года. — Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом… На направлении главных ударов должны… быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Победа под Курском

должна явиться факелом для всего мира».[41]

Для нас, военных корреспондентов, как и для всех, наступила жаркая пора. Был утрачен счет дням и часам. И когда мы к ночи добирались к армейскому узлу связи, упрятанному где-нибудь в лесистом овраге, и, приподняв плащ-палатку, заменявшую дверь, входили в сплетенный из прутьев шалаш, где стрекотали телеграфные аппараты, было уже не до литературной шлифовки накопленных за день впечатлений. Запыленные, усталые корреспонденты садились прямо к аппарату и диктовали свои статьи таким же усталым телеграфисткам, пальцы которых с удивительной быстротой мелькали по клавишам «бодо».

И вот теперь, много лет спустя, я снова держу в руках эти телеграфные ленты с пометками, сделанными условным кодом: «Из Грозы 5/7–43. 23.52. Рудник — Комс. правда».

Это значит: телеграмма отправлена из 1-й танковой армии в Москву пятого июля 1943 года, без восьми минут полночь. И дальше сдержанный, но многозначительный для посвященных людей текст, направленный к сведению редакции: вынужден переключиться новую тематику тчк телеграммы адресуйте на старый адрес тчк приведите готовность высланные ранее снимки сделанные частях известного вам командира тчк сейчас буду диктовать оперативный репортаж важного значения тчк форсируйте выезд еще нескольких корреспондентов…

Эти старые телеграфные ленты, сохранившие живые, непосредственные впечатления военного корреспондента, которому посчастливилось в нужный момент оказаться в нужном месте, возможно, представят интерес для читателей, желающих взглянуть глазами очевидца на великие события тех дней, ставшие уже достоянием истории и вошедшие в учебники.

Третье лето

6 июля, 7 часов 10 минут

К сведению редакции. Как я уже сообщил вчера, события развертываются бурно. Постараюсь информировать вас оперативно.

Немцы ввели в бой с юга и с севера тысячи танков. Здесь их пока держат. Вчера получили боевой приказ танкисты. Сегодня с утра они уже воюют. Сейчас еду к ним. Собранный материал передам завтра размером на подвал. Сегодня можете опубликовать корреспонденцию, которую сейчас начну диктовать. Думаю, что она явится полезным дополнением к сводке Совинформбюро, если сегодня будет сообщено о начале крупных битв на Курской дуге.

Даю текст корреспонденции…

Третье военное лето… Запах поспевающей пшеницы раздражает обоняние гитлеровцев, лишает их покоя. Июль — пора их военного бешенства.[42] Все, что было накоплено за долгие месяцы в военных арсеналах, все, что было вымуштровано в казармах, сейчас сразу швыряется на зеленое поле: пан или пропал! Густыми зелеными тучами вслед за фыркающими, плюющимися горячим металлом машинами эта голодная саранча прет, не

---

[41] «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М., Политиздат, 1973, стр. 194.

[42] 5 июля противник, перейдя в общее наступление, неоднократно предпринимал атаки, каждый раз при поддержке от 50 до 200 танков. Однако наши войска стояли насмерть. Лишь в центре обороны 6-й гвардейской армии гитлеровцам удалось вклиниться на 4–6 километров. В полосе обороны 7-й гвардейской армии они смогли, пользуясь превосходством в силах, форсировать Северный Донец и овладеть небольшим плацдармом на левом берегу реки.

Командование Воронежского фронта в целях укрепления обороны на направлении главного удара противника в ночь на 6 июля выдвинуло на вторую оборонительную полосу 1-ю танковую армию, а также отдельные 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса.

рассуждая, на восток. У нее нет памяти, поэтому всякий раз все начинается сначала, но всякий раз иначе, нежели в предыдущее лето.

Дело даже не в километрах, хотя и спидометры машин достаточно красноречиво свидетельствуют о существенном различии второго лета от первого и третьего от второго. Дело и не во времени, хотя календарь напоминает: 5 июля 1941 года гитлеровцы вели бои западнее Орши и уже нацеливали свой удар на Смоленск; 5 июля 1942 года были под Воронежем, а 5 июля 1943 года они копошатся там, куда отшвырнула их Красная Армия минувшей зимой. Дело в людях, дело в том, что наше третье лето застает нашу армию в расцвете сил.

Четвертого июля мы были у наших старых друзей-танкистов.[43]

В глубоком овраге, густо заросшем цветущими липами и ветвистым дубняком, притаились врытые в землю грозные машины. Их было много. В отлично оборудованных блиндажах, сооруженных рядом с танками, бодрствовали хорошо знакомые нашим читателям люди — о подвигах этих танкистов мы писали не раз и в 1941 и в 1942 годах; они били немцев и под Москвой, и под Воронежем, и во многих других местах. На груди большинства из них мерцали золотом ордена и нашивки в память о ранениях. Погоны их сверкали командирскими звездочками.

Только что кончилось большое учение. Люди читали книги, играли в шахматы, напевали песни.

Учение показало: надо десять секунд для того, чтобы экипажи сели по машинам, и десять минут для того, чтобы вся эта грозная махина пришла в движение. В танках был уложен полный комплект снарядов и патронов, были установлены дополнительные бачки с горючим, — штаб танкистов уже знал, что по дорогам с юга движутся готовящиеся к наступлению гитлеровские войска. Значит, скоро бой…

Линия переднего края фронта пролегла неподалеку — за холмами, поросшими реденькими степными рощами. Прежде чем попасть к танкистам, мы проехали многие десятки километров и всюду видели то же самое: одна линия укреплений за другой, и всюду: в блиндажах, окопах, оврагах, лесочках люди и машины, ожидающие приказа.

Гитлеровцы давно планировали наступление. Их танковые корпуса несколько раз выходили на исходные рубежи, и наша пехота уже слышала их трубный рев, но в самую последнюю минуту рука германского военачальника отдергивалась, словно обжегшись о карту, и снова воцарялась гнетущая тишина.

Мы сидели в блиндаже танкиста Александра Бурды[44] и перебирали в памяти

---

[43] Речь идет о 1-й гвардейской танковой бригаде. В ее составе все еще было немало людей, начавших войну 22 июня 1941 года в Станиславе, в рядах 15-й танковой дивизии. Но многие ветераны уже отдали свою жизнь в боях, и танкисты свято сохраняли память о них. В списки бригады были зачислены навечно старший лейтенант Лавриненко, уничтоживший 52 гитлеровских танка; Герой Советского Союза младший лейтенант Любушкин (на его боевом счету было 15 танков); капитан Самохин (18 танков); лейтенант Луговой (13 танков); старший сержант Молчанов (7 танков); посмертно представленный к званию Героя Советского Союза старший лейтенант Рахметов (11 танков)… Люди в бригаде росли очень быстро. За год боев 23 младших командира стали офицерами. С тех пор как мы расстались на Брянском фронте, бывший старший сержант Иван Петрович Кульдин стал старшим лейтенантом, заработал в бою два ордена, был назначен командиром танковой роты; бывший механик-водитель старшина Соломянников, воевавший под командованием сначала Лавриненко, а потом Самохина, теперь стал старшим техником-лейтенантом, помощником командира роты по технической части; бывший механик-водитель старшина Сафонов, ходивший в бой под командованием Любушкина, теперь был помощником командира батальона, и так без конца…

[44] С тех пор как мы расстались с Александром Бурдой в трудный день боя в Юдине на Брянском фронте, он прошел немалый боевой путь. Вскоре после той встречи в жарком бою у села Каверья Бурда был ранен в глаз, и батальон у него принял временно старый боевой друг — Заскалько. Лечили Бурду в Липецке; из глаза вынули восемь осколков триплекса и окалины. После выздоровления Александр Бурда вернулся к Катукову, который в это время воевал уже на Калининском фронте, командуя 3-м механизированным корпусом. Ему было поручено командование танковым полком, и воевал он на Оленинском направлении — бои начались 5 декабря 1942 года и длились до февраля. Бои трудные: гитлеровцы успели возвести мощные укрепления, было у них много

минувшие кампании, вспоминали знакомых, друзей,

с которыми сталкивала нас судьба на дорогах войны. Блиндаж у Бурды просторный, из двух отсеков, похожих на комнаты. Топится печь — сегодня прохладный вечер, горит электрический свет. На столике скатерть, на стене зеркало. В снарядном стакане — букет полевых цветов. На войне складывается свой быт и свой уют. Война-то долгая…

Коренастый русый командир с узенькими щелочками хитроватых глаз считает по пальцам машины, на борту которых ему довелось воевать: три танка сгорели под ним, шесть танков взорвались.

— А мы вот воюем и воюем, — говорит Бурда. — Мой башенный стрелок помните его? — Стороженко, он ведь теперь танковой ротой командует, носит два ордена, и на счету у него одного двадцать три немецких танка, не считая пушек и прочей дряни…

Он умолкает. Через приоткрытую дверь доносится песня.

— Как в мирное время, — улыбается вдруг Бурда. — А тем временем все учимся и готовимся. Опыта сейчас у нас прибавилось — нынче не сорок первый год, — а все-таки учиться надо. Ведь нам до Берлина еще далеко… — И он в сотый раз склоняется над картой, на которой синими линиями нанесено расположение гитлеровских танковых дивизий. Их много, и они стоят совсем рядом.

Видимо, не случайно Гитлер перебрасывает именно на этот участок свои лучшие войска, вооруженные новейшей техникой. Здесь находятся сейчас 2-й танковый корпус СС обергруппенфюрера Хауссера в составе хорошо известных танковых дивизий «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» и «Райх», воевавший под Сталинградом; 48-й танковый корпус, в который входят две танковые, две пехотные дивизии; моторизованная дивизия «Великая Германия»; еще одна танковая дивизия, номер которой пока не установлен; десяток пехотных и одна механизированная дивизия. Общая численность этой группировки — около тысячи пятисот танков, 2500 орудий и минометов и более четверти миллиона солдат и офицеров.[45]

— И все-таки это не 1941 год, — упрямо повторяет Бурда, тряхнув головой.

Мы вышли из блиндажа, прошлись по дорожке, вьющейся по дну заросшего лесом оврага. Командиры подразделений, вырастая словно из-под земли, лихо рапортовали командиру бригады. При некотором напряжении зрения можно было разглядеть в двух-трех шагах силуэты укрытых зеленью мощных танков, щупающих воздух стволами орудий.

Вдруг послышался грозный нарастающий рев авиамоторов, и над лесом молнией мелькнули острокрылые истребители.

— «Лавочкин-пять», — определил Бурда. — Ох, и дают же они жизни фашистам!.. Сегодня тут они сто десятого (немецкий двухместный истребитель, обладавший мощным по тем временам вооружением. — Ю. Ж.) сшибли. Только он сунулся — двое наших выскочили из засады, и — будь здоров. Вон там сгорел…

Истребители мчались к переднему краю большими группами. Командиры танкистов провожали их пытливыми взорами: когда сразу устремляется в одном направлении столько истребителей, это неспроста. И действительно, уже через несколько минут с переднего края отчетливо донеслась канонада, загрохотали разрывы бомб.

самоходной артиллерии. Местность и погодные условия не содействовали использованию танков. В одном из боев — под Старосельем — Бурда снова был ранен. Но полк свою задачу выполнил. 50 человек были награждены. И вот теперь он уже подполковник, командует 49-й танковой бригадой.

[45] По уточненным данным, гитлеровцы сосредоточили против Воронежского фронта девять танковых и моторизованных дивизий. Свой удар по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник нанес в первый день наступления силами 2-го танкового корпуса СС, 3-го танкового корпуса, 48-го танкового корпуса, 52-го армейского корпуса и части корпуса «Раус». Всего для осуществления операции «Цитадель» противник привлек 50 отборных дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных), насчитывавших до 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков и штурмовых орудий, более 2 тысяч самолетов («Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М., Политиздат, 1973, стр. 195).

Бурда тихо сказал:

— Ну, кажется, скоро начнется…

Это еще не было началом генерального боя — он развернулся только наутро, но уже с вечера четвертого июля гитлеровцы ввели в действие солидные силы. Они попытались форсировать Северный Донец одновременно на ряде участков группами по 15–20 танков, поддержанными усиленными батальонами пехоты. Это была разведка боем.

План действия гитлеровского командования был известен заранее: удар на Курск и в обход Курска с юга и с севера. Поэтому немецкие атаки были встречены хладнокровно и уверенно. Недаром за эти месяцы в наших войсках много раз проводились учения, решались тактические задачи применительно к обстановке предстоящего сражения.

Огневая стена заслонила берега Северного Донца. Заранее пристрелянные рубежи накрыты дождем снарядов и мин. Командиры и бойцы с медалями на груди за Сталинград многое пережили и испытали минувшим летом, и теперь они встречали врага с каким-то особым чувством. Затишье всем уже давно надоело, и теперь каждый спешил сделать свое дело как можно быстрее и лучше.

Сгустилась темная южная ночь. Над передним краем повисли сотни ракет. Грохот канонады усилился.

В штабах терпеливо ждали, что будет дальше. В том, что именно должно было произойти, ни у кого не было двух мнений: разведка донесла о движении от Харькова на север тысяч автомашин и двадцати четырех эшелонов.

Глубокой ночью в штаб танкистов поступило сообщение: гитлеровцы начали генеральное наступление по всему фронту, севернее Белгорода у Томаровки развертывались новые и новые немецкие дивизии. На переднем крае теперь действуют уже группы до ста танков против какой-нибудь одной обороняемой нами деревушки.

Немецкие перебежчики сообщают, что по всем частям объявлен приказ Гитлера, в котором сказано:

> «Солдаты! С сегодняшнего дня вы начинаете большое наступление, исход которого может иметь решающее значение для войны. Ваша победа во всем мире должна еще больше, чем раньше, укрепить уверенность в том, что оказывать какое бы то ни было сопротивление немецкой армии в конечном итоге бесполезно.
>
> …До сих пор русским достигнуть того или иного успеха помогали их танки. Мои солдаты! Наконец, вы имеете теперь лучшие танки, чем они!.. Колоссальный удар, который сегодня утром поразит советские армии, должен их потрясти до основания. Вы должны знать, что от успеха этого сражения может зависеть все…»

Когда взошло солнце, прибыла сводка: в 5 часов 30 минут началось немецкое наступление на Орловско-Курском направлении, у нас — в 6 часов 00 минут. Теперь сражение шло уже на широком фронте, и в соприкосновение пришли сотни тысяч солдат и огромные массы техники. Гитлеровцы ввели в бой 700 танков, поддерживаемых большим количеством артиллерии и авиации. На степном просторе, в глубоких оврагах, на холмах, в деревушках, превращенных волею судьбы в военные объекты, то и дело вспыхивают жаркие кровопролитные схватки.

Бои носят маневренный острый характер. Идет борьба двух воль, борьба нервов. Сейчас, когда я диктую эти строки, с новой силой развертываются танковые бои, и наши старые друзья Александр Бурда, Павел Заскалько, Стороженко и многие другие уже там, на поле боя. Они начинают свое третье боевое лето, и мы сегодня же побываем у них, чтобы рассказать нашим читателям, как развертываются события, которые составят новую главу в истории Отечественной войны.

Укрощение «тигров»

7 июля, 5 часов 34 минуты

Минул еще один день, долгий и тягучий июльский день.[46] Иссушающий зной спал, и на броне танков, на стволах орудий крупными каплями выступает роса. В зарослях дубняка сонно разговаривают птицы, шуршит сухой травой шалый заяц, бежавший с переднего края. По тропам тихо шагают терпеливые раненые, и белые перевязки их резко выделяются в лесном сумраке. Здесь, в ближнем тылу по-прежнему царят тишина и спокойствие — за двое суток боев мы не видели на фронтовых дорогах ни одной воронки. Но достаточно проехать двадцать километров на юг, чтобы в полной мере испытать все трудности и превратности современной войны.

Все, что мы знали и пережили до сих пор, бледнеет перед масштабами нынешнего сражения, когда на протяжении считанных часов сотни танков и самолетов превращаются в металлический лом.

Гитлеровцы хвалились в своих листовках, которые они разбрасывали повсюду, что их войска на второй день наступления вступят в Курск. Но вот второй день наступил и закончился, а они так же далеки от цели, как и в тот час, когда отборные танковые дивизии эсэсовцев с мертвыми головами в петлицах ринулись в первую свою атаку. Бои идут все там же, на узком плацдарме севернее Белгорода, среди узких степных речушек, крутых оврагов, маленьких рощиц, и даже знаменитые «тигры», которыми щедро снабжены отборные немецкие части, брошенные на этот участок, не в состоянии добиться перелома обстановки в пользу гитлеровского командования.

Когда наблюдаешь ход такой грандиозной битвы на близком расстоянии, когда являешься свидетелем таких огромных событий, всегда бывает крайне трудно составить общее представление о них, обобщить наблюдения. Вот и сейчас, просматривая торопливые записи о встречах и беседах с людьми, побывавшими в самом пекле сражения, невольно досадуешь на то, что не хватает расстояния во времени для того, чтобы как-то привести эти наблюдения в систему, проанализировать их.

Пока что можно только отметить основные факты. Факт первый: за двое суток кровопролитнейших боев в районе Белгорода гитлеровцы не смогли добиться ни одного сколько-нибудь существенного успеха. Факт второй: наш солдат выдержал с честью еще одно труднейшее испытание психики и воли. Факт третий: наш офицер показал, что его воинское искусство возросло за эти месяцы во много крат.

Гитлеровцы упрямы, это известно давно, и они сегодня весь день продолжали ломиться в те самые двери, о которые они расшибли себе лоб вчера. В бой вводятся новые и новые танковые дивизии взамен уже перемолотых. Их постигает та же участь. Но сам характер боя за последние двадцать четыре часа претерпел существенные изменения.

Пятого июля основную тяжесть нечеловечески трудных испытаний приняли на себя пехотинцы и артиллеристы — между прочим, мы незаслуженно мало говорим и пишем о замечательных людях, носящих на рукаве гимнастерки знак скрещенных пушек; воины истребительной противотанковой артиллерии в эти дни поистине стоят насмерть, удерживая свои рубежи. И когда в сводке говорится «в течение дня подбито и уничтожено 586 танков», мы должны благословлять этих незаметных, скромных героев, вооруженных маленькими, но грозными скорострельными пушками.

…Танкисты Катукова в соответствии с приказом командующего фронтом вышли на указанные им рубежи к 23–24 часам 5 июля. К этому времени 4-я танковая армия

[46] На земле, как и в воздухе, весь день 6 июля под пылающим солнцем шли ожесточенные бои. Враг продолжал рваться к Обояни. Особенно напряженными бои были на берегах реки Ворсклы, где в полуокружении сражались 67-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии. Попытки противника завершить их окружение не увенчались успехом. К исходу дня по приказу командования гвардейцы отошли на вторую линию обороны. Танковые соединения, занявшие ее накануне, вместе с отошедшими стрелковыми частями успешно отразили все удары врага… Исключительно тяжелый удар приняла на себя прославившаяся еще в боях под Москвой 1-я гвардейская танковая бригада… («История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 3, стр. 268).

гитлеровцев, продвинувшись вперед, овладела первой и второй позициями стрелковых дивизий первого эшелона 6-й гвардейской армии, а южнее Яковлева прорвала третью позицию и подошла ко второй полосе обороны.

Но уже шестого июля с раннего утра поля битвы огласились знакомым грозным ревом наших «сухопутных линкоров» — на врага устремились советские танки. Броня столкнулась с броней, высекая искры, заговорили танковые пушки и пулеметы. Повсюду развернулись ожесточеннейшие схватки машин с машинами. И хотя за ночь немцы успели подтянуть к месту сражения новые резервы, хотя «тигры» сегодня бродили по полям целыми табунами, им не удалось продвинуться вперед, если не считать нескольких местных тактических успехов, отнюдь не окупающих тех огромных затрат живой силы и техники, которые совершил сегодня штаб Гитлера.

Ранним утром немецкие танковые части попытались протаранить нашу оборону на одном из участков. С громом и лязгом двинулись вперед сразу сто машин. В первом эшелоне шли, зловеще выставив вперед свои длинноствольные 88-миллиметровые орудия, «тигры». За ними двигались самоходные орудия крупных калибров и, наконец, в третьем эшелоне — все остальные танки. В небе непрерывно выли немецкие самолеты, методически перепахивавшие землю бомбами. Усиленно работала вражеская артиллерия. Казалось, еще немного, и ничто не сможет устоять перед этой армадой. Об этом просто написать, но это очень трудно пережить — представьте себе на мгновение сто танков с «тиграми» во главе, идущих прямо на вас в упор…

(В то время, когда я передавал в редакцию «Комсомольской правды» эту корреспонденцию, я, конечно, не мог по соображениям военной тайны раскрыть детали описываемого боя. Теперь же можно уточнить: речь идет о танковом сражении утром 6 июля на участке, оборонявшемся 6-м танковым корпусом. Вот что рассказывает об этом бое руководивший им генерал А. Л. Гетман в своей книге «Танки идут на Берлин»:

> «В то утро противник силами 48-го танкового корпуса нанес мощный удар по правому флангу 6-й гвардейской армии и прорвал ее оборону на этом участке. Тесня 67-ю гвардейскую стрелковую дивизию, он устремился дальше на север. Справа от него наступал 2-й танковый корпус СС. Оба они и составляли главную группировку противника, рвавшуюся к Курску с юга… Непосредственно на позиции 6-го танкового корпуса наступала 3-я танковая и 255-я пехотная дивизии.
>
> Части нашего корпуса были готовы к бою. В тот момент у нас было 169 танков. Что же касается вражеских сил, то, не имея, разумеется, точных данных о них, мы все же знали, что в немецких танковых дивизиях обычно было до 200 танков. Кроме того, разведка сообщила также, что основная масса наступавших на нас танков движется к участку Чапаев — Шепелевка, где занимали позиции 6-я мотострелковая и 22-я танковая бригады.
>
> Не было ничего удивительного в том, что именно здесь мы их и ждали… Вот почему еще ночью, при выдвижении частей корпуса к реке Пене, на участке Чапаев — Шепелевка нами были сосредоточены также 270-й и приданный на усиление 79-й гвардейский минометный полки».[47])

«Тигры» с ревом ползли вперед, маневрируя среди оврагов, швыряясь крупнокалиберными снарядами. Их длинноствольные пушки дают снаряду такую дьявольскую начальную скорость, которая значительно усиливает его пробивную способность. Встречая на своем пути противотанковые рвы, стая «тигров» тяжело ныряла в них и начинала вертеться, размалывая откосы, словно стадо слонов. Земля осыпалась, и они медленно-медленно выползали и двигались дальше, все так же медленно, но неотвратимо. Немецкие танкисты чувствовали себя в безопасности за чудовищно толстой броней, тщательно укрывавшей все уязвимые места машины, в частности баки с горючим. Но вот

---

47 А. Л. Гетман. Танки идут на Берлин. М., «Наука», 1973, стр. 89–90

рассчитанная советскими специалистами дистанция была пройдена, и наш передний край, с которого, по всем расчетам немецких танкистов, давно уже должны были в страхе бежать все русские, заговорил яростным ураганным огнем.

Тактика борьбы с «тиграми» была разработана советским командованием заранее, их появление не было сюрпризом для наших специалистов. По понятным причинам, мы не будем описывать здесь эту тактику во всех деталях; скажем только, что практика подтвердила теоретические расчеты и что «тигр» оказался таким же смертным, как и предыдущие типы немецких танков. Его били насмерть и артиллеристы, и танкисты. Но среди многих побед над «тиграми», достигнутых сегодня, она должна быть выделена особо, как истинный символ героики русского солдата — это подвиг командира орудия старшины Н. Е. Богомолова, его наводчика сержанта Н. Г. Калинника и замкового ефрейтора Н. О. Певцова.[48] Подпустив немецкие танки вплотную, эти два артиллериста расстреляли в упор и сожгли один за другим три «тигра»! Это было нечеловечески трудно и рискованно, но Богомолов и Калинник до конца выполнили свой долг. Только тот, кто сам слышал рев «тигра» и грохот его дьявольской пушки, в состоянии до конца понять, какое напряжение всех душевных сил потребовалось этим двум советским людям для того, чтобы так искусно решить свою боевую задачу.

«Укрощение «тигров» продолжалось до 16 часов. Кончилось оно тем, что немцы потеряли на участке, оборонявшемся 6-м танковым корпусом А. Л. Гетмана, семьдесят четыре танка разных типов и отошли, убедившись, что прорваться вперед на рубеже крохотной речушки, прикрытом броневым щитом советских танкистов, невозможно. Видя, что драгоценное время уходит безрезультатно, немцы поспешили изменить направление удара на этом участке. Они обрушили крупные танковые силы, опять-таки с «тиграми» во главе, на позиции, которые оборонял 3-й механизированный корпус. Но их атаки были отражены и здесь.

Количество немецких танков, участвующих в атаках, непрерывно возрастало. В воздухе над узеньким клочком земли непрерывно висели группы от тридцати до восьмидесяти самолетов, они бомбили наш передний край. И все-таки танкисты стояли; стояли, как когда-то под Орлом, потом под Москвой, потом под Ливнами, потом на Калининском и Северо-Западном фронтах. Люди смертельно устали, их лица постарели, смерть опустошала их ряды, но гитлеровцам пройти вперед не удавалось. По данным на девятнадцать часов, битва на этом участке продолжается с прежним напряжением, и немцам продвинуться вперед не удается, хотя они уже принесли в жертву пятьдесят три танка.

Под вечер нам довелось снова побывать в штабе генерала Катукова. Его блиндажи и палатки раскинулись в одной из бесчисленных рощиц в непосредственной близости от переднего края нашей обороны — так удобнее и легче управлять частями, непосредственно ведущими бой. В роще благоухали медвяные травы, цветы. Людей не было видно, и только тщательно выписанные на табличках указатели — «К шалашу № 6», «Блиндаж № 2» напоминали, что рощица жилая. В траве змеились провода. Изредка проносились на вездеходах офицеры связи, либо на пустынной лужайке приземлялся связной самолет, сразу нырявший под сень листвы.

Люди штаба продолжали размеренно делать свою большую трудную работу, склонившись над картами. Под сенью шалашей работали парикмахерские, столовые; почтальон разносил письма и газеты; в походном зубоврачебном кабинете врач в белом халате ждал пациентов, опершись на спинку сверкающего никелем кресла. Штаб переехал сюда всего лишь несколько часов назад, но догадаться об этом по внешним признакам было невозможно — настолько рощица была уже обжита. Вот только глаза у людей были краснее обычного; спать в эти ночи офицерам штаба почти не приходится.

---

[48] Этот артиллерийский расчет из 6-й мотострелковой бригады, входившей в состав 6-го танкового корпуса, сражался в районе деревни Раково

Мне вспоминаются прошлогодние июльские дни. Тогда примерно на этих же направлениях шли такие же жаркие битвы, и дрались наши войска не менее стойко и решительно. Но вот глядишь на эти мобильные, собранные, подтянутые штабы, ездишь по частям, ведущим бои, наблюдаешь за фронтовыми дорогами, на которых соблюдается образцовый порядок, и как-то особенно отчетливо представляешь то новое, что приобрела наша армия за этот год: высокую культуру военного искусства, воинскую зрелость, возросшую уверенность.

Армия трезво отдает себе отчет в том, что положение остается на этом участке напряженным, хотя немцам вот уже двое суток не удается продвинуться вперед, — не так-то просто сдерживать возглавляемый «тиграми» тысячный табун танков, за которым следует армия из многих и многих пехотных дивизий. Но армия — вся армия, от первого генерала до последнего солдата, — ни на минуту не сомневается в конечном исходе событий. Перед ее глазами опыт Москвы и Сталинграда, а такой опыт не забывается никогда.

За окном крытой соломой хатенки, где стоит телеграфный аппарат, который передает эти строки в Москву, уже сгустился ночной мрак. Где-то далеко над горизонтом снова зажглись гроздья осветительных ракет. Оттуда доносится глуховатое эхо взрывов — там продолжается жаркое сражение. Красноватый отблеск пожарища красит краешек горизонта. В небе поднялся молодой месяц. Бледные лучики его тонкого серпа скользят по изрытой бомбами и снарядами, опаленной огнем земле, словно ведут строгий счет подбитым танкам и трупам «летних» солдат Гитлера. Укрощение бесноватых «тигров» продолжается…

Сражение

7 июля, 23 часа 52 минуты

К сведению редакции. Интересно, что остается от моих корреспонденции после того, как в соприкосновение с ними приходит редакторский карандаш? Пишу, как велит сердце, а уж вы там регулируйте — что можно и чего нельзя публиковать.

Посылать оперативные описания боев считаю нецелесообразным — больше того, что дается в официальной сводке, не скажешь, а живое свидетельство очевидца, по-моему, сводку дополняет. Телеграфируйте ваши замечания.

Утром снова пробрались в действующую танковую часть. Фишман сделал снимки, а я собрал материалы для очерка. Даю материалы о танкистах, так как именно этот род войск решает здесь все.

* * *

Сегодня мы провели целый день на выжженном, перепаханном бомбами и снарядами клочке земли в пяти километрах от переднего края, той узкой полоски, которой было суждено принять на себя полную меру страшного немецкого бешенства.[49] Отсюда, с наблюдательного пункта командира одного из соединений,[50] виден почти весь участок фронта, на котором немцы наносят вот уже третий день неимоверные по силе и ярости удары.

---

[49] 7 июля противник силами 4-й танковой армии продолжал сильные атаки вдоль шоссе Белгород — Обоянь… На направление Обояни враг бросил до 400 танков и в сторону Грезное (юго-западнее Прохоровки) — до 100 танков. Оба удара направлялись против 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Группа «Кемпф» силами до 300 танков наносила удар из района Ведовской по-прежнему на Корочу против, правого фланга 7-й гвардейской армии («История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 3, стр. 269).

[50] Речь идет о наблюдательном пункте 3-го механизированного корпуса.

Характер и размах сражения, в ходе которого только за два дня немцы потеряли сотни танков и самолетов, трудно себе представить, трудно осознать, пока не увидишь собственными глазами поле этой поразительной битвы. Поэтому нам хочется сегодня рассказать нашим читателям обо всем, что мы увидели за день как очевидцы, со всей полнотой и строгим соблюдением хронологии.

Широкое поле созревающей ржи с ломкими стеблями… Покатые высотки, овраги с заболоченными тинистыми ручьями… Редкие рощицы… Полуразрушенные, хлебнувшие горя деревушки, которым вот уже третий раз приходится принимать на себя тяжесть фронта… Это — театр военных действий.

На одной из высоток — тщательно замаскированный блиндаж командира соединения с тоненькой тростинкой рации. Отсюда генерал разговаривает со своими частями, ведущими бой в нескольких километрах впереди, на окатах высоты, хорошо различимых даже невооруженным глазом. Там впереди высокими, до неба черными столбами стоит дым. Это горят танки, немецкие и наши.

На юге в знойном июльском мареве дрожат силуэты немецких машин, изготовившихся к очередной атаке. Они расставлены в шахматном порядке вне зоны досягаемости нашего действительного огня. Видимо, немцы рассчитывают самым видом своей техники устрашить нашего бойца. Но на третьем году войны наш боец приобрел спасительное спокойствие, и даже «тиграми», которые (впервые применены здесь в таких широких масштабах, его не запугать. Не запугать его и вот этими гигантскими облаками едкой черноземной пыли, которые ежеминутно встают то тут, то там над новыми и новыми воронками авиабомб, в каждую из которых может уйти вместе с башней наш Т-34; вот уже третий день гитлеровцы непрерывно кружатся над этим участком группами от пятнадцати до ста самолетов. Сюда собраны лучшие асы отовсюду, от Анапы до Конотопа.

— Вы спрашиваете об обстановке? — говорит генерал, на минуту отрываясь от телефонной трубки. — Вот она, обстановка, перед вами! — и он проводит рукой вдоль горизонта, исчерченного высокими черными и белыми дымами, сквозь которые то и дело мелькают зловещие языки малинового пламени.

Сражение возобновилось сегодня с немецкой точностью ровно в три часа утра, когда фельдфебели поднимают танкистов от сна. На этот раз, видимо, немецкое командование решило приложить все силы, чтобы прорвать, наконец, советскую оборону и ринуться в глубь нашей страны. На узком участке протяжением в несколько километров они бросили вперед небывалое количество боевых машин — пятьсот танков, среди которых было много тяжелых машин. Разбившись на несколько колонн, эта страшная железная армада устремилась одновременно по ряду проселочных дорог и большаков на север.

Гитлеровцы были настолько уверены, что их подавляющий численный перевес на этом маленьком участке принесет им победу, что шли исключительно нагло — походным порядком. Они думали, что те ожесточенные бомбежки и обстрелы, которым до этого подвергалось расположение наших частей, сделали свое дело и что им теперь остается лишь победным маршем пройти на Курск. И вдруг со всех сторон перепаханного бомбами клочка земли что-то затрещало, загрохотало. Взвыли могучие моторы наших танков, и завязалась небывалая по остроте борьба.

— Я воюю не первую войну, — сказал мне генерал, — но такого напряжения и такого обилия средств уничтожения людей еще не видывал ни разу. Даже Сталинград в период обороны не испытывал того, что испытывают сейчас те, кто сидит на переднем крае — вон там, где только что рухнули еще двадцать две бомбы весом по четверть тонны каждая…

Да, нашим приходилось тяжко, очень тяжко. Танкисты-гвардейцы, вот уже третий день участвующие в бою, и их соратники по оружию из других родов войск вели искусный, изобилующий множеством острых моментов бой, отражая натиск группы двухсот танков. Чуть правее раз за разом бросались на штурм еще триста немецких боевых машин. Положение становилось угрожающим: немцам, невзирая на героическое, доходящее до самопожертвования сопротивление наших бойцов, удавалось, хотя и медленно, продвигаться

вперед. Они заняли уже одну из деревень.

Впереди наступающих немцев, как и вчера, шли «тигры». Они двигались по дорогам в походном порядке, потом развертывались строем на обратных скатах командных высот и на максимальной скорости шли вперед, ведя с ходу бешеный дальнобойный огонь. Тот, кто видел первый раз эту неуклюжую, грузную, злую по своей внешности машину, завывающую прерывистым тоном, словно «юнкерс», невольно чувствовал холодок в душе…

Но вот подлетел со своими испытанными танкистами гвардеец Александр Бурда, защитники рубежа собрали свои силы в кулак и снова вернули деревню. Удалось задержать и группу из трехсот гитлеровских танков, яростно пробивавшуюся вперед по другую сторону шоссе, ведущего к Обояни, хотя сделать это стоило поистине нечеловеческих усилий.

Оттянув свои машины, немцы начали все сначала, как положено по уставу: обработка участка фронта с воздуха, артиллерийский обстрел, удары шестиствольных минометов, а после этого — новые танковые атаки.

В воздухе стоит непрерывный грохот страшной силы, отупляющий мозг, иссушающий душу. Немцы терпеливо и упрямо бьют по площадям всеми огневыми средствами, какими они располагают. Эскадрилья за эскадрильей, «хейнкели» разгружаются над нашими окопами от бомб, и все новые тучи пыли высотой до самого неба встают то там, то здесь. Пыль так высоко поднята бомбежкой и артиллерийским обстрелом, что линия горизонта давно уже пропала, и само солнце заслонилось от нас грязной пеленой, сквозь которую тускло мерцает его воспаленный глаз. А немецкие танки, подожженные утром, все еще горят и горят, и столбы дыма, покачиваясь, словно свечи, караулят эти стальные надгробия отборных немецких танкистов-эсэсовцев.

К адской канонаде бомбежки присоединяются прелести артиллерийского обстрела. В воздухе уже появился ненавистный всем бойцам немецкий самолет-корректировщик артиллерийской стрельбы, прозванный пехотинцами ядовито и зло «кривой ногой» за то, что у него действительно кривые лапы. Сделав крутой вираж над нашим передним краем, он вдруг пускает какую-то ярко-малиновую струю, которая повисает в воздухе, словно гигантская праздничная лента. Стоит ей прикоснуться к земле, мак она расплывается в широкое устойчивое озерко дыма все того же ярко-малинового цвета. Это указатель цели для немецких артиллеристов. И действительно, несколько мгновений спустя в районе этого загадочного дымного озерка начинают с оглушительным грохотом рваться снаряды.

К полудню там, на переднем крае, в нескольких километрах от наблюдательного пункта, земля была настолько изрыта и истерзана, что даже невооруженным глазом было видно, что там буквально нет живого места.

— Сейчас пойдут, — задумчиво сказал генерал, опуская бинокль и протирая красные от долгой бессонницы глаза.

И действительно, через несколько минут на гребне дальней высоты у невысокого лесочка замелькали приземистые силуэты немецких боевых машин. Впереди шли тяжелые танки. Их было много, очень много. От длинных стволов то и дело отделялись язычки пламени: немцы с ходу вели огонь по нашим танкам и артиллерийским позициям, пользуясь отличной дальнобойностью своего оружия. Но вот когда они подошли ближе, с нашей стороны грянуло сразу все, что только способно бить по танку, — противотанковые ружья, орудия пехоты, зенитные пушки, стволы которых повернуты параллельно земле. Зашумели гвардейские минометы. Стало видно, что там, на высоте, идет жаркий бой, но разглядеть его детали не удавалось так, как этого хотелось бы…

Командир части с нетерпением ждал донесения и, когда оно прибыло, срочно вызвал по радио вышестоящий штаб.

— На моем участке прорвалась вперед группа в составе двухсот танков. Ввожу в бой резерв и самоходную артиллерию…

Теперь напряжение боя еще возросло, хотя всего минут пять назад казалось, что уже достигнут предел, за которым человек лишается способности дышать, думать, рассуждать, — все поглощает этот тупой металлический рев и свист. Видя, что и на этот раз

продвинуться вперед не удается, гитлеровцы удвоили силу ударов с воздуха и ударов артиллерии. С противным визгом и шуршанием тяжелые снаряды проносились над нами и чуть поодаль поднимали к небу фонтаны земли. Немецкие самолеты шли теперь тесно сомкнутым строем, звеньями и эскадрильями, крыло к крылу, и на землю сыпался ураганный ливень огня и металла. Сотни тонн бомб и снарядов обрушивались на совсем крохотный участок фронта.

На скате противостоящей высоты неуклюже ворочались, огрызаясь огнем, несколько десятков короткотелых длиннопушечных «тигров». Вот вспыхнул багровым огнем и остановился еще один из них, потом второй. По тяжелым немецким танкам били пока еще невидимые отсюда стрелки противотанковых ружей, артиллеристы, наши танки. Наконец, все кончилось. На горизонте встали новые дымы горящих машин. Мы насчитали их более полутора десятков.

Генерала попросили к радиотелефону, и бодрый голос командира 1-й механизированной бригады полковника Липатенкова доложил так громко, что услышали все: «На моем участке за передний край прорвались тридцать танков. Пехота осталась в своих окопах, хотя «тигры» утюжили их. Наши автоматчики сумели отсечь немецкую пехоту от ее танков, и тогда заранее подготовленные расчеты и танковые экипажи начали охоту за тяжелыми немецкими машинами. В течение двадцати-тридцати минут мы уничтожили шестнадцать танков, остальные добиваем…»

Немецкие танки ослабляют натиск, но теперь снова усиливается бомбежка с воздуха. Высоко в небе — непрерывный гул моторов. Наши истребители перехватывают немецкие самолеты и сбивают их. Вот и сейчас, сию минуту, последний «хейнкель» эскадрильи вдруг вздрогнул и резко пошел на снижение, оставляя за собой длинную голубоватую ленту дыма. Летчик пытается сбить пламя или хотя бы дотянуть до своей территории. Но когда до земли остается метров пятьдесят, самолет резко переходит в отвесное пике и, сорвавшись в штопор, врезается в землю. Почти одновременно в другом конце неба появляется открытый парашют: пока все, увлеченные зрелищем, следили за подбитым «хейнкелем», мы не заметили, как наш подкравшийся со стороны истребитель сбил шессершмитта». Над местом падения «мессершмитта» сразу встает еще одно черноземное пыльное облако.

От непрерывного адского грохота начинают болеть барабанные перепонки. Жарко, необыкновенно жарко. На небе — ни облачка. День кажется нестерпимо длинным. Но здесь, на наблюдательном пункте, люди, не спавшие уже три ночи, продолжают оставаться собранными, подтянутыми, терпеливыми, умеющими выждать удобный момент, чтобы ответить всегда вовремя ударом на удар. При малейшей благоприятной возможности наши Т-34 вихрем вылетают из своих засад и обрушиваются на врага, норовя атаковать «тигров» в борт.

Так проходит день. Что же в итоге? И третий день не дал немцам сколько-нибудь существенных успехов! Только на одном узеньком участке, где немцы еще вчера захватили две деревни, им удалось продвинуться вперед всего на несколько километров. При таких темпах немцам не хватило бы, для того чтобы дойти до Курска, всех танков, которые на протяжении долгих месяцев сооружала промышленность подъяремной Гитлеру Европы. За несколько погонных километров они заплатили сегодня десятками танков и многими самолетами.

Но сознание этого нисколько не утешает наших бойцов. Мы уже привыкли брать, а не отдавать населенные пункты, и подлинный трагизм можно прочесть в глазах молодого воина, который в силу ряда тактических соображений должен временно уйти вот из этой деревни, вот с этого холма, засеянного просом…

Возвращаясь с наблюдательного пункта, мы заехали в один хутор, находящийся сейчас в зоне боя. Все жители его ушли на север. Дома сиротливо глядели пустыми глазницами окон, двери были распахнуты настежь. Молодой автоматчик шел по улице, потупив глаза в землю и повторяя: «Выходит, неустойка получилась с нашей стороны!» — и щеки его заливал жар. На груди этого автоматчика сияла боевая медаль, и мы знали, что он, как и его

друзья по оружию, выполнил свой долг до конца. Даже тогда, когда немецкие тяжелые танки ворвались в расположение подразделений капитана Иванова и капитана Долженко, автоматчики и стрелки оставались в окопах, забрасывали немецкие машины гранатами, отсекали и истребляли немецкую пехоту, пока танкисты контрударами уничтожали прорвавшиеся танки.

Сейчас уже глубокая ночь, но бой не утихает ни на минуту. При свете десятков гигантских ракет, подвешенных на парашютах, на поде боя маневрируют огромные армии, насыщенные первоклассным вооружением.

Немцы непрерывно подтягивают из глубины резервы, развертывая на этом узком участке новые и новые дивизии. По нашим фронтовым дорогам тоже идут нескончаемым потоком грозные боевые машины.

Большое сражение 1943 года продолжается…

Старая гвардия

8 июля, 23 часа 15 минут

К сведению редакции. Выслали непроявленную пленку со снимками героев последних боев, в частности экипажа гвардии лейтенанта Георгия Ивановича Бессарабова, который уничтожил за один день три «тигра». Он представлен к званию Героя Советского Союза.[51]

Передали рассказ Бессарабова о его подвиге, желательно дать его сегодня в номер. Сейчас начну диктовать очерк о танковой гвардии.

* * *

Мы встретились с ними на пыльной, изрытой воронками фронтовой дороге. Три грозных раненых танка с рассерженным ревом выходили из боя. На их горячей броне лежали девять мертвых гвардейцев, и боевые друзья стояли рядом, держась за поручни машин, словно почетный караул; гвардейцы даже мертвыми не сдаются врагу, и тело каждого воина, отдавшего жизнь за Отечество, уносится его соратниками с поля боя — такова традиция.

Копоть и пыль покрывали лица танкистов, в глазах их еще мигали отсветы боя; в них трудно было узнать тех щеголеватых военных, какими мы видели их за три дня до этого в просторном лесном лагере. Теперь это были настоящие чернорабочие воины, и пыльные их комбинезоны пропахли бензином, порохом и кровью. Тут же на обочине шоссе, пока механики возились у моторов раненых машин, танкисты рассказывали нам подробности боя. И в этом бою вновь во всей красоте и богатстве раскрылись те благородные черты души, которыми славна наша гвардия, сражающаяся под знаменем Ленина вот уже скоро два года.

— Все за одного, один за всех — это наш старый закон, вы знаете, отрывисто говорил усталым хрипловатым голосом молодой летами, но уже опытный танкист командир роты Владимир Бочковский. — Ну вот, этот закон и помогает нам воевать…

В ход пошли камушки и прутики в качестве наглядных пособий, и на разглаженной горячей черной пыли была быстро изображена схема битвы. Вот здесь, на склонах высоток, в одном километре южнее деревни Яковлево, которую надо было любой ценой удержать в течение суток, заняла рубеж 1-я гвардейская танковая бригада. Первым, когда только начало

---

[51] Во фронтовом дневнике у меня записано: «Бессарабов Георгий Иванович, воюет с 5 августа 1942 года. Родом из города Клинцы, там сейчас гитлеровцы. В Клинцах осталась мать. На фронте — четыре брата. Был младшим лейтенантом, сейчас лейтенант. В батальоне вступил в партию. До нынешних боев имел на своем счету уничтоженные им 1 бронемашину, 5 пушек, автомобиль с грузом, 50 фашистских солдат. В составе экипажа: водитель-старшина Андрей Романович Еременко, коммунист; башенный стрелок — Петр Елесин, кандидат партии; радист Владимир Михайлович Максимов, комсомолец».

светать, на подступах к деревне принял удар фашистских танков 2-й батальон бригады, которым теперь командовал майор С. И. Вовченко. Он смело вступил в единоборство с 70 немецкими танками, которые ползли вдоль шоссе.

Наткнувшись на мощный сосредоточенный огонь, гитлеровцы отступили и попытались обойти позиции танкистов с фланга. Но на их пути опять оказались советские танки — из роты Владимира Бочковского, входившей в состав 2-го танкового батальона.

Было 4 часа утра 6 июля, когда Бочковский заметил в свете восходящего солнца сразу три колонны тяжелых немецких машин с «тиграми» впереди, они вытягивались параллельными курсами по направлению к деревне. «Тигры» ревели и швырялись тяжелыми снарядами. Тут послышалось прерывистое гудение с неба: группы самолетов одновременно заходили с разных концов и начинали бить по всей площади, на которую был нацелен танковый удар. Это и есть то «авиационно-танковое наступление», которое гитлеровцы практикуют теперь как основу своих операций.

Земля гудела. Черная завеса потревоженной пыли закрыла горизонт. Стало темно. Разверзлись гигантские воронки, среди которых трудно было маневрировать. Но рота гвардейцев-танкистов и приданная ей рота гвардейцев-стрелков остались на месте и приняли бой. Потеряв девять танков, гитлеровцы попятились назад — Можаров и Шаландин подбили два «тигра», три танка вывел из строя экипаж Бочковского и два — экипаж Бессарабова.

Гвардейцам пришлось невыносимо тяжело. Своими восемью танками они держали рубеж, как и было им приказано, весь день, 6 июля, а точнее говоря, тринадцать часов: с трех часов утра до четырех дня. Помощи никто не просил и не ждал.

Солнце поднялось к зениту и уже начало склоняться к закату, а бой все еще продолжался. Гвардейцы маневрировали, хитрили, били из засад, всячески старались заставить противника поверить, будто здесь не восемь, а по крайней мере полсотни советских машин, и выигрывали время, драгоценное время. Гитлеровцы терпели тяжелые потери от их меткого огня. Но и гвардейцы понесли утраты: были подожжены танки Чернова, Прохорова, Можарова. Вышли из строя машины Литвинова, Малороссиянова, Духова. В строю осталось всего четыре танка…

К вечеру гитлеровцы, видимо, догадались, наконец, что против них действует лишь горсточка лихих танкистов, и полезли вперед с утроенным бешенством. Бессарабов, Шаландин, Соколов, Бочковский продолжали сдерживать натиск немцев, но силы были слишком неравны, и им пришлось отойти в деревню и начать уличный бой.

Вот еще одна тяжелая бомба разорвалась рядом с танком Соколова. Машина, накренившись, съехала в глубокую воронку и застряла в ней. Бессарабов поспешил на выручку.

— Держись, Соколов, еще не все потеряно! — Бессарабов берет раненую машину на буксир и включает мотор. Шаландин броней своей машины загораживает товарищей и прикрывает их огнем. Но вытащить тяжелый танк из глубокой воронки дьявольски трудно. Машина Бессарабова ревет изо всех сил, а дело не подвигается. Немецкие танки почти рядом. Как быть?

Бочковский, дравшийся неподалеку, тревожно наблюдал за маневрами Бессарабова. Вдруг стрелок-радист взволнованно сказал ему:

— Соколов опять просит помощи — машина Бессарабова не тянет.

Бочковский взвесил обстановку. Его рота уже выполнила свою задачу, получен приказ отходить на новый рубеж, но как уйти, оставив друзей, попавших в беду?..

— Будь что будет, а ребят не бросим! — сказал Бочковский механику Ефименко, комсоргу роты, и танк командира подошел к машине Соколова.

Подав Соколову второй буксир, Бочковский и Бессарабов двойной тягой потянули раненый танк из воронки. Надо помнить при этом, что все три танка, собравшиеся вместе, находились под таким бешеным обстрелом, что кругом распыленный чернозем стоял сплошной тучей, и град тяжелых осколков барабанил по броне. И все-таки танки упрямо тянули машину Соколова.

Волнующий миг спасения был уже близок, как вдруг два немецких снаряда одновременно подбили еще раз и подожгли раненую машину — у нее отлетел ствол пушки, и пламя взметнулось над мотором. С болью в сердце танкисты отцепили теперь уже бесполезные буксиры. Развернувшись. Бессарабов и Бочковский снова открыли огонь по наседавшим немецким машинам, принимая их снаряды на свою надежную лобовую броню.

Но вот и Бочковский почувствовал глухой удар — немецким снарядом сшибло гусеницу.

— Из танка вон — гусеницу натянуть! — скомандовал он, и танкисты без колебаний выскочили из машины под огненный дождь, чтобы исполнить приказ. К сожалению, было уже поздно — вторым снарядом немецкий артиллерист зажег танк. Бессарабов остановил свою машину и взял с собой боевых друзей. Экипажи подбитых танков и четыре мотострелка, до последнего мгновения оборонявшие свой рубеж, прилегли на броне машины, и она с гневным рокотом ушла из деревни, маневрируя под градом бомб и снарядов.

На месте засады остался танк лейтенанта В. С. Шаландина. Он продолжал вести огонь, мужественно прикрывая отход машины Бессарабова. Это был поистине героический неравный бой. Шаландину удалось зажечь один фашистский танк, но два других открыли по его машине огонь почти в упор. Несколько прямых попаданий, и наш танк запылал. Лейтенант В. С. Шаландин, заряжающий сержант П. Е. Зеленин, радист-пулеметчик старший сержант В. Ф. Лекомлиз погибли. И только тяжело раненному и обгоревшему механику-водителю старшему сержанту В. Т. Кустову удалось выбраться из горящей машины. Наши автоматчики подобрали его и отправили в госпиталь…

Велики были потери 2-го танкового батальона, но врагу танкисты нанесли еще больший урон. Один лишь экипаж Шаландина уничтожил 2 «тигра», средний танк и до 40 гитлеровцев. Экипаж Бессарабова уничтожил 3 «тигра». Комсорг роты Соколов подбил два вражеских танка. Три танка, в том числе «тигр», уничтожил сам комбат майор Вовченко…

Утром 7 июля бой возобновился. За ночь несколько подбитых машин удалось отремонтировать, и теперь в распоряжении командира роты Бочковского было пять танков. И рота снова стала стеной на пути врага.

— Нам пора, — сказал Бочковский, закончив свой рассказ. — Приказано завтра быть на рубеже. Предадим земле тела товарищей, отремонтируем танки и снова туда…

Он махнул рукой в сторону, где высоко тянулись к небу дымы взрывов, четко козырнул, отдал команду, и танкисты легко взлетели на броню, став в карауле в изголовья мертвых героев. Танки двинулись по взрытому бомбами шоссе на север…

В нынешних боях снова гремит имя знаменитого командира танкистов Александра Бурды. Бригада, которой он командует с 28 мая, за несколько дней уничтожила около семидесяти гитлеровских танков, среди них десяток «тигров». Храбрый умелый командир учит своих танкистов воевать и жить так, как заведено у старой гвардии, — ведь сам он из 1-й гвардейской танковой бригады и дал слово Катукову сделать и ту бригаду, которой командует теперь, тоже гвардейской.[52]

Мне довелось слышать, как Бурда, пользуясь короткой передышкой, рассказывал молодежи о настоящей гвардейской боевой дружбе.

— Бывают же такие совпадения! — спокойно говорил он. — Ровно год назад неподалеку отсюда, на Брянском фронте, мы тоже отражали атаки гитлеровцев. Должен вам сказать, что гитлеровцы тогда тоже нахально лезли. Было тогда у нас много всякого — и горького, и сладкого. Но никогда не забуду я бой под деревней Каверья…

В жаркий июльский день 1942 года, когда 1-й танковый корпус, действуя на Брянском фронте, вместе с другими танковыми частями, стремился оттеснить гитлеровцев на юг в

[52] Речь идет о 49-й танковой бригаде. Она действительно завоевала вскоре высокое гвардейское звание. К концу войны она именовалась так: 64-я Черновицкая, Берлинская, орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова III степени гвардейская танковая бригада

районе реки Суховерейки, Александру Бурде, который тогда командовал 1-м батальоном в 1-й гвардейской танковой бригаде, было поручено предпринять атаки на сильно укрепленный гитлеровцами населенный пункт Каверья. Он должен был возглавить сборную танковую группу, в которую вошли 8 машин его батальона, 6 танков из второго батальона 1-й гвардейской бригады, 11 машин из 49-й бригады и еще две-три — из 89-й.

За рычагами командирской машины сидел гвардии старший сержант Дмитрий Иванович Матняк. Я хорошо помнил этого прекрасного солдата по старым встречам с гвардейцами: худощавый, смуглый, кареглазый украинец с едва пробивающимися усиками был любимцем батальона.

Боевые друзья Матняка знали его с 1938 года, когда он только пришел в Житомирский учебный батальон. Вместе они учились, вместе начинали воевать и вместе встали под гвардейское знамя в памятные дни битв в Подмосковье. Его знали как лучшего водителя танка, и он был во всем под стать своему командиру — такой же смелый, с хорошей украинской хитрецой…

Бой за Каверъю был тяжел — пришлось драться буквально за каждый двор, а пехоты, которой было бы сподручнее вести уличный бой и оборонять танки, у Бурды не было. Он вынужден был маневрировать одними танками.

В разгаре боя на огородах деревни Бурда натолкнулся на батарею противотанковых орудий и завязал с нею дуэль. Ему удалось подавить две пушки, как вдруг немецкий снаряд разбил орудие его «тридцатьчетверки». Одновременно другой снаряд пробил броню танка и взорвался внутри машины.

Град осколков триплекса и окалины плеснул в лицо Бурде. Потоком хлынула кровь. В глазах была нестерпимая резь. Но Бурда помнил, что на нем лежит ответственность за всю боевую группу, и он, напрягая волю, не давал себе пасть духом. Он тут же передал по радио на командный пункт своему заместителю Заскалько, чтобы тот принял командование на себя, и приказал водителю: «Вправо!»

Надо было немедленно развернуть танк, чтобы подставить под снаряды мощную лобовую броню. Матняк оглянулся, кивнул головой, но танк остался на месте. «Вправо!.. Матняк, вправо!» — повторил громче Бурда. И опять все осталось по-старому. Тогда разгневанный командир бросился вниз, чтобы отшвырнуть растерявшегося водителя и самому сесть за рычаги, и в ужасе остолбенел: он увидел, что у Матняка оторвана рука, она болтается на ниточке сухожилия, на дне танка — лужа крови, а механик молча пытается одной рукой изменить направление движения танка. По броне непрерывно били немецкие снаряды, и искры сыпались в открытую рану Матняка. Радист глядел на все это широко раскрытыми глазами, забившись в угол изуродованной машины.

— Матняк, родной, что же ты молчишь? — с болью в голосе сказал Бурда, вытирая свои глаза, залитые кровью и слезами.

Водитель упрямо мотнул головой и снова потянулся к рычагам, но Бурда поднял его на руки, аккуратно опустил рядом с сиденьем, быстро перетянул перебитую руку ремнем, вынул складной нож и попытался перерезать сухожилие. Но нож оказался недостаточно острым. Сухожилие не поддавалось. Пришлось пока оставить руку так. Матняк молча сжал ее здоровой рукой, поднес к груди и замер.

Бурда скомандовал командиру башни старшему сержанту Чиркову:

— Наблюдай из башни и говори мне, куда ехать. Мне ничего не видно, кровь глаза заливает. Да и триплексы разбиты…

Усевшись за рычаги, он начал маневрировать, следуя указаниям Чиркова. Это была нелегкая задача: по-настоящему работала только правая гусеница, левая едва-едва тянула. Танк мог двигаться лишь по дуге. Бурда дал задний ход, и машина, вздрагивая под ударами бронебойных снарядов, медленно попятилась. Развернувшись, командир дал передний ход, и танк начал уходить.

Матняк бормотал, теряя сознание:

— Кто там жив из экипажа?.. Кто ведет танк?.. Скажите… Майор живой или нет?..

Скажите… Александр Федорович живой или…

— Сиди, дорогой! — успокаивал его Бурда. — Все живы, все здоровы… Сиди!

— Где мы?.. Танк спасти надо! Понимаете, танк…

— Уже у переправы мы, дорогой. Сейчас танк спасем.

Матняк забылся. Состояние его все ухудшалось. А в это время над переправой появились тридцать вражеских самолетов. Загрохотали взрывы. Осколки бомб забарабанили по броне. Вышла из строя радиостанция. Мотор глохнул. Бросить танк?.. Нет, его надо было спасти во что бы то ни стало. Бурда схватил кувалду, вышиб заклинившийся люк водителя, чтобы самому разглядеть местность, снова взялся за рычаги и стал кое-как маневрировать среди рвущихся бомб.

Надо было во что бы то ни стало вернуть к жизни левую сторону ходовой части. Напрягая силы, майор все-таки заставил фрикцион работать — он кое-как связал проволокой оборванные тяги и — дал газ. Счастье! Танк медленно-медленно пополз. Теперь он двигался уже по прямой. Бурда провел его через реку, через поле. Он приближался к исходному рубежу, когда Матняк очнулся и снова настойчиво и требовательно спросил:

— Кто живой в экипаже?.. Кто ведет танк?.. Что случилось с майором?.. Где Бурда?..

И снова Бурда начал успокаивать его:

— Да вот же я, рядом. Какой ты Фома неверующий, ей-богу…

На командном пункте все сбежались к подбитой, израненной машине, которая наперекор всему дошла своим ходом сюда. Из люка выбрался окровавленный майор. Он хотел помочь выйти Матняку, но тот упрямо ответил:

— Нет… Я сам… Сам!..

И он вылез сам, бледный, без кровинки в лице, угловатый, беспомощный, со своей оторванной рукой, болтающейся на ниточке сухожилия. Врач поспешил к нему. Матняк отчужденно проговорил:

— Спасти нельзя? Что ж… Тогда режьте… Только, чтобы я видел…

Доктор быстро перерезал сухожилие, Матняк все еще стоял на ногах, держась нечеловеческим усилием воли.

— Ну, а теперь похороните ее при мне, — тихо сказал Матняк.

Гвардейцы плакали. Они быстро вырыли яму, бережно опустили туда белую, безжизненную руку лучшего водителя батальона и засыпали ее землей. И сразу Матняк обмяк, спустился на землю, остатки сил покинули его, и он уже дрожащим от неимоверной усталости голосом заговорил:

— А теперь… Где майор?.. Где товарищи? Кто меня вывез? Спасибо, братцы! Не поминайте лихом…

Глаза Матняка закрылись. Его и Бурду положили в санитарную машину и отвезли в санбат.

— И что же Матняк? — робко спросил молодой танкист, выслушав эту историю. — Умер?

— Нет, что вы! — усмехнулся Бурда. — Так просто гвардейцы не умирают. Уж раз ты в бою уцелел, то жить тебе сотню лет.

И он рассказал трогательное окончание этой истории.

Матняк долго пролежал в госпитале. Там он встретился с одной девушкой, Калинниковой, которую знал еще до войны. В свободные от работы часы она добровольно дежурила в госпитале. Матняк любил ее, но сказать об этом стеснялся: что за жених без руки? И вот случилось так, что его выписали из госпиталя как раз в тот час, когда эта девушка кончила свое дежурство. Они вышли вместе. Пустой рукав гимнастерки угнетающе действовал на Матняка. Поглядев в высокое зимнее небо, он горько сказал:

— Ну вот, давай простимся… Видать, несчастная моя звезда, кому я нужен, калека?

И вдруг девушка широко раскрыла глаза. В них сверкнули искорки. Она хотела что-то сказать, но потом просто обняла растерявшегося Матняка и крепко его поцеловала.

— Кому ты нужен? Дурной! Да ведь ты мне нужен!..

Они поженились, и Матняк написал об этом в свой батальон. Письмо читали вслух, читали несколько раз, и все очень радовались. И тут Заскалько осенила идея:

— Хлопцы! Какие же мы остолопы! Любовь любовью, все это замечательно, но ведь надо же им деньжат на первое обзаведение, а?.. Даю пятьсот рублей…

За два часа гвардейцы собрали на обзаведение молодоженам 9800 рублей и перевели их другу.

В сегодняшнем номере армейской газеты мы увидели портрет одного танкиста, сделанный художником-фронтовиком старшим лейтенантом Вязниковым. На нас глядело знакомое молодое лицо: открытый взгляд упрямых глаз из-под широких бровей, твердо сжатые губы, юношески пухловатые щеки. На груди танкиста — два ордена и гвардейский знак.

Я прочел подпись: «Гвардии лейтенант В. Стороженко» и сразу же вспомнил этого юношу. О нем рассказывал мне Бурда, а потом я нашел и его самого в 1-й гвардейской бригаде. В то время у Стороженко на боевом счету было уже двадцать три уничтоженных им гитлеровских танка.

Прошло немного дней, и вот портрет Стороженко, и заметка в газете храбрый танкист снова отличился в бою: он истребил шесть немецких танков!..

Выучка

9 июля, 18 часов 56 минут

К сведению редакции. Здесь продолжаются ожесточеннейшие бои, исход которых будет иметь, по-видимому, огромное значение не только для нынешнего сражения, но, быть может, и для всей военной кампании этого года. Пока я не имею возможности рассказать детали того, что происходит, — это, вероятно, удастся сделать позднее. Поэтому пока что передаю очерк, рисующий общую атмосферу на фронте.

Вечер или утро? День или ночь?.. Трудно вести счет времени, когда бой идет все в том же яростном темпе уже четверо суток, не ослабевая ни на минуту, когда начинаешь терять счет самолетам, теснящимся в небе над твоей головой, когда туча черной пыли, размолотого в порошок знаменитого курского чернозема, застилает небо такой плотной пеленой, что день становится похожим на вечер, а утро на ночь.

Я уже писал, что здесь немцы применяют ту же тактику, которой они пользовались в дни штурма Севастополя и Сталинграда: сотни самолетов перепахивают землю квадрат за квадратом, потом идут танки, и, наконец, является пехота, которую Гитлер бережет, как драгоценность — ее табуны за четыре года войны чрезвычайно поредели.

Но Севастополь и Сталинград были городами с ограниченным количеством улиц и кварталов, их можно было уничтожить, хотя это и требовало дьявольских усилий. А как уничтожить русскую степь?

Немецкие летчики не привыкли рассуждать, им приказано бомбить землю, и они бомбят ее гектар за гектаром. Только на участке одного соединения они совершают до трех тысяч налетов за день. Днем и ночью с переднего края слышатся одни и те же глухие отрывистые вздохи — это вздыхает вековой русский чернозем, принимая в себя тысячи тонн немецкого металла.

Когда с земли исчезает травяной покров и она превращается в мертвую смесь обработанного тротилом, истолченного, перегоревшего чернозема и дробленого металла, за дальними холмами раздается торжествующий звериный вой «тигров», и они выползают на гребень, готовые отпраздновать победу. И вот в этот самый момент опаленная, страшная, истерзанная немцем земля встречает гитлеровские танки снарядами пушек, таранными ударами танков, которые каким-то чудом уцелели в этом аду, меткими тяжелыми пулями противотанковых ружей, и новые черные столбы дыма поднимаются к небу.

К исходу дня гитлеровцам удается на каком-нибудь одном участочке после страшной борьбы не на живот, а на смерть захватить холм, рощицу или хуторок. Но такие победы не радуют их солдат. Они пугают их, потому что они видят, сколько солдатских жизней отдано за этот холм и сколько таких холмов впереди.

Сегодня по Белгородскому шоссе из Харькова прошли на север, лязгая гусеницами, еще сто немецких танков. Какое существенное изменение смогут они внести, если каждый день здесь погибает по нескольку сот гитлеровских танков, в том числе десятки «тигров»?

И все-таки обстановка остается серьезной — начатое здесь великое испытание силы продолжается.

Только что я вернулся из штаба танкистов. Усталый подполковник, подняв красные веки, аккуратно сложил карту и сказал:

— Дела идут нормально, но не надо самообольщаться. Гитлеровцев еще много, танков и самолетов у них хватает, а их солдаты беспрекословно повинуются приказам. Они будут лезть вперед до тех пор, пока их не перебьют. И дело это хлопотливое. От наших людей требуется сейчас исключительный героизм и притом такой, который достигается не только благородным вдохновением, но и выучкой. Подполковник задумчиво повторил:

— Да, и выучкой!..

Это очень правильно сказано! То удивительное поведение наших людей на поле боя, свидетелями которого мы являемся в эти дни, то поразительное хладнокровие перед лицом смертельной опасности, которое они проявляют ежечасно, является прежде всего плодом выучки. Всесторонней. Широкой. Физической, военной, моральной!

Люди здесь свыклись с мыслью, что слава и традиции соединения обязывают их воевать особым воинским стилем. «У нас заведено так — убьют одного нашего, мы за него двадцать немцев бьем. А кто бьет больше, того за это не наказывают», — говорили пришедшему в часть молодому бойцу ветераны, и он тепло улыбался: в хорошую боевую семью попал, люди здесь ни за словом, ни за пулей в карман не лезут.

В часть приезжал генерал Катуков. Он выстраивал бойцов и спрашивал:

— А ну, кто из вас со мной дрался против немцев под Орлом? Два шага вперед!..

Бывалые гвардейцы с орденами на груди делали два шага вперед и застывали, блистая выправкой. Генерал собирал их в кружок и говорил:

— Смотрите, воспитывайте молодежь, чтобы помнили, знали, за что мы получили гвардейское знамя.

И ветераны учили молодежь, и молодежь с нетерпением ждала боя, чтобы показать, что и она не лыком шита.

Танкисты упорно учились. Командиры сидели за уставами. Автоматчики учились вести разведку. Механики-водители учились стрелять из пушки, а башенные стрелки — водить танк, чтобы в нужную минуту заменить друг друга. Часто проводились учения, и тогда повсюду выключалась проводная связь, на телефон накладывался строжайший запрет, и вся связь осуществлялась только по радио. Так шла выучка. И выучка эта дала свои плоды.

Сегодня в лесной чаще на дне оврага, который неделю назад, в период затишья, служил местом расположения одной из танковых частей, а сейчас стал одной из наших боевых позиций, я наткнулся на неожиданную картину.

Под раскидистыми ветвями старых деревьев была оборудована по полной форме академическая аудитория: стояли рядами гладко-отесанные скамьи, в центре «зала», пол которого заменил песок, находилась классная доска и рядом с нею — небольшой столик преподавателя, а сзади — большой, тщательно оборудованный, танкодром в миниатюре: крошечные холмы, выложенные мхом овраги, деревушки из хатенок под соломенными крышами, мельницы, рощицы из мелких кустиков полыни. Видимо, здесь учились те самые танкисты, которые сейчас обороняют эту же рощицу.

В другом месте я увидел в лесу сделанный с таким же тщанием спортивный городок, где было все — от параллельных брусьев до турника.

Люди тренировались здесь, не щадя ни времени, ни сил, закаляясь физически,

укрепляясь морально, набираясь столь нужных нам военных знаний. Вот почему боевая тревога не застала никого врасплох, и вот почему люди дерутся сейчас с такой исключительной стойкостью.

В дневнике погибшего комсорга роты гвардии лейтенанта Соколова нашли запись, сделанную им перед боем. Вожак комсомольцев вписал в дневник бессмертные слова Зои Космодемьянской, сказанные ею перед мученической кончиной: «Мне не страшно умереть, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ».

Таковы плоды выучки партийной, комсомольской, морально-политической!..

* * *

Нынешний читатель заметит, что в эти два дня — восьмого и девятого июля — корреспондент «Комсомольской правды» уклонялся от каких-либо упоминаний о том, как же складывалась тогда боевая обстановка. Происходило это не случайно. То были одни из самых критических дней сражения на Курской дуге, и о многом, что происходило тогда, писать было нельзя — это лишь оказало бы услугу врагу.

Теперь, много лет спустя после окончания войны, битва на Курской дуге описана во всех деталях, — день за днем, час за часом, — во многих книгах и учебниках. В третьем томе «Истории Великой Отечественной войны» об этих двух поистине труднейших днях битвы сказано следующее:

> 8 июля противник пытался расширить прорыв в сторону Обояни, но снова встретил стойкое сопротивление наших войск. В то же время по вражеской группировке были нанесены два сильных контрудара: один — со стороны железной дороги Курск Белгород, севернее Шопино силами 2-го гвардейского танкового корпуса, второй — из района северо-западнее Томаровки — силами 5-го гвардейского танкового корпуса.
>
> 9 июля противник сделал еще одну попытку нанести мощный удар, чтобы прорвать вторую полосу обороны и выйти к Обояни и далее к Курску. Весь день он атаковал силами до 500 танков с большим количеством пехоты и артиллерии по фронту шириной до 30 километров позиции 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. К исходу дня гитлеровцам удалось продвинуться еще на 6–8 километров к северу, потеряв за день боя 11 000 солдат и офицеров, 230 танков и самоходных орудий. Воины 1-й танковой и 6-й гвардейской остановили врага и не пропустив ли его к Обояни.

Я позволю себе привести здесь выдержку из своего фронтового дневника от 9 июля 1943 года, иллюстрирующую некоторыми деталями это сообщение:

Только вчера саперы построили нам с Борисом Фишманом чудесный шалаш с топчанами и столиком, скамьей и даже дверью. Только мы вселились туда, только обосновались, как снова приходится менять адрес…

Обстановка на нашем участке фронта становится все более напряженной. Вчера гитлеровцы весь день адски бомбили оба направления — и Кочетовское, и Верхопенское. Ожесточенные бомбардировки и яростные танковые атаки поставили в трудное положение 6-ю гвардейскую армию и 31-й танковый корпус Черниенко. Были ослаблены и стойко выдерживавшие все эти дни натиск противника части 3-го механизированного корпуса Кривошеева.

Гитлеровские танки подошли к Кочетовке, где находился командный пункт 6-й гвардейской армии. Ее командующий генерал Чистяков выехал на командный пункт Катукова, туда должен был перейти и весь его штаб.

Но яростный бой продолжался, и прервать руководство им нельзя было ни на минуту. И в Кочетовке, в непосредственной близости от частей, ведущих бой, остался с оперативной группой начальник штаба В. А. Пеньковский. Врага удалось остановить. Однако обстановка

остается крайне напряженной.

Левее Кочетовки гитлеровцы несколько продвинулись вперед и заняли Грезное, загнув фланг еще больше. Явственно обозначилась их цель — обойти Обоянь с востока, ударить, быть может, на Ржаву.

На дорогах царит большое оживление. Чувствуется повышенное биение фронтового пульса. Увеличилось число раненых, отходящих в тыл. Потянулись обозы с эвакуируемым населением деревень. В направлении на Кочетовку пошли танки и самоходные пушки — будет усилено сопротивление гитлеровцам. Катуков рассчитывал, что предпринятые по приказу командования фронта контрудары 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов из района Корочи в направлении Калинино и Нечаевки, а 2-м и 10-м танковыми корпусами — по левому флангу 4-й танковой армии гитлеровцев облегчат положение, но эти предположения не оправдались.

С утра восьмого июля 31-й танковый корпус, который за ночь привел в порядок и собрал в кулак свои потрепанные части, держался стойко, но вскоре после полудня обозначился отход. Немедленно туда были брошены руководящие работники армий с задачей восстановить положение. Начальник политотдела армии полковник Журавлев был у Кочетовки (мы встретили его уже поздно вечером), инженер-полковник Дынер — в Верхопенье. Потом туда же умчался заместитель Катукова — старый генерал Баранович, который еще в царской армии дослужился до звания полковника; он — участник русско-японской войны.

Член Военного совета армии генерал Попель при мне направил одного командира из разведывательного отдела на шоссе с приказом — останавливать все танки, независимо от того, к какой части они принадлежат, и посылать к Кочетовке, в распоряжение командира 31-го танкового корпуса Черниенко.

Танкисты сражались повсюду с величайшей самоотверженностью, буквально стояли насмерть. Из 6-го танкового корпуса только что передали о выдающемся подвиге лейтенанта М. К. Замулы. Танковый взвод, которым он командовал, оборонял участок важной дороги, идущей через Верхопенье на Обоянь. Гитлеровцы непрерывно бросались в атаки, пытаясь прорваться на этом участке.

Танкисты Замулы сражались восемь часов и нанесли фашистам большие потери. Сам он уничтожил четыре «тигра» и пять других танков, три самоходных орудия и бронетранспортер. Его собственный танк был подбит.

На выручку смелым танкистам подоспели их товарищи под командованием старшего лейтенанта З. П. Байбакова. Гитлеровцы так и не прошли.

А Замула и его друзья за ночь отремонтировали свои машины и утром 9 июля снова вступили в бой. В этот день они отбили еще десять атак гитлеровцев. Всего за два дня на личном счету лейтенанта Замулы прибавилось 17 уничтоженных вражеских танков, в том числе 7 «тигров», а также 5 самоходных орудий.[53]

Но положение остается напряженным. Ночью совсем близко от штаба армии, где мы ночевали, стреляли наши батареи. Черта фронта проходила уже через Верхопенье и Кочетовку. На рассвете сего дня командный пункт стал сниматься и отходить в лес, севернее Обояни.

По пути мы останавливаемся в селении Бобрышево, где ночевали до этого несколько раз. Больно видеть переживания людей, которые опасаются, что гитлеровцы, хозяйничавшие здесь пятнадцать месяцев, могут вернуться. Женщины стоят у околицы, словно каменные изваяния, и неотрывно глядят на юг, где уже пылают соседние деревни.

Все колхозные работы остановились. Идет эвакуация. Мычат коровы, лают собаки.

Во дворе у наших хозяев стоит ручная тачка со скудной поклажей. Женщины одеты

---

[53] Лейтенант М. К. Замула за этот подвиг был удостоен звания Героя Советского Союза, а все солдаты и офицеры взвода были награждены орденами и медалями.

по-дорожному. Только старик с густой бородой упрямо твердит:

— Неправильно это! А хлебушко-то как? Кто хлеб будет убирать? Вот наши соберутся с силой, отгонят проклятого, а мы им хлебушка…

Сейчас семь часов утра. Солнце прорезается сквозь облака. На юге все началось сначала: звон авиамоторов, глухие разрывы бомб, орудийная канонада.

Стекла в хате дрожат. Тяжелый каток гитлеровского наступления готовится совершить еще один оборот. Неужели и сегодня фашисты продвинутся?..

И все-таки, как бы там ни было, это третье лето никак не похоже на два предыдущих. Гитлеровцам никак не удается прогрызть нашу оборону, хотя они напрягают все свои силы. Еще несколько дней, и они выдохнутся — такова всеобщая уверенность в штабе.

Вот почему мы берем на себя смелость уговорить своих хозяев в Бобрышеве не покидать села…

Контратака

10 июля, 16 часов 59 минут

> К сведению редакции. Вчера вечером мы побывали в одном из батальонов знаменитой танковой части, прославившейся минувшей зимой под Тацинской. Ее беспримерный неожиданный удар по опорному пункту, расположенному в глубоком тылу противника, сыграл в ту зиму крупную роль в развитии успеха наступательных боев. Он вызвал тогда оживленные отклики во всем мире. Знамя части было овеяно легендарной романтикой. И вот герои зимних боев снова скрестили оружие с заклятым врагом…

На долю этой части [54] выпала сложная, трудная задача: чтобы ограничить наступательные возможности немецкой танковой группировки, которая ценой огромных потерь вклинилась в наше расположение на одном из участков, эта часть непрерывно ведет бой на ее фланге, ставя под угрозу тылы отборных немецких танковых дивизий, упрямо толкущихся на небольшом пятачке, занятом ими. Лихие, дерзкие контратаки гвардейцев держат в страхе немецких генералов, заставляют их нервничать.

Об одной из таких искусных контратак гвардейцы и рассказали нам.

Седьмого июля гитлеровцы особенно яростно рвались вперед, стремясь любой ценой расширить крохотную лазейку, пробитую в первые дни наступления. О характере боев этого дня мы уже рассказывали нашим читателям — напоминаю, что только на одном участке наши позиции атаковали сотни танков при поддержке сотен самолетов. Именно в эти часы было особенно важно создать угрозу флангу немецкой ударной группировки, и гвардейцы получили приказ форсировать реку, занять несколько населенных пунктов и воспретить огнем движение немецких колонн по Белгородскому шоссе.

Точно в назначенный час гвардейские части, сосредоточившиеся накануне на исходном рубеже после долгого трудного марша, начали вытягиваться к переправе. Узкую, но каверзную речушку с топкими болотистыми берегами танки не могли форсировать вброд. Оставалось воспользоваться единственным мостом, который наши бойцы сумели отстоять от немецких атак. И танкисты смело двинулись к нему грозной колонной в составе многих

---

[54] Речь идет о 2-м гвардейском Тацинском танковом корпусе, которым командовал Баданов. Этот корпус был переброшен 6 июля в район Гостищево Крюково — Новые Лозы и на следующий день, перейдя в контрнаступление, занял Непхаево, вышел за реку Липовый Донец и достиг рубежа Смородино Грушенский. Поскольку, однако, сосед справа — 5-й гвардейский Сталинградский танковый корпус Кравченко успеха не имел и у тацинцев обнажился фланг, они отошли на восточный берег Липового Донца. Восьмого июля корпус продолжал свои контратаки, и заместитель командующего фронтом по бронетанковым войскам генерал-лейтенант Штевнев посоветовал нам с Фишманом побывать у тацинцев, чтобы рассказать об их подвигах читателям «Комсомольской правды».

десятков боевых машин: впереди шли с грозным рокотом мощные танки прорыва, за ними — подвижные сильные средние машины, далее — все остальные. На броне танков сидели отборные автоматчики в касках. Танковые подразделения непрерывно держали связь по радио — управление, как всегда, было стройным и четким.

Как и следовало ожидать, гитлеровцы спешно вызвали свою авиацию, которая обрушила свои удары на переправу. Это было страшное испытание: немецкие самолеты налетали группами непрерывно одна за другой. Наша авиация, решавшая ответственнейшую задачу на другом участке фронта, не могла прикрыть танки. Бомбы рвались одновременно по нескольку штук, осколки градом летели над деревянным мостом. Но танки шли и шли вперед, и автоматчики все так же сидели на броне — ни один не спрыгнул, чтобы укрыться от воздушных атак.

Форсируя переправу на большой скорости, танки немедленно расходились в стороны, маневрируя зигзагами. И поскольку во всем царила исключительная организованность, потери гвардейцев были незначительны. Несмотря на то что в этих налетах приняло участие в общей сложности 150 самолетов, им не удалось добиться прямого попадания ни в один танк, а мост остался цел. Перевернулся от взрывной волны только один легкий танк.

Узнав о приближении к этому участку знаменитой гвардейской части, гитлеровцы перебросили сюда отъявленнейших головорезов из дивизии «Мертвая голова». Тяжелые танки с черепами на башнях общим числом до ста штук развернулись навстречу гвардейцам. «Черная гвардия против красной, острили танкисты, — посмотрим, у кого нервы крепче».

Солнце уже близилось к закату, когда наши танки, развернувшись в боевые порядки, поползли вверх по скату высоты, с вершины которой спускались навстречу им танки «Мертвой головы», прикрывавшие наскоро отрытые окопы, в которых разместились спешенные эсэсовцы. В стороне зеленел лесок.

Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало отстоять деревушку, от которой открывался доступ к магистрали. На поле стоял адский грохот — все танки, и наши и немецкие, вели огонь. Яростно била с обеих сторон артиллерия. Наши автоматчики, спешившись, бежали за танками. Они поливали свинцом немецкие окопы, не давая эсэсовцам поднять головы.

И вдруг немецкие танки замедлили ход, невзирая на то, что они численно превосходили наши силы и во главе их шли «тигры». Видя это, командир первого батальона средних танков гвардии капитан Андрей Прохорович Мамалуй, испросив разрешения старшего начальника, отдал по радио приказ обтекать тяжелые танки прорыва и на полных скоростях атаковать врага. Маневренные грозные машины, взревев еще громче, помчались в обход сухопутных линкоров, и тут произошло нечто непредвиденное: «тигры» повернули в сторону и устремились в лес! Зная, с кем они имеют дело, немецкие танкисты уходили без боя, а эсэсовская пехота, видя, что она остается без прикрытия, начала выскакивать из окопов и бежать. Наши автоматчики слышали, как солдаты с черепами в петлицах выкрикивали имя генерала, командовавшего нашей гвардейской частью в зимних боях.

— Когда-то немцы пугали нас психическими атаками, — сказал, усмехаясь, капитан Мамалуй, рассказывавший нам об этом бое, — ну что ж, теперь они сами попробовали их вкус…

Ворвавшись в село, наши танкисты увидели перед собой вдали узкую ленту шоссе, по которому непрерывным потоком шли на север немецкие танки, машины, обозы. Они немедленно перекрыли дорогу огнем. Боевая задача была выполнена полностью. Танкисты не только внесли дезорганизацию и панику в немецкие тылы своим дерзким ударом с фланга, но и нанесли существенный урон врагу: гитлеровцы потеряли в этом бою восемнадцать танков, четыре самолета, десять автомобилей, немало пехоты.

Выполнив свою задачу, танкисты под прикрытием ночи так же искусно вернулись в свое расположение, умело оторвавшись от противника…

Наша беседа подходила к концу. Отсветы самодельной лампы ложились на карту, по которой танкисты показывали ход своей контратаки. Голубые ниточки рек, желтые и

багровые линии шоссе и большаков, зеленые пятна лесных массивов были густо испещрены условными военными значками, красноречиво свидетельствовавшими о том, что на этом участке фашистам не пройти. А в ожидании решающей битвы танкисты-гвардейцы, выдвинувшиеся далеко вперед, дерзко тревожат гитлеровцев с фланга. Их танки появляются то здесь, то там, лихо, по-суворовски, обрушиваются на врага, держа его в постоянном напряжении и сковывая его силы.

— Имеем кое-какой опыт, — усмехаясь, сказал мне майор Титов, — зима нас многому научила.

— Еще бы! Помнишь, как ты эшелон самолетов со своим батальоном захватил?

— А как трофейный шоколад за танками на трех грузовиках возили?..

— А помнишь, как на станции дрались?..

И снова пошли воспоминания, рассказы, истории — одна увлекательнее другой.

Когда мы прощались с этими лихими ребятами, уже сгустилась ночь. Стояла кромешная тьма. Было душно. Лил дождь, и вязкий чернозем чавкал под ногами. Не требовалось карты, чтобы определить точное расположение переднего края, — все небо было в ракетах, трассирующих пулях, снарядах, минах, чертивших свои огненные желтые, зеленые, красные, белые, серебристые трассы.

Гулко гремели громы артиллерии. Не утихала бомбежка. Кончались пятые сутки немецкого наступления. Об этом дне в сводке, наверное, скажут: «Бои продолжались», и на этом поставят точку. К этой строке пока действительно нечего добавить, но совершенно неофициально можно было бы сказать: «Скоро их наступлению — конец».

* * *

И все-таки обстановка оставалась напряженной. Вот что я записал в своем фронтовом дневнике утром 10 июля, когда мы, возвращаясь от тацинцев, задержались в одной деревушке, чтобы отремонтировать свою многострадальную автомашину, — в кромешной тьме она влетела в воронку, вырытую немецкой бомбой посреди шоссе, и мотор сорвался с рамы:

> «Поездка в корпус Баданова была очень интересной — это уверенные в себе, опытные люди, привыкшие к самым трудным переделкам. Все же заночевать у них они нам не позволили: к утру ждут каверзы. Корпус — в глубоком мешке. Мы отчетливо это увидели, когда ночью возвращались по шоссе. Передний край слева и справа обозначен огнями пожаров, гирляндами осветительных ракет, елочной канителью трассирующих пуль и снарядов, вспышками разрывов.
>
> Впотьмах пропустили Правороть, где надо было свернуть, вылетели к злосчастной Прохоровке, которую все объезжают, как зачумленное место: 7 и 8 июля гитлеровцы ее непрерывно долбили с воздуха и превратили в крошево.
>
> Вот здесь-то, возле глухого хутора, где остался одинокий глухой дед, мы и врезались в злополучную воронку. Долго ждали попутной машины, которая согласилась бы вытащить наш автомобиль из ямы и взять его на буксир. За железной дорогой слышался нарастающий грохот боя, явственно доносился треск пулеметных очередей, в воздухе ревели наши штурмовики, поливавшие где-то поблизости наступавших гитлеровцев дождем трассирующих пуль и реактивных снарядов.
>
> На рассвете нас выручил шофер проезжавшего мимо грузовика. Он протащил нас мимо разбитой Прохоровки и доставил вот в эту деревушку, в автобат 6-й гвардейской армии, где сейчас нашу машину чинят. Работают здесь геройски сейчас пять часов утра, а рабочий день (или рабочая ночь?) в разгаре. Для поднятия духа слесарей играет гармонист…
>
> Продолжаю запись на командном пункте штаба фронта — только что продиктовал на телеграфе статью «Контратака» — о нашей поездке к тацинцам.
>
> Борис Фишман успел съездить в Бобрышево. Рассказывает, что люди уехать

не уехали, но все ушли в поле, боясь бомбежки. Только в доме наших хозяев остался упрямый старик. Он твердо верит, что гитлеровцев скоро прогонят, и деревне они никакого вреда причинить не смогут:

— Какая силища наша пришла! Неужто их не одолеет?

А силища действительно подходит несметная.

Сегодня по дорогам движутся к фронту части свежей пехотной армии, кажется 5-й гвардейской. Говорят, что с Юго-Западного фронта прибыла воздушная армия. Здесь — опергруппа начальника штаба ВВС генерал-полковника Худякова. Все говорит о том, что готовится мощный контрудар…»

Вечером этого нескончаемого дня (мы не спали уже двое суток) я и Фишман вернулись на командный пункт командарма Катукова. Он был уже на новом месте: глубокий лесистый овраг, просторные блиндажи. Повышенная бдительность: несколько цепей часовых, строгая проверка документов. В тот вечер я написал в дневнике:

«Катуков спит. Я беседую на пригорке со знакомым работником оперативного отдела майором Колтуновым. Он сообщает, что активность гитлеровцев снизилась.

За сутки они почти нигде не продвинулись. Все, чего они добились за эти дни ожесточеннейших боев, — это вмятина на линии фронта, не больше.

Критическим для нас моментом были дни 8 и 9 июля, когда гитлеровцам удалось ворваться в Кочетовку и Верхопенье, потеснив 31-й танковый и 3-й механизированный корпуса. Но тут же, в ночь на 9 июля, в полосу действий 1-й танковой армии был переброшен в качестве подкрепления свежий, 10-й танковый корпус. Кроме того, для обеспечения правого фланга армии Катукова в район Меловое был рокирован 5-й гвардейский танковый корпус. И хотя гитлеровцам и удалось растрепать принявшую на себя их первый удар 6-ю гвардейскую армию, хотя они нанесли серьезный урон вставшей железным щитом на их пути 1-й танковой армии, хотя они и поставили в трудное положение 5-й гвардейский Сталинградский корпус, нанеся ему большие потери непрерывными бомбежками, им так и не удалось добиться сколько-нибудь существенного стратегического успеха.

Больше того, они проиграли самый ценный фактор — время. Пока на этом участке шли яростные бои, 2-й гвардейский Тацинский и еще два других танковых корпуса выдвинулись из района Корочи к фронту и нависли над Белгородом с северо-востока, угрожая шоссе Белгород — Курск. К исходу 9 июля подошли части 5-й гвардейской танковой армии и 5-й гвардейской пехотной армии.

Что будет дальше? Гадать трудно, но ясно, что такие крупные резервы сосредоточиваются здесь не только для обороны…

День сегодняшний душный, пасмурный, предгрозовой».

Битва у Прохоровки

14 июля, 20 часов 10 минут

К сведению редакции. Я несколько дней молчал, так как события, происходящие на нашем участке фронта, до поры до времени не предавались гласности. То, что здесь свершилось, кладет конец наступлению гитлеровцев и открывает новые перспективы, которые трудно переоценить. Передаю статью, которую можно будет опубликовать, лишь некоторое время спустя, когда будет опубликовано соответствующее сообщение.

Теперь, когда обнародованы итоги оборонительной битвы на Курской дуге, можно рассказать нашим читателям о некоторых деталях этих боев, которые, конечно, войдут в историю второй мировой войны как одна из важнейших ее страниц. До сих пор, по понятным причинам, мы не могли приводить ни названий населенных пунктов, где шли бои, ни

наименований частей, которые в них участвовали, ни других важных данных.

Но вот нынче официально сообщено, что успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска. Нынче уже можно сказать, что всего со стороны противника в наступлении участвовало 17 танковых, 3 моторизованные и 18 пехотных немецких дивизий, что ценой огромных потерь противнику удалось вклиниться в нашу оборону на Орловско-Курском направлении на глубину до 9 километров, а на Белгородско-Курском — от 15 до 35 и что в дальнейшем наши войска, измотав и обескровив отборные дивизии немцев, отбросили врага.

Гитлеровцы понесли огромный урон: они потеряли только убитыми десятки тысяч солдат и офицеров, потеряли тысячи танков, многие сотни орудий, свыше тысячи самолетов и тысячи автомашин.

На протяжении всех этих дней наша печать широко информировала народ о том, с каким исключительным героизмом и самоотверженностью вели наши воины эти бои, и опубликованные сейчас итоговые данные новым светом озаряют все то, что они сделали.

Сегодня мне хотелось бы лишь дополнить все то, что было рассказано раньше, сообщением еще об одной важнейшей битве, сведения о которой до сих пор, по соображениям военной тайны, не публиковались в печати, — я имею в виду геройские действия 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова на плацдарме у селения Прохоровка…

В один из жарких июльских дней, когда по всей линии фронта кипели напряженнейшие бои, нам довелось побывать в частях Тацинского танкового корпуса, который, действуя в труднейшей обстановке, настойчиво атаковал с фланга мощную танковую группировку, упрямо пытавшуюся прорваться на север, правее шоссе Белгород — Курск, обогнуть расположение наших войск, выйти на их дальние тылы и поставить тем самым под угрозу окружения. И как ни велики были потери гитлеровцев, они упрямо рвались вперед — слишком высока была ставка штаба Гитлера в этой игре, чтобы они могли жалеть свои танки и своих людей…

Это было решающее испытание сил, и, скажу по совести, в ту ночь, когда мы возвращались от героев-тацинцев по узенькой ниточке дороги, связывавшей их с главными силами, у нас было тревожно на душе; слева и справа был слышен грохот боя, черный горизонт то и дело освещался багровыми вспышками, в воздухе висели люстры ослепительных ракет, и земля сотрясалась от взрывов авиационных бомб.

И вдруг ранним утром мы встретили на шоссе абсолютно свежий, в полном комплекте, располагающий первоклассной техникой первый краснознаменный мотострелковый полк, следовавший в походном порядке с развевающимся знаменем. Бойцы в новом, аккуратно подогнанном обмундировании дружно пели:

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.
С нашим командармом
Не приходится тужить…

То была песня 5-й гвардейской танковой армии, которая внезапно появилась в этом районе как снег на голову гитлеровцам, вовсе не ожидавшим такого сюрприза. Эта свежая танковая армия оснащена новейшей боевой техникой и притом в большом количестве и укомплектована кадрами, прошедшими большую школу войны. Появление ее на этом участке фронта сулило новые важные события.

* * *

И вот настало двенадцатое июля. Это был восьмой день боев. Стояла пасмурная,

холодная погода. Моросил дождь. В штабе у Катукова в это утро работа началась позднее обычного — люди отдыхали после трудной, полной тревог и боевых забот ночи. Перед отъездом, спускаясь в овраг по скользкой тропе, я встретил бледного от бессонницы штабного работника майора Колтунова. Он был спокоен:

— За вчерашний день танчишек до сотни все-таки набили. Гитлеровцы на нашем участке остановлены. Теперь мы будем их тревожить. А тем временем…

Он многозначительно поднял палец кверху и зашагал дальше по тропе. Я уже догадывался о том, что будет «тем временем». Мы знали, что центр событий переносился на Прохоровский плацдарм, где в эти самые минуты разгорался крупнейший в истории и несравненный по ожесточению встречный танковый бой — пятая танковая армия, с авангардом которой мы случайно повстречались на этих днях, столкнулась с гитлеровской ударной танковой группировкой, пытавшейся прорваться вперед.

Еще неделю тому назад мало кому было известно о существовании Прохоровки, обычного русского селения, каких сотни на земле Курской области, и одноименной железнодорожной станции. Теперь же обстоятельства сложились так, что ее имя войдет в, историю. Правда, в будущем ее придется отстраивать заново — сейчас на месте Прохоровки лежит страшный пустырь седьмого и восьмого июля немецкая авиация, пытаясь проложить путь на север своим танкам, непрерывно долбила Прохоровку бомбами и превратила ее в крошево из щепы, битого кирпича и глины — мы видели это на днях своими глазами.

Как я уже отмечал выше, гитлеровцы, получив отпор на Белгородско-Курском шоссе под Обоянью, начали перегруппировку, стремясь выйти правее. Нацеливая свой удар на Прохоровку, они намеревались прорвать здесь нашу оборону на всю глубину и, ловко маневрируя, выйти к желанному им Курску в обход наших сил, сосредоточенных в районе Обояни. Наши части своими яростными контратаками, с которыми наши читатели уже знакомы, мешали немецкому командованию расширить свой клин и нависали над их флангами.

Не подозревая о том, что впереди их ждет встреча с совершенно свежей танковой армией Ротмистрова, гитлеровцы упрямо прогрызали нашу оборону, не оглядываясь назад. Их ближайшей целью была Прохоровка. Дело в том, что местность в этом районе весьма неблагоприятна для движения танковых колонн: леса, изрезанные оврагами, небольшая, но каверзная речушка с труднодоступными берегами… И только в одном месте — у Прохоровки открывается широкий простор между железной дорогой и рекой Псел: здесь расстилаются поля с небольшими отлогими балками и рощицами, где удобно прятать боевую технику. Сюда-то и устремились гитлеровские танковые части.

И вот, к их величайшему удивлению и растерянности, место оказалось занятым. И кем? Противником, о существовании которого на этом участке они и не подозревали, — Ротмистровым! 5-я гвардейская танковая армия была могучей силой: в ее состав входили 18-й и 29-й танковые и 5-й гвардейский механизированный корпуса. Кроме того, Ротмистрову были приданы 2-й общевойсковой и 2-й гвардейский танковый корпуса. Перед ним была поставлена задача — нанести удар в направлении Прохоровка — Яковлево.

В 8 часов утра 12 июля соединения первого эшелона армии Ротмистрова перешли в наступление. В это же время начала наступление и ударная группировка противника. Две мощные танковые армии столкнулись. Это произошло у совхоза «Комсомолец». Наш удар был нанесен столь стремительно, что головная группа танков Ротмистрова прошла сквозь немецкую колонну, словно горячий нож через сливочное масло, выскочила ей в хвост и начала расстреливать ее тылы.

Танки гитлеровцев начали расползаться в стороны, спеша занять позиции для боя. Поле между железной дорогой и рекой превратилось в плацдарм, на котором сотни немецких танков, сопровождавшихся самоходной артиллерией, пытались как-то противостоять ударам советских танкистов. Это была ударная группировка 2-го эсэсовского танкового корпуса. За рычагами боевых машин сидели заклятые враги Советского Союза, и дрались они с отчаянием смертников. Борьба была беспощадная. С обеих сторон в бою участвовало до

1200 танков.

Танки часто сходились на короткую дистанцию и вертелись, норовя поразить друг друга в борт либо с тыла. То там, то здесь они шли на таран. Многотонные стальные машины сталкивались со страшным грохотом. Слетали с танков тяжелые башни, рвались и распластывались в жидкой грязи гусеницы. К небу вздымались десятки густых столбов дыма — наши танкисты зажгли свыше ста немецких танков и самоходных орудий. А над полем боя шли ожесточенные воздушные бои — сражалась авиация.

Только наступление ночи вынудило танкистов на время прекратить бой. Немецкие инженеры торопились вытащить в тыл под прикрытием темноты подбитые танки. Начиналась перегруппировка частей. Подходили резервы. Наше командование в свою очередь спешило как можно быстрее вывести с поля боя поврежденные машины и пополнить подразделения, потерпевшие в бою урон.

Жестокий бой кипел и на соседнем участке, где сражалась пехота — там 3-й танковый корпус противника упорно пытался прорваться на Ржавец. Гитлеровцы все еще не хотели расстаться с замыслом выйти на тылы наших вооруженных сил, действующих южнее Курска. Чтобы остановить их, в полосу подвергшейся атакам 69-й армии были выдвинуты две бригады 5-го гвардейского механизированного корпуса, составлявшего второй эшелон армии, одна танковая бригада 2-го гвардейского танкового корпуса и резерв Ротмистрова. Этот сводный отряд вместе с соединениями 69-й армии остановил и отбросил 3-й танковый корпус гитлеровцев. На этом участке столкнулись около 300 танков и самоходных орудий.

> (Всего во встречных сражениях 12 июля 1943 года западнее и южнее Прохоровки участвовало около полутора тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок. Противник потерял здесь около 300 танков и более 10 000 солдат и офицеров убитыми.[55])

Так, в общих чертах, развертывалась битва на Прохоровском плацдарме, которая, бесспорно, войдет в будущем в военные учебники как одно из важных сражений второй мировой войны…

Сила традиций

> **17 июля, 11 часов 30 минут**
>
> К сведению редакции. Тема этой корреспонденции сейчас очень важна. Прошу ее опубликовать как можно спорее, сопроводив обобщающей передовой статьей.
>
> После обстоятельной консультации на месте принял решение остаться в танковой армии Катукова. Сюда же вернулся Фишман. Отсюда до прямого провода далеко, материал идет «с пересадкой». Надеюсь в будущем поработать над еще более интересными темами. Газету вижу редко. Шлю материалы ежедневно. Даю текст. Привет.

Только что отгремел жаркий бой. Танкисты решительной контратакой сшибли немцев с двух важных в тактическом отношении высот. Грозные боевые машины с победным ревом возвращаются на исходный рубеж — на высотах закрепляется пехота. В неглубоком овраге, густо заросшем орешником, дымит походная кухня. Связисты тянут провод. Стучит пишущая машинка. Почтальон разносит письма… Привычный, устоявшийся фронтовой быт!

Чуть поодаль стоят, рассредоточившись, тщательно замаскированные танки, по своему внешнему виду резко отличающиеся от тех, которые только что вышли из боя, — ни одной

---

[55] См.: «Советские танковые войска. 1941–1945», стр. 130–131.

царапины на броне, сверкающая краска, тщательная заводская оснастка. Машины еще пышут жаром — они прошли дальний путь. Это прибыло пополнение, которое, может быть, уже через несколько часов вступит в бой.

Экипажи хлопочут у машин. Молодые здоровые ребята в новом обмундировании работают дружно и слаженно — они прошли большую хорошую школу. Но многое им здесь внове. Ближние разрывы авиабомб, протяжный вой шестиствольных минометов, вид раненых, бредущих с переднего края — все это нервирует некоторых бойцов, на их лица ложится тень тревоги, озабоченности.

Командир бригады, уже хорошо знакомый нашим читателям, дважды орденоносец гвардии подполковник Александр Федорович Бурда отлично знает, как важно перед боем дать молодым бойцам хорошую зарядку, ободрить их, вселить в них уверенность в своих силах.

Дана команда — собраться всем в конце оврага, оставив по машинам дежурных. Люди бегом устремляются к указанному им месту. Туда же, не спеша, подходит гвардии подполковник Бурда. На нем простой танкистский комбинезон, солдатская фуражка: он сам только что вылез из танка, в котором выдвигался вперед, чтобы руководить по радио ходом боя.

Прищуренным хитроватым взглядом командир оглядывает молодежь и негромко говорит ей:

— Ну, здравствуйте, товарищи!

— Здрррасте!

Командир доволен четкостью громкого ответа и выправкой молодежи, но не подает виду и строго спрашивает:

— Знаете, в какую армию вы попали?

— Знаем! — отвечают неуверенные голоса. Танкисты называют номер армии и фамилию генерала, который ею командует.

— Нет, видать, не знаете! Вот я вам сейчас расскажу, а вы слушайте. Да слушайте внимательнее, головами не вертите! На самолеты еще насмотритесь и, между прочим, узнаете, что от них ничего страшного не бывает: шум один. Вот только надо умело вести себя при налете — это верно. Иной трусишка начнет метаться, и сам под осколок попадет. А настоящий солдат сразу ляжет в складку местности, вот так, — Бурда вдруг падает на землю и ловко показывает, как надо действовать при авиационном налете, потом встает и заканчивает: — И ты жив.

Так, уместно ввернув несколько словечек, чтобы люди еще раз вспомнили, как вести себя в случае налета, командир начинает свою речь к пополнению. Во-первых, он знакомит молодежь с биографией генерала Катукова, который командует армией. Под началом Катукова Бурда служит уже два года, и потому рассказ его о нем красочен и ярок. Молодые танкисты слушают подполковника с большим интересом, и по выражению их лиц заметно, что они как-то начали забывать о необычности обстановки, в которой проходит эта беседа. А командир все тем же ровным, спокойным тоном, неторопливо, хотя на самом деле у него сейчас каждая минута на счету, ведет рассказ о том, как генерал сколачивал свои части, как он сам рос в битвах, как прошел за четверть века огромный путь от рядового красноармейца да командарма, как складывались традиции этой армии, много раз громившей численно превосходящего врага…

— Так вот, солдаты, вам повезло, — продолжает Бурда. — Не всякому выпадает честь служить под знаменем нашей армии, не всякому удается воевать под началом такого генерала, как наш. Значит, надо вам драться так, чтобы потом не стыдно было в глаза нашим ветеранам глянуть. Знаете, ведь чужой славой не проживешь, надо ей и свою долю подбавить, а семья наша дружная, храбрых мы сразу усыновляем. Среди вас небось немало таких, кто еще не воевал совсем, а? А ну, поднимите руки, кто первый раз в бой идет? Поднимается много рук. — Вот видите. Стало быть, страшновато немного? Некоторые сконфуженно улыбаются. — Ничего, вы думаете, я не боялся, когда первый раз на немецкие

танки в июне 1941 года пошел в атаку? Боялся, да еще как!.. А вот жив до сих пор и воюю… Тут дело такое, главное, себя в руки взять, все внимание сосредоточить на боевой задаче. Делай, как тебя учили, и помни, что фрицу за своей броней еще страшнее, чем тебе, потому что он чует, что теперь уже ему скоро конец придет. А сходишь несколько раз в атаку, да еще отличишься — будешь драться уже спокойнее…

Вот сейчас, пока вас еще тут не было, нам на этом участке пришлось вести такие бои, каких, скажу смело, еще не было за всю войну. Против нашей армии тут тысячи танков лезли и сотни самолетов налетали. А среди танков много «тигров». Вы, конечно, про них уже знаете. Это машина сильная, но, между прочим, бить ее можно, как всякую другую. Сегодня ночью мои хлопцы одного «тигра» тут поймали — он там на передовой стоит. Вытащат его сюда, я вам покажу, куда надо целиться и как его бить.

Ну, дрались наши танкисты на совесть. Остановили мы их и бьем. Вот уже неделю немцам не удается ни на шаг вперед пройти, а кое-где мы им уже дали перцу так, что они попятились. Вот и у вас теперь есть возможность отличиться. Знаете, иногда говорят: есть шанс убить медведя. А я скажу: есть шанс убить «тигра».

Молодые бойцы смеются.

— Так вот, товарищи, что вам прежде всего надо иметь в виду? Вы знаете, война есть испытание всех сил человека. Тяжело воевать! И недоспишь, и не покушаешь вовремя, и ранить, и убить тебя могут. Но что ж поделаешь — на то война! А воевать надо. Никто за нас с вами гитлеровцев бить не будет. Иногда придет молодой парень в часть, сходит в атаку, проведет несколько суток без сна, устанет, и нос у него уже книзу, глаза хмурые, и весь он словно мученик господень. Нет, этак воевать не годится! Ты воюй так: как ни трудно тебе, как ни тяжело, ты нервишки не распускай, держи себя в руках, будь всегда бравым, чтобы товарищам было весело на тебя глянуть, чтобы каждый сказал себе: «Вот герой! Ему легко, значит, и я должен держаться».

Стойкость для танкиста — первое дело. На войне ведь по-всякому бывает. Вот я приведу такой пример. В сорок первом году под Орлом одного нашего стрелка-радиста ранило в ногу — снаряд броню пробил. И что же вы думаете он никому об этом не сказал, пока бой не кончился. Зажал ногу руками, чтобы кровь не так сильно хлестала, и сидит! А надо по радио связаться, отпускает ногу и работает, хоть сам кровью исходит. Кончился бой, он без чувств упал, и тут только его товарищи увидели, что с ним было. Это был герой-радист Дуванов, и правительство его за этот подвиг орденом Красного Знамени наградило. Вот как надо воевать, молодые солдаты!

Идешь в бой — забудь обо всем на свете, помни только свой боевой приказ, помни, что перед тобой фашист и что того фашиста ты должен уничтожить. Перед нами, как вам, наверное, уже говорили, самая отъявленная сволочь — эсэсовские танковые дивизии. Сколько горя, сколько зла они причинили нашему народу!.. Стало быть, задача ваша ясна: чего бы это ни стоило — истребить их.

Но, между прочим, себя береги. Некоторые молодые люди по своей горячности рассуждают так: «Чего мне себя беречь? Это вроде даже как бы совестно. Иду на смертный бой — и все тут!» Некоторые даже заранее посмертные записки пишут: погиб, мол, за Родину смертью храбрых. А я скажу: не всякая смерть в бою геройская. Глупая, напрасная смерть — преступление перед Родиной. Танкист нам дорог, и помирать он не имеет права, пока по крайней мере двадцать немецких танков не перебьет. Такой у нас заведен закон: жизнь нашего солдата мы ценим в двадцать гитлеровских.

На эту тему, конечно, много надо говорить, и вас не зря учили столько времени. Но я все ж таки несколько советов вам дам. Помните это мое напутствие, когда пойдете в бой. Первое дело — всегда и везде веди разведку. Сами знаете: разведка — глаза и уши командира. И разведку должен вести не только тот, кому командир дал специальное задание. Нет, ты сам всегда и везде разведывай! Идешь на исходную — следи за местностью, примечай выгодные лощинки, кустики, смотри, где какие препятствия, следи не подкрался бы к тебе откуда-нибудь проклятый «тигр».

Пошел в атаку — опять-таки непрерывно наблюдай местность, следи за противником, гляди за соседями справа и слева, указывай цели своим товарищам, немедленно доноси командиру обо всем важном, что заметишь.

Попал товарищ в беду — немедленно на помощь ему! Выручишь товарища, а потом он тебе сторицей отплатит.

Умей беречь и себя и технику! Есть у нас такие друзья — чтобы показать свою храбрость, они откроют люк на башне и глядят по сторонам. А открывать башенный люк или даже чуть-чуть приоткрывать на поле боя строго запрещено. Был у нас такой случай: приоткрыл один командир крышку люка, а в этот момент рядом с танком рвется бомба. Взрывной волной рвануло крышку, вырвало, конечно, ее из рук у этого командира, а осколком его в голову насмерть! Вот как бывает в бою!..

Ранило твою машину — не спеши уйти с поля боя. Отведи ее в укрытие, попробуй своими силами исправить и тут же обратно в бой. А уж если повреждение неисправимо, тут в лепешку разбейся, а танк уведи, спаси! Помню, был у нас в прошлом году такой случай. Один экипаж застрял в подбитом танке на переправе в сорока метрах от фрицев. Набралось в машину воды сантиметров на сорок. По машине все время бьют немцы. Экипаж отстреливается из машины, но не уходит: ждет помощи. Помочь им было трудно — вся местность простреливалась. Что ж вы думаете? Просидели наши хлопцы целую неделю в воде, а машину все-таки не бросили. Дождались выручки. Вытянули мы их танк из-под огня, отремонтировали, и машина продолжала воевать. Вот так технику надо любить и беречь!

Противник наш сильный и хитрый. Недооценивать его нельзя. Помните народную пословицу: «Не ставь недруга овцой, а ставь его волком». Вот и смотрите на фашиста как на волка, днем и ночью думайте об одном: как бы лучше к нему подобраться, как бы лучше его перехитрить, обмануть, обставить. Тут вам большой простор для инициативы.

Скажу еще несколько слов о том, как содержать машину.

Контролируй работу всех агрегатов. Да следи, чтобы под ногами у тебя ничего не валялось! А то представьте себе: атакует тебя «тигр», надо сию секунду сманеврировать, отвернуть в сторону, чтобы его снаряд тебя не убил, а в это время тягу заело — под нее молоток или ключ попал… Тут уже некогда их оттуда вытаскивать, и из-за пустяка конец твоей машине. Все должно лежать по своим местам: и молоток, и бородки, и ключи.

Моторная часть… Помните: иногда приемник у масломанометра отходит. От этого может произойти большая неприятность. Вам манометр не виден, а вы зазеваетесь, вовремя не взглянете на прибор, масло уйдет, и мотор погибнет. Поэтому регулярно подтягивайте манометр…

Бурда говорит размеренно, обстоятельно, вникая во все технические детали обслуживания машины. Он знает, что молодых танкистов учили всем этим премудростям в школе, но считает полезным напомнить еще раз перед боем о многих важных, хотя на первый взгляд незначительных деталях, потому что на войне нет ничего второстепенного, все важно и все значительно.

Беседа начинает походить на производственное совещание в гараже. Время от времени Бурда вызывает механика, радиста, башенного стрелка, задает им технические вопросы, расспрашивает, как тот поступил бы в том или ином случае. Так он знакомится с людьми, оценивает их. Когда ему кажется, что люди уже настроились на рабочий лад, он снова круто поворачивает ход беседы и возвращается к основной теме — о традициях части.

— Так вот, солдаты, повторяю: вы попали не в обычную армию. Немцы боятся одного имени Первой танковой, и ваша святая обязанность поддержать нашу марку в бою. Минувшей зимой, например, мы штурмовали немецкую оборону, которую фрицы строили полтора года. Прорвали три линии укреплений, уничтожили двести сорок шесть дзотов, пятьдесят пять танков, сто пушек, двадцать самоходных орудий, двести пятьдесят пять пулеметов, перебили четырнадцать тысяч солдат и офицеров, за десять дней освободили пятнадцать населенных пунктов. И здесь деремся неплохо. Как ни пытались эсэсовцы прорваться, как ни лезли нахально — ничего у них не вышло.

Пускай каждый из вас крепко помозгует, как бы ему отличиться в бою, как бы заслужить боевую награду. Ведь у нас не трудно стать героем, для этого только надо быть искусным воином и храбрым человеком, а наш генерал внимательный и заботливый, он всегда тебя поощрит и выделит, если ты того заслужил. У нас свыше трехсот бойцов и командиров награждены орденами и медалями. А чем вы хуже их? Я вижу — вы орлы, силенки есть, у каждого есть небось и думка отличиться. У кого дома зазнобушка осталась, у кого старики родители, у кого друзья — кому же не хотелось бы порадовать их весточкой? Так и так, мол, за отличие в бою представлен к ордену…

Так вот, товарищи, скоро вы пойдете в бой. Бой будет трудный, заранее вам говорю, поработать придется много и в полную силу. Глядите же, не опозорьте нас, ветеранов, покажите, что и молодежь не лыком шита. Помните слова присяги, которую вы приняли, святые ее слова. Помните о чести нашего боевого знамени. Помните, что наказывали вам матери, когда вы уезжали в армию, — биться с врагом не лениво, а насмерть, положить его, окаянного, в гроб и землей засыпать, чтобы и духу фашистского на нашей земле слышно не было!

Будем с вами драться так, чтобы потом не пришлось нашему генералу краснеть перед Главнокомандующим, когда он вызовет его и спросит: «Ну, как, дорогой, твое войско дралось, как свою честь соблюдало?» А бейтесь так, чтобы генерал гордо вышел вперед, глянул Главнокомандующему в глаза и громко сказал: «Приказ ваш выполнен полностью, товарищ Главнокомандующий! Все мои части дрались отлично, и молодежь шла вровень с ветеранами…»

Бурда умолкает, задумчиво глядит в раскрасневшиеся взволнованные молодые лица. Он знает: сейчас им можно доверить выполнение боевой задачи, они сделают все, чтобы сохранить и умножить боевые традиции части…

Пять мгновений

18 июля, 16 часов 05 минут

К сведению редакции. Сегодня с утра в воздухе было разлито ожидание новых событий. Явственно чувствовалось, что это было затишье перед бурей. Погода пасмурная, с утра хлынул проливной дождь, дорогу развезло, и мы задержались в Курасовке в ожидании, пока чуть-чуть подсохнет.

У генерала Катукова в эти дни много гостей сверху. Здесь побывал командующий фронтом генерал И. В. Ватутин, член Военного совета Н. С. Хрущев, начальник бронетанковых сил фронта генерал Штевнев, много штабных работников. Проводили разбор действий армии в оборонительных боях. Как передают, операция отпора оценена высоко.

Сейчас гитлеровцы ждут ответного удара Красной Армии. Тем не менее они вынуждены часть своих сил снимать с Белгородского направления и перебрасывать их к Орлу, где дела Гитлера, по-видимому, обстоят еще хуже.

На нашем участке фронта в последние дни активных боевых действий не было. Зато по горло заняты работой штабы. По дорогам тянулись войска. Больше всего бросалось в глаза небывалое до сих пор обилие военной техники. У бойцов — автоматы. Много ручных пулеметов. Противотанковые ружья. Станковые пулеметы в большом количестве. Артиллерия.

Около полудня мы начали соображать, что идет не обычная переброска подкреплений. Танки шли, нагруженные запасными бочками с горючим. Их было много. На переднем крае усилилась канонада.

На шоссе, ведущем к Зоренским Дворам, встретили знакомых танкистов их полк выдвигается на исходные рубежи для атаки. Попробовали найти нашего друга Бурду — он тоже в движении. Все мчатся на юго-запад.

В штабе армии пока тишина, застали начальника штаба генерала М. А. Шалина, но Катукова уже нет. Оказывается, он уехал вперед еще в четыре

часа утра.

Судя по всему, начался контрудар наших войск с пока еще ограниченной задачей: окончательно срезать острие клина, образовавшегося в результате немецкого наступления, начавшегося 5 июля.[56]

Обо всем этом сообщаю для вашего сведения. А сейчас начинаю диктовать очерк «Пять мгновений».

Умей пользоваться местностью, управляй счастьем: мгновение дает победу.

А. Суворов

Вечером запыленный усталый офицер связи доставил донесение. В нем рассказывалось сжатым военным языком о большом трудном бое, который весь день вела часть, и в самом конце, словно мимоходом, после перечисления взятых трофеев было записано: «Лейтенант Бражников в течение дня уничтожил четыре танка T-VI типа «тигр».

Полковник дважды перечел эту строчку и задумчиво повторил: «Лейтенант Бражников… Позвольте, это не он ли седьмого июля сжег «тигра»?..» — «Так точно, он самый!» — подтвердил офицер. «Так что же это получается — он один уничтожил уже пять «тигров»? И жив?» — «Так точно! Только под ним две «тридцатьчетверки» сгорели…» — «Оч-чень интересный молодой человек, протянул полковник и сказал, обращаясь ко мне: — Вот к кому я советовал бы вам съездить! Случай в некотором роде феноменальный!»

Утром я уехал разыскивать Бражникова. В тенистом саду, на ветвях которого наливались соком яблоки, стояли новые боевые машины. Около них хлопотали загорелые танкисты в комбинезонах; у некоторых резко выделялись на головах белые повязки. Это экипажи, потерявшие в боевых схватках свои машины, принимали новую материальную часть, чтобы через час снова уйти в бой, туда, откуда явственно доносилась канонада.

На фронтовых дорогах много приходится встречать удивительных людей, и невольно привыкаешь к тому, что подвиги совершают самые обычные, рядовые с виду люди. Но ведь на этот раз произошло событие, настолько выходящее из ряда вон, что казалось, я обязательно встречу могучего человека с богатырским сложением и лихой повадкой. Но и на сей раз я обманулся…

— Вам Бражникова? — спросил механик, устало разгибая спину. — Гриша, поди-ка сюда! К тебе…

Из-под развесистой яблони поднялся смуглый черноволосый паренек среднего роста, с живыми карими глазами и мягкой линией подбородка. В левой руке он держал шлем с наушниками, у пояса болтался компас. По всему было видно — Бражников чувствует себя в этом саду гостем, а мыслями, душой, сердцем он где-то там, где сейчас дерутся его товарищи.

Мы разговорились. Бражников оказался славным, довольно бойким на язык, но в то же время скромным парнем. Удивительные успехи, достигнутые им в двух боях, не вскружили ему голову.

К своим результатам он относился, как к чему-то совершенно естественному, а потом по секрету даже признался, что они для него самого оказались неожиданными — честно говоря, ему как и некоторым другим танкистам, в первые дни боев показалось, что «тигр» и впрямь почти неуязвимая машина.

— Трудней всего было заставить себя принять первый бой с «тигром», а страшнее всего, когда первые снаряды его не взяли… А потом, когда увидел своими глазами, как он горит — ну, тут все! Тут уже одно только чувство остается, охотничье: ищи, лови на прицел

---

[56] Огромные потери ударных группировок немецко-фашистских войск, понесенные и боях под Курском, и начавшееся 12 июля наступление войск Западного и Брянского, а затем 15 июля Центрального фронтов на Орловском направлении поставили противника перед необходимостью спешно принять решение об отводе своих войск, наступавших на Белгородско-Курском направлении, на прежние рубежи… С началом отхода противника совпал контрудар войск 6-й гвардейской и 1-й танковой армий вдоль шоссе ОбояньБелгород на юг («История Великой Отечественной войны Советского Союза» т. 3, стр. 275)

и бей во славу Кубани…

— Ах, вот оно что, так вы кубанец? Казачью удаль сразу видать… Бражников немного смутился и как будто даже обиделся:

— Удаль-то тут при чем? Наше дело техническое, индустриальное. Тут точность требуется. Точность и расчет. А главное — время! Секундное дело или ты «тигра» упредишь, или он тебя… Кто выиграл секунду — тому жить, кто проиграл — тому в ямке лежать. Очень даже простая арифметика!..

Бражников говорил нетерпеливо, изредка подчеркивал важную мысль коротким и точным жестом, словно отсекая что-то, мешающее ему. Постепенно вырисовывалась картина двух удивительных сражений, в которых наши танкисты еще раз показали, как много стоит советский средний танк Т-34, когда он находится в умелых руках, когда его экипаж в совершенстве владеет маневром, умеет применяться к местности и знает цену мгновению — одним словом, действует по старому испытанному суворовскому закону.

7 июля, когда немецкие генералы, идя с козырей, бросили всю мощь своих танков на узкий участок фронта, рассчитывая прорвать, наконец, нашу оборону, поперек пути им встали наши танкисты, и сталь ударилась с разгона о сталь. Батальон, в котором служит Бражников, влетел на окраину знакомой деревни, растянувшейся над оврагом по берегу ручья, — здесь танкистам была знакома каждая хата — ведь они до начала немецкого наступления без малого три месяца прожили здесь и подружились с колхозниками. Кое-кто приглядел уже себе невесту, и немало горячих слов было сказано по садочкам в блаженные майские дни.

Теперь в эти самые садочки танкисты влетели на горячих, пышущих нефтяным чадом машинах, безжалостно сминая плетни — деревня стала фронтом… Густая тяжкая злоба влилась в их души, им больно было видеть, как уходят из села на север подруги, сгибаясь под тяжестью узлов и отворачивая взоры от танков. Внутри машины Бражникова, стоявшей у знакомой хаты в садике, было тихо. Говорить никому ни о чем не хотелось. Но каждый понимал: уйти отсюда — значит опозориться. Уж лучше драться до последнего!

Немецкие танки не заставили себя долго ждать. Было около полудни, когда они поползли с юга, словно гусеницы, сплошным потоком. Одновременно с неба ударила авиация. Откуда-то из глубины начала яростно бить немецкая артиллерия. Село на глазах у танкистов переставало быть селом — оседая, хаты рассыпались, превращались в груды измельченной глины, соломы, битого кирпича. Танкисты отвечали на огонь огнем. То там, то здесь загорались машины, и до небес вставал густой бурый дым.

Башенный стрелок Суворов с волнением сказал:

— Товарищ командир, вон там, в лесочке, у сарая — Т-3… - Бражников припал к прицелу. Точно! Близ сарая стояла хорошо знакомая немецкая машина с характерной короткой пушкой. С такими разговор недолгий! Еще прошлой зимой Бражников истребил семь немецких танков. Первый снаряд угодил в сарай и зажег его, второй расшиб Т-3.

Это была, конечно, победа, но она нисколько не остудила сердце Бражникова. С волнением он думал о том, что впереди еще многие десятки машин и самое главное — таинственные неприступные «тигры», которые он до сих пор видел только на картинках. И тут же снова раздался голос Суворова:

— Товарищ командир, вон там в сад сдает задней скоростью Т-6…

Бражников встрепенулся. Да, впереди, в каких-нибудь четырехстах метрах, медленно пятясь, вползал в сад, чтобы замаскироваться в нем, тяжелый неповоротливый «тигр».

— Бронебойным заряжай, — скомандовал Бражников и медленно-медленно, стараясь работать как можно точнее, навел орудие на ходовую часть «тигра». Он был уверен в себе, но где-то внутри копошилось суеверное чувство: а вдруг «тигр» и в самом деле неуязвим? Выстрел… Снаряд ударил как будто бы точно по цели, но «тигр» продолжал ползти.

Сердце Бражникова екнуло, но он опять скомандовал тем же четким голосом:

— Бронебойным заряжай!..

Второй снаряд тоже как будто бы попал в цель, угодив ближе к корме, но проклятый

«тигр» полз все дальше. Теперь он отвечал огнем вслепую, развернув свою громоздкую башню, — машина Бражникова легко маневрировала в садах, и обнаружить ее командиру «тигра» не удавалось. В третий раз прозвучала команда:

— Бронебойным заряжай!..

Бражников заметил, что башенный стрелок был бледен, и подумал, что и сам он, наверное, выглядит не лучше, но пушку навел с той же тщательностью. На этот раз зловещая игра оборвалась. Над «тигром» взметнулся огненный столб, и механик Филиппов вскричал ломким, срывающимся от радости голосом: «Горит!»

Только тут Бражников отшатнулся к стенке башни, перевел дух и провел рукою по мокрому грязному лбу, словно отгоняя страшное наваждение.

Так было выиграно первое мгновение. Бражников до сих пор убежден, что это был его последний шанс: после третьего выстрела «тигр» наверняка обнаружил бы его машину, а восьмидесятивосьмимиллиметровый снаряд «тигра», пущенный с дистанции четыреста метров, для танка Т-34 смертелен.

В тот день танкисты работали еще много и упорно. Они били по пехоте, которая упрямо лезла вперед, не считаясь ни с чем, громили самоходные пушки, которые танкисты зло прозвали «змеями», сражались с танками. Бой шел до поздней ночи. Наш танковый батальон уничтожил в этой деревне тридцать пять немецких танков и отошел на новый рубеж лишь после того, как был получен приказ на этот отход. А взвод Бражникова оставался в деревне дольше всех, прикрывая отход товарищей. Все три машины погибли, и обратно пробиваться пришлось уже в пешем строю. Много здесь было горького и трудного, но все это в памяти Бражникова бледнело перед воспоминанием о поединке с «тигром» в деревенских садах…

Важнее всего в бою понять маневр противника, разгадать его тактику, разобраться в той технике, которой он располагает. Достиг ты этой цели остается применить умение, чтобы уничтожить его. И когда три дня спустя Бражников, пересевший на новую машину, снова начал танковый бой, для него уже не было никаких неясностей. Он понимал, как ему надо вести себя в случае встречи с «тиграми», и твердо знал, что эта тяжелая немецкая машина может и должна гореть так же, как и все другие. Надо только бить наверняка, экономить секунды и неустанно маневрировать, чтобы «тигр» не успел поймать тебя на прицел.

На этот раз Бражников шел в бой с новым экипажем. За рычагами управления сидел комсомолец Малофеев, пост в башне занимал Поручиков, у радиоаппарата дежурил Фролов. Перед танкистами была поставлена задача нанести немцам контрудар и сбить их с важных в тактическом отношении высот. Рота, в состав которой входил взвод Бражникова, устремилась в обход, рассчитывая нанести врагу внезапный фланговый удар.

Умело маневрируя на местности, танкисты вырвались на широкий простор и помчались вперед, все сметая со своего пути, наводя страх и ужас на немецкую пехоту. Солдаты разбегались, падали, пытались спрятаться в складках местности, но Малофеев настигал их и старательно проглаживал гусеницами. Бражников и Фролов били из пулеметов. Они расстреляли тринадцать магазинов, и луг, пестреющий васильками, был устлан трупами.

Именно в эту минуту Поручиков встревоженно сказал: «Впереди на дороге танки. Много танков…»

Бражников выглянул, и в сердце его шевельнулось острое чувство охотника, памятное ему по зимним боям, когда всякая встреча с немецкими танками интересовала его только с одной стороны: а сколько же из них сейчас загорится?

Впереди прямо по шоссе шли гуськом «тигры». Они двигались от деревни куда-то на запад. За ними шло много средних танков. Бражников быстро оценил обстановку, и у него захватило дух от волнения: ему представлялась редчайшая, исключительная возможность нанести фланговый удар с каких-нибудь трехсот пятидесяти — четырехсот метров по целой колонне «тигров».

Правда, на стороне противника был неизмеримый численный перевес, но зато в союзе с танкистами Бражникова была внезапность, а это могущественнейший союзник на войне.

Атаковать! Других решений быть не могло, и, взяв на себя «тигров», Бражников подал остальным танкистам сигнал бить по средним танкам.

Дальше события развертывались в таком напряженном темпе, что о них трудно рассказывать. Приходится расщеплять время на мельчайшие доли секунды и потом снова складывать их, чтобы уяснить себе, как, в сущности, все это произошло. Иначе пришлось бы ограничиться одной фразой, как и было сказано в донесении: «Лейтенант Бражников уничтожил четыре танка T-VI типа «тигр». Товарищи, наблюдавшие за ходом этого боя, так и припоминают — в течение нескольких минут загорелись четыре «тигра», а потом вспыхнул наш Т-34.

«Тигры» двигались в затылок друг другу. Первый шел на почтительном отдалении, и Бражников его сгоряча не заметил, — именно за это он поплатился своей машиной! — остальные располагались плотнее друг к другу. Выдвинув башню из-за ската лощины, он послал снаряд головному «тигру» этой группки. Результата не было.

«Тигры» продолжали двигаться по своему маршруту. Видимо, их экипажи не замечали, какая опасность им грозит. Бражников все же сменил позицию и снова ударил по головной машине. Еще снаряд. Еще!.. Четвертым он зажег, наконец, головную машину и тут же, мгновение спустя, ударил по второй.

«Тигры» быстро развернулись, их длинноствольные пушки вытянулись вперед, словно пальцы слепых, щупающие воздух перед собой. Они начали часто стрелять по гребню высоты, их бронебойные снаряды взбивали мелкую пыль. Прячась в облаках этой пыли, Бражников и остальные танкисты, охотившиеся за немецкой колонной, ловко маневрировали и били по шоссе.

Второй танк удалось зажечь со второго снаряда. Разгоряченный потный лейтенант торопил башенного стрелка, не поспевавшего заряжать. К ним протиснулся со своего места радист. Помогая стрелку, он ловко бросал ему на руки снаряд, а стрелок заряжал. Третий «тигр» вспыхнул с первого же попадания. Четвертый — тоже с первого.

Упоенный победой, которая далась с такой небывалой легкостью, Бражников хотел было перевести дух, как вдруг взглянул вперед и похолодел: на него в упор глядело страшное немигающее око «тигра». Пятая машина, не замеченная им, уже развернулась на дороге, засекла вспышки, и теперь длинная страшная пушка жадным жерлом своим впилась в машину Бражникова, чуть-чуть возвышавшуюся над гребнем высоты.

— Заднюю скорость! Заряжай… — сдавленным голосом скомандовал лейтенант, и в ту же секунду натренированный водитель рванул машину в спасительное укрытие, но все-таки на какую-то долю мгновения он опоздал. Раздался страшный удар, в башне полыхнуло пламя, и сразу стало нечем дышать.

Бражников понял, что с его машиной все кончено, и громко позвал товарищей. К счастью, отозвались все — им снова повезло. С силой открывая люки, танкисты выскакивали из горящей машины и быстро отползали в сторону, остерегаясь неминуемого взрыва. На их комбинезоны падали аккуратно срезанные венчики цветов — по гребню высоты бешено строчили немецкие автоматчики.

Было нестерпимо жарко, хотелось пить. Ныло ушибленное плечо. И все-таки Бражников был счастлив: четыре, целых четыре «тигра» одолел в течение нескольких минут он, Григорий Бражников, молодой танкист, бывший рабочий сахарного завода из станицы Кавказской!..

И вот мы сидим в саду у новой, третьей по счету машины лейтенанта, и он, ероша свой упрямый казачий чубчик, перебирает в памяти детали этой поразительной молниеносной схватки. Что же в конце концов обеспечило ему победу? Удача?.. Конечно, и удача. Но прежде всего искусство, настоящее военное искусство, которым в совершенстве овладел этот танкист.

Он, конечно, находился в выгодных условиях, когда внезапно оказался рядом с «тиграми», двигавшимися боком к нему. Но ведь для «тигров» было секундным делом — развернуть башни и ударить разом из пяти мощных пушек по его машине! Стало быть,

Бражников должен был решить труднейшую задачу выиграть состязание во времени, выиграть ту крохотную долю секунды, за которой лежит ключ к победе. Он действовал по-суворовски и потому победил: Бражников затратил всего по мгновению на каждого «тигра».

Завтра с рассветом он снова уйдет в бой. Уйдет с теми же боевыми друзьями, которые вместе с ним вкусили сладость победы над четырьмя «тиграми». Пожелаем же им новых больших удач на трудном пути танкистов, пожелаем успеха в бою и удачного возвращения, чтоб порадовался старик отец Бражникова, испытавший так много бед в дни немецкого хозяйничанья в Кавказской, чтоб улыбнулась его старушка мать и запрыгала от счастья младшая сестренка.

Приятно, черт побери, иметь сына и брата героя!..

* * *

История эта имеет свое продолжение. Когда я, много лет спустя, описал подвиг Григория Бражникова в книге «Укрощение «тигров» на мое имя вдруг поступило письмо с Кубани — из станицы Кавказской. Вот что было в нем написано:

> Уважаемый Юрий Жуков!
>
> Извините, не знаю Вашего отчества. Это пишет младшая сестренка Бражникова Григория Ивановича, героя Отечественной войны.
>
> Совсем случайно я прочла Вашу книгу «Укрощение «тигров». В этой книге Вы пишете и о моем брате, как он уничтожал прусских «тигров». Когда я читала, то была очень взволнована и рада за своего брата. Я решила тут же написать письмо и сообщить кое-что о нем.
>
> Мой брат жив и здоров. Он дошел до самого Берлина, до самого конца пути, который простерся от Сталинграда до Берлина. Своими глазами видел, как водрузили знамя Победы над рейхстагом. За боевые дела получил ордена и медали.
>
> После войны Гриша демобилизовался и с победой вернулся домой, в станицу Кавказскую. И снова вернулся к своей скромной профессии слесаря. Сейчас он работает на механическом заводе в г. Кропоткине.
>
> Старики наши тоже живы. Когда я им читала из вашей книги про их сына-героя, они плакали, но то были слезы радости, что их сын и мой брат прошел всю войну и остался жив, да еще и герой.
>
> Высылаю копию вырезки из фронтовой газеты и фотографию, снятую в день его возвращения домой.
>
> С уважением к Вам сестра героя Бражникова Г. И.
>
> Бражникова Люба (теперь Макаренко).

На старенькой, истрепанной вырезке из фронтовой газеты я прочел письмо бойцов и командиров бригады, которой командовал А. Ф. Бурда, к родителям Г. Бражникова. В нем говорилось:

> Здравствуйте, дорогие родители!
>
> Мы, бойцы и командиры Н-ской танковой части, спешим вам совбирть, что ваш сын совершил геройскии подвиг, умножил славу русского оружия. Презренные фашисты трубили везде о новом своем танке «тигр», которого не берет ни один снаряд. Это заедало нас, танкистов.
>
> Ваш сын говорил: «Хотя бы скорей начинались бои, хочется посмотреть, что это за «тигр». Он хотел все же сразиться с ним. И вот началось фашистское наступление на нашем участке фронта. Первыми встретили гитлеровцев мы, танкисты, и в том числе ваш сын.
>
> Седьмого июля Григорий Бражников, встретившись с танками противника типа «тигр», уничтожил один из них, а двенадцатого июля, вторично столкнувшись с «тиграми», добился еще лучшего, прямо скажем исключительного результата: он

теперь уничтожил уже не один «тигр», а четыре. Этим Бражников еще раз доказал силу русского оружия и силу воли советского человека.

Дорогие родители, вы можете гордиться своим сыном-героем, который бесстрашно дерется с гитлеровскими захватчиками, показывает примером, как надо бить презренных фашистов. Мы, бойцы и командиры, от всей души благодарим вас за то, что воспитали истинного патриота нашей Родины, чудо-богатыря.

Мы сейчас остановили врага, еще раз пытавшегося перейти в наступление, сломили ему хребет и клянемся вам, что впредь он не сделает ни шагу вперед. Дорога у нас — только вперед, туда, где стонут под ярмом проклятых изуверов миллионы наших братьев и сестер, наших детей.

Клянемся освободить нашу Родину, наш народ. Клянемся вам, что мы отомстим фашистскому зверю арийской породы и расправимся с ним так, что он во веки веков будет помнить, что на Русь ему путь заказан.

С фронтовым приветом

Партийная в комсомольская организации танковой части,

командир,

заместитель командира по политчасти,

парторг, комсорг.

Возвращенная земля

23 июля, 23 часа 55 минут

К сведению редакции. События постепенно развертываются. Наша пехота вместе с танковой армией генерала Ротмистрова продолжает контрнаступление, постепенно ликвидируя немецкий клин. Вчера днем и сегодня ночью отбили Кочетовку, Грезное и Верхопенье, выходят к Красной Дубраве. По последним данным, немцы оставили и Космодемьяновку. Наши войска продвинулись сегодня от 10 до 12 километров.

1-я танковая армия стоит в боевой готовности.

Катуков передал командирам корпусов указание разминировать старые минные поля, собрать мины, подобрать с освобождающихся полей боя военную технику, годные части поврежденных танков, гильзы снарядов и т. п. Только в одном корпусе Гетмана тринадцать трофейных команд собрали 600 винтовок, много пулеметов, автоматов, нашли годный броневик.

Передаю корреспонденцию о том, что мы увидели сегодня.

* * *

Только что мы вернулись из долгой, утомительной, но волнующей поездки по земле, вновь очищенной от врага.[57] Спидометр машины отсчитывал десятки километров. На зубах еще хрустит черноземная пыль, и каждая складка одежды источает едкий привязчивый запах гари, тлена, отработанного бензина — запах современной войны. Впечатлений от этой долгой поездки так много и они так свежи, что трудно сразу перенести их на бумагу…

---

[57] Уже 20 июля удары по отходившему противнику наносили все армии Воронежского и Степного фронтов. Для немецко-фашистского командования группы армий «Юг» это было полной неожиданностью. Оно полагало, что советские войска на южном фасе Курского выступа так обескровлены, что им потребуется много времени для приведения себя в порядок. Однако враг жестоко просчитался. Ломая сопротивление противника, громя его арьергарды, соединения Воронежского и Степного фронтов к 23 июля полностью восстановили положение, которое занимали советские войска до начала немецкого наступления 5 июля («История Великой Отечественной войны Советского Союза», том 3, стр. 275)

Первое и самое разительное — ощущение масштабов битвы, свершившейся на этом клочке земли, ощущение явственное, острое, чрезвычайно рельефное. Мы читали в сводках о сотнях подбитых «тигров», видели на горизонте столбы дыма над скелетами этих «тигров», слышали грохот канонады, от которой болели барабанные перепонки, вдоволь наслушались свиста бомб, но все же надо было самим пройти полем битвы, собственными руками пощупать эти железные скрученные броневые плиты, своими глазами увидеть вблизи страшные скаты высот, с которых содрана вся растительность, поговорить с колхозницами, вновь испытавшими, хоть в течение нескольких дней, немецкое иго, чтобы полностью отдать себе отчет в масштабах свершившегося…

Сегодня к исходу дня, по сути дела, было почти покончена с пресловутым немецким «языком», который вытянулся было на север в результате чудовищного напряжения сил немецких армий, действовавших на Белгородском направлении. Несмотря на непрерывные яростные контратаки эсэсовцев, наши части отшвырнули их, продвинулись в течение сегодняшнего дня еще на десять километров и полностью вернули землю, за которую в течение долгих десяти дней шли яростные бои с немецкими танковыми дивизиями.

И вот снова мы едем по дороге, каждый поворот которой изучен наизусть. Здесь наши части вели бой десятого июля… Сюда можно было проехать восьмого… Отсюда мы наблюдали за ходом боя шестого… Это похоже на киноленту, которую крутят в обратном направлении, но как изменились кадры этой ленты! Мы не говорим уже о внешних, резко бросающихся в глаза следах фашистов, об этих наглых дорожных указателях: «Нах Курск, 112 километрен», о разбросанных всюду обрывках берлинских газет и журналов, о мундирах, сброшенных, чтобы легче было бежать. Все это давно примелькалось и было видано не раз — и под Москвой, и минувшей зимой. Нет, на этот раз замечаешь иное — именно масштабы, размах разгоревшейся на этой земле битвы, и то невиданное ожесточение, с которым она протекала.

Знакомство с отвоеванным полем боя начинается у многострадальной деревушки Зоренские Дворы. Сюда подкатился последний грязный, бурый от крови вал немецкого наступления, и здесь он разбился о советскую броню. Отсюда табуны «тигров» пустились в обратный путь под натиском советской гвардии. Несколько сот метров по изрытому воронками шоссе, и сразу же ощущаешь страшный трупный смрад, сразу видишь кладбище «тигров», сразу начинаешь спотыкаться о разбитые ящики со снарядами и минами, лавировать между воронками, совершать сложные эволюции между указателями, напоминающими о минных полях, — одним словом, сразу попадаешь на землю, принявшую на себя всю тяжесть войны.

Разбитые «тигры» стоят и в одиночку, и группами. Когда разглядываешь их остовы, проникаешься глубочайшим уважением к тем изумительно хладнокровным и искусным людям, которые сумели всю эту грозную боевую технику превратить в железный лом. На одном только «тигре» мы насчитали двадцать четыре прямых попадания артиллерийских снарядов, противотанковых пуль и гранат. У него хватило сил доползти до расположения нашего пехотного подразделения — он застыл среди наших окопов, но уползти обратно уже не смог. Ему пробили во многих местах башню, прострелили насквозь пушку, пробили бортовую броню, сшибли люки, разбили в нескольких местах ходовую часть, порвали гусеницу и в довершение всего зажгли его.

На днище машины еще лежит грудка пепла и обгорелые ребра в ней — все, что осталось от немецкого танкиста. Трупы остальных членов экипажа валяются неподалеку — они сумели выбраться из горящего танка, но уйти им не удалось. Когда мы подошли к этому «тигру», двое пожилых бойцов с явно недовольным видом копали яму, чтобы зарыть гниющее трупное мясо.

— Как же так, товарищи начальники, — говорил один из них, — всем работа как работа, некоторым даже почетная, а нам что?.. — И он зажал нос: покойные эсэсовцы беспокоили его обоняние.

Метрах в пятидесяти от «тигра» мы увидели три модернизированных немецких

тяжелых танка Т-4, вооруженных дальнобойной пушкой. Видимо, они вот так, как стоят, и шли тесным строем в атаку, рассчитывая устрашить нашу пехоту — от машины до машины четыре-пять метров, и все пушки направлены в одну сторону. Им удалось ворваться на наш рубеж. Один танк стоит как раз на нашем окопе. Быть может, в ту минуту, когда они влетели сюда, именно в этом окопе сидели герои — истребители танков, которые зажгли все три машины бутылками с горючей смесью? Но им досталось не только от бутылок: на броне каждого — десятки следов от снарядов и осколков…

Немцы не успели даже развернуть машины и рассредоточить их. Пробитые осколками каски, обгорелый рукав кителя, одна чудом уцелевшая игральная карта, разбитая осколком сковорода — смешно, но факт: почти в каждом танке мы находим сковороду, эсэсовцы-танкисты, видимо, любители краденых яиц, гильзы снарядов, разможженные котелки, измятый хлеб, полуразложившаяся оторванная нога в немецком сапоге — вот все, что осталось от трех экипажей тяжелых немецких машин.

И вот так — на протяжении сотен метров!

Вначале мы останавливались у каждого «тигра», внимательно осматривая его, потом стали задерживаться только у групп их в основных опорных пунктах и, наконец, потеряли всякий интерес к ним. Только один заставил нас надолго задержаться. Это был исключительно любопытный экземпляр «тигра» — танк попал прямо под бомбу советского самолета, и она очень эффектно разложила его на составные элементы: одна гусеница змеей оплела ставшее перпендикулярно земле его днище, другая, разлетевшись на куски, легла метрах в пятидесяти от машины, башня ушла глубоко в землю, а мотор, рассыпавшийся на мелкие кусочки, разлетелся в стороны.

Дорога ведет все дальше на юг. Вот уже и бессмертные рубежи танкистов-гвардейцев, которые приняли на себя самые мощные удары врага в первые два дня немецкого наступления. Как памятники изумительным подвигам танкистам Бессарабова и его друзей, стоят на этом рубеже все еще грозные, застывшие навек советские танки. В памяти всплывают картины страшных битв б, 7, 8, 9 июля — ведь каждая из этих машин приняла на себя удар десятков немецких танков и уничтожила по меньшей мере по две-три машины противника.

Люки сгоревших советских танков наглухо задраены изнутри. Мы знаем, помним: экипажи не покинули их, они дрались даже тогда, когда пламя охватило их машины, дрались до тех пор, пока не начали рваться внутри раскалившиеся снаряды. Вокруг машин группами собираются бойцы. Они стоят молча, но молчание это красноречивее всяких речей. Те, что уходят дальше на юг, сосредоточены и суровы,

Чем дальше на юг, тем свежее вражий след. Вот здесь немцы были позавчера, здесь — вчера, здесь — сегодня утром, здесь — три часа назад. Сворачивая с дороги в лесок, мы попадаем на командный пункт 11-й немецкой танковой дивизии, откуда гитлеровцы ушли буквально несколько часов назад. В лесу еще висят немецкие телефонные провода. На лужайке из объемистой цистерны заправляются немецким бензином наши грузовики. В блиндажах немецких командиров располагаются наши бойцы. Их смешит боязливая предусмотрительность какого-то оберста, который даже выход из блиндажа, обращенный к тылу, прикрыл броневым щитом, а окно завалил толстой литой плитой миномета.

Двое командиров, усевшихся на немецкие зарядные ящики, допрашивают только что захваченного в плен мотоциклиста эсэсовской танковой дивизии. Черномазый, небритый, с виду заморыш, он на самом деле матерый разбойник: в петлице его мундира — красная ленточка Железного креста, полученного еще в 1941 году при взятии Мариуполя. В его кармане — карта Северного Кавказа с указанием пунктов, где он побывал.

Фашист мечтал летом 1943 года продлить маршруты своих странствий по русской земле, но все вышло не так, как думалось. Сейчас ему нечего сказать, и он лишь автоматически повторяет то, что мы уже слышали от пленных здесь, под Белгородом, много раз: им сказали, что русские уже окружены, но теперь ясно, что русские не окружены, что у русских много танков, что они хорошо ими пользуются и что сейчас ничего хорошего

немцам ждать не приходится. Думая теперь только о своей личной судьбе, он добросовестно рассказывает все, что ему известно о его части, и потом умолкает, безнадежно глядя в одну точку.

Уже темнело, когда мы проезжали через Зоренские Дворы обратно. Здесь среди развалин копошились какие-то тени. Мы остановились, подошли поближе. Горячее чувство обожгло сердце — это к своему пепелищу вернулся колхоз!

У соломенного шалаша стояла телега. К ней была привязана корова. Пожилая колхозница и пятеро ее детей рылись в мусоре, отыскивая остатки своих вещей. Мы разговорились, и колхозница посвятила нас в одну из тех трагических историй, которыми так богаты были эти две недели.

Село к весне уже начало оправляться от страшных последствий немецкой оккупации 1942 года. Колхоз посеял хлеб. Чаплыгины посадили огород. Им было, конечно, трудновато — глава семьи Федор Григорьевич Чаплыгин долго тяжело болел, не вставая с постели, но его жена Мария Ивановна и четверо ребят неутомимо работали. Хлеба уродились хорошие, огороды пошли сочные, и жить бы Зоренским Дворам без беды, не полезь опять Гитлер. Восьмого июля немцы подошли совсем близко, и ночью ракеты ярко освещали двор.

Старик приказал жене уйти с детьми в Знобиловку, за семь километров отсюда. Его слово было законом, и семья повиновалась. Запрягли корову в телегу, погрузили на нее скудный скарб и ушли, простившись с отцом семьи. Он остался лежать на скамье, суровый, сосредоточенный, готовый к смерти. Утром прилетели «хейнкели». Они старательно перепахали деревню, разрушая дом за домом. Бомбили всех подряд — не успевшего эвакуироваться агронома Пекшина, мальчонку Пашу, только что вчера пришедшего из деревни, расположенной еще ближе к переднему краю, бабушку Наталью и многих-многих других.

Старый Чаплыгин все так же безучастно лежал на скамье и ждал, что будет дальше. Никто не знает, о чем думал он в эти последние часы своей жизни. Долгая болезнь приучила его философски смотреть на жизнь, и он был на редкость спокойным человеком, но фашистов терпеть не мог; знал, что если б не немецкая оккупация, Советская власть обязательно вылечила бы его. Но вот очередная бомба поразила и его хату. Чаплыгин, на удивление, остался жив. Вместо крыши над головой его было голубое небо. С трудом приподнявшись с засыпанной щепой, глиной и известью кровати, он увидел, что все село в огне. Земля вздымалась фонтанами.

Идти Чаплыгин не мог, но и оставаться здесь было невозможно, и он пополз по дороге, ведущей к Знобиловке, останавливаясь и подолгу отдыхая после каждого метра. Осколки щадили его. Так он дополз до перекрестка, застыл там и умер.

— Тут мы его назавтра и нашли, — тихо сказала старшая дочь Чаплыгина комсомолка Таня. — Мы с Ниной молочка ему несли. Несем, а он уже мертвенький у дороги лежит. Там мы его и похоронили. Нам еще одна женщина чужая помогла…

Родная, многострадальная земля наша! Сколько бед, сколько горестей ты испытала за время этой страшной войны, сколько крови и слез приняла на свою грудь.

Сейчас уже позднее время. Над выгоревшей июльской степью — черная душная ночь. Гирляндами виснут надоевшие ракеты. Слышится неумолкающая канонада. Горячий южный ветер, обшаривающий обгорелые танки, несет такой густой трупный смрад, что многие надевают противогазы. Но люди идут и идут вперед, полные решимости пройти через любые трудности, но достигнуть желанной цели.

На исходном рубеже

24 июля, 10 часов 45 минут

К сведению редакции. Вчера Фишман был в штабе фронта. Начальник штаба генерал-лейтенант Иванов принял военных корреспондентов и рекомендовал им

направиться в 40-ю армию, которой командует генерал-лейтенант Москаленко. Вопросов в таких случаях задавать не полагается, и мы поспешили по указанному адресу в ожидании событий.[58]

Пока что здесь тихо. Немцы в основном ушли на рубеж, с которого они начали 5 июля свое наступление, и укрепились там.[59]

Как всегда в таких случаях, больше всего заняты работники штабов, а в частях принимают пополнения, приводят в порядок технику, подтягивают тылы, обживаются на занятых рубежах, ведут пропаганду боевого опыта, полученного в боях.

Мы, корреспонденты, обосновались в деревне Лески, стоящей вдалеке от больших дорог. Гитлеровцы сюда заглянуть не успели, поэтому деревня не была опалена огнем войны.

Сегодня ездили к командующему. Его штаб размещается в глубоком лесистом овраге, в просторных, на совесть сделанных блиндажах. Худощавый, подтянутый генерал принял корреспондентов любезно, но никаких сенсаций не обещал. Похоже на то, что нам придется еще некоторое время потерпеть, пока назреют долгожданные события.

Член Военного совета бывший секретарь Харьковского обкома партии тов. Епишев дал нам ряд полезных советов. Между прочим, он сделал замечание, которое следует учесть: не принимать на веру все то, что рассказывают иной раз в частях. Надо тщательно проверять каждый факт перед тем, как его публиковать.

Учтем!

Побывали в 161-й пехотной дивизии, которой командует генерал-майор Петр Вакулович Тертышный. Минувшей зимой дивизия прошла с боями семьсот километров! Собрали интересный фактический материал, который пригодится в дальнейшем. Передаю репортаж из 575-го стрелкового полка 161-й стрелковой дивизии, которым командует Герой Советского Союза Сипович. Этот полк вышел на старый рубеж и тем самым восстановил положение, существовавшее до 5 июля.

В густом лесу у переднего края клубится туманная дымка. Только что отгремела гроза, и усталая земля, тяжело вздыхая, возвращает небу влагу. Под деревьями, сверкающими глянцем свежей зелени, стоят, словно литые, батальоны, укрытые листвой от чужого взгляда. На загорелых лицах написано глубокое волнение и внимание — командиры читают приказ Верховного Главнокомандующего. Гулкое эхо повторяет каждое слово, и слова эти ложатся в сердце:

«Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойденные образцы упорства, стойкости и

---

[58] Почему мы вдруг оказались в 40-й армии, в то время как главный удар должны были наносить 5-я и 6-я гвардейские, 5-я гвардейская танковая и 1-я танковая армии? Дело прошлое, и теперь можно откровенно сказать, что массовый выезд военных корреспондентов на этот сравнительно отдаленный участок фронта входил в рамки хитроумной операции, которая должна была ввести в заблуждение противника.

Поблизости отсюда, в районе Суджи, где располагалась 38-я армия, имитировалось сосредоточение войск с целью обмануть противника и заставить его думать, будто главный удар в ожидавшемся наступлении будет нанесен на запад, а не на юг. Здесь работали 8 мощных радиостанций, создававших впечатление дислокации штабов соединений. На станцию Локинская прибывали эшелоны, из которых выгружали макеты танков и пустые снарядные ящики. Днем в район ложного сосредоточения шли танки, пехота; ночью они возвращались, а наутро шли снова в нужном направлении.

[59] 19 июля 1943 года в «Дневнике боевых действий верховного командования вермахта» (он был опубликован после войны) была внесена такая запись: «Из-за сильного наступления противника дальнейшее проведение «Цитадели» не представляется возможным. Наше наступление прекращается, чтобы создать резервы за счет сокращения линии фронта». А вскоре после этого, 7 августа, сам Геббельс был вынужден сделать многозначительное признание: «Сейчас германская армия не в состоянии перейти в наступление, поэтому ее основным принципом является оборона…»

геройства бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и минометчиков, танкистов и летчиков…»

Командир этих храбрых людей, еще молодой, но много повидавший на своем веку офицер с Золотой Звездой на груди и полковничьими погонами на плечах, стоит немного поодаль. Он невольно любуется ими — кому, как не ему, прошедшему со своими питомцами минувшей зимой семьсот километров от Воронежа до предместий Полтавы, выдержавшему всю тяжесть оборонительных боев под Харьковом и с честью отразившему летнее наступление немцев вот на этом маленьком участке, доверенном его части, — кому, как не ему, знать цену каждому из них!

Вон тот, к примеру, невысокий, хилый с виду боец, в прошлом редактор районной газеты, сумел перебить больше пятидесяти гитлеровцев. Этот стройный, немного мечтательный юноша оказался в бою беспощадным мастером рукопашных схваток. Да, каждый из них, ветеранов, с честью заслужил высокую похвалу Главнокомандующего!

Восемнадцать дней продолжались бои. И какие бои! Михаил Сипович брал в сороковом году штурмом знаменитый «миллионный дот линии Маннергейма — тогда он и получил звание Героя Советского Союза, в сорок первом дрался много дней в полном окружении западнее Гродно, в сорок втором прорывал немецкую оборону на Дону, много раз глядел в глаза смерти, но, не кривя душой, он может сказать, что в таких сражениях, как нынешние, ему еще не доводилось бывать.

Еще пятого июля полк Сиповича находился на другом участке фронта. Седьмого он был подброшен сюда — обстановка здесь осложнилась, гитлеровцы потеснили оборонявшуюся на этом участке обескровленную долгими боями воинскую часть.

Полк Сиповича восстановил положение, но гитлеровцы снова предприняли яростные атаки. К селению с поэтическим названием Неведомый Колодезь по безымянным рощицам и оврагам потянулись две немецкие пехотные дивизии и сорок пять танков. Громыхая, катили тяжелые орудия. Немцы решили предпринять еще одну попытку смять и отбросить нашу пехоту.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль заговорили сразу два немецких артиллерийских полка. Шесть тысяч снарядов подвезли на огневые позиции немцы, и все эти снаряды были обрушены на крохотный участок, который занимала часть Сиповича. А на этом участке главный удар был обрушен на подразделение под командованием старшего лейтенанта Соколова.

Сипович со своего наблюдательного пункта с волнением и болью наблюдал за этой пядью земли, накрытой сплошным покрывалом дыма и пыли от разрывов. Он то и дело наклонялся к микрофону и порывисто говорил: «Сосна, Сосна! Я семнадцать… Как обстановка?» И радио в ответ: «Держусь!»

Когда все шесть тысяч немецких снарядов легли на высоту и весь покров ее до последней травинки был содран, два батальона немцев поднялись в атаку. Но стоило им подойти к этому рубежу на сорок-пятьдесят метров, как два станковых пулемета и десятки автоматов и винтовок, ощерившись, начали свой строгий разговор…

Туча едкого порохового дыма поднялась над полем. Немцы присоединили к ней тучу дымовой завесы, которую протянула на несколько километров их специальная машина. Но и завеса не помогала им. Тогда немцы начали массировать атаки, наращивая удар. Уже стемнело. Трудно было различить что-либо в десяти метрах, а на поле не смолкал треск пулеметов и автоматов, грохотали разрывы снарядов, мин, вопили немцы, гремело русское «ура», и Соколов отрывисто повторял в микрофон: «Держимся!.. Держимся!..»

Сипович понимал, что близится все же та страшная минута, когда немцы ворвутся в траншею. Оглушенные канонадой, ослепленные блеском разрывов, бойцы Соколова продолжали отчаянно сопротивляться, но количество защитников траншеи все уменьшалось. Предвидя, что борьба с гитлеровцами будет длительной, Сипович берег свой маленький резерв до последнего часа. Пока что бойцов Соколова, принимавших на себя всю тяжесть

немецкого удара, поддерживали соседние группы, придвинувшиеся вплотную к этому рубежу, и своим яростным огнем затруднявшие немцам подход к нему.

Глубокой ночью пришлось все же пустить в дело резерв. Автоматчики и стрелки с ходу вступили в бой. Кипение его достигло высшей точки — к этому времени на одном участке немцам удалось-таки ворваться в траншею, и они пустили в ход ручные огнеметы и гранаты. Гранатами дрались и наши бойцы.

Усталый, сражавшийся двое суток без передышки парторг четвертой роты старший сержант Тверев провел знакомыми ему ходами сообщения бойцов резерва, группу за группой, и они в ночном мраке обрушивались на гитлеровцев, забрасывая их гранатами. Оглохший от канонады комсорг батальона ожесточенно стрелял в немцев в упор из автомата. Командиры дрались рядом с бойцами врукопашную. В эту-то страшную предрассветную пору на поле боя появился и сам Сипович. Внешне спокойный, как всегда подтянутый и аккуратный, он пришел на изрытый снарядами командный пункт батальона, ободрил командиров, сообщил, что генерал шлет свой резерв и что надо продержаться еще немного, чтобы гитлеровцы поняли — им здесь не пройти.

И вот критический момент пришел и прошел. На долю немцев не пришлось больше ни грамма удачи. Им не удавалось продвинуться вперед ни на один метр.

Раннее июльское утро озарило страшную, залитую кровью, заваленную мертвыми телами, полуразрушенную траншею. Сооруженная в виде пуквы П, она делилась теперь на две неравные части: большая половина ее находилась в наших руках, и только один отросток был в руках у немцев. Обескровленные, деморализованные солдаты Гитлера были бессильны продвинуться дальше, и фронт так и замер на долгие одиннадцать дней — противников разделяли сорок метров; они перестреливались, выглядывая из-за угла траншеи, а дно ее на «ничьей» земле минировали.

Двадцать второго, когда наши войска заканчивали очищение плацдарма, захваченного немцами, пошли вперед и воины Сиповича. Ведя жестокий бой под градом снарядов и мин, они шли вперед, шли грозно, неотвратимо, как олицетворение возмездия за поруганные рубежи, за окровавленную траншею, за ту страшную ночь, когда горсточка наших воинов противостояла двум батальонам, вооруженным автоматами, огнеметами и всеми ухищрениями адской военной техники последнего образца.

Теперь на освобожденном рубеже снова тихо. Бойцы выгребают из блиндажей немецкие каски, противогазы, шинели, жгут фотокарточки, брошенные немцами, вышвыривают из окопа пустые бутылки с чужими этикетками — чтоб и духом вражьим не пахло. Саперы спешат заново укрепить отвоеванный рубеж, восстановить полуразрушенные дзоты, минные поля, заграждения, хотя теперь никто не думает, что в этих окопах придется надолго задержаться. Все мечтают об одном — о наступлении…

Чтение приказа окончено. Над лесом разносится громовое солдатское «ура». Сипович подает знак, и ликующие крики стихают. Из-под сени деревьев выступает вперед знаменщик. Он высоко держит горделивое алое знамя, на котором сверкают золотом слова «За нашу Советскую Родину!». Солдаты стоят, не шелохнувшись, по команде «смирно». Взоры всех обращены к этому полотнищу, священному для всех. Немного волнуясь, командир говорит:

— Солдаты! Вот наше знамя. С ним мы прошли большой путь. Я сражаюсь под ним со дня основания полка. Оно реяло над нами в дни славных боев зимней кампании. Оно сопутствовало нам в нынешних боях. Никогда и нигде мы не нанесли никакого ущерба его чести. Никогда и нигде мы не опозорили его трусливыми либо неумелыми действиями…

— Смотрите же, — говорит строго Сипович, обращаясь к пополнению. Ветераны надеются, что вы с честью продолжите историю нашего полка. Впереди у нас — дальняя дорога, много будет на этом пути трудного и славного, горького и сладкого. Смотрите же, говорю еще раз, не опозорьте нашей чести!

И вот уже произнесена клятва на верность знамени, и прогремело традиционное «ура», и снова застыли батальоны в железном строю. Плывет через лес алое знамя, покачиваясь над широкими плечами знаменщика. Шагают четким военным шагом ассистенты, и взвод

лучших из лучших автоматчиков, заслуживших почет пройти караулом у знамени, марширует за ним.

По ту сторону рощи уже зажигаются огни ночных ракет. Подразделения, несущие службу в боевом охранении, внимательно всматриваются в сторону противника. Идут усиленные поиски разведчиков, фронт живет напряженной жизнью в ожидании новых боевых событий.

В ноябре 1972 года я получил письмо от ветерана 575-го стрелкового полка, лейтенанта запаса, ныне работающего инженером в г. Фрязино Московской области Арнольда Абрамовича Учителя. Вот что он писал, прочитав первое издание этой книги:

> «Совершенно неожиданно я прочел в вашей книге подробное описание боевых действий нашего полка в июле 1943 года на Курской дуге — вы можете себе представить мою радость, когда я увидел на страницах этой книги столь знакомые и дорогие мне имена командира полка полковника Михаила Сиповича, командира нашего 2-го батальона капитана Соколова, командира взвода автоматчиков Емельянова, который со своими орлами в ночной атаке занял ключевую высоту, выполнив задачу, поставленную перед всем полком, и других.
>
> Хорошие ребята были в нашем полку — настоящее интернациональное братство. Я отлично помню капитана Мишакова, мордвина по национальности; капитана Завирюху, украинца; командира стрелковой роты Буденаса, литовца; командира минометной роты Брагинского, еврея; были среди нас узбеки, башкиры — люди всех национальностей. И какая была у нас дружба!..
>
> После описанных вами боев в урочище Королевский лес мы в конце июля 1943 года приняли участие в общем наступлении и вступили на землю Украины. Наш 2-й батальон успешно продвигался вперед. 12 августа 1943 года в бою за станцию Боромля я был ранен.
>
> Вернувшись из госпиталя в действующую армию, я не смог попасть в 575-й полк. Участвовал в боях под Яссами, Будапештом и Веной, но уже в составе других частей. Естественно, что я ничего не знаю о судьбе людей из нашего родного 2-го батальона. Хорошо было бы, если бы кто-нибудь из них, особенно полковник Сипович, если он жив, откликнулся на эти строчки…»
>
> Я могу лишь присоединиться к этой просьбе. Ветераны 575-го полка 161-й стрелковой дивизии, где вы? Отзовитесь! Адрес А. А. Учителя такой: 141 120, город Фрязино Московской области, улица Луговая, дом 37, квартира 66.

Генерал удит рыбу

(Из фронтового дневника)

Сегодня — первое августа. Я снова у Катукова. Вчера после полудня, наконец, вырвались из лап бездорожья и прикатили с попутной машиной сюда. Катуков готовится к отъезду. На фронте войска генерала Жадова ведут разведку боем. Гитлеровцы яростно контратакуют. Позавчера, например, в контратаке участвовало восемьдесят танков, Катуков пока в боях не участвует, по, судя по всему, его войска в готовности. Пополнения прибыли и введены в строй.

Сегодня прибыл внезапно корреспондент «Правды» Коробов. У него неплохой вездеход. Будем работать вместе, пока Фишман не починит свою машину. Пошли вдвоем к Катукову. Идиллия: генерал стоит в начищенных сапогах со шпорами в воде и ловит окуней на удочку. Черви — в баночке на школьной парте, которая почему-то оказалась на берегу. В ведерке несколько плотвичек и окуньков.

Рыбная ловля — верный признак, что назревают важные события: если генерал ходит с ребятишками собирать цветы, или удит рыбу, или охотится на зайцев — значит, закончены приготовления к серьезной и напряженной операции, и на носу — большое дело. Это — разрядка нервов.

Вчера сюда приезжал командующий фронтом Ватутин. Было совещание. Как сообщил нам Катуков, командование считает, что армия в оборонительных боях свою задачу выполнила хорошо. 6-й танковый корпус преобразуется в 11-й гвардейский, а 3-й механизированный — в 8-й гвардейский механизированный корпус. В частях большой подъем.

Послал в редакцию телеграмму: «Буду готовить обстоятельные корреспонденции. Следите за узлом связи. Как только будет опубликовано официальное сообщение о начале операции, шлите туда человека за материалом, который наверняка уже там будет к этому сроку».

Двенадцать часов войны

3 августа, 22 часа 05 минут

К сведению редакции. Передаю срочный и очень важный материал о долгожданном наступлении, в котором описывается сегодняшний день час за часом, — «Двенадцать часов войны».

Это сражение готовилось давно и тщательно. Все, что нужно разведать, было разведано; все, что надо подвезти, было подвезено; все, что надо подготовить, было подготовлено. Именно поэтому позавчера и вчера создавалось обманчивое впечатление безмятежного покоя — надо было иметь очень острый глаз, чтобы разглядеть здесь, среди копен хлеба, жадные жерла батарей, чтобы увидеть в нескошенной ржи сотни отлично замаскированных танков, чтобы найти в бесчисленных овражках дивизии и корпуса отборной гвардейской пехоты, приготовившейся к атаке.

И вот как развертывались события начиная со вчерашнего дня…

Семнадцать часов 2 августа.

В отроге безымянного овражка, на тщательно замаскированном командном пункте заканчивается совещание командиров-танкистов. Испытанный боевой генерал дает последние указания командирам бригад. Неподалеку отсюда в таком же крутом овражке молодой пехотный генерал со сталинградской медалью на груди проводит последний инструктаж командиров гвардейской пехоты. Это знаменитый Бакланов.

На этот раз речь идет о подготовке операции крупнейшего масштаба, и средства прорыва мобилизованы в соответствии с замыслом: сотни орудий на погонный километр фронта, сверху наступление прикрывают сотни самолетов, а в качестве ударной силы, которая должна войти в прорыв и разгуляться на просторе, выступают две славные танковые армии — 5-я гвардейская и 1-я танковая.[60]

Впереди можно разглядеть рубеж, на котором скоро должны закипеть жаркие схватки: тихая заболоченная река, топкие берега которой расступились на добрую сотню метров, полуразбитые пустынные деревушки над нею, изрытые снарядами высотки. Это — Ворскла.

Восемнадцать часов.

Безмятежное затишье обрывается. На разных участках фронта начинают бить пушки, пулеметы, то и дело раздается трель автоматов. Немецкие дзоты, батареи огрызаются. Им отвечает наша артиллерия, но перестрелка идет как-то вяло, неторопливо: ведь это всего

[60] Белгородско-Харьковская группировка противника имела к началу августа в составе 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» 18 дивизий, в том числе 4 танковые, общей численностью до 300 000 человек, 3500 орудий, 600 танков и 900 самолетов.

лишь разведка огневой системы врага. За каждой вспышкой следят сотни стереотруб. Артиллерийская разведка последний раз уточняет свои данные, чтобы ранним утром «бег войны», как прозвали нашу могучую артиллерию на фронте, раздавил всю немецкую огневую систему.

Двадцать часов.

В лесочке, близ самого переднего края, обосновались скрытно совершившие тринадцатикилометровый марш танкисты. Пушки новеньких боевых машин вытянуты в сторону противника. Механики хлопочут у моторов, радисты проверяют аппаратуру. Внутри танков полностью уложены боекомплекты снарядов, баки заправлены горючим, выверена каждая деталь.

Советское командование приняло решение осуществить прорыв обороны противника на стыке этих двух группировок. План Ставки предусматривал мощный удар войск Воронежского и Степного фронтов в юго-западном направлении на Богодухов — Валки с тем, чтобы отколоть 4-ю танковую армию от группы «Кемпф», а затем разгромить их. При этом войска Воронежского фронта должны были действовать против 4-й танковой армии, наступая на Ахтырку, а войска Степного фронта поворачивали на Харьков. При подходе соединений Степного фронта к Харькову Юго-Западный фронт в свою очередь должен был нанести удар силами своей 57-й армии в западном направлении, чтобы обойти Харьков с юга.

На Воронежском фронте главный удар наносили 5-я и 6-я гвардейские, 5-я гвардейская танковая и 1-я танковая армии. На участке прорыва 5-й гвардейской армии (именно этот участок описан в очерке «Двенадцать часов войны». — Ю. Ж.) плотность артиллерии достигала 230 орудий и минометов на 1 километр фронта. Стрелковые дивизии получили участки прорыва от 2 до 3 километров. Особенностью этой операции было то, что в полосе 5-й и 6-й гвардейских армий в прорыв вводились две танковые армии — 5-я гвардейская и 1-я танковая. Массированное применение танков обеспечивало высокий темп наступления и развитие удара на большую глубину («История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 3, стр. 286–287).

Двадцать два часа.

В темнеющем небе слышится стрекот многих легких моторов — это наши многочисленные ночные бомбардировщики начали свою работу. Солдатам дан отдых перед боем. Спать!

Четыре часа 3 августа.

Над Ворсклой встает солнце. Его лучи красят в нежные тона высокие облака. Подъем! Уже дымят сотни и сотни походных кухонь, изготовивших сытный усиленный завтрак — мясо, рис, свежий хлеб, чай с сахаром, консервы…

Хлопочут старшины. Многие бойцы, улучив свободную минутку, пишут что-то, пристроившись на пеньке или на подножке машины. «Кому?» — этот неожиданный вопрос заставляет покраснеть молодого пулеметчика, бывшего токаря из Горького Сашу Симонова: письмо адресовано его любимой девушке. Быть может, наша газета дойдет к ней быстрее письма? Пусть же знает она, что, уходя в бой. Саша вспомнил о ней!

Старший лейтенант Цыпкало, помощник начальника политотдела по комсомолу, принес для раздачи бойцам, принятым вчера в комсомол, новенькие комсомольские билеты…

В частях начинаются короткие митинги. В 200-й танковой бригаде, которой командует полковник Н. В. Моргунов, один из танков идет в бой с вымпелом ЦК ВЛКСМ. Право на

этот вымпел заслужил в жарких июльских боях экипаж Мазалова. И теперь комсомольцы приносят клятву новыми успехами оправдать высокую честь.

Идет митинг в 1-й гвардейской танковой бригаде. Развернутое гвардейское знамя держит в руках герой июльских боев лейтенант Г. И. Бессарабов. Командир бригады полковник В. А. Горелов читает, а все солдаты и офицеры повторяют вслед за ним волнующие слова:

— Мы, гвардейцы, приносим мужественную гвардейскую клятву Родине, большевистской партии. Клянемся тебе, наш великий народ, что мы будем драться до последнего дыхания, пока сердце бьется в груди, а глаза видят землю. Клянемся тебе, наша Родина, что мы отомстим кровавым фашистским извергам за страдания советских людей, за сожженные города и села, за поруганный Киев, за разрушенный Новгород, за истерзанный Сталинград, за виселицы Волоколамска, Харькова, Ростова…

Пять часов.

Еще звучат горячие речи на митингах, еще идут беседы в блиндажах, на укрытых от чужого взора лесных лужайках, а на огневых позициях уже сняты чехлы с орудий, раскрыты ящики со снарядами, заряжены пушки. И когда часовая стрелка касается цифры пять, землю разом сотрясает неистовый грохот, словно где-то рядом разразилось извержение вулкана. Земля дрожит, и дрожание это явственно чувствуется на десятки километров. Одновременно бьют по врагу тысячи орудий, сосредоточенных на ограниченном участке, и в грохоте этом тонут все звуки. У легковых машин предусмотрительно опущены стекла — там, где этого не сделали, стекла трескаются.

Так проходит час. Еще час. Еще сорок пять минут. Артиллерийская подготовка достигает небывалой силы. Недаром в последние десять дней сюда были подвезены сотни эшелонов с боеприпасами!

В небе проплывают сотни самолетов. Рева моторов не слышно — все заглушает артиллерия, но само зрелище огромного количества советских самолетов над передним краем настолько захватывающе, что бойцы начинают аплодировать и что-то кричать — слов не разобрать, но видно по горящим глазам, улыбающимся лицам, что этот массированный удар нашей авиации восхищает их.

Там впереди — дым, пламя, непрерывный грохот разрывов. А пушки и минометы все бьют и бьют, не давая гитлеровцам поднять головы. Тем временем наша пехота придвигается вплотную к их переднему краю.

Семь часов пятьдесят минут.

Простившись с минометчиками, мы спешим на командный пункт генерала, бойцы которого сейчас ведут атаку.[61] В стереотрубу можно отчетливо разглядеть линию немецких укреплений, подернутых бурым облаком дыма и пыли. В небе нарастает рокот моторов: низко над землей тесно сомкнутыми группами опять проходят сотни наших самолетов. Пикируя на немецкие окопы, они сбрасывают бомбы, ведут пушечно-пулеметный огонь; огненные трассы отчетливо видны в утреннем ясном небе. А сзади идут новые и новые эскадрильи и полки наших самолетов.

Семь часов пятьдесят пять минут.

К реву пушек примешивается яростный вой сотен тяжелых минометов. Еще выше, до самого неба, встают облака дыма над немецкими позициями. В эту грозную минуту по всему

---

[61] Речь идет об А. С. Жадове, который командовал 5-й гвардейской армией

фронту поднимаются тысячи красноармейцев и с громким криком «ура» устремляются вперед.

В стереотрубу хорошо видно, как идут сталинградцы — в полный рост, стройной шеренгой, взяв винтовки и автоматы наперевес. Генерал с волнением и любовью говорит:

— Орлы, настоящие орлы!..

Немецкие минометы, выжившие в этом огненном аду, начинают яростно бить по гребню, преграждая путь гвардейцам, но они стремительным броском преодолевают смертельный рубеж и скрываются за холмами.

Восемь часов.

Самолетов в небе все больше и больше. Вот прошли сразу сто машин… Вот еще двадцать две… Еще тридцать… Разгружаясь над немецкими позициями от бомб, они разворачиваются и уходят. Вначале немецкая зенитная артиллерия пытается прикрыть свой рубеж, но потом она замолкает. Немецких самолетов в воздухе совсем нет. Вот наше господство в воздухе в классическом его выражении!

Восемь часов двадцать пять минут.

Отмечено появление первого немецкого самолета: «мессершмитт», вырвавшись из-за леса, бросается на наш штурмовик. Совершив удачный маневр, штурмовик уходит из-под удара, а наши два «Лавочкина» обрушиваются на гитлеровца, и он едва успевает удрать, чуть не цепляя брюхом колосья ржи.

Восемь часов сорок минут.

Грохот канонады ослабевает. Несведущему наблюдателю может показаться, что наступает некоторое затишье. На деле — обратное. Именно теперь кипение битвы достигает высшей точки — пехота ворвалась на вражеские рубежи и ведет тяжелую трудную боевую работу, расчищая метр за метром, чтобы потом пропустить вперед танки, уже накопившиеся у переправы.

С наблюдательного пункта командира дивизии сталинградца Бакланова, который по сравнению со вчерашним днем выдвинулся далеко вперед, видно, как пробиваются на юг его полки.

Часть под командованием товарища Шурова, еще вечером форсировавшая Ворсклу, уже углубилась в немецкое расположение более чем на два километра и ведет бой среди развороченных нашей артиллерией и авиацией немецких траншей и дзотов.

Девять часов.

Радио приносит новую весть об успехе баклановцев: продвинувшись вперед, они заняли деревню Задельное, выбили немцев из одноименного лога и вышли на высоту 217,1. В районе этой высоты захвачена большая группа пленных.

Девять часов тридцать минут.

Линия фронта постепенно отодвигается на юг, хотя немцы продолжают яростно цепляться за остатки своих полуразрушенных укреплений. Генерал Бакланов посылает саперов оборудовать новый наблюдательный пункт гораздо южнее. По дорогам, ведущим к переправе, движется нескончаемый поток танков и грузовиков. Еще час назад немцы ожесточенно били по этой дороге из минометов, а сейчас только редкий снаряд разрывается на ее обочинах.

На шоссе — приятная встреча: наш старый знакомый, командир танковой бригады гвардии подполковник Александр Бурда, высунувшись из люка своей гигантской боевой машины, сигналит своим подразделениям. Увидя нас, он машет рукой, улыбаясь, и что-то кричит… Значит, катуковцы скоро вступят в бой, торопясь расширить прорыв. Дело идет хорошо!..

Двенадцать часов.

Неглубокий безлесный сухой лог. В наскоро оборудованных, но добротно укрытых настилами блиндажах разместился командный пункт танковой армии Катукова. Стрекочут телеграфные аппараты, антенны ловят радиоволны, телефонисты поддерживают надежную связь со всеми подразделениями, ушедшими вперед. Непрерывно приходят и уходят запыленные фронтовые машины офицеров связи.

Обдумывая решение, генерал достает из ножен острую финку и аккуратно оттачивает карандаш, потом точным движением наносит на карту новую стрелку. Когда он прячет финку в ножны, я читаю на ней надпись: «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай».

Тринадцать часов тридцать минут.

200-я танковая бригада полковника Н. В. Моргунова и 49-я танковая бригада подполковника А. Ф. Бурды, представляющие собой передовые отряды двух корпусов армии Катукова, устремились вперед. Командующий фронтом приказал командующим 1-й и 5-й гвардейской танковыми армиями ввести передовые отряды корпусов в бой, нарастить силу удара стрелковых дивизий и, завершив прорыв главной полосы обороны противника, ввести в сражение главные силы, с ходу прорвать вторую полосу обороны и развить успех в глубину.

Четырнадцать часов.

С левого фланга приходит сообщение о новом продвижении наших пехотинцев, действующих при поддержке танков: взят еще один укрепленный рубеж противника, блокирована роща, превращенная немцами в сильный узел сопротивления.

Немцев теснят по всему фронту, невзирая на их яростное сопротивление. Танки идут вперед по проходам в минных полях, проложенным героическими усилиями саперов.

Семнадцать часов.

С грозным ревом в бой устремляются новые и новые танковые части.

Километр за километром наши войска прогрызают сложную оборонительную систему немецких укреплений. На ряде участков они уже вклинились в нее. По пыльным фронтовым дорогам тянутся к переднему краю колонны пехоты, танков, артиллерии. Нестерпимо жарко, но люди не ропщут — лучше пыль, чем ненавистная грязь, которая так одолевала нас в июле!

— По сухой дорожке дальше пройдем! — говорит, откашливаясь от удушливой пыли, высокий, бронзовый от загара сапер, вооруженный миноискателем, — это уже пошли вперед рабочие команды, которые расчищают от мин дороги наступления на освобожденной земле.

Наши танки уже у Томаровки — важного опорного пункта обороны гитлеровцев…

Конец белгородского направления

5 августа, 22 часа 15 минут

Как быстро, как стремительно развиваются события! Право же, военным

корреспондентам становится все труднее за ними угнаться…

Только позавчера мы описывали важнейшее событие — как наши вооруженные силы, ломая долговременную оборону гитлеровцев, прорвали фронт, открывая тем самым путь к решению важнейших наступательных операций. В первый же день наши части продвинулись вперед на десять километров, а сегодня танковые части, вошедшие в прорыв, умчались далеко вперед.

Но пока развертывалась эта операция, рядом был нанесен новый мощный удар. Рано утром нам рекомендовали ехать в Белгород. «В Белгород?» переспросил я, не веря своим ушам. «Да, в Белгород, — сказал, улыбаясь, штабной офицер. — Пока вы туда доедете, наши войска, по-видимому, уже вступят в город…» И мы с Коробовым помчались на его видавшем виды вездеходе по пыльным, ухабистым проселкам на Белгород, в обход Томаровки, в которой все еще ожесточенно оборонялись зажатые в клещи гитлеровцы.

Дорога была новая, незнакомая, и мы долго блуждали, лавируя среди минных полей; к счастью, гитлеровцы бежали столь стремительно, что не успели снять установленные ими для сведения собственных солдат таблички с коротким, но многозначительным словом «Minen» — «Мины». Наконец, во второй половине дня, вырвавшись к железной дороге, мы помчались вдоль нее на юг, туда, откуда доносился грохот канонады. Впереди белели меловые холмы.

Куда нам двигаться? Выручило старое фронтовое правило: езжай туда, где стреляют, — обязательно найдешь того, кто тебе нужен. Так и получилось. В цехе полуразбитого артиллерией и авиацией мелового завода мы встретили боевого сталинградского генерала Труфанова, который вел отсюда наблюдение за ходом боя. Еще немного погодя мы добрались до командного пункта командира гвардейского полка подполковника Прошунина, рослого богатыря со шрамом от ранения на лбу и с серебряной суворовской звездой на груди.

Гвардейцам была поручена архитрудная, но почетнейшая задача: лобовым ударом вдоль узкой полоски железной дороги, справа и слева от которой расстилаются топкие болота, ворваться на станцию Белгород, поднять над ней красный флаг, тем самым покончить с Белгородским направлением и открыть новое — Харьковское направление. Кому, как не гвардейцам, решать эту задачу? Ведь 89-я гвардейская дивизия, в которую входит полк Прошунина, имеет большой опыт уличных боев. Она дралась на улицах Гомеля, Тима,

Коротояка, прошлой зимой участвовала в сражении за Харьков — брала штурмом район Тракторного завода и вот теперь снова движется на Харьков…

Загремела артиллерийская подготовка. Над позициями гитлеровцев встали тучи пыли. Гвардейцы поднялись и пошли в атаку. Одновременно пошли на штурм и другие полки 89-й гвардейской и 305-й стрелковой дивизий. Это был жестокий и кровопролитный бой…

И вот уже перед нами полуразрушенный Белгородский вокзал, так хорошо знакомый всем, кому приходилось в мирные годы ездить поездом на крымские или кавказские курорты. Мы все помним, какой это был чистенький, аккуратный вокзал, какой порядок царил в его залах, как гостеприимно встречали пассажиров в его буфете…

Сейчас все здесь мертво. Трещит под ногами битое стекло. Тянет гарью и пороховым дымом. Лежат на перроне еще не убранные трупы. Среди скрученных взрывами рельсов зияют свежие воронки. За вокзалом горят дома, подожженные отступающими фашистами.

Гул канонады быстро откатывается на юг. Наступающая тишина как-то особенно подчеркивает значимость происходящего момента. Вот уже над полуразрушенным вокзалом кто-то поднял красный флаг. Занимают свои посты воинские караулы — завтра, наверное, они передадут вокзал железнодорожникам, а те начнут готовить станцию к приему поездов. Вдруг сквозь дым и гарь доносится медвяный аромат — цветут липы, уцелевшие в этом военном аду.

Угнетает безлюдье. Город почти пуст. На стене вокзала я читаю объявление, расклеенное фашистской комендатурой еще неделю назад. Это приказ:

1. Город Белгород эвакуируется. Население будет отправлено в тыл.

2. Начало эвакуации — 29 июля 1943 года утром.

3. Все приказания должны быть беспрекословно исполнены. За неисполнение приказа виновные будут наказаны.

Неподалеку — указатель дороги, установленный немцами. Такая простая, обыденная и вместе с тем волнующая сегодня надпись: «Харьков — 80 километров». Восемьдесят километров! Завтра в сводке Совинформбюро мы прочтем: «На Харьковском направлении завязались бои…» Нет больше Белгородского, есть уже Харьковское направление, и мы верим: придет — уже скоро придет! — день, когда и это направление исчезнет из сводок, а на смену ему придут другие. И так будет до тех пор, пока в один прекрасный день мы не прочтем: «На Берлинском направлении наши части перешли в наступление и…»

Но я, кажется, размечтался. Пока что мы в Белгороде, старом русском городе, стоящем на подступах к украинской земле, которая ждет не дождется своих освободителей. Впереди — долгая и трудная военная страда. И гвардейцы полка, которые пришли сюда с боями из-под самого Сталинграда, не собираются здесь давать себе передышку. Когда я разыскал сегодня в городе подполковника Прошунина, штаб которого разместился в маленьком домике на тихой окраинной улочке, он уже был занят подготовкой к новой операции.

— В общем, — сказал он, — все мои батальоны дрались хорошо так и запишите. Были, конечно, разные красивые боевые эпизоды, не худо бы о них рассказать, но давайте лучше условимся так: встретимся в Харькове на площади Дзержинского у здания обкома партии в девять утра в день взятия города. Там и поговорим! Идет?..[62]

И он протянул мне широкую крепкую ладонь. Мы обменялись крепким рукопожатием. Эта уверенность в своих силах, уверенность в том, что теперь уже скоро мы сможем встретиться на главной площади второй столицы Украины, по улицам которой пока еще разгуливают гитлеровцы, лучше всяких отвлеченных рассуждений говорила о том, как силен сегодня боевой дух наших войск.

Сейчас, когда я дописываю эти строки, в разбитое окно пустого заброшенного дома, где мы обосновались на час, доносятся звуки военного марша. Батальон гвардейцев марширует по мостовой, сопровождая развевающееся на ветру знамя 89-й гвардейской дивизии. Гвардейцы уже покидают город, двигаясь дальше на юг…

*** * ***

К сведению редакции. Возвращаюсь к танкистам Катукова, чтобы осветить наступательные бои, которые они продолжают вести в другом направлении. Эта операция будет иметь важное значение в общем комплексе боевых задач, которые решаются сейчас в данном большом районе.

Путь на простор

6 августа, 18 часов 00 минут

К сведению редакции. Наше наступление развивается хорошо. Сильно укрепленная оборонительная полоса гитлеровцев прорвана на. широком фронте протяжением 170 километров. Войска продвинулись вперед на расстояние от 25 до 60 километров. Заняли 150 городов и сел, в том числе город и железнодорожную

---

62 И мы действительно вскоре встретились с Прошуниным в Харькове! Встречались с ним много раз и после этого — он с честью прошел по дорогам войны до самого конца ее. Сейчас Прошунин живет в Москве.

станцию Золочев, районные центры и железнодорожные станции Томаровка и Казачья Лопань. В сводках появилось Харьковское направление. Передаю корреспонденцию «Путь на простор», которая отражает тот дух, который царит сейчас на фронте. Даю текст.

Вот участок обороны врага, которому он придавал особое значение. Этот участок преграждал путь на юг, к важнейшим опорным немецким узлам Белгороду, Томаровке. Здесь были возведены особенно мощные укрепления, но наши части сумели проломить стальную вражескую стену и уйти далеко вперед. В длинном степном логу — свежий след лихого удара наших танкистов, с ходу ворвавшихся на огневые позиции мощных дальнобойных немецких орудий. Гитлеровцы не рассчитывали, что танкисты смогут появиться так далеко за передним краем. Они обосновались здесь по-семейному: почти в каждом блиндаже пестрые ночные туфли, много пустых бутылок с разноцветными винными этикетками. Десять могучих дальнобойных орудий, стоящих тесным строем в овраге, были отлично обеспечены боеприпасами — в вырытых в земле убежищах лежат огромные штабеля тяжелых снарядов.

Но танкисты влетели на своих машинах в этот лог так стремительно и внезапно, что гитлеровским артиллеристам стрелять почти не пришлось. Башенный стрелок стоящего рядом с захваченными пушками танка с гордым именем «Ответ Сталинграда» старший сержант орденоносец Дугушев рассказывает, хитро улыбаясь:

— Мы старались давить фашистов аккуратненько, чтобы не задеть пушек…

И впрямь — пять немецких тяжелых орудий в совершенно исправном виде, в пору хоть сию минуту открывать из них огонь — благо, снарядов много.

Идут пленные. Их конвоируют старшина, сержант и красноармеец. Видать, колонна идет издалека: пленные шагают медленно и грузно. Конвоиры рассказывают одну из тех любопытнейших историй, которыми так богаты дни нынешнего наступления. Старшина Красников с сержантом Болото и бойцом Павловым вез продукты бойцам мотострелкового батальона. Хозяйственный старшина, не ограничившись тем, что людям роздан усиленный завтрак, рассчитывал где-нибудь в минуты передышки дать бойцам подкрепиться, но дожидаясь, пока подъедут кухни. Но танки быстро ушли вперед, и старшине пришлось гнаться за ними на протяжении двадцати километров.

Когда Красников нашел, наконец, свое подразделение, оно уже смяло рубежи немцев и широким рассыпным строем шло по степи.

Отыскав заместителя командира батальона, кавалера ордена Александра Невского, капитана Симфулаева, Красников попросил разрешения остаться при танках. Симфулаев удивленно поднял брови:

— Что ж ты будешь делать?

— Как — что? Трофеи собирать, товарищ капитан! — нашелся старшина.

Симфулаев улыбнулся:

— Ну что ж, оставайся.

И Красников живо пристроил свой грузовик в хвост одному из танков, который мчался на юг, отсекая путь отступающим гитлеровцам.

Появление в тылу у противника нашего танка и грузовой машины, идущей за ней, было подобно грому среди ясного дня. По дорогам шли обозы немецких частей, поспешно отходивших на юго-запад. Танк легко давил грузовики и подводы, а Красников хозяйственно подбирал документы штабных машин и складывал их ворохами в грузовик. Туда же он сажал пойманных за шиворот немецких шоферов и ездовых, наказав Павлову и Болоту строго следить за ними.

В одном логу, уже за линией железной дороги, немцы попытались подготовить новую линию обороны. Завязалась перестрелка. Подошли другие танки из подразделения товарища Хлюпина, рыскавшие по немецким тылам. Красников, Болото и Павлов, вооружившись автоматами, вместе с бойцами танкового десанта включились в бой.

— Тут наша коллекция опять пополнилась, — говорит Красников, широким жестом

показывая на понурую вереницу пленных. — Набрал я их, как дед Мазай зайцев…

Пленных ведут и везут по всем дорогам. Их берут в рукопашных схватках, вылавливают в лесах. Вот только что в избу, в которой разместились разведчики одной части, двое бойцов привели испуганного немца с блуждающим взором — его вытащили ребятишки из подвала в этой же деревне.

— Имя, фамилия? — устало спрашивает по-немецки старший лейтенант Зайцев, ведущий допрос пленных уже вторые сутки без минуты передышки.

— Редиг, ефрейтор, — уныло отвечает пленный.

— Отведите его. Пусть подождет! — машет рукой конвоиру Зайцев. — Мы сейчас займемся птичкой поинтереснее… — И он показывает на стоящего перед ним навытяжку обер-ефрейтора с красной ленточкой за зимовку на Востоке и знаком «За ранение».

Грязный, тощий обер-ефрейтор Хакенбек только 20 июля прибыл в мотодивизию и был зачислен в разведывательный батальон как бывалый вояка: он на войне с 1939-го и успел за это время побывать на многих фронтах. На Белгородское направление, например, он попал после того, как выздоровел от раны, полученной в Тунисе. Ему отлично памятны Греция и Крит, Сицилия и Франция. Но вот на этом направлении, которое немецкие солдаты зовут «чертовой мясорубкой», он сумел повоевать всего тринадцать дней — вчера ночью разведка, которую он возглавлял, наскочила на нашу разведку. Дело кончилось тем, что семеро его спутников были убиты, а он сам попал в плен.

Фронтовая дорога уходит дальше и дальше на юг. Машины идут бесконечной чередой, утопая в облаках густой бурой пыли. По обочинам идет пехота — полк за полком, дивизия за дивизией.

В степях Украины

8 августа, 14 часов 45 минут

К сведению редакции. Сегодня с большим трудом догнали Катукова. Вчера его танкисты из 6-го танкового корпуса стремительным ударом заняли город Богодухов, захватив там важные склады гитлеровцев. Город остался нетронутым — мы были в нем. Население с величайшим ликованием встретило освободителей. Среди танкистов — огромный боевой подъем. 3-й механизированный корпус вышел на рубеж Крысино, Максимовка, Сковородиновка, Вел. Рогозянка, где встретил упорное сопротивление подошедших частей эсэсовской танковой дивизии.

Тем временем входящий в состав армии Катукова 31-й танковый корпус, действуя во втором эшелоне, вместе с 5-м гвардейским танковым корпусом окружил и полностью уничтожил в Томаровке 19-ю танковую дивизию гитлеровцев и захватил 45 исправных «тигров». В дальнейшем 31-й корпус также подтянулся в район Богодухова, [63] где напряжение боев усиливается — гитлеровцы стремятся любой ценой остановить наше наступление и восстановить движение по магистрали Харьков — Полтава, нарушенное танкистами Катукова.

В штабе армии царит понятная озабоченность. Катуков и его начальник штаба ожидают контрудара фашистских войск, командование которых прекрасно понимает, какую страшную угрозу представляет для них этот стальной клин, рассекающий одну за другой коммуникации, связывающие их с западом. И вот уже сюда спешат пополненные после тяжелых боев танковые дивизии СС «Райх», «Мертвая голова», «Викинг». Видимо, в ближайшие дни армия должна будет

---

[63] Вскоре здесь же, в районе Богодухова, погиб в бою 18 августа 1943 года командир этого корпуса генерал-майор танковых войск Д. Х. Черниенко, один из ветеранов 1-й танковой армии. В Богодухове его и похоронили. Его заменил полковник П. К. Жидков. Три дня спустя в этом же районе погиб боевой командир 112-й танковой бригады «Революционная Монголия» М. Т. Леонов. Ему на смену пришел полковник И. И. Гусаковский, который в дальнейшем стал одним из выдающихся деятелей наших Вооруженных Сил.

перейти к обороне. Но пока наступление продолжается.

С каждым днем, с каждым часом черта границы Украинской ССР, которую наши танки на этом участке фронта пересекли совсем недавно, отходит все дальше на север. Советские войска движутся в глубь степей, на широкий простор.

Битыми степными шляхами идут и идут танки, растекаясь по полям, хитро маневрируя в неглубоких балочках и редких рощицах, укрываясь за гребнями высоток и курганами. Они вдруг ускользают из поля зрения немецких разведчиков, чтобы через час-другой обрушиться на врага совсем не там, где они должны были появиться по расчетам немецких штабов. Застав противника врасплох, они ломают его сопротивление, прокладывают путь пехоте, идущей позади, и когда пехота занимает рубеж, танки снова устремляются вперед.

Сегодня мы снова побывали в знакомых нашим читателям танковых частях генерала Катукова, которые на протяжении месяца дважды заслужили благодарность Верховного Главнокомандующего — за успешное отражение вражеского наступления на Белгородском направлении и за успешный прорыв гитлеровской обороны, в результате которого Белгородское направление перестало существовать, а на смену ему пришло Харьковское.

Впереди грохотали пушки — там крепкий заслон, выставленный нашим командованием, вел бой с только вчера введенной в бой «старой знакомой» танкистов — танковой дивизией СС «Райх». Эти эсэсовцы были крепко биты в июле; я уже писал, что только в одной Томаровке они оставили в могилах три тысячи трупов. Когда началось наступление наших войск под Орлом, танковый корпус СС был переброшен туда, и гитлеровское командование пополнило его на ходу. Под Орлом эсэсовцы еще раз получили по зубам, и вот сейчас вторично пополненный корпус снова очутился на Харьковском направлении…

Дивизии «Райх» вчера и сегодня была оказана «достойная» встреча — на Харьковском направлении «тигры» и «пантеры» горят не хуже, чем горели они на Белгородском и Орловском.

Вводя в бой резервы, гитлеровское командование рассчитывало задержать наши части, но советские танкисты, выставив заслон, устремились вперед на другом участке, уходя все дальше на юг. Хотя сопротивление противника становится все ожесточеннее, ему не удается преградить путь нашим танковым частям, ведущим за собой пехоту.

Когда мчишься десятки километров по дороге, с обочин которой еще не сняты немецкие указатели, часто с трудом представляешь себе, что здесь еще вчера стояли регулировщики в зеленых мундирах, мимо которых сплошным потоком в три ряда шли на юго-запад тысячи автомашин самых различных европейских марок.

На полях работают колхозники, их труд уже учитывается по трудодням. Под ветвями рощи разместился полевой ремонтный завод, восстанавливающий поврежденные в бою танки. Дорожники строят мост. У хаты, поставив складные реалы и наборные кассы, девушки в гимнастерках набирают очередной номер газеты. Вечером на околице самодеятельный ансамбль танкистов дает концерт для мирного населения, и седые деды задумчиво слушают песни, которых не пели здесь без малого два года.

Но эти мирные впечатления обманчивы — маневренная война всегда чревата острыми, неожиданными положениями, и потому от танкистов требуются повышенная бдительность и умение молниеносно реагировать на изменения в обстановке.

Вчера ночью, например, на одном из участков неожиданно появилась колонна из ста автомашин с немецкой мотопехотой в сопровождении танков и артиллерии. Она пыталась вырваться из окружения. Здесь не было наших сколько-нибудь крупных сил, они уже ушли далеко вперед. Но оказавшиеся на месте небольшие подразделения стойко встретили гитлеровцев, и преградили им путь. Они повернули под углом в девяносто градусов, пытаясь нащупать новую лазейку. Им и здесь нанесли удар. Растрепанная, деморализованная вражеская группировка рассыпалась, утратила ударную силу, потеряла технику, и теперь ее уже легко было добить…

Широкий маневр, неожиданные динамические удары наших танков подчас настолько ошеломляют противника, что он теряет ориентировку. Только что в штабе армии получили такую, например, радиограмму: «Просим срочно послать приемщика для приема трех исправных самолетов — двух «юнкерсов» и одного спортивного, — приземлившихся в нашем расположении. Ситников».[64]

Совинформбюро еще несколько дней назад сообщило о занятии станции Одноробовки. Сегодня мы побывали у танкистов, которым принадлежит честь этого удачного удара. Сейчас они уже далеко впереди Одноробовки, а сама станция стала их тыловым участком. Танкисты рассказали нам об одной детали, которая показывает, насколько внезапным для противника был этот удар.

За пятнадцать минут до того, как наши танки влетели на перрон вокзала, дежурный по станции отправил очередной скорый поезд. Обер-лейтенант Шульц оказался неаккуратным и опоздал на этот поезд. Он слонялся по вокзалу, когда под окном грянул выстрел танковой пушки. Обер-лейтенант пулей выскочил из вокзала, но было уже поздно. Ему не оставалось ничего другого, как сдаться в плен…

В освобожденных украинских деревнях вокруг бойцов стайками собираются ребята, девушки, подходят старики. Они горящими глазами глядят на бойцов, ласково поглаживают их погоны, с интересом осматривают медали сталинградцев — их видят здесь впервые.

Завязываются горячие беседы — ведь до сих пор колхозники Украины были совершенно отрезаны от мира. Они спрашивают, как живет Москва, где достать газетку на украинском языке, как бы прочесть сводку Информбюро. Бойцы в свою очередь живо интересуются тем, как жили колхозники на Украине при гитлеровцах.

В саду, близ дороги, по которой шли непрерывным потоком наши войска, мы наблюдали вчера одну поистине трогательную встречу. Рослый старик с длинной седой бородой, держа в руках корзину с большими румяными яблоками, угощал собравшихся вокруг него бойцов и назидательно говорил им, так, словно перед ним были не солдаты, а курсанты агрономического техникума.

— Чтоб заяц кору на яблоне не объел, вы обмотайте ее соломой, а сверху юшкой от селедки помажьте. Заяц того запаху не терпит. А когда мыши в корнях заведутся, вы тоже следите — надо вокруг дерева обтоптать землю, норки-то и забьются. Кладите навоз под яблоню — это в три года раз, держите его дней пять-шесть, а потом снимите, чтоб корни не горели…

Бойцы слушали старика внимательно, потому что у каждого где-то глубоко внутри жила затаенная тоска по мирному труду, от которого по вине Гитлера они оторваны уже третий год.

Старик этот, восьмидесятилетний садовод-опытник Павел Яковлевич Круговой, строгим отеческим взором поглядывал на притихших бойцов. С удовольствием рассказывая, как надо растить такие чудесные яблони, он время от времени вдруг покрикивал: «Но, но! Проходи, которые яблоки получили, не задерживайся. Впереди у вас работы много. И так мы вас тут заждались, а там другие ждут. Кончите немца, тогда приезжайте, я вам полный курс науки преподам»…

И все еще ворчливым, но уже добродушным тоном он добавлял: «Я ведь сам солдат, и весь наш род солдатский. Дед сухари в Севастополь на волах возил, отец на Малаховом кургане из пушки стрелял, сам я в шестнадцатом году, хоть и в летах был, до Карпат дошел, а сыны мои сейчас немца бьют…»

Из густого ветвистого сада растекался тонкий запах зреющих яблок, слегка круживший голову. Тихо шелестели метелки кукурузы, стрекотали кузнечики. В знойном мареве дрожал далекий горизонт, и было так сладостно и легко на сердце в этом мире богатейшей украинской природы, что душа невольно настраивалась на мирный лад. И на сияющих лицах

---

64 Полковник Иван Петрович Ситников был начальником штаба 6-го танкового корпуса

бойцов я читал глубокую благодарность старому солдату, который своими нарочито сердитыми окриками возвращал их к жестокому миру реальной действительности.

Люди понимают: нас ждут, нас заждались и медлить нельзя ни часа больше!

* * *

Это была одна из последних корреспонденции, которые я передавал в августе 1943 года из танковой армии Катукова, — в эти дни наши войска, наступавшие левее, уже подошли к самым воротам Харькова, и надо было спешить туда. Мы тепло распростились до следующей большой операции.

1-я танковая армия, вскоре после этого перешедшая к обороне, вместе с подоспевшими на помощь другими соединениями отразила контрудар гитлеровцев. Немецкие танковые дивизии попытались прорваться на соседнем участке, предприняв наступление против 27-й армии, на помощь этой армии пришла 4-я гвардейская армия, выдвинутая из резерва Ставки. Вместе с нею подошли танкисты Катукова. И снова гитлеровцы были биты.

Только после этого 1-я танковая армия была отведена на заслуженный отдых в район города Сумы — она перешла в резерв Ставки.

Боевые действия 1-й танковой армии в наступлении получили высокую оценку. Итоги этой операции характеризуются следующими данными. За девять дней наступательных действий с 3 по 11 августа танкисты Катукова совместно с другими войсками фронта продвинулись на 120 километров, овладели Богодуховом, перерезали железную дорогу Харьков — Полтава, рассекли крупную группировку противника на две части, вышли на фланг Харьковской группировки и отрезали ей путь отхода на Запад. Успешное продвижение 1-й танковой армии содействовало войскам Степного фронта в освобождении Харькова. Немалую роль сыграла эта армия и при отражения контрударов гитлеровцев в районах Богодухова и Ахтырки.

По данным, которые приводят А. Х. Бабаджанян, Н. К. Попель, М. А. Шалия и И. М. Кравченко в своей книге «Люки открыли в Берлине», за время наступления 1-я танковая армия уничтожила 26 760 гитлеровцев, уничтожила и подбила 509 танков, бронемашин и бронетранспортеров, 590 орудий и минометов, 92 самолета и бронепоезд врага, взяла в плен 1200 солдат и офицеров, захватила 62 танка и бронемашины, 64 орудия и миномет, 191 пулемет, 5 самолетов и 44 различных склада (стр. 90).

Приказом народного комиссара обороны корпуса 1-й танковой армии, а также бригады, отдельные полки и батальоны, входившие в их состав, были преобразованы в гвардейские. Отныне 3-й механизированный корпус стал 8-м гвардейским, а 6-й танковый корпус — 11-м гвардейским танковым корпусом. Соответственно изменились и названия входивших в них бригад. Так, 49-я танковая бригада подполковника Александра Бурды стала 64-й гвардейской, 112-я танковая бригада Иосифа Гусаковского — 44-й гвардейской танковой, 200-я танковая бригада Николая Моргунова — 45-й гвардейской танковой и т. д.

Оценивая итоги битвы на Курской дуге, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал в своей книге «Воспоминания и размышления»:

> «Пятьдесят дней продолжалась эта величайшая битва наших войск с немецко-фашистскими войсками. Она закончилась победой Советской Армии, разбившей тридцать отборных немецких дивизий, в том числе семь танковых. Эти дивизии потеряли больше половины своего состава.
>
> Общие потери вражеских войск за это время составили более 500 тысяч человек, около 1500 танков, в том числе большое количество «тигров», «пантер», 3 тысячи орудий и большое количество самолетов. Эти потери фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мероприятиями.
>
> Выдающаяся победа наших войск под Курском продемонстрировала возросшее могущество Советского государства и его Вооруженных Сил. Эта победа ковалась на фронте и в тылу под руководством Коммунистической партии

усилиями всех советских людей. В сражениях под Курском наши войска проявили исключительное мужество, массовый героизм и воинское мастерство. Коммунистическая партия и правительство высоко оценили боевую доблесть войск, наградив более ста тысяч солдат, офицеров и генералов орденами и медалями, а многим воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Разгром немецко-фашистских войск под Курском имел крупнейшее международное значение и еще выше поднял авторитет Советского Союза.

Призрак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией…[65]»

Для солдат, офицеров и генералов 1-й танковой армии эта великая битва явилась высшим университетом военной науки. Перед ними лежал еще далекий путь до Берлина, но теперь ни у кого уже не было и тени сомнения в том, что путь этот будет завершен со славой.

От Днепра до Вислы. 1944

Дальняя дорога

Шло четвертое лето войны. Я снова собирался к своим старым друзьям-танкистам. С тех пор как мы расстались с ними в исковерканном немецкими бомбами лесочке близ Богодухова, они ушли далеко на запад.

Знакомые имена не раз мелькали в приказах Верховного Главнокомандования, возвещавших о победах, и в сводках Советского Информбюро; наши друзья отражали контратаки противника за Киевом, брали Казатин, Бердичев и, наконец, прославились в боях на подступах к Карпатам. На знаменах частей армии добавилось восемнадцать орденов, а среди солдат и офицеров — двадцать семь Героев Советского Союза, а всего в армии насчитывалось уже 42 Героя; пять тысяч человек получили ордена и медали. Вся армия стала гвардейской. Командарм М. Е. Катуков получил звание генерал-полковника танковых войск и был награжден орденом Суворова 1-й степени.

«Приезжайте, нам есть о чем рассказать, — писали мне старые друзья. Пока что и время есть для этого — мы стоим в резерве близ Черновиц».

Пожалуй, это была последняя возможность повидать старых друзей еще на советской земле — следующую операцию им наверняка предстояло проводить уже за рубежом. Военные вопросы теперь еще теснее сплетались с политическими, и мы, военные корреспонденты, узнали дорогу в Министерство иностранных дел там на пресс-конференциях все чаще возникали вопросы, связанные с предстоящим освобождением стран, захваченных гитлеровцами. Было уже совершенно очевидно, что освобождение к ним придет не с запада, а с востока, и через линию фронта все чаще доносилось эхо отдаленных выстрелов, звучавших в тылу противника. Народы Польши, Чехословакии и других стран, к границам которых вплотную подходили наши войска, усиливали свою борьбу против захватчиков. А вместе с войсками Советской Армии на выручку им спешили добровольческие части чехов и поляков, сформированные и вооруженные в Советском Союзе.

Все это не нравилось кое-кому на Западе: в Лондоне и Вашингтоне опасались, что народы стран Восточной и Центральной Европы, получив свободу, не захотят жить по-старому. Там вызывало тревогу то, что патриотические силы этих стран, возглавлявшие борьбу своих народов с фашизмом, предпочитали решать все практические вопросы, связанные с близким освобождением, с Москвой, а не с Лондоном и Вашингтоном.

Мне запомнилась любопытная пресс-конференция, состоявшаяся вскоре после того, как гвардеец армии М. Е. Катукова черноглазый лейтенант Василий Шкиль приволок в штаб

---

[65] Г. К. Жуков, Воспоминания и размышления, М., Изд-во АПН, 1969, стр. 519.

64-й гвардейской танковой Черновицкой ордена Ленина Краснознаменной бригады (вот какими длинными стали имена знакомых нам частей!) весьма убедительное, по его мнению, вещественное доказательство выполнения данного ему боевого задания: полосатый пограничный столб, снятый им на государственном рубеже. Шкиль и не подозревал, какое волнение вызовет во всем мире сообщение о выходе советских войск на государственную границу. Командир бригады дважды Герой Советского Союза Иван Никифорович Бойко, сменивший на этом посту погибшего в январе 1944 года Александра Федоровича Бурду (о героической смерти Бурды я расскажу подробнее ниже), приказал Шкилю отвезти пограничный столб обратно и поставить его на место, и тот сделал это весьма неохотно, ворча что-то нелестное по поводу дипломатии.[66]

Так вот некоторое время спустя в Москве состоялась очередная пресс-конференция. Мы, советские военные корреспонденты, в то время еще редко встречались со своими иностранными коллегами, и теперь во все глаза глядели на непривычный нам пестрый и беспокойный разноязыкий мир. В своем дневнике я так описал эту пресс-конференцию:

Обширная приемная заполнена гулом чужих голосов. Грудами свалены на столах пальто. Трещат портативные пишущие машинки, поставленные на стульях, либо прямо на полу; пойманный на ходу слушок, только что рассказанный анекдот — все идет в дело, все — на телеграфную ленту! Витает табачный дым; в воздухе разлит запах свежевыпитых где-то коктейлей; один из наших заграничных коллег с трудом держится на ногах. Что-то записывает в блокнот молодой черноволосый американец в форме с металлическими буквами на плече W. K. - военный корреспондент. Рядом миниатюрная китаянка в ослепительно-белых ботах и с тщательно отработанной, точно лакированной, прической. Долговязый прихрамывающий английский корреспондент Александр Верт, щеголяя своим отличным русским произношением, ищет общения с советскими журналистами: «Не хотите ли трофейных сигарет? Отчаянная гадость!.. Вы не из «Комсомольской правды»? Великолепная газета… Не разрешите ли вы зайти как-нибудь к вам на огонек?» Здесь же Кэссиди, розовощекий, рано полысевший молодой человек из Ассошиэйтед Пресс, случайно прославившийся удачей, — Сталин вдруг ответил на его вопросы, и Кэссиди стал знаменит. В сторонке сидят двое японцев — непроницаемые застекленные лица, тщательно выглаженные костюмы, аккуратно пригнанные улыбки. Они ни с кем не разговаривают, и с ними никто не здоровается…

Всего здесь человек сорок.

В 10 часов 15 минут вечера нас приглашают к заместителю министра иностранных дел. Корреспонденты наперегонки устремляются вперед по длинным коридорам и переходам — сказывается профессиональное стремление всюду быть первым. Настроение подогрето обычной для таких случаев загадочностью: о чем пойдет речь? И вот мы в большой квадратной комнате с деревянной панелью. В углу массивные часы. Каждые пятнадцать минут корректно, как бы вполголоса, но достаточно настойчиво они напоминают своим боем присутствующим о движении времени.

Входит заместитель министра, с седыми висками, коротко подстриженными светлыми усиками, в очках с тонкой черепаховой оправой. Его маленькие зоркие глаза рыскают по залу, пытливо угадывая, какое впечатление производит каждое его слово. Тонкая усмешка, немного хрипловатые модуляции голоса, сигнализирующие политические оттенки корректному высокому советнику, который стоя ведет перевод на английский язык.

Тема пресс-конференции — переговоры с правительством Чехословакии о соглашении относительно предстоящего вступления советских войск на чехословацкую территорию. Корреспондентам дают понять, что заключение этого соглашения, имеющего важное

---

[66] Василий Федорович Шкиль был одним из выдающихся мастеров танкового боя. 26 апреля 1944 года он был удостоен звания Героя Советского Союза. Быть бы ему видным деятелем современных танковых войск Советского Союза, но в самом конце войны, уже на подступах к Берлину, Шкиль погиб. Мне написал об этом ветеран 64-й гвардейской танковой бригады Никита Николаевич Макаров, живущий ныне в Донбассе

значение для дальнейшего развития борьбы против гитлеровцев, тормозится по вине правительства Черчилля, которое не дает своего «благословения», в то время как Рузвельт уже давно одобрил проект…

Вначале заместитель министра рассказывает о том, что правительства СССР и Чехословакии подготовили и согласовали между собой проект соглашения, — он делает ударение на слове «проект». Навострившие уши корреспонденты немедленно спрашивают: «Когда соглашение будет подписано?», «Кто его подпишет?» Тогда заместитель министра, вежливо улыбаясь, говорит:

— Я должен обратить ваше внимание на то обстоятельство, что слушающие обычно страдают недостатком внимания: я начал с сообщения о том, что правительства Советского Союза и Чехословакии вели переговоры, — он подчеркнул слова «вели переговоры», — и что они договорились, — переводчик вслед за заместителем министра подчеркивает по-английски «договорились», о заключении соглашения, проект которого, — заместитель министра опять подчеркивает, спустившись октавой ниже, слово «проект», — был предложен чехословацким правительством и был полностью одобрен Советским правительством… Заключение такого соглашения явилось бы новой вехой на великом пути развития дружественных отношений между СССР и Чехословакией.

Корреспонденты секунду размышляют… Они уже поняли, что тут не все гладко, что есть, видимо, какая-то зацепка, мешающая Советскому Союзу и Чехословакии подписать соглашение, о котором они договорились между собой. И вот американские корреспонденты уже устремляются на поиски где-то зарытой собаки:

— Были ли британское и американское правительства осведомлены об этом проекте договора?

Заместитель министра, видимо, только этого вопроса и ждал. Его лицо светлеет, и он любезно отвечает:

— И американское, и британское правительство в порядке консультации были ознакомлены с проектом. Правительство Соединенных Штатов, заместитель министра в меру приличия чуть-чуть подчеркивает эти слова, заявило, что оно не имеет возражений против предложенного проекта и против внесенной Советским правительством поправки — везде говорить не о «союзнических», а о «советских (союзнических)» войсках.

Теперь корреспондентам уже гораздо яснее, в каком направлении следует вести поиск. Но прежде всего им хочется уточнить, в чем смысл этой поправки. Видимо, здесь дело не в простой перестановке слов:

— Какое значение имеет слово «союзнические»?

— Что означает этот термин, будучи заключен в скобки и поставлен после слова «советские»?..

Заместитель министра — само воплощение любезности и долготерпения. Он улыбается еще шире:

— При надлежащем внимании можно было бы легко понять значение этих скобок. Советское правительство полагает, что, поскольку говорят обстоятельства, — он весьма убедительно подчеркивает интонацией эти слова, — правильнее сказать о советских войсках, ибо они сейчас ближе к Чехословакии, чем любые другие союзнические войска. В скобках, конечно, останется слово «союзнические»…

Английский корреспондент спрашивает:

— Поскольку в первоначальном проекте стояло слово «союзнические» без упоминания слова «советские», можно ли сделать вывод, что этот проект был представлен вначале и другим союзным державам?

Заместитель министра пожимает плечами:

— Вполне возможно…

Вмешивается американский корреспондент, он ставит вопрос ребром:

— Не можете ли вы заявить, что вступление советских войск в Чехословакию уже совершилось?

Заместитель министра бросает в сторону спрашивающего молниеносный взгляд из-под очков и без секунды промедления отвечает:

— Сейчас я этого еще сказать не могу. Но я не поручусь за то, что может произойти в ближайшем будущем…

Часы в углу кабинета уже дважды напоминали о движении времени. Но игра в вопросы и ответы в разгаре. Теперь, как говорится, быка уже берут прямо за рога:

— Получено ли мнение мистера Черчилля об этом проекте?

— Пока еще не получено.

— Можно ли узнать, когда было запрошено мнение мистера Рузвельта и мистера Черчилля?

— Могу ответить совершенно точно… — Заместитель министра листает папку с перепиской: — Пятнадцатого апреля!

— И когда был получен американский ответ?

— Двадцать первого апреля. — Заместитель министра немного медлит, потом добавляет: — Сегодня тридцатое апреля…

Раздается общий хохот. Намек понят.

— Зависит ли подписание этого проекта от мистера Черчилля?

— Я уже отвечал, что мы консультируемся с британским правительством, но ответа еще не имеем. Я мог бы поставить ваш вопрос встречным порядком. Но чтобы облегчить положение спрашивающего, я скажу, что все зависит от того, как понимать смысл слова «консультация»…

— А как вы его понимаете?

— Так, как я уже объяснил. К этому я хотел бы добавить: поживем увидим…

Снова раздается веселый смех. В этот момент корреспондент, спрашивавший, зависит ли подписание проекта от мистера Черчилля, пускает в ход прибереженный до последней минуты козырь:

— Известно ли вам, что делегация чехословацкого правительства, которая должна была выехать в Москву, была задержана в Лондоне в соответствии с новыми британскими правилами, временно запрещающими выезд из страны иностранным дипломатам?

— Мне известно лишь то, что делегация не приехала. Все остальное мне неизвестно…

Опять звучит общий смех. Неудовлетворенный корреспондент говорит, явно готовясь задать новый вопрос:

— Вы знаете, такова уж наша обязанность — стараться узнать как можно больше…

— Ну, а наша обязанность прямо противоположная, — быстро парирует улыбающийся советский дипломат, — самим сказать поменьше, а вам дать возможность написать побольше…

Пресс-конференция закончена. Задача, которую заместитель министра поставил перед собой, выполнена полностью. Он удовлетворенно потирает руки, глядя из-под очков, как корреспонденты опрометью мчатся из кабинета, спеша опередить друг друга. На этот раз всех обставил Кэссиди: захватив телефонный аппарат в приемной, он уже диктует телеграмму своему сотруднику, который ждал его звонка на Центральном телеграфе.

Таков был предметный урок дипломатии, полученный в те дни нами, военными корреспондентами, редко задумывавшимися ранее о тех проблемах, которые порождали в области внешней политики боевые успехи Советских Вооруженных Сил. Тогда мы еще весьма смутно представляли себе, что даже день победы, который уже виделся нам на горизонте, не только не положит конец этим проблемам, но, наоборот, породит много новых.

А пока что я еду к своим старым друзьям-фронтовикам, которые воюют, не мудрствуя лукаво, делают все, чтобы ускорить завоевание окончательной победы над врагом, и нисколечко не подозревают о том, какие хлопоты задают сейчас они западной дипломатии своими боевыми успехами…

По следам войны

Мы вылетели из Москвы в Киев шестого июня на рейсовом пассажирском самолете… Эта обычная в наше время фраза звучит необыкновенно буднично. Ну, примерно так же, как если бы я сейчас сказал: мы сели в троллейбус на улице Горького и поехали в Химки. Но в 1944 году такая фраза еще удивляла и по-настоящему волновала. В памяти у каждого еще были свежи воспоминания о совсем недавних днях, когда вот здесь, у ворот Центрального аэродрома, стояли на боевой позиции противотанковые орудия, нацеленные вдоль Ленинградского шоссе, и боевые расчеты дежурили в позиции боевой тревоги № 1, а Киев находился в далеком тылу врага.

И вот Центральный аэродром снова отдан в распоряжение гражданской авиации, а Аэрофлот налаживает свои регулярные рейсы. В кассе продают билеты, носильщики в белых передниках переносят багаж, и диспетчер сообщает по радио об отправлении и прибытии самолетов…

Раннее нежно-голубое утро. Аэропорт встречает нас ворчанием моторов, шелестом шин, сутолокой вокзала. Летное поле забито неуклюжими, но выносливыми, похожими на больших зеленых жуков с толстыми короткими крыльями, самолетами ЛИ-2. Одни еще дремлют, другие просыпаются, урчат, переползают с места на место, готовясь взлететь. Все здесь совсем как в мирное время: у дверей — швейцар с золотыми галунами; у кассы таблички ближайших рейсов — самолеты летят в Свердловск, Алма-Ату, Хабаровск, Тбилиси. И здесь же, рядом: в Ленинград, Киев, Одессу! Весовщик деловито и тщательно взвешивает чемоданы: «Тут такие элементы летают — тащит восемьдесят кило и норовит без оплаты»… Он устал: за минувшую ночь только в Симферополь отправили сто пассажиров… И всем надо срочно… Всем срочно… «Что ж, это правильно, дела теперь у всех много», — заключает весовщик, определив вес моего вещевого мешка с точностью до одного грамма.

Дежурная по аэропорту хлопотливо собирает пассажиров стайками по семнадцать человек и уводит их на поле. Из репродуктора доносится: «Производится посадка на самолет, улетающий по маршруту…» Да, все, как в мирное время!..

Пассажиры самые разные. Вот буйная толпа запорожцев — они только что отвоевали внерейсовый самолет, который доставит их к руинам Днепрогэса, начнут восстанавливать взорванную немцами плотину. Довольные и счастливые, запорожцы с готовностью отсчитывают пачки червонцев для коллективной уплаты за самолет. Рейс обойдется им дороже обычного, но какое это имеет сейчас значение? Руки чешутся быстрее начать работы! В Киев со мною летят какой-то генерал, Герой Советского Союза, пять полковников, профессор-архитектор, который должен планировать восстановление Крещатика, инженеры и еще какой-то гражданский чин в роговых очках с угодливым помощником, шестью чемоданами и огромным свертком, предательски обрисовывающим контур бутылок.

У всех приподнятое настроение: в воздухе разлито ожидание больших событий. Наши войска идут вперед. Начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Трещат марионеточные режимы в других странах — сателлитах Германии. И даже на Западе заметны перемены: видимо, союзники отдают себе отчет в том, что Советская Армия и без их помощи может освободить Европу, и начинают шевелиться. Вчера ночью они заняли Рим. Американские «летающие крепости» начали челночные операции, они с запада летают в район Полтавы и обратно, разгружаясь от бомб над гитлеровскими опорными пунктами. Снова прошел слух об открытии второго фронта во Франции.

ЛИ-2, вздымая пыль, выруливает с зеленой лужайки на бетонную дорожку. Рев моторов… Взлет… Моторы утихают, и в кабине уже можно разговаривать. Но беседа как-то не вяжется, каждый поглощен своими думами — сколько воспоминаний пробуждает тот печальный пейзаж, который расстилается под нами. Там лежит бескрайняя равнинная Русь — поля, луга, леса, и всюду жестокие шрамы войны: желтые воронки от бомб посреди зеленых лугов, бесконечные зигзаги окопов, сожженные деревни, взорванные мосты, вырубленные под корень сады, опаленные войной знаменитые Брянские леса, в которых еще совсем недавно шла жестокая партизанская война. Долго-долго летит над этим бесконечным

полем боя самолет… Так начинаешь реально ощущать всю весомость недавно вошедшего в широкое употребление термина массовое изгнание гитлеровцев.

Прошла под крылом плавная извилистая Десна, словно уснувшая среди болот. Сколько крови было пролито на ее берегах… И наконец, мы видим Днепр под крутым и зеленым откосом, Днепр, о котором мы так долго вспоминали с тоской, о котором пели песни и которому клялись вернуться. И вернулись наконец! Мы — над знаменитым Остерским междуречьем, где кипели такие жаркие бои. Сейчас и здесь безмятежная тишь и гладь. Пароход тащит баржи. По разбитым дорогам пылят грузовики. И вот уже впереди на холмах виден Киев с высокой колокольней древней Софии. Взорванный мост, по которому столько раз доводилось пересекать Днепр до войны. Чуть подальше новые, совсем недавно поставленные саперами, видать, прочные, хотя и временные мосты.

Выключен газ, ЛИ-2 идет на посадку. Видны скелеты сожженных ангаров, самолеты, разбросанные по зеленому полю, среди них трофейные «юнкерсы-52» с ярко-красными звездами, накрашенными на крыльях. Наскоро восстановленное здание аэровокзала. Это пригородный аэродром Соломенка… Мы много читали и слышали о том, как жестоко пострадал Киев. И все же надо быть в эти дни здесь, надо самому долго ходить по пустынным каменным каньонам, в которые превратились улицы города, надо самому видеть это, чтобы в полной мере представить себе, какой мы получили столицу Украины, выбив отсюда гитлеровцев, и какую титаническую работу предстоит проделать, чтобы вернуть ей вид обжитого города. Сердцем, душой веришь, что придет такое время, когда на этих обожженных холмах снова встанет большой и красивый город и, быть может, не так легко будет находить следы разрушений. Но пока что в центре Киева трудно найти хотя бы один целый дом. Вот только здание большого универсального магазина каким-то чудом более или менее сохранилось на Крещатике.

Вначале, когда въезжаешь в город с аэродрома, этого не видишь. Тянутся зеленые улицы, украшенные отцветающими бело-розовыми свечками каштанов. Начинают цвести акации и маслины, и волны их аромата плывут над городом, создавая у людей праздничное настроение. Стоят на своем месте древние Золотые ворота. Скачущий на коне Богдан Хмельницкий машет своей булавой среди разбитых фонарей. По тротуарам течет веселая оживленная толпа. На перекрестках регулируют движение милиционеры, одетые пока что в трофейные коричневые френчи. Но вот ты спускаешься к Крещатику, и у тебя сжимается сердце: перед тобой страшная панорама, остро напоминающая фантастические пейзажи французского художника XVIII века Гюбера Робера, посвятившего свою жизнь красочному воспроизведению руин.

Полуобрушившиеся стены многоэтажных домов с изувеченными скульптурами на фронтонах, вязью художественной лепки, расстрелянными колоннадами. Заржавевшие фонарные столбы с названиями убитых улиц — нумерованные мертвецы. Груды камня, бревен, заржавевших стальных ежей и земли, заросшей травой, — остатки баррикад 1941 года.

Где-то на самом верху в страшном провале пустой пятиэтажной коробки, облизанной огнем и покрытой копотью, чудом уцелел обломок ванной комнаты: аккуратная газовая колонка, сверкающая нетронутая эмаль ванны, а из ванны тянется к солнцу молодая березка.

Внизу на кирпичах двое бойцов приладили котелок и варят на костре свой походный кулеш.

Хрустит под ногами стекло. Слышен щебет птиц, свивших гнезда в развалинах. Я иду вдоль того, что было Крещатиком, и читаю еще совсем свежие надписи на камнях: «Мама! Ищи меня на Подоле у Петровых», «Кто знает, где Настя Кравчук, напишите — Полевая почта 45510 А. Г. Кравчун»… А вот табличка: «Хождение опасно». Я смотрю вверх: ветер раскачивает одинокую шестиэтажную стену, задумчиво глядящую голубыми глазницами бывших окон на мостовую: упасть или не упасть?..

И здесь же, на рушащихся стенах, остатки довоенных рекламных плакатов, резко контрастирующих с этим пейзажем: «Чтоб быстрее потолстеть, надо сдобы больше есть»,

«Качество наших хал выше всяких похвал», «Вимагайте всюди морозиво». А рядом угловатая динамичная надпись углем: «Здесь был детский кинотеатр «Смена». Его ежемесячно посещали сто тысяч зрителей. Вот что сделали с ним фашисты. Отомстим!» На Крещатике у развалин старой думы каким-то чудом сохранился нетронутым один фонарь — стройный, сияющий, с двумя матовыми стеклянными шарами, оплетенными изящной проволочной сеткой, — единственное на весь центр города, живое напоминание о былом.

И тут же — жизнь. Она пробивается сквозь тление руин, как вот эта свежая, сочная травя, тянущаяся к солнцу из щелей между битыми кирпичами, засыпавшими землю. Вот в кузове разбитой немецкой машины орудует малыш, самозабвенно воспроизводящий всю гамму звуков большого города от рычания мотора и скрипа тормозов до свистка милиционера и шелеста листвы каштанов. «Ты откуда?» — «Я здешний, мы пока живем вон там, в подвале…» — «А где твоя мама?» — «А вон там, за углом, на воскреснике…» Я сворачиваю за угол и останавливаюсь, пораженный увиденным: во всю ширину разрушенного проспекта чернеет огромная толпа людей.

Молча, сосредоточенно люди разбирают завалы, подносят кирпичик за кирпичиком к платформе грузового трамвая, сгребают в кучи щебень и уносят его на носилках, с великим трудом растаскивают переплетенные силой взрыва стальные балки перекрытий. Рядом работают рабочие «Арсенала» и студенты, колхозницы и профессора. Над грудами щебня развеваются знамена — на воскресник приходят организованно.

И вот я уже покидаю Киев. Еду на грузовике. Впереди стелется розоватый асфальт прямого как стрела Житомирского шоссе, которому за эти годы было суждено не раз становиться осью стремительных и грозных военных операций. По сторонам — сосновые леса, опаленные войной села, одни разбиты больше, другие — меньше, но пострадали все. Часто попадаются изуродованные немецкие танки, бронетранспортеры, машины. В одной из деревень мои спутники-катуковцы узнают и свой разбитый танк, брошенный ими на повороте к Брусилову.

Сейчас рядом с танком шумит деревенский базар. Идет бойкий торг добротно склепанными деревянными ведрами, сплетенными из алюминиевых лент кошелками — гитлеровцы сбрасывали с самолетов эти ленты, чтобы перехитрить наши радары, — самогоном, молоком. Можно купить яиц — по пятьдесят рублей десяток, что по военному времени считается не так уж дорого. С полуразбитой деревянной колокольни доносится надтреснутый звон — он зовет к заутрене по случаю воскресного дня.

В ста тридцати километрах от Киева — Житомир. Минуем большой аэродром, где то и дело взлетают и садятся грузовые самолеты, и станцию, где так же царит оживленное движение; теперь и Житомир — глубокий тыл. Это город зеленый, привлекательный, почти не затронутый разрушениями. Совсем иначе выглядит Бердичев, через который мы проезжаем позднее, — он весь лежит в развалинах. Только тенистые дубравы здесь остались, кажется, неизменными. И наконец Винница, большой и красивый украинский город, который Гитлер одно время использовал для своей ставки на Восточном фронте. Отсюда начался минувшей весной крестный путь крупной немецкой группировки, спасавшейся бегством от Советской Армии.

Медленно-медленно едем по вдребезги разбитому шоссе Винница — Бар, превращенному в бесконечное кладбище германской военной техники. Впереди, насколько хватает глаз, — разбитые «тигры», автобусы, «оппели», вездеходы, грузовики с пушками на прицепе, шестиствольные минометы — все вперемешку, в страшном хаосе, вдребезги расколоченное. Видать, здорово погуляли здесь наши танки и штурмовые самолеты, когда вся эта техника влипла в грязь и застыла на месте…

На следующий день мы перенеслись в Буковину — прозрачные, светлые буковые рощи, в них щиплют траву овцы. Пастушата машут нам руками. Деревни здесь утопают в густых садах. Следов разрушений не видно — наши танки промчались к Черновицам так стремительно, что гитлеровцы не успели ничего тронуть.

Наконец мы въезжаем в село, где размещен штаб 1-й гвардейской танковой армии, —

да, теперь вся армия Катукова стала гвардейской. Это звание было присвоено ей 25 апреля 1944 года за доблестное осуществление весеннего наступления к Карпатам. Широкая улица, вокруг дворов — живые изгороди, дома аккуратно выбелены, двери и наличники окон прихотливо расписаны красной и голубой краской, у ворот — стеклянные фонари. Крестьяне одеты так же, как за Збручем, и речь та же — чистая украинская речь. В хате, где мы останавливаемся на постой, нас встречают приветливо. Я оглядываюсь по сторонам: чистая горница, балки под потолком крыты голубой масляной краской и обильно украшены бумажными цветами; вдоль стен — деревянные крашеные лавки — голубые и красные.

На лавках, на кроватях, на стенах — домотканые коврики ярких праздничных тонов; преобладают все те же красный и голубой цвета в широкой гамме оттенков. Большая груда аккуратно сложенных домотканых ковров лежит на сундуке. Хозяйка и ее дочери в чудесно расшитых одеждах — ни дать ни взять из ансамбля самодеятельности. Сразу видно, что здесь живут трудолюбивые люди, заботящиеся о том, чтобы все вокруг было не только удобно, но и красиво.

На стенах, среди пышных букетов искусственных цветов, — лубочные божественные картины — рыжебородый Христос с пылающим сердцем, святое семейство с добрым Саваофом в центре, похожим на лесоруба, только что встреченного нами в буковой роще. Рядом наклеен старый довоенный номер газеты «Советская Буковина». Вокруг — веером размещены фотографии хозяев дома, снятых в разное время и в разных видах…

Я и мои спутники засыпаем как убитые на мягких буковинских пуховиках, сраженные каменной усталостью после долгого путешествия, столь обильного впечатлениями…

Рассказ об одном кинжальном ударе

С генералом Катуковым мы встретились в нарядной и чистой хате буковинского крестьянина. Он с трудом передвигался по горнице, опираясь на палочку. Генералу не повезло: в разгаре тяжелых зимних боев он испытал острый приступ аппендицита. Врачи потребовали немедленно лечь на операционный стол. Генерал отказался, прогнал врачей и продолжал руководить операциями. Превозмогая боль, он ездил из части в часть на бронетранспортере в старой солдатской шинели, в которой воевал еще под Москвой, и с маузером у пояса. Спать было некогда, об отдыхе нельзя было и подумать.

Передышка наступила только первого февраля, когда армия вышла из боев. Врачи снова настаивали на операции. Генерал отмахивался, но приступы учащались, и в конце концов его все-таки уложили на операционный стол. Катуков вышел из госпиталя в конце февраля, недолечившись: думал, что впереди еще длительный отдых и он оправится от операции на командном пункте армии, которая в то время после успешного осуществления Житомирско-Бердичевской операции,[67] стояла в районе Погребищенского, находясь в резерве 1-го Украинского фронта. Съездил в Киев на доклад об итогах зимней операции, вернулся в Погребищенское. И вдруг — шифровка: немедленно выдвинуться в район юго-западнее Шепетовки, а туда — триста километров бездорожья. В пути — новый приказ: командарму срочно прибыть к командующему фронтом.

Что же произошло?

Катуков знал, что по приказу Советского Верховного Главнокомандования три Украинских фронта — 1-й, 2-й и 3-й — развернули грандиозное наступление с целью завершить освобождение Правобережной Украины. История войны еще не знала более

---

[67] В ходе Житомирско-Бердичевской операции 1-я танковая армия за 17 дней наступлений продвинулась до 300 километров и освободила более 100 населенных пунктов. Большую роль она сыграла затем в отражении контрударов гитлеровцев в районе Винницы. За 38 суток боевых действий танкисты уничтожили свыше 19 000 гитлеровцев, 423 орудия и миномета, 1075 автомашин, 2 бронепоезда, 650 танков и штурмовых орудий, захватили в плен более 1300 солдат и офицеров, взяли 32 танка и штурмовых орудия, 178 орудий и минометов, 354 автомашины и другое военное имущество.

крупной операции с участием такого огромного количества войск и техники в труднейших условиях весенней распутицы. Войскам приходилось очень трудно, но медлить было нельзя — надо было бить и гнать гитлеровцев, пока они не опомнились от тяжелых поражений.

1-й Украинский фронт наносил главный удар с рубежа Шумское Шепетовка — Любар в направлении на Чортков — это была Проскуровско-Черновицкая операция. В наступлении участвовали шесть армий, в том числе две танковые — 4-я, которой тогда командовал генерал В. М. Баданов (а с 13 марта — генерал Д. Д. Лелюшенко), и 3-я гвардейская под командованием генерала П. С. Рыбалко…

Операция началась утром четвертого марта. 7–11 марта наши войска захватили район Волочиск — Черный Остров и перерубили железную дорогу Львов — Одесса, продвинувшись на сто километров. Однако обстановка на фронте осложнялась, противник оказывал упорное сопротивление. Между Тернополем и Проскуровом он сосредоточил девять танковых и шесть пехотных дивизий. Они переходили в контратаки. Наше командование решило усилить свою ударную группировку, и вот 12 марта Катуков был вызван к маршалу…

Командующий 1-м Украинским фронтом ставит перед 1-й танковой армией нелегкую боевую задачу: сосредоточившись на Тернопольском направлении, она вместе с 4-й танковой армией должна войти в прорыв, который обеспечит 60-я армия генерала Черняховского, молниеносно продвинуться на юг, выйти на Днестр, форсировать его, взять город Черновицы и пробиться к предгорьям Карпат.

Своим кинжальным ударом 1-я танковая армия должна была рассечь фронт противника и создать условия главным силам 1-го и 2-го Украинских фронтов для окружения и разгрома 1-й танковой армии гитлеровцев. Танкистам предстояло пройти 120 километров — в первый день наступления они должны были продвинуться на 25 километров, во второй — на 35, в третий — на 60 километров!

Катуков понимает всю сложность этой задачи. Фронт скован бездорожьем. Все увязло в раскисшем украинском черноземе. К тому же у армии недостаточно танков. Но фактор внезапности — великая сила!.. Такие мысли проносятся в голове у генерала-танкиста, пока он слушает пояснения старшего начальника.

— Имеешь шанс отличиться, Катуков, — говорит грубовато командующий фронтом. — Тебе все понятно?.. Хорошо… Значит, через недельку будь с армией вот здесь, — он показал на карте район Тернополя, — а там — «ура», и будь здоров…

У Катукова слегка кружилась голова. Мысленно он клял себя за то, что не послушался врачей, надо было еще полежать в госпитале. По теперь уже поздно. И, подавив усилием воли свою физическую слабость, он занялся привычными делами. Надо было выяснить тысячи вопросов, связанных с предстоящей необычной операцией.

Тринадцатого утром Катуков был у себя в штабе, и сложная машина командования современной танковой армией пришла в движение. И только тогда, когда все было кончено и гвардейские танки, полностью выполнив свою задачу, вышли к Карпатам и завершили расчленение фронта противника, он снова лег в госпиталь. Сейчас Катуков медленно выздоравливал, находясь под бдительным наблюдением профессора, который не отходил от него ни на шаг.

— Ну вот, — сказал он, улыбнувшись своей подкупающей мягкой улыбкой, которая всегда так неожиданно освещала его строгое солдатское лицо, — а остальное вы знаете из газет… Как видите, дошли до самой границы, дальше пойдем уже по чужой земле, до самого Берлина пойдем, это уж точно. А вернемся домой, если доживу до этого и если все будет благополучно, уйду в отставку, поселюсь где-нибудь в роще на берегу озера, буду рыбачить и караулить лес. Всю жизнь мечтал стать лесником, а вот все приходится по солдатской линии идти…

Катуков поправил сползавший с плеч генеральский китель, на котором за этот год изрядно добавилось орденов: рядом с орденом Ленина и орденом Красного Знамени — ордена Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й

степени, монгольский, английский ордена. Поймав мой взгляд, генерал сухо сказал:

— Это все не мое… Это армия получила. И те, кого уже нет с нами: Александр Бурда, Бессарабов… Помнишь их по Москве и по Курской дуге? Ну вот, нет больше их. Погибли! А какие люди! В мире не хватило бы орденов, чтобы отблагодарить их за все, что они сделали. Но вот не дошли до границы. Ты знаешь, — волнуясь, генерал всегда переходил по старой солдатской привычке на «ты» — гвардейцы-то наши добрались было до старых своих казарм в Станиславе, где стояли до войны. Первая гвардейская туда ворвалась, да пехоты не хватило, пришлось с боем отойти. Но кое-какие офицерские семьи, которые там оставались под немцами, вызволили… В общем, событий было много. Поездите по частям, богатый материал соберете. Сейчас у нас время есть для бесед, не то что под Обоянью…

Генерал достал платок и стер пот со лба. Деликатно молчавший все время профессор выразительно кашлянул: беседу надо было кончать.

— Ну, мы еще наговоримся, — сказал Катуков, метнув в сторону профессора недовольный взгляд. — Сегодня потолкуйте с подполковником Колтуновым, он вам в лучшем виде прикарпатскую операцию обрисует. А завтра поезжайте в Черновицы — красивый город, я с нашей бригадой в него еще в 1940 году входил. Нельзя упустить такой случай, посмотрите, пока мы рядом стоим.

— Пока? — недоуменно спросил я.

— На войне всякое бывает, — усмехнулся Катуков…

…С подполковником Колтуновым мы часто встречались еще на Курской дуге — тогда он был еще майором. И сейчас, встретив меня так, как будто мы расстались только вчера, он, разложив свои карты и блокноты с лаконичными по-военному записями, начал рассказывать о событиях, потрясших до основания в марте этого года гитлеровский фронт.

— Командарм, вероятно, вам уже говорил, что мы начали свой комбинированный марш из района Погребище в район южнее Шепетовка. — Как настоящий военный, подполковник Колтунов никогда не упоминал названия населенных пунктов иначе как в именительном падеже. — То, что было возможно, перебросили по железной дороге, но очень многое тащили по шоссе. Трудности были адские: не ехали, а плыли. Танки работали как тягачи. Катуковскую машину толкал сзади грузовик нашего оперативного отдела, а помощник командарма по технической части Дынер ехал на легковом автомобиле, запряженном в трактор. Офицеры связи следили за движением частей с борта самолетов. Между Казатином и Бердичевом движение контролировали офицеры, посаженные на мотоциклы с колясками. И все же в пути отстало до пятисот колесных машин — пришлось их временно оставить там, пока хоть немного подсохнет…

В районе южнее Шепетовки армия сосредоточилась четырнадцатого марта. К этому времени командарм уже получил боевую задачу, и начальник штаба генерал Шалин вместе с работниками оперативного отдела быстро разработал план операции. Уже вечером тринадцатого марта Катуков вызвал командующих обоих своих корпусов[68] — Дремова, который когда-то служил в его полковой школе командиром взвода, и Гетмана и ориентировал их.

На ходу корпуса приняли пополнение и технику[69] и начали готовиться к наступательной операции. Левее занимала исходные рубежи 4-я танковая армия.

Обстановка для прорыва была благоприятна. Противник не подозревал о том, что Советские Вооруженные Силы усилили на этом участке свой бронированный кулак. Он

---

68 После зимних боев 31-й танковый корпус был выведен из состава армии, и в дальнейшем она действовала двумя корпусами — 11-м гвардейским танковым и 8-м гвардейским механизированным.

69 Армия получила 220 танков Т-34; некоторые из них входили в танковые колонны, сооруженные на средства, собранные трудящимися, «Вызволена Полтавщина» и «Дмитрий Донской». Эти танки в торжественной обстановке были переданы экипажам. Техники, однако, было маловато: танками, орудиями и минометами армия была укомплектована лишь на 50 процентов, а автотранспортом на 49 процентов

думал, что перед ним прежние, уже потрепанные в боях части, и вел активные боевые действия, стремясь отжать советские войска от Тернополя и вернуть железную дорогу Винница — Проскуров Тернополь в предвидении летнего наступления из района Проскурова, которое замышлял генерал-фельдмаршал Манштейн. О строительстве оборонительных сооружений немцы не думали. Межфронтовые резервы они могли бы подвести только через пять-шесть дней. В тылу у них, на южном берегу Днестра, находился лишь малонадежный 8-й армейский корпус венгров.

У наших войск были свои немалые сложности: бездорожье, еще более опасное нам, нежели немцам, — ведь успех операции могла обеспечить лишь стремительность; недостаток пехотных частей, которые могли бы надежно закрыть фланги прорыва. Танкистам предстояло прорываться вперед без оглядки на фланги, с расчетом на то, что внезапный удар дезорганизует противника и лишит его воли к сопротивлению.

Как это часто бывает, в план операции в последнюю минуту пришлось внести некоторые коррективы, так как к этому моменту отбить у противника Тернополь не удалось, пришлось сменить исходный район наступления. Армии снова передвигались по отчаянному бездорожью. Всего с момента выхода из района Погребище и до начала наступления танковая армия Катукова прошла около пятисот километров. Люди устали, но войска сохраняли свой боевой, наступательный дух, их радовала ставшая такой реальной и близкой перспектива полного изгнания врага с советской земли.

Вечером 17 марта 1944 года оба корпуса сосредоточились в выжидательном районе, в пятнадцати километрах от переднего края. Через двое суток соединения первого эшелона заняли исходные районы для наступления — уже в двух-трех километрах от переднего края. Все было готово к наступлению…

И вот наступило пасмурное утро 21 марта. В этот день и 1-я и 4-я танковые армии были введены в сражение в полосе 60-й армии. Танкисты Катукова держали курс на город Черновицы, а танкисты Лелюшенко — на Каменец-Подольский.

Стояла холодная погода, кое-где еще лежал снег. Оба корпуса Катукова сосредоточились на исходном рубеже, выдвинув в первый эшелон свои главные силы. Они атаковали противника на узком участке фронта протяженностью в 14 километров. Первый удар по традиции наносили, в частности, 1-я гвардейская танковая бригада под командованием опытного офицера полковника В. М. Горелова и 20-я гвардейская механизированная бригада полковника А. Х. Бабаджаняна. В 7 часов 20 минут грянул короткий артиллерийский налет, в котором приняли участие артиллерия 1-й танковой и 60-й общевойсковой армии, в небе зашумели моторы самолетов — наша авиация совершила 1300 самолето-вылетов. Мощные танки взревели и ринулись вперед, неся на своей броне автоматчиков и ведя за собой пехоту.

Катуковцы сражались самоотверженно, не щадя своих жизней.

Вот что мне рассказал впоследствии тогдашний заместитель командира 2-го танкового батальона 1-й гвардейской танковой бригады Владимир Бочковский (командовал батальоном тогда майор С. П. Вовченко).

— Наша бригада после артиллерийской и авиационной подготовки с ходу атаковала передний край обороны противника, но, продвинувшись на полтора-два километра, мы наткнулись на заболоченную речку у деревни Романовка. Наступление замедлилось. Противник вел огонь, мы несли потери. В этот трудный момент молодой лейтенант Попов нашел проход для танков между Романовкой и деревней Великие Борки.

Переправившись, мы с тыла ударили по противнику, который оказывал упорное сопротивление в районе Романовки. Он дрогнул, и наши войска начали продвигаться быстрее. Но весенняя распутица не давала отойти от дороги ни на один метр. Танки ползли медленно. Двигатели кипели. Тем временем нас атаковала вражеская авиация. Сложная была обстановка, но танкисты терпели мы понимали, что двигаться можно и нужно только вперед.

К полудню мы поднялись на высоту 341 у деревни Грабовец и оттуда, по дороге в Козловку, с ходу атаковали колонну немецких танков и артиллерии. Впереди всех шли

Попов и Сирин, расстреливая танки и давя гусеницами пушки. В этой схватке Попов погиб — он прошел короткий, но яркий боевой путь и был посмертно награжден орденом Ленина.

Ворвались в Козловку… Первым теперь шел Духов, за ним — Большаков, все тот же Сирии и смелый кабардинец Карданов. Здесь были уничтожены батальон немецкой пехоты и большой обоз.

Дальше, при наступлении на Сороцко, мы вели бой с десятью танками противника. Уничтожили семь, потеряли два. К вечеру овладели селениями Пловцы, Баричевка и Дубина. Ночью отразили сильную контратаку из Глицавы. Особенно хорошо показали себя в этом бою все те же Духов, Карданов, а также Шарлай, Бондарь и Катаев.

Мы ворвались в Трембовлю. Здесь танкисты буквально врезались в колонну немецкой пехоты. Пробивались через обозы, крушили автомашины. Гусеницы танков покраснели от вражьей крови…

Так танкисты Катукова, действуя силами обоих корпусов, вышли на тылы оборонявшихся немецких частей. Потеряв за первый день наступления около двадцати танков, армия продвинулась своими главными силами на двадцать километров, а передовые отряды ушли еще дальше. Управление частями противника было парализовано. Наши танкисты действовали дерзко и смело, во всеоружии накопленного за эти годы опыта. Они уходили вперед группами по три-пять экипажей и, появляясь в самых неожиданных местах, сеяли среди немцев панику. Тем временем вторые эшелоны сокрушали оставшиеся в тылу опорные пункты…

— Я не был бы искренен, если бы не сказал, что мы все-таки не полностью укладывались в намеченный график, — сказал, улыбаясь, подполковник Колтунов. — Задачу первого дня наступления мы доделали только к утру двадцать второго. Пришлось основательно поработать у Борки Бельке, Ходачкув Малый, Колодзиновка, Сороцко — там были крепкие опорные пункты противника. Но война есть война, всегда возникают какие-то непредвиденные вещи. Зато мы прочно овладели двумя важными шоссе — одно вело на Чортков, второе на Гусятин. Это второе шоссе первоначально входило в полосу наступления 4-й танковой армии, но у них дело застопорилось, и нам пришлось взять на себя и это направление…

Ночью из штаба фронта был получен дополнительный приказ: взять Гусятин! Эту задачу командарм поручил 45-й гвардейской танковой бригаде, входившей в корпус генерала Гетмана. Задание было ответственное: Гусятин лежал в 50–60 километрах за линией фронта. Генерал сам выбрал для решения этой задачи испытанный в боях батальон гвардии майора А. Г. Десяткова, в котором сохранилось десять боевых машин. Под покровом ночи танкисты рванулись вперед. Умело маневрируя в тылу врага, сокрушая рассеянные мелкие группы и обходя узлы сопротивления, батальон прорвался к Гусятину. В ночь на 23 марта Десятков, разделив свой батальон, обошел город и атаковал его с запада и с северо-запада, свалившись немцам как снег на голову.

В Гусятине были немецкие танки, бронепоезд, немало пехоты. Они без труда отразили бы атаку десяти советских танков, если бы разобрались в обстановке. Но удар был настолько неожиданным, а направление его столь удивительным, что немцев охватила паника, и они устремились из города на… восток. А советские танки уже громыхали по мостовым Гусятина. Младший лейтенант Чугунин влетел на станцию, расстреливая из пулемета разбегавшуюся немецкую пехоту. Выстрелом из пушки он разбил танк, раздавил несколько автомобилей. На путях остался эшелон из 53 вагонов с паровозом под парами.

Майор Десятков немедленно организовал круговую оборону, предвидя, что немцы одумаются и попытаются взять реванш. Так и вышло: бежавшие из города немецкие подразделения начали возвращаться и переходить в контратаки. Но танкисты оборонялись умело. Маневрируя, они вели огонь с разных позиций, вызывая представление, будто город заняли крупные силы. Немцы действовали неуверенно, с оглядкой на тылы — они знали, что с востока неудержимо движутся главные силы советских войск, и у них складывалось ощущение, что их окружили. К шести часам вечера к городу подошли части 4-й танковой

армии, и батальон, с которым все время поддерживалась связь по радио, был отозван.

Вовремя заняв Гусятин, танковый батальон майора Десяткова отрезал гитлеровцам пути на запад и юго-запад и перехватил важную железнодорожную магистраль. Он продержался здесь до подхода наших главных сил. Самым удивительным было то, что в этой операции батальон не понес никаких потерь. Успешный рейд батальона майора Десяткова принес 45-й гвардейской танковой бригаде (бывшей 200-й танковой), которой по-прежнему командовал полковник Н. В. Моргунов, имя Гусятинской, а его участникам — ордена и медали.

Тем временем танковая армия, продолжая выполнять свою основную задачу, неудержимо продвигалась вперед. Ее фланги оставались открытыми — Тернополь все еще был в руках противника, слева оказывали сопротивление остатки 7-й немецкой танковой дивизии и пехотные части. Но гвардейцы продолжали наступление, не оглядываясь на фланги, они знали, что за ними движется 60-я армия, которая расширит и закрепит прорыв.

Весьма ответственная задача выпала, как обычно, на 1-ю гвардейскую танковую бригаду гвардии полковника В. М. Горелова и на 20-ю гвардейскую механизированную бригаду полковника А. Х. Бабаджаняна — им был поручен захват города Чорткова, важного пункта на реке Серет. Вскоре после того, как была захвачена Трембовля, Горелов вызвал капитана Владимира Бочковского и поручил ему возглавить передовой отряд с задачей разгромить противника на подступах к Чорткову, овладеть им и удержать мост через Серет до подхода основных сил бригады.

Чортков обороняли остатки 503-го немецкого танкового батальона и сводная группа пехоты. Надо было действовать быстро и решительно; главное не дать врагу взорвать мост через реку. Отряд Бочковского стремительно умчался к Чорткову. В пути было много стычек, много трудных и опасных столкневений с противником, но Бочковский всякий раз стремился как можно быстрее высвободить свои танки из боя и уйти вперед для решения своей главной задачи.

Вот как он сам описывал позднее в письме ко мне захват переправы через Серет в Чорткове — гитлеровцы ждали удара с востока, а его отряд ворвался в город с севера:

«Мы устремляемся в город. Рассветает. Висит низкий туман. Снег комьями летит из-под гусениц, обдавая танки и сидящих на броне десантников снежной пеленой. Подходим к первым домам. Снижаем скорость. Остановка. В первой же хате берем четырех пленных — умаялись, бедные, бежать от русских танков! Осторожно, на малом газу, спускаемся вниз, в город. Рывок по улице. Первым идет танк Александра Дегтярева, двадцатилетнего комсомольца из Саратова, мой — за ним, мчимся к переправе. Мост горит! Это гитлеровцы вкатили на него бензоцистерну и, открыв краны, подожгли ее. По мосту ползет голубой огонь. Бензин льется в реку, вода горит островками. Выскакиваю из танка. Под прикрытием огня Дегтярева вбегаю на мост. Настил еще не прогорел. Решаю: надо сбить цистерну и, пока крепок настил, проскочить по нему на ту сторону и попытаться спасти переправу. Снимаем десантников с танка Дегтярева, развертываем его башню назад и укрываем танк брезентом. Объясняю механику-водителю старшему сержанту Волкову, что ударить по цистерне нужно левым ленивцем танка, с тем чтобы ее сбить с моста. Открываем огонь по зданиям, находящимся по ту сторону реки. Танк Дегтярева берет разбег, с ходу влетает на мост и бьет по цистерне, как было условлено. К небу вздымается клубок огня. Цистерна падает в реку. Танки один за другим прорываются по горящему мосту за Серет. Брезент на машине Дегтярева горит. Цепляем его и стаскиваем. Огонь удается погасить…»

Так мост был спасен, и это в значительной мере облегчило весь ход операции танкистов Катукова. Одна за другой по мосту промчались боевые машины старшего лейтенанта И. П. Кульдина, лейтенанта Ю. Р. Веревкина, К. Л. Карданова, В. Р. Свидаш, М. П. Мусихина, младших лейтенантов В. А. Нетреба, П. Ф. Дейко… Но бой за город еще не был завершен, хотя, кроме отряда Бочковского, в Чортков уже ворвался с другой стороны гвардии майор Гавришко с 1-м батальоном бригады.

Ветераны танковой армии, начинавшие свой боевой путь как раз в этих местах, шли

вперед с особым чувством. Здесь побывал в 1939 году командарм Катуков и в 1941 году воевал член Военного совета армии Н. К. Попель. У деревни Белиловки нашел свой обгорелый танк БТ-7 гвардеец Кульдин; ему не было суждено закончить этот рейд живым, он погиб через несколько дней, сражаясь за переправу через Днестр в Устечко. В Станиславе, к которому двигалась сейчас армия, начинали свою службу бывший помощник сталевара из Днепропетровска Григорий Федоренко, начавший войну младшим лейтенантом и возвращавшийся на границу майором, командиром батальона, награжденным многими орденами; бывший шлифовщик из Воронежа Иван Шустов, который 22 июня 1941 года был только старшим сержантом, водителем, а ныне стал умудренным в боях лейтенантом, командиром роты — он уничтожил уже пятнадцать немецких танков и имел два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу»; бывший электросварщик из Ворошиловска Шестера, провоевавший всю войну на танке в трудной и ответственной должности радиста, — сколько раз он горел, сколько танков, в которых он работал, было разбито, а Шестера жив, продолжает воевать и возвращается в Станислав кавалером двух орденов Славы, ордена Красной Звезды и медали «За отвагу»… Таким ветеранам цены нет, каждый из них профессор своего дела, и они идут в бой с чувством величайшего превосходства над врагом, которого они гонят на запад — кто от Москвы, кто из Воронежа, а кто из-под самого Сталинграда.

В центре Чорткова боев не было, но на западной окраине опомнившиеся гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Отряд Бочковского напоролся на десяток немецких танков. Завязались уличные бои. Танки шли вперед зигзагами по незнакомым переулкам.

Командир танкового взвода двадцатидвухлетний лейтенант Кабард Локменович Карданов, [70] смелый кабардинец, кавалер ордена Отечественной войны 2-й степени, погнался за немецким бронетранспортером. В это время слева ударил немецкий «тигр». Танк Карданова загорелся. Спешивший ему на выручку лейтенант Дегтярев, выскочив сбоку, расстрелял в упор «тигра», догнал бронетранспортер, который ушел от Карданова, и разбил его. Но в этот момент стоявшая слева 105-миллиметровая немецкая пушка ударила по башне, в дегтяревский танк. Башня слетела.

Заряжающий и радист-пулеметчик были убиты, а Дегтярев тяжело ранен. Механик Волков оттащил его в какой-то пустой дом и опрометью бросился за санитаром. Когда товарищи под огнем, рискуя жизнью, прибежали за раненым лейтенантом, было уже поздно. Он лежал мертвый. Рядом валялся его автомат и были разбросаны пустые гильзы — очевидно, в дом ворвались немецкие автоматчики, и тяжело раненный гвардеец Александр Дегтярев сражался до последнего.

Из кармана его гимнастерки вынули пробитый двумя пулями комсомольский билет, на последней странице которого лейтенант слабеющей рукой набросал карандашом срывающиеся строки: «Погибаю смертью храбрых за счастье Родины. 22 марта 1944 года». В записной книжке, также пробитой пулями, было написано: «Прошу сообщить о моей гибели на фронте Отечественной войны родителям по адресу: г. Саратов, Б. Садовая ул., № 151, общежитие № 3, кв. № 9». И еще там лежал простреленный шелковый платочек, заботливо вышитый рукой невесты Александра — Аделаиды Пулимной…

Бой был в разгаре. Гвардейцы-танкисты Бондарев, Духов, Катаев продолжали единоборство с немецкими танками на улицах города. А гвардии лейтенанту Кашкадамову удалось захватить исправный танк: когда он подлетел к нему, немецкий экипаж выскочил из люков и бросился врассыпную. И едва закончился бой, все уцелевшие шесть танков Бочковского стали как вкопанные — у них кончилось горючее.

К 9 часам утра 23 марта Чортков был полностью освобожден. За героизм и воинское

---

[70] Два десятилетия спустя, когда в журнале «Знамя» был опубликован мой очерк об этом бое, Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт при Совете Министров республики предпринял розыски сведений об этом выдающемся воине. Выяснилось, что в операции по взятию Чорткова Кабард Карданов действовал поистине геройски.

умение, проявленные в этом бою, 1-й гвардейской танковой бригаде было присвоено наименование Чортковской. Теперь она называлась длинно и торжественно: 1-я гвардейская танковая Чортковская ордена Ленина, ордена Красного Знамени и ордена Богдана Хмельницкого бригада. А майор Гавришко, капитан Бочковский, старший лейтенант Сирик, также отличившийся в этом бою, командир бригады полковник В. М. Горелов и командир корпуса генерал-майор И. Ф. Дремов получили звание Героя Советского Союза.

Лейтенанты Карданов, Дегтярев и другие танкисты, геройски погибшие в бою за освобождение города, были с почестями погребены на площади в Чорткове.

Армии был открыт путь к Днестру, и оба корпуса — Дремова и Гетмана без передышки устремились вперед. По дороге, ведущей из Чорткова на юг, мчался 1-й батальон 1-й гвардейской танковой бригады, в котором еще оставалось десять танков; его вел гвардии майор Н. И. Гавришко. Этому батальону, усиленному ротой автоматчиков, было приказано стремительным броском выйти к Днестру в районе Устечко, с ходу захватить мост и удержать его до подхода главных сил.

Продолжался мокрый снегопад, смешанный с дождем. Проскочив Ягельнице и Тлусте, где еще оставались немцы, Гавришко нагнал на развилке дорог огромную автоколонну — сотни немецких автомашин под охраной броневиков и бронетранспортеров спешили уйти от преследования. Как оказалось впоследствии, это были тылы эсэсовской дивизии «Адольф Гитлер» и 6-й немецкой танковой дивизии. С ходу ударив по колонне в хвост, танки гвардейцев обогнали увязшую в грязи колонну, выскочили к переправе, закрыли ее и разгромили весь этот огромный механизированный обоз…

В 23 часа 30 минут вечера 24 марта 1-й батальон ворвался в Устечко. Танкистов сопровождала рота мотострелков, оседлавших лошадей, чтобы быстрее продвигаться вперед по бездорожью. Увидев, что мост через Днестр цел, командир роты автоматчиков старший лейтенант М. В. Чернышев с пятью солдатами устремился вперед. Они проскочили через мост, но тут же грянул взрыв, и одна из ферм тяжело рухнула в реку. Гавришко охнул от горя. За рекой началась стрельба — горсточка наших стрелков спешила закрепиться на плацдарме.[71]

В этот же день командир 21-й гвардейской мотострелковой бригады полковник И. И. Яковлев послал в глубокий рейд танковую роту 69-го гвардейского танкового полка под командованием гвардии лейтенанта А. М. Сулимы. Этот опытный танкист, совершая обходный маневр, промчался со своей ротой через Ягельнице, Моховку, Свидовку, Тлусте, Звиняче и тоже поздно ночью вышел к Устечко. Вскоре сюда подошли и остальные подразделения 69-го танкового полка, которым командовал подполковник А. М. Темник, опытный боевой офицер.

В Тлусте находился концентрационный лагерь. Немцы никак не ожидали появления здесь советских танкистов и не смогли оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления. Сулима спас от смерти три тысячи заключенных. Он получил звание Героя Советского Союза.

Форсирование Днестра оказалось трудным делом. Когда планировалась операция, имелось в виду, что переправу обеспечит приданная армии инженерно-понтонная бригада вместе с армейскими саперными батальонами. Но ужасающая распутица внесла свои поправки в эти планы — часть парков инженерно-понтонной бригады только начала выдвигаться из исходного района наступления, а другая часть все еще находилась в Житомире и Белой Церкви. Армейские понтоны тоже отстали.

Но времени терять никак было нельзя. Было решено начать переправу мотострелков на подручных средствах.

20-я гвардейская мотострелковая бригада, которой командовал полковник

---

[71] Тов. Гавришко войну закончил успешно. В декабре 1967 года он прислал мне письмо, в котором делился воспоминаниями о пережитом

А. Х. Бабаджанян, уже захватила после двухчасового боя город Залещики, — за этот боевой успех ей было присвоено наименование Залещицкой, и она была награждена орденом Ленина. Мост через Днестр там был взорван еще в 1941 году. Бабаджанян немедленно организовал переправу на подручных средствах. Первой форсировала Днестр разведывательная рота младшего лейтенанта С. Я. Устименко. К часу дня за Днестром был уже 3-й мотострелковый батальон капитана С. Д. Осипова. В числе первых переправился через реку и сам командир бригады.

Отличились артиллеристы истребительной противотанковой батареи, которой командовал гвардии старший лейтенант К. И. Ильченко: наскоро сколотив четыре плота из бревен, они вкатили на них свои легкие пушечки и боеприпасы и переправились за Днестр. Ильченко шесть раз пересек Днестр, организуя переправу своей батареи. Выкатив пушки на берег, артиллеристы немедленно открыли огонь, прокладывая путь стрелкам.

В 453-м мотострелковом батальоне первым переправился взвод лейтенанта Морозова. Сержант комсомолец Никифоров сколотил плот из двух досок и переплыл на нем Днестр с ручным автоматом. Вскоре, держась за корыто, через реку переправились еще два бойца, за ними еще два… Они рванулись вперед и захватили плацдарм. Целый ряд участников этой геройской переправы через Днестр, в том числе командир бригады полковник А. Х. Бабаджанян, был удостоен звания Героя Советского Союза.

В чрезвычайно сложных условиях форсировала Днестр и 1-я гвардейская танковая бригада, вырвавшаяся к реке, как помнит читатель, в районе города Устечко, где отступавшие гитлеровцы в последнюю минуту успели взорвать мост. Командование бригады пошло на большой риск, двинув танки через реку в брод, хотя глубина воды здесь достигала двух метров, а ширина Днестра составляла двести метров.

После войны я получил письмо бывшего начальника штаба 1-й гвардейской танковой бригады гвардии полковника в отставке М. П. Соловьева, в котором он описывает интересные детали этой дерзкой акции:

> «Прибыв в Устечко, я узнал, что мост взорван, а паромной переправы нет. Но мы должны были любой ценой выполнить приказ командования и форсировать Днестр. С помощью местного населения танкисты вытащили из сараев лодки, спустили их на воду, — между прочим следует иметь в виду, что шел всего лишь третий день после ледохода! — и рота автоматчиков вместе с саперами перебралась через реку. Автоматчики в ночном бою отогнали гитлеровцев от берега, и на следующий день саперы с утра начали восстановление моста.
>
> Тем временем мы решили, немедля, перебросить танки через Днестр вброд, по дну реки. Надо сказать, что до этого танкисты еще ни разу не рисковали переходить реку вброд на глубине двух метров, когда почти весь танк скрывается под водой.
>
> Я решил в виде опыта послать за реку один танк. Для этого опыта был избран искусный механик-водитель гвардии старшина Шамардин. На рассвете он вывел машину на южный берег Днестра: танкисты замазали солидолом щели между башней и корпусом танка и в переднем люке водителя, и Шамардин вслепую, на низкой скорости, повел свою машину к противоположному берегу. Газ был дан до отказа. Я находился на борту этой боевой машины, вместе с экипажем.
>
> Танк благополучно выбрался из реки на южный берег. Мы разведали маршрут для дальнейшего движения танков, продвинувшись по полю два-три километра, вернулись к реке и снова пересекли ее, находясь в танке, превратившемся в подобие подводной лодки. Так было доказано, что для нашей боевой «тридцатьчетверки» действительно нет преград, и все танки бригады устремились по испробованному нами глубокому броду на южный берег Днестра. К 11 часам утра мы уже заняли город Городенка, находящийся в 26 километрах к югу от Устечко.
>
> Этим же бродом воспользовалась 64-я гвардейская танковая бригада Ивана Бойко, — ей, как известно, было поручено освобождение города Черновицы. Задачу эту 64-я бригада выполнила с честью…»

Несколько ранее командир 19-й гвардейской мотострелковой бригады полковник Ф. П. Липатенков по заданию командования армии направил в дальний рейд командира взвода разведки Героя Советского Союза старшего лейтенанта Владимира Подгорбунского, и тот, пройдя десятки километров с двумя танками, которыми командовали старший лейтенант А. Н. Висконт и лейтенант Н. И. Васильченко, и горсточкой автоматчиков, сидевших на броне, ворвался в город Бучач, важный узел семи шоссейных дорог и железнодорожную станцию, освободил из тюрьмы политзаключенных и с их помощью организовал оборону до подхода главных сил…

Подполковник Колтунов вдруг прервал на минутку свой рассказ и улыбнулся:

— Вы о Подгорбунском слыхали? В некотором роде необыкновенный человек…

— Слыхал… Говорят, из бывших правонарушителей, перевоспитанный войной.

— Да… Но вы обязательно с ним повидайтесь! Если доживет до конца войны — счастлив будет тот писатель, которому придется с ним встретиться. Увлекательных сюжетов хватит на всю жизнь. Ну-с, так на чем мы остановились?.. Да, переправа у Устечко. Здесь, надо вам сказать, начинается одна из самых увлекательных глав истории нашей операции: рейд бригады Бойко на Черновицы…

Надо было спешить, чтобы выполнить конечную боевою задачу. Пока что 1-я танковая армия располагала за Днестром лишь небольшим плацдармом. Переправились через реку еще далеко не все части. Но промедление в бою смерти подобно. Надо было как можно быстрее двигаться дальше вперед, пока оглушенный танковым ударом противник еще не пришел в себя и не организовал контрудара.

До этого командарм держал 64-ю гвардейскую танковую бригаду, которой раньше командовал Александр Бурда и которого сменил его друг Иван Бойко, в своем резерве. Катуков берег ее для нанесения завершающего удара. И вот этот момент наступил. Правда, обстоятельства складывались не так, как хотелось бы: за Днестр перебрались только танки, — 25 боевых машин, колесный транспорт остался в деревне Якубовка… Но ждать было нельзя. И в 2 часа 30 минут дня 25 марта Бойко, выполняя приказ командарма, повел свою бригаду на Черновицы. Впереди шел 2-й танковый батальон майора Г. С. Федоренко.

Мчались быстро, почти нигде не встречая сопротивления. От Днестра до самых Черновиц немецких войск почти не было. На пути танкистов оказался лишь 8-й армейский корпус венгров, находившийся в состоянии брожения. До октября 1943 года он нес службу внутренней охраны в районе Житомира Бердичева. Когда туда приблизились советские войска, корпусу было приказано отходить, держа дистанцию от переднего края обороны не менее тридцати километров: гитлеровцы опасались, что венгры перейдут на нашу сторону.

Корпус отходил через Ровно — Кременец. Из Венгрии доносились вести о внутренней смуте: адмирала Хорти принудили уйти в отставку, опасаясь, как бы он не капитулировал. Власть взяла в свои руки партия «скрещенных стрел», решившая до конца связать судьбы Венгрии с судьбами гитлеровской Германии. Многих генералов отстранили от должностей. Солдаты 8-го корпуса волновались: за что они должны погибать на чужой земле? Ведь война уже проиграна… Офицеры все чаще вступали в пререкания с гитлеровцами.

В двадцатых числах марта 8-й армейский корпус сосредоточился на южном берегу Днестра. Представители германского верховного командования требовали, чтобы он занял здесь оборону: других сил в их распоряжении не было. Венгерские офицеры возражали, что их войска небоеспособны, что у них нет гаубичной и противотанковой артиллерии, что бросать их в этих условиях в бой значило бы обречь на бессмысленное истребление. Но все возражения были отведены, и небоеспособные венгерские части были развернуты вдоль Днестра.

Венгры за трое-пятеро суток ожидания встречи с советскими танками даже не вырыли окопов.

Венгерский офицер Стахо, прибывший на должность командира пехотного полка, находился в Городенке с одним батальоном, когда туда ворвалась разведывательная группа

бригады Бойко на двух танках во главе с майором Яковлевым. Он поспешил сдаться. Танкисты приказали ему построить батальон и двигаться на север, и венгры пошли пешком искать плена. В пути им повстречался бронетранспортер командарма. Венгерский капрал отрапортовал командарму на русском языке: кто они и куда идут. Катуков одобрил рапорт: «Правильно. Следуйте к месту назначения». И дал венграм записку — куда они должны идти.

А 64 я гвардейская танковая бригада во главе с И. Н. Бойко,

оставив позади развалившийся венгерский корпус, двигалась все дальше на юг. Совершив за восемь часов марш протяженностью в восемьдесят километров, гвардейцы остановились поздней ночью перевести дух в Рагозна; туда подтягивался штаб бригады, уже переправившийся через Днестр.

Люди падали от усталости. Но врагу нельзя было дать передышки: по имеющимся сведениям, он лихорадочно готовился к обороне Черновиц. Дальше всех продвинулся головной танковый батальон гвардии майора Григория Сидоровича Федоренко. Разведывательная группа (три танка), которой командовал гвардии лейтенант Павел Никитин, еще в шесть часов вечера ворвалась на пригородную станцию Моши, на северном берегу Прута. Шесть вокзальных путей были забиты эшелонами. Из одного выгружались солдаты, другой готовился к отходу. Сразу возникла паника. Танкисты с хода расстреляли паровоз, прицепленный к поезду, готовому к отправлению, зажгли эшелон с боеприпасами…

Выяснили обстановку, — наших разведчиков водил на поиск местный учитель, сидевший раньше в фашистской тюрьме. Разведчики поймали немецкого лейтенанта — командира батареи. Он рассказал, что его полк занимает позиции в районе Черновиц, что мост через Прут пока еще цел, по нему движутся взад и вперед немецкие машины, но он на всякий случай уже заминирован и подготовлен к взрыву. Подступы к месту охраняют два «тигра», на подходе группа только что отремонтированных танков…

Решили проверить эти данные, пустившись на рискованное предприятие. В бригаде прижился пленный немецкий шофер, открыто выражавший ненависть к фашизму и не раз уже доказавший ее на деле. По пути в Черновицы гвардейцы захватили немецкий штабной автобус. И вот наши разведчики переоделись в немецкую форму, сели в автобус, и немец водитель повел его к мосту. Немецкие регулировщики их пропустили. У моста действительно стояли в засадах два «тигра». Шофер остановился, поговорил с солдатами. Они подтвердили, что мост заминирован и что, если появятся русские, его взорвут. Мимо прошла рота немецких солдат. Шофер, не спеша, повернул автобус, и разведчики благополучно доехали «домой», убедившись, что пленный немецкий лейтенант говорил правду, и уточнив расположение огневых точек.

Танкисты заняли в районе станции круговую оборону. По-видимому, в тылах у немцев царил полный хаос: никто не знал обстановки на фронте, связь была обрезана. Поэтому на станцию, захваченную советскими танкистами, продолжали подходить эшелон за эшелоном. Танкисты Никитин, Швец, Адушкин расстреливали их из засад. С одним из эшелонов прибыли танки Т-4. Увидев, что они попали в ловушку, немецкие танкисты вскочили в свои машины и открыли огонь с платформ. Прикрывая друг друга, танки сползли на землю. Наши танкисты расстреляли одну за другой семь немецких машин. Но часть танков все же уползла к Черновицам.

Начались контратаки — немцы пытались вернуть потерянную станцию. Положение осложнялось. Танкисты непрерывно вели огонь. И вдруг у лейтенанта Никитина отказала пушка… Он выскочил из танка, пересел в другую машину и оттуда продолжал вести огонь. А вечером, ведя разведку у моста через Прут, Павел Никитин был сражен бронебойным снарядом, угодившим ему в плечо.

Это была тяжелая потеря для армии: несмотря на свою молодость — ему было только двадцать лет, — Никитин был опытным командиром. Он начал воевать еще под Сталинградом. В боях на Курской дуге был ранен, потом вернулся в родную бригаду. Имел два ордена Отечественной войны 1-й степени и орден Красной Звезды. Его любили все

танкисты за смелость, за умение, за хорошее товарищество. И когда взяли Черновицы, Никитина торжественно похоронили там, поставив в память о нем на постаменте танк. Посмертно был он награжден еще одним орденом Отечественной войны 1-й степени. Именем Павла Никитина названа одна из улиц города.

…Пока танковый батальон Федоренко вел бой, удерживая станцию Моший и подступы к мосту, главные силы бригады готовились к решающему штурму Черновиц. В ночь на двадцать шестое марта был найден брод в районе Ленковцы. Подошли части 11-го гвардейского танкового корпуса. Освобождение города было поручено ему, причем в его распоряжение поступила и бригада Бойко. Доставили горючее… Все было готово к последнему бою!

И вот двадцать восьмого марта советские танкисты начали завершающий удар, 45-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника Н. В. Моргунова переправилась через Прут бродом у Ленковцы и двинулась на город с запада, 64-я форсировала Прут у Камчанки и вышла на юго-восточную и южную окраины Черновиц.

Утром 29 марта 45-я и 64-я гвардейские танковые бригады и 24-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. А. Прохорова, подошедшая к ним на помощь, ворвались в Черновицы. Группы танков с автоматчиками начали очищать город. К двум часам дня 29 марта все было кончено. Сержант Ю. Юсупов поднял красный флаг над ратушей города.

Командир 64-й гвардейской танковой бригады подполковник И. Н. Бойко был награжден второй медалью «Золотая звезда» (звание Героя Советского Союза он получил еще 10 января 1944 года за доблестное участие в зимних боях), а командиры танковых рот — старший лейтенант И. П. Адушкин и лейтенант Г. П. Корюкин, командир танкового взвода младший лейтенант Ф. П. Кривенко, командир танка младший лейтенант М. В. Чугунин, механики-водители 45-й танковой бригады старшины Г. П. Богданенко и А. А. Худяков стали Героями Советского Союза…

64-я бригада получила почетное наименование Черновицкой и была награждена орденом Ленина. Черновицкой стали и участвовавшие в боях за освобождение города 27-я гвардейская мотострелковая бригада под командованием полковника С. И. Кочуры, входившая в 11-й гвардейский корпус генерала А. Л. Гетмана. Оба они были награждены орденом Красного Знамени.

Почти одновременно танкисты успешно провели несколько дополнительных рейдов. В ночь на 27 марта командарм поставил перед 1-й гвардейской танковой бригадой задачу овладеть городом Коломыя — опорным узлом на подступах к чехословацкой границе. Эту задачу в течение двух дней решил опять-таки Владимир Бочковский с десятью танками 2-го батальона и направленными ему на помощь четырьмя боевыми машинами из 1-го батальона. Удар был нанесен столь молниеносно, что гитлеровцы не успели даже взорвать заминированный ими мост через Днестр, и танкисты овладели переправой.

К половине десятого утра 28 марта Коломыя была освобождена полностью. Было захвачено десять складов, четыреста пятьдесят автомобилей, несколько десятков паровозов, двенадцать эшелонов, тринадцать танков. Имя капитана Бочковекого было названо в приказе Верховного Главнокомандующего о взятии Коломыи, и ему салютовала Москва — случай не такой уже частый для комбатов…

Все солдаты и офицеры, принявшие участие в этом рейде, были награждены орденами и медалями.

В тот же день три танка 45-й танковой бригады, экипажами которых командовали гвардии лейтенант Г. П. Корюкин и гвардии младшие лейтенанты М. В. Чугунин и С. Ф. Кораблев, совершили дерзкий рейд на город Сторожинец. Углубившись в расположение противника, они захватили этот город, отрезав гитлеровцам путь отступления из Черновиц, и удержали его до подхода главных сил.

Три гвардейских танковых экипажа уничтожили четыре немецких танка, десятки автомобилей, пятнадцать мотоциклов, захватили склад, в котором хранилось четыреста тонн

горючего.[72]

Все эти поразительные факты свидетельствовали не только о возросшем мастерстве наших танкистов, но и о полной дезорганизации в войсках противника. Чудес на войне не бывает, и если дело дошло до того, что группам по три-четыре танка удавалось брать города, то это означало, что враг подавлен морально, что он утратил представление об обстановке на фронте и что силы его серьезно подорваны.

И все же наше командование не предавалось самообольщению. Суровый опыт трех лет войны научил его трезво оценивать обстановку.

Германская военная машина обладала поразительной живучестью, и следовало ожидать, что в самое ближайшее время впереди появятся новые части, которые окажут жестокое сопротивление. В то же время нельзя было ни на минуту забывать о том, что над левым флангом армии нависала обойденная нашими войсками мощная группировка, ядро которой составляла 1-я немецкая танковая армия. По приказу германского командования, боявшегося повторения корсунь-шевченковской катастрофы, эта группировка начала прорываться на запад. На выручку ей были двинуты свежие немецкие танковые соединения.

Гвардейцы оказались между двух огней. Резкое изменение обстановки они почувствовали уже 28–29 марта, когда 8-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора А. П. Дремова с приданной ему 351-й стрелковой дивизией повел наступление на Станислав — областной город, центр нефтяных промыслов и важный стратегический узел на реке Быстрине. Вначале все шло хорошо, тем более что гвардейцы шли в бой с особым чувством: ведь в Станиславе, как мы уже говорили, находились до войны казармы 15-й танковой дивизии, в которой служили многие офицеры нынешнего 8-го гвардейского механизированного корпуса, 1-я и 64-я гвардейские танковые бригады были укомплектованы кадрами, служившими именно в этой дивизии. Кое у кого там остались семьи. Теперь они как бы освобождали свой родной дом.

Катуковцы в ночь на 31 марта с ходу ворвались в город. Это был очень трудный бой. Погибли замечательные танкисты, в том числе Герой Советского Союза Сирик… Гвардейцы промчались к вокзалу, вышли на знакомую улицу Зосина Воля, к казармам, к складам, к аэродрому… Но сопротивление гитлеровцев оказалось настолько сильным, что город удержать не удалось. Фашисты ввели в бой свои танки, авиацию. В ход было пущено новое для наших танкистов опасное оружие — фауст-патроны, зажигавшие любую машину при прямом попадании. Потеряв несколько танков, гвардейцы вынуждены были отойти и заняли оборону в восьми километрах южнее Станислава…

(Много лет спустя, когда я опубликовал книгу «Путь к Карпатам», в которой воспроизвел свои фронтовые записи, сделанные по горячим следам событий, многие ветераны 8-го гвардейского корпуса, участвовавшие в боях у Станислава, откликнулись и прислали свои воспоминания, значительно расширяющие картину этого сражения.

Большой интерес, в частности, представляют письма ветеранов 19-й гвардейской механизированной бригады, которой, как помнит читатель, командовал гвардии полковник Липатенков, — она вела бои у Станислава в очень трудных условиях и понесла большие потери. Вот что пишет мне, например, бывший помощник начальника штаба по разведке

---

[72] В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (т. 4, стр. 78–79) отмечено: «Особенно успешно действовала 1-я танковая армия. Ее 20-я гвардейская механизированная бригада, которой командовал полковник А. Х. Бабаджанян, уже 24 марта вышла к Днестру в районе населенного пункта Залещики. С ходу форсировав реку, войска 1-й танковой армии устремились на юг. 28 марта части 1-й гвардейской танковой бригады нанесли стремительный удар и овладели городом Коломыей. 64-я гвардейская танковая бригада под командованием подполковника И. Н. Бойко завязала бои за Черновицы. Противнику удалось взорвать мост через реку Прут. Но это не остановило наши части. 64-я гвардейская танковая бригада, подошедшие части 45-й гвардейской танковой бригады и 24-й стрелковой дивизии при поддержке 227-й штурмовой авиадивизии вброд форсировали Прут и 29 марта освободили областной центр Украины город Черновицы. Соединения и части, отличившиеся в этих бояк, стали именоваться Черновицкими. 64-я гвардейская танковая бригада, кроме того, была награждена орденом Ленина».

танкового полка этой бригады гвардии старший лейтенант в отставке Григорий Иванович Иванов, живущий нынче в Белгороде:

> «Наша бригада наступала на Станислав с востока. После прорыва обороны противника мы на первых порах двигались почти без сопротивления со стороны противника — по 60–70 километров в сутки. Пехота от нас отстала, тылы тоже. Танкисты устали. Но нас влекло вперед стремление возможно быстрее освободить Станислав.
>
> 28 марта наш танковый полк и танковый полк 21-й гвардейской механизированной бригады овладели городами Тлумеч и Тысменица. Назавтра мы подошли к восточной окраине Станислава, где оборонялись части 7-го венгерского корпуса. Тут мы немного замешкались — подтягивали свои войска., так как сил у нас было мало. — Но и противник не спал — он тоже подтягивал войска. Когда мы ворвались в Станислав в районе вокзала, там уже был бронепоезд.
>
> Началась жестокая битва. Мы повредили бронепоезд, но и он вывел из строя несколько наших машин. В бой вступил последний наш исправный танк это была машина начальника штаба танкового полка Авраменко. Но и он получил повреждения, а механик-водитель был тяжело ранен.
>
> По приказу начальника штаба я доставил раненых в медсанбат. Когда я возвратился, то увидел, что положение осложнилось еще больше — немецкая авиация утюжила наше расположение. Были подбиты все автомашины артиллерийского дивизиона. Пострадали и орудия. 19-я пехотная дивизия венгров перешла в наступление и потеснила нас. Остановились мы уже в районе Тлумеча. Оттуда обратно дошли до Тысменицы и заняли оборону. А после боев у Карпат я участвовал в Вислинской операции и одним из первых перебрался на пароме на Сандомирский плацдарм».

Другой ветеран 19-й гвардейской механизированной бригады бронебойщик Евгений Григорьевич Сериков, прошедший весь путь от Днепра до Карпат с ротой противотанковых ружей 3-го мотострелкового батальона, — был он тогда младшим сержантом, — также прислал мне свои воспоминания, написанные в двух толстых тетрадях.

Он рассказывает, что вначале 3-й мотострелковый батальон вместе со всей бригадой смело и решительно отражал все усиливающиеся контратаки гитлеровцев. Под Тысменицей Сериков и его друзья выстрелами из своих противотанковых ружей подбили два гитлеровских танка и тем самым расстроили фашистский контрудар. Однако в дальнейшем, когда гитлеровцы подтянули подкрепления, батальон был вынужден начать отход. Завязались тяжелые кровопролитные бои. Фашисты пытались отрезать и окружить наши части, но фронт гвардейцев держался крепко, и противник был остановлен.

> «Хочется пожелать, — пишет тов. Сериков, — чтобы наши литераторы сочинили хорошую книгу о тех, кто первыми вернулись на нашу государственную границу. Писатель С. С. Смирнов хорошо описал, как вначале войны на границе наши войска сражались в Брестской крепости, но большие заслуги имеют и те, кто, преодолевая огромные трудности, вышли с боями снова на границу в районе Черновицы — Станислав. Многое можно было бы рассказать, например, о нашем славном комбате гвардии старшем лейтенанте Милютине, который имел пять боевых орденов, о командире нашей роты гвардии лейтенанте Калужском, о заботливом гвардии старшине Селезневе, о командире взвода Тютенькове, о командире отделения Хакимове, о моем втором номере Суворинове и о многих других».

Я с удовольствием воспроизвожу здесь эти строки из писем ветеранов 19-й гвардейской механизированной бригады).

— Ну вот, собственно, и все о нашем наступлении к Карпатам, — сказал утомленный долгим и волнительным рассказом подполковник Колтунов, поглядывая на часы: было уже далеко за полночь. — Так мы с вами до третьих петухов досидим… Дальше пошли уже оборонительные бои, это было дело невеселое, но на войне неизбежное и необходимое. Нам пришлось срочно поворачивать фронт на север и северо-восток, чтобы противостоять немецкой проскуровско-каменец-подольской группировке, которая рвалась на соединение со своими частями. Взятая в кольцо 1-я немецкая танковая армия, сосредоточив крупную группировку в составе семи танковых и трех пехотных дивизий, в конце марта — начале апреля нанесла сильный удар в направлении Лянцкорунь — Чортков. Получился слоеный пирог — впереди и сзади немцы, а посредине мы. Еще вчера мы форсировали Днестр в наступлении, а теперь, ухватившись за его южный берег, нам пришлось тут держать оборону. Было всякое… Прерывалась связь со штабом фронта, не хватало боеприпасов, горючего. Но все-таки выстояли… Гитлеровцам удалось вырваться в районе Будача, но какой ценой! Их потери превышали половину личного состава… Впрочем, у нас будет еще не один случай поговорить с нашим народом, ребята все расскажут об этом во всех подробностях. А я сейчас, так сказать, для общего впечатления вооружу вас вот только одной справочкой: это наша армейская статистика. Конечно, на войне статистика — дело условное, я не поручусь за точность каждой цифры, но, в общем, здесь правильно отражен наш итог…

На листке бумаги аккуратно было выведено:

«Результаты боев 1-й танковой армии в наступлении и обороне с 21 марта по 10 мая 1944 года.»

И далее шли рядом два столбика:

«**Уничтожено:** большое количество солдат и офицеров противника, 371 танк, 281 орудие, 79 самоходных орудий, 73 бронетранспортера и бронемашины, 4975 автомобилей, 16 самолетов, 8 эшелонов, 1 бронепоезд, 53 склада.

Захвачено: 4155 солдат и офицеров противника, 40 танков, 111 орудий, 13 самоходных орудий, 3300 автомобилей, 34 эшелона, 47 паровозов, 120, складов».

Мы распрощались. Я вернулся в хату к своим гостеприимным хозяевам. Стояла какая-то густая, торжественная тишина. В раскрытое окно вливался волнами свежий воздух, настоянный на ароматах хозяйского сада.

И как-то очень трудно было представить, что все то, о чем так обстоятельно рассказывал мне подполковник Колтунов, происходило совсем недавно, вот в этих самых местах.

Чудесен был мир, уже отвоеванный для Буковины советскими солдатами!..

Последнее наступление Александра Бурды

Совершив поездку по Буковине, я вернулся к Катукову. Казалось, ничто не изменилось, — прежняя тишь и гладь. Катуков бродил по хате в старенькой матросской тельняшке, — подарок бригады морской пехоты, вместе с которой он дрался с гитлеровцами под Волоколамском, — и в домашних шлепанцах. Только генеральские галифе с красными лампасами напоминали о том, что это военный человек. Рассказал ему о впечатлениях, потом спросил:

— Когда же будем воевать?

Генерал рассмеялся:

— Ша! Ша! Тихо. Все будет, как надо…

Советуюсь, как лучше построить работу, когда и в какие части съездить, с кем побеседовать; хочется собрать побольше материалов о героях зимних и весенних боев. И

вдруг встречаю уклончивый ответ:

— Завтра приедет Шалин, посоветуемся…

Как раз перед этим генералу откуда-то звонили по телефону, и из короткого, полного военных условностей и недомолвок, разговора я понял, что начальник штаба армии привезет какие-то важные новости. Зная по опыту, что расспрашивать генерала о военных делах бесполезно, я перевел разговор на другие темы. В это время приехал киномеханик с передвижкой, и мы пошли смотреть вместе с офицерами штаба фильм «Трагедия Катынского леса». Фильм произвел на всех сильное впечатление. Катуков волновался, много курил. Когда зажегся свет, я увидел, что его глаза горят недобрым огнем.

— Мерзавцы! Какие мерзавцы! — глухо сказал он. — Не только истребляют тысячи людей, но еще пытаются взвалить свои преступления на нас… Это же гиены какие-то! Ну ничего, доберемся до Берлина, рассчитаемся. Жив буду, обязательно постараюсь принять участие в штурме Берлина, где бы ни находилась к этому времени армия. Не удастся добиться передислокации армии — попрошусь командовать бригадой, полком, батальоном, хоть ротой, а в Берлине буду! Очень мне нужно до рейхсканцелярии Гитлера добраться, — есть о чем с ним поговорить…

Катуков нервно чиркнул спичкой, она сломалась. Чиркнул снова, зажигая папиросу, и я увидел, что пальцы его дрожат.

— Сколько замечательных людей мы из-за него потеряли! Быть бы им инженерами, директорами заводов, учеными, художниками, а пришлось стать солдатами, и вот легли теперь они позади нас на безвестных лесных и степных кладбищах, не успев сказать своего главного слова… Вот вы спрашивали давеча, куда вам поехать, с чего начать. Поезжайте завтра утром к Бойко, только пишите не про него, — о нем и так много написано, и он этого заслужил, — а пусть вам лучше расскажут наши ребята, как погиб Александр Бурда, пока живы свидетели и участники того страшного боя. Вы его, конечно, помните?.. Редкой душевной силы был человек, смотрел я на него и радовался, как он растет. Рядовой шахтер из Донбасса, вышел он в комбриги, и я уверен — до командарма бы дорос, если бы не тот немецкий снаряд… О таких людях поэмы писать надо! Поезжайте, поезжайте завтра к Бойко…

Я отлично помнил Александра Бурду. В последний раз я встретился с ним на пыльном шоссе, — его бригада уходила в прорыв на Томаровку, и он, перед тем как захлопнуть люк, крикнул мне: «В Богодухове встретимся!» Но когда я добрался до Богодухова, его бригада ушла еще дальше. Оседлав важную железную дорогу, она отрезала один из путей отхода немцев из Харькова и храбро вела бой в полном окружении. Добраться туда было уже невозможно. Выполнив задачу, Бурда вывел своих людей на соединение с главными силами, смерть еще раз пощадила его. Но в трудные дни зимних боев, когда наши войска преграждали путь немецким дивизиям, пытавшимся вырваться из корсунь-шевченковского котла, он погиб…

— Мы его похоронили в городе Ружин, — сказал Катуков, — После войны ему обязательно надо поставить памятник, он этого заслужил. Напишите, обязательно напишите о том, как погиб этот человек!..

Утром приехал Шалин в запыленном комбинезоне, надетом поверх генеральского кителя с двумя кутузовскими звездами и другими орденами на груди, умнейший штабист-работяга, который говорил о себе: «Я, как ночная сова: днем — бой, ночью — итоги и новые задачи, а под утро — переезд на новое место». Он даже ни разу не побывал в Черновицах — все было недосуг, и сейчас очень жалел об этом: «Город-то, говорят, красивый, ну уж как-нибудь после войны посмотрю».

Пришел член Военного совета Н. К. Попель.

Генералы надолго уединяются. Потом Шалин, на ходу застегивая планшетку, выходит и зовет меня — он обещал меня подбросить в 64-ю бригаду к Бойко. «Только учтите, — говорит он, — у вас будет не так уж много времени. Мы скоро покидаем этот район, войска уже начали погрузку техники в эшелоны, часть танков пойдет своим ходом. Вы поедете с

нами. Больше вам сказать пока ничего не могу».

Мы едем через Городенку, ту самую Городенку, которую в двадцатых числах марта с ходу заняли танкисты Бойко, взяв там в плен большое количество отказавшихся воевать против Советской Армии венгров. Чудесные пейзажи вокруг — буковые рощи, дубравы, живописные селения, утопающие в садах. Шалин восторгается ими, но… на свой манер:

— Прекрасные населенные пункты, — говорит он деловито, — я их очень люблю. Вы себе не можете представить, как здесь удобно маскироваться. Вот в такой деревне чего только не напихано, а попробуйте разглядеть…

В большом зеленом селе Торговица прощаемся: здесь стоит 64-я гвардейская танковая бригада Бойко, и я иду к своим старым знакомым. Комбриг встречает приветливо, вспоминаем былые встречи на разных фронтах. С ним другой старый знакомый — начальник политотдела бригады Боярский. Оба друзья и соратники Александра Бурды. С тех пор как мы расстались после сражения на Курской дуге, в бригаде много перемен: она стала гвардейской это была мечта Александра Бурды, который пришел в бригаду из 1-й гвардейской после боев на Брянском фронте; 950 солдат и офицеров орденоносцы; в историю бригады внесены уже имена четырех героев: Александр Бурда, Иван Бойко, Иван Адушкин и Василий Шкиль.

Ивана Бойко, дважды Героя, в бригаде ценят и уважают, он для всех непререкаемый авторитет. Но все — от комбрига до рядового солдата постоянно вспоминают Александра Бурду: «Он сделал бы так-то…», «А он говорил…», «Вот если бы он был сейчас здесь…» И сам Бойко постоянно повторяет: «Это Саша сколотил бригаду, это ему мы обязаны всем…» И хотя сейчас комбриг очень занят — заканчиваются последние приготовления к переброске бригады в новый район, — он зовет ветеранов, участвовавших в памятном бою 25 января 1944 года, когда погиб Александр Бурда, и они, усевшись кружком, начинают рассказ о последних часах жизни этого замечательного человека…

Последнее наступление, которое бригада провела под командованием гвардии подполковника Героя Советского Союза Александра Федоровича Бурды, началось 24 декабря и закончилось 1 февраля — пять дней спустя после его смерти. Это была знаменитая Житомирско-Бердичевская наступательная операция. Бригада в составе 1-й танковой армии прошла в общем направлении на юг и юго-запад 410 километров, уничтожив на этом пути тысячи солдат и офицеров противника, около ста танков и самоходных орудий, 255 броневиков и бронетранспортеров и много другой военной техники. Но и сама бригада понесла тяжелые потери: погибло 65 танков, пали на поле боя 132 гвардейца-танкиста, в том числе и сам комбриг. То были неимоверно ожесточенные бои.

Люди шли в бой с подъемом: ведь это был их первый гвардейский поход. Гвардейское знамя бригаде Катуков и Попель вручили в октябре, когда она стояла после жестоких августовских боев 1943 года в лесу у села Бездрик под Сумами. Жили в землянках на месте бывшего переднего края немецкой обороны. Угрюмое было место: рвы, воронки, минные поля, пепелища. Кое-где еще попадались зловещие немецкие плакаты на русском языке: «Каждый, кто появится здесь, будет расстрелян без оклика». Но в бригаде царило великолепное настроение — наступательная операция была завершена хорошо, многие получили награды, пришло хорошо обученное пополнение, были получены новые танки. В батальонах обобщали полученный в боях опыт, учили молодежь.

Катуков и Попель приехали 27 октября 1943 года. Они привезли не только гвардейский стяг, но и орден Красного Знамени, которым бригада была награждена за успешные наступательные бои на Курской дуге.

Перед строем бригады Попель произнес речь:

— Вот и пришел тот праздник, о котором мы с вами мечтали. Помните, как было сказано перед началом наступления: хорошо выполните эту сдельную работу — получите гвардейское знамя и орден на него. Этот день наступил. Как и все, что было в июльско-августовских боях, он останется для нас памятным навсегда.

Потом говорил Катуков:

— Очень приятно приехать поздравить вас и вручить вам то, что вы честно заслужили. Это величайшая заслуга ваша. Велик ваш почет, велика слава, но и велика обязанность. Не зазнавайтесь, учитесь, крепите дисциплину, готовьтесь к выполнению большой и важной задачи…

1-я танковая армия была хорошо подготовлена к новым боям: она насчитывала 42 300 солдат и офицеров, 546 танков и самоходных орудий, 585 орудий и минометов, 3432 автомашины. И вот, наконец, бригада Александра Бурды вместе со всей армией выступила на фронт. Эшелоны разгружались в Дарнице под Киевом. Танки своим ходом прошли через разрушенный Киев. На ходу было принято новое пополнение — армия готовилась к серьезной операции. Утром 24 декабря войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление в направлении Житомир — Бердичев — Винница».[73] Фронт прорывала 38-я армия. Танки вошли в прорыв и устремились вперед. Четыре дня спустя корпус Дремова овладел Казатином; его брал 69-й танковый полк, которым командовал Иван Бойко, будущий преемник Александра Бурды. А 64-я гвардейская все еще не принимала активного участия в боях, Катуков берег ее как свой резерв. Он использовал бригаду только в первых числах января, когда в районе Погребище на 38-ю армию обрушилась 17-я немецкая танковая дивизия, спешно переброшенная сюда из Кривого Рога. Совершив ночью семидесятикилометровый марш, бригада Бурды подоспела вовремя, чтобы нанести контрудар по превосходящим силам противника.

Двое суток кипели здесь бои. Бригада задержала и изрядно потрепала немецкую танковую дивизию, пока в район Погребище вышла вся армия Катукова, и запасливый командарм опять отвел ее в резерв. По опыту командарм хорошо знал как важно сохранить полностью боеспособную и сильную часть до того момента, когда наступление начинает утрачивать темп и враг переходит а контратаки…

Наступление наших войск развивалось успешно. В первые же три дня были разгромлены крупные силы врага. Был взят Радомышль, мощный узел сопротивления. К 30 декабря прорыв был расширен до трехсот километров по фронту и до 100 километров в глубину.

Развивая наступление, войска 1-го Украинского фронта освободили Коростень, Новоград-Волынский, Житомир, Бердичев, Белую Церковь. Активную роль при этом играли танкисты. В первой декаде января 1944 года соединения 1-й танковой армии, продвинувшись далеко вперед, перерезали железную дорогу Винница — Жмеринка и форсировали Южный Буг. Утром 10 января 1-я гвардейская танковая бригада ворвалась даже в Жмеринку, но под давлением превосходящих сил противника ей пришлось отойти.

Обстановка на фронте складывалась сложная — наши и немецкие части переплелись. В районе Корсунь-Шевченковского вырисовывалась возможность окружения крупной гитлеровской группировки — там находились десять немецких дивизий и одна бригада.

Гитлеровское командование принимало экстренные меры, чтобы остановить продвижение наших войск. В полосу наступления 1-го Украинского фронта были переброшены двенадцать немецких дивизий, из них две танковые; войска, действовавшие на Винницком и Уманьском направлениях, возглавило управление 1-й гитлеровской танковой армии, срочно переведенное сюда из-под Кривого Рога.

Собрав в кулак в районе Винницы весьма значительные силы, в том числе несколько танковых дивизий, противник нанес контрудар против выдвинувшихся вперед 38-й и 1-й танковой армий. Острие этого удара было нацелено на Липовец. Гитлеровцы попытались взять в кольцо танковую армию Катукова и взаимодействовавшие с нею пехотные корпуса.

Обстановка обострилась. Прорвавшиеся немецкие танки быстро двигались вперед. Вот тут-то и пришел черед гвардейской бригаде Александра Бурды, Гвардейцы прикрыли штаб

---

[73] Замыслом этой операции предусматривалось нанести главный удар силами 1-й гвардейской, 19-й, 38-й армий, 3-й гвардейской и 1-й танковых армий, разгромить противника в районе Радомышль — Брусилов, а затем наступать в общем направлении на Бердичев и Казатин

армии стальным щитом и начали контратаки.

Вечером одиннадцатого января Бурда, оборонявший Липовец, получил приказ выбить части 16-й немецкой танковой дивизии из Лозоватой, находившейся в оперативной глубине противника и являвшейся его опорным пунктом. Это было необходимо, чтобы выиграть время и дать возможность главным силам танковых корпусов отойти на новый рубеж и занять прочную оборону на реке Воронке. Бурда отлично понимал, сколь трудна эта задача свежая немецкая дивизия была прекрасно вооружена, она занимала выгодные позиции. Разведка сообщила, что только на восточной окраине села — до пятнадцати танков, три батареи артиллерии. Два батальона немецкой пехоты занимали окопы полного профиля, причем в их боевых порядках было много 75-миллиметровых орудий.

Бурда тщательно разработал план удара и побывал в каждом батальоне, ставя задачу командирам. В половине второго ночи на 12 января после артиллерийского налета по радиосигналу Бурды танки пошли в атаку. Стоял туман. Машины двигались в полной темноте, ведя огонь с ходу и останавливаясь время от времени лишь для уточнения ориентиров. Вдруг к востоку от Лозоватой замелькали вспышки — это немцы выдвинули на свой передний край танки и пушки. Гвардии старший лейтенант Погорелов заметил батарею, которая находилась в каких-нибудь полутораста метрах. Гитлеровцы стреляли вслепую, не видя советских танков. При свете вспышек неясно рисовались контуры стогов, среди которых замаскировались немецкие артиллеристы. Эти стоги их и подвели: Погорелов выстрелом из пушки зажег один стог, за ним второй, третий… Пламя ослепило немцев. Их пушки были видны как на ладони. Огонь осветил и немецкие танки. Дружным огнем гвардейцы покончили с этим очагом сопротивления, не понеся никаких потерь.

К рассвету танковые батальоны Федоренко и Епатко, сломив оборону немцев на подступах к селу, ворвались в Лозоватую с востока и северо-востока. Гитлеровцы бросили в контратаку одну группу «тигров», за ней вторую, стремясь отбить село, но гвардейцы уже прочно держали круговую оборону. Туман, как на беду, рассеялся, и немецкие самолеты, волна за волной, начали бомбить Лозоватую. Вот тут-то будущий Герой Советского Союза старший лейтенант И. П. Адушкин и совершил свой удивительный подвиг, сбив самолет из танковой пушки.

В этом тяжелом, но успешном бою бригада уничтожила 1145 солдат и офицеров противника, двадцать пять немецких танков, в том числе шесть «тигров», три самоходных орудия, пятнадцать бронетранспортеров, восемьдесят пять пушек, потеряв девятнадцать боевых машин, сорок пять человек убитыми и семьдесят шесть ранеными.

Но ожесточенная борьба не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась. Бригада обороняла Липовец еще восемь дней, имея в строю всего двадцать восемь танков, причем дважды переходила в контратаки. В ночь на девятнадцатое января она передала этот рубеж 19-й гвардейской бригаде Липатенкова и двинулась на восток. На отдых? Нет! Гвардейцев Бурды ждали еще более напряженные бои. Дело в том, что немецкое командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы спасти свою группировку, которой угрожало окружение в районе Корсунь-Шевченковского. И вот 64-я гвардейская бригада Бурды вместе с 11-м гвардейским корпусом Гетмана перебрасываются на этот участок, чтобы принять участие в боях. В районе Липовца остаются 8-й гвардейский механизированный и прибывший из резерва Ставки 31-й танковый корпус, которые вместе с частями 38-й армии, сражающейся не на жизнь, а на смерть, сдерживают контратаки врага.

К рассвету 19 января прославленная 64-я гвардейская танковая бригада, которой командовал подполковник А. Ф. Бурда, вышла маршем в Оратов, находящийся в тридцати пяти километрах восточнее Липовца. Передышки не было: уже в одиннадцать часов дня штаб армии сообщил Бурде по радио, что противник силами до шестидесяти танков наступает на Монастырище, на Цибулев и уже занял Зарубенцы и Шарнипиль.

Напряжение борьбы нарастало, и каждая деревня, каждый холм на широких просторах Праводнепровья становились объектами жесточайшей маневренной борьбы. В этом круговороте вертелась и гвардейская бригада Александра Бурды.

Еще один форсированный марш за пятьдесят километров, и бригада к пяти часам дня сосредоточивается на северной окраине Цибулева. Через час поступает задание: нанести контрудар на Зарубенцы — Шарнипиль. Задачу выполнили успешно, не преодолевая большого сопротивления: гитлеровцы не ожидали встретить здесь гвардейцев и отступили. Но утром двадцатого января обстановка меняется: продолжая контрудар, бригада ведет ожесточенный танковый бой на подступах к Владиславчику и Княжикам. Она уничтожила восемь танков, в том числе три «тигра», пять самоходных орудий, двадцать пушек, пятьдесят пять бронетранспортеров, но и сама истекает кровью: в строю остается всего восемь исправных танков. В этот день гвардейцы похоронили еще тридцать шесть своих товарищей и пятьдесят два отправили в госпиталь. Оставшиеся в строю гвардейцы удерживают захваченные Княжики, отражая ожесточенные атаки врага. Многие воюют в пешем строю в ожидании, пока будут отремонтированы подбитые машины.

Двадцать второго января бригада, насчитывающая в строю вместе с кое-как восстановленными машинами двенадцать танков, передает свой участок другой части и переходит в район Ивахны. Задача все та же — контратаковать противника! Это один из острейших моментов операции — с обеих сторон напряжение сил достигает наивысшей точки, и хотя Катуков знает, как тяжело приходится Бурде, он продолжает ставить перед ним наступательные задачи. Гвардейцы все понимают и не жалуются на свою судьбу.

Перед 64-й бригадой все та же 16-я немецкая танковая дивизия. Она также сильно потрепана, но танков у нее гораздо больше. Дивизия снова наступает на Цибулев — Зарубенцы. Бурда хитрит, маневрирует, сбивает с толку противника, его танки появляются в самых неожиданных местах, создавая видимость численного превосходства, — излюбленная катуковская тактика, в совершенстве освоенная его воспитанниками. Но неравенство сил все же дает о себе знать сильнее и сильнее. И вот наступает трагический момент… Пусть же опишет его старшина А. Ф. Оверченко, на руках которого умер Александр Бурда. Я приведу здесь его горестный рассказ таким, каким он сохранился в моем фронтовом блокноте:

> «— Двадцать пятого января мы все еще держали район Цибулева… — задумчиво начинает старшина. Капитан Федоренко со своим батальоном дрался в самом Цибулеве, а штаб бригады стоял в деревне Ивахны. День был на нашу беду ясный. В небе «хейнкелей-111», «Ю-87», «Ю-88», «мессершмиттов» — без счета. А по земле со всех сторон «тигры» ползут. Из штаба корпуса звонят: «Не отходить ни на шаг». Александр Федорович отвечает: «Есть ни на шаг» Он сам понимает — если отойдем, Федоренко станет совсем тяжело Ивахны надо вам сказать, как раз на берегу речки стоит, а речушка — такая дрянь, берега, заоолоченные, танкам не пройти. И пересекают ее три моста, специально для танков построены. Значит, надо их держать Но немцы видят — Цибулево им не взять. Федоренко там очень умно воюет, и вот они направляют свои «тигры» и «фердинанды» в обход прямо на нашу деревню, и бьют они уже прямой наводкой Мы сидим во дворе одной хаты и смотрим. Чем их отразить? Нечем! Получаем приказ на отвод штаба в Лукашевку. Александр Федорович вдруг сделался такой спокойный, — никогда его таким не видели. Приказывает начальнику штаба подполковнику Лебедеву «Выводите колесные машины на Лукашевку. Взвод комендантской службы и регулировщик — ко мне. Я со своей «тридцатьчетверкой» прикрою отход». А командиром его машины был гвардии лейтенант Самородов, лихой, боевой танкист. Начштаба говорит: «Может быть Самородов прикроет?» Александр Федорович как отрежет: «Выполняйте приказание. Я не привык повторять дважды приказы…»

Старшина на минутку умолк и задумался. Видимо, перед его взором снова вставали эти трудные минуты. Потом он снова заговорил:

> «— Ушли уже все колесные машины. Танк комбрига остался последним. И мы тут же — комендантский взвод, нас горсточка осталась. «Тигры» уже совсем близко. Александр Федорович нам скомандовал: «На броню!» А сам вскочил в

танк, развернул башню назад, чтобы бить с ходу, и мы пошли. Я в тот момент на часы почему-то глянул. Было четырнадцать часов, как сейчас помню. Идем, комбриг самолично маневрирует, ведет огонь из-за укрытий бьет по немецким танкам. Они идут с опаской, наверное, думают, что танк наш не один. Но огонь ведут сильный. Нам на броне неуютно осколки так и сыплются. Но что поделаешь, война! Впереди меня сидел боец Лысков. Его ранило в глаз. Он мне: «Андрей Филиппович, я раненый», а у меня, надо вам сказать, гражданская специальность — учитель, так вот и бойцы почему-то зовут меня по имени и отчеству. Я ему говорю: «Петя, потерпи минуточку». Он затих. Вдруг другой боец, Битер: «Андрей Филиппович, я тоже раненый…» «Держись, Ваня, еще минуточку…» Только я это сказал, как ударит тяжелый снаряд по танку. За ним сразу второй, третий… Мы, как горох, на землю. Как живы остались, не знаю. Танк зашатался, встал. Немцы — метрах в восьмистах. Вдруг люк открывается, старший лейтенант Самородов кричит: «Оверченко, ко мне! Комбриг ранен…» Мы к танку… А Александр Федорович сам из люка тянется. Бледный, в лице ни кровинки, руками за живот держится, а там — красное. Перевалился через борт и упал, запрокинув руки…»

В голосе старшины прозвучали глухие нотки. Он отвернулся и смахнул с ресниц пальцем скупую солдатскую слезу. Потом продолжал, часто давясь и обрывая фразу:

«— Я с маху к нему. Он лежит на снегу такой ладный, красивый, в полушубке, в теплых шароварах, хромовых сапожках, а рядом шапка-ушанка желтая валяется… Он мне командует: «Снимите ремень… Расстегните…» Я тронул его… Он зубы стиснул: «Тише! Не видите — здесь мои кишки…» Я похолодел: сквозное ранение в живот. И осколок проклятый тут же запутался в шерстяной фуфайке… А пули, снаряды свистят — нет мочи. А комбриг говорит: «Я жив не буду, но вы несите. Нельзя допускать, чтобы труп комбрига им достался…» Я взял его, как ребенка, трошки имею силы, — заметил по-украински старшина, — и понес. Иду, сам не знаю куда, дороги не разбираю, одна думка: не достался бы Александр Федорович немцам. Догоняют меня ребята. Стали нести вчетвером. Спустились в ров. И тут настали самые решительные минуты для его и нашей жизни… Там, где опускались, — обрыв метра два. Стали его передавать вниз. Я упал и упустил его ногу. Тут он в первый раз застонал: «Ой, что же вы делаете…» Метров двадцать пронесли тут отлогий выход из рва. Но дальше идти нельзя: пулеметный обстрел, смерть ежеминутно — не своя, так чужая… Тут нас осталось с Александром Федоровичем трое — старшина Абдул Хасанов, между прочим, тоже учитель, старшина Власенко и я. Остальные отходили с боем к Лукашовке. Снаряды рвутся все время поблизости, а пули по снегу — фонтанчиками. Бурда повернул голову: «Уходите». Показал себе на висок и тихо так говорит: «Дай мне…» «Вы еще будете живы, вылечат», — отвечаю. Он нахмурился: «Дурак ты. Разве такие живут! Вот же мои кишки… Дай!» Я ему говорю: «Никак нет, товарищ комбриг, сейчас что-нибудь придумаем». А что тут придумаешь? Мы уже так и решили: погибать, так вместе с комбригом…

И тут, когда мы уже подумали, что это все, неожиданно пришло спасение. Вижу — в двухстах метрах идут два наших танка из 40-й гвардейской бригады. Я сбросил шинель, фуфайку и дунул наперерез им, хоть и под огнем. Будь что будет!.. Один танк проскочил, меня не заметил, а второй я перехватил. Бросился на люк водителя: «Занимай левый фрикцион». Тот не поворачивает, идет дальше. Я повис на танке, опять кричу во все горло: «Занимай левый фрикцион, давай к овражку, там Бурда помирает, спасти надо». Услышал водитель, это был Самойлов, доложил своему командиру. Развернули машину, полным ходом к овражку. Я соскочил с танка, к Александру Федоровичу. Он еще живой. Услышал, как танк ревет, вздрогнул и улыбнулся. Положили его на броню, прикрыли своими телами, тронулись. Проехали метров триста — вдруг удар, прямое попадание снаряда. Танк остановился. Но, к счастью, удар был не сильный, машина цела. Полный ход вперед, и скоро мы вышли из зоны обстрела.

Тут Александр Федорович вдруг очнулся. У меня на душе полегчало. Ну,

думаю, спасли! Но в это время, как на беду, налетели «юнкерсы», бомбят дорогу. Пришлось свернуть в балку, там переждали. Комбриг опять потерял сознание. Выехали на дорогу, он открыл глаза: «Скоро?» — «Скоро, уже видим Лукашовку». Приехали, разыскали санчасть, внесли… Он пока жив… Положили на операционный стол, он минуту еще дышал. Стали резать рукав. Женщина-врач держит за руку. Вдруг говорит: «Пульса нет…» А он уже мертвый.

Ночью привезли его в Калиновку, положили в избе. Мы до утра с ним всю свою боевую жизнь припомнили. И так обидно было, что вот не дожил хороший человек до победы. И отступление 1941 года пережил, и под Орлом, и под Волоколамском, и на Калининском, и на Брянском фронте, и на Курской дуге его смерть щадила, а теперь, когда мы, можно сказать, уже одной рукой за полную победу держимся, потеряли такого командира… Сколько раз он горел, сколько танков под ним разрубили, сколько раз он из окружения выходил, уже стали верить: неуязвимый это человек. Но нет, видать, неуязвимых на земле…

Похоронили его в городе Ружин Винницкой области. Боярский стоял и плакал. И Попель долго не мог ни слова выговорить — в глазах слезы. Потом все-таки речь произнес, говорил о том, какой это был человек — из простого шахтера в большого командира вырос, и как мы должны хранить его память. На могиле комбрига памятник из гильз и тяжелых снарядов поставили и надпись написали: «Здесь похоронен А. Ф. Бурда. 1911–1944». И улицу в Ружине назвали: «Имени комбрига А. Ф. Бурды»…»

Старшина закончил свой горестный рассказ и умолк. На гимнастерке его алел орден Красной Звезды; он и его товарищи — Хасанов и Власенко были награждены за мужество, которое они проявили, пытаясь спасти комбрига в тот трагический час. Прошло уже полгода с тех пор, как все это произошло, но в сердце старшины не утихла боль утраты. И не только Оверченко скорбел о любимом командире. С кем бы в бригаде я ни заговорил, все, включая и новичков, пришедших в часть уже после описанных событий, говорили о комбриге, как о человеке, реально присутствующем в бригаде и воодушевляющем танкистов своим примером.

…В 1967 году я получил от бывшего помощника начальника штаба 64-й гвардейской танковой бригады подполковника запаса Б. В. Кукушкина, который живет нынче в Минске, письмо; в этом письме он кратко и четко, как и подобает военному, но поистине волнующе рассказал в свою очередь об этих последних минутах жизни Александра Бурды, рядом с которым он находился в трагический день 25 января 1944 года. Вот это письмо:

«За полчаса до смерти Александра Федоровича я находился вместе с ним на командном пункте бригады. Мне хотелось бы поэтому, как очевидцу, подчеркнуть проявленную им исключительную дисциплинированность, выдержку и готовность пожертвовать собой ради того, чтобы спасти подчиненных…

Я прибыл в эту бригаду в декабре 1943 года на должность помощника начальника штаба по оперативной работе. В то время 1-я танковая армия, в состав которой входила бригада, вела наступление. Догнав бригаду на марше, я представился ее командиру. Подполковник Бурда встретил меня тепло, расспросил, где и как я воевал и приказал заместителю начальника штаба майору Романову накормить меня и ознакомить с обстановкой.

Уже через несколько дней комбриг начал брать меня с собой для выполнения поручений по управлению войсками и внимательно наблюдал за моими действиями. Через несколько дней майор Романов сообщил мне, что экзамен я выдержал и что теперь я буду постоянно находиться при комбриге.

Во второй половине января мы вступили в тяжелые бои с гитлеровцами в районе Цибулево — гитлеровцы бросили против нас две свежие танковые дивизии. Бои длились несколько дней. Батальоны сражались в полу окружении. 25 января серьезная угроза нависла и над нашим командным пунктом — он оказался под огнем немецких танков, а немецкие автоматчики шли в атаку на нас.

> На командном пункте находились один-единственный танк комбрига, его личная автомашина «М-1», автомашина с радиостанцией, грузовые и штабной автобус, в котором хранилось знамя бригады. Подполковник Бурда несколько раз докладывал в штаб корпуса сложившуюся обстановку, просил разрешения сменить командный пункт, но разрешение все не поступало. Видимо, там уточняли обстановку.
>
> Комбриг приказал всем, кто находился на командном пункте, занять оборону. Мы залегли. Танк комбрига выдвинулся вперед и вступил в бой с танками противника и автоматчиками. В этот момент было, наконец, получено указание сменить КП. Александр Федорович тут же приказал отправить в тыл на большой скорости все автомашины с персоналом штаба бригады с интервалом 100–150 метров и заявил, что он сам своим танком прикроет отход. Когда мы предложили ему ехать вместе с нами в автомашине, он снова сказал: «Я вам приказываю».
>
> К этому моменту последнюю дорогу, по которой еще можно было проехать, пересекли танки противника. На нашем командном пункте рвались снаряды и свистели пули. Выполняя категорический приказ комбрига, мы вскочили на автомашины и прямо по степи помчались в новый район. Комбриг, следуя за нами в танке, прикрывал нас огнем.
>
> Все автомашины благополучно проскочили сквозь вражеское кольцо, но танк комбрига, ведя неравный бой, был подбит, а сам Александр Федорович был смертельно ранен. Он до конца выполнил свой долг перед Родиной:
>
> 1. Будучи выдержанным и дисциплинированным, не сменил КП без разрешения старшего начальника, несмотря на то, что обстановка была крайне тяжелой;
>
> 2. Своим мужеством и спокойствием вселил в своих офицеров и солдат уверенность, что все кончится благополучно и тем предотвратил замешательство в самую трудную минуту;
>
> 3. Невзирая на большую опасность, смело вступил в бой с превосходящими силами противника, отвлек огонь на себя и тем самым обеспечил вывод штаба на новые позиции и спасение знамени бригады, хотя и ценой своей жизни.
>
> Бригада продолжала успешно сражаться. Когда, ведя переговоры с командирами батальонов, я сообщил им о гибели «Мороза» — таков был позывной комбрига, — танкисты поклялись отомстить за его смерть. Они дрались теперь с удвоенным ожесточением»…

Батальон Федоренко, засевший в Цибулеве, оборонялся весь день, отказываясь отойти даже тогда, когда противнику удалось окружить его. Федоренко со своими людьми оставался там до четырех часов утра 26 января, пока командование не отдало ему приказ — пробиться к Лукашовке. Федоренко выбрал нелегкий, но наиболее верный путь: он ударил по тылам гитлеровцев, вызвал у них замешательство, суматоху и через сутки вышел к Лукашовке. Геройски сражалась в Цибулеве противотанковая батарея гвардии старшего лейтенанта Бушуева — она отбила две танковые атаки, сожгла двух «тигров» и подбила одного…

Три дня спустя бригада была выведена из боя и направлена на отдых и пополнение резервами. Командиром ее был назначен Иван Бойко — друг и соратник Александра Бурды. Офицеры собрались и обсудили вопрос о том, как лучше организовать помощь семье погибшего комбрига: у него остались жена и двенадцатилетний сын Евгений. Было принято трогательное решение: коллективно усыновить Евгения и помочь матери воспитать его. На родину Бурды, в город Ровеньки Луганской области, был послан офицер. Он отвез семье вещи покойного Александра Бурды, деньги, собранные гвардейцами, и письмо, в котором говорилось:

> «Дорогая Анна Ивановна! Имя погибшего смертью героя вашего супруга, Александра Федоровича дорого всем танкистам. Вот почему мы решили, если вы, конечно, не возражаете, заменить отца вашему сыну Евгению, усыновить его. Мы хотели бы, чтобы он поступил в Суворовское училище. И пока он будет учиться, мы будем ежемесячно посылать деньги, необходимые для его содержания. Хотим,

> чтобы Евгений стал офицером и пришел в нашу часть на смену отцу. Чтобы следить за его воспитанием, мы создаем совет отцов, в состав которого избраны наши лучшие командиры: гвардии майор Романов, гвардии майор Федоренко, гвардии капитан Епатко, гвардии майор Миронов и гвардии старший техник-лейтенант Разжигав — боевые товарищи Александра Федоровича».

Письмо подписали гвардии подполковник И. Бойко, гвардии подполковник А. Боярский и другие офицеры бригады.

В Дубенских садах

В эти светлые летние дни 1944 года в войсках царило чудесное, приподнятое настроение: все чувствовали, что мы, как сказал старшина Оверченко, «уже одной рукой держимся за полную победу». Каждый день по радио ловили многочисленные триумфальные приказы Верховного Главнокомандующего, и сводки Совинформбюро снова стали длинными и обильными. Солдаты и офицеры с удовольствием перечитывали списки освобожденных городов, районных центров, железнодорожных станций, ведомости захваченных трофеев.

Уже наступали шесть фронтов: Карельский, Ленинградский, 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские. Уже были взяты Выборг, Витебск, Жлобин. Уже были форсированы Свирь, Западная Двина, верхнее течение Днепра. У Витебска бились и трепетали в кольце пять немецких дивизий. Заканчивалось окружение Орши. Наши войска подошли к Могилеву.

Бригада за бригадой уходили в район Дубно. Тем временем в штабе армии шла напряженная работа. Михаил Алексеевич Шалин со своими людьми внимательно изучал новый район, в котором предстояло действовать армии, разрабатывал возможные варианты наступательных действий. Начальник разведывательного отдела Соболев анализировал обстановку за линией фронта.

Командарм все еще находился под наблюдением профессора: выздоровление затягивалось. Но он уже работал, работал много и упорно, осуществляя руководство переброской армии и готовясь к новой наступательной операции. По вечерам, уступая настойчивым требованиям врачей, Катуков вместе с профессором и приезжим московским журналистом совершал прогулку по деревне. Все встречные ему были знакомы — и старики и дети. Не так давно во время прогулки он увидел на улице мальчонку с заячьей губой; поговорил с родителями и тут же попросил профессора его оперировать. Мальчика немедленно положили на операционный стол, и теперь вот он скачет с приятелями за генералом. На губе еще повязка, но вырастет теперь он парнем хоть куда…

Солнце клонится к закату, спадает жар. Резче стали запахи цветов. За околицей шелестит спеющая пшеница. В поле — алые маки, васильки. Крестьяне обрабатывают зеленые поля картофеля и конопли. Генерал останавливается, жадно втягивает воздух: «Хорошая штука — мирная жизнь! Всю жизнь мечтаю о ней, и всю жизнь приходится воевать…» Впервые он взял ружье в руки в Петрограде, в дни Октября, когда ему едва исполнилось семнадцать лет. Крестьянский сын из деревни Большое Уварово Озерского района Московской области, он уже пять лет работал без жалованья, только за хозяйские харчи у одного питерского купца в магазине — числился в учениках. Привез его отец, Ефим Епифанович Катуков, в столицу на заработки в 1912 году, так он там и остался.

Пришла революция. Знакомые солдаты сказали: «Айда, Мишка, буржуев бить, ты парень крепкий», дали ему берданку, четыре патрона, и принял Михаил Катуков свое боевое крещение на Лиговке, когда вышибали юнкеров, засевших в гостинице «Северная». А в марте 1919 года он ушел в Красную Армию. Войну начинал в районе Царицына, конечно, рядовым бойцом. Потом воевал на Дону, на Польском фронте. В составе группы войск особого назначения воевал с бандой Миронова. В районе Бреста был контужен.

— В тех местах я, как у себя дома, — улыбаясь, говорит генерал, срывая васильки. — В первый раз проходил там в дни польского похода в двадцатом году. Второй раз — в тридцать

девятом году — прошел со своей танковой бригадой по тем же самым местам — Стрый, Львов и дальше Львова. В сороковом — с танками вступил в Буковину. В сорок первом, когда уже командовал танковой дивизией в корпусе у Рокоссовского, отходил с боями от Ровно на восток. Сейчас снова идем старой дорогой на запад.

Но генерал не любит говорить о войне, и беседа, как обычно, вяжется из десятков самых разных и неожиданных сюжетов: разговор идет о борьбе с туберкулезом, о Пастере, о Мечникове, о графе Безбородко, о Пушкине, о лесах и озерах Белоруссии, об охоте, о сборе грибов. Этому пытливому человеку есть дело до всего, а если он в чем-то несведущ, Катуков не стыдится спросить по-чапаевски: «Почему не знаю?..»

Из Таутени, где мы жили все эти дни, выезжаем вслед за ушедшими на север войсками двадцать восьмого июня, часов в десять утра. По дороге движется, соблюдая большие интервалы, совсем небольшая группа машин. Несведущему человеку и в голову не придет, что это передвигается командование армией: катится по дороге скромный грузовой форд Катукова, следом пылит бронетранспортер с солдатами, дальше еще один грузовик, «виллис», автомобиль-лодка, опять грузовик, какая-то, видимо, отставшая от своей части походная кухня…

Дорога петляет по холмам и низинам. Все те же пестрые, пока еще лоскутные, поля. Но вот крутизна, опасный спуск — Днестр. Скалистый берег стоит стеной. Дорога, ведущая к переправе, змеится, повторяя изгибы реки. Она вырублена в камне. Днестр сердитый, бурный, темно-коричневая волна хлещет через пороги. А за мостом, наведенным саперами, красивый, весь в зелени, курорт: уютные коттеджи в садах, хорошо вымощенные улицы, аккуратные тротуары из каменных плит. Это — Залещики, городок, который внезапно приобрел широкую известность осенью 1939 года, когда здесь пыталось обосноваться правительство Польши.

Когда мы подъезжаем ближе, становится видно, что городок сильно разрушен, — зелень маскирует руины. Мои спутники напоминают: именно здесь форсировал реку со своими танкистами Бабаджанян. И на этом же рубеже, две недели спустя танкистам, повернувшим фронт на север и укрепившимся за рекой, пришлось вести тяжелые, неравные бои с крупной группировкой гитлеровцев, прорывавшейся из окружения. Танки и пушки гвардейцев, которые били вот с этого скалистого берега, отразили все попытки этой группировки форсировать Днестр у Залещиков.

— Сами прошли, а их не пропустили, — с гордостью говорит шофер нашей машины с гвардейским знаком на гимнастерке. Генерал добавляет:

— Между прочим, в этих же самых местах форсировал Днестр в 1916 году Брусилов…

Хорошее, мощенное камнем шоссе ведет на север, к Чорткову. Мы как бы повторяем путь, по которому наступала танковая армия, двигаясь в обратном направлении. Солдаты и офицеры оживлены — с каждой извилиной дороги, с каждым холмиком, с каждой деревней связаны незабываемые воспоминания. «А помнишь, как мы их трахнули вот здесь…», «А помнишь, что было за тем отдельным домиком»…

И вот мы уже в Чорткове. Это здесь, вот на этом самом мосту, лейтенант Дегтярев смелым ударом таранил горящую цистерну и сбросил ее в реку, спасая переправу… Чортков — большой город, тоже весь в зелени. Высятся костел, православная церковь, здание магистрата… Сейчас здесь временно обосновывается областной центр Тернопольской области, сам Тернополь разрушен до основания, и понадобится не один год, чтобы его восстановить.

Проезжаем древние, тихие местечки, имена которых памятны по книгам: Чарторыя, Вишневец, Кременец, Дубно. Чем дальше, тем чаще встречаются вставшие сотни лет назад стражами на обрывистых крутых холмах над тенистыми уснувшими реками замки и крепости, увитые диким виноградом и плющом.

К вечеру мы прибыли к месту сосредоточения армии. Это была холмистая местность, вся в рощах и садах. Катуков заметил, когда мы подъезжали к Сады Мале, облюбованному им неприметному хутору:

— Имейте в виду, это знаменитый стратегический район, известный в военной науке, как Дубенские Сады. В прошлую мировую войну тут кипели жаркие бои. Опыт был накоплен богатый, и мы кое-чему поучимся у старика Брусилова. Умный был генерал. Я его воспоминания вожу с собой и частенько почитываю…

Через час генерал уже сидел на бревнах возле хаты со стариками крестьянами, угощал их папиросами, расспрашивал о жизни. Крестьяне, как всегда, жаловались на фашистов. Хозяин дома, где стал на постой генерал, рассказывал, что у него зарезали корову, свиней, овец. Больше всего его задело то, что предприимчивый немецкий фельдфебель устроил в бане коптильню, резал свинью за свиньей, коптил окорока, аккуратно упаковывал их и отправлял в Германию. А когда уезжал, забрал перину, подушки и всю посуду.

— Остались мы ни с чем, — повторял он, тряся седой головой.

— Ничего, Опанас Киприянович, — утешал его Катуков, — живы будем снова добро наживем. А сейчас главное — добить Гитлера. Вот теперь мы с вами этим и займемся. Мы будем воевать, а вы нам помогайте. Главное, никому ни полслова о том, что у вас тут советские офицеры живут, — ни брату, ни свату. Если кто спросит, скажите, мол, стоят военные, а кто такие, пес их знает. Понятно? Сами небось старые служивые, понимаете, что такое военная тайна…

Крестьяне, тронутые душевным разговором, взволнованно обещали все сберечь в тайности, как положено. Автомашины уже были упрятаны в опустошенном жадным фельдфебелем сарае, и хутор имел самый заурядный вид. Никому и в голову не могло прийти, что под соломенной крышей неказистой хаты отдаленного хутора сейчас начинается разработка новой важнейшей операции, в ходе которой наши танки нанесут еще один сокрушительный удар по врагу.

Рассказы разведчика Подгорбунского

Вспомнив совет подполковника Колтунова, отправляюсь в 19-ю гвардейскую мотострелковую бригаду полковника Липатенкова — искать знаменитого разведчика Подгорбунского. С трудом нахожу бригаду в неприметном с виду леске, она только что прибыла сюда и начинает обживать новое место. Полковник Липатенков, узнав, кого я ищу, улыбается.

— Да, оригинальный человек. Удивительные дела совершает… Иногда, конечно, нелегко бывает с ним: прошлое на него давит. К девятнадцати годам он нажил по приговорам тридцать шесть лет заключения: его арестовывали, он бежал, снова арестовывали, и опять бежал… Потом, незадолго до войны, в одном лагере попал в хорошие руки — изменился человек, стал отлично работать и как отрезал свое прошлое. Написал прошение Михаилу Ивановичу Калинину, попросился в армию. Обдумали, проверили, кажется, можно верить человеку. Взяли! И не ошиблись… Но временами ему становится трудно. Не всегда он может соблюдать дисциплину, поэтому иногда имеет неприятности с командованием. Но зато в бою — сущий дьявол. Такое иногда сотворит, что прямо не верится. А пошлешь проверить — все точно. У таких людей какая-то обостренная, я бы сказал, скрупулезная честность. Он как бы щеголяет ею: вот вы небось мне не верите, так посмотрите же сами! Смотрим, удивляемся, снова смотрим — все точно! Вот взгляните-ка на этот документ…

Полковник протянул мне отпечатанную на машинке копию реляции на присвоение Подгорбунскому звания Героя Советского Союза, он получил Золотую Звезду после взятия города Казатин. Вот что было написано в этом документе.

> «24.12.43, когда 19-я гвардейская мотострелковая бригада вошла в прорыв, гвардии старший лейтенант Владимир Николаевич Подгорбунский был назначен начальником разведывательной группы бригады в составе двух танков и 18 разведчиков. Сразу же разведчики пошли по тылам противника, громя тылы и отрезая вражеские колонны».

Ниже следует перечень наиболее значительных действий Подгорбунского:

> «24 декабря группа Подгорбунского в районе Турбовка обнаружила и атаковала танковую часть в составе 15 танков, занявших позиции в засадах. Группа уничтожила два танка типа «тигр» и захватила одного контрольного пленного.
>
> 25 декабря группа Подгорбунского ворвалась в местечко Корпин, уничтожила один танк типа Т-4, 2 самоходных орудия типа «фердинанд» и захватила крупный продовольственный склад.
>
> 26 декабря группа Подгорбунского в районе Лизовики, углубившись в тыл противника, ударом из засады уничтожила 12 бронетранспортеров, захватила одно самоходное орудие типа «фердинанд», до 50 автомашин, уничтожила до 80 солдат ж офицеров и взяла одного контрольного пленного.
>
> 27 декабря группа Подгорбунского первой ворвалась в город Казатин, подняла панику в тылу врага, уничтожила восемь стопятимиллиметровых орудия, вышла на южную окраину города, перехватила колонну автомашин, не дав противнику возможности вывести свои тылы из города. Был захвачен в плен крупный работник немецкой контрразведки. Уничтожено до 220 солдат и офицеров…»[74]

— Невероятно?.. — прищурился полковник. — Согласен с вами. С точки зрения элементарных тактических расчетов — задача для двух танков и восемнадцати автоматчиков непосильная. И все-таки это реальность. Подсчитано и удостоверено…

И вот мы стоим лицом к лицу с невысоким сутуловатым человеком в зеленом комбинезоне, поверх которого прицеплена Золотая Звезда с успевшей засалиться ленточкой и нашиты шесть полосок — три золотые и три алые, что, как известно, означает, что этот человек был ранен шесть раз — три раза тяжело и три раза легко. Склонив набок русую голову, он глядит на меня пытливыми хитроватыми глазами из-под тронутых бритвой бровей, словно прикидывает, что это за человек явился и стоит ли тратить время на беседу с ним. Сломив ветку, он молча достает из ножен финский нож и молча начинает ее стругать, потом швыряет ветку в кусты, прячет нож и протягивает руку:

— Ну что ж, давайте знакомиться, — хрипловатым голосом угрюмо говорит он. — Подгорбунский, Владимир… Наверно, вам уже говорили: бывший урка, а теперь гвардии старший лейтенант. Вот так… Что еще вас интересует?

---

[74] Ветеран 19-й мотострелковой бригады Е. С. Сериков в письме ко мне так рассказывает о бое за Казатин:

«Примерно километрах в двенадцати мы заняли один населенный пункт. За рекой, на бугре подбили «тигр», который удирал к этому городу. Наш взвод танковой разведки устрем, ился вперед, на броне машины находились знаменитые наши разведчики под командованием лейтенанта Подгорбунского.

Подгорбунский обошел Казатин и ударил по нему с тыла. Он завязал бой, уничтожил несколько пушек и отрезал гитлеровцам путь отхода. Тем временем мы наступали с фронта. Танки, ворвавшиеся в город, вели пушечный огонь с ходу, а мы расстреливали метавшихся гитлеровцев из автоматов. По городу было очень трудно продвигаться, так как улицы были запружены немецкими автомашинами. Танки действовали так: подденет бортом автомашину, перевернет ее — и дальше.

Захватив город, мы сосредоточились на окраине, в бывших конюшнях. За конюшнями начинались сады, и мы там заняли оборону, гитлеровцы еще удерживали Казатин-второй и беспрерывно вели оттуда огонь из орудий и минометов по Казатину-первому.

На третьи сутки вечером был отдан приказ взять и Казатин-второй. В атаку снова пошли танки, и мы двинулись за ними и после двух-трехчасового боя задачу выполнили. Казатин-второй выглядел так: железная дорога, огромные пакгаузы, и все огорожено колючей проволокой. Нам пришлось, наступая, рубить ту проволоку пехотными лопатами, чтобы добраться до гитлеровцев, и все это под огнем.

Там мы захватили огромное количество боеприпасов. Бои продолжались всю ночь, и враг был изгнан. На второй день гитлеровцы бросили свою авиацию на уничтожение потерянных ими складов, но подтянувшиеся вперед наши тылы с успехом отражали эти воздушные атаки. И тут, между прочим, у меня на глазах произошел удивительный случай: наш танк выстрелом из пушки разбил низко летевший немецкий бомбардировщик «юнкерс-88». Мы еще ходили смотреть его обломки, — один мотор отлетел на двести метров…»

Видимо, этому человеку изрядно надоели люди, приезжающие посмотреть на него, как на диковинку. Это немного нравится ему, щекочет тщеславие, и в то же время его раздражает прошлое, о котором постоянно напоминают, хотя бы и с умилением: посмотрите-ка, как он перековался! — давит и не дает жить обычной фронтовой жизнью, какой живут его товарищи. И Подгорбунский вдруг начинает грубо хвастать:

— Хотите описать, как я одному немцу нос откусил? Святой крест, правда. Можете даже очень художественно обрисовать… Дело было под Одноробовкой. Ехали мы в разведку на «виллисе». Я, автоматчик и шофер. Вдруг за пригорком — шестнадцать немецких саперов минируют дорогу. У них два пулемета. Мы — прыг из «виллиса» и давай строчить из автоматов. Бой… Мой шофер и автоматчик убиты. У меня — ни одного патрона. А немцев осталось четверо. Наскочили… бьют прикладами… Конец? Врешь, не выйдет! Я — прыг на унтер-офицера и зубами его за нос — старый прием уркаганов. Откусил, плюнул… Он навзничь. Остальные опешили — в стороны. Я выхватил у одного винтовку, добил унтера. Потом второго прикладом… А остальные двое сдались. Привез домой на «виллисе». Вот так… — опять добавил он.

Его карие глаза потемнели. Я знаю, что он рассказал правду, — об этом случае мне говорили в штабе бригады. Но человеческого контакта у нас с Подгорбунским пока не получается: он весь как-то насторожился, взъерошился, ему, видимо, хочется поскорее отделаться от гостя, — выдать ему пять-десять солененьких деталей и распрощаться. Нет, надо подойти к нему с другого конца. Говорю, что у меня выдался свободный денек, и товарищи в штабе попросили сделать для разведчиков доклад — рассказать, как живет сейчас Москва…

Лицо Подгорбунского сразу меняется, расходятся складки, глаза веселеют, по губам скользнула какая-то неожиданная, полудетская усмешка:

— Да ну? О Москве?.. — Он зовет стоящего поодаль мальчонку в военной форме, с огромным пистолетом у пояса — я его сразу и не приметил. — Это мой адъютант… А ну, адъютант, живо собрать сюда весь взвод! — И, вложив два пальца в рот, Герой Советского Союза пронзительно свистнул.

Через минуту вокруг меня уже сидели разведчики Подгорбунского. Вскоре собралась и вся рота разведчиков — ею командовал старший лейтенант Соколов. Я рассказывал о Москве, о том, как выглядит сейчас город, чем живут москвичи, как работают предприятия, что говорит молодежь. Слушали внимательно с горящими глазами. Потом посыпались вопросы: «А какие театры открылись?», «Расскажите о третьей очереди метро», «А правда ли, что город начали освещать?», «Говорят, открыли рестораны?», «Что на канале Волга Москва?»

— Эх, хоть бы одним глазком повидать Москву! — вздохнул Подгорбунский. — Сестренка у меня там…

— После войны, — сказал кто-то.

— Смеешься! — откликнулся Подгорбунский. — Меня шесть раз пули жалели, думаешь, и в седьмой раз так будет? Нет, моя жизнь до мира не дотянется… Мне бы хоть до Германии дойти, надо там кое с кем рассчитаться, а там уж все… Вот так!

Завязался простой, человеческий разговор, Подгорбунский уже не позировал, не косил глазами на записную книжку корреспондента. Говорили о буднях сурового солдатского мира, в котором человек отрешен от привычного в прошлом гражданского бытия и ему трудно загадывать дальше, чем на один-два боя. Жизнь в этом мире — причудливое смешение поразительных воинских удач, описываемых потом в воинских реляциях, как подвиги, оголенной упрощенности человеческого существования, тоски по давно утраченному нормальному мирному бытию и спокойного до предела отношения к смерти.

Война всем надоела, и никто так не ждет мира, как солдат. И тем острее злоба на гитлеровцев, которые, уже проиграв войну, отказываются поднять белый флаг, и люди должны будут умирать, наверное, до самого Берлина.

Порой бывает трудно заставить разведчиков доставить в сохранности в тыл

военнопленного. Захватишь эсэсовца целеньким, специально разъяснишь обращайтесь с ним осторожнее, он полковнику Соболеву, начальнику разведотдела армии, вот как нужен! Спросишь: «Поняли?» Ответят: «Поняли», а потом докладывают: «Несчастный случай произошел, упал эсэс на дороге и голову о камень разбил…» Начнешь проверять, оказывается, у конвойного эсэсовцы во время оккупации мать расстреляли или сестру изнасиловали и зарезали. За подобные случаи с военнопленными строжайше взыскивают вплоть до разжалования и отправки в штрафной батальон, но вот встречаются еще такие истории…

Сам Подгорбунский тоже, видимо, небезгрешен: из своих рейдов он привозит не так уж много пленных. «Вот в Лозовиках, говорят, вы уничтожили восемьдесят гитлеровцев, а в плен взяли только одного. Что так мало?» «Они руки не успели поднять», — отрезает командир разведчиков, и губы его твердеют, а в глазах опять зажигается недобрый огонек.

Я живу в землянке у разведчиков день, другой, третий. Постепенно мы начинаем лучше понимать друг друга. И вот уже Владимир Подгорбунский, «зовите меня лучше Володей, — говорит он, — я так больше привык», начинает попросту, без всяких фокусов, рассказывать о своей работе, — «о работе, а не о подвигах», — считает нужным он подчеркнуть.

Рассказывает он очень обстоятельно, с бесчисленными деталями, и в рассказах его всегда находится место для описания всех участников операции. Иногда это дается ему нелегко. Я вижу, что ему хотелось бы подчеркнуть свою собственную роль: «И вот я обрушился на них…», «Тут я навел на них панику…» Но тут же Подгорбунский спохватывается: «То есть, конечно, не я сам… Я сказал в смысле — наша группа». И начинает распространяться о мужестве своих бойцов. Чувствуется, что этот человек в душе все время воюет с самим собой — офицер Подгорбунский спорит с тем Подгорбунским, который в колонии правонарушителей слыл одним из неисправимых.

Я прошу его рассказать о знаменитом рейде на Бучач, которым он оказал огромную услугу всей армии во время форсирования Днестра.

Подгорбунский охотно соглашается, но рассказ свой начинает издалека: как в самом начале наступления, еще 20 марта, по указанию разведотдела корпуса, была сформирована и двинута вперед его разведывательная группа.

— Дали мне, как обычно, два танка и отделение саперов. Ну, и весь наш взвод, конечно, вошел в группу. Танкисты — те же, с которыми мы в Казатин врывались: Висконт Алексей, старший лейтенант, командир танкового взвода, парень лет двадцати трех, высокий такой, плотный, круглолицый, русый, за Казатин он получил орден Красного Знамени, а за эту операцию потом ему добавили орден Ленина, но вот не повезло парню: убили его вскорости. И Васильченко Николай, лейтенант, командир танка, такой невидный собой, щуплый, но воин лихой, за Казатин он имел орден Отечественной войны, за Винницкую операцию получил Красную Звезду — мы там с ним за Буг прорывались. Он и сейчас живой, воюет хорошо, добавили ему два ордена Красного Знамени и еще одну Красную Звезду, словом, скоро ордена вешать некуда будет… Автоматчиками командовал мой заместитель Лукин Дмитрий, старший сержант. Он был москвич, кончил десятилетку, 1922 года рождения, полный такой, среднего роста, спокойный парень, а погиб в скором времени самой что ни на есть трагической смертью. Я вам потом об этом обязательно расскажу. Был он тоже человек заслуженный — за Казатин получил орден Славы, а за эту операцию — Красную Звезду… Вы обязательно напишите про все их награждения: родители прочтут, им приятно будет!..

Подгорбунский помолчал, наверное вспоминая, не упустил ли чего важного, потом с той же обстоятельностью продолжал:

— Собрались мы на опушке леса у реки, в полутора километрах от деревни Константиново, собрались все: четырнадцать автоматчиков, восемь саперов да два танковых экипажа — еще восемь человек. Смотрю на них — хорошие, обстрелянные ребята, с такими не пропадешь; объяснил задачу: уходить вперед, находить уязвимые места, разведывать, доставлять в разведотдел контрольных пленных, врываться в немецкие тылы как можно

глубже, где удастся, громить и подавлять противника. А главное — будем делать панику…

Людей рассадили по танкам так: двое саперов — впереди, у башни с миноискателями, остальные двое — на корме машины, там же и десант автоматчиков. Я сам еду с Васильченко впереди, на броне, у люка механика-водителя, чтобы удобнее было давать экипажу команду. На второй машине с Висконтом в такой же позиции — Лукин. Было это под вечер… Днем прошел дождь. Грязь такая, что даже танку трудно идти. А трава уже начала пробиваться. Но лес еще голый, только первые птицы пересвистываются. Небо было облачное, но тут тучи разогнало, и солнце у самого горизонта, такое чудное — красное, будто помятое. А в двух километрах бой, грохот. Ну, загадываю, дожить бы хоть до весны, когда эти ветви зеленью покроются. И даю команду — вперед!..

Вот так он и описывал весь пройденный путь, километр за километром, деревню за деревней, переправу за переправой, лощину за лощиной и холм за холмом, и я послушно записывал все это в блокнот.

Получалось очень длинно, Подгорбунский замечал это и начинал злиться, но от своего не отступал: боялся что-нибудь упустить. Ему хотелось рассказать обо всем — и о том, как разведчики врывались в деревни, как гусеницами танков крушили перехваченные обозы, как уничтожили двести девятнадцать повозок штаба 68-й немецкой дивизии, как сражались с немецкими танками, как брали пленных.

Но особенно подробно и образно хотелось ему рассказать буквально о каждом участнике боя — и о Жарикове («Это помощник командира отделения, ему 21 год, а дашь много старше, широкоплечий такой сибиряк, из колхозников, черноволосый»), и о Паршине («Это мой разведчик, автоматчик, тоже из колхозников, он поплотнее Жарикова, низкорослый, белобрысый»), и о Федорове («мой переводчик, из Московской области, десятилетку едва успел кончить, совсем молодой, с 1926 года, а по-немецки чешет — будь здоров»), и о Мазурове с Никитиным («Они земляки, оба из Курской области, здоровые такие ребята. Когда в Чорткове немецкий Т-4 в каток нашей «тридцатьчетверки» снарядом шуганул, Мазурова, как птичку, взрывной волной с брони снесло, а он тут же вскочил обратно…») Косясь на меня, Подгорбунский, перейдя на «ты», все чаще ворчливо говорил: «Ты пиши, пиши, а то позабудешь и напишешь что-нибудь не так, а ребятам будет обидно. Напишешь, например, что Никитин брюнет, а он вовсе белобрысый, и ребята смеяться будут. Выйдет вместо славы одна неприятность»…

Но вот, наконец, дело дошло и до описания рейда на Бучач. Подполковник Колтунов был прав — операция эта была незаурядная, и я приведу здесь полностью эту часть рассказа Подгорбунского.

— Когда Чортков был взят, нам дали отдых до утра двадцать четвертого марта. Мы были очень довольны, что все остались целы, ведь это прямо-таки удивительное дело для такой трудной операции — остаться всем живыми. Проверили материальную часть, выпили трофейного вина, закусили и легли спать. Вдруг в полночь меня будят, зовут к самому комбригу. Встречает меня полковник и говорит: «Благодарю, Подгорбунский, за находчивость и решительность в бою, это тебе не забудется, а сейчас вот новая задача: разведать правый фланг в направлении на запад, вплоть до города Бучач, и постараться захватить его. Дело трудное, потому тебе и поручаем». Я вспомнил, где этот Бучач, и поразился, — это же за многие десятки километров! Сел за карту, стал мудровать. В три часа разбудил своих робят. А полковник все не спит, опять вызывает, напутствует: действуй, говорит, осторожно, есть основания опасаться, что с этого направления подходит танковая дивизия СС «Адольф Гитлер». Старая знакомая — мы с ней с самой Курской дуги воюем…

Выехали мы за передний край еще затемно. Сильный ветер, небо — без единой звезды. Проскочили по холодку большаком до одного местечка. Влетели туда — тишина. Немцев нет. Расспрашиваем местных жителей, они говорят: «Тут вчера шли ваши танки, так их немного дальше по большаку, километрах в пяти, обстреляли…»

Соображаю: это шла 1-я гвардейская танковая, наносила удар на Чортков. С немецкой обороной она не связывалась, ей было важно добраться до города. Значит, гитлеровцы тут

могли задержаться. Принимаю решение: свернуть с большака на проселок, так будет безопаснее. А дальше видно будет.

Немного потеплело, и сразу лег туман. И без того темно было, а тут ну, ни зги не видать. Едем — едва дорогу разбираем. Вдруг впереди вижу вспышку, другую, третью… Так и есть! Немецкий танк стоит в засаде. Они услышали шум наших моторов, решили, конечно, что мы едем по большаку, и бьют наугад вдоль него, а мы движемся в полной безопасности параллельным проселком. Вот так!.. Подошли поближе, кричу через люк механику: «Пора! Давай!» Васильченко, не торопясь, прицелился по вспышкам и зажег немецкий танк. Выстрелы прекратились. Мы прислушались — тихо. Значит, здесь стояла только одна машина. Но на всякий случай продолжаем идти проселком. Как говорят старики, береженого бог бережет…

Проехали еще десять километров. Светлеет. Туман спал. Вдруг впереди тарахтит по большаку подвода, а на подводе пятеро немцев. Они увидели нас, повернули — и через раскисшую пашню к реке. Танками туда идти рискованно, можно увязнуть. Пристрелить жалко — хочется пленных добыть. И вот мы за ними бегом. Целый километр бежали. Они открыли огонь, мы отвечаем, но бьем осторожно, чтобы не попортить их. Все ж таки один напоролся на пулю, другой убежал, а троих мы сгребли. Из этих трех один был в офицерской фуражке, и знаки у него — череп и кости, значит, эсэс, а те двое — вроде так себе, обыкновенные солдаты в пилотках и маскировочных халатах, но на войне по одежде о человеке судить не положено — мало ли кто как одеться может!

Ну, мой Федоров тут же начинает допрос. Поговорили мы с ними откровенно, скажешь, мол, неправду — душа из тебя вон, сам понимаешь время военное. Мой эсэс сразу понял и тут же раскололся: мы, говорит, все трое — офицеры из дивизии «Адольф Гитлер», вели разведку. «А что в Бучаче?» В Бучаче, говорит, полным ходом идет эвакуация тылов дивизии, грузятся в эшелон. Стоит заслон — два танка, четыре орудия и пехота. Я его еще раз предупреждаю русским языком: если соврал — голова с тебя долой, поеду в Бучач, сам проверю и в случае чего тебя найду. Побледнел мой эсэс, но клянется, что чистую правду сказал. Я посадил этих трех голубчиков на танк к Висконту и отправил их в разведотдел корпуса, а Висконту сказал: «Смотри, отвечаешь за этот трофей головой, чтоб никаких там несчастных случаев в пути не было. И возвращайся быстрей, догонишь меня на подступах к Бучачу».

Иду дальше одним танком. На броне со мной одиннадцать автоматчиков и один сапер; петляем проселками, оврагами, большак все время держим под наблюдением. Два раза перехватывали колонны грузовиков и подвод, малость подавили их и постреляли. Немцы разбегались, но мы их уже не ловили: торопились в Бучач. Километра за три до города сделали небольшой привал в лесочке, ждем Висконта, а тем временем мои сорванцы Никитин, Ныриков, Сидоров и Жариков отправляются в пешую разведку. Пошли они лощинкой к реке, оттуда пробрались в город, поговорили с жителями, сами осмотрелись. Возвращаются — подтверждают: не соврал эсэс, действительно стоят в засадах два легких танка и четыре орудия, а на станции грузится в эшелон понтонный батальон. Жариков даже рассмеялся: не тот эсэс нынче пошел, разве в сорок первом году такие были? Его, бывало, хоть стреляй — никогда правду не скажет…

Тут подъехал Висконт, он нас по следу гусениц нашел. Привез приказ: ворваться в город, занять переправу и удержать, а если подойдут крупные силы противника, — переправу уничтожить и отойти. Принимаю решение: с танком Васильченко врываюсь в город, а Висконт делает панику, ведя огонь с разных позиций по кладбищу, где стоит немецкая артиллерия, — пусть думают, что город атакует целая бригада!.. Так и сделали.

Висконт подавил пушки, а Васильченко с ходу зажег оба легких танка для его пушки это была нетрудная работа. Мчимся прямо на вокзал, хотелось перехватить эшелон, но он мне только хвост показал. Такая меня взяла досада, и сказать невозможно.

Летим к переправе — слава богу, цела. Немцы ее минировали, но взорвать не успели. Выставляю караул, а сам с танком к зданию жандармерии: жители говорили, что там в

подвале — заключенные. Оставил двоих автоматчиков у танка, а с остальными в помещение и прямо по лестнице — в подвал. Смотрю, дверь заперта, но в ней ключ торчит… Наверное, хотели вывести заключенных на расстрел, да услышали шум нашего танка и драпанули. Может, дверь минирована?.. Глянул мой сапер, нет, говорит, можно открывать. Распахнул я дверь, а там людей столько набито, что они только стоять могут, так прямо на меня крайние и упали. Многие уже без чувств: дышать там нечем.

Кричу: «Кто здесь коммунисты, выходи!..» Выходят тридцать человек… Подгорбунский сделал паузу, достал из кармана затрепанный блокнот, полистал его и строго сказал: — Ты пиши, пиши — это же для истории!.. Серебровский, Грицан, Татамель, Коробовский, Крупец, Чековец, Канатеев, Шандурский, Орлова, — я этим людям дал сразу винтовки, брошенные гитлеровцами, и сказал: теперь вы отвечаете перед советским командованием за порядок в городе, а комендантом у вас пока что будет мой ординарец Власов. Они к нам — целоваться, обниматься, плачут, а я им говорю: потом, потом будем обниматься, а сейчас начинайте прочесывать город — улицу за улицей, может, где-нибудь гитлеровцы притаились… Потом собрал митинг, сказал населению речь, так, мол, и так, гитлеровцы изгнаны отныне и во веки веков, и теперь будет у вас Советская власть… — Подгорбунский тихо рассмеялся: — Вот бы сказали мне до войны, что я буду на митингах говорить, — ни за что бы ни поверил. Чему только солдат на войне не научится!..

Ну, на следующий день подошли еще три танка, их привели Шляпин, лейтенант, командир взвода, высокий такой, русый парень, сам из колхозников, Лисицкий, лейтенант, комсомолец, красавец парень, награжден орденом Отечественной войны и орденом Красной Звезды и еще один командир, его фамилию я запамятовал. Стали в засадах у переправы. С ними пришел взвод мотострелков. Стало наше положение совсем крепкое. Меня вызвали к начальству докладывать. А докладывать всегда приятно, когда есть, что сказать: у нас опять никаких потерь, а мы уничтожили три танка, сорок автомобилей, захватили восемь тягачей, четыре пушки и три склада с разным добром. В общем, я до самого Катукова дошел со своим докладом — он был у Днестра. Там с переправой дело не ладилось. Командарм слушает, хитро так улыбается, не поймешь — верит или не верит. Говорит: «Мы тебя проконтролируем». Ну, я контроля не боюсь. Потом он вдруг говорит: «Слушай, товарищ Подгорбунский. Видишь, у нас трудности с переправой. Наш понтонный парк из-за распутицы отстал. А мне начальник армейской разведки доложил, что тут совсем недалеко, в деревне, находится немецкий понтонный парк. Будь добр, уведи его у немцев. И учти — работа сдельная, за нами не пропадет». Ответ мой был короткий: «Будет исполнено».

В ту же ночь я со своей ротой ушел на задание. Чтобы не заблудиться, взял в проводники верного человека у местных жителей. Пробрались глухими тропами через боевое охранение противника, ворвались в деревню с тыла, обрушились на фашистский гарнизон. Прицепили к нашим танкам трофейные понтоны и со скоростью сорок километров в час — к той переправе через Днестр, где я встретил Катукова. Сразу понтоны на воду, и готово. Командарм увидел меня, остановил: «Сделано хорошо. Благодарю!..»

Подгорбунский потянулся и вытер пот со лба. Он устал рассказывать, это занятие утомляло его: «Все время боюсь забыть что-нибудь самое важное, признался он мне, — поэтому становлюсь болтлив, как старый хрыч. Но ты записывай, записывай все это — убьют меня, некому больше рассказывать будет про наши бои. Одна надежда на ротного писаря Фоменкова — он наш гроссбух ведет. Ты его почитай, но ведь у него там что? Одна статистика, а для души ничего нет… А сейчас давай выпьем шампанского вдовы Клико, говорят, им еще Пушкин баловался, а нам сам бог велел. Мне его в наследство танковая дивизия «Адольф Гитлер» оставила. Пойдем в хату лесника, там моя хаза, или, по-военному сказать, штаб-квартира…

На другой день я проснулся поздно разбуженный какими-то веселыми криками, доносившимися со двора. Выглянув в окно, я увидел, как разведчики, увешанные орденами и медалями, ловили пчелиный рой, вылетевший с соседней пасеки, — их руки истосковались по мирным занятиям. Стояло яркое, безмятежное летнее утро. Земля подсыхала после

обильного дождя. Над широкой поляной звенел жаворонок. Хмурый лесник, ругаясь вполголоса, разбирал кирпичный очаг, который гитлеровцы сложили у стены его хаты, под склоном соломенной крыши, — им было наплевать, что солома могла загореться, спали они не в хате, а в своих фургонах…

Подгорбунский сидел у стола и стругал своей финкой очередную палочку. Увидев, что я проснулся, он протянул мне толстую, прочно переплетенную тетрадь.

— Вот он, гроссбух Фоменкова… Может, пригодится тебе? Романтики, конечно, маловато, зато точность какая!..

Я взял в руки тетрадь. Она и впрямь велась, как какой-то бухгалтерский гроссбух — в ней были и дебет, и кредит, только объекты этого учета необычны: речь шла о человеческих жизнях, и за каждой строчкой были какие-то драматические, иногда горестные, иногда радостные события.

Фоменков, видать, был очень исполнительным и трудолюбивым человеком, и он подбивал итоги после каждой операции. Сводка выглядела так:

> Итоги операций разведроты гвардии старшего лейтенанта Соколова с 5.07. 43 г.
>
> 1. Взято в плен с 5.7.43 г. по 30.8.43 г. 363 чел., в том числе офицеров 86 чел.
> 2. Взято в плен с 20.12.43 г. по 30.1.44 г. 809 чел., в том числе офицеров 26 чел.
> 3. Взято в плен с 21.3.44 г. по 10.5.44 г. 535 чел. в том числе 2 полковника, 2 подполковника и еще 202 офицера.

В этом гроссбухе аккуратно регистрировалось выполнение каждого боевого задания. Мое внимание привлекла одна из записей:

> 29.3.44 г. Состав разведгруппы: 27 человек, с двумя танками. Командир разведгруппы: Подгорбунский. Район или направление действий: Эзержаны, Тлумач, Тысменица, район Станислава. Результаты: уничтожено 4 танка Т-4, 1 «тигр», 8 бронетранспортеров, 2 самоходных орудия, много автомашин с различным грузом и повозок, захвачено 19 стопятимиллиметровых орудий, 3 зенитных пушки, взято 6 складов, из них 4 продовольственных.
>
> В бою группа понесла потери, а ее командир Подгорбунский вышел из строя.

Эти цифры показались мне невероятными, и я потом откровенно сказал об этом командиру роты. Он неохотно откликнулся: «Верить или не верить — ваше дело. Но это официальная отчетность роты. Я не поручусь, конечно, за каждую цифру, но, в общем, наша статистика очень точно отражает дух тех чертовых дней.

Сколько живы будем, мы их не забудем. Я до сих пор не понимаю, как тогда выстояли… Вероятно, именно потому, что наши люди делали то, что теперь отражено в этой невероятной статистике…»

Я долго беседовал с Подгорбунским и другими, оставшимися в живых, участниками этой операции и вот могу теперь о ней рассказать…

Разведчики отдыхали после своего удачного рейда на Бучач в Чорткове, когда был получен приказ — срочно прибыть в Городенку. Там в десять часов вечера 28 марта Подгорбунскому командование поставило новую задачу обогнать ведущую наступление 21-ю гвардейскую механизированную бригаду, выйти на Эзержаны; следовать далее, ведя разведку и нанося удары по тылам противника, и достигнуть Станислава. Задача была очень ответственная противник усиливал сопротивление, подтягивал резервы, и разведчикам предстояло проявить всю свою находчивость, изобретательность и энергию, чтобы успешно выполнить приказ.

На этот раз в распоряжение Подгорбунского были предоставлены танки лейтенанта Шляпина и Лисицкого, с которыми он познакомился и подружился в Бучаче: Висконт к

этому времени был назначен командиром роты, а у Васильченко танк получил повреждение. Автоматчики и саперы были те же, что и раньше; в общем, это был хорошо сработавшийся, дружный отряд.

Вначале все шло как по маслу. Разведчики обогнали 21-ю бригаду, которая вела бой у Незвистки, саперы под прикрытием темноты сняли мины, установленные гитлеровцами на большаке, и оба танка на большой скорости внезапно ворвались в расположение противника, ведя частый огонь. Автоматчики, сидевшие на броне, тоже стреляли во все стороны. Так, с шумом и треском, и промчались через вражеский передний край. За танком Подгорбунского проскочили еще пять боевых машин танкового полка. Они завязали бой в глубине обороны противника, а разведчики на максимальной скорости умчались вперед и ворвались было в Эзержаны. Но там их встретил организованный огонь, и сразу стало ясно, что тут повторение лихого рейда на Бучач не получится: гитлеровцы успели укрепить оборону и эшелонировали ее далеко в глубину…

Подгорбунский отвел отряд, послал танк Лисицкого в обход Эзержан, а сам с танком Шляпина и автоматчиками, рассыпавшимися в цепь, завязал бой на подступах к местечку. Немцы вели огонь из четырех орудий и танка, стоявшего за домом. Шляпин меткими выстрелами из своей мощной пушки разбил два немецких орудия, третье — немцы бросили и убежали, но четвертое вело меткий огонь, — видать, там были опытные и храбрые артиллеристы. Уже был легко ранен помощник Подгорбунского, неоценимый разведчик Лукин, уже скользнул бронебойный снаряд по броне «тридцатьчетверки», он пробил запасный бак с топливом, но горючее, к счастью, не вспыхнуло…

Надо было во что бы то ни стало немедленно ликвидировать это проклятое орудие. И Подгорбунский сказал Лукину, который перевязывал свою рану: «Ну, Митя, сходишь с Ныриковым на пушку? Знаю, несподручно тебе, но боюсь, что он сам не сладит». «Есть сходить на пушку!» — ответил Лукин, и двое разведчиков, взяв гранаты и автоматы, пошли вперебежку вперед, ориентируясь на вспышки немецкого орудия. Сначала они шли по канаве, потом проскочили за дом. До пушки, которая вела поединок с нашим танком из засады, оставалось метров двадцать.

Лукин сказал: «Обожди чуток, подползем по полыни и забросаем их гранатами». Ныриков быстро возразил: «Нет, надо быстрее, а то танк зажгут». И не успел Лукин его задержать, как этот горячий парень выскочил и опрометью бросился прямо на пушку, которая только что дала выстрел, и сейчас расчет торопливо заряжал ее снова. Ныриков подбежал почти вплотную к стволу и уже метнул гранату, но в это же мгновение артиллерист дернул шнурок… Выстрел и разрыв гранаты прозвучали почти одновременно. Снаряд угодил прямо в грудь Ныриkову и разнес его в куски. Но и весь расчет орудия погиб, а тех, кто уцелел при взрыве гранаты, расстрелял из автомата подоспевший Лукин. Последняя немецкая пушка умолкла, путь был свободен…

Подгорбунский направил танк Шляпина по лощине, в обход стоявшей в засаде немецкой машины. Увидев, что батарея полностью подавлена, гитлеровцы решили отойти на своем танке на новый рубеж. Но как только их танк вышел из укрытия, Шляпин метким выстрелом разбил его. Тем временем Лисицкий подавил очаги сопротивления на другом конце села, и оба танка, приняв на броню автоматчиков, помчались дальше, в Тлумач. В Тлумаче, сами того не зная, разведчики попали в самое что ни на есть осиное гнездо; там находился штаб крупной немецкой части, и в штабе шло совещание. У подъезда двухэтажного каменного дома стояло много легковых машин. Услышав грохот советских танков, гитлеровцы открыли огонь, прикрывая отъезд своих старших командиров. Шляпин, шедший впереди, отвечал частым орудийным огнем по машинам, у которых суетились офицеры. Тут был убит сидевший на броне рядом с Подгорбунским отважный разведчик Анциферов, служивший в роте с начала декабря 1943 года, веселый комсомолец, отлично игравший на аккордеоне, этого невысокого, плотного, белобрысого парня очень любили в части…

Разведчики быстро подавили сопротивление гитлеровцев. Они захватили в плен

несколько старших офицеров, много младших офицеров и солдат, взяли большое количество трофеев. Построив пленных в колонну, Подгорбунский приказал Жарикову и Мазурову вести их в тыл, а сам с отрядом двинулся дальше, на Тысменицу. Было уже одиннадцать часов утра. Люди смертельно устали в эту трудную ночь, но Подгорбунский не мог дать им передышки отряд был в тылу у немцев, обстановка все усложнялась, малейшее промедление, и отряд будет окружен и смят… Надо идти вперед и вперед…

На пути в Тысменицу разведчики обнаружили, что немцы готовят новый оборонительный рубеж: в засаде стояли два самоходных орудия, пехота числом около роты — окапывалась, саперы минировали дорогу. Шляпин и Лисицкий, обойдя гитлеровцев, ударили с тыла, разбили оба самоходных орудия и разогнали пехоту. И снова вперед!

На подступах к Тысменице Шляпин остановился, чтобы подтянуть фрикцион. Подгорбунский пересел на танк Лисицкого, и разведчики, не встречая сопротивления, вышли к железнодорожной станции, проехали по путям и продвинулись к переправе, находившейся всего в километре от Станислава. Стояла мертвая тишина. Эта тишина сбивала с толку и настораживала. Подгорбунский внимательно осмотрелся. Он увидел, что по большаку идет еще один наш танк, — позднее выяснилось, что это была машина его старого друга Висконта. Вдруг загремели выстрелы, и танк вспыхнул…

Подгорбунский засек вспышки и определил, кто ведет огонь: в засаде у большака стояли, прикрывая въезд в Станислав, «тигр» и танк Т-4. Отряд разведчиков был в тылу у них. «Тигр» начал маневрировать. Когда он повернулся кормой к машине Лисицкого, Подгорбунский скомандовал: «Огонь!» Подкалиберный снаряд зажег «тигра». Но Т-4 успел нырнуть в низину и оказался вне досягаемости.

Праздновать победу было рано: в засадах на окраине Станислава стояли еще два немецких танка, и они открыли беглый огонь по танку Лисицкого. Раздался сильный удар… Но машина еще подчинялась управлению. Оглушенный взрывом, Подгорбунский скомандовал: «Вперед, за домик…» Но тут же раздался новый удар. Лисицкому, который только что вылез за броню, чтобы посоветоваться с Подгорбунским, оторвало голову и руку, и его изуродованное тело было сброшено взрывной волной с танка. У Подгорбунского выступила из ушей кровь: лопнули барабанные перепонки, и он ничего не слышал. В голове помутилось. Но он опять скомандовал, нагнувшись к люку водителя: «Вперед, за домик…»

Как это ни удивительно, танк, принявший два прямых попадания, еще повиновался управлению. Механик увел танк за домик, Подгорбунский вскочил в башню, развернул ее и открыл огонь по немецким танкам… Они попятились к Станиславу. Снова стало тихо. Тело Лисицкого подобрали, принесли и положил на броню машины.

Закончив разведку на ближних подступах к Станиславу, отряд двинулся обратно. Подгорбунский соображал все хуже — в голове шумело, перед глазами ходили круги. Но он крепился, мысленно твердя: «Надо вывести отряд… Во что бы то ни стало вывести отряд».

В Тысменице разведчики настигли четырех гитлеровцев — это был экипаж разбитого Лисицким «тигра», того самого, который погубил танк Висконта. Завязалась перестрелка, три немецких танкиста были убиты, четвертый сдался в плен. И это был эсэсовец — «тигр» принадлежал все той же дивизии «Адольф Гитлер».

Под Тлумачем разведчики разыскали штаб бригады. Пошатываясь, Подгорбунский подошел к полковнику Липатенкову:

— Ваше задание выполнено…

Фразу он не закончил, свалился, как подрезанный сноп, и потерял сознание. Очнулся он уже в госпитале. Без него похоронили и Анциферова, и Лисицкого — могила их находится в самом центре старого парка в Тлумаче. А от Нырикова, разорванного снарядом, выпущенным в упор, так ничего и не нашли. Поставили только на том месте, где он погиб, обелиск, а возле него оставили на долгие времена немецкое орудие, расчет которого Ныриков уничтожил, прокладывая путь своему отряду. И написали на щите пушки: «Сильна смерть, но воля гвардейца к победе сильнее…»

Еще много удивительных подвигов совершил Владимир Подгорбунский со своими

разведчиками — судьбой было ему суждено дойти до края советской земли и отличиться при взятии крепости Перемышль на реке Сан. Но до Берлина, о взятии которого он так страстно мечтал, Подгорбунскому дойти не удалось. Погиб он месяцем позже после нашей встречи, в жестоких боях на Висле и был похоронен в местечке Демба, — об этом я расскажу позже.

Те, кому довелось встречаться с этим человеком, внешне угловатым и резким, но в сущности душевным и сердечным, хорошо его запомнили и сохранили к нему теплое чувство привязанности на всю жизнь.

В гостях у капитана Бочковского

Время мчится поразительно быстро — уже кончился июнь. Из редакции летят вежливые, но проникнутые нетерпением телеграммы: пора возвращаться! Пока я нахожусь во временно бездействующей танковой армии, на других фронтах происходят поразительные события: в течение нескольких дней раздроблена и стерта в порошок немецкая оборонительная линия Жлобин Орша — Витебск, казавшаяся неприступной. Взят Бобруйск, наши войска уже шагнули за Березину. Разгромлено одиннадцать дивизий Гитлера, в зияющую брешь устремились танковые части и конница. Развивается с двух направлений наступление в районе Минска — там уже вырисовываются контуры нового гигантского «котла», в котором погибнут многие немецкие дивизии. Командующий 1-м Белорусским фронтом Рокоссовский получил звание Маршала Советского Союза, командующий 3-м Белорусским фронтом тридцатипятилетний Черняховский, который, командуя 60-й армией, весной наступал здесь вместе с Катуковым, стал генералом армии…

* * *

Я еду во 2-й батальон 1-й гвардейской танковой бригады к гвардии капитану Владимиру Бочковскому — теперь он стал уже комбатом. К тому самому Бочковскому, с которым ровно год назад мы встретились на шоссе под Обоянью в трагический час, когда он выходил из боя, везя на броне танка мертвые тела своих друзей на танковому училищу. Тогда он показался мне совсем мальчиком, тонкошеим, с заострившимися чертами лица. Но уже в то время это был храбрый солдат, пользовавшийся доверием командования и уважением товарищей. Недаром ему так быстро доверили командование ротой.

И вот новая встреча. Батальон только что прибыл. Опушка леса. Несколько домиков с вишневыми садами — отдаленный хутор. Танки уже отведены в глубь леса и замаскированы. Танкисты, сбросив шлемы, ловко орудуют топорами и лопатами, готовя себе блиндажи. Командует ими молодой капитан в забрызганном грязью комбинезоне. Увидев, что кто-то залез на вишню, где алеют соблазнительные ягоды, он сердито кричит: «Назад! Не обижать мирных жителей». У него очень молодое, с пухом на щеках лицо, по-детски пухлые губы, большой русый чуб аккуратно зачесан назад, ясные голубые глаза настороженно разглядывают незнакомого пришельца.

— Корреспондент? Позвольте глянуть ваши документы…

— Мы с вами уже встречались на Курской дуге!

— На Курской?.. Вряд ли, я там в тылах не бывал. Разве что до четвертого июля.

— Нет, я могу сказать совершенно точно: когда вы выходили из боя с телами Шаландина и Соколова на броне, близ развилки дорог у Зоренских Дворов.

Капитан отступает назад, пристально вглядывается мне в глаза, потом порывисто пожимает руку:

— Теперь помню. Но то интервью было совсем необычным. Пойдемте, пойдемте в хату…

Я замечаю, что Бочковский немного прихрамывает. Перехватив мой взгляд, он говорит:

— После перелома бедра нога стала короче правой, приходится толстую подошву носить. Но это еще терпимо, а вот лопатка… — он осторожно повел плечом, — лопатка еще

дает о себе знать.

Оказывается, он был снова ранен в бою за Казатин. Подбежал к танку комбата с докладом, а в это время начался артиллерийский налет. Снаряд разорвался под башней танка, и осколок, падая, рассек Бочковскому лопатку и бедро. Из госпиталя он сбежал, не долечившись, и вот теперь — хронический остеомиелит; капитан носит постоянную повязку.

— Я еще легко отделался, — говорит он на ходу, — а вот Георгий Бессарабов… Помните его? — Еще бы не помнить знаменитого укротителя «тигров», чья слава прогремела на всю страну в июле 1943 года в дни жестоких боев на Курской дуге! — Так вот, нет больше Георгия Бессарабова, он в том же бою за Казатин 29 декабря погиб. Там его и похоронили. На боевом счету у него было 17 уничтоженных немецких танков, в том числе 7 «тигров». Вот так…

Мы вошли в просторную чистую хату. На столе, покрытом белой скатертью, стоял букет свежесрезанных роз. Капитан вышел умыться, а я разглядывал его жилье. В глаза бросилась какая-то официальная бумага, вставленная в аккуратную рамочку. Она стояла за букетом. Видимо, капитан собирался повесить ее на стену. Я подошел поближе и прочел:

Приказ заместителя народного комиссара обороны СССР № 63,
17 апреля 1944 года.

В одном из боев командир танкового взвода гвардии лейтенант 1-й гвардейской отдельной танковой бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса Владимир Сергеевич Шаландин, находясь со своим танком в засаде, в решающую минуту боя сдерживал колонну вражеских танков. Им было уничтожено несколько вражеских танков и много солдат. В ходе жестокого яростного боя танк товарища Шаландина был подбит и загорелся. Но он не покинул горящего танка, а продолжал уничтожать вражескую технику и солдат. В этом неравном бою он погиб смертью храбрых, проявив геройство и мужество, чем обеспечил успех поставленной задачи.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года гвардии лейтенанту Шаландину В. С. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Геройский подвиг, совершенный тов. Шаландиным, должен служить примером офицерской доблести и героизма для всего офицерского состава Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии лейтенанта В. С. Шаландина приказываю:

Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Шаландина В. С. зачислить навечно в списки 16-й роты 1-го ордена Ленина Харьковского танкового училища.

Приказ довести до сведения офицерского состава Красной Армии.

Заместитель народного комиссара обороны
Маршал Советского Союза ВАСИЛЕВСКИЙ

Передо мною вновь встала запомнившаяся в мельчайших деталях драматическая встреча с танкистами на Обоянском шоссе, когда Бочковский и Бессарабов, чертя прутиками на дорожной пыли схему боя, рассказывали мне, как погиб Шаландин.

— Да, вожу этот приказ с собой. Как только приходит пополнение, читаю его перед строем. Помогает!

Услышав голос Бочковского, я обернулся. Передо мной стоял уже совсем другой офицер — в чистом, отлично отглаженном кителе с белоснежным подворотничком и в начищеных до блеска сапогах. На груди у него сияло целое созвездие: Золотая Звезда, два ордена Ленина, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медаль «За отвагу» и гвардейский знак. Уж так повелось в армии: здесь носили не планки с орденскими ленточками, а ордена. Только Александр Бурда возил свои награды в коробочке, мечтая сохранить их новенькими до мирных дней, да так и не дождался этого времени.

Капитан приглашает меня садиться и немного церемонно говорит:

— Простите, водки не пью и угостить не могу: в батальоне спиртного летом не держу…

Он сидит подчеркнуто прямо, выдвинув вперед свой крутой подбородок. Чувствуется, что ему в его двадцать лет — «через месяц будет двадцать один», — заботливо уточнил он, — очень хочется казаться настоящим гвардейским офицером, этакой военной косточкой. Отсюда и напускная педантичность, и любовь распоряжаться, командовать, и поза… Но постепенно это внешнее, немного искусственное отскакивает, и разговор становится теплее, душевнее. Вот уже передо мной простой, с открытой душой советский парень, сердце которого опалила, но не сожгла война.

Мы снова говорим о битве на Курской дуге, о летних, зимних и весенних боях, в которых участвовал батальон, о знакомых танкистах, о том, что они за этот год совершили. Тогда, в июле 1943 года, на Обоянском шоссе сражались десять выпускников Харьковского танкового училища: Бочковский, Шаландин, Соколов, Бессарабов, Малороссиянов, Литвинов, Чернов, Духов, Катаев и Прохоров. Сразу же погибли четверо: Шаландин, Соколов, Малороссиянов и Прохоров. Бессарабова похоронили зимой. Литвинов погиб в марте, когда батальон брал Коломыю. Духов и Катаев по-прежнему служат в батальоне. А Чернова перевели в другую бригаду. Он тоже жив и, говорят, хорошо воюет.

Ну, а Бочковский… Что ж, факты говорят сами за себя: был командиром роты, потом заместителем командира батальона, стал комбатом, начальство не ругает. Твердо решил, если доживет до победы, пойти в военную академию и стать кадровым офицером.

— Но это наши, так сказать, семейные дела, — говорит вдруг Бочковский. — А что же рассказать такого, что пригодилось бы для вашего репортерского пера? — Он любит такие кудреватые обороты и щеголяет ими, подчеркивая свое южное произношение «шо» вместо «что», частое употребление приставки «же», мягкое, с придыханием «ч». Бочковский провел детство в Сочи и в Крыму. У его отца была самая что ни на есть мирная профессия: он работал поваром в санаториях.

Я прошу комбата рассказать о знаменитом рейде на Коломыю. Он охотно соглашается.

— Это была действительно боевая операция, и описание ее будет интересно для молодых танкистов, так сказать, страничка боевого опыта, говорит он.

…На рассвете 27 марта Бочковского, который был тогда заместителем командира батальона, вызвал вместе с комбатом Вовченко комбриг Горелов. Было это в Городенке. Только что с самолета был сброшен вымпел с картой-приказом, на карту нанесена боевая задача и здесь же знакомым почерком командарма написано:

> «Выдвинуть отряд под командованием капитана Бочковского в направление города Коломыя, сломить оборону противника и занять город. Выступить в 9.00. На пути расставить три танка с радиопередатчиками для поддержания бесперебойной связи».

— Видишь, Володя, — сказал комбриг, — командарм тебе лично дает задание. Дело трудное, понимаешь сам. Разрешаю тебе отобрать самому экипажи для этого рейда…

Бочковский задумался. Он мысленно перебирал всех командиров танков батальонов: все были отличные, обстрелянные мастера своего дела.

Вот старший лейтенант Духов, однокашник по танковой школе в Чирчике, худенький, быстроглазый паренек невысокого роста. Очень трудно свыкался с войной: на Курской дуге его сгоряча чуть не исключили из кандидатов партии за трусость, а он не то чтобы трусил, а просто робел с непривычки под огнем. Потом в наступательных боях приобрел совершенно необходимое военному человеку чувство превосходства над противником, и робость пропала. Ходил на танке в разведку с Бессарабовым. Уничтожил двух «тигров», получил орден Отечественной войны. Потом, под Казатином уже, командовал взводом, там опять отличился, получил второй орден Отечественной войны. В весеннем наступлении стал командиром роты, за героизм при взятии Чорткова был награжден орденом Александра

Невского… Конечно, Духова надо брать! Какой может быть разговор?..[75]

Младший лейтенант Бондарь… Это совсем молодой паренек: пришел с пополнением, когда бригада была уже под Шепетовкой. Но сразу проявил себя как смелый и дерзкий танкист. Награжден уже двумя орденами Красного Знамени. Такой не подведет!

Лейтенант Шарлай… Это ветеран, воюет в батальоне давно. На Курской дуге работал на легком танке Т-70, обеспечивал связь. Под Казатином ему уже дали «тридцатьчетверку». Воевал отлично. Наград пока не имеет, но он заслужил быть отмеченным. Надо взять и его.

Лейтенант Катаев… Тоже однокашник по Чирчику… Вот у кого сложилась действительно запутанная фронтовая биография! Вначале все шло хорошо: уничтожил «тигра», получил орден Красного Знамени, грамоту ЦК комсомола. И вдруг под Казатином, близ села Хейлово, произошло несчастье. Танк Катаева был подбит. Механик-водитель, охваченный паникой, бежал. Катаев пытался завести заглохший мотор, не сумел… Сам покинул танк в надежде, что потом удастся его вытащить и отремонтировать. На командном пункте его пожурили за то, что не задержал механика и не заставил его отремонтировать мотор под огнем, и дали другую машину. Катаев снова пошел в бой, и опять ему не повезло: его танк был подбит, когда он прорвался за линию фронта, и ему с экипажем пришлось с боем пробиваться обратно. На этот раз Катаева судили военным судом. Приговорили к восьми годам тюрьмы, но, принимая во внимание старые заслуги, оставили воевать в батальоне. В весеннем наступлении Катаев вместе с Духовым все время шел впереди и был награжден двумя орденами. Судимость с него сняли. Этот медлительный с виду, долговязый, светловолосый и голубоглазый парень в бою буквально преображается и становится сущим дьяволом. Нет, он, конечно, не подведет… И капитан решил взять Катаева.[76]

Перебрав всех командиров танков батальона, капитан остановил свой выбор еще на лейтенанте Большакове, которого он знал с Курской дуги, и младших лейтенантах Игнатьеве и Кузнецове — комсомольцах, хорошо зарекомендовавших себя в бою. Кроме них, он взял старшего лейтенанта Сирика, отличившегося в бою за Чортков, Котова и еще двоих танкистов.

Всего, таким образом, в семь часов утра 27 марта в рейд отправились двенадцать танков, считая и машину Бочковского. Бочковский собрал командиров, разъяснил им задачу, подбодрил. Запаслись боеприпасами, набрали горючего сверх всякой меры: идти-то далеко, да еще в распутицу! Приняли на броню десант автоматчиков и — в путь… Проводить отряд приехали заместитель начальника штаба бригады майор Василевский и фотограф политотдела сержант Шумилов. Они привезли приятную новость: комбриг Горелов по указанию Катукова приказал оформить представление Бочковского к правительственной награде за успешные действия по взятию Чорткова…

Головной машиной вызвался идти Духов.

— Только попробуйте отстать от меня! — шутливо пригрозил он остальным.

Обещали не отставать. Приказ был такой: действовать дерзко, деревни проскакивать с ходу, вести максимальный огонь, с мелкими подразделениями в драку не ввязываться, главное — как можно быстрее ворваться в Коломыю и оседлать переправу через Прут.

После долгих, затяжных дождей выглянуло солнце, но земля еще не подсохла. По обе стороны дороги расстилались раскисшие поля. Только свернешь туда, и танк проваливается по самое брюхо, прилипая к земле, как муха к клейкой бумаге. Это очень тревожило танкистов; возможность маневра была ограничена до минимума.

Оставался один путь: мчаться вперед по шоссе во весь опор, рассчитывая на эффект

---

[75] Как сообщил мне тов. Бочковский, Алексей Михайлович Духов в дальнейших боях заслужил высокое звание Героя Советского Союза, с честью закончил войну и теперь живет в Ленинском районе Московской области.

[76] Тов. Катаев также успешно завершил войну и сейчас живет и работает в Москве

психической атаки.

Чернятин проскочили с ходу, дав лишь несколько пулеметных очередей. Но вот на подступах к деревне Сорока увидели на мосту знакомый угловатый силуэт «тигра». Как быть? Его пушка сильнее и бьет дальше… Духов притормозил, пригляделся. «Тигр» выглядел как-то странно: он перекосился, пушка его глядела вниз. Башенный стрелок радостно крикнул:

— Товарищ командир! Он завалился.

Действительно, «тигр» попал в капкан: мост не выдержал его тяжести, и он повис над водой, упершись пушкой в балки. Его можно было без труда расстрелять: он не мог отвечать орудийным огнем; а может, удастся его захватить целым?.. Автоматчики осторожно приблизились. «Тигр» молчал. Они подошли к нему вплотную и увидели, что люки открыты и танк пуст — экипаж бросил исправную машину.

— Мелкие люди! — ответил Бочковский, когда Духов по радио доложил ему об этом. — Оставь двух автоматчиков для охраны, а я сообщу нашим, чтобы увели этот «тигр» в бригаду…

«Тигр» потом вытащили тракторами, и он ушел в плен своим ходом, послушный советскому механику…

Переправившись вброд через мелкую речушку, отряд Бочковского ворвался в Сороку. Духов и Шарлай раздавили противотанковые пушки, открывшие было огонь по советским танкам, и на этом сопротивление противника закончилось. Бочковский разоружил полторы роты венгров, которым было поручено защищать Сороку, отправил их без охраны в Городенку с запиской: «Примите, товарищ Соболев, этих людей, они воевать больше не хотят» — и помчался дальше, к городу Гвоздец.

Здесь было дело серьезное: гитлеровцы, узнав о приближении советских танков, зажгли мост через реку Черняву и пытались задержать наших танкистов, пока он не сгорит. Духова встретил артиллерийский огонь. На шоссе глухо шлепались мины, посылаемые тяжелыми минометами. Бочковский по радио крикнул:

— Обходим с юга! Сейчас мы им устроим бледный вид оторванной жизни…

Танки попятились за бугор, свернули в рощу, и вскоре их пушки заговорили уже на противоположном конце города. Танкисты быстро подавили сопротивление; увидев, что они окружены, гитлеровцы утратили волю к сопротивлению. Дело было решено буквально в течение часа.

Но время близилось уже к полудню. Чувствовалось, что противник начинает приходить в себя, требовалось увеличить темп продвижения. Оставив танк для связи и отделение автоматчиков, которым было поручено довершить дела в Гвоздце, Бочковский собрал свой отряд в колонну и отдал приказ: «Полным ходом вперед, на Коломыю!»

Можно было ожидать, что гитлеровцы попытаются зацепиться за реку Турка, и действительно, у селения Подгайчики они встретили танкистов артиллерийским огнем. Мост через реку горел. На западном берегу был наспех сделан эскарп: гитлеровские саперы рассчитывали, что советские танки его не одолеют и застрянут в реке.

Наткнувшись на узел сопротивления, машины, шедшие в голове колонны, укрылись за домами и открыли огонь; тем временем Бочковский повел остальные машины в обход деревни. Гитлеровцы, увидев советские машины у себя в тылу, немедленно развернули все свои двенадцать противотанковых орудий против группы Бочковского. Завязался бой, а тем временем Игнатьев, Шарлай и Духов, воспользовавшись тем, что дорога оказалась свободной, рванулись вперед и, не останавливаясь, помчались в Коломыю. Пока Бочковский с остальными танкистами добивали гитлеровцев в Подгайчиках, они уже ушли далеко…

Сборный пункт перед решающей атакой на Коломыю был назначен в селении Циневе. Гитлеровцы попытались организовать сопротивление и там, но налетевшие ураганом танки Духова, Игнатьева, Шарлая, Катаева и Бондаря смяли их. Бросив восемь орудий, три миномета и два пулемета, фашисты в панике бежали. Увлекшись преследованием, танкисты устремились дальше, и, когда Бочковский с остальными машинами вступил в село, он там

уже никого не застал.

Бочковский был встревожен и раздосадован: он отдавал себе отчет в том, что за Коломыю гитлеровцы будут жестоко драться, и надо было, прежде чем начинать атаку, провести разведку, хорошо продумать и разработать в деталях план действий. Поэтому он немедленно передал по радио танкистам приказ остановиться и ждать его. Но было уже поздно: пять танков с ходу ворвались в Коломыю, и теперь оттуда доносилась яростная канонада. Как и опасался Бочковский, они сразу же попали в трудное положение.

Танкисты докладывали по радио, что они встретили сильное сопротивление. Шарлай торопливо говорил:

— Вижу справа и слева огневые точки противника… Подавили уже четыре пушки, автоматчиков скосил штук до двадцати, но их тут еще много…

Потом слышался голос Игнатьева:

— Веду бой… Сопротивление сильное… Есть «тигры»… Духов докладывал коротко:

— Принял удар на себя. Выстоим…

Когда капитан с группой танков примчался к Коломне, этому довольно большому, живописному городу, раскинувшемуся на реке Прут близ чехословацкой границы, он увидел страшную картину: близ железнодорожной станции из засады ведет огонь «тигр», увлекшийся погоней за бегущей пехотой, Шарлай идет прямо на него. Удар… Прямое попадание… С «тридцатьчетверки» Шарлая слетает башня. Вспыхивает пламя. Шарлай погибает. Его заряжающий рядовой Землянов, сидя рядом с трупом убитого командира, продолжает вести огонь из пулемета (за этот бой он, как сказано выше, получил звание Героя Советского Союза). Игнатьев, укрывшийся за домом, открывает по «тигру» огонь, но лобовая броня мощной немецкой машины неуязвима для его снарядов. «Тигр» дает ответный меткий выстрел и пробивает машину Игнатьева, башенный стрелок убит, сам Игнатьев тяжело ранен… Духов успел отскочить вправо, за другой дом. «Тигр» ударил по этому зданию, но Духов был уже за третьим домом… Оттуда он ударил «тигра» в борт и поразил, наконец, эту мощную машину; как с восторгом выразился рассказывавший мне об этом Бочковский, «тигр» «показал свои светлые глазки», что означало «загорелся».

Обстановка складывалась весьма неблагоприятно: соотношение сил далеко не в пользу наших танкистов. Станция буквально забита гитлеровскими эшелонами (потом их насчитали около сорока). На аэродроме Коломыи то садились, то взлетали самолеты.

Раздумывать было некогда: вокруг снова стали падать снаряды, пущенные пушками сверхтяжелых немецких танков, — это открыли огонь шесть «тигров», стоявших на платформах эшелона, лихорадочно готовившегося к отходу. Как на беду, подоспевшие на помощь авангарду Духова танки, совершая обходной маневр по пахоте, застряли в раскисшей жирной земле. Бочковский скомандовал по радио:

— Духову — вытаскивать танки буксиром, всем машинам — вести огонь по «тиграм».

Он сам припал к прицелу и открыл огонь. Один «тигр», получивший несколько прямых попаданий, опрокинулся с платформы, за ним — второй, но остальные продолжали стрелять. Засвистел паровоз, и эшелон медленно пополз по направлению к станции Годы. Гитлеровцы отходили к Станиславу. Бочковский даже зубами заскрипел от сознания собственного бессилия, когда увидел, что за первым эшелоном вытягивается второй, третий, четвертый…

Но, к счастью, Духову в это время удалось вытащить на дорогу танки Бондаря и Большакова, и капитан скомандовал всем троим по радио:

— Гоните к станции Годы! Приказываю догнать и остановить эшелоны!

Три танка помчались вперед. Еще две машины — Катаева и Сирика Бочковский послал «навести порядок» на аэродроме — они раздавили там несколько самолетов.

Тем временем Бочковский с остальными машинами выбрался на дорогу, ведущую к селению Пядыки. Но тут из леса бросилась в атаку на них туча гитлеровцев при сильной поддержке артиллерийского огня. Автоматчики встретили их огнем, но гитлеровцев было впятеро больше. Танки стреляли по атакующим из пушек. Неожиданно у Бочковского заклинило башню. Танкисты выскочили из машины и под огнем вручную развернули ее. Бой

продолжался…

Схватка длилась около двух часов, как вдруг на дороге послышался знакомый рев «тридцатьчетверок»: это возвращались Духов, Бондарь и Большаков. Им удалось-таки догнать и остановить эшелоны. Успех обеспечил смелым и расчетливым ударом танк Бондаря: его опытный водитель старший сержант Телепнев умело вывел машину на невысокую железнодорожную насыпь и толкнул боком отчаянно свистевший паровоз эшелона. Паровоз накренился и рухнул направо; Телепнев резко повернул машину влево, уходя от рушившейся громады эшелона; вагоны лезли друг на друга. Танк не получил никаких повреждений. Тем временем Духов и Большаков вели беглый огонь по эшелону. Следовавшие позади составы были вынуждены остановиться. Танкисты расстреляли и их.

Поручив десанту автоматчиков собрать сдававшихся в плен солдат и взять под охрану трофеи, танкисты помчались обратно и прибыли на помощь Бочковскому как раз вовремя…

Гитлеровцы, ошеломленные стремительным натиском танкистов, сдались в плен. Командир полка по приказу Бочковского выстроил солдат — их было восемьсот сорок семь — и сдал свои восемнадцать орудий, сто шестьдесят лошадей и много ручного оружия.

Но Коломыя все еще была в руках немцев, располагавших там, судя по всему, немалыми силами. А у Бочковского сил оставалось совсем немного. К тому же горючее и боеприпасы были на исходе. День клонился к вечеру. Бочковский связался по радио, через расставленные вдоль шоссе танки, с комбригом: его отряд ушел так далеко, что прямую связь, как и предвидел Горелов, поддерживать не удавалось.

Капитан условным кодом доложил об обстановке и попросил прислать, если можно, еще несколько танков взамен вышедших из строя. Он дал понять, что атаку на город намерен предпринять ночью. На подбитом, но сохранившем способность передвигаться танке Игнатьева капитан отправил в тыл раненых, в том числе и самого Игнатьева, состояние которого внушало тревогу: у него было перебито ребро.

Комбриг одобрил план Бочковского, и около полуночи лейтенант М. И. Демчук привел еще четыре машины из 1-го батальона бригады.[77] Танки несли на броне бочки с горючим и ящики с боеприпасами. Теперь Бочковский воспрянул духом: с такой силой можно решить задачу наверняка.

В два часа ночи капитан созвал командиров машин в хатке у дороги и посвятил их в свой план: надо обойти Коломыю по Станиславскому шоссе, вырваться к переправе через Прут, а затем уже ударом с тыла брать город. Духов, Катаев и Бондарь, чуть не испортившие все дело своей горячностью, были сконфужены и расстроены, и Бочковский, понимая это, не стал напоминать об их ошибке, стоившей жизни Шарлаю и тяжелого ранения Игнатьеву; тем более что Духов и Бондарь только что отличились, перехватив гитлеровские эшелоны. Пока капитан излагал свой план, фельдшер Николаев делал ему перевязку: открытая рана на лопатке, съедаемой остеомиелитом, сильно давала о себе знать…[78]

Глубокой ночью Бочковский двинул танки в обход Коломыи, оставив перед станцией одного Бондаря: ведя огонь и маневрируя, он создавал там видимость подготовки к атаке и отвлекал на себя внимание гитлеровцев. Первым на этот раз шел Катаев, за ним Духов и все остальные. Дорога была свободна, только на подступах к селению Флеберг выскочил откуда-то немецкий «тигр», но не успел он развернуть свою грозную пушку, как Катаев и Духов сразу же сшибли его, и отряд помчался дальше. Со Станиславского шоссе танкисты свернули на дорогу, шедшую вдоль реки Прут, и уже в четыре часа утра свалились, как снег

---

[77] Михаил Иванович Демчук и сейчас служит в танковых войсках. Ныне он уже полковник. Живет и работает в Москве.

[78] Когда исполнилось двадцать лет со дня освобождения Чорткова, Бочковский и его друзья, участвовавшие в этой операции, снова приехали в тот самый домик, где ночью они держали совет. Хозяин дома Яремчук, его жена и дочь сразу узнали гостей и с величайшей радостью приветствовали их. Дочь хозяина, которая в день боя была девочкой теперь работает там же, в деревне Пядыки, учительницей.

на голову, часовым, охранявшим переправу. Железнодорожный мост был взорван, но шоссейный еще стоял, хотя наверняка был заминирован, его, видимо, берегли для связи оставшихся в Коломые войск со своим тылом.

Расстреляв часовых из пулемета, Катаев влетел на мост. Выглянув из машины, он увидел нечто такое, от чего у него похолодело в груди: немцы успели поджечь бикфордов шнур, и сейчас золотая искорка быстро бежала к мине, заложенной под мостом. Дело решали секунды. Катаев прямо с башни прыгнул через перила и в воздухе весом своего тела оборвал шнур. Мост был спасен.

Оставив танки Катаева и Духова у моста, Бочковский повернул остальные машины на Коломыю и с рассветом ворвался в город, ведя огонь из всех пушек и пулеметов. Сопротивление было сломлено быстро, деморализованные внезапным ударом с тыла и отрезанные от переправы гитлеровцы бежали через юго-восточную окраину города, бросая оружие, и вплавь уходили за Прут, чтобы спастись в Карпатах. К половине девятого утра все было кончено.

Бочковский сиял от радости. Расставив на всякий случай танки в засадах в направлениях на Заболотув и Оттыня, он доложил по радио комбригу о том, что приказ командарма выполнен, и теперь разъезжал на своей боевой машине по городу, выступая уже в роли коменданта Коломыи. Отыскал где-то старшего механика электростанции, приказал ему дать ток и осветить город. На каком-то мелком заводике собрал рабочих, произнес перед ними речь, роздал им трофейные винтовки и организовал рабочую милицию по охране захваченных складов и поддержанию порядка… Вечером услышали по радио, как в Москве гремел салют в честь взятия Коломыи…

— Вот и все… — задумчиво сказал Владимир Бочковский, заканчивая свой рассказ. — Все участники рейда награждены. Шарлая представили к званию Героя посмертно. Игнатьев сейчас в госпитале, он тоже получил Золотую Звезду. В общем, работу нашу оценили высоко. — Он провел ладонью по лицу и задумчиво добавил: — Рассказывать, конечно, легче, чем воевать. Наверное, после войны многие будут книги писать, доклады делать, мемуары сочинять, кое-кто и прихвастнет, конечно, — без этого не обойдется. Но я все же думаю, что для пользы дела где-то надо вести абсолютно беспристрастный и точный реестр событий. Ведь на этих событиях после войны мы учиться будем… — Бочковский улыбнулся. — Я вам, кажется, уже говорил, что после войны пойду в академию. Это уж точно, решено и подписано, только дожить бы до Берлина.[79]

Капитан достает из сундучка большой синий альбом, который он возит с собой в танке. В нем аккуратно подклеены снимки, напоминающие о совсем недавнем и уже таком далеком детстве… Открытки с видами Крыма и Молдавии. Скромно одетые молодые люди — он и она, — это родители Бочковского; их лица сияют, они любят друг друга; жизнь после разрухи, вызванной гражданской войной, начинает налаживаться. А вот и сам будущий капитан — упитанный голенький младенец недоуменно таращит свои светлые глаза… Его братишка Толик… Сочи. Гостиница «Кавказская Ривьера»; здесь отец Бочковского работает кондитером. А вот снимок Николая Островского — школьник Бочковский был у него с

---

[79] Ветеран 1-й гвардейской танковой армии Нурмухамет Газизович Рахимкулов, который теперь живет в Башкирской АССР, откликаясь на мой очерк «История одного танкиста», в котором я рассказал о рейде на Коломыю, прислал мне в 1965 году письмо.

«…Я — участник этих боев, — пишет он, — был в десанте автоматчиков. Было мне тогда всего девятнадцать лет. И вот, хотя прошел уже 21 год с тех пор, а у меня перед глазами — полная картина танкового рейда. Никогда не забуду, как мы мчались вперед, сидя на броне танков Бочковского, Духова, Катаева, Игнатьева, как мы атаковали гитлеровцев, как разоружали мадьяров, как гнались за эшелонами противника на пути к станции Годы, как освобождали Коломыю.

Очень прошу вас добавить, что в эту победу внесли свой вклад и стрелки-десантники. Я хотел бы разыскать однополчан, с которыми прошел немалый путь, — после похода к Карпатам мне довелось сражаться за Тернополь, Львов, Перемышль. В сентябре 1944 года я был тяжело ранен, и после лечения в госпитале меня демобилизовали…»

пионерской делегацией.

Еще снимки: Крым. Отец живет и работает в одном из санаториев Алупки, а дети — Володя и Толик — учатся тут же в десятилетке. Володя уже председатель учкома и страстный спортсмен: вот он на фотографии в трусах и полосатых чулках с футбольным мячом на согнутом локте. Не шутите, Владимир Бочковский играет в сборной команде Ялтинского района! Девушки в белых спортивных платьях на параде… И выпуск десятилетки, выпуск 1941 года веселый чубатый хлопец глядит прямо в аппарат, не подозревая о том, что идут последние дни мирной жизни. Он мечтает об отдыхе, потом об институте…

(Когда было опубликовано первое издание этой книги, я получил письма от некоторых соучеников Бочковского. Далеко разбросала война мальчиков и девочек из Алупки, опалив их судьбы своим пламенем, но узы юношеской дружбы не ослабли.

Виталий Бобров, который когда-то играл с Бочковским в футбол, — он был в защите, а Володя в нападении, — писал: «К своему огорчению, я не знал, что Бочковский учился в Харьковском танковом училище; ведь я проходил обучение почти рядом — в нескольких стах метрах — в Харьковском пехотном училище, а случай встретиться не помог. Потом был фронт, и нас разнесло в разные стороны. Сейчас работаю секретарем парткома в совхозе «Красная житница» Оренбургской области».

П. М. Шакалов — учитель, живущий нынче в селе Артюшкино Ульяновской области, вспоминал:

> «Приехал к нам Володя из Тирасполя — веснушчатый, круглолицый, хорошо упитанный мальчишка. В летнее время от морской воды и солнца его чуб принимал рыжий оттенок и торчал, словно плавник у ерша. Особой задиристостью он не отличался, но ребята его уважали. Передайте ему привет от алуштинцев, с которыми я встречаюсь каждый год, когда приезжаю в отпуск. Один из них работает в Артеке, капитаном пионерского флота. Зовут его Сергей Засядько».

Анна Таракчиева, которую судьба занесла в город Кировакан Армянской ССР, — она работает там в Тоннельно-мостовом отряде № 2, - прислала мне школьную фотографию, снятую 1 мая 1937 года, когда Бочковский учился в 6-м классе, а она в 5-м, и они дружили.

> «К их выпуску, — писала она, — я процитировала очень неумелые, но написанные от души стихи, которые и на стихи-то непохожи: «Будьте артистами, будьте пилотами, будьте танкистами, будьте детьми, достойными родины славной своей!» И вот, в отношении Володи стихи эти оказались вдруг пророческими, он действительно стал танкистом, да еще каким — Танкистом с большой буквы!»

Копии всех этих писем я тогда же передал генералу танковых войск Бочковскому).

После ожесточенных мартовских боев командарм вызвал Бочковского и сказал ему:

— Вот что, Володя, поработал ты хорошо, честно заслужил свою Золотую Звезду и повышение по службе. Но я понимаю, что у тебя сейчас на душе все же кошки скребут. Мне говорили, что ты так и не получил ни одного письма из освобожденной Алупки. Так вот, врачи дают тебе месячный отпуск, чтобы долечить левую лопатку (мне говорили, что твой остеомиелит опять дает сильное нагноение). Поэтому властью, мне данной, предоставляю тебе полуторку и пять бочек бензина на дорогу — поезжай-ка ты в Крым. Там и свой остеомиелит подлечишь на солнышке и, быть может, узнаешь что-нибудь о родных.

Бочковский стал по команде «смирно» и приготовился отчеканить слова благодарности, но что-то клещами сжало ему горло, и на глазах выступили предательские слезы. Командарм осторожно обнял его за здоровое плечо:

— Ладно, Володя, не надо… Поезжай…

Назавтра Бочковский укатил на юг. На всякий случай он заехал в Тирасполь — поискать знакомых по старым адресам, и, к величайшему удивлению и радости своей, вдруг

встретил там поседевшую мать, уже утратившую надежду увидеть когда-нибудь своих сыновей. Она, плача, рассказала Володе, как жестоко преследовали оккупанты родителей офицера. Отца угнали в Германию. Он прислал оттуда письмо: «Нахожусь в Дармштадте, северные лагеря, барак № 4. Работаю на черной работе». На этом связь оборвалась…

— Теперь вы понимаете, как важно мне дожить до Германии, — тихо сказал в заключение Бочковский. — Всю ее пройду насквозь, а отца разыщу и за потерянных друзей расплачусь… Отцу за пятьдесят… Доживет ли до встречи?

* * *

И еще одну реликвию возит в своем сундучке Бочковский: это обуглившаяся по углам записная книжка в черном клеенчатом переплете. Это все, что осталось ему на память о юном друге Юре Соколове, которого он похоронил 7 июля 1943 года под Обоянью.

— Вот, почитайте, — глухо говорит он. — Какой был человек!

Записи в книжке начинаются формулами аэродинамики: силы сопротивления, тяга винта, угол атаки… Он мечтал до войны стать летчиком. Авиация его влекла и потому, что брат девушки, которую он любил, был пилотом, они дружили.

«27 февраля 1941 года. Разбился Гриша (брат Нади)» — записано в дневнике Соколова.

Но это трагическое событие не отвлекло его от авиации. Наоборот, он еще более решительно добивается посылки в летную школу. Он хочет заменить в строю брата Нади, — Надежды Губаревой. Ее имя часто встречается на этих обгорелых страничках, но даже наедине с собой Юра Соколов был скуп на слова. Только один раз после слова «Надя» он вдруг записал: «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой. Все для тебя — и любовь, и мечты…» Товарищи слыхали, как перед последним боем он сказал своему ровеснику Шаландину, которому было суждено погибнуть почти одновременно с ним: «Если что-нибудь случится, напиши Наде. Запомни: Москва, Сокольники… дом 21». Название улицы друзья в суматохе запамятовали.

В свой дневник Соколов записывал только самое важное, что было в его короткой жизни:

> 5 мая 1939 г. Принят в ряды ВЛКСМ школьным комсомольским собранием.
>
> 7 июня 1939 г. Получил комсомольский билет № 7044363.
>
> 22 июня 1941 г. Началась война. Добиваюсь посылки на фронт. Пока не берут.
>
> 1 июля 1941 г. Мобилизован комсомолом на строительство укреплений в районе Вязьмы.

Дальше идут записи о прочитанном: Чернышевский, Герцен, Добролюбов. Адреса школьных товарищей. Когда все это было записано? Наверное, еще до войны. И снова продолжение хроники событий:

> 9 марта 1942 г. Исполнилось 18 лет.
>
> 17 марта 1942 г. В летчики не берут, буду танкистом. Сегодня принят в Харьковское бронетанковое училище.
>
> 24 апреля 1942 г. Первое вождение боевой машины.
>
> 9 ноября 1942 г. Присвоено звание лейтенанта.
>
> 19 февраля 1943 г. Выехали на фронт.
>
> 23 февраля 1943 г. Попал в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

Ему не было еще девятнадцати лет, когда он пришел в часть. Встреча с ветеранами танковой бригады взволновала его, и вдруг он разразился длинной лирической записью о том, что ему вспомнились страницы «Войны и мира», посвященные приведу Денисова в дом Ростовых: «…Там все было наполнено памятью о пережитом. Тысячи нитей, трогательные,

хорошие и смешные воспоминания связывали людей. Тепло старой, крепкой семьи. Тепло верных стен, под защитой которых рождались, жили, думали и умирали. Углов, где в сумерках сидели, тесно прижавшись, обещали навсегда дружить…»

И в эти же дни Соколов вписал в свою книжку еще несколько полюбившихся ему высказываний:

> В этой жизни помереть нетрудно, сделать жизнь значительно трудней. (В. Маяковский).
>
> Важно только одно: любить народ, Родину, служить им сердцем, душой. Работайте, учитесь и учите других.

Дальше чертеж и формулы стрельбы из танка на ходу по неподвижным целям, и вот последняя торопливая запись карандашом:

> Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за Свой народ.
> (Зоя Космодемьянская).

Вечером в тот же день Соколов погиб. Бочковский вывез его мертвое тело с поля боя на броне своего танка.

* * *

…Вернулся я в Сады Мале к полудню третьего июля. Меня ждали две телеграммы, требующие возвращения в Москву. Да я и сам понимал, что дольше задерживаться нельзя, и так я отсутствовал в редакции почти целый месяц. Надо было собираться в обратный путь.

Командарма я встретил на дороге. Он шел, немного сгорбившись, отираясь на палочку, в мундире и в домашних туфлях. За ним неотступно следовали профессор Беленький, адъютант, вестовой и автоматчики — все с большими кульками, свернутыми из газет: генерал шел в лес по грибы — старинная, с детства, страсть. У меня сразу засосало под ложечкой: по опыту я знал, что если генерал в разгаре штабной работы отправляется собирать цветы, грибы или ловить рыбу — значит, активные боевые действия вот-вот начнутся.

На холмах вокруг хутора стоял прекрасный южный лес — граб, ясень, береза. На полянах — пестрый ковер цветов. Уйма земляники в траве. Да и грибов после недавних дождей немало… Генерал внешне спокоен, много шутит, рассказывает разные разности. Наткнувшись в заглохшем, давно заброшенном саду на глубокий колодезь, он немедленно учиняет своим спутникам экзамен по механике: вынут секундомер, автоматчик собирает камушки. Брошенный в колодезь камень достигает дна в три секунды — какова глубина?.. Спутники смущены… Катуков подсказывает: ускорение… квадрат времени… разделить пополам… Эх, вы, ученые люди! Военные все должны знать, никогда заранее не представишь себе, что понадобится тебе в бою…

Потом на ходу идет разговор о Богдане Хмельницком, о превратных судьбах дубенского плацдарма в разных войнах, проходивших здесь, о хирургии, о нервной системе. После долгой прогулки сидим под черешней, и генерал сосредоточенно сортирует грибы, разъясняя профессору, как отличать ядовитые от съедобных, и показывая, как надо чистить подберезовики, сыроежки, подъяблоневик, белый гриб. Он приказывает тут же зажарить собранные грибы, и вестовой бежит с ними на кухню… «Сегодня я ем грибы и только грибы!» — кричит вдогонку генерал.

В это время у хаты останавливается запыленный «виллис», и с него легко спрыгивает улыбающийся начальник штаба армии. Снимая на ходу и отряхивая от пыли свою фуражку, Шалин вытирает платком бритую голову и деликатно обращается к командарму со своими обычными словами: «Я к вам на минуточку, Михаил Ефимович…»

И как всегда, минуточка Шалина растягивается на несколько часов. Свежие

поджаренные грибы остаются забытыми, — они достанутся на долю автоматчиков, сопровождавших командарма.

Когда уже стемнело, оба генерала ненадолго вышли из хаты, чтобы присутствовать на открытии давно запланированного смотра армейской самодеятельности. К ним присоединился член Военного совета генерал Попель. Вокруг собрались крестьяне. Во время концерта Катуков заприметил в толпе старую женщину, которая стояла, опершись на палку. Ей явно было трудно стоять на ногах, но советские песни и пляски ее заинтересовали, и она не уходила.

Генерал встал, подошел к старой крестьянке и усадил ее на стул рядом с собой. Взволнованная старая крестьянка сидела на кончике стула, распрямив спину, а генерал подбадривал ее: «Устраивайтесь поудобнее, мамаша, мы же все свои люди, я сам крестьянский сын».

Вскоре Катуков, Попель и Шалин покинули концерт и снова уединились в хате, продолжая работу над планом операции. Там, за плотными шторами, до утра горел яркий свет аккумуляторных ламп…

* * *

…Назавтра я распростился со своими старыми друзьями-танкистами и вернулся в Москву. А недели через две в газетах запестрели сообщения с 1-го Украинского фронта — его армии пришли в стремительное движение и хлынули потоком на Львов, Перемышль, на Сандомир, захлестывая попадавшие в окружение гитлеровские дивизии, занимая десятки крупных городов и тысячи селений.

Не случайно так много времени было уделено командованием подготовке этой операции. Видное место в плане отводилось танкистам.

— Мы кое-чему научились… — Эта скромная фраза генерала Катукова, оброненная им как бы случайно на прогулке, напоминала об очень многом, и глубокий смысл ее мы постигали в дни, когда каждый час приносил вести о новых продвижениях танкистов, о лихих и быстрых маневрах, об искусных, уверенных ударах, которые они наносили уже по ту сторону Западного Буга. Они стремительно прорвались через все три линии немецкой обороны, прошли через болота, через торфяники, через осушительные каналы, каждый из которых — готовый противотанковый ров, и пересекли Западный Буг, который немецким генералам казался неприступным.

Читаю скупые сводки о продвижении наших войск на этом направлении, я вдруг вспомнил, как часто камандарм танкистов напоминал своим танкистам о пользе изучения военных записок Брусилова, воевавшего в этих же самых местах. Раскрыв эти записки, я прочел такие слова, посвященные Брусиловым операции, проведенной им с 22 мая по 30 июля 1916 года:

> «…У австро-германцев было твердое убеждение, что их восточный фронт, старательно укрепленный в течение десяти и более месяцев, совершенно неуязвим; в доказательство его крепости была даже выставка в Вене, где показывали снимки важнейших укреплений. Эти неприступные твердыни, которые местами были закованы в железобетон, рухнули под сильными, неотразимыми ударами наших доблестных войск. Что бы ни говорили, а нельзя не признать, что подготовка к этой операции была образцовая, для чего требовалось проявление полного напряжения сил начальников всех степеней. Все было продумано и все своевременно сделано».

Двадцать восемь лет спустя сыновья брусиловских солдат, одетые в форму танкистов, летчиков, пехотинцев, в течение трех-четырех дней прошли путь больший, нежели тот, на который их отцам потребовалось более двух месяцев. И если Брусиловский прорыв по праву занял виднейшее место в истории военного искусства, то как, какими словами будущие

историки оценят стремительные и грозные операции, которыми так обильна летопись Отечественной войны в период лета 1944 года?..

Польская тетрадь

Я перелистываю последнюю тетрадь своего походного дневника. На ней надпись: «Польская тетрадь, 1944». Обстоятельства сложились так, что мне не довелось следовать со своими фронтовыми друзьями дальше…

Итак, восьмое октября 1944 года. Я снова лечу в действующую армию — на этот раз к берегам Вислы. Где-то там, неподалеку, стоит сейчас 1-я гвардейская танковая армия, она только что отличилась при захвате обширного плацдарма на западном берегу реки, у города Сандомир.

На московском аэродроме неожиданно встречаю своего фронтового знакомого — генерала Николая Ивановича Труфанова, одного из героев Сталинградской битвы. Я видел его в трудных боях на Украине. Расстались мы с ним, когда он был назначен комендантом только что освобожденного Харькова; на него легла тогда невыразимо тяжелая задача — вдохнуть жизнь в умерщвленный гитлеровцами огромный город. И вот теперь, год с лишним спустя, он воюет уже в Польше, за Люблином. Николай Иванович уговаривает меня заглянуть в войска генерала Колпакчи, где он сейчас служит, тем более что это мне по пути.

Москва провожает нас дождем и туманом. Почти до самого Минска летим в сплошной облачности, вслепую. Самолет зверски бросает. И вдруг над Минском черные тучи расходятся, в просветах сверкает солнце, и под нами раскрывается неописуемое зрелище — мы видим свежие следы совсем недавно закончившейся тут величайшей битвы этой войны: бесконечные зигзаги окопов, тысячи глубоких воронок, нескончаемые вереницы обгоревших автомобилей, танков, выгоревшие дотла селения, на аэродромах изуродованные немецкие самолеты, на огневых позициях — умолкшие батареи.

Мы молча вглядываемся в иллюминаторы, бессильные подавить охватившее нас волнение. О том, что здесь произошло, было уже много написано и рассказано; статьи, фотографии и кинокадры фронтовых корреспондентов разнесли по всему свету картины, изображавшие катастрофу гитлеровской армии в Белоруссии. И все же надо было увидеть это своими глазами с воздуха, чтобы составить себе полноценное представление о масштабах беспрецедентной операции, в ходе которой наши войска разбили вдребезги вражескую группу армии «Центр» и продвинулись на запад на 550–600 километров.

Зажатая в клещи, разрубленная на части, загнанная в котлы, отборная группа армий Гитлера была буквально раздавлена. В памяти у всех нас была свежа картина, которую москвичи увидели в один из июльских дней: конвоиры провели по улицам столицы колонну из 57 600 пленных гитлеровцев, захваченных в Белоруссии. В числе пленных были двенадцать генералов — три командира корпуса и девять командиров дивизий.

В ту пору каждый вечер в Москве гремели один за другим артиллерийские салюты в честь новых и новых побед, и по ночам мы в типографии мудрили вместе с метранпажами, как разместить на страницах газеты все приказы Верховного Главнокомандующего с благодарностью победителям, — так много было этих приказов…

Я по старой дружбе продолжал особенно внимательно следить за боевыми действиями 1-й гвардейской танковой армии. Она действовала в составе 1-го Украинского фронта, войска которого в эти дни нанесли серьезные поражения группе гитлеровских армий «Северная Украина», освободили Львов, продвинулись на запад более чем на двести километров, форсировали Вислу, захватили и укрепили большой плацдарм на ее левом берегу.[80]

---

[80] По данным, приведенным в научном труде «Великая Отечественная война», 1-й Украинский фронт, начиная эту операцию, имел 7 общевойсковых, 3 танковые и воздушную армии, 3 отдельных танковых, 2 кавалерийских корпуса и другие отдельные части и соединения. Всего на фронте насчитывалось 1 200 000

Замысел наступления, вошедшего в историю под названием Львовско-Сандомирской операции, предусматривал рассечение войск оборонявшегося противника и разгром их по частям мощными ударами на Рава-Русском и Львовском направлениях с дальнейшим выходом на Вислу (стр. 259).

События на участке, где действовали наши друзья-гвардейцы, развивались следующим образом.

Вначале 1-ю гвардейскую танковую армию двинули в наступление на Раву-Русскую вместе с 3-й гвардейской армией генерала В. Н. Гордова, 13-й армией генерала Н. П. Пухова, — давней соратницей катуковцев еще по битве 1942 года под Ельцом, — и конно-механизированной группой генерала В. К. Баранова.

Эта операция началась действиями разведывательных рот и отрядов на участке 3-й гвардейской и 13-й армий вечером двенадцатого июля 1944 года. Наутро после артиллерийского налета вступили в действие передовые батальоны. Четырнадцатого июля перешли в наступление главные силы 3-й гвардейской и 13-й армий. Вскоре Катуков получил приказ — помочь пехоте прорвать вторую полосу обороны противника, — гитлеровцы оборонялись упорно и яростно. В бой была брошена 1-я гвардейская танковая бригада. Сражение продолжалось три дня. В конце концов, сопротивление гитлеровцев удалось сломить, их оборона была прорвана, и в 10 часов утра 17 июля 1-я гвардейская танковая армия ринулась на запад.

Наиболее стремительно продвигалась вперед 44-я гвардейская танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса под командованием полковника И. И. Русаковского (бывшая 112-я танковая). Уже к 22 часам 17 июля она достигла реки Западный Буг в районе Доброчина, первой вышла на государственную границу СССР. Ее разведывательная группа в составе трех танков под командованием капитана Иванова даже сумела с ходу форсировать реку и захватить плацдарм, который вскоре был использован катуковцами для развития наступления.

Далее, пройдя Сокаль-Крыстынополь, 1-я гвардейская танковая армия, преследуя фашистов, двинулась к реке Сан, держа направление на Ярослав. Полевые армии шли за нею, закрепляя занятое пространство и создавая окружение Бродской группировки гитлеровцев, которая вскоре была ликвидирована.

Наступление развивалось в быстром темпе. Двадцать третьего июля части 1-й гвардейской танковой армии вышли на реку Сан и вскоре освободили Ярослав. Сюда поспешила гитлеровская 24-я танковая дивизия, прибывшая из Румынии, но она была сокрушена.

Одновременно по приказу командующего фронтом маршала Конева генерал Катуков направил свой 11-й гвардейский танковый корпус на помощь танкистам генерала Рыбалко, наступавшим на крепость Перемышль. Эта крепость была взята двадцать седьмого июля совместным ударом частей 3-й гвардейской танковой армии и 11-го гвардейского танкового корпуса.

В тот же день вечером маршал Конев поставил перед 1-й гвардейской танковой армией задачу: через Лежайск — совершить стокилометровый марш к реке Висла, войти на ее берег в районе городов Баранув и Тарнобжег, форсировать ее и захватить плацдарм. И эта задача была выполнена. Двадцать девятого июля передовые отряды, — 1-я и 44-я гвардейские танковые бригады, — вместе с передовыми отрядами 13-й армии переправились через Вислу на подручных средствах. Вскоре подошли главные силы, и началась битва за плацдарм в

солдат и офицеров, 13 900 орудии и минометов, 2200 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 2800 самолетов. Войскам фронта противостояла удерживавшая фронт от Припяти до Карпат группа немецких армий «Северная Украина», в состав которой входили 900 000 солдат и офицеров, 6300 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий и 700 самолетов. Была создана прочная многополосная оборона.

Замысел наступления, вошедшего в историю под названием Львовско-Сандомирской операции, предусматривал рассечение войск оборонявшегося противника и разгром их по частям мощными ударами на Рава-Русском и Львовском направлениях с дальнейшим выходом на Вислу (стр. 259).

районе города Сандомир.

Утром 1 августа 1944 года танки и артиллерия 8-го гвардейского механизированного и 11-го гвардейского танкового корпусов уже были за Вислой. На правом берегу реки оставались лишь 64-я гвардейская танковая, две мотострелковые и одна самоходно-артиллерийская бригады — они отражали атаки противника с севера и с юга. Тем временем по паромным переправам, наведенным катуковцами, за Вислу уходили войска 3-й гвардейской танковой армии. Двигались туда и другие соединения — битва за Сандомирокий плацдарм была очень трудной.

Маршал Катуков рассказывал мне после войны, вспоминая об этих боях, что Гитлер придавал особо важное значение битве на Сандомирском плацдарме. Понимая, что плацдарм может быть использован советскими войсками для нового, далеко идущего стратегического наступления, конечной целью которого стала бы окончательная победа над Германий, Гитлер приказал вермахту любой ценой сбросить русских в Вислу, и сам посылал туда свои резервы.

Борьба за Сандомирокий плацдарм продолжалась до восемнадцатого августа и была жестокой и кровопролитной. Но в конечном счете наши войска отбили все контратаки гитлеровцев, и в ходе дальнейших наступательных боев Советской Армии этот плацдарм сыграл немаловажную роль.

В ночь на 21 августа 1-я гвардейская танковая армия была выведена во второй эшелон фронта.

Наряду с другими первоклассными механизированными соединениями Советской Армии, 1-я гвардейская танковая армия действовала отлично, но, по понятным соображениям военной тайны, газеты до поры до времени не сообщали о том, где она и что делает. Разрешалось публиковать лишь сообщения о боевых подвигах тех или иных танкистов или в лучшем случае отдельных подразделений армии. С этим ограничением приходилось мириться.

Тем не менее мы были в курсе боевых дел своих друзей-танкистов: время от времени фельдъегери, развозившие по соответствующим учреждениям фронтовую почту, доставляли нам письма, которые надлежало вскрывать в отсутствии посторонних лиц, а содержавшиеся в них записки полагалось уложить в самый дальний угол редакционного сейфа. Записки эти, ориентировавшие нас в боевых делах в пределах того, что уже переставало быть секретным, очень помогали разобраться в потоке безымянных. официальных сообщений о каком-нибудь бое за населенный пункт П. или Я. или о форсировании реки С. или В.

Я сохранил некоторые из этих записок, написанных ближайшими сотрудниками командарма и им самим; прочтите их, — они прекрасно передают стиль той эпохи и настроение, владевшее людьми.

* * *

> «Жизнь в нашем хозяйстве хороша, да день мал. Работу начали 13.7 частью сил, а полностью с 16 числа. Работать стало тяжельше, чем раньше, немцы крупные силы бросают на нас, имеем потери и от атак с воздуха, а потом учтите, что на нашем пути, как вам известно, три реки. Помните, в Сады Бельке мы глядели карту брусиловского похода? Ну так вот, она пригодилась.
>
> Я все время в разъездах с М. Е. (Катуковым. — Ю. Ж.), в день ездим по 200 километров. Очень устали, но настроение боевое. Сейчас опять вышли на немецкие тылы, и дальше дело пойдет веселее.
>
> Посылаю вам последние номера армейской газеты, может быть, выберете для печати некоторые эпизоды про отдельных наших героев, это разрешается. Людей вы всех знаете, с ними встречались и сумеете добавить их личное описание от себя.
>
> На этом я кончаю. Плохо вам пишу потому, что очень тороплюсь, — сейчас опять едем на передовую.
>
> А. Кондратенко. 1. VIII. 44 г.»

* * *

«Получили ваше письмо, привезенное Малининым. Бочковскому ваш привет завтра передаст Кондратенко.

Мы начали воевать 13 июля — силами Горелова, — Кондратенко мне сказал, что он уже написал вам об этом. В наступление перешли два общевойсковых «хозяйства», а наш Горелов им помогал. 16–17 июля в прорыв вошли наши основные силы. Курс взяли на Раву-Русскую, а дальше нас повернули на Ярослав и Перемышлъ. Наступали вместе с конниками Баранова.

По пути устроили гитлеровцам «котел» в Бродах — там окружили восемь немецких дивизий. Затем наши войска опять вместе с конниками Баранова переправились через Сан и заняли плацдарм на западном берегу — в районе Ярослава. В тот же день наши передовые части вместе с другими войсками вышли к Висле и стали с ходу ее форсировать. Переправившись у Баранува, сразу же начали расширять плацдарм.

В сводках Информбюро, по понятным вам причинам, о нас долго не писали, вместо фамилии М. Е. указывались «войска Новикова».

Но теперь дело в основном сделано, и совершенные нами операции уже не имеют такой секретности, как в период наступления.

В общем, мы форсировали три реки — Западный Буг, Сан и Вислу. Операция была трудная, но очень интересная. Сейчас еще идет бой.

Дрались все отлично. Пехота от нас не отставала. А вот сейчас, когда перебрасывались в Баранув, был такой момент, что прошли за сутки 150 километров, из них 50 — с боем.

Люди прямо-таки делали чудеса. Особенно хорошо дрались части Темника, Горелова, Бабаджаняна! Теперь, когда нас рассекретили, вы много узнаете из сообщений корреспондентов.

Противник на нашем участке сосредоточил большие силы, но их все же наши танкисты сломили.

М. Е. просит не обижаться, что не пишет сам. Поручил мне, — юн очень занят. Даже совсем не спит, все время в разъездах. Сейчас только приехал и сразу ушел к Москвину (фронтовой псевдоним начальника штаба 1-й гвардейской танковой армии генерала М. А. Шалина. — Ю. Ж.).

Привет. Е. С.»

* * *

«Юрий Александрович! Письма твои получил. Не писал потому, что после того, как ты уехал, у нас начались бои, рейды, форсирование Буга, Сана и Вислы, а потом бои на плацдарме, что на западном берегу Вислы. Бойко, Боярский и Бочковский живы и здоровы. Подгорбунский погиб смертью героя и похоронен в Дембе.[81] Потери были немалые. Горелов теперь работает заместителем у Дремова (командира механизированного корпуса. — Ю. Ж.). Его заменил А. Темник. Бабаджанян (командир бригады. — Ю. Ж.) ранен в горло и лежит у нас в госпитале. Гусаковский (тоже командир бригады. — Ю. Ж.) представлен к званию Героя Советского Союза, но указа о награждении пока нет.

---

[81] Соратник Владимира Подгорбунского Г. И. Иванов, гвардии старший лейтенант в отставке, служивший помощником начальника штаба по разведке в танковом полку 19-й гвардейской механизированной бригады пишет мне о нем: «Да, действительно это был храбрый, умный, боевой гвардеец. Жалко, что он погиб. Как мне рассказывали, он выпрыгнул из подбитого горящего танка, будучи раненым. Возле танка Володя упал лицом вниз, охваченный пламенем. Никого поблизости не было, чтобы его спасти. Обгорел он так сильно, что потом, когда подошли наши гвардейцы, опознать его смогли только по Золотой Звезде Героя, которую он грудью прижал к земле».

Все. Жму руку.
М. Е. Катуков».

Я слыхал, что после жестоких сражений на Сандомирском плацдарме 1-я гвардейская танковая армия была выведена из боя на пополнение и для подготовки к новым, еще более значительным и важным операциям. Естественно, что мне не терпелось побыстрее свидеться со старыми друзьями и подробнее расспросить их о пережитом. Но до этого мне предстояло провести еще целый месяц у летчиков Покрышкина и, кроме того, хотелось воспользоваться любезным приглашением Н. И. Труфанова и заглянуть к пехоте, которая бдительно обороняла плацдарм на левом берегу Вислы в ожидании, пока Красная Армия соберется с силами для нового сокрушительного удара…

— Вы не можете себе представить, какой подъем сейчас царит в войсках, — сказал мне Николай Иванович, задумчиво глядевший вместе со мной в иллюминатор на вздыбленные поля недавних боев в Белоруссии. — Люди понимают, чувствуют, что до окончательной победы рукой подать. Еще две, от силы три таких операции, как Белорусская, и мы будем в Берлине. Вы представляете себе, — в Берлине! Мог ли я думать в ту страшную морозную ночь, когда мы переходили в свое первое наступление южнее Сталинграда, что мне посчастливится дожить до Берлина? А теперь похоже на то, что доживу…

Он примолк, в глазах его вспыхнул мрачный огонек, и он добавил:

— Хотя, как знать… На войне продолжают убивать.

— Доживете, Николай Иванович, доживете! Вы везучий человек, — помните, как тогда при артобстреле у Белгорода немецкие снаряды вас обошли? — засмеялся я.

Генерал улыбнулся:

— Ну что ж, пусть будет по-вашему.[82]

Но вот и Польша. Мы сразу узнаем ее по непривычному рисунку пейзажа: частые разровненные хутора, дробные полоски крохотных пашен и огородов, узкие дороги, обсаженные деревьями.

Садимся на аэродроме Дысь у Люблина. Пузатые «дугласы» втиснулись хвостами в молодой лесок у дороги, ища маскировки. Их крылья осыпает золотая листва. Пахнет осенью. Красное солнце медленно уходит в лес. Насколько, все же, здешний октябрь теплее нашего, московского!

В сумерках въезжаем в большой город, непохожий на наши. Старинные особняки, какие-то памятники. Оживленные толпы людей на улицах. Мы тщетно ищем гостиницу «Европа», в которой, как меня уверяли в Москве, живет корреспондент ТАСС Афонин, — я собирался к нему присоединиться. Наконец находим, но увы! В вестибюле вежливый польский офицер долго и обстоятельно объясняет нам, что «Европа» кончилась, — была, но кончилась, и теперь тут ниц нема — ни жильцов, ни администратора, а есть тут уч-реж-де-ние.

Утратив всякую надежду поселиться в гостинице, я решаю воспользоваться гостеприимством генерала Труфанова, и мы ночью на большой скорости мчимся на его военной машине по засыпанным желтым листом дорогам в армию Колпакчи.

Тайна старого замка

— Вы, журналисты, всегда любите откопать что-нибудь этакое необычайное, я бы сказал, экзотическое, о чем никто никогда не слыхивал, заметил, беззлобно подтрунивая надо мною, Николай Иванович, когда мы с ним наутро в ожидании завтрака вышли прогуляться по польской деревне, где разместился штаб армии.

---

[82] Генерал Н. И. Труфанов с честью дошел до самого конца войны и продолжал свою военную службу в мирное время

По правде оказать, мне, впервые попавшему в Польшу, да и вообще никогда не бывавшему за рубежом, многое здесь было внове и впрямь казалось экзотическим: солидные каменные дома, окруженные тщательно ухоженными садами; затейливые веранды, увитые диким виноградом и плющом, огненно-красные листья которого, медленно кружась в вое духе, падали на вымощенные галькой дорожки; крестьяне в своих колоритных костюмах. А Николай Иванович, на мгновение задумавшись, вдруг сказал:

— А ведь я могу вам показать одно действительно экзотическое место, оно даже меня поразило, а ведь я видывал виды. Это замок Фирлеев за Вислой, его брала наша 312-я дивизия, и сейчас там наш наблюдательный пункт. Замечательная дивизия, ей присвоено наименование Смоленской за победу под стенами Смоленска. Каждый солдат — орел. Сейчас я как раз туда еду. Хотите составить компанию? Вот там вы действительно найдете для себя необычный сюжет. Подумайте…

Повторять приглашение не потребовалось. Когда за завтраком генерал рассказал мне историю, связанную с замком Фирлеев, я сразу же загорелся желанием немедленно отправиться туда, тем более что замок этот находился на одном из интереснейших участков фронта. Там, за Вислой, армия Колпакчи, вырвавшаяся в недавних боях к реке и зацепившаяся за ее западный берег, упорно и основательно готовилась к новому прыжку на запад. В штабах в ту пору много говорили об искусстве и дерзости наших передовых отрядов, которые с ходу заняли прекрасные плацдармы по ту сторону Вислы, считавшейся в ставке Гитлера неприступной преградой, и я давно мечтал побывать в одном из таких отрядов.

Плацдарм, захваченный солдатами Колпакчи, был выгнут за Вислой, словно туго натянутый лук, от тихого городка Пулавы в обход Яновца к излучине реки. Там, на высоком каменистом мысу, и стоял полуразрушенный древний замок, о котором рассказывал мне генерал.

Когда мы поднялись по усыпанной щебенкой тропе к подножью одной из башен, генерал снял фуражку и взволнованно сказал:

— Вот здесь и произошло все это… Обратите внимание: какую превосходную позицию отдали нам немцы!..

На крутом мысу было тихо. Только изредка вдали, за синим лесом перекатывались отдаленные раскаты грома. Широкая могучая Висла огибала этот непокорный выступ. Позднее ноябрьское солнце серебрило чешуйчатую волну. В древнем парке шуршал сухой лист, и одичавший виноградник жалобно протягивая к небу опаленную первыми холодами медь своих плетей.

Мы прошли по шаткому цепному мосту над глубоким рвом, и древнее каменное гнездо рода Фирлеев предстало перед нами во всей красе. Время долго и упорно точило его старые белые камни, но стены и башни, сложенные четыре столетия назад, еще хранили величие и благородство линий.

Под сводами парадного въезда, иссеченными ядрами и пулями, висел железный щит с изображением рыцаря в латах, и тонкая густая вязь письмен гласила: «Великая симфония веков».

Безымянный летописец повествовал:

> «Сей замок построен в 1537 году Петром Фирлеем, кастеляном вислинским. Фирлеевы замки стояли также в Огродзенце под Ченстоховым, в Смолени, в Любартуве и других местах. В стены эти вступи, путник, с чувством полного уважения и поэтичности! Они суть свидетельство силы и достоинства знатного рода.
>
> Во времена Яна Фирлея сам воевода Люблинский развлекался здесь, и Ян Кохановский писал свои сочинения.
>
> В 1606 году укрылся в сем замке преследуемый королевским войском Зигмунда Третьего предводитель повстанцев Никола Зебжедовский, и была бы здесь кровавая сеча, если бы не вмешались сенаторы, заставившие Зебжедовского

подчиниться королю.

Гордый маршал пошел пешком ночью к королевскому обозу, чтобы поцеловать руку ненавистному для него человеку, прося при этом, чтобы король прислушался к желаниям народа. Король просьбу отклонил. Так под стенами сего замка развеялся окончательно дух терпимости.

Полвека спустя, в 1656 году, замок был осажден шведским войском короля Густава, охрана замка в те времена была немногочисленна. Она оборонялась геройски, но шведы взяли приступом и разграбили замок. Награбленное золото, серебро, бриллианты, гобелены, картины они вывезли на 150 возах. Строения они сожгли четвертого февраля 1656 года.

Замок, однако, был восстановлен, уже в 1672 году отдыхал здесь в январе король Михаил Вишневский. В 1716 году тут долгое время, находился король Август II. И здесь он проводил переговоры при участии князя Долгорукого с конфедератами, желавшими ухода войск Августа из страны.

В 1809–1823 годах, в час нашествия Наполеона, замок пришел в упадок. Мрамор и драгоценности были вывезены отсюда. После этого над дальнейшим разрушением замка работало время».

Внизу таблицы торопливой рукой было приписано:

Сию крепость взяли штурмом 4. VIII. 44 г. советские солдаты майора Нехаева. Уходим вперед, товарищи!

И еще одна приписка мелом:

А также артиллеристы капитана Скрылышева, полевая почта 16943.

Скрипнули ржавые петли двери, и молодцеватый офицер с орденом на груди, козырнув генералу, лихо отрапортовал:

— Старший лейтенант Кичкин! Никаких происшествий на вверенном мне участке не обнаружено, не считая трех разрывов ноль пять левее ориентира два…

И уже менее официальным тоном добавил:

— Тяжелыми кидался, сволочь…

Мы прошли по неширокому внутреннему дворику, заросшему травой, выбившейся из-под растрескавшихся каменных плит. Горьковатый дух прели витал над шуршащей вялой листвой одичалой сирени. Причудливые остовы полуразрушенных башен маячили по углам замка, отдаленно напоминающего плывущий корабль. Стены местами рухнули, обнажая внутренность бесчисленных комнат, зал и переходов, еще сохранивших остатки былой роскоши. Бездонный колодезь, из которого защитники замка в дни осад черпали воду, источал тяжелый дурманящий запах плесени.

Мы поднялись по шаткой скрипучей лестнице на высокую сторожевую башню, вспугивая стайки голубей. Широкий кругозор на десятки километров открывался отсюда. Внизу раскинулся городок Янковец, его пустые домики без крыш напоминали груду спичечных коробочек. Дальше — большой ярко-желтый песчаный бугор, изрытый воронками: за него шла отчаянная драка. Сзади лежали ровные светлые нити многочисленных новехоньких мостов через реку, по которым шли грузовики, танки, колонны бойцов. Впереди — подернутые голубой дымкой стояли леса. Белели домики безлюдных деревень. Зигзагами шли траншеи, линии железных ежей и надолб — там был передний край.

— Не нужно быть военным человеком, чтобы понять значение этой позиции, не правда ли? — улыбнулся генерал, обводя рукой широкий простор. — Честное слово, кастелян Фирлей знал толк в нашем деле, когда начинал строить замок… Здесь ключ к Висле, и гитлеровцы прекрасно отдавали себе в этом отчет, когда мы шли в наступление. Даже тогда, когда мы форсировали реку севернее и южнее замка, они зубами держались за этот мыс и за

эти башни. Нам чертовски трудно было питать боеприпасами свои дивизии, вышедшие за Вислу, пока вот здесь сидели их корректировщики. И надо воздать должное солдатам бравого майора Нехаева — они сделали то, что казалось невозможным. В значительной мере именно им мы обязаны тем, что сегодня являемся хозяевами вот этой завислянской земли. Отсюда мы видим все — вплоть до гор у Сандомира. Ни одно движение в стане врага от нас не укроется, а немцы там, в низине, слепы, как кроты. Они много раз пробовали разбить замок из пушек. Но, во-первых, мы отогнали их, как видите, довольно далеко отсюда, а, во-вторых, эти стены даже для современной артиллерии трудно уязвимы…

Многочисленные легкие выбоины в стенах старой башни красноречиво подтвердили слова генерала. Лишь немногие снаряды пробили каменную кладку, и груды щебня лежали на полу круглой комнаты с четырьмя окнами, выходящими на север, на юг, на восток и на запад.

— Товарищ генерал, разрешите доложить, — оживился вдруг старший лейтенант. — Комната эта, оказывается, тоже вроде исторической. Нам ксендз вон из того костела рассказывал, — он указал на стоявший над обрывом костел XIV века под красной черепичной крышей, истерзанной немецкими снарядами, здесь жила ихняя знаменитость Францишка Красинская. Вон видите, там в лесочке белеют камни. То был замок сына Августа II, курляндского королевича, назывался «Зверинец» — он туда охотиться приезжал. А Красинская проживала здесь, и было все это в половине восемнадцатого века. Ну, тут у них роман и начался. Родилась потом у них дочка Мария-Христина — она теперь вроде прапрабабка последнего итальянского короля… Да вот и книжечка Красинской, ее дневник. Я эту книжечку у ксендза одолжил.

И старший лейтенант довольно бойко перевел с польского, держа в руках растрепанный старинный томик в переплете с золотым обрезом:

> «Мне значительно веселее в Яновце. Замечательное место!…Замок очаровательный, на горе, над Вислой. Старинный, еще со времен Фирлеев. Вид отсюда… на Казимеж и на Пулавы, что принадлежат князьям Чарторыйским, чрезвычайно приятный. Залы и комнаты без конца. Картины и гобелены чудесные. Но кажется, во всем замке мои комнаты наилучшие. Они находятся в высокой башне, и я кажусь себе какой-то романтичной героиней. В башне окна на четыре стороны, и из каждого очаровательный вид. Возле одного из них я чаще всего сижу — из него открывается прекрасное зрелище: дворец…»

— Все сходится, — торжественно воскликнул молодой офицер, — и башня, и четыре окна… Генерал усмехнулся:

— Видите, товарищ старший лейтенант, куда мы с вами забрались, путешествуя от Волги к Висле. Вот пройдем Европу, пожалуй, сможете экзамен на доктора исторических наук сдавать, а?..

И вдруг легкая тень легла на его лицо:

— Вот только путешествие это недешево стоит нам. Мухина-то мы здесь похоронили. И не одного его. Какие люди тут остались: шесть контратак за один день…

Генерал указал рукой на позолоченные осенним солнцем памятники, стоявшие над обрывом. Чья-то заботливая рука укрыла солдатские могилы дерном, обнесла их резной решеткой и украсила цветами. Легкий ветерок с Вислы шевелил листву, опавшую на дорожки, словно ласкаясь к земле, которая приняла храбрецов, взявших приступом этот замок и умерших в его стенах…

Мы подошли к могилам, и я переписал в свою записную книжку надписи, заботливо выведенные солдатской рукой на временных деревянных памятниках:

> Старший сержант Г. Н. Романовский, четырежды орденоносец, погиб смертью храбрых в борьбе против немецких захватчиков 16 августа 1944 года. Родился в 1921 году. Вечная слава герою-артиллеристу!

> Остапенко Андрей Зиновьевич, 1919 года рождения… Погиб смертью храбрых 18 августа 1944 года…

Могил было много. Хотелось бы переписать все эпитафии, но сделать это было бы физически невозможно.

В ту же ночь мы отправились к майору Нехаеву на передний край. Густой мрак окутывал равнину, которая простреливалась вдоль и поперек. Над черной степью свистели пули. Они с неприятным чмоканьем вшивались в брустверы бесконечного хода сообщения, на дне которого проступала вода; вязкая глина хлюпала под ногами. Идти было далеко: 312-я дивизия сумела основательно расширить завоеванный ею плацдарм. Свой передний край она укрепила отлично. Когда мы, наконец, добрались туда усталые, промокшие и измазанные глиной, нам представилось прекрасное для фронтовика зрелище: хорошо благоустроенные теплые блиндажи, прочные дзоты, отлично закамуфлированные огневые точки батальон, прошедший долгий боевой путь, домовито, по-хозяйски обживал свои траншеи в ожидании приказа о новом наступлении.

Высокий черноглазый майор с густой шевелюрой и орлиным профилем сидел за столом, аккуратно покрытым бумагой. Тикал будильник. В зеркале над столом отражалась аккуратно повешенная на деревянных плечиках парадная гимнастерка с тремя новенькими орденами. У изголовья аккуратно заправленной койки лежала стопка книг. На стене даже висела подобранная невесть на какой военной дороге картина со странным сюжетом: ворон держит в клюве вишни. По всему чувствовалось, что здесь живет человек, для которого война стала бытом, и трудно было себе представить, что до 1941 года Даут Еретжебович Нехаев был человеком самой мирной профессии: учителем в адыгейском ауле Воченший, там его дожидается мать. Она проводила на фронт троих сыновей: один из них сейчас в госпитале, а двое воюют.

О битве за древний замок майор вспоминает с волнением. Да, это было жаркое и притом лихое дело! Нехаеву трудно охватить операцию в целом, пусть о ее значении говорит начальство. Но ему, как командиру батальона, ясно, что тут был крепкий орешек.

— Ну, а теперь, как видите, мы ушли вперед, — сказал задумчиво комбат. — Все, кто остался в живых, награждены. У каждого добрая зарубка в памяти… Потом, конечно, еще были бои. Через восемь дней после сражения за этот замок мы захватили Облясы Дворские. Там полностью уничтожили 24-й немецкий запасной батальон: было у них триста убитых, а восемьдесят пять мы взяли в плен. Еще захватили пушки, две минометные батареи, 37 пулеметов, больше двухсот винтовок и автоматов, шесть походных радиостанций. Разгромили и штаб этого батальона. В общем, работы хватает. Но этого боя за замок я по гроб жизни не забуду — уж очень необычайное было дело…

И, вспомнив что-то, майор Нехаев улыбнулся и достал из кармана какое-то письмо:

— Вот. Сохранил, как сувенир. Мои бойцы там, в замке подобрали. Как вам нравится?

На изящном конверте, покоробившемся от сырости, бесхарактерным женским почерком было написано:

> Ясновельможному пану князю Леону Козловскому. Почта Яновец над Вислой.

— Это последний владелец замка, — пояснил майор, — занятный, видимо, был тип… Да и авторша письма тоже… Вы прочтите — словно страничка из великосветского романа. Нашим ребятам даже удивительно: ведь это писалось тогда, когда мы уже строили Днепрогэс и Магнитку!..

Я развернул твердый листок с тисненым гербом. Ализариновые чернила еще не выцвели. Охотнее изъяснявшаяся по-русски, нежели на родном польском языке, графиня писала по старой орфографии — с ятями и твердыми знаками:

> 12 февраля 1932 года. Варшава.

Дорогой князъ, я все еще сижу в Варшаве и не знаю, когда уеду: никак не могу кончить всех моих дел, очень мне все это неприятно. Но зато думала увидеть Вас перед отъездом, так как Вы писали, что работы в замке окончатся к январю.

Теперь узнала от Николая Николаевича, что и к февралю Вы не приедете в Варшаву…

Очень жаль, но что же делать!

Получили ли Вы мое длинное письмо с поздравлением к Новому году в ответ на Ваш привет? Неужели оно тоже пропало? Во всяком случае, ответа от Вас я так и не получила. Может быть, Вы не любите эпистолярное искусство? А я, как назло, люблю писать длинные хорошие письма и еще больше люблю их получать. Но сейчас у меня нет никакого настроения заняться сочинительством, — я вижу, что мои весточки либо не доходят до Яновца, либо… не доходят до Вашей души.

Довольны ли Вы тем, что у вас в замке ученые раскапывают подземные ходы, что-то ищут и нарушают вековую тишину? Мне почему-то грустно стало, когда я это узнала. Мне все кажется, что Яновец стал уже не тем, каким я его знала летом.

Когда я выздоравливала, прочла дневник Францишки Красин-ской по-польски. и в восторге от этой маленькой книжки. Как чудесно было в замке в те времена! Мне все хотелось с вами о ней поговорить, но, видно, не придется.

А пока до свидания, дорогой князъ, будьте здоровы и счастливы. Я уезжаю далеко-далеко. Но время ведь идет быстро. Год или полтора пройдут скоро, и тогда, бог даст, мы с Вами еще свидимся…

Привет Яновцу

Нина Янковская.

Майор, улыбаясь, сложил письмо, спрятал его в карман гимнастерки и добавил:

— Нас, конечно, мало интересует, встретились они или нет, и чем все это дело кончилось. Но вот за одно сообщение мы определенно благодарны графине: она ненароком выболтала тайну этого старого замка, сообщив о подземных ходах. Мы навели справки. Эти ходы ведут далеко в сторону позиций гитлеровцев и определенно нам пригодятся. Наши саперы очень заинтересовались ими.

Где-то в ночи, за стенами блиндажа гремели разрывы немецких мин. Немцы опять ждали атаки, и тяжелое грозное молчание советского переднего края выматывало у них нервы.

Все шло по плану.

По дорогам Польши

Распростившись с гостеприимными пехотинцами, мы с фронтовым шофером Макаром Приходько покатили на юг, стараясь держаться вдоль Вислы. Я спешил в старинный польский городок Тарнобжег — в этом городе и в его окрестностях разместились дивизии знаменитого 6-го гвардейского Львовского орденов Красного Знамени и Кутузова 2-й степени истребительного авиационного корпуса, чья слава широко прогремела в дни недавней жестокой битвы за Яссы. Руководил им замечательный человек, опытнейший генерал Александр Васильевич Утин. У него было три дивизии — 23-я гвардейская, которой командовал мой старый друг, участник создания первых комсомольских организаций в Ростове Грисенко, 22-я — мужественного истребителя и опытного командира Горегляда и 9-я гвардейская, командиром которой был самый знаменитый летчик нашего времени, трижды Герой Советского Союза молодой сибиряк Александр Покрышкин; мы познакомились с ним недавно в Москве, и теперь мне предстояло собрать материал для книги об этом незаурядном человеке.

Сначала мы двинулись по отличному шоссе, обсаженному старыми ивами, на Ополье, оттуда повернули на Красник, к местам жестоких битв 1914 года. По сторонам расстилались бедные песчаные поля, пестрели мелкие наделы. Мой водитель, старый колхозный бригадир,

с твердым сознанием превосходства коллективного хозяйства над единоличным и с чувством жалости к владельцам этих мелких участков философствовал:

— Оно ж жило тилыки для сэбе. Посадить оце бурячкив трохи накопае, здасть на фабрику, жому одержить для худобы, тай живе Нудьга яка, тьфу! И промысловости у нього не було ни якой, и для обороны ничого не було. Ото Гитлер их и подолав. Може тепер зрозумиють, як воно краще жити…

Потом потянулись поля побольше и побогаче — то были имения польских панов. Часто встречались узкоколейки — их строили помещики: сеть железных дорог здесь довольно редка, а автомобилям по песку ходить трудно. На крохотных, словно игрушечных, давно уже заржавевших рельсах замерли такие же игрушечные паровозики и вагончики.

От Закликува до Развадува ехали через лес, по бревенчатому настилу, вытрясло у нас всю душу. Развадув оказался довольно большим городком, прилепившимся к железнодорожной станции. В небо уперлись шпили костелов. Перед городком — переправы через Сан — широкую, спокойную ре. ку. Невольно снова вспомнилась первая мировая война — сколько русских людей тогда погибло на берегах этой реки, такой тихой и невозмутимой на вид!

Но вот и Тарнобжег. Полковник Александр Иванович Грисенко встречает меня с обычным радушием. Мы толкуем с ним всю ночь о недавних воздушных боях у Ясс, в дни прорыва наших войск ко Львову и Перемышлю, а также на Сандомирском плацдарме. Выясняю, что командный пункт Покрышкина рядом, в местечке Мокшишув. Дивизии Покрышкина, Грисенко и Горегляда собраны в кулак, они готовы в любой день и час возобновить воздушное наступление. Летчики у них отличные, поэтому потери в летних боях были не так уж велики. А бои эти были очень жестокие. 6-й гвардейский истребительный корпус прикрывал своими крыльями армии, устремившиеся вперед, в том числе и 1-ю гвардейскую танковую.

Я слушал увлекательные рассказы Грисенко и думал: «Эх, старина, хорошо бы и о тебе новую книжку написать!» В канун войны я посвятил его боевым делам книгу, которая называлась «Крылья Китая», — в ней он фигурировал под псевдонимом Ван Си: вместе с другими нашими летчиками Грисенко в качестве добровольца воевал в Китае, помогая отражать атаки японских агрессоров. Именно там он открыл свой боевой счет, сбив несколько самолетов с изображением красного солнца на крыльях, там и заработал свой первый орден Красного Знамени.

А эту войну он встретил в небе Киева. Не в пример многим, менее опытным командирам, Грисенко, едва почуяв в начале июня 1941 года, что в воздухе запахло порохом, на свой страх и риск приказал пилотам зарядить боевыми патронами скорострельные пулеметы своих самолетов и быть в боевой готовности номер один. Риск и страх были велики — в те годы за подобное самоуправство по головке не гладили, но полк стоял в лагере, начальство находилось далеко, и все сошло. Зато по первой боевой тревоге — немецкая авиация налетела на Киев с рассветом 22 июня — полк Грисенко мгновенно поднялся в воздух и встретил гитлеровцев огнем.

Вот так этот человек и начал воевать, сражался он потом на многих фронтах и всюду с одинаковым упорством и энергией. Только над Сталинградом ему не повезло: немецкий ас разбил в бою его самолет, и Грисенко спустился на парашюте, обливаясь кровью: он был без ноги. И все же этот упрямейший человек, научившись после выздоровления отлично ходить на протезе, добился возвращения в действующую армию и снова летал, командуя уже истребительной дивизией…

Следующее утро выдалось хмурым, туманным. Я с утра побродил по Тарнобжегу, присматриваясь к незнакомому городу. Побрился за восемь злотых у хмурого брадобрея, вывеску которому заменял начищенный до блеска медный тазик, висевший у двери. Пошел наугад вдоль улицы, разглядывая встречных людей и читая вывески. В городе оказалось неописуемое множество адвокатов, нотариусов, парикмахеров. Бесчисленные магазинчики, как и и Люблине, поражали удивительным обилием никому не нужных предметов и

астрономическими ценами. Я записывал в своем блокноте:

> «Модистка Анна Фортуна: капелюш 2000 рублей».
> «Книжно-писчебумажный магазин: школьная тетрадь — 10 рублей»,
> «Универсальная лавочка: спички — 10 рублей за коробок; детская шляпа из прозрачного целлулоида — 20 рублей, стакан пива — 40 рублей».

Навстречу мне шли важные господа в накрахмаленных воротничках, бежали вприпрыжку веселые босоногие мальчишки, катили дамы на велосипедах. У дверей домов с выбитыми стеклами сидели кое-где в ободранных креслах часовые с автоматами. На каменный тротуар слетали с вековых кленов большие огненные лапчатые листья. Было еще тепло, и у домика, где квартировал Грисенко, цвели крупные розы. Вспоминалось: а в Москве, наверное, уже снег…

Я направился во дворец графов Терновских, главную достопримечательность Тарнобжега, где теперь квартировали летчики полковника Грисенко. За солидными каменными воротами я увидел вековые вязы, горбатый мост через крепостной ров, большую овальную клумбу, засаженную по случаю военного времени цветной капустой вместо роз, и за нею — гармонично сложенный строгий дворец с гербом над парадным подъездом, с остроконечной башней с часами, где время аккуратно отбивает мелодичный серебряный колокол, с приветственной надписью в адрес панов и паненок, переступающих порог дворца. Весь фасад был заткан пестрым ковром дикого винограда.

Половину дворца все еще занимала графская челядь, а во второй половине жили летчики. Запомнился огромный зал с камином и статуями. Вдоль великолепного обеденного стола из красного дерева стояли наскоро сколоченные из березовых поленьев и неструганых досок лавки: стулья и кресла гитлеровцы успели увезти.

Вместе с дежурным по части майором мы вышли из дворца в обширный сад, спустившись по широкой каменной лестнице к просторному зеленому газону. Вдали виднелись заброшенный фонтан и подернутый ряской пруд, укрывшийся в тени ясеней и кленов. Во все стороны расходились аллеи столетних деревьев. Я пригляделся и не поверил своим глазам: под ветвями каждого дерева стояла красноносая «кобра». Крылья самолетов были усыпаны палым листом — отличная маскировка!

Ну, а как же взлететь отсюда?

— Представьте себе, — сказал, улыбаясь, майор, — этот вековой газон оказался отличным полевым аэродромом. Длина для разбега и для посадки достаточна. Гитлеровцы и представить себе не могут, что мы здесь сидим. Это наш батя придумал… — Батей звали в дивизии полковника Грисенко.

И словно ради иллюстрации к его словам, из-под старых кленов вдруг вырулили две «кобры» и после короткого разбега взвились в небо.

— Пошли на охоту, — сказал майор.

Вечером к полковнику нагрянули гости: командир корпуса генерал-лейтенант Александр Васильевич Утин, плечистый гигант со светлым проницательным взглядом и приветливым, открытым лицом, и его начальник штаба генерал-майор Александр Алексеевич Семенов, черноволосый, подвижной, всегда немного саркастичный, с этакой хорошей усмешкой. Все трое — Утин, Семенов, Грисенко — давние соратники, все понимают друг друга с полуслова, готовы за товарища горой постоять. Война навек сдружила хороших людей, которые сумели проявить характер перед лицом самых невероятных трудностей и которым нечего скрывать друг от друга. Дожить бы только до победы…[83]

— Да, дожить бы до победы, — задумчиво повторяет Утин, когда я чистосердечно

---

[83] Все три друга дожили до победы, они с честью закончили войну и продолжали служить в военной авиации. Сейчас их уже нет в живых

выкладываю ему то, что думаю: он из тех людей, которые сразу располагают собеседника к откровенности. И вдруг он оживляется: — А вы знаете, какие моменты на войне самые критические? Я вам сейчас скажу: начало и конец. Да-да, не только начало, но и конец. И конец войны, пожалуй, для многих из нас будет еще более критическим, чем начало… Начало, конечно, было трудным, очень трудным, в начале войны люди еще не отдают себе отчет в том, что такое война и какие нечеловеческие испытания она несет. Потом человек все же свыкается с войной. Он привыкает к тому, к чему, как казалось вначале, привыкнуть просто немыслимо. Но вот близится конец, и тут возникает новая драматическая ситуация. Поймите: человек воевал три года и остался жив. Больше того, он стал героем, прославлен, у него вся грудь в орденах. Но на войне продолжают убивать вплоть до последней минуты. И каждому хочется, безумно хочется — что там говорить! дожить до этой минуты, чтобы воспользоваться плодами победы. А тут надо снова и снова рисковать, надо ежеминутно испытывать свою судьбу…

Утин постучал пальцами по столу, помолчал и потом тихо, но твердо добавил:

— Мне говорили, что вы собираетесь писать книгу о Покрышкине и его друзьях. Они заслужили этого. Но когда будете работать, все время думайте вот о чем: каким бы героем ни был человек, он прежде всего остается человеком. Не рисуйте вы их этакими бронзовыми фигурами на постаментах. Может быть, они и не признаются вам, но я вам скажу: сколько бы самолетов ни сбил летчик, все равно перед каждым боевым вылетом у него где-то, может быть в подсознании, бьется какая-то жилка: чем все эта кончится? И чем ближе к победе, тем острее будет тревога. Именно поэтому мы сейчас удваиваем требовательность к людям, невзирая на чины, звания и ордена. Если хотите, мы держим их в ежовых рукавицах, требуя строжайшей дисциплины и не давая никому ни малейшего послабления.

— И еще одно обстоятельство надо учесть, — вмешался Семенов. — На войне люди выдвигаются необычайно быстро, и это естественно. Но вот что опасно: если человек не обладает должным запасом самокритичности, у него начинает кружиться голова, он начинает думать, будто стал каким-то особым, необычным, сверхгениальным существом, а раз ты гений, тебе все дозволено и тебе требуются почести. Я считаю, что для героя очень важно быстрее переступить тот рубеж, когда ему дозарезу требуется корреспондент, который без конца прославлял бы его подвиги, бригада кинооператоров, которая снимала бы каждый его жест, и индивидуальный бачок с пятнадцатью литрами водки, и стать нормальным солдатом.

Долго длилась эта откровенная беседа, раскрывшая мне многое в характере армейской жизни на четвертом году войны. Слушал я своих собеседников и думал, тайно восхищаясь ими: до чего же выросли наши командиры на войне, как глубоко они научились мыслить, как чутко реагируют на все то, что приносит фронтовая жизнь, как хорошее, так и плохое. Они очень требовательны и к себе, и к своим подчиненным, и это совершенно необходимо в том суровом и беспощадном мире, который окружает людей на войне. Но какое внимание к людям и, если хотите, нежность к ним скрывается под этим железным панцирем драконовской требовательности!

В село Мокшишув, где разместился командный пункт полковника Покрышкина, я добрался наконец 14 октября. Здесь тоже стоял замок, в нем жили летчики 16-го гвардейского истребительного полка, которым раньше командовал Покрышкин, а теперь он был передан дважды Герою Советского Союза уральцу Речкалову. Местечко было бедное, утопавшее в невылазной грязи, дома деревянные, крытые соломой. Аэродром находился километрах в четырех от Мокшишува.

Покрышкин жил в хате, которую ее хозяева разукрасили пожелтевшими фотографиями своих родственников, зелеными бумажными розами и херувимами. Мы встретились как старые знакомые. За месяц до этого Покрышкину, который только что получил третью Золотую Звезду, был предоставлен отпуск, и он летал к своей семье в Новосибирск. В Москве его пригласили в ЦК комсомола, там и было решено, что я буду писать о нем книгу; по этому случаю мне было поручено сопровождать его в поездке на родину, чему, говоря по

совести, он был совсем не рад: в кои-то веки довелось встретиться с родными, а тут еще за ним вслед послали целую группу журналистов и кинооператоров. Слава не испортила этого спокойного и выдержанного сибиряка, он был не из тех, кому, как заметил накануне генерал Семенов, требуются для поощрения личный корреспондент, кинобригада и персональный бачок водки на пятнадцать литров.

С моим присутствием Покрышкин тогда смирился, как с неприятным, но неизбежным обстоятельством; когда же я добрался до Мокшишува, он сделал все, чтобы я смог спокойно работать, хотя в самой дивизии, продолжавшей участвовать в боевых действиях, никакого спокойствия не было и быть не могло.

Помнится, в первый же вечер Покрышкин привел меня в высокий зал замка, превращенный в клуб летчиков, и перезнакомил там со всеми ветеранами полка, в котором он вырос. В выбитые стекла дул ветер. На простыне, заменявшей киноэкран, метались серые тени — механик показывал ветхий, часто рвавшийся фильм «В старом Чикаго». Летчики стояли и сидели на полу. Терпеливо дождались конца фильма и побрели по своим хатам, еле вытягивая ноги из хлюпающей грязи. А рано утром многие улетели на боевое задание. Те же, кто оставался на аэродроме, проводили учебные полеты и стрельбы — в стороне от деревни Покрышкин устроил полигон: мишени были ограничены дерном и посыпаны песком; самолеты, строем ходившие на полигон, поочередно срывались в пике и били по мишеням из пулеметов и из пушки. Потом они садились на аэродром, и Речкалов устраивал им критический разбор, словно перед ним были рядовые учлеты, а не боевые летчики.

Требовательность и еще раз требовательность! Я вспомнинал слова генерал-лейтенанта Утина, думавшего о том, как довести свой гвардейский истребительный корпус до Берлина, до часа победы собранным и дисциплинированным, готовым на любое испытание…

Здесь, в Мокшишуве, я прожил несколько недель. За ото время я близко узнал и полюбил летчиков-гвардейцев. Исписал груду блокнотов, собрав обширный материал об их боевом пути. Обо всем том, что я увидел и услышал, было написано в моей книге «Один «МИГ» из тысячи», увидевшей свет уже после войны, и вряд ли сейчас стоит вновь подробно рассказывать о встречах в Мокшишуве, тем более что нам пора уже обратиться к тому, чем были заняты в эти дни наши друзья из 1-й гвардейской танковой армии, главные герои этого повествования. К ним мы сейчас и направимся.

Между боями

Около часу полета на зыбком стодесятисильном связном самолете У-2 — и я на командном пункте командарма Катукова. Мы приземляемся на опушке живописного леса, все еще сверкающего ослепительным блеском своей разноцветной осенней листвы, хотя на дворе уже стоит ноябрь, по нашему московскому разумению, время зимнее. Светит солнце. В золотистом лесу белеют разбросанные среди деревьев прихотливые виллы. Слева и справа от тропинок во мху желтеют шляпки грибов. У каждой калитки надпись, — название виллы: «Лесная», «Ганна», «Мария»… Разрушенный обстрелом отель…

Мы уже не в Польше, мы на Украине, но совсем рядом с границей. Это небольшой курорт Лазенки, близ Немирова. В здешние тихие места 1-я гвардейская танковая армия отошла после жестоких боев на Сандомирском плацдарме, чтобы перевести дух, принять пополнение, вооружиться новой боевой техникой, которая непрерывно движется к фронту из уральских арсеналов, и подготовиться к новому сокрушительному и глубокому удару, — на сей раз наверняка вырвутся уже на германскую территорию.

Пожалуй, впервые за годы войны мои друзья-танкисты разбили свои бивуаки в таких комфортабельных местах. Гляжу я на эти виллы, и в памяти всплывают убогая изба в заснеженной подмосковной деревне, где мы впервые встретились с Михаилом Ефимовичем Катуковым — тогда еще полковником и командиром бригады; жалкая землянка в лесу близ Скирманова, где я его увидел в солдатской шинели, на петлицах которой были наскоро начерчены химическим карандашом две звездочки — его первый генеральский чин; халупа

под Ельцом, где я встретил этого человека как командира корпуса; бесчисленные блиндажи и шалаши в лесах южнее Белгорода, откуда он управлял быстро продвигавшимися на юг бригадами и корпусами своей танковой армии; снова крестьянская изба в Прикарпатье…

Далеко шагнула танковая гвардия — от Москвы до самой Вислы, и еще дальше ей предстоит пройти — до Берлина, не меньше! А как изменились, как выросли люди в армии. На усыпанных песочком тропинках я встречаю щеголеватых офицеров в отлично выглаженных мундирах и ярко начищенных сапогах. Пока еще не распространился нехороший обычай — прятать свои награды, и люди ходят во всем блеске, с малиновым звоном бесчисленных орденов и медалей. Носить награды — это не признак нескромности, как станут думать двадцать лет спустя иные скептически настроенные молодые люди, плохо представляющие себе, какой ценой они дались. Нет, каждый орден и каждая медаль — это зарубка в памяти о каком-то неимоверном и чрезвычайном усилии духа и таком страшном напряжении физических сил, какого не забудешь вовек.

Иных я узнаю, другие мне внове. Летнее наступление далось армии дорогой ценой, многих ветеранов армия потеряла на пути от Луцка до Сандомира. Но вот я вижу шагающего к себе на виллу разведотдела полковника Соболева, с которым мы так часто встречались в боевой обстановке. Пробежал в оперативный отдел вечно торопящийся и сосредоточенный Никитин. А это кто такой? Батюшки, сам Володя Бочковский, неистребимый командир 2-го танкового батальона 1-й гвардейской бригады, которого, словно заговоренного, щадят все пули и снаряды вермахта: только ранят, но не убивают…

Не успеваем мы с ним наговориться вдоволь, как Володя вдруг молодцевато подтягивается и становится по стойке «смирно», держа руку под козырек, — по дорожке навстречу нам шагает неразлучная троица: сам командарм, его начальник штаба Шалин и член Военного Совета армии Попель. Я про себя фиксирую: на кителе у Катукова прибавилась Золотая Звездочка Героя Советского Союза, у Шалина — третий по счету орден Кутузова, на генеральских погонах Попеля появилась вторая звездочка — и он уже генерал-лейтенант…

— Вольно! — весело командует командарм, любуясь бравым танкистом, своим давним любимцем. — Как дела там у вас в бригаде сегодня, не начали предаваться кейфу от избытка комфорта?

— Никак нет, товарищ командарм, — звонко отвечает Володя, — даем двойную норму заданий по учебе и по уходу за матчастью.

— Правильно делаете. Но учтите: надо дать людям и отдохнуть малость, пока есть такая возможность, — говорит Попель. — Как там у вас с самодеятельностью? Готовите праздничный концерт?

— Готовим, товарищ член Военного совета. — Думаем, лицом в грязь не ударим…

Командарм зовет прогуляться по парку.

— Гляди, Володя, — обращается он к Бочковскому, — ты видишь этот дуб? Русь была еще языческая, а он уже рос…

Перед нами тысячелетнее дерево, как о том свидетельствует табличка, укрепленная чьей-то заботливой рукой. Огромное дупло когда-то было заложено кирпичом и залито цементом — для сохранности редкого дуба. Фашисты выворотили эту начинку.

— Наверное, клад искали, — брезгливо морщится генерал, и, обращаясь к Попелю, говорит: — Николай Кириллович, надо будет сказать нашим, чтобы поправили. Ведь этому дубу цены нет…

Поглядываю я исподволь на своих фронтовых друзей, и какое-то глубокое, теплое чувство охватывает душу — как все-таки выросли эти люди за три с лишним года войны! Да и не только они, вся армия выросла. Я вспоминаю свой недавний визит к пехотинцам Нехаева — ведь это профессора ближнего боя. Вспоминаю встречи с летчиками Покрышкина — каждый из них сильнее любого гитлеровского аса. А как закалились танкисты! Нет сейчас в мире армии, которая по силе, упорству и военной мудрости могла бы сравниться с нашей. И что самое примечательное, сила эта была обретена уже в боях, после

тяжких военных неудач 1941 года, когда Гитлер, беседуя 4 июля с генералами своего верховного главнокомандования, хвастливо воскликнул: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить…».[84]

С тех пор прошло всего три года. И вот уже Красная Армия стоит у ворот Восточной Пруссии, а советские танковые и военно-воздушные силы, которые Гитлер считал уничтоженными, готовятся к решающему удару по его рейху, который он считал тысячелетним. В сущности Красной Армии осталось добить Гитлера, и она его скоро добьет, хотя решение этой задачи потребует еще не малых усилий и — увы! — большой крови…

Жизнь в частях армии идет размеренным ритмом: ученья, политзанятия, уход за боевыми машинами, прием и размещение пополнений. В бригадах, корпусах — опытные военачальники, в штабе — поднаторевшие в своем деле оперативные работники, способные мгновенно уяснить замысел командарма и претворить его в точно разработанные графики движения войск. Поэтому, пока не возобновилась военная страда, Михаил Ефимович Катуков может позволить себе, наконец, — может быть, впервые за долгие месяцы, — нормально спать, по вечерам посидеть за книгой и даже сходить на охоту в выходной день. Это может прозвучать странно, но, как видите, даже на войне случаются выходные дни, хотя и крайне редко.

Я пользуюсь удачной возможностью, чтобы присмотреться поближе к этому незаурядному и самобытному человеку, наблюдая за ним в непривычной обстановке фронтового бивуака в час передышки между боями. И вот записи тех дней, сделанные вечерами во фронтовом дневнике. В них нашли какое-то отражение черты характера одного из выдающихся русских полководцев, который вышел из самых низов народа и, достигнув весьма высокого военного поста, остался таким же, каким знавали его в родном подмосковном селе в Коломенском уезде в старые годы.

*** * ***

6 ноября. По случаю предстоящего праздника командарм разрешил себе поохотиться на зайца. Ежели будет что-либо срочное, конечно, охота не состоится, но пока что все тихо. Генерал еще со вчерашнего вечера священнодействует: идет зарядка патронов. Китель с погонами и орденам. и снят, надет грубый свитер, поверх него — подтяжки. Со стола убраны все бумаги. Извлечены из походного ящика коробок с охотничьими патронными гильзами, мешочек с бездымным порохом, папиросная коробка с капсюлями. Пущены в ход и аптекарские весы (не те ли, что были подобраны в «пещере Лейхтвейса» за Волоколамском?) для дозировки пороха и дроби. Генерал весь вечер просидел за столом, набивая патроны с такой сосредоточенностью и усердием, словно это было делом величайшей государственной важности, видать, сильно он соскучился по охоте.

В поле мы выехали сегодня после обеда на «виллисе». С нами Шалин, которого командарм уговорил-таки принять участие в задуманном им деле. Поверх генеральской шинели Катуков подвязал простенький охотничий патронташ. В руках — трофейная двустволка, подарок комбрига Бойко.

Останавливаемся на пахоте. Сквозь низкие облака временами проглядывает солнце. Дует холодный ветер. Вокруг — узкие полоски индивидуальных полей: зябь, клеверище, озимь, тут же грядки еще не убранной капусты — раздолье для зайцев! Вокруг деревушки, перелески. Зайцы, как поясняет Катуков, прячутся в бороздах и в сухой траве, ожидая темноты, чтобы выйти на промысел. А спугнешь косого, и он пойдет петлять по пахоте…

---

[84] «Военный дневник верховного главнокомандования вермахта», т. 1, издан во Франкфурте-на-Майне, 1965 г.

Так и есть! Ошалевший заяц, напуганный голосами, выпрыгивает из канавки метрах в десяти от генерала. Резкий поворот, выстрел, второй — заяц перекувырнулся, бьет лапами, затихает… Есть почин!

Дальше охотники идут цепью: Катуков, Шалин, адъютант командарма, шофер. Два зайца уходят с подбитыми лапами. Уже под вечер удается подстрелить четвертого, Катуков присуждает его, по всем охотничьим правилам, Шалину: его выстрел был последним. Дома Катуков методично и старательно наставляет повара, как надо снимать шкуру с зайца, чтобы не попортить мех: из него же шапку можно сделать!..

Потом за ужином, уминая зайчатину с вареной картошкой, умиротворенно говорит:

— А мне ничего и не надо бы, кроме такой вот жизни. Быть бы после войны лесником где-нибудь у озера: охота, рыба, лес и больше ничего. Я же простой мужицкий сын и жить хочу по-мужичьи…

Катуков с детства сохранил привязанность к простой и неприхотливой пище. Его любимые блюда — щи с грибами, печеная картошка, как лакомство суп с селедочными головами. С восторгом он поедает жареное свиное ухо — в достопамятные времена его детства мальчишкам в деревне всегда оставляли свиные уши, и ему даже в Питер, где он работал мальчиком в молочной фирме, прислали из дому однажды пару таких ушей — он не может забыть этого до сих пор. В качестве особого деликатеса повар выпекает для генерала крендели из ржаной муки, посыпанные крупной солью… Генерал долго молчит, потом вздыхает и добавляет:

— Только не отпустят, наверное, в лесники. Боюсь, что и после войны генералы потребуются. На всякий пожарный случай…

*** * ***

7 ноября. С утра еду с командармом и членом Военного совета в бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса. Лагеря в лесах обширные; добротно сделанные, обшитые свежим тесом, блиндажи — каждый на взвод строить их научились, не то что было в начале войны. У блиндажа окоп — на всякий случай. Дорожка усыпана песком. Расчищены парадные линейки — как в довоенных лагерях. Возле каждого блиндажа на земле ради украшения — нечто вроде клумбы из кирпича, угля и песка: мозаикой выложены гвардейские знаки, ордена Славы, изображения танка, лозунги.

Под навесом — столовая. Очередь у жбана с водкой, рядом с которым груды бутербродов на закуску: праздничные сто граммов по списку. Отсюда к столу…

Катуков тут же обрушивает на командира бригады кучу вопросов:

— Что сегодня на обед? Борщ, котлеты, рисовая каша, а на закуску колбаса? А ну, попробуем… Позвольте, а почему на столах нет горчицы? Где перец? А хрен? Чтоб было!.. — Потом почти без передышки: — А гвардейские знаки у всех?.. Почему не у всех? Ленточки за ранение все, кому положено, носят?.. Почему не все? У нас их полон склад. А вы понимаете, какое значение имеют гвардейский знак и золотая или красная ленточка на гимнастерке? Ведь это удваивает авторитет ветерана среди новичков, пришедших с пополнением!..

Пока что командарм настроен благодушно. Но вот он увидел нечто такое, что в его глазах выглядит как подрыв основ воинского порядка: бочком-бочком к столу прошмыгнули двое бойцов в гимнастерках без погон. Боже мой, какой тут происходит взрыв гнева!..

— Что такое? Кто такие? Как это так — «не успел пришить на новую гимнастерку»? Не уважаете воинскую форму? Да вы знаете, что такое погон для военнослужащего? Это высший почетный знак того, что Родина доверила тебе ношение оружия! Немедленно возвращайтесь во взвод, приведите себя в порядок и только тогда приходите на обед, а завтра вам обоим наряд вне очереди…

И тут нагоняй всему начальству от командира взвода до комбрига:

— У двоих бойцов не оказалось погонов. Что это — мелочь? Нет! Вы скажете: «Есть

отдельные растяпы». Неправильно! Нет настоящей воинской дисциплины — вот что это значит. Нет должной требовательности! Сегодня у вас люди не носят погоны, нарушая тем самым приказ правительства, а начнутся бои, и я уверен — у вас дивизион артиллерии вовремя не придет, вам дадут понтоны — вы их не доставите вовремя на переправу, вы пошлете свои батальоны в атаку, а люди начнут отставать. Простая вещь — погон. А за ним я вижу важные дела. Сегодня у вас люди забывают надеть свои знаки воинской службы, а завтра они дымовые шашки забудут взять, неорганизованно выйдут на рубеж, сорвут выполнение боевого приказа. И вот сегодня у нас с вами великий праздник, а я вынужден вам выговаривать за эти неприятные, будничные вещи. И это только потому, что вы до сих пор не сумели привить своим людям точность, исполнительность, привычку к воинской дисциплине…

В другой бригаде — разговор уже совсем в другом ключе, с пятнадцатилетним воспитанником части Мишей Филатовым, лихим мотоциклистом. Его отца убили гитлеровцы, а мать умерла, и командир роты технического обеспечения старший лейтенант Фомин подобрал сироту…

— Ну как, солдат, хочешь стать офицером?

— Хочу шофером…

— Ну что ж, можно и шофером, тоже специальность неплохая, — улыбается Катуков. Потом, заметив, что у парня под мышкой порвана шинель, вдруг спрашивает:

— У тебя иголка есть?

— Я не портной, товарищ генерал, я мотоциклист…

Катуков молча снимает фуражку и показывает пришпиленную за тульей иголку с ниткой. Потом назидательно говорит:

— Вот. Генерал, а иголка всегда при мне. Понял? Достань сейчас же иглу и зашей рукав. Сам, без всяких портных. А мы тебя потом в суворовское училище отправим…

Там же, в батальоне командарм остановил вдруг молоденького голубоглазого бойца:

— Карел?

— Так точно…

И вдруг Катуков зачастил на эстонском языке, имеющем общие корни с финским. Солдат все понимает, отвечает по-карельски. Потом, осмелев, спрашивает:

— Товарищ генерал, а откуда вы знаете нашу речь?..

— Видишь ли, когда мне было семь лет, отец мой батрачил в Петергофском уезде у барона фон Врангеля, барон тогда еще был полковником. Кругом была эстонская ребятня. Ну, и я говорил по-эстонски, как все. Прожил там с отцом целый год…

Память у этого человека феноменальная!

Но вот мы добрались и до нашей любимой 1-й гвардейской танковой бригады. Рапортует дежурный по лагерю гвардии капитан Баландин. Опять строгий вопрос:

— Что на обед?

— Борщ и котлеты…

— А почему винегрет на закуску не сделали? Сегодня же праздник! Учтите, чтоб завтра обед из трех блюд!.. А что вечером?

— Концерт художественной самодеятельности…

Весть о том, что командарм здесь, уже облетела лес. Сбегаются люди, я вижу знакомые лица. Конечно, и Володя Бочковский здесь же. На лужайку спешит новый комбриг Абрам Матвеевич Темник, усатый подполковник, бывалый офицер, чем-то похожий на лермонтовского штабс-капитана Максимыча, каким я себе его представляю. Катуков хитро прищуривается:

— Вам прислать сюда в лесок палок — городки для бойцов нарезать или сами найдете, товарищ комбриг?

— Сами нарежем, — смущенно отвечает Темник.

— А где у вас волейбольные площадки? Сетки есть? А мячи? Потом — к группе бойцов:

— Что же это вы, гвардейцы, в поход, что ли, ради праздника ходили? Сапоги у вас рыжеватые. Чистить нечем? Говорите, вакса есть? Так за чем же дело стало?

Смутившиеся танкисты ныряют в блиндажи за сапожными щетками. Подходят другие, празднично подтянутые, по всей форме одетые, в хорошем настроении. Это танкисты Бочковского. Генерал доволен их выправкой:

— А ну, станцуем «барыню»! Где гармонь? А барабан? Да что же это за солдатские танцы без барабана? Говорите, нету? А сколько вы баранов съели, неужто не могли кожу на лукошко натянуть?

Звучит лихая музыка. В круг выходят сразу человек десять. Веселье! Собирается большая толпа. Бочковский глядит на танцоров. Видать, хотелось бы и ему в круг, да с укороченной после ранения ногой не очень-то попляшешь. И вдруг Катуков, вснользовавшись паузой, заводит уже серьезный разговор:

— А вы читали предоктябрьскую статью нашего всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина? Там ведь и о вашей бригаде написано!

— Читали!

— Вот были мы у него с Николаем Кирилловичем Попелем, членом Военного совета нашей армии, так он сорок минут про вас расспрашивал… «Я старик, говорит, — а за ними слежу. Слежу!» Он еще в подмосковных боях бригаду приметил, с тех пор постоянно интересуется ею. Так что смотрите, не подведите свою бригаду перед Михаилом Ивановичем! Не то конфуз выйдет. Встретимся мы с ним опять, а он и спросит: «Какая бригада в 1-й гвардейской танковой армии теперь лучшая?» И вдруг нам придется ответить: «Шестьдесят четвертая». — «А куда же Первая гвардейская подевалась?» — Неудобно получится…

И сразу со всех сторон хором:

— Не подведем! Были первыми и будем первыми! Первыми до Берлина дойдем!

После обеда возвращаемся на командный пункт: сейчас должен начаться торжественный вечер офицеров 1-й гвардейской танковой армии, посвященный годовщине Октябрьской революции. В густом багряно-золотом лесу торжестжелтых листьев, прогуливаются празднично одетые танкисты, и закатные солнечные лучи играют на их орденах. Среди них я узнаю генерала Гетмана, добродушного курносого великана, знаменитого на всю армию своим олимпийским спокойствием и невозмутимостью. Когда мы познакомились с ним на Курской дуге, он командовал 6-м танковым корпусом, который под его руководством стал потом 11-м гвардейским, а теперь только что стал заместителем командарма. На посту командира корпуса его сменил молодой талантливый танкист А. Х. Бабаджанян, отлично командовавший до этого бригадой.

На груди у Гетмана незнакомый мне орденский знак — звезда из драгоценных камней. Что это такое? Генерал сконфуженно машет рукой:

— Да, понимаете, какая история вышла — наградил меня британский король рыцарским орденом. Говорят, по их правилам это большая честь, а у нас такой орден — совсем необычайное дело. Полагается на шею надевать крест, а на грудь вот эту штуку, — Гетман указал на свою звезду, сверкавшую камнями. Ну, я потихоньку правило нарушаю, крест не ношу, а звезду по парадным случаям надевать приходится. Меня уж и так задразнили: «Ты, — говорят, землевладелец»… Толкуют, будто в Англии кавалерам рыцарского ордена причитается по пятьдесят гектаров земли…

Все дружно смеются, слушая, надо полагать, не впервой эту историю генерала, удрученного такой неожиданной наградой. А я думаю о том, как широко разнеслась и всемирно утвердилась слава советского оружия, ежели даже его величество король Великобритании отдает ему дань, награждая советских полководцев самыми высокими своими наградами, предназначенными для знати…

Уже четыре тысячи километров отмерили танкисты 1-й гвардейской гусеницами своих машин, колеся по фронтам, в четвертый раз встречают праздник на войне, на этот раз далеко от родных краев, близ берегов широкой Вислы. Здесь все не так, как на родине, — и дома

стоят по-иному, и люди говорят иначе, и даже вот этот лес, не сбрасывающий листвы до ноября, не похож на наши подмосковные рощи. Офицеры много говорят о Москве, о том, как люди там, наверное, спешат сейчас на праздничные вечера и встречи. Связисты хлопочут около своих приемников, ловя далекие волны столицы…

Потом началось собрание. Докладчик стал говорить о пройденном пути и о том пути, какой остается пройти до Берлина, и вдруг я вспомнил, как ровно три года назад в небольшом подмосковном селе в тесной избе с бумажными розами и любительскими фотографиями на стене полковник Катуков, командовавший 4-й танковой бригадой, в тот самый вечер проводил накоротке праздничную встречу со своими офицерами.

Тогда из бригады можно было за полтора часа доехать до Красной площади. Но близость эта не радовала, а тревожила людей. Лихой разведчик Коровянский, только что сходивший на своем танке в расположение противника по тайным лесным тропам, донес, что в лагере немцев снова начинается движение: немцы готовили мощный удар по Волоколамскому шоссе, и его должны были принять на себя первыми они, танкисты, ставшие щитом у ворот Москвы.

И полковник Катуков, человек спокойный, выдержанный, умеющий держать свои нервы в кулаке и шутить даже тогда, когда положение становится критическим, снова и снова поглядывал на карту и в сотый раз проверял себя, — удалось ли ему расставить свои немногочисленные танки так, чтобы ка-ждый из них в бою сработал за целый батальон…

А докладчик говорил и говорил, рассказывая о том, какие огромные задачи встанут перед армией в эту зиму, которой, судя по всему, суждено было стать последней военной зимой. И конечно же, танкистам суждено снова быть впереди всех, прокладывая путь пехоте.

— Мы их доколотим, товарищи, — сказал, наконец, улыбаясь, докладчик, и тут я увидел, как сидевший в переднем ряду Владимир Бочковский вскочил, сорвавшись с места, и, бурно захлопав в ладоши, закричал: «Доколотим! Обязательно доколотим!» И другие вскочили вслед за ним, и забушевала вдруг такая овация, что чудилось, будто это по густому лесу идет сильный-сильный ветер, и трещат вековые дубы. А Катуков, аплодировавший вместе со всеми, улыбаясь, глядел на своих питомцев, и, наверное, думал все о том же: как же здорово выросли за эти годы его орлята, теперь им можно было поручить любую задачу, пусть даже самую трудную…

* * *

8 ноября. Уже рабочий день: ученья. С утра вдруг — снег. Мокро. Надев плащ-палатки, едем к городку Яворув — там в условиях, приближенных к боевой обстановке, проводится учебная переправа через водную преграду.

Высокий сосновый бор. Рядом озерко, покрытое грязно-зеленой ряской. Саперы сладили под водой штурмовой мостик — бежать по нему надо по колено в воде. Вроде бы неудобно, но зато мостик не виден противнику, его трудно обнаружить и разбить.

Часть солдат переправляется на подручных плотах, сделанных из досок и соломы. Тут же — надувные резиновые лодки. Некоторые бойцы в специальных костюмах: вокруг талии у них нечто вроде большого спасательного круга, так легче переплывать реку.

Ученьями командует полковник Бабаджанян, энергичный, опытный офицер. Горло у Бабаджаняна туго забинтовано, и он говорит шепотом: еще не оправился от опасного ранения в шею, полученного в дни летнего наступления. Каждая деталь операции отрабатывается тщательно, с многократными повторениями. Ракета… Солдаты, вырываясь из соснового бора, мчатся к воде. Переправа осуществляется в максимальном темпе: сэкономишь минуту быть может, спасешь этим сотни жизней. Лодки, плоты снуют от берега к берегу. С грохотом рвутся взрывные пакеты, имитирующие снаряды, мины, бомбы. Вспыхивают дымовые шашки — маскировка переправы. Это зрелище запоминается надолго: темно-свинцовое, с прозеленью озеро, белые поля, желтый дым, черные фонтаны взрывов…

Катуков внимательно наблюдает за ходом переправы, следя за минутной стрелкой

своих часов. Здесь же офицеры ряда частей. Люди вымокли, устали, но никто не ропщет: уже давно поняли глубокий смысл суворовской фразы: «Тяжело в ученье — легко в бою».

На обратном пути останавливаемся у околицы деревни: тут стоит, подняв могучий ствол к небу, мощная советская 203-миллиметровая пушка без замка, оставшаяся на огневой позиции в дни отступления в 1941 году. В стволе ее до сих пор снаряд. Немцы только вынули гильзу с порохом. Крестьяне рассказывают: здесь в первый день войны стояла наша батарея. Остальные пушки успели увезти, а эта осталась. Сейчас возле пушки хлопочут ремонтники, хотят ее утащить и сдать в капитальный ремонт, может быть, еще удастся вернуть в строй.

Катуков внимательно оглядывает орудие, как своего старого знакомого. Видать, вспоминается ему много горького о тех страшных днях, ведь и он в ту пору не так далеко отсюда вел тяжкие бои, отходя со своей дивизией на восток.

— Вы знаете, — вдруг говорит он, — я вот собрал сейчас в этих краях сорок четыре наших танка, подбитых в 1941 году, есть среди них и Т-34. Представьте себе, многие машины удалось восстановить, и они сейчас готовы к бою. Тогда мы потеряли много техники. Но гитлеровцам это обошлось дорого…

*** * ***

18 ноября. Опять у Катукова. У него острый приступ воспаления почек. Лежит с грелкой, пьет изготовленный по его собственному рецепту настой из травы «медвежье ушко» и читает… Библию, изучая, по его выражению, «быт крупных скотоводов долины Тигра и Евфрата». Библию выпросил у православного попа в деревушке на берегу Вислы.

Снова долгий разговор об охоте, о зверях, о птице, о рыбе, о способах их добычи. Я узнаю от генерала великое множество самых разных вещей: что кондор летает на высоте до 9000 метров, а гриф — лишь около 8000 метров; что тетерев-косач сейчас, когда облетела листва, садится на ветви, а летом он спит на земле, у него черные крылья, красные сережки, белая грудь, хвост лирой, а вот тетерев-глухарь прячется в самой глухой чащобе; что ершей надо ловить над тинистым дном, а окуней — над песчаным, где галька.

Катуков вспоминает, как, охотясь под Ружином до войны, он убил там утку, окольцованную ленинградскими юными натуралистами. Послал тогда им письмо, но оно почему-то вернулось с пометкой «Адресат не значится». А потом началась война, и зимой 1943/44 года в районе Ружина Катукову довелось охотиться не на уток, а на гитлеровских «тигров».

Генерал остро тоскует по своим родным местам. Нарисовал по памяти план родной деревни Уварово, что близ Коломны, по пути к Кашире, и показывает, где пруд, где мост, где пожарный сарай, где отцовский дом. Потом начертил план района. Приказал ординарцу Ване принести потрепанный портфель, в котором, как реликвия, хранится карта района подмосковных боев 4-й бригады, которая захватывает и Уваровский район, — вот как близко к дому пришлось воевать, можно сказать, защищал свою деревню!

Снова и снова возвращается к своей мечте о том, как хорошо было бы после войны стать лесником, поставить домик где-нибудь на Оке и там жить…

В самом разгаре этой долгой, лирической беседы вдруг в дверь заглядывает остроглазый, бритоголовый, тонко усмехающийся начштаба Михаил Алексеевич Шалин в сверкании своих трех «Кутузовых», «Богдана Хмельницкого», большого английского креста и прочих орденов, со шпорами, в синих галифе с алыми генеральскими лампасами. Под мышкой объемистые папки.

— Если разрешите, товарищ командующий, я к вам ненадолго.

Катуков, закусив губу от боли, поднимается с дивана:

— Пойдем в ту комнату…

И они уединяются часа на два, разрабатывая очередной вариант предстоящей большой операции.

Я ухожу в лес. Там все по-прежнему безмятежно. Легкий пух инея лежит на все еще зеленой траве. Над виллами курятся дымки. Неподалеку раздаются отрывистые, четкие слова команд — комендантский взвод проводит занятия по строевой подготовке. Как будто бы ничего не изменилось…

Но мы — на войне, и еле уловимые знаки предвещают скорое окончание затишья: шоферам приказано выписать полный запас горючего; командарм отменил командировку адъютанта в Москву; отпуска прекращены; сам командарм не выезжает даже на охоту, стараясь неотлучно находиться близ телефона ВЧ, связывающего армию со штабом и со Ставкой Верховного Главнокомандования.

Скоро, скоро грянет гром!

* * *

21 ноября. Сумрачный денек. Снег на крышах вилл, остекленевшие, схваченные морозом грибы в лесу, серая мгла на горизонте. Генерал в серой папахе и ладно скроенной шинели, оправившись от острого приступа болезни, позволил себе первую прогулку. Под мышкой у него ящик трофейных сигар хочет угостить старых друзей — зенитчиков из батареи Зеленкова, проделавшей с ним долгий путь от Москвы до Вислы.

Но… подошел к блиндажам зенитчиков и пришел в ярость: клумбы, подготовленные к 7 ноября, растоптаны, на виду лежат картофельные очистки, валяются консервные банки, щепки от дров. И сразу — гром и молния!

— Варвары! Не буду с вами разговаривать, пока не наведете у себя армейский порядок. Какие вы после этого гвардейцы? А я еще хотел вас сигарами угостить. Идите от меня прочь, и чтобы через час был порядок!

Сконфуженные и расстроенные, зенитчики бросаются наводить порядок. Можно не сомневаться, что через час здесь все будет сверкать…

Прогулка, которая, как было клятвенно обещано врачу, должна была быть тихой и безмятежной, — главное, чтобы не волноваться! — превращается в самый настоящий инспекторский смотр.

В лощине течет ручей. Черный, предзимний лес. Серые дымки над землянками. Слышатся щелчки револьверных выстрелов — группа офицеров на стрелковых занятиях. Здесь все по правилам: старший в группе, капитан, построил участников занятий и отдал рапорт по всей форме.

— Как стреляли? Кто не выполнил задания? Три шага вперед… Дайте-ка сюда ваши пистолеты и револьверы.

Катуков берет пистолет и наган у двух офицеров, которые ни разу не попали в мишень, и стреляет — сначала правой, потом левой рукой. Шестерка, восьмерка, девятка… Значит, оружие не виновато. Берет еще два пистолета. На этот раз пули ложатся кучно, но в стороне от центра мишени. Генерал приказывает отдать эти два пистолета оружейному мастеру на проверку. Собирает офицеров, угощает их сигарами и показывает, как надо держать пистолет — указательным и большим пальцем, не зажимая рукоятку, свободно играя им в руке и не допуская углового смещения.

Вдруг генерал замечает на земле стреляные гильзы и опять хмурится:

— По уставу положено выдавать на стрельбах патроны строго по счету и сдавать гильзы, докладывая: «Лейтенант Иванов выпустил три пули, сдал три гильзы». Это же ценный металл! Как же вы… Немедленно собрать все до одной гильзы!..

Адъютанту с трудом удается увести Катукова завтракать. Этот человек поистине неутомим…

Вот так и проходят эти дни между боями. Дни короткой передышки, которую командарм столь активно использует для того, чтобы 1-я гвардейская танковая в предстоящем сражении показала себя еще более грозной силой, чем до сих пор.

«Пушки с высшим образованием»

В один из этих дней я увязался за членом Военного совета армии Н. К. Попелем, ехавшим в инспекторскую поездку в 399-й гвардейский краснознаменный Проскуровский, имени Котовского, полк тяжелой самоходной артиллерии, входящий в состав 11-го гвардейского танкового корпуса, — этот род оружия Катуков с уважением именовал «пушками с высшим образованием», он сравнительно недавно получил широкое распространение в войсках, и мне хотелось с ним познакомиться поближе. Как явствовало из самого названия полка, он отличился в знаменитых боях по разгрому большой группировки немцев у Проскурова; тогда этот полк, заново переформированный в феврале 1944 года и получивший на вооружение самую мощную боевую технику, какой только располагала в ту пору самоходная артиллерия, повоевал действительно геройски. «Пушкам с высшим образованием» предстояло сыграть большую роль в боях за взятие крупных германских городов, где ожидались ожесточенные уличные бои, и понятен был тот интерес, какой проявляло к ним командование Красной Армии. Когда 399-й полк был впервые введен в дело близ станции Палонной, — танкисты Катукова тогда рвались к Шепетовке, — на фронт приезжал наблюдать за действиями новых самоходок сам генерал-лейтенант Таранович, заместитель начальника Главного бронетанкового управления по самоходной артиллерии.

Внешне тяжелые самоходные пушки ничем не отличались от танка; только вращающаяся башня его была заменена неподвижным броневым укрытием, за которым скрывался экипаж мощного орудия. В 399-м полку на вооружение были приняты новые самоходные установки ИСУ-122. Раньше на шасси танков ИС становились пушки калибра 152 миллиметра, и действовали они отлично. Но теперь их заменили новым длинноствольным 122-миллиметровым орудием; калибр у него меньше, но бой точнее, дальность выстрела больше и пробивная сила превосходная. К тому же новая пушка — полуавтоматическая, скорострельная. В необычайной эффективности ИСУ-122 мне предстояло убедиться воочию на предстоящих учебных стрельбах.

Нас гостеприимно встретил командир полка подполковник Дмитрий Борисович Кобрин, энергичный, голубоглазый крепыш с русыми волосами, зачесанными назад, и холеными усиками. На груди у него над гвардейским знаком красовались золотые ленточки, напоминавшие о тяжелых ранениях, этот офицер, как и многие его коллеги в этом полку, видывал виды на войне.

Командир полка показал нам свои подвижные бронированные крепости, затаившиеся под широкими лапами вековых елей в полной боевой готовности, с экипажами на борту; провел по блиндажам, не без гордости показал только что отстроенный к празднику подземный полковой клуб на двести мест, познакомил нас с ветераном части гвардии капитаном Довгалюком, который начал службу еще до войны, когда полк был обыкновенным танковым, и вступил в бой с рассветом 22 июня 1941 года — сейчас на груди у капитана я приметил три ордена Отечественной войны, Красную Звезду и медаль «За боевые заслуги», привел нас к блистательным командирам батарей, славе и надежде полка: гвардии капитану Борису Икрамову, который в трех боевых операциях уничтожил беспощадным огнем своих пушек 15 немецких танков и одно самоходное орудие, и гвардии лейтенанту Ефиму Дуднику, на счету которого было уже 8 гитлеровских танков.

Мы познакомились и со многими другими выдающимися артиллеристами, о каждом из них можно было бы долго и увлекательно рассказывать. Но самое большое открытие для себя я сделал совершенно неожиданно, встретившись с тихим и скромным писарем полка гвардии старшим сержантом Ивановым, который умудрился в самых сложных и трудных обстоятельствах, а их в эти годы на долю полка выпало немало, вести день за днем журнал боевых действий своей воинской части и — главное! — оберечь его. И знаете ли вы, дорогой читатель, что я выяснил, углубившись в историю этого, технически полностью обновленного, но сохранившего все свои традиции полка? Оказывается, мы находились в одном из старейших, а может быть, и в самом старейшем полку Красной Армии!

Из исторического формуляра полка, который свято сберегался в походной канцелярии части, — и сколько раз преданный делу писарь выносил его из огня, сберегая за пазухой гимнастерки! — явствовало, что полк ведет свое начало от того самого, всемирно знаменитого, 1-го летучего броневого красногвардейского отряда, который был сформирован вскоре после Февральской революции 1917 года и который в памятный весенний вечер послал свой броневик на Финляндский вокзал, где встречали прибывшего в тот вечер из эмиграции руководителя большевистской партии Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Да-да, именно с этого броневика БА-27, двухбашенного, с пулеметами, производства московского завода АМО, Ленин и произнес свою знаменитую речь у Финляндского вокзала, а затем проехал на нем через весь город к штаб-квартире своей партии, которая разместилась во дворце, принадлежавшем до революции фаворитке царя Кшесинской. Этот броневик сохранялся в полку до 1934 года как реликвия. Он стоял в гараже, и тогдашним курсантам Потькало, ныне командиру роты технического обслуживания, и Меняйло, нынешнему помощнику командира по хозяйственному обеспечению, была доверена высокая честь — регулярно чистить и смазывать боевую машину, ставшую исторической. К броневику приводили новобранцев и говорили им: «Глядите, в какой полк вас взяли! С нашего броневика сам Ленин говорил. Теперь вы понимаете, какая на вас ложится ответственность? Наш полк должен быть лучшим в округе!..» А в 1934 году броневик увезли в музей…

Но как же полк начал войну? Я принялся расспрашивать об этом капитана Ивана Никитича Довгалюка — он в ту пору был лейтенантом и командовал танковым взводом, располагавшим боевыми машинами БТ-4…

— А начинали войну мы здесь, вот в этой роще, — сказал мне капитан. Мои брови непроизвольно полезли вверх от удивления, неужели же бывают в жизни такие поразительные совпадения: полк пришел как раз на тот рубеж, с которого он начал войну! Взглянув на меня, капитан усмехнулся: — Давайте-ка прогуляемся в лес, это совсем недалеко…

За нами гурьбой повалили молодые артиллеристы, им тоже хотелось послушать рассказ ветерана. И вот мы в глубине леса. Тихо. Так тихо, что малейший шорох остекленевших тонких веточек лесной акации отдается эхом на опушке. Падает и тает снег. До неправдоподобия зеленая ноябрьская трава упрямо расправляет свои стебельки, и только в больших и широких лунках аккуратными белыми кругами оседает кристаллизующийся ледок, да ровные прямые линии старых окопов белым пунктиром рассекают поляну.

— Вот здесь мы и начали войну, — задумчиво говорит Иван Никитич Довгалюк, — вот здесь. — И он показывает рукой на опушку леса, где особенно много заросших бурьяном и засыпанных снегом лунок. — А немцы шли вон с той стороны… Что делалось тогда… Разве найдешь слова, чтобы рассказать?..

И он нервным движением расстегивает шинель, чтобы достать из кармана портсигар. На кителе капитана на мгновение взблескивают четыре ордена и медаль. Он жадно затягивается папиросой, отмахивается от дыма и продолжает:

— Против нас шли волна за волной немецкие Т-3 и Т-4. Их было очень много. А сверху — сотни самолетов. Как зверски они пикировали на нас!..

Мы молча слушаем ветерана полка. Он говорит волнуясь, отрывисто, прошлое явственно встает перед ним, и эта удивительная тишина нервирует его сильнее, чем канонада; так странно видеть безмятежное спокойствие на том самом рубеже, где сорок один месяц тому назад он впервые услышал адский грохот войны.

— Честное слово, тогда было трудно думать, что мы доживем до того дня, когда здесь опять будут вот так нахально прыгать зайцы, — сказал он вдруг, улыбнувшись и показывая на путаный заячий след на пороше, и замолчал.

Кто-то невпопад переспросил:

— Так вы, значит, Иван Никитич, с первого дня?

Капитан снова улыбнулся:

— Тогда точно. Как в песне поют:

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война…

И, немного успокоившись, он начал подробно рассказывать о первом дне войны:

— Так вот и нам объявили боевую тревогу ровно в четыре часа. Вы уже знаете, что мы тогда входили в состав дивизии Котовского, и нам выпало на долю принять первый удар плечом к плечу с конниками. В моем танковом взводе, как на грех, было всего две машины, остальные мы отправили в ремонт в Дарницу, под Киев. Один танк вел я, другой — старшина Перевертайло. Впереди нас стояли пограничники. Они держались до четырех часов дня. Вы помните, как дрались пограничники, — после войны им, наверное, поставят самые красивые памятники. Рядом с ними нельзя было воевать иначе… И наши хлопцы тоже встали как вкопанные. Несколько месяцев спустя это уже называли, вспомнив кутузовское слово, «стоять насмерть»…

Присев на заросшей травой бровке старого окопа, офицеры внимательно слушали капитана. Показывая рукой на рощу, на лощину, на вскопанные поля, он воссоздавал картину одного из тех первых боев, в которых был надломлен ударный таран немецкой армии.

Гитлеровцы рассчитывали с ходу прорваться в глубь страны на этом участке до того, как подойдут наши оперативные резервы. Но они наткнулись на ожесточенное сопротивление. Наши пехотинцы, кавалеристы, танкисты действительно стояли насмерть.

Битва становилась все более кровопролитной. Фашисты продвигались вперед, но на каждом километре оставались сотни их могильных крестов и десятки страшных, черных скелетов горелых машин с облизанными пламенем крестами на башнях.

Вот так полк и воевал до второго июля, когда его отвели на ремонт и перевооружение. Танков тогда не хватало, и полк преобразовали в 123-й отдельный танковый дивизион имени Котовского. Этот дивизион принимал участие в зимнем наступлении под Москвой в составе 1-й Ударной армии генерал-лейтенанта Кузнецова, начиная от Яхромы, почти что рядом с катуковцами. Потом он воевал на Северо-Западном фронте, опять-таки в составе 1-й Ударной армии, близ Валдая. В ноябре 1942 года участвовал в разгроме 16-й немецкой армии фон Буша.

А летом 1943 года, когда готовилось наше большое наступление на Харьков, дивизион снова стал полком — на этот раз 61-м отдельным гвардейским танковым полком прорыва. И в августе он, снова плечом к плечу с катуковцами, участвовал в наступлении на Курской дуге — курс держали на Томаровку и дальше на юг. Прошло несколько месяцев, и снова переформирование: теперь полк принимает мощные артиллерийские установки на гусеничном ходу и превращается в тяжелый полк самоходной артиллерии.

Свое новое оружие полк испытал, когда его перебросили на ликвидацию Никопольского плацдарма гитлеровцев на левобережье Днепра: в боях с 20 по 30 ноября 1943 года полк подбил и сжег 26 немецких танков, 5 самоходных орудий, 10 пушек и истребил триста вражеских солдат, потеряв всего 6 самоходных орудий, один танк и десять артиллеристов. Гвардейцы полюбили свое новое грозное оружие, уверовав в его большие возможности…

И вот уже наступил 1944 год. В феврале полк получает подкрепление, новую боевую технику. Командование им принимает подполковник Кобрин, «кровный артиллерист»: он возле пушек с 1935 года, а в самоходной артиллерии — уже целый год. Техника на этот раз полку дана наилучшая, и когда полк, принимавший новые самоходные установки под Москвой, в Пушкинском районе, погрузился в эшелон и отбыл снова в действующую армию, настроение у всех было приподнятое. Все были уверены, что отлично выдержат новый

боевой экзамен.

Никто не предполагал, однако, в какой трудной обстановке придется сдавать этот экзамен. Едва успев разгрузиться близ станции Полонное, под Шепетовкой, полк сразу же оказался в центре жарких боев. Наши танковые армии — 1-я гвардейская под командованием Катукова и 3-я, которой командовал столь же опытный водитель танковых войск Рыбалко, прорвав фронт гитлеровцев, ушли далеко вперед, обойдя мощную группировку гитлеровцев, оставшуюся в районе Проскурова, и теперь им приходилось воевать с перевернутыми фронтами.

399-й полк самоходной артиллерии прибыл как раз вовремя — это была полноценная свежая часть, которую отдали в распоряжение танкистов, чтобы им было легче заслониться от контратакующих фашистов. Бои начались у Черного Острова, Старо-Константинова, По лонного, — наши танковые части еще двигались вперед. Но 18 марта у Дзелинги уже разгорелся жаркий бой: гитлеровцы попытались отрезать наши войска, ушедшие вперед, и рассечь их коммуникации.

Кобрин едва успел на заре расставить свои батареи для обороны. В первом эшелоне встали танки в наскоро открытых капонирах, вторую линию образовали самоходные установки, они стояли по-батарейно в 300–400 метрах за танками, прикрывая три деревни.

Вскоре после полудня гитлеровцы перешли в наступление. После часовой артиллерийской подготовки налетели немецкие бомбардировщики, и около 70 самых мощных немецких танков, «тигры» и «пантеры», предприняли атаку сразу в трех направлениях — севернее Дзелинги, южнее и на привлекавшей их чем-то лесок. «Тигры» шли в центре, «пантеры» — на флангах. Силы были далеко не равны, но не в традициях потомков 1-го летучего красногвардейского броневого отряда уступать поле боя врагу…

Разгорелся отчаянный, кровопролитный бой. Стоявшие в первой линии обороны наши танки сгорели один за другим. «Тигры» вырвались на дорогу, но там их встретила метким огнем 1-я батарея, которой командовал бесстрашный офицер — старший лейтенант Матюхин. Его ИСУ-122 наносили существенный урон противнику, однако и «тигры», располагавшие численным превосходством, больно жалили нашу батарею, самоходные орудия загорались одно за другим.

Кобрин бросил на выручку Матюхину три самоходные установки 2-й батареи, которой командовал старший лейтенант Назаренко, чтобы они преградили путь девятнадцати «тиграм» и «фердинандам», неумолимо продвигавшимся вперед. Три против девятнадцати! Казалось бы, при таком чудовищном неравенстве сил немыслимо держать оборону. И все же эти три самоходных орудия задержали гитлеровцев на целых шесть часов, пока не подоспели наши подкрепления.

Обозленные неудачей гитлеровцы назавтра сменили направление и ударили на Лобковцы. Но и там они наткнулись на броневой заслон: впереди стояли пять-шесть танков с приданными им противотанковыми орудиями, а позади них 3-я батарея 399-го самоходного полка, командовал ею опытный артиллерист, кавалер четырех орденов, гвардии лейтенант Туркин.

Еще через несколько дней, 26 марта, самоходчики держали фронт у селения Алексинец-Польный, здесь им пришлось развернуться на поле боя с марша. Дело было так. Полк подтягивался к переднему краю, до которого оставалось, как сообщали, километров десять. И вдруг Кобрин видит, — по дороге отходит наш подбитый танк Т-34. Из башни высовывается офицер:

— Товарищ подполковник! Сейчас здесь будут немецкие танки!

И грянул бой!.. Едва Кобрин успел дать командирам 2-й и 3-й батарей Назаренко и Туркину ориентиры для стрельбы на случай атаки и указать им позиции, как на горизонте запылили «тигры» и вокруг начали падать горячие болванки бронебойных снарядов.

Навстречу противнику устремился по шоссе, прикрывая развертывание полка, младший лейтенант Клименков, еще раз показавший свое мастерство прицельного огня: он зажег один за другим несколько немецких танков, увертываясь от их обстрела. Тем временем

батареи занимали огневые позиции и быстро вступали в бой.

— Это был один из самых трудных дней, — рассказывал мне подполкрвник Кобрин. — Тут и погиб наш командир 3-й батареи Туркин; какого офицера мы потеряли, ему цены не было! Он стоял у дома, в Алексинце-Польном, в тридцати метрах от меня, когда ему осколком раскроило череп. Три часа он прожил… Вы только представьте себе положение: идет отчаянный бой, автоматчики Перенков, Кошкин и Лебедев приносят его ко мне, умирающего. Нет под рукой ни врача, ни медсестры, и ни у кого из нас, как на грех, ни одного перевязочного пакета: все уже израсходовали. Снял я с Туркина ремень, разбитую голову его держу на коленях, лью воду ему на затылок, а он умирает. Умирает медленно, мучительно — дышит тяжело, кашляет, и такое меня зло берет, что я бессилен что-нибудь для него сделать…

Кобрин на мгновение замолк, его голос осекся — трудно вспоминать такое.

— Ну вот, а гитлеровцы уже на восточной окраине… Назаренко Командует обеими батареями — и 2-й, и 3-й. Я сижу с Туркиным на руках метрах в пятнадцати от него, а он, привстав на колено во дворе, показывает руками экипажам, где какое орудие ставить. И пули свистят, немцы бьют из крупнокалиберных пулеметов…

Несколько гитлеровских танков ворвались в деревню, но вперед продвинуться побоялись: их страшили ИСУ-122. К десяти вечера бой затих. 2-я батарея и штаб полка остались в деревне, и гитлеровцы тут же — в другом конце. Кобрин ночью с пятью автоматчиками выходил на разведку. Кошкин пошел за ним, но наткнулся на фашистов, зарылся в солому, а тут еще немецкая кухня подъехала к стогу и стала раздавать ужин, так он и просидел рядом с гитлеровцами до утра.

А к одиннадцати часам фашистов все же выбили из деревни. Выяснилось, что это была группировка, прорывавшаяся к своим из Проскурова.

— В этих боях многие отличились, — сказал мне Кобрин. — Не зря полку нашему дали это наименование — Проскуровский. Назаренко своей батареей истребил за несколько дней восемнадцать танков. А лучше всех воевал Климевков: он сам с экипажем подбил одиннадцать немецких танков и сохранил свою установку.

— Да, на войне много случается такого, чего вашему брату-журналисту и не придумать, — подтвердил заместитель Кобрина, подполковник Виноградов. Помните, Дмитрий Борисович, как мы в те дни на станции Малиничи захватили эшелон с танками? Расскажи в Главном бронетанковом управлении, пожалуй, не поверят: как это так, самоходная артиллерия вдруг идет в атаку и захватывает железнодорожную станцию? А вот случилось же такое: взяли на платформах три «тигра» и двенадцать «пантер», и все, заметьте, исправные. Наши ИСУ в атаку пошли, как танки, а гитлеровцы не успели опустить свои машины на землю и завести их, разбежались…

Кобрин рассмеялся:

— Ну, так это война не по правилам. Да и вообще, надо сказать, наш дебют с начала и до конца был этакий, как бы вам лучше сказать, экстравагантный, что ли. Полк попал в чрезвычайную ситуацию и должен был к ней приспосабливаться. Вот и действовали наши тяжеленные ИСУ как броневики, носились с участка на участок на пределе своей скорости. Но все же задачи свои всюду выполнили полностью и за то были отмечены.

А после этих боев настали новые, не менее сложные и трудные. Артиллеристы рассчитывали на отдых, надо было принимать новую технику взамен утраченной. В Гусятине встретили эшелон с новенькими ИСУ. И вдруг депеша от командующего фронтом маршала Жукова:

— Гитлеровцы перешли в контрнаступление у Чорткова. Немедленно совершить двухсотдвадцатикилометровый марш в двое суток — к Катукову на помощь!

Легко сказать — 220 километров за двое суток для тяжелых самоходок, да еще по невероятно вязкой грязище, которая в ту весну заполонила все дороги на Западной Украине! И все же добрались к полю бея в срок, встретили гитлеровцев в районе Обертин — Незвиско. Многие десятки гитлеровских танков сразу кинулись на тот участок, который прикрыл своим

броневым щитом 399-й полк, но прорваться им не удалось.[85] Понеся большие потери, фашисты откатились. Пять дней сражались на том участке самоходчики, сами понесли тяжелые потери, погибло двенадцать ИСУ — особенно досаждала бомбардировочная авиация. Но все боевые задания были полностью выполнены.

С той поры полк и воюет вместе с катуковцами, с ними он форсировал Западный Буг, Сан, Вислу, с ними стоял насмерть на Сандомирском плацдарме. Батарея старшего лейтенанта Дудника, поддерживая бригады Бойко и Моргунова, шесть суток не выходила из боя. Опять геройски действовали батареи старшего лейтенанта Назаренко и капитана Икрамова. На людей было страшно взглянуть в чем только душа держалась, а все-таки пересилили фашистов, отстояли рубеж. Село Лопата раз десять переходило из рук в руки, но так и осталось по нашу сторону переднего края. Помогали самоходчики танкистам и замкнуть кольцо вокруг Сандомира…

За эти боевые дела все до одного члены боевых экипажей ИСУ на месте были награждены орденами Красной Звезды. Неутомимый летописец полка писарь Иванов дал мне переписать лаконичную табличку, предельно кратко и выразительно подводящую итог боям. Вот она:

> 16 июля — 25 августа 1944 года.
> Полк прошел с боями свыше 900 километров — вплоть до Сандомира.
> Боевые успехи:
> Сожжено 17 немецких танков, подбито 8.
> Подбито 2 немецких самоходных орудия.
> Уничтожено 12 немецких противотанковых пушек.
> Разбито 5 немецких наблюдательных пунктов.
> Расстреляно 3 немецких склада.
> Уничтожено 11 автомобилей.
> Подавлено 9 артиллерийских и 6 минометных батарей. Истреблено около 400 гитлеровцев.
> Награды: Указом от 1 сентября полк за образцовое выполнение заданий командования в боях при форсировании Вислы и за овладение Сандомиром награжден орденом Красного Знамени…

— Вот так и воюем, — заключил нашу долгую беседу подполковник Кобрин. — А сейчас нам пора уже на стрельбы. Мы народ точный, расписание занятий соблюдается до минуты…

Стрельбы, как и следовало ожидать, прошли без сучка, без задоринки. Длинношеие зеленые чудовища — ИСУ-122 — лихо вылетали с ревом и грохотом ла бугор, мгновенно гремели выстрелы, и где-то вдали едва заметные движущиеся мишени разлетались вдребезги с первого же выстрела.

— Теперь пойдем до Берлина, — сказал подполковник Кобрин, пряча довольную улыбку в своих русых усах.

* * *

Много лет спустя, в июле 1969 года, я вдруг получил объемистый пакет из Минска с сургучной печатью. В нем лежало обширное послание на шестнадцати страницах, написанное твердым офицерским почерком, а к нему была приложена фотография, с которой глянуло на меня мужественное лицо полковника с ясными глазами и лихо, по-фронтовому, закрученными усами. На кителе полковника сверкали четыре ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны, орден Красной Звезды и многие медали. На обороте

---

[85] Маршал Катуков рассказывал мне, что в тот день в бою у Незвиско были сожжены десятки немецких танков

фотографии я прочел:

> «Уважаемый Юрий! Высылаю Вам эту фотографию, чтобы вы представили себе, как я изменился с того времени, когда произошла наша встреча на фронте в 1944 году, описанная вами в журнале «Знамя». С приветом — Д. Кобрин».

Да, это был он, Дмитрий Борисович Кобрин, боевой командир знаменитого полка «пушек с высшим образованием», как называл тяжелые самоходные артиллерийские установки генерал Катуков. Подумать только, — он прошел со своими пушками весь путь войны до самого Берлина, больше того — до последнего оплота гитлеровцев — рейхстага, по которому его батареи вели огонь прямой наводкой, в упор. Там 399-му гвардейскому Проскуровскому ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Кутузова III степени, тяжелому самоходно-артиллерийскому полку было присвоено еще и самое почетное имя Берлинского, а многие его офицеры и солдаты получили новые правительственные награды.

Дмитрий Борисович прислал мне обстоятельное описание целого ряда поистине знаменательных сражений, в которых участвовал этот легендарный полк с тех пор, как мы расстались, и в последующих главах я приведу некоторые выдержки из этого описания. Не скрою, — мне было очень приятно много лет спустя после нашей встречи у государственной границы СССР узнать, как дальше развивались события в жизни полка и как сложились судьбы людей, с которыми мы тогда подружились.

А в июле 1973 года я вдруг получил письмо из Ростова. Обратный адрес, написанный женским почерком, гласил: «Город Ростов-Дон, 4, Рабочая площадь, 19, кв. 48. Яременко М. Т.». Кто бы это мог быть? Вскрыл конверт, достал листок, исписанный с обеих сторон, и прочел: «Мы с мужем (он полковник запаса) прочли ваш очерк, в котором вы рассказываете о встречах с бойцами и офицерами 399-го гвардейского полка тяжелой самоходной артиллерии на фронте в 1944 году. Я служила в этом полку — сначала была зачислена замковым орудия самоходной установки, а потом стала телефонисткой взвода управления в звании гвардии сержанта и хорошо помню, как вы приезжали к нам с Николаем Кирилловичем Попелем.

Вот я и подумала, может быть, вам будет интересно узнать, как сложились дальнейшие судьбы людей, о которых вы писали. Возможно, вы знаете, что командир нашего полка, гвардии полковник Дмитрий Борисович Кобрин жив и живет сейчас в Минске. Живы и другие ветераны. У нас в Ростове, например, находится один из боевых офицеров полка Крюков. Смелый командир батареи Икрамов, о подвигах которого вы рассказали, тоже благополучно завершил войну.

Недавно мы с мужем были на встрече воинов-ветеранов. Это было большое счастье — вновь увидеть тех, с кем рядом мы воевали, кто отдавал все свои силы, здоровье и был готов пожертвовать своей жизнью (а многие и погибали) в борьбе за спасение родины и всего человечества. Жаль только, что с каждым годом ветеранов становится все меньше и меньше — уходят из жизни старые фронтовики. Уходят люди, не успевшие познать счастья молодости — ведь молодость наша прошла в боях и походах, в дыму пожарищ и под грохот разрывов мин и снарядов.

И еще хочется мне напомнить вам о том, что в нашем полку рядом с описанными вами героями сражались и девушки. Им было труднее, чем мужчинам, но они не падали духом. Может быть, при случае вы где-нибудь упомянете и о них?

Вот служила у нас очень хорошая девушка Маруся-шофер — так ее все и звали, а фамилию ее ни, я, ни мои друзья не запомнили. Это была очень смелая девушка: В Карпатах в разгаре боев она мужественно подвозила горючее вплотную к сражавшимся нашим танкам. А те, кто воевал, знают, как это страшно для шофера, да еще для девушки. У меня сохранилась ее фотография, она стоит около своей автомашины.

Вспоминаю я еще одну смелую девушку — санитарку, — была она с виду неприметная, скромная, но как раскрывалась красота ее души в бою, когда она спасала раненых! О себе она никогда не думала. Бывало, бойцы сидят в укрытии, а она все ползает да ползает по полю

под пулями и разрывами мин, разыскивая наших раненых.

Сама я в 1940–41 году жила в городе Станиславе — работала, училась. В 1940 году ЦК ВЛКСМ проводил военно-спортивные соревнования. Я была тогда тренером команды РСФСР по одному из видов спорта, и мы заняли первое место по Союзу. Меня наградили Грамотой ЦК комсомола, дали премию. После этих соревнований я уехала на границу нашей родины и вот вернулась в Москву только в 1946 году, пройдя через фронты…

Нелегко приходилось девушкам на фронте, — порой даже участвовали они в рукопашных схватках, наравне с мужчинами, в упор стреляли в фашистов. Дрожали в своих тоненьких плащ-палатках. Приходилось лежать рядом с трупами, грызть замерзшие сухари. Приходилось вести машины под дождем. Всякое бывало!

Но девушки никогда не падали духом. И хорошо было бы, если бы современные юноши и девушки почаще вспоминали, как их матери, находясь в таком же молодом возрасте, переносили все это, жертвуя собой во имя интересов родины…»

Я охотно включаю и это письмо в свою книгу; думаю, что ее читателям будет небезынтересно узнать эти новые подробности из боевой жизни 399-го Проскуровского полка тяжелой самоходной артиллерии, в котором мне посчастливилось побывать три десятилетия тому назад…

* * *

В последних числах ноября тысяча девятьсот сорок четвертого года я распростился с гостеприимными танкистами и собрался в обратный путь. Мне довелось проехать до самой Москвы на автомашине, и это было очень интересное путешествие по земле, уже начавшей оживать после того, как на ней в течение долгих-долгих месяцев фашистской оккупации лежало тяжелое и страшное фашистское иго. Хотелось бы рассказать и об этом, но для этого, наверное, понадобилась бы еще одна книга.

На Берлин. 1945

Три красные стрелы

Пожалуй, ни один период войны не был насыщен столь великими и поистине захватывающими событиями, как этот: январь, февраль, март, апрель и девять великолепных дней мая незабываемого тысяча девятьсот сорок пятого года. Карты военных действий тех дней пестрят длинными и острыми красными стрелами. Эти стрелы то бьют по прямой, то круто поворачивают вправо или влево, то извиваются кольцом, зажимая в очередном «котле» последние дивизии, корпуса, армии фашистской Германии.

Первая гвардейская танковая армия неизменно сохраняла свое почетное место на важнейших участках наступления. Все чаще она действовала совместно с другой заслуженной армией Советских Вооруженных Сил — 8-й гвардейской, которой командовал генерал В. И. Чуйков. Так вместе они дошли до самой столицы Гитлера и там закончили войну.

Сколько жить еще будут ветераны 1-й гвардейской, которым посчастливилось увидеть своими глазами солнце победы в Берлине, они не забудут этих удивительно прекрасных месяцев. Им пришлось выполнить много важных предначертаний главного командования, изображенных на военных картах в виде красных стрел. Но, пожалуй, наибольший след в их памяти оставили вот эти три стрелы: кинжальный смертельный для врага удар на Запад, в обход Варшавы, через Лодзь и Познань, прямо к берегам Одера в районе Франкфурта-на-Майне — с 14 января по 3 февраля; затем крутой поворот на север и выход стремительным броском на побережье Балтики в районе Кольберга (Колобжега) и Гдыни — это конец февраля — начало марта; и, наконец, завершающий удар по Берлину — от штурма

знаменитых Зееловских высот до ближних подступов к рейхстагу — с 16 апреля по 9 мая.

Во всех этих стремительных операциях 1-я гвардейская танковая армия сыграла значительную роль, по справедливости отмеченную в истории Отечественной войны. Ведь именно в этих трех операциях катуковцы, умудренные без малого четырехлетним опытом войны, совершили самые талантливые, самые дерзкие, самые поразительные действия, которые и нынче, почти четверть века спустя, служат предметом внимательного изучения в войсках.

Я глубоко сожалею о том, что мне не довелось быть очевидцем этих событий: трудно писать о том, чего ты сам не видел, да еще много лет спустя. К счастью, заключительный этап своего участия в войне обстоятельно осветили в мемуарах сами ветераны 1-й танковой гвардейской армии и прежде всего командарм и его соратники.

Вехами моего скромного повествования об этой поре будут лишь короткие, но выразительные весточки, которые в те памятные дни долетали к нам, в «Комсомольскую правду», из штаба 1-й гвардейской танковой армии, ведь мы продолжали поддерживать с этой армией самую тесную связь. В этих письмах, набросанных буквально на бегу, порой под обстрелом, звучит эхо больших событий тех дней.

Вот первое письмецо от Михаила Ефимовича Катукова, оно датировано шестым января 1945 года:

> «Дела мои сложились так, что с четвертого декабря по второе января я провалялся в киевском госпитале — доконали-таки меня мои почки. Но сейчас болеть дальше невозможно, надо работать. Большое спасибо за письма.
>
> Вчера с Михаилом Алексеевичем Шалиным ездил по делам, и вот по пути мы развернулись в цепь и «уконтропежили» одного зайца. Погода у нас хорошая: минус 10 градусов, но снега мало.
>
> Привет редактору. Желаю успехов и благополучия.
>
> Катуков».

Все как бы обыденно: ну, болел человек, вернулся из госпиталя; охотится на зайцев, любуется зимними пейзажами, что тут такого? Но вспомните, в какой обстановке это пишется, вспомните, какие события назревают и по каким делам ездит он со своим начальником штаба в те решающие дни подготовки прорыва гитлеровского фронта на Магнушевском плацдарме, и вы подивитесь железной выдержке и уверенности командарма, способного в такое время писать такие, с виду безмятежные письма.

В тот час, когда Катуков отсылал нам свою записочку, его армия, еще в конце ноября переданная распоряжением Ставки с 1-го Украинского на 1-й Белорусский фронт и совершившая тогда же ночными переходами почти пятисоткилометровый скрытный марш из района Немирова, где мы встречались в последний раз с катуковцами, в район юго-восточуее Люблина, уже готовилась к новому удару.[86] Вскоре должна была начаться одна из крупнейших стратегических наступательных операций войны, задачей которой было полное освобождение Польши и выход на подступы к Берлину. В историю эта операция вошла под названием Висло-Одерская. Она проводилась на главном, Варшавоко-Берлинском направлении силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. В наступлении должна была также участвовать 1-я армия Войска Польского. Правее должны были наступать войска левого крыла 2-го Белорусского фронта, левее — войска 4-го Украинского.

Предстояло решить нелегкую стратегическую задачу. Гитлеровцы основательно укрепились между Вислой и Одером. К началу января 1945 года здесь была создана мощная оборонительная система, состоявшая из семи рубежей и большого количества полос и

---

[86] К началу готовившейся наступательной операции 1-я гвардейская танковая армия имела в своем строю около 40 300 солдат и офицеров, 752 танка и самоходно-артиллерийских установок, 620 орудий и минометов, 64 реактивные установки.

позиций. Оборону на фронте от Варшавы до Ясло удерживали 9-я, 4-я танковая и 17-я армии группы «А» вермахта, вооруженные самой лучшей техникой, какая только была у гитлеровской Германии. «Миллионы немцев встали перед противником, готовые оборонять германский восток от самого страшного, что только могло произойти, — от мощного натиска русских», — писал генерал Гудериан, битый Катуковым еще под Москвой.

Для того чтобы сокрушить эту оборону, надо было нанести поистине небывалый удар. Поэтому Ставка выделила фронтам, которые должны были осуществить эту задачу, огромные силы; свыше 2 200 000 человек, 34 500 орудий и минометов, более 2000 установок реактивной артиллерии, около 6500 танков и самоходных артиллерийских установок, до 4800 боевых самолетов.[87]

По плану операция должна была начаться не ранее 20 января. Но ее неожиданно пришлось ускорить. Дело в том, что на западном фронте, где наступали войска союзников, обстановка вдруг осложнилась: гитлеровское командование, стремясь продемонстрировать свою силу и склонить правительства США и Англии к сепаратному миру, нанесло удар по их войскам в Арденнах. Премьер-министр Англии Черчилль обратился к Советскому Союзу с мольбой о немедленной помощи. Советское правительство пошло навстречу этой просьбе, и наши войска досрочно развернули могучее наступление на широком фронте от Балтики до Дуная.

Да, нелегкая задача выпала и на сей раз на долю наших войск! Но они были отлично подготовлены к ее решению всем опытом предшествовавших лет войны, и среди наших бойцов и офицеров царил невиданный подъем. «Скорее бы добить Гитлера!» — эти слова повторялись повсюду…

С 8 по 10 декабря в городе Седлец, где находился штаб 1-го Белорусского фронта, проходило совещание командиров, членов военных советов и начальников штабов всех армий этого фронта. Командующий — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков ознакомил их с обстановкой, изложил свое решение и провел военную игру на картах. «Огромная по своему размаху операция терпеливо анализировалась во всех деталях», — пишет в своей книге «На острие главного удара» маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков. Десять дней спустя начальник штаба фронта генерал М. С. Малинин провел фронтовую штабную игру на картах с начальниками штабов и основных отделов армий. Сразу же после этого, 23–24 декабря командно-штабная игра на картах была проведена в 1-й гвардейской танковой армии с командирами и начальниками штабов корпусов.

Все это совершалось в обстановке абсолютной, совершенно непроницаемой военной тайны. Между прочим, гитлеровское командование, хорошо знавшее цену грозной силе 1-й гвардейской танковой армии, нервничало, утратив ее след после боев на Сандомирском плацдарме. Оно засылало свою агентуру на поиски этой армии. В районе расположения танкистов близ Люблина органы нашей контрразведки «Смерш» выловили целый ряд фашистских разведчиков. Но гитлеровцы так и не узнали до начала боев, где находится 1-я гвардейская танковая армия и к какой операции она готовится…

Войска 1-го Белорусского фронта, ринувшиеся в наступление 14 января одновременно с двух плацдармов — Магнушевского и Пулавского, — нанесли по противнику поистине громоподобный, сокрушительный удар. Основные силы фронта вступили в бой на Магнушевском плацдарме. Это были 61-я, 5-я Ударная, 8-я гвардейская, 3-я Ударная армии, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 1-я армия Войска Польского и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Величайшая силища! Гитлеровский фронт затрещал.

1-я гвардейская танковая армия имела такую задачу: после того как 8-я гвардейская армия Чуйкова прорвет тактическую оборону противника, с утра второго дня операции войти в сражение и развить стремительное наступление. В первый день надо было продвинуться на 40 километров; во второй — на 20, в третий и четвертый — на 60

---

[87] Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., Политиздат, 1973, стр. 354

километров. Такие высокие темпы планировались впервые. Но и они на этот раз были превзойдены.

Танкисты ринулись в наступление в час дня 15 января, — 8-й гвардейский механизированный корпус Дремова левее (впереди шла 1-я гвардейская танковая бригада Темника), 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна правее (впереди шла 44-я гвардейская танковая бригада Гусаковокого). Форсировав 16 января в очень трудных условиях реку Пилица, танкисты устремились вперед, четко выполняя поставленные перед ними боевые задачи. Они освобождали город за городом, разбивая вдребезги оборону гитлеровцев.

Бои носили ожесточенный характер. Люди не жалели ни сил, ни жизни. Их воодушевляли успехи наших вооруженных сил, сулившие уже близкую победу. В полдень 17 января танкисты с огромным энтузиазмом встретили сообщение о том, что освобождена столица Польши — Варшава.

Но боевые успехи были бы невозможны без жертв. Горько было в преддверии уже недалекого мира терять испытанных боевых соратников, с честью прошедших весь долгий и тернистый путь войны. В бою за Згеж 18 января погиб полковник Ф. П. Липатенков, командир 19-й гвардейской механизированной бригады, один из лучших комбригов армии. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Простившись с Ф. П. Липатенковым, танкисты отправили гроб с его телом во Львов, где его и похоронили с должными воинскими почестями.

В эти же дни произошло такое волнующее, драматическое событие — в разгаре боя в районе города Александрув близ Лодзи комбат Владимир Бочковский соскочил с танка, чтобы разведать обстановку. Он не заметил, как из-за угла дома, буквально в нескольких шагах от него, вышел фашистский офицер с автоматом в руках. Еще мгновение, и Бочковский был бы убит. Но в это мгновение его механик-водитель гвардии старшина М. В. Пивовар, боевой танкист, награжденный многими орденами, не колеблясь, заслонил командира своим телом. Пуля, предназначавшаяся Бочковскому, сразила этого мужественного и благородного человека…

Пройдя по северной окраине Лодзи, части 8-го гвардейского механизированного корпуса Дремова стремительно двигались на запад, а 8-я гвардейская армия и действовавшие вместе с ней танковый и кавалерийский корпуса очищали этот крупнейший промышленный центр Польши. Гитлеровцы не успели его разрушить. Фабрики и заводы работали. Рабочие вышли навстречу нашим войскам с красными флагами. Тем временем 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна с блистательной стремительностью развивал наступление дальше к северу. На его долю выпали очень упорные бои. Как обычно, мужественно и умело действовали все части корпуса, но особенно выделялась 44-я гвардейская танковая бригада Гусакйвского — знаменитая «Революционная Монголия», прославившаяся еще в боях на Курской дуге. 21 января эта бригада освободила древний город Гнезно, который был когда-то столицей Польши.

На всю армию вновь прославился лихой комбат гвардии майор М. С. Пинский — идя впереди со своим батальоном, он захватил в районе деревни Беднары аэродром, на котором находилось много самолетов. Все они были уничтожены огнем из танковых пушек и гусеницами — танкисты спешили вперед.

Наступление продолжалось. Теперь важнейшей задачей 1-го Белорусского фронта было наступление на город-крепость Познань. Это был, как говорится, трудный орешек: рубеж, проходивший по реке Нотец от Быдгощ на Познань и далее на Острув-Велькопольски и Оппельн, был создан вдоль старой польско-германской границы для прикрытия подступов к Берлину.

Солдатам, оборонявшим этот рубеж, было приказано умереть, но не отступать. В крепости Познань гитлеровцы создали трехмесячный запас продовольствия. Они были готовы выдержать длительную осаду, и, чтобы сокрушить их оборону, нужно было приложить поистине героические усилия. Вот почему именно сюда были брошены лучшие,

закаленные в боях войска — 1-я гвардейская танковая армия Катукова и 8-я гвардейская армия Чуйкова, неразлучные соратники по борьбе.

Они смело уходили вперед, не оглядываясь на фланги и тылы: им было известно, что за ними идут главные силы фронта.

25 января части 1-й гвардейской танковой окружили Познань город-крепость, где находился шестидесятитысячный гарнизон, хорошо подготовленный к обороне. Город имел три оборонительных обвода. Форты и цитадель были способны выдержать удары тяжелых снарядов и фугасных бомб. Захватить Познань с ходу танкисты были не в состоянии. Требовалась хорошо организованная осада.

Военный Совет 1-й гвардейской танковой армии решил обратиться к командованию фронта с предложением, чтобы штурм Познани был поручен общевойсковым армиям, а танковая армия была бы высвобождена для дальнейшего наступления на Запад. Но предложение это опоздало: командующий фронта уже решил поручить штурм Познани 8-й гвардейской и 69-й общевойсковым армиям, а катуковцам приказал двинуться дальше, оставив для блокирования Познани с запада несколько частей под командованием заместителя командира 8-го гвардейского механизированного корпуса полковника В. М. Горелова, пока подойдут главные силы пехоты.

Штурм крепости продолжался затем в течение месяца (Познань была взята 23 февраля), а танкисты тем временем ворвались в укрепленный район гитлеровцев у Мезеритца — уже на территории Германии! Этот район представлял собою один из наиболее сильных узлов обороны противника. Он строился еще в 1932–1937 годах, а затем был усовершенствован в 1944–1945 годах. Укрепленный район состоял из большого количества эшелонированных в глубину долговременных огневых точек — «панцерверке» с гарнизонами по 6–15 человек. Они были усилены полевыми заграждениями и противотанковыми препятствиями.

Серьезным препятствием на пути танкистов была и река Обра, приток Одера. И все же танкисты уже к утру 29 января форсировали эту реку, прорвали предполье укрепленного района и создали плацдарм по ту сторону Обры. 11-й гвардейский танковый корпус захватил немецкий город Альт-Тирштигель, а 8-й гвардейский механизированный — совместно с наступавшим левее 11-м отдельным танковым корпусом — занял Бомст. Военный Совет фронта поздравил танкистов с вступлением на территорию Германии и пожелал им новых успехов. Теперь на очередь вставала новая, поистине историческая боевая задача — прорваться к Одеру, форсировать его, а там, за ним — Берлин!

В частях царил большой подъем. И вдруг всеобщая радость была омрачена тяжким известием: в районе Познани погиб остававшийся там с частями, блокировавшими эту крепость, 34-летний полковник В. М. Горелов, заместитель командира 8-го гвардейского механизированного корпуса, бывший вожак ставшей уже легендарной 1-й гвардейской танковой бригады. Гроб с его телом был доставлен из района Познани к германской границе, чтобы танкисты смогли проститься с одним из самых любимых своих командиров, а затем был отвезен во Львов — там тело Горелова предали земле на холме Славы, рядом с погибшим за десять дней до этого полковником Липатенковым.

Много замечательных людей потеряли катуковцы, и каждого из них оплакивали, как самого родного и близкого человека, но вдвойне горестно было терять боевых друзей в эти незабываемые дни большого наступления, когда окончательная победа над фашистской Германией становилась все более близкой и осязаемой…

29 января вновь отличилась 44-я гвардейская танковая бригада Гусаковского. Подойдя вплотную к главной полосе Мезеритцкого укрепленного района у Хохвальде, танкисты, не дожидаясь подхода главных сил корпуса, дерзко форсировали противотанковый ров, воспользовавшись мостом, оставленным гитлеровцами для прохода своих танков. Под покровом ночи саперы вытащили из гнезд надолбы, растащили «ежи» и открыли огонь по дотам и дзотам фашистов.

Воспользовавшись сумятицей в стане противника, бригада Гусаковского проскочила через укрепленный район и сосредоточилась в лесу западнее Хохвальде в ожидании подхода

других частей 11-го гвардейского танкового корпуса. Положение ее осложнилось на следующий день, когда гитлеровцы пришли в себя и сумели отразить атаки 45-й гвардейской танковой бригады Моргунова, которая шла по следам танкистов Гусаковского. Но Гусаковский, уверенный в том, что часы гитлеровцев сочтены, продолжал двигаться вперед и занял Мальсов. Только здесь бригада остановилась — в баках танков уже не оставалось горючего. Они заняли круговую оборону в тылу врага.

К счастью, несколькими часами ранее 8-й гвардейский механизированный корпус, действовавший южнее, сумел преодолеть главную оборонительную полосу Мезеритцкого укрепленного района и устремился к Одеру. Командование армии тут же направило части 11-го гвардейского танкового корпуса вслед за 8-м гвардейским механизированным, затем танки Бабаджаняна вышли на свое направление, подали руку помощи бригаде Гусаковского и все вместе также устремились к Одеру, держась на правом фланге армии.

Этот блистательный прорыв Мезеритцкого укрепленного района трудно переоценить, — гитлеровцы были уверены, что им удастся остановить наконец русских на этом рубеже, который считался неприступным. Но дерзость катуковцев в соединении с неизмеримо возросшим воинским умением сделала чудо: их танки буквально чзихрем пронеслись через укрепленный район, стремительно приближаясь к Одеру.

Быстрее! Быстрее! Еще быстрее! Командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, довольный тем, как его войска ведут Знастуштедие, тем не менее требовал, чтобы они стремительно развивали достигнутые успехи. В частности, 1-й гвардейской танковой армии он приказал не только выйти в кратчайший срок к Одеру, но и форсировать его и захватить плацдармы на западном берегу, пока гитлеровцы не успели перегруппироваться и создать новую линию обороны.

На левом фланге 8-й гвардейский механизированный корпус стремительно продвигался к Франкфурту-на-Одере. Впереди него двигалась, как всегда, 1-я гвардейская танковая бригада, а на самом острие этого бронированного клина — батальон Владимира Бочковского. 1 февраля первогвардейцы овладели Кунерсдорфом, — имя этого небольшого города многое говорит сердцам русских воинов: в 1759 году армия генерал-аншефа Салтыкова наголову разбила здесь войска прусского короля Фридриха.

От Кунерсдорфа было рукой подать до Франкфурта. Бочковский в наступательном пылу успел даже проскочить по мосту через Одер, который не был взорван. Во Франкфурте царила паника. Там гудели гудки и сирены, возвещавшие тревогу: «Танки! Русские танки идут!» Но гитлеровцы в этом районе еще располагали довольно крупными силами, и они начали контратаки. Между тем главные силы корпуса еще не подошли — двигаясь от Варты к Одеру, они были вынуждены вести бои с так называемыми «блуждающими котлами» гитлеровцев — разрозненные части отступавших гитлеровцев все еще причиняли немало хлопот, атакуя то здесь, то там наши колонны.

В этих условиях командование было вынуждено остановить дальнейшее продвижение 1-й гвардейской танковой бригады на рубеже Кунерсдорфа, — ниже я приведу некоторые подробности этого боя, о которых уже после войны рассказал мне В. Бочковский…

Севернее к Одеру прорвался 11-й гвардейский танковый корпус. Первой достигла реки в тот же день 1 февраля его 40-я гвардейская танковая бригада подполковника М. А. Смирнова. Она за день продвинулась на 40 километров и вырвалась на подступы к городу Геритц, находящемуся на восточному берегу Одера. Геритц был взят в ночном бою. «К 9 часам утра 2 февраля, вспоминает в своей книге «Танки идут на Берлин» генерал армии А. Л. Гетман, в то время являвшийся заместителем командарма М. Е. Катукова, — наши части полностью овладели городом, очистив его от противника. При этом были захвачены сотни пленных. В то же утро противник предпринял контратаку из района Кюстрина. В ней участвовали значительные силы пехоты, поддерживаемые танками. Враг пытался выбить наши части из Геритца и отбросить их от Одера. Отбить контратаку командир корпуса приказал 40-й гвардейской танковой бригаде и 1454-му самоходно-артиллерийскому полку. Танковый батальон Героя Советского Союза Б. П. Иванова и артиллеристы подполковника

П. А. Мельникова встретили противника уничтожающим огнем из засад. Фашистские танки запылали после первых же залпов. Но вражеская пехота продолжала лезть напролом, пытаясь прорваться к городу. Тогда наши танки и самоходки перешли в атаку. Огнем и гусеницами они довершили разгром гитлеровцев. К этому времени главные силы корпуса уже начали форсировать Одер под прикрытием огня своей артиллерии» (стр. 701–702).

Надо сказать, что в этих упорных боях все более активная роль выпадала на долю «пушек с высшим образованием», как Катуков прозвал тяжелую самоходную артиллерию. В своих воспоминаниях, присланных мне в 1969 году, бывший командир 339-го тяжелого самоходного краснознаменного Проскуровского полка гвардии полковник запаса Дмитрий Борисович Кобрин, с которым мы познакомились в ноябре 1944 года на Западной Украине, пишет, что этот полк участвовал в бою за создание плацдарма за Одером в районе Геритц-Кюстрина вместе с 40-й гвардейской танковой бригадой. Вот что он рассказывает: «Продолжая выполнять задачу, поставленную перед нами командованием 1-й гвардейской танковой армии, наш полк действовал в передовом отряде совместно с 40-й гвардейской танковой бригадой в направлении на Кюстрин. На всем пути мы вели ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками, находясь в отрыве от главных сил на 60–70 километров.

В бою в районе Геритца — Кюстрина действовали две разведывательно-штурмовых группы.

Одна из них в составе трех танков Т-34 из состава танкового батальона 40-й гвардейской танковой бригады, которым командовал гвардии майор Иванов (ныне генерал) и нашей батареи тяжелых самоходных установок под командованием гвардии капитана Латышева и двух бронетранспортеров с разведчиками, шедших впереди под прикрытием огня самоходных артиллерийских установок, вышла на окраину Геритца и завязала там ожесточенный бой.

Вторая группа, которую возглавлял гвардии майор Иванов, состоявшая из 7 танков Т-34 из состава его батальона и нашей тяжелой самоходной батареи гвардии старшего лейтенанта Аксенова, получила приказ действовать вдоль дороги из Геритца на Кюстрин и захватить там мост через реку. Она прорвалась с боями к окраине Кюстрина и вышла к переправе через Одер. Но гитлеровцы успели взорвать мост. Группа до утра сражалась на восточной окраине города, удерживая захваченный рубеж до подхода наших войск.

Тем временем развертывался бой за Геритц. В сражении за этот город теперь приняли участие 1-я, 3-я и 4-я батареи полка. Им было приказано под покровом темноты занять огневые позиции на расстоянии 700–800 метров от вражеских позиций на окраине Геритца и в 2 часа ночи произвести по ним сильный огневой налёт прямой наводкой. Этот огневой налет, в котором участвовали 15 тяжелых самоходных артиллерийских установок, длился 15 минут. Было израсходовано 150–170 мощных снарядов.

Затем две батареи перенесли огонь вглубь вражеских позиций, а бронетранспортеры, два танка Т-34 и 4-я самоходная батарея гвардии капитана Икрамова снялись с правого фланга и ворвались на окраину города. Рота автоматчиков под командованием гвардии старшего лейтенанта Павла Шебаренко очищала улицы от вражеских пехотинцев и стрелков фауст-патронами.

Действиями наших войск город был освобожден 2 февраля. Наши части форсировали Одер и захватили на западном берегу довольно обширный плацдарм. Гитлеровцы предпринимали яростные контратаки, их авиация непрерывно бомбила плацдарм, но наши солдаты и офицеры сумели отстоять занятый ими плацдарм и, больше того, расширить его.

В ходе этих боев наш полк уничтожил 12 орудий, 15 пулеметов, около 150 «фаустников», 5 бронетранспортеров, 3 танка «пантера» и до 350 гитлеровских солдат и офицеров. Было взято в плен 120 человек, захвачено 8 орудий, 10 пулеметов, 30 фауст-патронов. Мы потеряли три тяжелых самоходных установки, два танка Т-34, один бронетранспортер. Погибло около сорока человек. Эти потери — главным образом результат массового применения противником фауст-патронов, с чем мы встретились впервые.

За эту операцию наш полк был награжден орденом Ленина. Командиры батарей

Икрамов и Аксенов получили ордена Красного Знамени, командир батареи Латышев и начальник связи полка Гусев — ордена Отечественной войны первой степени. Всего было награждено в полку около 45 человек…»

В дальнейшем, уже к концу марта 1945 года, в результате ожесточенных боев армии генералов Берзарина, Чуйкова, Колпакчи и Цветаева уничтожили окруженный в Кюстрине гарнизон гитлеровцев и создали в этом районе крупный плацдарм. Были захвачены и небольшие плацдармы южнее Франкфурта-на-Одере. Все они были использованы в дальнейшем для наступления на Берлин.

В дни этого большого наступления, длившегося 23 дня, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов уничтожили тридцать пять немецких дивизий и нанесли сокрушительные потери еще двадцати пяти дивизиям.

Операция развертывалась столь стремительно, что наши военные корреспонденты, находившиеся на фронте, едва поспевали ее освещать, бывало, не успеем мы получить сообщение, а оно уже устаревает: радио снова передает звонкие позывные, и диктор читает приказ Верховного Главнокомандующего о взятии городов, лежащих гораздо дальше, чем тот, откуда прислана корреспонденция…

Вот как характеризуют итоги участия наших друзей-катуковцев в Висло-Одерской операции А. Х. Бабаджанян, Н. К. Попель, М. А. Шалин и И. М. Кравченко в своей книге о боевом пути этой армии «Люки открыли в Берлине»: «В Висло-Одерской наступательной операции 1-я гвардейская танковая армия успешно выполнила все возложенные на нее задачи. Ее войска освободили сотни городов и сел Польши, почти на 100 километров продвинулись по территории фашистской Германии, вышли на Одер, форсировали его и овладели плацдармом на левом берегу. В тяжелых и кровопролитных боях воины 1-й гвардейской танковой армии уничтожили и захватили 288 танков и штурмовых орудий, 1788 орудий и минометов, 410 бронемашин и бронетранспортеров, 541 самолет, 10 134 автомашины, 700 тягачей и тракторов, 11 320 подвод и повозок с различным имуществом, 793 железнодорожных вагона, 59 железнодорожных эшелонов с военным имуществом, 168 пулеметов, 11 320 лошадей, 247 складов и большое количество другой боевой техники и имущества. Армия уничтожила и пленила около 56 тысяч вражеских солдат и офицеров. Более 4000 военнопленных различных стран было освобождено из фашистских лагерей.

Боевые действия 1-й гвардейской танковой армии характеризовались небывалой стремительностью и высоким темпом продвижения. Наступая днем и ночью, ее войска за 18 суток в январскую стужу и вьюгу продвинулись более чем на 600 километров, прорвали семь оборонительных рубежей, форсировали Пилицу, Варту, Обру и Одер. Среднесуточный темп наступления составлял 33 километра, до выхода на границу с Германией — 50 километров, а в отдельные дни был еще выше. Так, например, 18 января главные силы корпусов продвинулись на 90 километров. Еще быстрее продвигались передовые отряды: 44-я гвардейская танковая бригада за 12 часов продвинулась на 75 километров, а 1-я гвардейская танковая бригада за 19 часов преодолела 125 километров…

Высокие темпы наступления свидетельствовали о том, что командный состав и штабы всех звеньев 1-й гвардейской танковой армии полностью овладели искусством ведения боя, научились побеждать врага быстротой и натиском… Родина высоко оценила ратный подвиг бойцов и командиров армии. 6317 человек было награждено орденами и медалями СССР, а 21 наиболее отличившемуся воину было присвоено звание Героя Советского Союза… Многие соединения и части 1-й гвардейской танковой армии были награждены орденами и получили почетные звания Лодзинских, Гнезненских и Бранденбургских».[88]

И еще одна многозначительная деталь: как подчеркивают авторы коллективного научного труда «Советские танковые войска. 1941–1945», опубликованного в 1973 году в

---

[88] А. Х. Бабаджанян, Н. К. Попель, М. А. Шалин, П. М. Кравченко Люки открыли в Берлине. М., Воениздат, 1973, стр. 261–262

Воениздате, большим достижением советских танкистов в Висло-Одерской операции было то, что благодаря умелой организации стремительного наступления, они сумели свести к минимуму свои потери: к моменту выхода на Одер 1-я гвардейская танковая армия, у которой в начале операции было, как я уже указывал, 752 танка и самоходно-артиллерийских установок, сохраняла в строю 567 боевых машин! Они были готовы к продолжению наступательных боев…

Уже по окончании этой операции мы получили новую, как всегда лаконичную, но содержательную весточку от М. Е. Катукова, она была помечена пятнадцатым февраля:

> «Привет товарищам. Телеграмму вашу с поздравлением получил. Благодарим. Поработали мы как будто бы неплохо. Но за победы приходится платить. И платить очень дорого, а это особенно горько, когда уже виден впереди конец войны.
>
> Погиб в районе Познани Володя Горелов, а очень скоро, буквально дня через четыре, был убит в Кунерсдорфе и дедушка Ружин (Горелов, как помнит читатель, командовал ранее 1-й гвардейской танковой бригадой, а затем был заместителем командира корпуса; Ружин был начальником политотдела 1-й гвардейской. — Ю. Ж.).
>
> Погиб в боях за Лодзь Липатенков (он командовал 19-й гвардейской механизированной бригадой, одной из лучших в армии, служил в ней с самого основания. — Ю. Ж.). Ветеранов все меньше остается.
>
> Я с Фроловым (начальником артиллерии армии. — Ю. Ж.) четырежды был на краю гибели, но «волею божьей» все обошлось. Были случаи, граничащие с чудом. Но таких случаев на войне бывает много.
>
> Война идет необычная, гитлеровцы вокруг нас — на 360 градусов. Но побито их — несть числа.
>
> Опять отличились Гусаковский и Темник. Гусаковский представлен ко второй Звезде Героя Советского Союза, Темник — к первой. Бочковский и другие молодые от старших не отстают.
>
> В общем, наши чудо-богатыри соревнуются в темпах продвижения и отваге и в количестве уничтоженных фашистов и их техники.
>
> Привет вашему редактору и всей братии «Комсомольской правды».
>
> Жму дружески руку.
>
> Катуков».

… Десять дней спустя от Катукова пришла новая, еще более короткая записка от двадцать четвертого февраля:

> «Получил ваше письмо и телеграмму с поздравлением к 27-летию РККА. Спасибо. Теперь коротко о наших делах.
>
> 1. Не стоим, а работаем. Работа особая. Наука потом разберется — воюем не так, как писалось до войны в уставах, а как того требует жизнь и как подсказывает опыт.
>
> 2. Газетчикам за нами угнаться трудно, — темпы движения очень высокие, к тому же часто меняем направление. Вот только что случайно увидел целую плеяду корреспондентов во главе с Гроссманом — на мосту через одну большую реку. Харцевин только что кончил строить этот мост, а я его проверял.
>
> 3. Про собор православной церкви и как вы иностранных патриархов видели напишите подробнее. Мне интересно.
>
> Жму руку, тороплюсь.
>
> Катуков».

Поразительный все-таки человек, этот командарм! В самом центре боя, кругом отчаянная стрельба — он это спокойно именует работой — находит время писать записочки молодым друзьям и — подумайте! — даже интересоваться собором православной церкви и

приехавшими иностранными патриархами, о чем мы вскользь упоминали в своем письме…

Но что же происходит на фронте и какая новая «работа» поручена катуковцам?

В эти дни завершается одна из величайших операций Отечественной войны и готовится другая: 1-ю гвардейскую армию в числе других поворачивают на север, чтобы отсечь нависшую над правым флангом наших войск померанскую группировку гитлеровцев.

В Восточной Померании к этому времени фашисты собрали довольно мощные вооруженные силы: там за сильно укрепленным Померанским валом обосновались немецкие армии, входившие в группу «Висла». Гитлер поручил командование этой группой самому рейхсфюреру СС Гиммлеру. В его распоряжение поступили 16 пехотных и 4 танковые, 3 моторизованные дивизии, 4 бригады, 8 боевых групп, 5 гарнизонов крепостей и более 200 самолетов. Для обеспечения действий сухопутных войск привлекалась береговая и корабельная артиллерия.

Войска Гиммлера должны были не только удерживать свой район, но и наносить удары с севера по войскам 1-го Белорусского фронта. В этих условиях двигаться дальше на запад, оставляя на фланге такую угрозу, было рискованно, тем более, что правый фланг 1-го Белорусского фронта уже ощутил на себе первые последствия такого соседства: в середине февраля войска померанской группировки нанесли удар по частям выдвинувшейся к Одеру 47-й армии Перхоровича и отбили у нее два города — Пиритц и Бан.

Медлить с ликвидацией померанской группировки было нельзя. И Ставка отдала приказ о переходе в наступление на север силами 1-го и 2-го Белорусских фронтов и 1-й армии Войска Польского при поддержке Балтийского флота. 24 февраля наступление начал 2-й Белорусский, нацелившись из района Линде на лежавший у Балтики городок Кеслин, а 1 марта из района Штаргарда ринулись в наступление войска 1-го Белорусского. Тут снова активнейшую роль сыграли танкисты: 2-я гвардейская танковая армия Богданова двинулась на северо-запад — она должна была захватить Каммин и Голлнов, а катуковцы — к Кольбергу — на берег Балтики.

Поначалу танкистам пришлось нелегко — в Восточной Померании много рек, ручьев, озер, болот. Грунтовые дороги раскисли от дождя. Машины можно было вести по одному-единственному шоссе. Образовались колоссальные пробки. В первый день главные силы армии продвинулись всего на 10 километров; во второй день дело пошло немного быстрее. Но вот в ночь на 3 марта танкисты овладели важным узлом дорог Вангерин, оборона противника была прорвана, и перед катуковцами открылся путь к Балтике. Во второй половине дня они уже ворвались в Шифельбайн. Море было близко.

Но обстановка оставалась сложной: фланги армии были открытыми. Между тем, следовало ожидать, что восточно-померанская группировка, на которую обрушились согласованные удары 1-го и 2-го Белорусских фронтов, попытается прорваться на запад через боевые порядки танкистов. Поэтому командарм, бросив на север 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна, которому было приказано к вечеру стремительно выйти на берег Балтики, повернул 8-й гвардейский механизированный корпус Дремова на северо-восток и на восток с задачей овладеть городами Драмбург, Бельгард и Керлин, перейти там к обороне и не допустить прорыва противника на соединение с его силами на западе.

Все эти задачи были выполнены. Уже 4 марта корпус Бабаджаняна вышел к морю, и восточно-померанская группировка была рассечена, таким образом, пополам. Действовавшая на левом фланге 40-я гвардейская танковая бригада полковника М. А. Смирнова заняла на берегу Балтики город Трептов, 45-я гвардейская танковая бригада полковника Н. В. Моргунова завязала бои за Кольбергу а 44-я гвардейская танковая бригада полковника И. И. Гусаковского, которая на этот раз шла во втором эшелоне, вышла в район Гросс Естин и заняла там круговую оборону.

Тем временем корпус Дремова вел упорные бои против гитлеровцев, которые, как и ожидалось, предприняли попытку пробиться на запад. Только в Бельгарде, который 1-я гвардейская танковая бригада атаковала во второй половине дня 4 марта, было уничтожено

до 500 солдат и офицеров противника, 6 танков, 11 орудий и захвачено более 800 гитлеровцев, около 400 автомашин, 48 орудий, 24 пулемета, три тысячи фаустпатронов и много складов.

В этом бою геройски погибла славная танкистка капитан А. Г. Самусенко, заместитель командира 1-го танкового батальона бригады, ветеран боев в Испании и Финляндии.

Гитлеровцы рвались на запад яростно — здесь действовал, в частности, 10-й корпус СС, а эсэсовцы особенно страшились попасть в плен к советским войскам. Катукову пришлось ввести в бой свой резерв — 64-ю гвардейскую танковую бригаду, которой командовал наш старый знакомый, дважды Герой Советского Союза И. Н. Бойко, уже заслуживший ранг полковника. Кроме того, он приказал Бабаджаняну бросить на помощь Дремову бригаду Гусаковского.

В этих сложных боях случалось всякое. Вот что написал мне, вспоминая о пережитом, в июле 1970 года ветеран 19-й гвардейской механизированной бригады, входившей в состав корпуса генерала Дремова, бывший помощник начальника штаба этой бригады по разведке, гвардии старший лейтенант в запасе Григорий Иванович Иванов: «Наша бригада шла в третьем эшелоне, за штабом корпуса. Но нам пришлось не легче, нежели тем, кто шел впереди. Политработники сообщили нам, что наши передовые части уже подходят к Балтийскому морю, а тут на нас гитлеровцы лезут, как очумелые! Зная, что они отрезаны, зажаты между 1-м и 2-м Белорусским фронтами, они яростно пробивались к Штеттину, пытаясь проложить себе путь через вторые и третьи эшелоны наших войск.

Так вот и получилось, что 5 марта 1945 года гитлеровцы атаковали наш танковый полк, с которым двигался штаб бригады, и отрезали нас от остальных подразделений. 6 марта они ворвались в деревню, где находились наши танки, и там началась ожесточенная битва. Штаб бригады укрылся неподалеку в подвале какого-то завода.

Командир бригады полковник И. В. Гаврилов приказал мне взять два бронетранспортера и сдерживать натиск фашистов, не подпуская их к штабу, других сил в этот момент для защиты штаба у него не было. Один бронетранспортер я поставил примерно в двухстах метрах от штаба по дороге, ведущей к северу, чтобы он прикрывал штаб с севера и востока, а сам, на втором бронетранспортере, выскочил вперед, чуть левее. Впереди, примерно в трехстах метрах, чернел лес, а за этим лесом, как мне было известно, располагался штаб нашего корпуса.

Гитлеровцы, завязав бой в деревне с нашим танковым полком, прорывались по-над лесом на запад. До меня доносились команды немецких офицеров, которые торопили своих солдат. Было до боли обидно: неужели им удастся прорваться? Я открыл по фашистам огонь. Бил до тех пор, пока не накалился ствол пулемета.

Тут ко мне подоспел наш танк. Я указал его командиру, куда надо вести огонь. По гитлеровцам, пробивавшимся на запад, начала бить из-за леса батарея зенитной артиллерии, охранявшая штаб корпуса. Фашисты огрызались. Вдруг раздался оглушительный взрыв — это немецкий снаряд ударил в мой бронетранспортер. Днище его вырвало, меня выбросило на землю. Я получил ранения в голову, живот, руки и в ногу.

Меня кое-как довели до штаба бригады и уложили в подвале. Обстановка осложнилась еще больше — гитлеровцы подступали вплотную к штабу. Вспоминаю, как женщина-врач тащила к нам раненого танкиста, и вдруг, в двух шагах от подвала их догнали фашистские пули — танкист был добит, а женщина-врач ранена.

Когда гитлеровцев отогнали, меня и эту женщину-врача отправили в полевой госпиталь. Но и там было неспокойно: госпиталь только что подвергся налету фашистов; все было перевернуто вверх дном. К счастью, вскоре на охрану госпиталя подоспела рота пехоты, и нам стало веселее.

На второй день нас перевезли еще дальше в тыл, и там 8 марта мне сделали операцию. Затем меня и других раненых погрузили в санитарный поезд, и так я оказался в госпитале города Люблин, а потом в Бердичеве, где и встретил на госпитальной койке весть о полной победе над гитлеровской Германией»…

Три дня, с 5 до 7 марта, продолжали свои жестокие бои танкисты генералов Дремова и Бабаджаняна, вставшие стеной на пути отступления гитлеровцев из Померании на запад, В итоге главные силы этой фашистской группировки, окруженные в районе города Польцин и в районе города Керлин, были разбиты наголову. Тысячи гитлеровцев попали, все же, в плен. Были взяты богатые трофеи.

* * *

Но на этом дело не кончилось — дальше на восток, в районе Гдыни и Данцига, еще сохранялись крупные силы гитлеровцев. Их надо было добить, и притом как можно скорее. Эта задача Ставкой была поручена 2-му Белорусскому фронту. Но уже 5 марта ею было решено временно передать Рокоссовскому 1-ю гвардейскую танковую армию, чтобы быстрее завершить операцию.

И не успели танкисты перевести дух после напряженной трехдневной битвы, как в штабе Катукова 8 марта раздался телефонный звонок из далекой Москвы: к аппарату в Ставке подошел И. В. Сталин. Он спросил командарма, в каком состоянии находится его танковый парк. Командарм доложил, что в строю у него остается около 400 танков и самоходно-артиллерийских установок, но почти все они уже израсходовали свои моторные ресурсы. Ведь эти машины прошли колоссальный путь от Вислы до Одера, а затем от Франкфурта-на-Одере до берегов Балтики!

Требовался ремонт…

Сталин внимательно выслушал Катукова и сказал:

— Надо помочь Рокоссовскому. Подумайте и сделайте все, что можете…

И что же? Танкисты сделали не только все то, что они могли, но даже то, что казалось сверх человеческих сил. Слова Верховного Главнокомандующего были немедленно доведены до всего личного состава армии. Не только ремонтные подразделения, но и сами экипажи боевых машин работали день и ночь, и к 9 марта, когда надо было включаться в новую боевую операцию, все боевые машины были приведены в полный порядок. Больше того, были восстановлены около 50 танков, подбитых в боях, и теперь армия имела в строю 455 грозных сухопутных кораблей.

В 5 часов 30 минут утра 9 марта 1-я гвардейская танковая армия, выполняя приказ Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, снова пошла в наступление, повернув на восток. К ужасу гитлеровцев, советские танки шли на них со стороны их фатерланда! На правом фланге наступал корпус Дремова, усиленный танковой бригадой 1-й армии Войска Польского, на левом — корпус Бабаджаняна. Передовыми отрядами на этот раз командовали полковник В. И. Земляков и подполковник В. Н. Мусатов.

За какие-нибудь двенадцать часов передовые отряды 1-й гвардейской танковой армии прошли 120 километров. Они вышли к реке Леба, сломили сопротивление ошеломленного противника, не ожидавшего удара с запада, захватили мосты и тем самым облегчили наступление главных сил армии. Оба корпуса переправились на восточный берег реки уже утром 10 марта и устремились дальше.

Упорное сопротивление противника катуковцы встретили только к вечеру этого дня — на реке Пясница — прижатые к Данцигской бухте гитлеровцы, создали здесь свою линию обороны. Утром 11 марта наши танкисты, проведя артиллерийскую подготовку, приступили к прорыву этой линии. И уже на завтра корпус Бабаджаняна овладел городом Путциг, стоящим на берегу Данцигской бухты.

Труднее пришлось корпусу Дремова — он в этот день вел тяжелые бои за мощный узел сопротивления гитлеровцев Нойштадт, юго-западнее Путцига. Положение его осложнилось тем, что Дремову пришлось направить свои механизированные бригады на отражение контратак гитлеровцев с юга.

Нойштадт был взят, все же, в тот же день, причем важную роль в этом бою сыграла польская танковая бригада, которая по приказу командарма обошла город с севера и нанесла

оттуда неожиданный для противника удар в то время, как 1-я гвардейская танковая бригада атаковала Нойштадт с востока, а 19-я гвардейская механизированная бригада с юго-запада. И тут же корпус Дремова стремительно двинулся дальше на восток, к Гдыне. Во второй половине дня его части уже навязали бой у переднего края укрепленного района, прикрывавшего город.

13 марта 1-я гвардейская танковая армия получила новый приказ: совместно с 19-й общевойсковой армией прорвать укрепленный район, разгромить немецко-фашистские войска и освободить Гдыню. Выполнение этого приказа было весьма сложным делом — надо было прорваться через три оборонительных полосы, изобиловавших дотами и дзотами. Хорошо был подготовлен к обороне и сам город — все каменные здания были приспособлены для ведения огня из пулеметов и орудий. Наконец, оборону Гдыни поддерживали двенадцать батарей береговой обороны и боевые корабли.

Бои за Гдыню носили весьма ожесточенный характер, и о них можно было бы написать целую книгу. Наши танкисты как бы состязались в героизме с нашей славной пехотой. Они рыцарски помогали друг другу. В конце концов, гитлеровцы не выдержали. В ночь на 26 марта 40-я и 45-я гвардейские танковые бригады, взаимодействуя с 310-й стрелковой дивизией, ворвались в город. Утром к ним присоединились 44-я и 69-я гвардейские бригады.

До победоносного завершения битвы оставались считанные часы.[89] Но вечером 26 марта в штаб Катукова вдруг прибыл Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Он поблагодарил танкистов за отличную службу и сказал, что получено новое указание: 1-я гвардейская танковая армия должна сдать занимаемые ею боевые участки 19-й армии и немедленно мчаться обратно на 1-й Белорусский фронт — автомашины своим ходом, а танки и самоходно-артиллерийские установки — по железной дороге. Катуковцы должны были закончить этот марш 31 марта, сосредоточившись южнее Ландсберга.

*** * ***

Подводя итоги участия 1-й гвардейской танковой армии в Восточно-Померанской операции, А. Х. Бабаджанян, Н. К. Пепель, М. А. Шалин и И. М. Кравченко пишут в своей книге «Люки открыли в Берлине»: «За 26 дней непрерывных боев в тяжелых условиях 1-я гвардейская танковая армия продвинулась на 300 километров, уничтожила и захватила около 45 тысяч солдат и офицеров противника, 202 танка и штурмовых орудия, 925 орудий и минометов, 135 бронетранспортеров и бронемашин, 6820 автомашин, 58 самолетов и много другой боевой техники, вооружения и военного имущества.

В ходе операции войска 1-й гвардейской танковой армии спасли тысячи обреченных на смерть людей и оказали им помощь. Бывшие узники горячо благодарили танкистов, пожелали им новых боевых успехов в борьбе против гитлеровской Германии».

За героизм и мужество, проявленные в боях против немецко-фашистских войск в Восточной Померании, около 7 тысяч солдат и офицеров награждены медалями и орденами, полковнику Землякову, майору Иванову и подполковнику Мусатову было присвоено звание Героя Советского Союза. Почти все соединения и части 1-й гвардейской танковой армии были награждены орденами (стр. 287–288). За умелое и успешное проведение наступательных операций в 1945 году командующий армией генерал-полковник танковых войск Герой Советского Союза М. Е. Катуков был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Среди танкистов царил небывалый подъем. Об этом красноречиво свидетельствовало и письмо, полученное мною от адъютанта командарма в начале апреля, когда эта сложная, хитроумнейшая операция уже завершалась, письмо было написано, судя по всему, в конце

---

[89] Войска 2-го Белорусского фронта окончательно овладели Гдыней 28 марта. 30 марта они освободили Данциг

марта, когда армия уже завершила бои за Гдыню, а с фронта послано, как показывает штамп полевой почты, третьего апреля:

«Вы, видимо, уже знаете, где мы сейчас. Наверное, удивились? Поистине, мы все время скачем. Еще никогда не воевали, как в этот раз. Гитлеровцам от нас очень плохо пришлось. Никакими словами не опишешь, как мы их поколотили.

Хочу дать вам полный отчет о том, как воевали с тех пор, как мы расстались.

Приказ о передислокации мы получили дней через семь после того, как проводили вас из лесочка под Немировом. Но Михаил Ефимович тогда сильно разболелся, и его пришлось отвезти в киевский госпиталь. Он еще пошутил тогда: «Начало войны я встретил в этом госпитале, а теперь вот и конец войны встречать буду там же». Но это была горькая шутка, очень не хотелось ему ложиться, на больничную койку в такое время.

Там командарм пробыл около недели, хотя врачи говорили, что ему надо лечиться несколько месяцев, — болезнь свою он запустил на войне. Но вы упрямый характер Михаила Ефимовича знаете. Он держал связь с начштаба Шалиным прямо из госпиталя и давал ему оттуда все нужные указания, а когда пришло время наступления, оделся, и мы с ним выехали на фронт, — я при нем тогда находился опять безотлучно.

Приехали мы четвертого января, а шестого уже двинулись на исходное положение. Воевать начали четырнадцатого, и о наших успехах и о том, где мы были, вы кое-что, наверное, узнали из сводок Информбюро и из приказов Главнокомандующего. Сегодня, наверное, нас снова упомянут в приказе воевали неплохо и марш проделали большой.

Реку Варта мы форсировали в этой операции три раза, двигаясь в разных направлениях. Очень противная для нас река. Границу Германии наши части перешли 29 января, а мы с Михаилом Ефимовичем переехали ее на другой день.

Ваши «подшефные» (1-я гвардейская танковая бригада. — Ю. Ж.) воевали хорошо, но не хуже их дрались танкисты Гусаковского. Бочковский получил орден Суворова 2-й степени.

Оба «хозяйства» — и Дремова, и Бабаджаняна (8-й и 11-й гвардейские танковые корпуса. — Ю. Ж.) получили наименование краснознаменных. Бабаджанян опять проявлял чудеса личной храбрости.

О Бойко (командир гвардейской танковой бригады, дважды Герой Советского Союза. — Ю. Ж.) не писали в сводках, но он очень много сделал в этой операции. Его люди — настоящие герои, а сам он — воплощенная аккуратность, а это на войне очень важно. У него всегда все на месте, все вовремя сделано, все есть, он никогда не опаздывает и никого не подводит. Это — каменная стена Михаила Ефимовича.

К Балтийскому морю мы вышли дважды. О нас не всегда упоминали в сводках, но так, очевидно, нужно для дела. Настроение у всех неплохое, но только все мы устали и как-то постарели. Ведь мы, по сути дела, уже третий месяц воюем без передышки.

Ваш любимый герой Бочковский творит чудеса — таким маршем идет со своим передовым отрядом, что армия еле успевает его догонять. В «хозяйстве» Темника (1-й гвардейской танковой бригаде. — Ю. Ж.) еще семи человекам присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них — соперник Бочковского Жуков».[90]

---

[90] Один из выдающихся советских танкистов — Владимир Жуков пришел в 1-ю гвардейскую танковую бригаду неопытным молодым лейтенантом в начале декабря 1941 года, когда начиналось наше контрнаступление под Москвой. Ветеран бригады А. Ростков вспоминает: «Перед нами стоял невысокий стройный паренек, розовощекий, с припухшими юношескими губами, с мягким пушком на верхней губе. Все на нем было новенькое — валенки, чистенький полушубок, похрустывающие ремни, блестящая кобура пистолета. «Первый раз?» — спросил водитель Дибин, опытный танкист, которому предстояло идти в атаку с Жуковым. «Да, только что из училища, — виновато улыбнулся лейтенант. — В технике я, брат, не силен. Ты мне помоги». Жуков стеснялся своей молодости. Ему очень хотелось подружиться с этим рослым, в

В первых рядах и «хозяйство» Гусаковского.

Гитлеровцы упорно сопротивляются и только тогда перестают стрелять, когда у них кончаются патроны. Города и дороги приспособлены к самой жестокой обороне. Таких завалов, какие они устраивают на шоссе, мы еще никогда не видели. Построены такие доты, что их никакая бомба не берет, бетон и сталь.

Михаил Ефимович сказал, что он уже написал вам — воюем, мол, так, что гитлеровцы вокруг нас на 360 градусов. Это чистая правда. Прошли те времена, когда воевали с оглядкой на фланги. Теперь мы смело врезаемся в тылы, отсекаем гитлеровцев, ведем бой на все четыре стороны и устраиваем им «котлы».

Но, конечно, не обходится в таком деле и без неожиданных сюрпризов для нас. Два раза гитлеровцы выходили прямо на наш командный пункт, и мы вели серьезный оборонительный бой. В одной из таких неожиданных схваток погиб брат Нины (сотрудницы аппарата штаба. — Ю. Ж.), который служил тут же, у нас. Горе это переживали все. Вы знаете, как тяжело Михаил Ефимович ощущает каждую потерю, свидетелем которой ему приходится быть, хотя он сам рискует своей жизнью каждый час как бесстрашный командарм.

Здесь, у моря, — а оно от нас сегодня в пяти километрах, — погода пасмурная, стоит туман. Все вокруг серо, весной еще и не пахнет. Но настроение у танкистов боевое. Несколько дней тому назад Бочковский и Жуков по дороге к одному городу разгромили немецкую колонну автомашин длиной 15 километров. Этот город был подготовлен к длительной обороне. Но, как всегда, наши танкисты вышли не там, где их ждали гитлеровцы.

Всю свою технику — самоходную артиллерию, бронетранспортеры, зенитные орудия, автомашины — фашисты побросали и обратились в бегство, но далеко не ушли, наши танки их настигли. В общем, битой техники было столько, как в Северной Буковине около Днестра, в М. Устечко, помните?

Мы ездили туда с Михаилом Ефимовичем, и проехать было очень трудно все загромождено. Сейчас дорогу расчищают, работают немцы…

Местность здесь для нас очень неблагоприятная — овраги, холмы, болота, леса. Танки могут идти только по дорогам, а они минированы, к тому же, как я сказал, повсюду завалы деревьев, кирпича и песка. Всюду — системы каналов. На одном участке нам пришлось на расстоянии четырех километров построить пять мостов, и все это делали под огнем противника.

За Гдыню драться было очень тяжело. Часто люди шли прямо на верную смерть. Одна дорога, закрытая завалами, а по бокам лес, болота, и там сидят стрелки с фауст-патронами, точный удар которых для танка смертелен. Их надо было подавить, а потом расчищать завалы. Несколько дней брали метр за метром, но все же танкисты выполнили свой долг с честью.

Наши люди из всех родов войск на этой войне творят чудеса, но для нынешней битвы мало и этого слова. Они делают поистине невозможное. Все хотят поскорее закончить разгром гитлеровской Германии.

Михаил Ефимович сейчас очень занят, у него дела большие. Поэтому сам сегодня письмо написать вам не смог, приказал писать мне и передал вам свой привет.

Ну, вот и все. Пишите нам… Мы все живы, хотя и не совсем здоровы, но теперь уже надеемся, что поправляться будем дома.

Кондратенко».

замасленной телогрейке водителем. «Ничего, — успокоил Алексей. — Война научит». В бою Жуков показал себя с наилучшей стороны, с первых же двух снарядов ему удалось подбить фашистский танк. Танкисты-ветераны помогали ему освоить опыт, накопленный бригадой. Не прошло и нескольких месяцев, как Владимир Жуков стал одним из лучших командиров машин, потом командиром взвода, роты, батальона. Ему наравне с Бочковским поручалось выполнение самых ответственных заданий — во главе передовых отрядов они неизменно устремлялись вперед, врываясь в глубь расположения врага, разрывая его коммуникации и сея панику. И быть бы Владимиру Жукову, как и его тезке Бочковскому, генералом, если бы не оборвалась его жизнь в самый канун победы — уже в Берлине…

Вернувшись на 1-й Белорусский фронт, 1-я гвардейская танковая армия разместилась в лесистой местности восточнее плацдарма, захваченного в свое время на Одере Русаковским. Здесь она получила пополнение. Впереди оставалось еще одно сражение, последнее: сражение за Берлин.

Последнее наступление

Передышка была недолгой. Еще заканчивалась ликвидация померанской группировки гитлеровцев, еще гремели залпы войск 1-го Украинского фронта в Силезии, еще кипели битвы за плацдармы на западных берегах рек Одера и Нейсе, а в Ставке Верховного Главнокомандования уже заканчивались последние приготовления к битве за Берлин. Берлинской операции было суждено стать одной из крупнейших боитв второй мировой войны: в ней должны были принять участие с обеих сторон более трех с половиной миллионов человек, свыше пятидесяти тысяч орудий и минометов, около восьми тысяч танков, свыше девяти тысяч самолетов.

В сущности, Германия уже проиграла войну. Еще 30 января Гитлер в одной из самых истерических речей, какие он когда-либо произносил, вопил о том, что над селами, деревнями и городами на востоке навис страшный рок, и грозил самыми ужасными карами тем из своих подданных, кто, осознав неизбежность поражения, прекратит бессмысленное сопротивление Красной Армии.

— Вопрос стоит так, — кричал Гитлер, — кто честно сражается, тот спасет свою жизнь и жизнь своих близких. Но того, кто трусливо повернется спиной к своей нации, при любых обстоятельствах настигнет страшная смерть.

И в подтверждение этой угрозы тут же, в Бреслау, по приказу гаулейтера Нижней Силезии Ганке отряд фольксштурма расстрелял «за трусость» у памятника Фридриху Великому второго бургомистра этого большого города Шпильгагена. В сообщении, опубликованном в газетах, гаулейтер Ганке так объяснил причину этой расправы: Шпильгаген, узнав о быстром приближении советских войск, «вознамерился покинуть Бреслау и найти себе занятие в другом месте».

Свое сообщение гаулейтер закончил назидательными словами: «Кто боится умереть смертью храбрых, тот умрет позорной смертью».

Главный комментатор пропагандистского ведомства Геббельса генерал Дитмар в эти месяцы круто изменил тон и характер своих выступлений. Канули в вечность хвастливые речи, сулившие изо дня в день победу за ближайшим углом. Теперь, слушая немецкое радио, я записывал совершенно иные по своему характеру декларации Дитмара:

— Та быстрота, с какой следуют друг за другом падения немецких городов, за которые идет бой и о взятии которых сообщает противник, показала с горькой очевидностью, что сейчас Советы сочли целесообразным чрезвычайно ускорить свое наступление. Глубокие страдания немецкого народа, спасающегося бегством по зимним дорогам, побуждают к высшим достижениям германскую армию и фольксштурм, сражающийся с ней плечом к плечу.

И Дитмар умолял солдат вермахта держаться на востоке, держаться, несмотря ни на что, пока не настанет чудо… О каком же чуде шла речь? О новом секретном оружии, насчет которого Геббельс прожужжал все уши своим верноподданным, но которое так и не появилось на свет? Нет, Гитлер рассчитывал на иное чудо: он ждал, что вот-вот западные державы заключат с ним сепаратный мир, и тогда начнется война между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой.

Пугая западные державы советской угрозой и подталкивая их к столкновению с Красной Армией, он вопил в той же речи от 30 января:

— Я повторяю свое пророчество: если Англия не сможет укротить большевизм, она сама станет жертвой этой разлагающей болезни. Демократия не сможет избавиться от духов, вызванных ею из азиатских степей.

А тем временем тайные эмиссары третьего рейха повсюду устанавливали контакты с представителями западных держав и пытались любой ценой столковаться с ними. Они говорили, что люди, пославшие их, готовы на все, даже на полную капитуляцию перед западом, лишь бы не допустить большевиков в Берлин. И вскоре после битвы в Арденнах всякое сопротивление вермахта на западе фактически прекратилось — гитлеровцы открывали фронт перед западными державами, продолжая и усиливая борьбу на востоке.

Искушение для западных союзников было велико. Кое-кто даже начал подумывать о том, что следовало бы пойти на нарушение только что подписанных соглашений с Советским Союзом, определивших разграничительную линию оккупации Германии после ее поражения, и занять Берлин, пока вермахт ведет бой с советскими войсками на востоке.

Тогда мы этого еще не знали, но после войны были опубликованы многие документы, свидетельствовавшие о таких настроениях в самых высоких сферах западных держав, и среди них вот это письмо Черчилля Рузвельту, написанное 1 апреля, незадолго до взятия Вены Красной Армией: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто (!) они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу… Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять».[91]

К чести Рузвельта, он не принял этого совета.

И все-таки следовало спешить. Ставка всемерно ускоряла приготовления к решающей битве за Берлин. В ней должны были принять участие все те же три фронта: 1-й Белорусский, которым командовал Г. К. Жуков, — он должен был наносить удар в центре; 1-й Украинский под командованием И. С. Конева и 2-й Белорусский, которым руководил К. К. Рокоссовский.

Им предстояла трудная задача: Гитлер собрал для защиты подступов к Берлину и самой столице четыре армии, в том числе две танковые; они объединяли 85 дивизий, в том числе 48 пехотных, 4 танковые, 10 моторизованных дивизий, несколько десятков отдельных полков и немалое число других частей и подразделений, общей численностью в миллион человек, при 10 400 орудиях и минометах, 1500 танках и 3300 самолетах. Для борьбы с нашими танками гитлеровцы накопили более трех миллионов фауст-патронов. Добавьте к этому сложнейшую систему военно-инженерных укреплений, прикрывавших подступы к Берлину, начиная со ставших знаменитыми Зееловоких высот, и вы получите некоторое представление о том, какие трудности должны были одолеть наши войска, прорубая себе путь к рейхстагу, на кровле которого предстояло поднять красный флаг.[92]

1-я гвардейская танковая армия снова входила в состав 1-го Белорусского фронта, и опять на нее ложилась трудная роль бронированного тарана, который должен был взламывать гитлеровскую оборону. По плану операции на 1-ю гвардейскую танковую армию

---

[91] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., Воениздат, 1965, стр. 485.

[92] К началу апреля 1945 года противник создал на подступах к Берлину три оборонительные полосы. Первая полоса глубиною 5–10 километров, проходившая по левому берегу рек Одер и Нейсе, имела три позиции со сплошными траншеями, дотами и дзотами. Подходы к переднему краю прикрывались проволочными заграждениями и минными полями. Вторая полоса обороны глубиной 1–5 километров проходила в 10–20 километрах от переднего края первой полосы и состояла из одной-двух траншей. Третья полоса была подготовлена в 10–20 километрах от второй. Все города, деревни и даже отдельные строения на всем пути до Берлина были превращены в узлы сопротивления. Общая глубина оборонительной системы достигала сорока километров. К этому надо добавить, что здесь протекало несколько рек, местность изобиловала каналами. Все это сильно затрудняло наступление. Наконец, вокруг самого Берлина и в самом городе было построено три оборонительных обвода. В Берлине насчитывалось более 400 бетонных долговременных сооружений. Наиболее крупные бункеры насчитывали до шести этажей («История. Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 5, стр. 251–253).

возлагалась задача — овладеть юго-западной и южной частями Берлина, тогда как 2-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова должна была войти в северо-западный район города. Конечно, наряду с ними в сражении должны были принять участие и многие другие армии — в состав ударной группировки 1-го Белорусского фронта, наносившей главный удар по Берлину с Кюстринского плацдарма, входили также 47-я армия Ф. И. Перхоровича и 8-я гвардейская В. И. Чуйкова, 3-я ударная армия В. И. Кузнецова, 5-я ударная Н. Э. Берзарина.

Вспомогательные удары наносили 61-я армия П. А. Белова и 1-я армия Войска Польского, действовавшие севернее Кюстрина, а также 69-я армия В. Я. Колпакчи, 33-я армия В. Д. Цветаева — они должны были продвигаться вперед южнее. Во втором эшелоне до поры до времени оставалась 3-я армия А. В. Горбатова.

Большую роль в битве за Берлин были призваны сыграть мощные вооруженные силы 1-го Украинского фронта и, в частности, его танковые армии — 3-я и 4-я, которые по-прежнему возглавляли опытные полководцы-танкисты П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. Наконец, свой вклад, и притом весомый, в это сражение должен был внести 2-й Белорусский фронт.

Все эти три фронта, вместе взятые, располагали двумя с половиной миллионами солдат и офицеров, 41 600 орудиями и минометами, свыше 6300 танками и самоходными орудиями и 7500 боевыми самолетами. Эта огромная воинская машина должна была начать действовать 16 апреля.

В 1-й гвардейской, как и в других армиях, готовились к решающей битве, как обычно, слаженно и дружно, во всеоружии большого опыта, накопленного за все эти годы.[93] И все же люди чувствовали себя не так, как обычно: ведь им предстояло, как все понимали, последнее серьезное сражение войны. Последнее! Стоит занять Берлин, задушить окаянного Гитлера в его конуре под рейхсканцелярией и поднять красный флаг над рейхстагом, и третий рейх рассыплется в прах…

Вот какие письма мы получали в эти дни от своих друзей из 1-й гвардейской танковой армии:

> «Где-то в Германии, 3 апреля.
>
> Сейчас мы опять на старом месте, у прежнего хозяина (1-я гвардейская танковая армия после похода к Колъбергу и Гдыне вернулась в распоряжение 1-го Белорусского фронта. — Ю. Ж.). Сейчас маленькая передышка. Устали мы основательно, но фашистам, что называется, дали духу.
>
> Итак, если считать с момента нашего первого прорыва на запад в этой операции, то на германской: земле мы уже больше месяца. На нас с непривычки эта страна производит удручающее впечатление. Вся она — из серого камня, какой-то арестантский цвет, с зеленоватым, оттенком. Дома с остроконечными крышами стоят тесно, все похожи один на другой.
>
> Мы проехали много деревень, и все они как одна. И квартиры похожи. И мебель какая-то стандартная. Помещичьи и кулацкие дома богатые, много всякого добра, все электрифицировано. В скотных дворах по пятнадцать-двадцать коров, много лошадей, а свиней и птиц — без счета. Эти господа хотели войны, и она на них не отражалась, пока фронт не придвинулся к ним вплотную.
>
> В каждом богатом доме были рабы — наши люди с Украины, Смоленщины, из Калинина, Львова, много было поляков. Мы всех их освободили и отправили домой. Писать о том, как с ними обращались хозяева, не буду — вы сами знаете, об

---

93 Особое внимание было уделено работе с пополнением и подготовке техники к боям. За три месяца танки прошли с боями более 2000 километров и нуждались в серьезном ремонте. Ремонт был осуществлен в полевых условиях и притом на «отлично». К началу наступления в строю армии находились около 45 000 солдат и офицеров, 854 танка и. самоходных артиллерийских установок, в том числе 290 новых, 700 орудий и минометов и 44 реактивные установки. 1-й гвардейской танковой армии был придан 11-й отдельный танковый корпус, которым командовал генерал-майор И. И. Юшук

этом много уже сообщалось в печати. Рабы помногу работали, их били, кормили плохо…

А как только вошли наши войска, эти господа стали «нейтральными» — на своих богатых домах вывесили белые флаги — простыни, полотенца, просто какие-то тряпки. Надели и на рукава белые повязки. Но в глаза прямо не смотрят, а все глядят в землю и жалко улыбаются, гадая: пронесет или не пронесет?..

Во многих домах мы видели наши советские вещи с нашими фабричными клеймами: стулья, зеркала, ковры. Это награбленное у нас добро. Посмотришь на такой стул или зеркало, и злость закипает, и слезы на глаза накатываются — вспоминается все, что мы пережили в дни наших больших отступлений.

Есть, конечно, и другие немцы — из рабочих, из крестьян, что победнее, из интеллигенции, — те сами жестоко страдали от фашизма, и они принимают нас хорошо. Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной.

Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас, как вы знаете, строгая, и Михаил Ефимович, и Николай Кириллович зорко следят за тем, чтобы был полный порядок. Они даже приказали кормить из полевых кухонь бездомных, голодных людей.

Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе: слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы.

Может быть, поэтому постоянно ловишь себя на мысли, что все здесь как-то не так, не по-нашему, и ничто не радует глаз: нет нашего русского простора; даже лес, и тот не как у нас — сосны, как спички, понатыканы рядами, весь подлесок вырублен. Земля очень плохая — один песок, хотя, говорят, немцы хорошие хозяева, умудряются и на этой земле выращивать неплохие урожаи.

Вот какие у нас тут мысли и чувства, пока мы готовимся к очередной операции, а какая это будет операция, вы хорошо сами, поймете, если взглянете на карту. В ожидании событий все много работают, а командарм особенно.

Он хотел вам написать, но так устал, что вот пришел недавно, сел на стул и сразу заснул. Мы его уложили, пусть спит, пока не позвонят. Дома он совсем не бывает, все время с М. А. Шалиным и М. Т. Никитиным. Колдуют в штабе над картами. Это там мозг нашей армии.

Привет от всех нас. Пишите.

Е.С.»

Еще письмо, от 7 апреля, пишет опять Кондратенко:

«Вот видите, до этого дня я не мог вам написать — был как проклятый, занят день и ночь. Мечтал после боев выспаться, да не вышло. Выспимся уж после полной победы, а она не за горами. Скоро опять в бой. Готовимся крепко. Теперь вы уже знаете из Указа Президиума Верховного Совета, кто и как у нас воевал. Эти операции, которые мы провели в Польше и частично на германской земле, были небывалыми по своему размаху и силе.

Сейчас здесь весна. Но в силу понятных здешних условий нам не до прогулок: фашисты стреляют из-за угла и охотятся за нашими также в лесу. Так что, прощайте, прогулки, до более подходящего случая!

Очень боюсь за Михаила Ефимовича. Смотрю за ним в оба. К тому же его болезнь заявляет а себе. Лечат его наши врачи как могут. Без конца какие-то анализы, прописывают диету, режим… А до режима ли сейчас? Думаем, что командарм как-нибудь дотянет до конца войны — осталось уж совсем немного, а там мы полечим его уже основательно.

Сегодня Михаил Ефимович получил вторую Золотую Звезду. Эта Звезда — за Висло-Одерскую операцию, а первая, как вы помните, была за Львовско-Сандомирскую. Если бы вы только знали, как все мы гордимся им и как я лично счастлив, что мне судьба назначила быть при таком замечательном человеке всю войну. Он сейчас веселый, готов, как он говорит, горы свернуть. Очень заботливо готовится к бою!

Ну вот, пока и все наши дела. Пишите нам о московских новостях.

Ваш друг Кондратенко»

Назавтра пришла весточка и от самого командарма. Она датирована 14 апреля 1945 года — до начала штурма Зееловских высот остаются считанные часы, и Катуков, видимо, занят по горла подготовкой войск к бою. Записка, как всегда, лаконична, стремительна по стилю. А сюжет несколько неожиданный — насчет исторической науки:

«Привет! Спасибо за письмо. Насчет того, что некоторые описывают Курскую битву на иной мотив и вопреки истине, раздувая заслуги тех, кто лишь кусочком приобщился, мы не беспокоимся. Учтите, что история будет составлена по документам, которые хранятся в анналах Генерального штаба, и будет это сделано, я уверен, беспристрастно и справедливо.

Вы были на Воронежском фронте в дни этой битвы и знаете, что нам шесть или восемь суток пришлось фактически бороться один на один, и главные гитлеровские силы были похоронены. Когда же противник понял, что здесь не пройдет, он, уже обессиленный, начал искать других направлений и тогда был добит общими усилиями всех войск нашего фронта.

В наших двух польских походах — на запад и на север — воевать было, конечно, веселее, чем под Обоянью, к тому же и опыта было больше, чем тогда, да и техникой нас Советская власть не обидела. Закончили мы сей этап в Гдыне, и очень быстро, повернув на восток от Кольберга. Навалили на дорогах такие груды утиль-сырья из гитлеровских танков, пушек, автомобилей и всего прочего, что весело вспоминать, — повсюду на шоссе на десятки километров такой компот.

Много пленных. Среди них наши старые знакомые по Курской дуге эсэсовцы, только теперь у них вид совсем другой — похожи на старых собак, облезлых и мурзатых, одно ухо выше другого.

Вчера маршал Жуков вручил мне вторую Золотую Звезду, сказал — надо отработать в ближайшей операции. Будем стараться на благо нашей Родины дадим Гитлеру последний пинок высокой квалификации и в указанном темпе.

Сейчас три часа ночи, кончаю писать — много работы. Сидим с мудрым Шалиным и талантливым Никитком (Никиток — так Катуков звал своего начальника оперативного отдела штаба Никитина, которого он очень любил. Ю. Ж.) и продумываем кое-какие хитрости.

Жму руку. С приветом Катуков.

А Гусаковский молодец — подает большие надежды. Да и Темник тоже. Будут сейчас держать свой главный экзамен».

Сорок восемь часов спустя, над Костринским плацдармом за Одером грянула канонада [94] и начался знаменитый штурм Зееловских высот. Об этой действительно исторической битве рассказано и написано столько, что вряд ли стоит сейчас повторяться. Скажу лишь об одном: о том ни с чем не сравнимом нравственном подъеме, который охватил тогда наши войска. Вот письмецо, написанное нам семнадцатого апреля адъютантом командарма:

---

[94] «Сила артиллерийского огня была огромной, — говорится в кратком научно-популярном очерке «Великая Отечественная война. 1941–1945». — Только за первый день боя артиллерия фронта израсходовала 2450 вагонов боеприпасов, или 1236 тысяч снарядов» (стр. 375).

«У нас опять бои. Идем на Берлин. Я не писатель и не могу вам связно сказать, что мы сейчас чувствуем и переживаем. Да, наверное, и не всякий писатель может это описать. Вы только подумайте, товарищи, что это значит: мы идем наконец на Берлин, и до него уже, что называется, рукой подать, хотя фашист, сволочь, сопротивляется сильно, и нам, наверное, придется положить здесь еще много наших хороших людей, пока дойдем до рейхстага. Но дойдем обязательно.

Артподготовка началась вчера в пять часов утра по московскому времени. Был очень большой огонь. Потом началась атака. Наши продвинулись вперед, но пехота, прорвав первую линию обороны, взять высоты не смогла, и командование фронта ввело в бой нашу танковую армию. Сейчас воюем. Впереди Гусаковский и Темник. Бой обещает быть очень упорным.

Уже ранен Бочковский, но пока не знаю как. Послали за ним санитарный самолет. Очень беспокоюсь за Михаила Ефимовича. Осталось уже немного до конца, но это «немного» будет стоить очень многого. Нервы стали уже не выдерживать. Все кругом горит. Наша авиация летает беспрерывно.

Вот пока все. Командарм сейчас на наблюдательном пункте. Сейчас ему повезут обед. Пока он относительно здоров, — эти две недели его держали на диете, но в боях опять все нарушится. У него ведь такая привычка — когда воюет, почти ничего не ест, только схватит иногда ломоть хлеба с солью и с луком, и все…

Ну, будьте здоровы. Ждем ваших писем в Берлине.

Кондратенко».

Все эти часы Зееловские высоты штурмовали гвардейцы 8-й армии сталинградце в Чуйкова вместе с танкистами Катукова. Первоначально предполагалось ввести 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии в сражение после того, как 5-я Ударная и 8-я гвардейская армии овладеют Зееловокими высотами и двинутся на Берлин. Уже к исходу второго дня наступления танкисты должны были ворваться в столицу гитлеровского рейха. Но немецко-фашистские войска, опиравшиеся на мощные оборонительные укрепления на Зееловских высотах, оказывали поистине отчаянное сопротивление. Уже к полудню стало ясно, что пехоте не под силу прорвать эту сильную оборонительную полосу и создать танковым армиям условия для ввода в чистый прорыв. Поэтому командование фронта приняло решение ввести в сражение танковые армии, нарастить удар общевойсковых армий, завершить прорыв тактической зоны обороны противника и развить успех на Берлин.[95]

В жестоком бою ветераны-сталинградцы рассчитывались сполна с гитлеровцами за все то, что им пришлось пережить и вытерпеть два с половиной года тому назад на узкой кромке обугленной земли над Волгой. Страна наша следила за этим окончательным расчетом, затаив дыхание, вспоминая и как бы заново переживая все то, что мы пережили, пока шаг за шагом, бой за боем сталинградцы шли вперед сначала по советской земле, потом по польской и вот, наконец, по германской. И я, помнится, писал в те дни в «Комсомольской правде» в своей статье «Именем Сталинграда» такое:

«Сегодня, когда русские солдаты с зелеными ленточками сталинградских медалей на суконных гимнастерках дерутся на земле третьего рейха, готовясь пройти последние десятки километров, отделяющие их от Берлина, уместно вспомнить вопрос озабоченного американского журналиста, заданный Сталину 3 октября 1942 года, в день, когда немцы стояли на берегу Волги.

— Какова еще советская способность к сопротивлению?

И ответ на этот вопрос:

— Я думаю, что советская способность к сопротивлению немецким разбойникам по своей силе ничуть не ниже, — если не выше, — способности

[95] М. Е. Катуков. На острие главного удара, М., Военгиз, 1974, стр. 396

фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство.

То было самое трудное время войны.

Над волжским городом, которому выпала благородная и трагическая судьба ценою собственной крови спасти Родину, стояли столбы дыма и пламени. Восемьдесят пять тысяч домов, триста школ, сто пятьдесят больниц, заводы и детские сады, институты и родильные дома, были охвачены огнем, и пожары были настолько свирепы, что улицы стали непроходимыми.

Шестая армия фон Паулюса, четвертая немецкая танковая армия, третья румынская, восьмая итальянская, восьмой воздушный флот, составленный из отборных асов Геринга, штурмовали, громили, били неподатливый русский город. Миллион бомб общим весом до ста тысяч тонн упали на Сталинград. На отдельных этапах в боях одновременно участвовало свыше двух тысяч танков, более двадцати тысяч орудий, около двух тысяч самолетов. Гитлеровцам удалось на нескольких участках вырваться к реке. И все-таки Сталинград стоял, не поддаваясь врагу. Стоял потому, что все советские люди, сколько их есть на нашей земле, понимали: там, у Волги, на этом крошечном клочке земли, решается судьба Отечества.

Наблюдатели, наивно спрашивавшие о том, какова еще советская способность к сопротивлению, плохо знали советского человека и вовсе не представляли себе, что такое социалистическое государство. Именно поэтому позже, когда Сталинград выпрямился во весь свой рост и пошел ломить стеною от Волги до Днепра, от Днепра до Днестра, от Днестра до Дуная и Вислы, от Вислы до Одера, им пришлось так часто употреблять слово «чудо».

В октябре 1942 года немцы еще думали о дальнейшем походе на Восток. «Мы знаем, что это шествие смерти будет продолжаться и дальше», — хвастала немецкая газета «Дейче альгемейне цейтунг». Но с каждым днем перспективы заманчивого похода в Индию все больше тускнели, и уже тогда наиболее дальновидные генералы Гитлера поняли, что их игра проиграна.

Успокаивая своих гренадеров, с тоскою поглядывавших назад, Гитлер с обычной наглостью заявил:

— Никто не сможет сдвинуть нас с этого места.

А старательные интенданты с его главной квартиры поспешили сдать в Швецию заказ на монументальные гранитные глыбы, которыми предполагалось оградить восточный предел «немецкого жизненного пространства». Эти гранитные столбы они не успели довезти до Волги — туго натянутая пружина долготерпения советского солдата развернулась одним махом и не только «сдвинула с места» фашистский фронт, но тут же пришибла на месте и 6-ю армию фон Паулюса, и 4-ю танковую, и 3-ю румынскую, и 8-ю итальянскую все, что было собрано гитлеровским генеральным штабом под стенами Сталинграда.

Сталин назвал эту великую битву побоищем. Это былинное русское слово как нельзя более точно определило суть событий, происшедших под стенами Сталинграда два года тому назад. Сто сорок семь тысяч двести трупов немецких солдат и офицеров было подобрано и закопано здесь после битвы. А сколько зарыли их сами немцы? Мы этого пока не знаем. И еще: девяносто одна тысяча немцев, в том числе две с половиной тысячи офицеров и двадцать четыре генерала во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, сложили свое оружие после долгого и бесплодного сопротивления.

Это была хорошая жатва мщения. Но не было уже того средства, которое могло бы умерить гнев и боль в душе советского человека, вызванные лицезрением руин Сталинграда. По многим дорогам ушли отсюда на запад солдаты с золотистыми медалями на зеленых ленточках. Мы встречали их потом под Белгородом и под Орлом, у Таганрога и у Ленинграда. И всюду этих людей узнавали по особенному, решительному и тяжелому, удару, не знающему промаха.

Именем Сталинграда они карали гитлеровцев на всех фронтах. Именем Сталинграда бронебойщик Петро Болото, уничтоживший на берегах Волги с тремя товарищами пятнадцать танков, громил на Украине фашистов из панцирных дивизий. Именем Сталинграда гвардейцы Родимцева били их на Курской дуге, на

Днепре, на Висле. Именем Сталинграда солдаты Чуйкова сокрушали гитлеровцев в Запорожье, у Аккермана, на Дунае и за Дунаем, а теперь громят их в Германии.

Искры московских салютов озаряли их дальний путь. Сталинградцев видели Болгария и Югославия. Сталинградцы освободили Будапешт. Родимцев вступил первым в Силезию. Полубояров провел свои танки по улицам Кракова и освободил Домбровский бассейн. Буткову салютовала Москва, когда он водрузил свое знамя в Пруссии.

Самое слово «Сталинград» стало нарицательным — гитлеровцы икали, вспоминая это слово под Корсунь-Шевченковским и в Белоруссии, между Яссами и Кишиневом, в Польше и в Восточной Пруссии, и во многих-многих других местах. И не раз еще вспомнят они это слово: наверняка и Берлин станет для них сталинградским «котлом».

Два года назад Геббельс вывесил в Берлине черные флаги, поминая гитлеровцев, закопанных под Сталинградом. Это был официальный траур. Флаги сняли три дня спустя, и сняли совершенно зря. Висеть бы им до сегодняшнего дня, до конца войны! Ведь тогда лишь начался закат гитлеровской армии, а теперь сумерки фашистской Германии сгущаются все плотнее, и черные флаги как нельзя больше к лицу столице рейха…»

Ну вот, а к исходу семнадцатого апреля оборона гитлеровцев на Зееловских высотах была все же взломана войсками 8-й гвардейской армии сталинградцев во взаимодействии с 1-й танковой гвардейской армией, и наши полки, дивизии, корпуса, армии начали медленно, но верно продвигаться к Берлину, захлестывая стальным прибоем одну линию укреплений противника за другой.

На протяжении восемнадцатого апреля армии 1-го Белорусского фронта, наступавшие на Берлин, продвинулись на четыре-восемь километров, назавтра еще на девять-двенадцать километров; вскоре они завершили прорыв третьей оборонительной полосы гитлеровцев. Оборонялся противник поистине отчаянно; за первые четыре дня наступления ударной группировки 1-го Белорусского фронта командование вермахта ввело в бой из своего резерва семь дивизий, две бригады истребителей танков и более тридцати отдельных батальонов. И это, когда на западе перед фронтом союзнических войск всякое сопротивление было, по сути дела, прекращено.

Но все было тщетно, часы третьего рейха были уже сочтены…

Советские танки в Берлине

Вечером 20 апреля, в 21 час 50 минут, когда танкисты продолжали ожесточенные бои, продвигаясь на запад и одновременно нанося удары по группировке фашистских войск, которая, отходя от Одера, пыталась пробиться к Берлину, в штаб 1-й гвардейской танковой армии пришла радиограмма, которая не могла не взволновать всех — от командарма до рядовых офицеров:

«Катукову, Попелю. 1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично вам поручается организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4–00 утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина.

Жуков, Телегин.[96]»

Это была необычайно трудная задача. Действовавший на левом фланге 8-й гвардейский механизированный корпус, к моменту получения телеграммы, вел жаркие бои, продвигаясь

[96] М. Е. Катуков. На острие главного удара. М., Военгиз, 1974, стр. 401

на юго-запад. Его 19-я и 21-я гвардейские механизированные бригады уже переправились через Шпрее. 1-я гвардейская танковая и 20-я гвардейская механизированная бригады тем временем, повернувшись фронтом на восток, отбивали яростные атаки превосходящих сил вражеской группировки, которая пыталась пробиться к Берлину. Генералу Дремову было крайне трудно выполнить поставленную ему новую задачу прекратить переправу через Шпрее, оставить часть сил для отражения ударов противника с востока и юго-востока, а главными силами двинуться на запад, к берлинскому пригороду Карлсхорст с тем, чтобы к утру быть на окраине Берлина. Немедленно приступить к выполнению приказа командования могли лишь танковые корпуса, но и они прокладывали себе путь с большим трудом — к утру поспеть на окраину Берлина они никак не могли.

Но выполнение боевого приказа — святое дело для солдата, и танкисты самоотверженно рвались вперед, вкладывая в это решающее наступление весь свой военный опыт, накопленный за годы войны и проявляя поистине невиданную самоотверженность. Я не буду здесь воспроизводить в деталях картину этого наступления, — она ярко и правдиво отражена в мемуарах военачальников 1-й гвардейской танковой армии. Приведу здесь лишь один эпизод, заимствованный мною в воспоминаниях генерала армии А. Л. Гетмана.

Выполняя приказ командарма, командир 11-го гвардейского танкового корпуса полковник А. Х. Бабаджанян выделил для прорыва к ёБерлину самую прославленную свою бригаду — 44-ю гвардейскую танковую во главе с дважды Героем Советского Союза полковником И. П. Гусаковским — это та самая бригада, которой А. Л. Гетман командовал еще под Москвой, — бригада, над которой шефствовали Монгольская Народная Республика и Московский комсомол. Теперь ей по праву была предоставлена почетная и ответственная обязанность — первой поднять знамя победы над окраиной столицы поверженного фашистского рейха.

Солдаты и офицеры бригады были охвачены небывалым подъемом, и они сделали то, что могло показаться невозможным: прорвавшись сквозь невероятно мощную оборону врага, 44-я гвардейская танковая бригада, не оглядываясь на фланги и на тыл, ловко маневрируя среди фашистских частей, лихо влетела к восьми часам утра 22 апреля в Уленхорст — восточную окраину Берлина, и там, на северном берегу Шпрее, невдалеке от Берлинерштрассе, подняла флаг СССР. Вот как доложил об этом в своей радиограмме начальник политотдела 44-й гвардейской танковой бригады подполковник В. Т. Помазнев заместителю командира корпуса по политчасти генерал-майору И. М. Соколову:

> «1. Водружен государственный флаг СССР в Берлине над зданием штаба фольксштурма.
>
> 2. Поднят государственный флаг СССР в 8 часов 30 минут взводом младшего лейтенанта Аверьянова Константина Владимировича, кандидата в члены ВКП(б), командиром танка гвардии младшим лейтенантом Бектимировым Федором Юрьевичем, членом ВЛКСМ, которые первыми вошли в Берлин в 8 часов 22.4.45 г.»

О, конечно же, на этом история не кончилась, — гитлеровцы удесятерили свое сопротивление, стремясь во что бы то ни стало отбросить наши войска от Берлина, и бригада Гусаковского, зажатая со всех сторон, оказалась в труднейшем положении. Заняв круговую оборону между Уленхорстом и Фридрихсхафеном, она стойко отражала атаки, обрушившиеся на нее со всех сторон. Тем временем главным силам корпуса было приказано всемерно ускорить продвижение к Уленхорсту. И вскоре, еще до полудня, они пробились на выручку к бригаде Гусаковского и затем вместе с нею двинулись дальше — в наступление. Теперь, между прочим, вместе с бригадой Гусаковского действовал памятный читателю полк «пушек с высшим образованием» — 399-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк Кобрина.

На следующий день, 23 апреля, части 11-го гвардейского танкового корпуса вместе с подошедшими частями 8-й гвардейской армии ворвались в Карлсхорст. Одним из первых

вступил в этот район Берлина 1-й танковый батальон 40-й гвардейской танковой бригады под командованием майора Иванова, — за умелые действия и геройство в этом бою комбат получил Звание Героя Советского Союза. Снова отличился в боях за Карлсхорст и 399-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк Кобрина.

Тем временем справа успешно продвигался вперед 11-й танковый корпус Ющука, а левее 8-й гвардейский механизированный корпус Дремова вышел в район Кепеника. Вместе с ними неудержимо надвигались на Берлин наши общевойсковые армии. Противник непрерывно вводил в бой резервы, но остановить наступление советских вооруженных сил он уже был не в состоянии.

Положение гитлеровцев, упорно защищавших свою столицу, осложнялось тем, что их двухсоттысячная группировка, отрезанная на юго-востоке, так и не смогла прорваться к Берлину, — она была отсечена и разгромлена. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, вспоминая об этом моменте битвы за Берлин, пишет:

> «Следует подчеркнуть значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе…
>
> Введенная в дело из резерва фронта 3-я армия генерала А. В. Горбатова, развивая наступление вдоль канала Одер — Шпрее и используя успех 1-й гвардейской танковой армии, быстро вошла в район Кенигсвустерхаузен. Отсюда, резко повернув на юг и юго-восток, она нанесла удар на Тойпитц и 25 апреля соединилась с частями правого крыла войска 1-го Украинского фронта, наступавшими в северо-западном направлении. Плотно сомкнулось кольцо окружения вражеской группировки юго-восточнее Берлина».[97]

23 апреля катуковцы, прорвавшись вперед, навели мосты через реку Шпрее у Кепеника, Бандсдорфа и Мариендорфа и завязали бой в самом Берлине. Подошедшие войска 8-й гвардейской армии пошли по мостам, сооруженным танкистами.

Созданная по приказу командующего фронтом специальная группа во главе с В. Жуковым (он. был уже майором) захватила аэродром Темпельхоф, находящийся почти в центре города, в 3 километрах от рейхсканцелярии. Жуков в этом бою геройски погиб…

Узнав о боевых успехах наших друзей-танкистов, которые где-то там, в этом огненном аду, продолжали неутомимо продвигаться вперед, занимая квартал за кварталом во взаимодействии с доблестной пехотой, мы послали им приветственную телеграмму. Несколько дней спустя получили от адъютанта командарма вот эту записочку, написанную на грязном, измятом листке и датированную 24 апреля.

> «Сегодня получили вашу телеграмму. Михаил Ефимович благодарит. Мы ни на минуту не выходим из сражения, начиная с 16 числа. Бои очень тяжелые. В среднем в день проходим по десять километров, но были дни, когда продвижение измерялось метрами. Столько огня и дыму, что нечем дышать.
>
> Сейчас ведем уличные бои. 20-я бригада уже вывесила два красных флага над зданием главной штаб-квартиры фольксштурма… Извините, но я не могу вам обо всем как следует написать, — все время засыпаю. За все эти дни спали только несколько часов, да и то на ходу. Стали совсем как тени.
>
> Мы с Михаилом Ефимовичем сейчас находимся на наблюдательном пункте в самом городе. Но штаб наш тоже стоит уже в Берлине. Пьем берлинскую воду из берлинского водопровода и, как это ни странно, пользуемся берлинским электрическим освещением. Вот куда мы добрались, о чем могли только мечтать в 1941 году.

---

97 Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1969, стр. 654–664.

Сегодня на командный пункт к нам солдаты вдруг препроводили все японское посольство — они бежали из огневого ада и просили у нас спасения.

Хорошо воюют сейчас все ваши знакомые — Бабаджанян, Дремов, Бойко, Русаковский, — Михаил Ефимович ввел в бой все, что у него есть. Очень много авиации. Нажимаем как следует. Но гитлеровцы по-прежнему отчаянно сопротивляются; говорят, что тех, кто отступает, расстреливают эсэсовцы, поэтому они сражаются до последнего.

Сами мы все время под артиллерийским обстрелом, падают снаряды. Танки несут урон от фауст-патронов. По ночам все еще налетают фашистские самолеты, — не понимаем, откуда только они берутся. Бомбят с одиннадцати вечера и до утра. Поэтому мы работаем в подвалах.

Очень волнуюсь за Михаила Ефимовича, — он все время в войсках, и как его уберечь, прямо не знаю.

Вот пока все о наших делах. Извините, что так плохо написал.

Кондратенко».

К письму была приложена набросанная скорописью заметка для газеты. Автор писал эту заметку явно второпях, и отделывать ее ему было некогда, хотелось побыстрее рассказать о боевых делах лучших танкистов. Вот эта заметка — живое свидетельство с поля боя, если только можно назвать полем залитые асфальтом и бетоном улицы и площади немецкой столицы. Я привожу ее здесь как документ, воскрешающий память о тех незабываемых днях и часах.

Редакции «Комсомольской правды».

СОВЕТСКИЕ ТАНКИ В ЛОГОВЕ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ

Этаж за этажом, дом за домом, улицу за улицей очищают танкисты и пехотинцы от гитлеровцев в этих напряженных боях уже на улицах столицы фашистской Германии — Берлина.

Надо отдать должную справедливость: гитлеровцы сумели окружить свою берлогу далеко на ее подступах мощной обороной — всеми новинками немецкого инженерного искусства. Густая сеть рвов, каналов, наполненных водой, надолбов — деревянных и железобетонных, минированных завалов, всевозможные коварные сюрпризы — все это стояло перед нашими частями, наступающими на центральном участке.

Каждый город, поселок, высоту противник защищал с неистовым упорством, с упорством людей, обреченных на гибель. Но ни оборона Гитлера, ни его «тигры» и «пантеры», ни батальоны автоматчиков, ни «мессершмитты» — ничто не могло дезорганизовать мощное наступление наших танкистов, взаимодействующих с авиацией, артиллерией, пехотой.

Танковая бригада дважды Героя Советского Союза гвардии полковника Гусаковского двигалась в передовом отряде. Взломав оборону под Зееловом, танкисты рванулись к Берлину. Надо было видеть, с каким упорством рвались к логову зверя наши гвардейцы!

Вот танковое подразделение Героя Советского Союза гвардии майора Пинского. Танкисты здесь — преимущественно молодежь, комсомольцы, но уже воевавшие по 2–3 месяца. Когда им в бою вручили комсомольские значки, то каждый дал клятву: «Клянусь водрузить знамя в Берлине». В подразделениях гвардии майора Пинского и гвардии капитана Деркача развернулось своеобразное боевое соревнование: кто первым ворвется в Берлин. Каждый танковый взвод имел 2–3 алых полотнища — они были спрятаны под комбинезонами командиров танков.

И надо сказать, комсомольцы-танкисты Гусаковского свято выполняют свою комсомольскую клятву. Только за один день боев парторганизация приняла в ряды ВКП(б) 16 лучших танкистов-комсомольцев, среди которых офицеры Чусовитин и Лебеденко, сержанты Нуруллин, Яценко и др.

Командирам машин комсомольцам гвардии младшим лейтенантам Васильеву

и Золотову была поставлена задача: взять высоту, господствующую над местностью. Эта высота была выгодной позицией для противника, который ее отчаянно защищал. Уже через три часа боя Васильев и Золотое сбили гитлеровцев с высоты. Однако через некоторое время фашисты подтянули артиллерию и открыли ураганный огонь по нашим танкам.

Сложилось трудное положение. Машина Золотова загорелась. Потом запылал танк Васильева. Но отважные танкисты не растерялись: несмотря на продолжавшийся сильный артобстрел, они песком, брезентами, шинелями потушили пламя. Танки были спасены и до сих пор продолжают громить фашистов.

Гвардейцы-разведчики комсомольцы Кудисов и Саган, захватив двух «языков», возвращались с боевого задания. Артиллерийским снарядом оба были сильно контужены и лишены слуха и речи. Несмотря на это, они довели пленных к штабу и категорически отказались идти в госпиталь. На листе бумаги гвардеец Кудисов написал:

«В госпиталь не пойду. У меня есть еще пять дисков патронов. А кто же будет водружать знамя над Берлином?»

Мужественно сражаются танкисты подразделения гвардии старшего лейтенанта Бабкина. Это они на одной из улиц Берлина уничтожили свыше 30 гитлеровцев, захватили в плен около 150 немецких солдат и офицеров, подбили «пантеру», захватили в исправности два танка и около 50 автомашин с военными грузами.

Особое мужество и отвагу проявили в последних боях на улицах Берлина танкисты гвардии лейтенанта К. Аверьянова. Невзирая на отчаянное сопротивление фашистов, его танкисты первыми ворвались на окраину Берлина, и на одном из высоких зданий водрузили алое полотнище.

И недалек тот день, когда Красное знамя, знамя полной победы будет развеваться в самом центре Берлина.

Так воюют гвардейцы-танкисты дважды Героя Советского Союза гвардии полковника Русаковского.

Гвардии старший лейтенант Леонид ОМЕЛЬЧЕНКО

Бой вели теперь штурмовые отряды. В состав каждого отряда, вспоминает генерал армии А. Л. Гетман, — входили танковая рота, батарея самоходных артиллерийских установок, противотанковые орудия, подразделения разведчиков, автоматчиков и саперов. Они были, в основном, укомплектованы коммунистами и комсомольцами. Каждый отряд получил свои объекты атаки. Взаимодействие между ними осуществляли командиры танковых батальонов и частей усиления, — они находились непосредственно в боевых порядках.

Утром 25 апреля войска 1-й гвардейской танковой армии форсировали канал Тельтов. 11-й гвардейский танковый корпус овладел Трептовом и во второй половине дня вышел к каналу Ландвер. Тем временем 8-й гвардейский механизированный корпус ворвался в южную часть района Нейкельн и к концу дня захватил важный перекресток Донауштрассе — Инныштрассе. Разведывательная группа корпуса под командованием майора В. С. Градова заняла аэродром Темпельхоф — это было последнее пристанище гитлеровской авиации в Берлине.

Канонада доносилась со всех сторон, — советские войска неудержимо двигались к центру города. Наступление успешно вели 1-я гвардейская танковая, 3-я и 5-я Ударные, 8-я гвардейская армии 1-го Белорусского франта, 3-я гвардейская танковая и 28-я армии 1-го Украинского.

В то же время в середине этого знаменательного дня части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, обходившие Берлин, соединились. Гигантская мышеловка захлопнулась. Теперь гитлеровцам, оставшимся среди руин своей столицы, уже не было спасения. Они не могли даже бежать. Оставалось одно — капитуляция. Но Гитлер, укрывшийся в бомбоубежище под своей рейхсканцелярией, о ней не хотел и слышать. С

упорством безумного маньяка он требовал, чтобы его солдаты умирали в бою до последнего.

26 апреля сражение в Берлине продолжалось. Войска 1-й гвардейской танковой армии полностью очистили Нейкельн и завязали бои в центральной части города. 11-й гвардейский танковый корпус сражался на Нансенштрассе, а 8-й гвардейский механизированный — на Ройтерштрассе. На завтра, 27 апреля, танкисты продвинулись еще на три километра, заняли восемьдесят кварталов и вышли к Ангальтскому и Потсдамскому вокзалам. Те, кому довелось побывать в Берлине, хорошо знают, что этот район находится уже в самом центре города.

Победа была уже совсем близка. Тем с большим волнением и горечью воспринимались горькие утраты, которые несла в этих завершающих боях армия. Погибали славные, испытанные в сражениях солдаты, офицеры. Смертью храбрых закончил свой жизненный путь боевой командир 1-й гвардейской танковой бригады, достойный преемник покойного В. М. Горелова — полковник Абрам Матвеевич Темник. Геройски погибли его соратники — командир 19-й гвардейской механизированной бригады полковник Иван Васильевич Гаврилов, командир 21-й гвардейской механизированной бригады полковник Петр Ефимович Лактионов.

Тяжело был ранен любимец армии, боевой командир 44-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник И. И. Гусаковский, пришедший в нее еще в январе 1943 года в качестве начальника штаба, а девять месяцев спустя возглавивший ее. Днем раньше был тяжело ранен в обе ноги и начальник политотдела этой бригады гвардии подполковник В. Т. Помазнев. Оба они, несмотря на тяжелые ранения, отказались эвакуироваться в тыловой госпиталь, твердо заявив, что останутся в бригаде до завершения битвы за Берлин.

Командование бригадой временно принял заместитель Гусаковского подполковник Е. Я. Стысин, а Помазнева заменил майор Н. Е. Золин, но вскоре он был убит…

В середине дня 27 апреля командование фронта поручило 1-й гвардейской танковой армии новую задачу, — такую задачу, которая до глубины души взволновала танкистов: было приказано овладеть вокзалами, затем силами танкового корпуса пересечь канал Ландвер западнее Потсдамского вокзала и нанести удар по имперской канцелярии и рейхстагу. Механизированный корпус тем временем должен был наступать на запад вдоль канала. Это означало, что до полной победы оставались уже считанные часы. Охваченные боевым порывом солдаты и офицеры рвались в наступление.

Армии, штурмовавшие центр Берлина, продвигались к рейхстагу и рейхсканцелярии со всех сторон. С юга наступали 3-я гвардейская танковая, 28-я и 8-я гвардейская армии и 1-я гвардейская танковая армия, с востока 5-я Ударная армия, с севера — 3-я Ударная армия, с северо-запада — 2-я гвардейская танковая армия и 1-я армия Войска Польского. Но чем ближе подходили наши войска, к рейхстагу и рейхсканцелярии, тем труднее давалось продвижение вперед. «Каждый дом являлся крепостью, которую приходилось брать штурмом, — вспоминают А. Х. Бабаджанян, Н. К. Попель, М. А. Шалин и И. М. Кравченко,[98] — немецко-фашистское командование бросало в бой все, что имело под рукой, осуществляло широкий маневр силами и средствами. Отдельные группы автоматчиков и солдат, вооруженные фауст-патронами, используя подземные коллекторы, водосточные каналы и т. п., выходили в тыл наших частей и выводили из строя офицеров, солдат, рвали линии связи, уничтожали машины, орудия. Нередко гитлеровцы переодевались в гражданскую одежду и наносили удары из-за угла, из канализационных колодцев. Узкая полоса наступления позволяла использовать одновременно ограниченное количество танков и самоходно-артиллерийских установок, а для действий на более широком фронте не хватало пехоты: в танковых бригадах имелось по 80–100 автоматчиков, а в механизированных — по 300–450».

---

[98] А. Х. Бабаджанян, Н. К. Попель, М. А. Шалин, И. М. Кравченко. Люки открыли в Берлине. М., Воениздат, 1973, стр. 322–323.

Все же к утру 28 апреля железнодорожные вокзалы были взяты, а во второй половине дня 11-й гвардейский танковый корпус форсировал канал Ландвер; 3-й гвардейский механизированный корпус, наступая вдоль южного берега этого канала, очистил от гитлеровцев еще 60 кварталов и к концу дня подошел к Зоологическому саду.

Ночью, в разгаре боев, поступил новый приказ: на 29 апреля назначался общий штурм последних оплотов гитлеровцев; и перед

1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армиями ставилась задача овладеть имперской канцелярией, парком Тиргартен, Зоологическим садом и соединиться с 3-й Ударной и 2-й гвардейской танковой армиями, наступавшими с севера и северо-запада.

В полдень войска 11-го гвардейского танкового корпуса, находившиеся уже неподалеку от рейхсканцелярии, начали свое наступление вдоль улицы, ведущей к Тиргартену. «К исходу 29 апреля, — вспоминает генерал армии А. Л. Гетман, — части 11-го гвардейского танкового корпуса почти вплотную приблизились с юго-запада к зданию имперской канцелярии. Но пробиться к нему не смогли из-за сильного огня вражеской артиллерии и многочисленных команд фаустников (не следует забывать, что в эти часы в бомбоубежище под рейхсканцелярией все еще находился сам Гитлер. Он покончил самоубийством лишь на следующий день. — Ю. Ж.). Наступила ночь, но бой не утихал. Впереди в отблесках взрывов виднелась громада имперской канцелярии. Казалось, еще одно усилие — и части 11-го гвардейского танкового корпуса прорвутся к этому зловещему зданию, неся с собой возмездие зарывшемуся в землю маньяку. Ради этого самоотверженно сражались воины корпуса в ту ночь…

Но на рассвете 30 апреля, когда до имперской канцелярии оставалось две-три сотни метров, последовал приказ — прекратить атаки на этом направлении. Дело в том, что 3-я и 5-я Ударные армии, наступавшие с севера и северо-запада навстречу 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армиям, к тому времени так же вышли к центру города. Войска первой из них, захватив уцелевший мост Мольтке, переправились через Шпрее и вели бои уже на подступах к рейхстагу, войска второй подходили к имперской рейхсканцелярии. Таким образом, наши части, атакующие эти районы с разных сторон, оказались в непосредственной близости одна от другой. При таких условиях немудрено было попасть под обстрел своих частей. В то же время в городе оставались еще и другие очаги сопротивления противника.

Вследствие этого командование фронта приняло решение продолжать атаки в районе рейхстага и имперской канцелярии силами общевойсковых армий, а 1-ю гвардейскую танковую повернуть на северо-запад…

Конечно, воинов корпуса не обрадовала необходимость отказаться от овладения имперской канцелярией. Но решение о его переброске на другое направление диктовалось условиями сложившейся обстановки».[99]

Весь советский народ, больше того — весь мир следил, затаив дыхание, за ходом этой битвы. Близился праздничный день Первого мая, и все мы надеялись, что именно в эти праздничные майские дни свершится то, чего все мы ждали так долго.

29 апреля мы опять послали катуковцам телеграмму — поздравляли с наступающим праздником. Ответ был предельно краток:

> «Телеграмму получил. Благодарю за поздравление. Заканчиваем бои на улицах Берлина. Фашистам скоро — полный конец. Поздравляю весь коллектив «Комсомольской правды» с майским праздником.
>
> Генерал-полковник Катуков».

О том, что было дальше, читатель хорошо знает. Тридцатого апреля Гитлер покончил с собой. Вечером этого дня разведчики 756-го полка 3-й Ударной армии сержанты М. А. Егоров и М. В. Кантария водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

---

[99] А. Л. Гетман. Танки идут на Берлин. М., «Наука», 1973, стр. 360.

Поздравляя войска 1-го Белорусского фронта с успехом, командующий 1-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Жуков, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Телегин и начальник штаба фронта генерал-полковник Малинин писали в своем приказе по этому поводу:

> «Близится час окончательной победы над врагом. Наш советский флаг уже развевается над главным зданием рейхстага в центре города Берлина.
>
> Товарищи бойцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Белорусского фронта, вперед на врага! Последним, стремительным ударом добьем фашистского зверя в его логове и ускорим приближение часа окончательной, полной победы над фашистской Германией!»

Представители вермахта попросили Советское командование принять их для переговоров. Эти переговоры велись в штабе 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова. В ночь на 1 мая сюда явился начальник немецко-фашистского генерального штаба генерал Кребс. Он попросил о перемирии, но ему было твердо сказано, что гитлеровцы должны согласиться лишь на безоговорочную капитуляцию.

Кребс вслед за Гитлером покончил с собой. Военные действия возобновились. Эти заключительные бои 1-я гвардейская танковая армия должна была вести в районе берлинского Зоологического сада, южную часть которого 8-й гвардейский механизированный корпус, взаимодействуя с частями 8-й гвардейской армии занял еще вечером 30 апреля. Сюда же продвигался и 11-й гвардейский танковый корпус.

Советское командование заявило представителям гитлеровского вермахта, что если безоговорочная капитуляция не последует до 10 часов утра 1 мая, то войска Красной Армии нанесут «удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться».[100]

Ответ на это не поступил. Поэтому в 10 часов 40 минут утра наши войска начали последний штурм уцелевших опорных пунктов противника. Перед боем во всех частях прочли первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. Повсюду гремело «ура», когда оглашались слова приказа о том, что войска Красной Армии соединились с союзными англо-американскими армиями на Эльбе и завершают разгром врага в центре Берлина.

За 10 минут до начала штурма над Берлином прошли в сопровождении истребителей штурмовики, которые несли красные полотнища с надписями: «Победа», «Да здравствует 1 Мая», «Слава советским воинам, водрузившим Знамя Победы над Берлином». И грянул бой, последний бой…

Части 1-й гвардейской танковой армии, взаимодействуя с частями 8-й гвардейской армии, сломили сопротивление противника на вверенном им участке фронта, овладели районом Зоологического сада и вышли в Тиргартен.

Около двух часов ночи штаб обороны Берлина объявил по радио на немецком и русском языках, что он прекращает военные действия.

Начальник штаба генерал Вейдлинг сам сдался в плен. На рассвете стали сдаваться одно за другим гитлеровские соединения. В шесть часов утра 2 мая танкисты получили приказ прекратить огонь. Утром в Тиргартене они встретились с продвинувшимися сюда войсками других армий. Загремело победное «ура». Стихийно возник митинг. Для 1-й гвардейской армии, как и для многих других соединений, это был конец войны.

Шестнадцать суток участвовали катуковцы в боях за Берлин. Они уничтожили и захватили в этих боях 44 650 солдат и офицеров противника, 195 танков и штурмовых орудий, 763 орудия и миномета, 221 самолет, 2194 автомашины и много другой военной техники.

33 857 солдат, сержантов, офицеров и генералов 1-й танковой армии за доблестное участие в Берлинской операции были награждены орденами и медалями. 29 воинам было

---

[100] Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1969, стр. 676.

присвоено звание Героя Советского Союза. 11-й гвардейский танковый и 8-й гвардейский механизированный корпуса, 64-я гвардейская танковая бригада, 399-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский и 79-й гвардейский минометный полки удостоились почетного наименования Берлинских. Многие части были награждены орденами.

В Берлине наступило непривычное безмолвие… Несколько дней спустя мы получили от Катукова письмо, написанное сразу по окончании последнего боя:

> «Пишу из притихшего Берлина. Мы доконали наконец гитлеровцев. Берлин еще позавидует Орлу, Севастополю и многим другим городам, разрушенным вермахтом, — он выглядит гораздо страшнее, чем они.
>
> Этого можно было бы избежать, если бы не безумство Гитлера, который заставлял своих людей драться до последнего человека, хотя это сопротивление было абсолютно бессмысленно, и если бы не слепое послушание вермахта, которое в данном случае обернулось против жизненных интересов самих немцев, то битву можно было бы завершить с меньшим кровопролитием.
>
> Ну, пусть во всем этом разбираются теперь сами немцы и они извлекают свои уроки, — им есть о чем подумать.
>
> Мы же свое дело сделали. Вот только жаль до слез наших лучших людей, которых мы потеряли в последние часы боя. Здесь, в этих последних боях, погибли многие из наших ветеранов, в том числе наш дорогой командир 1-й гвардейской танковой бригады Темник и его лучший комбат, прославленный герой Жуков, прошедший всю войну. Тяжело ранен Бочковский — об этом вам уже писали. Серьезно ранен Гусаковский — ему лежать придется месяца три. Ранен и Герой Советского Союза Пинский, который, как и Бочковский, все время шел с передовым отрядом.
>
> Корреспондентов у нас нынче много. Вот и сейчас сидят у меня Гроссман и Галин. Есть им о чем рассказать и есть что показать людям и сохранить для истории в назидание потомкам. Политотдел наш сейчас затеял большое дело: учиняют по горячим следам войны, пока все свежо в памяти, опрос ветеранов армии и записывают их рассказы. Посылаю вам образчик: несколько записей о том, как наши гвардейцы дрались в Берлине и на пути к Берлину.
>
> Крепко жму руку
>
> Катуков».

И вот эти бесхитростные рассказы, собранные, как сказал командарм, «по горячим следам войны», сохранились в моем архиве.

Рассказывает Храбцов А. А. 44-я танковая бригада.

> В Берлине шли тяжелые бои. Немцы ожесточенно сопротивлялись. В это время был ранен командир нашего батальона Герой Советского Союза гвардии майор Пинский. Мне было приказано его заменить.
>
> Разгорелся бой за один из перекрестков на улицах Берлина. Оказалось, что в одном доме у немцев находилось около полутора тысяч раненых. И вот вместо того, чтобы сдать нам этот дом и тем самым спасти жизнь раненым, гитлеровцы именно здесь оказали нам самое ожесточенное сопротивление. Около этого дома они сгруппировали своих «фаустников». Поэтому захватить перекресток было почти невозможно. Только благодаря тому, что мы применили в этом бою дымовые шашки и сманеврировали, нам удалось овладеть перекрестком и спасти немецкий госпиталь от разрушения. Брошенным гитлеровцами раненым наши врачи немедленно оказали помощь.
>
> Я прошел с боями сорок три квартала в Берлине. Мой батальон уничтожил за это время 15 немецких танков, захватил и уничтожил до 800 автомашин и 20 зенитных пушек. Было захвачено нами 2000 пленных и около 800 солдат и офицеров было убито в бою.
>
> Вспоминаю о своих товарищах-героях.
>
> Геройски погиб в Берлине гвардии лейтенант Николай Ванечкин —

командир самоходной батареи. Это был инициативный командир исключительной храбрости. В тех случаях, когда фашисты усиленно сопротивлялись, командование всегда посылало в бой Ванечкина, ибо он всегда отлично выполнял боевую задачу.

В Берлине же был ранен в ногу и в щеку старший лейтенант Архангельский. Несмотря на тяжелое ранение, он оставался на своем посту и руководил боем. Архангельский уехал в госпиталь только, когда его ранило еще раз.

Лейтенант Синебабкин всегда шел впереди своего батальона. Его также убили в Берлине. Синебабкин наступал в голове батальона, а был он командир взвода. Его застрелил снайпер, когда товарищ Синебабкин выходил из своей машины, чтобы показать место другим своим танкам.

Рассказывает Засухин Иван Степанович, гвардии старшина, механик-водитель, 44-я танковая бригада.

Хочу вам рассказать о боях под Винницей. Ночью мы с батальоном продвигались к крупному населенному пункту. Нашу колонну вел генерал-лейтенант Гетман. Нам было приказано взять этот населенный пункт. Предварительно в разведку был послан взвод старшего лейтенанта Старостина. Наши разведчики выяснили, что в центре населенного пункта гитлеровцев много, но танков у них нет. Мы стали входить в деревню. Нас тепло встретили жители на окраинах. И вот вдруг внезапно фашисты открыли огонь. Они били из минометов и крупнокалиберных пулеметов.

Я был тогда механиком-водителем у командира взвода гвардии лейтенанта Власова (теперь тов. Власов — капитан). Тов. Власов послал две машины, в том числе и мою, вперед, чтобы узнать, какая есть у противника артиллерия.

Впереди ехал мой товарищ, я следовал сзади. Около моста через узкую речку с обрывистыми берегами машина моего товарища подорвалась на мине. Гитлеровцы вели огонь по моей машине. Командир танка приказал мне во что бы то ни стало перебраться на ту сторону речки. Я быстро перескочил на своем танке речку и вышел к сараям, где и обнаружил два немецких пулемета, обстреливавших нашу пехоту. Мы уничтожили эти огневые точки противника.

Невдалеке была траншея, где скопились гитлеровцы. Рядом, в саду, находилось около 30 немецких автомашин со снарядами, с боевой техникой, с пушками. В нашей машине находился отличный стрелок-радист Мельников Петр Михайлович. Он открыл прицельный огонь по траншее. Фашисты были в панике.

Они выбежали, как обезумевшие, из траншеи, бросились к машинам. Тогда я закрыл люк своей машины и ринулся на автомашины гитлеровцев. Помню, сразу же раздавил две машины с пушками. Фашисты побросали свои машины. Разбив колонну, я гусеницами подавил много гитлеровцев. За это получил орден Славы 3-й степени.

Вспоминаю о погибших на подступах к Берлину. Вот старшина механик-водитель Михаил Суворов. Он прошел весь путь от Сталинграда до Берлина. 4 раза ранен, не раз награжден. Дрался он геройски. Был настоящим воином-мстителем. Сам он из Смоленска. За время войны один раз побывал на родине. Своего дома он не нашел, ибо его сожгли гитлеровцы. Не нашел он и матери, и отца.

Из всей семьи у него осталась одна сестренка. Вот почему он бесстрашно сражался и погиб в Берлине геройской смертью. Фашисты подожгли его танк.

Не могу не вспомнить гвардии капитана Власова. Он отлично действовал с пехотой. За свое военное мастерство, за храбрость был награжден орденом Суворова. Капитан Власов сейчас жив, здоров, хотя был несколько раз ранен. Это бесстрашный, волевой командир. В Берлине он очищал нам дорогу от фашистских «фаустников».

Рассказывает Омелечкин Сергей Георгиевич, гвардии старшина, Герой Советского Союза, механик-водитель.

Расскажу о наводчике Павлове, который награжден орденом Славы и орденом Красной Звезды.

Это было под Берлином. Его машина обнаружила три гитлеровских танка, которые были замаскированы в укрытии. Одна немецкая машина была замаскирована плохо и была уязвима для нашего огня. Командир послал один наш танк для того, чтобы уничтожить ее огнем. Наводчик был на этой машине молодой — дал выстрел, но не попал. Тогда послали танк с Павловым. Он на виду у противника быстро навел свое орудие и разбил вражескую машину. Два других гитлеровских танка хотели уйти, развернулись к нам задом и были подожжены огнем других наших машин.

О себе расскажу коротко. Я первым на своем танке форсировал реку Пилица. Эта речка шириной от 100 до 150 метров. Когда переправлялся через нее, то уровень воды доходил до башни моего танка. Как мы ни готовились, но всех щелей в танке закрыть было нельзя. Ледяная вода хлынула в танк. Все же реку мы форсировали и захватили на западном ее берегу плацдарм для нашей пехоты.

Рассказывает Журавлев Николай Арефьевич, гвардии сержант, автоматчик-десантник.

Восемь наших танков вели бой в районе Мочдорфа, в трех километрах от Одера. Здесь у противника была построена сильная оборона. Ее нельзя было преодолеть в лоб. Поэтому мы предприняли обходное движение и вошли в Мочдорф с другой стороны, откуда гитлеровцы нас не ждали. У них даже пушки были повернуты в противоположную сторону.

Ночью в разведке мы незаметно подкрались к двум немецким «тиграм», находившимся около Мочдорфа. С собой у нас были противотанковые гранаты и бутылки. Немецкие машины нами были взорваны. Я лично поджег одну машину.

Вот так мы и воевали…

А вот что написал в письме ко мне об этих памятных днях берлинского сражения бывший командир 399-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского полка, ныне гвардии полковник в отставке, Дмитрий Борисович Кобрин:

«Наш полк двигался с передовым отрядом 1-й гвардейской танковой армии. Мы штурмовали последний рубеж обороны гитлеровцев на реке Шпрее — Военный совет армии выделил нас, как один из лучших полков, для того, чтобы мы одними из первых ворвались в Берлин.

Никогда не забуду, как наш командарм Михаил Ефимович Катуков инструктировал командиров частей, выделенных для решения этой исторической боевой задачи. К нему были вызваны офицеры, вплоть до командиров рот и батарей. Он показывал нам на специально сделанном макете Берлина улицы, по которым мы должны были двигаться, говорил, с какими соединениями мы будем взаимодействовать, в каких условиях придется работать, что нас ожидает.

А ожидали нас большие трудности, — гитлеровцы сопротивлялись с отчаянием обреченных, и каждый дом приходилось штурмовать как крепость. Но наши «пушки с высшим образованием» успешно сокрушали все препятствия, прокладывая путь танкам и пехоте.

В предвидении тяжелых уличных боев наш полк был переподчинен командующему 8-й гвардейской армией генералу В. И. Чуйкову. Мы получили задачу действовать с частями 170-го стрелкового полка, 57-й стрелковой дивизии, которая должна была двигаться к рейхстагу. Полком командовал гвардии полковник Герой Советского Союза Дронов.

23 апреля 1945 года мы вместе переправились на паромах через Шпрее. Солдат у Дронова было мало, но те, кто оставались в строю, были опытными, закаленными бойцами. Вместе с пехотой мы образовали четыре штурмовые

группы. В каждую группу входили батарея тяжелых самоходных артиллерийских установок, саперы, автоматчики и противотанковые орудия с боевыми расчетами.

В подразделениях царил неописуемый подъем: идем к рейхстагу, к самому логову фашистского зверя! С этого рубежа я приказал идти в бой под развернутыми знаменами. Над самоходной установкой, которая переправилась, через Шпрее первой, — это была машина командира батареи гвардии капитана Павла Аксенова, — гордо развернулось красное революционное знамя ЦИК СССР с надписью: «12-й бронедивизион имени Котовского Г. И.» — историческая реликвия нашего полка. Рядом, слева, двигалась тяжелая самоходная установка другого командира батареи гвардии капитана Бориса Икрамова. Над нею развевалось полковое гвардейское знамя.

Бой за рекой был жарким. Мощный огонь наших тяжелых самоходных орудий, которые били прямой наводкой, все сметал на нашем пути. Но продвижение было медленным — иной раз по двести-триста метров в сутки, особенно в самом центре Берлина. И все же мы прорвались к Бранденбургским воротам, а затем к рейхстагу — одними из первых вышли в этот район батареи Икрамова и Аксенова. На их долю выпала честь участвовать в обстреле здания рейхстага, последнего оплота фашистов.

Павел Аксенов был ранен, но он продолжал, с перевязанной рукой, командовать огнем. Тяжело был ранен в живот командир 2-й батареи гвардии капитан Латышев, его заменил гвардии младший лейтенант Ерохин.

В этом решающем бою погиб лейтенант И. С. Скиба, замечательный воин, командир самоходной артиллерийской установки, много раз отличавшийся в боях своей храбростью и умением — только в дни, предшествовавшие выходу нашего полка к Шпрее в районе Карлсхорста, он уничтожил четыре фашистских танка и самоходных орудия, семь полевых орудий, две автомашины и до ста сорока солдат и офицеров противника. Он был тогда ранен в голову. Врач хотел его отправить в медсанбат, но Скиба возразил: «Буду бороться до полного разгрома врага!» И вот теперь, когда до победы оставалось всего полшага, на подступах к рейхстагу мы потеряли этого замечательного офицера…

Беззаветное мужество в эти часы проявляли все — командир самоходной установки гвардии младший лейтенант Шмелев, исполняющий обязанности командира батареи гвардии лейтенант Ерохин, наводчик гвардии сержант Кузнецов, заряжающий гвардии сержант Кошелев, — да всех разве перечислишь?

Гремели наши последние залпы, — гитлеровцы вскоре капитулировали. Дорого досталась нам эта победа — многих замечательных людей мы потеряли, многие были ранены, но воинский долг свой наш полк выполнил с честью, как и подобало воинской части, ведущей свою историю от легендарного революционного бронедивизиона, который еще в апреле 1917 года предоставил свой броневик Ленину в качестве трибуны у Финляндского вокзала в Ленинграде, а затем героически провоевал всю гражданскую и, наконец, Великую Отечественную войну.

В ознаменование Великой Отечественной войны нашему 399-му краснознаменному, орденов Ленина и Кутузова III степени, Проскуровскому гвардейскому тяжелому самоходно-артиллерийскому полку было присвоено наименование «Берлинский». Около 90 процентов всего личного состава полка было награждено орденами и медалями. Около половины солдат и офицеров к окончанию войны имели по два-три ордена».

Мне остается привести последний документ, сохранившийся у меня: телеграмму Военного совета 1-й танковой армии, присланную в «Комсомольскую правду» несколько дней спустя, когда уже прогремел исторический салют в честь победы, война была закончена, и 1-я гвардейская танковая армия вместе со всеми Вооруженными Силами Советского Союза должна была начать переход на мирное положение.

Вот что было сказано в этой телеграмме:

«Редакции «Комсомольской правды»

Дорогие товарищи! Бойцы, сержанты, офицеры и генералы нашей армии сердечно благодарят вас и читателей «Комсомольской правды» за постоянное внимание к их боевой деятельности на всем протяжении этой войны.

Ваше приветствие по случаю Дня Победы всех нас сердечно тронуло. Со своей стороны хотим вам сказать, что нет для наших солдатских сердец более высокой радости, чем сознание того, что приказ нашего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, приказ Родины — водрузить знамя победы над Берлином — выполнен с честью, и что наша армия внесла свой вклад в выполнение этой боевой задачи.

Берлин никогда больше не будет центром германского империализма, постоянным очагом агрессии, каким он являлся столь долго.

В эти исторические дни, находясь далеко от Москвы, мы все же явственно ощущаем близость нашей Родины, нашей родной столицы, силу и мощь советского народа, которым мы обязаны достигнутым здесь боевым успехам.

В кровавых боях с врагом мы потеряли много доблестных героев-гвардейцев. Мы никогда не устанем оплакивать их. Но в нашем горе согревает нас мысль о том, что их имена будут всегда сиять в истории, прославляя в веках Советский Союз, наш народ, нашу партию, верными сынами и учениками которой они были — как партийные, так и беспартийные.

Наша славная молодежь, комсомольцы, воспитанные партией большевиков, показали себя в этих испытаниях достойной сменой. Вместе со всей Красной Армией военная молодежь наша закалилась, возмужала и окрепла, и теперь мы, представители старшего военного поколения, можем быть уверены: если когда-либо в будущем найдется какой-нибудь новый агрессор, которому урок, полученный от нас германскими империалистами, покажется недостаточным, кто посмеет в своем безумии поднять руку на нашу Родину, то Красная Армия вновь вихрем и бураном развеет его армии в прах.

Заверяем вас, что и впредь для нас всех, молодых и старых, будет лишь один закон жизни — выполнять с честью любой приказ партии и народа, любой приказ Родины.

Командующий 1-й гвардейской танковой армией КАТУКОВ
Член Военного совета ПОПЕЛЬ
Начальник политотдела ЖУРАВЛЕВ».

На этом, собственно говоря, можно было бы поставить точку и закончить затянувшееся повествование, если бы… если не осталась не выясненной до конца судьба одного из героев этой книги — Владимира Бочковского, о котором пока что читатель знает лишь то, что он тяжело ранен на Зееловских высотах. И сейчас, когда я завершаю свой многолетний труд, посвященный жизни и подвигам людей сороковых годов, мне хочется последние страницы книги — ее эпилог — посвятить именно ему — Владимиру Бочковскому и его судьбе.

Эпилог

Прошло тридцать лет с тех пор, как свершилось все то, что описано в этой книге. Много событий произошло с тех пор, долгие и интересные пути-были пройдены людьми, о делах которых рассказано в этой книге.

Те, что были тогда постарше, уже ушли на честно заработанный отдых.

Маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катуков, отдавший послевоенные годы совершенствованию боевой мощи танковых войск, получил, наконец, возможность осуществить свою старинную мечту: он поселился на берегу озера в Подмосковье, ходит на охоту, ловит рыбу и работает над своими мемуарами. Его заместитель, генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман многие годы после войны оставался в строю Вооруженных Сил СССР, потом руководил ДОСААФ. Не так давно и он вышел в отставку и занялся

работой над мемуарами.

В отставке и член Военного совета 1-й гвардейской танковой Николай Кириллович Попель, он написал уже несколько книг о боевом пути гвардейцев.

Мудрый начальник штаба армии, замечательный генерал Михаил Алексеевич Шалин после войны долго и плодотворно работал в Генеральном штабе армии. Несколько лет тому назад он скончался.

Те, кто были помоложе, остаются в строю. Маршал бронетанковых войск Бабаджанян, генералы Гусаковский, Никитин, Иванов и другие занимают ответственные руководящие посты в Советской Армии. Много отличных командиров воспитала 1-я гвардейская.

И вот в один из вечеров я принимаю у себя в доме генерала танковых войск с золотой звездочкой на груди. Кто бы это мог быть, как вы думаете? Да он же, Володя Бочковский, впрочем, простите, теперь его в соответствии и с возрастом и с воинским званием положено называть уже Владимир Александрович, хотя глаза его все те же — молодые, иной раз даже чуточку озорные, и вихор на затылке все такой же — непокорный. Разговаривает он по-прежнему увлеченно, оживленно жестикулируя.

Генерал Бочковский много думает о современных проблемах стратегии и тактики, о роли танковых войск в условиях войны с возможным применением атомного оружия. Живо интересуется новинками военной литературы, иностранным опытом боевой подготовки. Он принадлежит к тому поколению военачальников, которое вынесло на своих плечах всю тяжесть чернового, будничного ратного труда во второй мировой войне, начав свою военную карьеру с самой первой ступеньки; вот так же, с самой первой ступеньки рядовыми красноармейцами начинали свой путь на гражданской войне военачальники того поколения, к которому приналежит маршал Катуков.

Мой старый фронтовой друг долго рассказывает о том, как работалось и жилось в те долгие годы, что мы не виделись, и, как всегда это бывает в таких встречах, разговор в конце концов неизбежно возвращается к пережитому на войне: слишком глубокий след оставили те годы, чтобы можно было о них забывать, и память снова и снова выплескивает какие-то необычайно ясные и точные детали пережитого, — так море много дней спустя после шторма выносит на берег свои трофеи.

— А помните Виктора Федорова, — вдруг говорит генерал, — ну, того самого, который спас меня чудом на Брянском фронте? Представьте себе, судьба опять свела нас вместе, да еще где — в Польше!

Послали меня перед большим январским наступлением сорок пятого года принимать пополнение для 1-й гвардейской бригады — маршевые танковые роты. Тогда еще забавная история получилась: попал я впросак из-за очередной хитрости Михаила Ефимовича Катукова… Приехал на станцию, а танков нет. Стоят только эшелоны с сеном. Я рассердился, кричу на начальника станции: «Что же вы неправильную информацию даете? Где танки? Когда их доставят?» А он улыбается: «Это же и есть танки!» Оказывается, по указанию Катукова наши саперы встретили эшелон еще в Ковеле и там так хорошо замаскировали танки сеном, что теперь даже я попал впросак. А танкисты сидели в теплушках, им было строго запрещено в дороге выходить, чтобы не демаскировать себя.

Ну, даю команду: «Построиться!» Ребята с удовольствием выскакивают из вагонов. Тут еще одна неожиданность: вижу в строю мальчишку лет тринадцати. Что это такое? Подхожу. Он рапортует: «Рядовой Владимир Зенкин». Танкисты смущенно улыбаются. Командир маршевой роты говорит: «Разрешите доложить, товарищ гвардии майор… Этот мальчонка наш воспитанник. Он из Орджоникидзе. Когда гитлеровцы туда подошли в сорок первом году, он потерял свою семью, — а помните, какая тогда суматоха была! — и прибился к одной отступающей части. С ней и начал воевать под Новороссийском, ходил в разведку. Потом его приютили курсанты нашего Орловского ордена Ленина краснознаменного танкового училища имени Фрунзе — оно эвакуировалось из Орла сначала в Майкоп, а потом в Туапсе. Оттуда он с нами перебрался в Свердловскую область, в Дегтярку, потом в Балашов Саратовской области. А когда мы кончили учебу и пришло время ехать на фронт,

стал он нас уговаривать взять с собой, ну, мы и не выдержали, согласились…

Честно говоря, я даже немного растерялся: как быть? Вот-вот мы начнем труднейший, смертельный бой, и кто знает, как сложится судьба каждого из нас, а тут этот парнишка. Смею ли я взять на себя ответственность за его жизнь? Может быть, разумнее его вернуть? Но куда?.. Соображаю. И вдруг слышу еще один возглас из строя, — он-то и решил, честно говоря, участь Володи Зенкина, — я сразу позабыл о нем, и он остался с нами: «Товарищ гвардии майор, — спрашивает какой-то лейтенант, — вы не Бочковский?» «Бочковский…» — «Вы служили в 1-й гвардейской бригаде на Брянском фронте?» — «Служил… Теперь и вы в ней будете служить, вас берут именно в эту бригаду». — «Не может быть! — вырвалось у того, кто задавал мне эти вопросы. — Неужели же я вернулся в свою бригаду?..»

Всматриваюсь я в мужественное и красивое смуглое лицо лейтенанта, вижу в нем что-то знакомое, близкое. Он напоминает: «Так ведь это я вас в августе сорок второго на своей жужжалке вывез тяжелораненым из боя», жужжалками тогда мы называли легкие танки Т-60. «Федоров!» — воскликнул я, и тут начались объятия и поцелуи уже совсем не по форме, в нарушение всех уставных правил.

Оказалось, что Виктор Федоров с тех пор, как мы расстались, пережил многое: тоже был ранен, вылечился, кончил офицерскую школу и вот теперь прибыл опять воевать. Надо же так встретиться! Я зачислил его в свой батальон. А Катуков, которому я тут же рассказал историю Виктора, наградил его за спасение офицера в бою в самой трудной обстановке, дал ему орден Красного Знамени.

И еще один сюрприз ожидал меня в то утро: когда мы раскидали сено, плотно укрывавшее танки, прочли на их башнях надписи: «От трудящихся Молдавии», — оказывается, эти машины были построены на средства моих земляков, которые они собрали после того, как мы их освободили от гитлеровского ярма. Ну, Военный совет армии и порешил: передать эти танки в мой батальон. «Ты родом из Молдавии — тебе и держать ответственность перед своими земляками за сохранность их танков», — пошутил тогда Николай Кириллович Попель. И сказал уже серьезно: «Доведи их до Берлина».

Бочковский умолкает, на лицо его вдруг ложится тень:

— Хорошо воевал Виктор, по-гвардейски. И всего лишь несколько дней не дожил до победы: погиб уже в Берлине, почти у самого рейхстага. В районе зоопарка угодила ему немецкая пуля прямо в лоб. А ведь какой человек был, про него молва по армии шла, что это заговоренный танкист, его ни снаряд, ни пуля не возьмет! Вы знаете, что было с ним под Франкфуртом-на-Одере?..

Нет, я не знал, что было с Виктором Федоровым под Франкфуртом-на-Одере, и Бочковский с удовольствием рассказал мне и эту удивительную историю во всех деталях.

Дело было, как помнит читатель, в феврале 1945 года. 8-й гвардейский механизированный корпус генерала Дремова приближался к Одеру, действуя на левом фланге армии. В передовой отряд была выделена 1-я гвардейская танковая бригада, усиленная самоходно-артиллерийским полком, батареей реактивных установок и противотанковым артиллерийским дивизионом. В авангарде двигался все тот же неизменный второй батальон Бочковского.

Отряд Бочковского ворвался с ходу в Куннерсдорф, имя которого он много раз встречал в книгах: ведь это здесь Суворов когда-то разбил наголову немцев, после чего ему были вручены ключи Берлина. Теперь это селение как селение, и все же необыкновенно радостно было войти сюда по стопам Суворова. Из Куннерсдорфа — прямо к Франкфурту-на-Одере. Пока что все шло гладко, гитлеровцы были деморализованы глубоким рейдом советских танков. И вдруг с окраины города — сильный огонь…

Комбат послал разведку, схватили несколько пленных. Все сказали: во Франкфурте укрепились две юнкерские школы из Берлина. Туда движется очень много танков. Говорят, будто сейчас перед юнкерами выступает сам Гитлер, уговаривает их стоять до последнего. Эх, силенок бы побольше, тряхнуть бы по Гитлеру… Но сунешься без подкреплений в это осиное гнездо, можешь потерять все.

Смиряя себя, — уж очень хотелось ворваться в город! — Бочковский отвел свой отряд. Прочел на дорожном указателе надпись: «Берлин — 67 километров». Бочковский еще раз усилием воли подавил в себе желание устремиться дальше вперед по такому отличному пути: ведь желанная цель так близко!

Опытный командир бригады полковник Темник, получивший сведения о том, что гитлеровцы перебрасывают с юга танковое соединение, приказал прекратить движение вперед и занять круговую оборону. Эта предосторожность была тем более необходима, что у танкистов оставалось мало снарядов и горючего, а главные силы пока еще находились далеко позади. С командованием корпуса было трудно связаться даже по радио…

В письме ко мне, присланном в марте 1965 года, подполковник запаса С. Ф. Ковецкий, который в ту пору служил в 1-й гвардейской танковой бригаде, уточняет такие детали этой круговой обороны: «Рубеж в северо-западном направлении занимали танковый батальон Бочковского и батарея старшего лейтенанта Ручкина; в юго-западном направлении находился в обороне артиллерийско-противо-танковый дивизион; в южном — самоходный артиллерийский полк; в юго-восточном — танковый батальон; в восточном один танковый батальон; и был еще резерв у командира передового отряда. Наиболее сильной была оборона в южном направлении, откуда ожидался противник»

Действительно, вскоре фашисты предприняли ожесточенное наступление с юга и с юго-востока, бросая в бой свои танки. Одновременно оборону полковника Темника атаковала их авиация, предпринимая по двести-триста самолето-вылетов в день. Гвардейцы держались стойко, отбивая все атаки. В ночь на третьи сутки была предпринята разведка в северо-восточном направлении, в которой, как пишет тов. Ковецкий, «активное участие принял майор Геленков». Перед разведчиками была поставлена задача — установить контакт с главными силами корпуса, получить указания от командования и разведать безопасный путь, по которому можно было бы вывезти раненых.

Эта задача была выполнена. К четырем часам утра разведчики вернулись, привезя приказ генерала Дремова на выход передового отряда из боя. К полудню этот приказ был выполнен. Однако батальон Бочковского, находившийся на северо-западном рубеже, выйти не успел — гитлеровцы закрыли брешь в своей обороне, прорванной передовым отрядом Темника.

Бочковскому был передан приказ — пробиваться на соединение с советскими войсками самостоятельно, держа курс на север, и поддерживать связь с бригадой по радио. Наши части были предупреждены, что танковый батальон, оказавшийся в тылу у противника, выйдет на них через фронт. Ведь тут можно было не только попасть под огонь противника, но и угодить под выстрелы собственной артиллерии.

К счастью, все обошлось благополучно, но вот Виктору Федорову решительно не повезло: его танк застрял в воронке на «ничьей» земле метрах в двухстах от немцев и в трехстах метрах от своих окопов! Танкисты, придя на выручку другу, пытались вытащить его машину на буксире — ее цепляли тросами к двум, трем, наконец, к пяти танкам, но сдвинуть с места так и не смогли. А пришедшие, наконец, в себя немцы усиливали обстрел. Что делать?

— Лейтенант Федоров! — скомандовал, волнуясь, по радио Бочковский. Разрешаю вам оставить машину и отойти в расположение нашей пехоты. — В ответ послышался глуховатый, но упрямый голос: «Позвольте остаться в машине. Будем продолжать вести бой, оставаясь на месте и поддерживая связь с нашей пехотой…»

Бочковский поколебался мгновение, потом подумал: сам на его месте поступил бы точно так же. И сказал: «Разрешаю. Оставим тебе свои боеприпасы и продовольственный запас…»

Так на «ничьей» земле неожиданно образовалась долговременная огневая точка, расстреливавшая немцев в упор. Когда у Федорова вышли все снаряды, он начал посылать по ночам членов своего экипажа ползком к зенитчикам за снарядами — они подходили по калибру к пушке его танка. И его грозная машина снова и снова оживала и била по

гитлеровцам.

Так прошло около месяца, танкисты Катукова все время участвовали в жестоких боях, но о своих друзьях, оставшихся на «ничьей» земле, не забывали. Как это ни может показаться парадоксальным, Федоров ухитрился даже переслать письмо в батальон через полевую почту пехотинцев: «Живы, воюем, вот только со снарядами и едой туговато».

Узнав об этой истории, Катуков строго-настрого приказал своей технической службе любой ценой выручить танк лейтенанта Федорова. В тот район была послана настоящая инженерная экспедиция. Установив по ночам сложную систему тросов, блоков и полиспастов, протянувшуюся чуть ли не на полкилометра, инженеры вытащили-таки федоровский танк. Счастливые танкисты своим ходом пришли в бригаду. Федоров получил тогда еще один орден Красного Знамени.

— Замечательный был танкист, — говорит Владимир Бочковский. — Стал бы теперь большим командиром. Дорого, очень дорого обошлась нам берлинская операция…

Да, 1-я гвардейская танковая бригада, которая наносила лобовой удар и прошла от знаменитых Зееловских высот и до самого центра Берлина, в эти заключительные дни великого наступления принесла поистине тягчайшие жертвы.

Там, в Западном Берлине, у самого рейхстага, за Бранденбургскими воротами, где высится, памятник советским воинам, погибшим в боях за взятие Берлина, лежат в земле лучшие люди бригады — похоронили там комбрига Темника, который провел свою часть от Львова до Берлина; командира первого батальона Володю Жукова, прошедшего в рядах бригады дальний-дальний путь от Москвы до рейхстага; ветерана бригады майора Винникова, который был заместителем у Бочковского по политической части, и других героев 1-й танковой.

Ну, а как же сложилась судьба самого Бочковского в дни битвы за Берлин? Он опять — уже в который раз! — оказался на волосок от смерти и спасен был только чудом. Случилось это на тех же самых, трижды проклятых Зееловских высотах, где остались лежать навечно многие ветераны наших дивизий, штурмовавших Берлин.

Было это во второй половине дня шестнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, — Бочковский навек запомнил эту дату. Танки вводились в бой на очень невыгодном рубеже — они шли по открытому полю, а сверху, с Зееловских высот, их поливали смертоносным огнем немецкие самоходные пушки, артиллерия; авиация забрасывала их бомбами. Уже загорелись десятки наших танков. Но натиск советских войск усиливался — рубеж, прикрывавший доступ в Берлин, должен был быть взят любой ценой. Бочковский получил приказ нанести фланговый удар, чтобы облегчить положение батальонов, атакующих Зееловские высоты в лоб…

Маневр осуществлен удачно. Бочковский на минуту сгоряча выскакивает из танка, остановившись у какого-то дерева, чтобы лучше сориентироваться на местности. И надо же! — именно в эту минуту вражеский снаряд разрывается над танком, выводит его из строя, и в то же мгновение Бочковский ощущает резкий удар в живот. Кровь бьет струей… Осколками через открытый башенный люк были ранены, хотя и легко, также наводчик орудия и механик-водитель. Невредимыми остались лишь заряжающий и Володя Зенкин, примостившийся рядом с водителем — тот самый мальчонка, который прибыл с маршевой ротой и прижился-таки в бригаде; смышленый, исполнительный, он стал любимцем обоих комбатов — и Жукова, и Бочковского…

Бочковский был ранен тяжело: рана длиной в пятьдесят сантиметров! В нее попала земля. Нужна немедленная операция, да и то вряд ли спасут… А тут обстрел усиливается. Танкисты выскочили из машины, подбежали к командиру, перевязывают его, но он уже теряет сознание. Нужна срочная медицинская помощь.

Как же спасли его? Как он выжил? Генерал Бочковский, охваченный этими драматическими воспоминаниями, тихо говорит:

— Володя Зенкин, тот самый тринадцатилетний хлопчик, о котором я вам говорил, воспитанник нашего батальона… Вот кому я обязан тем, что меня не закопали рядом с

Володей Жуковым тогда у рейхстага…

Володя Зенкин буквально боготворил Бочковского, слава которого гремела в армии. Да и Бочковскому очень полюбился этот смелый паренек, и он решил после войны усыновить его, хотя разница в годах у них была не так уж велика.

И вот Володя Зенкин видит, что над его любимым командиром нависла смертельная опасность. «Нет-нет! Комбат не умрет», — отчаянным голосом крикнул он и, вскочив, помчался зигзагами под яростным огнем наперерез нашим танкам, идущим в атаку. До сих пор невозможно понять, какими судьбами Володя уцелел, но это факт: он остановил один наш танк и привел его к размочаленному снарядом дереву, под которым лежал залитый кровью майор. На танке Бочковского доставили на командный пункт 1-й гвардейской танковой бригады, а туда командарм Катуков прислал за ним самолет, и его эвакуировали сразу в тыловой госпиталь.

— Ну, а потом, что ж, — задумчиво говорил генерал, — лечение как обычно. На мое счастье, гангрены не было, и в августе сорок пятого, уже после войны, я вернулся в батальон, который теперь пребывал на мирном положении. Многие уже демобилизовались, но я ведь с самого начала решил, что военная служба будет моей профессией…

Здесь я должен прервать свое повествование, чтобы рассказать еще одну любопытную историю. В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году я описал драматическое событие, происшедшее с Бочковским на Зееловских высотах, в журнале «Огонек», и сразу же, как это часто бывает в таких случаях, в редакцию журнала хлынул поток откликов, — Бочковский мне потом рассказывал, что у него накопился целый чемодан писем, полученных от соратников по 1-й гвардейской, которые отыскали его след, прочитав мой рассказ в «Огоньке».

Но вот что особенно интересно: среди откликов оказались письма тех, кто был в тот памятный день рядом с Бочковским и участвовал в его спасении. И я позволю себе привести некоторые из этих откликов, проливающие дополнительный свет на те события, о которых я только что рассказал.

Начнем с письма Герасима Ивановича Троеглазова, который был наводчиком орудия в танке Бочковского в час этого памятного боя… Вот этот интереснейший человеческий документ:

> «Я один из танкистов, воевавших против фашистов под командованием Владимира Александровича Бочковского, нашего гвардии майора. Всего я пересказать не могу: тяжелое ранение, давшее себя знать в первые послевоенные годы, давность времени как-то выветрили из памяти имена людей, с которыми прошел нелегкий путь до самого Берлина, и различные военные эпизоды. Но о майоре Бочковском я всегда помню; всегда рассказываю молодому поколению об этом изумительном человеке, человеке неиссякаемой энергии, заразительной веселости, непревзойденной храбрости, сочетающейся с эрудицией и расчетливостью.
>
> В 1944 году, в период нанесения десяти ударов по фашистам, нашу часть передали из 1-го Украинского фронта в 1-й Белорусский. С этого времени я и мои товарищи воевали под командованием гвардии майора Бочковского. Мы очень гордились, что воюем в составе 1-й гвардейской танковой бригады, входившей в состав 8-го корпуса 1-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника Катукова, о котором в минуты наших коротких остановок мы пели песни. Вот одна из них, отражающая гордость солдата, воевавшего под его началом:
>
> Над широким полем, над передним краем
> Завывает вьюга, снежная метель.
> Низко машет веткой, словно в знак привета,
> Над моей машиной молодая ель.
> Время золотое чуть еще продлится:

До атаки нашей — целых пять минут.
Загудят моторы, лязгнут гусеницы,
На врага в атаку танки все пойдут.
В эту-то минуту вспомнишь о любимой,
Вспомнишь на мгновенье и свой дом родной.
Хочется припомнить, хочется услышать
Милый и желанный голос дорогой.
Но промчится время, разгромим фашистов,
Родина победно снова расцветет,
Смелого танкиста, парня-катуковца,
Встретит, приласкает та, что где-то ждет.

Я был наводчиком или, как нас называли, командиром орудия танка Т-34 в первом взводе первой роты второго батальона. С нами в нашем танке часто ходил в бой наш комбат Бочковский.

То ли потому, что мы служили в первом взводе, то ли по какой другой причине, мне неизвестно, но наш танк во всех рейдах шел головным либо танком-разведчиком. Поэтому первые выстрелы врага всегда принимали мы. После нашего похода по гитлеровским тылам на севере, в районе Гданьска и Гдыни, и завершения окружения группировки противника в этом районе гвардии майор объявил мне благодарность, и мы были представлены к наградам. Вскоре Бочковский взял меня командиром на свой танк.

После вышеуказанного похода мы снова были возвращены на свой участок и возобновили наступление на запад.

16 апреля 1945 года утром мы подошли к Одеру, переправились по мосту, середина которого была повреждена, прогнута к воде и застлана какими-то бревнами и досками, с боем прошли большой населенный пункт и двинулись, ведя с ходу огонь, к Зееловским высотам. Наш танк все время находился в гуще боя. Надо сказать, что враг открыл такой ураганный огонь, что многие наши танки по всему полю горели, снаряды и бомбы рвались так, что все поле заволокло дымом, пылью.

Видя, что в лоб врага взять трудно, гвардии майор повел нас в обход. Тут он приказал водителю отъехать несколько влево и стать у шоссе под деревом. Когда мы остановились, он сказал мне, чтобы я вел огонь, а сам взял карту, спрыгнул с танка и сзади машины развернул на земле карту, лег и стал лихорадочно искать место, где можно было бы провести свои танки глубже во фланг или тыл противника, чтобы деморализовать его и обеспечить продвижение наших частей. Я стрелял при открытом люке.

И вот когда я, стоя в люке, выбирал себе новый сектор обстрела, а майор изучал карту, разорвался немецкий снаряд. Мне один осколок разрезал с левой стороны шею, второй глубоко вошел в плечо. В это время я услышал стон Бочковского, крикнул ребятам и быстро выскочил из машины. Я увидел, что чайор лежал на левом боку, а у паха все разорвано и пропитано кровью. С помощью самого майора я освободил это место от гимнастерки и брюк и наспех перевязал его индивидуальным пакетом. Рана была большая: разорвана часть паха вверх и вниз. Кишки не вышли благодаря уцелевшей пленке брюшины.

Когда Володя Зенкин, как вы пишите, нашел и привел на помощь другой наш танк, мы с экипажем подняли Бочковского на броню. Я сел, положил его голову на колени и сказал водителю, чтобы он быстрее вез нас за село, на перевязочный пункт. Кто еще с нами был, не помню. Когда подъезжали к населенному пункту, встретили командира бригады полковника Темника, который вскочил на танк, со слезами на глазах поцеловал Владимира Александровича и приказал нам быстрее ехать. Майор, плача, сказал Темнику: «Как нехорошо получилось. Думал, первым войду в Берлин… Не хочу в госпиталь…»

На перевязочном пункте майора и меня перевязали. Бочковского вскоре увезли самолетом, потом и меня отправили в армейский госпиталь.

В госпитале я пробыл пять суток. И так как засевший осколок меня не сильно беспокоился добился, чтобы долечивать меня отправили в свою часть. Хотя с боем, но удалось этого добиться. А когда вернулся к своим, то узнал, что наш гвардии майор лежит в Ландсберге в госпитале высшего комсостава и Героев Советского Союза.

Полковник Темник распорядился, чтобы Бочковскому отвезли радиоприемник. Этот приемник поручили отвезти мне и, кажется, какому-то шоферу. Когда мы занесли приемник в палату, то увидели, что майор находится в тяжелом состоянии. Но он, превозмогая недуг, попросил рассказать о делах бригады, родного батальона. Просьба была исполнена. Но врачи запретили нам долго находиться у него. И мы простились.

С тех пор я о нем ничего не слышал.

Я имею ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медаль «За отвагу» и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Кроме того, перед форсированием Одера утром 16 апреля гвардии майор Бочковский прочел нам Указ о награждении трех или четырех танкистов, в том числе и меня, орденом Боевого Красного Знамени. Но я уже в Берлине 29 апреля примерно в шесть часов вечера был тяжело ранен, попал опять в госпиталь, и так тот мой орден где-то затерялся, я его не получил.

Сейчас я работаю директором восьмилетней школы.

Прошу меня извинить за то, что я отрываю у вас время своим длинным письмом.

С приветом

Троеглазов Герасим Иванович.

Мой адрес: Восточно-Казахстанская обл., г. Усть-Каменогорск, 17, ул. Пржевальского, дом 5-а, кв. 14».

Потом пришло письмо от бывшего летчика Дмитрия Захаровича Колышкина, которому была поручена трудная задача — вывезти с поля боя в госпиталь тяжело раненного Владимира Бочковского. Именно ему Володя был в огромной степени обязан тем, что врачам удалось спасти его жизнь. Вот что рассказал в своем письме этот мужественный человек:

«Беспристрастный правдивый рассказ о Герое Советского Союза танкисте Владимире Бочковском, который я прочел в «Огоньке», вызвал у меня, читателя, волну воспоминаний двадцатилетней давности. Мне живо вспомнились те годы и особенно самые трудные и самые волнующие для нашего последнего наступления от реки Одер на Берлин.

Участником этой великой битвы был и я. Но напоминаю я об этом не потому, что совершил какой-то подвиг, а потому, что мне хочется добавить от себя кое-что о храбреце танкисте В. А. Бочковском, с которым меня свел трагический случай 16 апреля 1945 года на Зееловских высотах.

Надо вам сказать, что о необыкновенной дерзкой отваге комбата Бочковского из 1-й гвардейской танковой армии и за ее пределами ходили легенды. Из уст в уста передавали солдаты с превеликими подробностями, будто сами были очевидцами, — историю о том, как Бочковский и его товарищи ворвались во Франкфурт-на-Одере, а там якобы в это время находился сам Гитлер.

Хотя мы и знали, что это была солдатская фантазия, но от души радовались и смеялись, когда рассказчики изображали в лицах, как Гитлеру, который будто бы держал в тот момент речь на плацу, сообщили, что русские танки в городе, а он вдруг с перепуга воскликнул: «Солдаты, дранг нах вестен», вместо того чтобы сказать «дранг нах остен».

Авторы этой легенды утверждали, что солдаты в точности выполнили этот приказ фюрера и дернули на запад до Берлина, после чего их с трудом вернули.

Тут правда смешалась с вымыслом — верно то, что танки Бочковского вышли на подступы к Франкфурту-на-Одере, но неверно, что там в это время выступал с речью Гитлер. Но такие солдатские легенды, пересыпанные юмором, поднимали дух в войсках, и их любили повторять.

Но это я рассказываю, между прочим, просто, чтобы показать вамт как был популярен тогда комбат Бочковский. А теперь я расскажу о том, как мне довелось встретиться с ним, — это была одна-единственная встреча, и притом происходила она в самой неблагоприятной обстановке, хуже и не придумаешь…

Вот как это было. С утра 16 апреля грохот канонады сотрясал землю, гул сотен самолетов, соединяясь с канонадой, бил в лицо звуковыми волнами. Яркое весеннее солнце затянулось густым дымом, поднимавшимся с поля боя, до которого было недалеко. Мы с командиром звена разбирали только что произведенный вылет. Вдруг раздался тревожный продолжительно-прерывистый звук зуммера.

Звонили из штаба армии Катукова. Слышится взволнованный голос начсанарма: «Немедленно получите обстановку на вылет, тяжело ранен Герой Советского Союза комбат Бочковский, эвакуация в Ландсберг».

Выполнять это задание поручено мне. Пытаюсь выяснить обстановку, но сделать это трудно. Ясно одно: Бочковский на плацдарме за Одером южнее Кюстрина истекает кровью. Плацдарм насквозь простреливается немецкой артиллерией и подвергается бомбежке с воздуха. О нормальной посадочной площадке мечтать не приходится.

На видавшей виды двухкилометровке наношу вероятную линию фронта и карандашом ставлю точку — это место предполагаемой посадки. Маршрут проложен, подход к плацдарму и рельефные ориентиры знаю хорошо, ошибки в расчете не должно быть. Последние напутственные советы, и мой самолет в воздухе…

С тех пор прошло долгих двадцать лет. Листаю свою старенькую летную книжку и опять останавливаюсь на дате: 16. IV. 45 г. Двадцатилетняя давность нисколько не сгладила в моей памяти мельчайшие подробности этого знаменательного для меня вылета.

…Несколько минут полета, и вот впереди река Одер. Справа наведенная нашими саперами переправа, главная артерия, питающая небольшую территорию плацдарма на том берегу. Для меня же это — единственный ориентир, по которому я сверяю свой маршрут полета. Слева, вдалеке, в густой темно-серой дымке видны отроги Зееловских высот — там фашисты. Грохот канонады прорывается даже сквозь рев мотора. На земле идет ожесточенное сражение. В воздухе сотни самолетов. Идут воздушные бои. Рвутся бомбы и артиллерийские снаряды. Короче сказать, вся военная техника, какая только есть у обеих сторон, извергает огонь и смерть…

На бреющем полете пересекаю Одер. Теперь я над плацдармом. Еще минута, и самолет, маневрируя среди воронок от бомб и снарядов, приземляется. Здесь меня ждут с большим нетерпением… Малый, добрый С-2! Сколько раз ты выручал в самой трудной обстановке и помогал вырвать тяжело раненных воинов из объятий смерти!..

Не выключая мотора, принимаю на борт В. А. Бочковского, которого к самолету привезли на танке его товарищи. Ошибка в расчете при посадке и всякое промедление со взлетом могли бы стоить жизни мне и истекающему кровью комбату… Но все обошлось благополучно. Через двадцать минут я доставил тяжело раненного героя в один из специализированных госпиталей полковника Дрожжина.

Герой Советского Союза Бочковский был шестьсот семьдесят первым тяжелораненым, вывезенным мною с поля боя. Однако этот полет по своей сложности и ответственности был поистине необыкновенно трудным и опасным. Но надо было пойти на любой риск, чтобы спасти этого героя.

С тех пор как я сдал его, тяжелораненого, в госпиталь, мне ничего не удавалось узнать о судьбе этого храброго танкиста.

И вот теперь, двадцать лет спустя, я с радостью узнаю, что Герой Советского Союза тов. Бочковский жив, здоров и имеет высокое воинское звание. Горжусь, что у Советской Армии такие опытные и храбрые полководцы!

Уважаемая редакция! Позвольте мне через вас от всей души поздравить

генерала Бочковского с двадцатой годовщиной Победы над фашистской Германией и пожелать ему крепкого здоровья, больших успехов в воспитании воинов Советской Армии и счастья в личной жизни. Мне приятно сообщить генералу, что я также пребываю в высоком «чине»: 9 декабря 1964 года дети присвоили мне звание деда. Вся моя семья — жена, два сына, две дочери и внучка вместе со мной переживают радостное известие и рады, что тот тяжело раненный герой, о котором я им часто рассказывал, живет и здравствует.

Я был бы безгранично счастлив, если бы Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск Владимир Александрович Бочковский посетил наш колхоз «Россия», в котором я живу и работаю со дня демобилизации. Колхоз «Россия» является одним из передовых на Ставрополье, расположен на правом берегу Кубани.

Это передовое опытно-показательное, многоотраслевое хозяйство, труженики которого, выполняя решения мартовского Пленума ЦК КПСС, стараются возможно больше производить дешевых продуктов для советских людей. Добро пожаловать к нам!

Искренне надеюсь на встречу.

Бывший летчик, участник Великой Отечественной войны Дмитрий Захарович Колышкин.

Станица Григорисполисская Новоалександровского района Ставропольского края».

И еще один совершенно неожиданный отклик. Однажды ко мне в редакцию «Правды» зашел незнакомый стройный молодцеватый моряк. Он снял свою форменную фуражку, расправил складки кителя и немного сконфуженно сказал:

— Можно к вам по личному вопросу?

— Пожалуйста, — сказал я, внутренне гадая, что могло привести ко мне этого человека.

— Видите ли, я прочел в «Огоньке» ваш рассказ о танкисте Бочковском… В Москве я проездом, вернее, пролетом, от самолета до самолета… И мне надо было обязательно повидать вас…

Я ничего не понимал.

— Видите ли, — сконфузившись еще больше, повторил моряк, — я вот и есть тот самый мальчик Володя Зенкин, который…

Дальше он мог не продолжать, я вскочил со стула и от всего сердца обнял этого совершенно незнакомого мне человека, которому был столь многим обязан мой фронтовой друг и которого он в 1948 году собирался усыновить. После войны Бочковский потерял все следы Володи Зенкина и не имел никакого представления о том, как сложилась его судьба, а Володя Зенкин ничего не знал о Бочковском, пока ему не подвернулся под руку номер журнала «Огонек» с рассказом о нем. Теперь он просил дать ему точный адрес его комбата.

Я охотно выполнил его просьбу, потом мы уселись у стола, и Володя Зенкин, то и дело поглядывая на часы, — он боялся опоздать на самолет, уходивший в Хабаровск, — быстро и лаконично, по-военному, рассказал продолжение своей истории.

После того как он помог погрузить тяжело раненного комбата в санитарный самолет, Володя Зенкин помчался искать своих. Он упросил одного из своих друзей, Героя Советского Союза старшину Александра Тихомирова, взять его в свой танк. Ожесточение боя нарастало. Танкисты продвигались вперед к Берлину ценой невосполнимых потерь. Погиб и Тихомиров.

Чудом оставшийся в живых и на этот раз, Володя перешел в танк капитана Нечитайло, который теперь повел на Берлин батальон Бочковского и довел его до победного конца.

— Сейчас вспоминаю, и самому удивительно: как я уцелел, — сказал мне с какой-то виноватой усмешкой моряк. — Наверное, судьба такая. Закрою глаза и вижу: огонь, все кругом трещит, рушится, танки пылают, по ним бьют фашисты фауст-патронами, улицы Берлина завалены битым кирпичом… И еще одно удивительное воспоминание: стоит на

мостовой посреди огня семидесятилетний немец и поет «Интернационал». Мы его взяли с собой, накормили, дали консервов, и он все время плакал от радости, показывая пальцем на себя, и говорил: «Коммунист… Германия… Социализмус». Но нам было некогда разговаривать — мы спешили к рейхстагу…

Окончилась война. Началась демобилизация. Володя Зенкин прибился к старшине Шамардину, который был родом из деревни, что близ города Орджоникидзе, откуда война прогнала Володю. С ним и уехал на родину. Разыскал мать, она работала на почте, разыскал тетку. С войны вернулся и отец, но прожил он недолго, вскоре умер… Началась мирная жизнь, надо было браться за учебу, наверстывая время, украденное войной. Жизнь была трудная. Пришлось пойти на работу, но учебу Володя не оставлял: ходил в вечернюю школу. С 1950 года Зенкин стал моряком — плавал на теплоходах на Каспии.

Потом Володю взяли в армию, на действительную службу: подошел его срок. Служить было легко: ведь он еще подростком постиг военную науку, да еще где — на войне! После демобилизации — опять работа и снова учеба. Володя Зенкин стал специалистом по дизелям, окончил курсы командиров плавсостава.

Сейчас он живет и работает на Тихом океане, в городе Находке. Его домашний адрес — поселок Рыбак, Ореховая улица, дом 13, квартира 4. С ним теперь не шутите: он механик-наставник рыболовецкого флота Управления активного морского рыболовства. И все-таки продолжает учиться: закончил курсы усовершенствования кадров плавсостава, готовится к поступлению в институт.

Счастливо сложилась и личная жизнь этого воспитанника 1-й гвардейской танковой бригады: он женат, у него две дочери… Мне доставило истинное удовольствие сообщить обо всем этом генерал-майору Бочковскому…

Вот как, десятилетия спустя, вновь скрещиваются пути хороших советских людей, сдружившихся на войне, но утративших потом по разным, не зависящим от них причинам контакты между собой.

* * *

Но нам пора вернуться к нашей беседе с Владимиром Александровичем Бочковским. В сущности все уже спрошено и все рассказано. У меня вертится на языке лишь один вопрос, который мне и хочется задать, и вместе с тем боязно: а вдруг я ненароком потревожу старую душевную рану. И все-таки я решаюсь спросить:

— А ваш отец, Владимир Александрович? Вам так и не удалось разыскать его следы в Германии?

— В Германии я его не нашел, но, представьте себе, мы все же встретились с ним сразу же после войны, как только я вышел из госпиталя и отправился в Тирасполь повидаться с мамой, которая жила там у наших родных. Оказывается, отец выжил в немецком плену, и как только его освободили наши, он вернулся на Родину и разыскал мать. Так соединилась наша семья.

Генерал смотрит на часы. Действительно, наша беседа затянулась, а у Владимира Александровича еще уйма дел. Академия Генерального штаба закончена, дипломный проект защищен. Теперь начинаются хлопоты, связанные с новым назначением.

Куда он направляется? Пока — это военный секрет. Во всяком случае, он займет такой пост, какого заслужил всей своей долгой воинской службой, начавшейся, как говорится, на заре юности: не успел он окончить десятилетку, как война сделала его солдатом. И каким солдатом!..

Я провожаю генерала. Мы идем по Москве в тихий ночной час, когда движение стихает, охладевший воздух становится гуще, и по улицам разносится сильный медвяный запах цветущих молодых лип. Где-то звенит гитара, поют чистые молодые голоса о тихих подмосковных вечерах. Слышится смех, кто-то пускается в пляс.

И я думаю о том, что этих людей, вот так, попросту, без затей радующихся жизни,

этому теплому летнему вечеру, этим мигающим в небе звездам, еще не было на свете, когда школьник Володя Бочковский и его сверстники, едва успевшие потанцевать на последнем школьном балу, уже надевали военную форму, чтобы начать свой невероятно трудный и долгий фронтовой путь.

Так же, как поколение 1917 года, совершившее революцию, прошедшее по всем фронтам гражданской войны, преодолевшие разруху, голод и холод ради будущих поколений, так и поколение сороковых годов, не успев вдоволь потанцевать, погулять, попутешествовать, полюбоваться жизнью, отдало себя целиком, без тени колебаний, самой страшной из войн, какие в то время можно было вообразить, чтобы вот этим, нынешним, было наконец хорошо.

Так свершается круговорот жизни. И давно ли Володя Бочковский досадливо морщился, когда старики говорили: «Ну что эти, молодые, нешто на них можно положиться? Вот, помнится мне, под Касторной в девятнадцатом году», — а теперь и он сам вроде бы принадлежит уже к старшему поколению, и иной раз ловит себя на том, что ему вдруг хочется сказать: «Ну что эти, молодые, разве на них можно положиться? Вот, помнится мне, под Коломыей в сорок четвертом году…» А потом вдруг выясняется, что и эти молодые способны сотворить такие необыкновенные дела на нашей старушке земле и в ее космических окрестностях, что только крякнешь от неожиданности!

— Понемножку стареть как будто начинаем, — вдруг говорит, улыбаясь, генерал, словно разгадывая мои мысли. — А между прочим, это нам ни к чему. В самую хорошую, по-моему, пору вступаем! Эх, и наворочает же великих дел нынешняя молодежь, пока мы своими танками и прочими такими невеселыми штуками будем обеспечивать ей, так сказать, мирный уют и спокойствие. Ради этого стоило избрать пожизненно военную профессию, не так ли? Стоило! Очень даже стоило, Владимир Александрович…

Москва,
1941–1974